

Кафедра историографии, региональной истории и археологии Саратовского государственного университета представляет 10 выпуск научного сборника Археология Восточно-Европейской степи, в котором публикуются материалы IV Нижневолжской международной археологической конференции, проходившей в Саратове 18–21 октября 2013 года. В сборнике представлены научные статьи авторов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Балашова, Самары, Волгограда, Оренбурга, Астрахани, Воронежа, Ставрополя, Уральска, Одессы и других городов по проблемам археологии неолита — позднего средневековья, истории науки и методов естественных наук в археологии. В материалах рассматриваются вопросы периодизации и хронологии, хозяйства, социальной структуры древних обществ, новейших методов междисциплинарных подходов к исследованиям.

Сборник рекомендуется специалистам — археологам, историкам, краеведам, музейным работникам и всем интересующимся древнейшей историей Нижнего Поволжья.

АРХЕОЛОГИЯ

ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Выпуск 10

ABEC · 10

САРАТОВ 2013

Saratov State University named for N.G. Chernyshevsky

ARCHAEOLOGY
OF THE EAST EUROPEAN
STEPPE

Number 10

**Materials of IVth International
Archaeological Conference of Low Volga Region
(October 18-21, 2013)**

Saratov, 2013

Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 10

Материалы IV Нижневолжской международной
археологической конференции
(18-21 октября 2013 года)

Саратов, 2013

УДК 902 (470.4/.5) | 631/653 | (082)
ББК 63.4 (235.5) я43
А 87

А87 Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр.
/ Под ред. доц. В.А. Лопатина – Саратов, 2013. Вып. 10. – 596 с.
ISSN 2305-3437

Кафедра историографии, региональной истории и археологии Саратовского государственного университета представляет 10 выпуск научного сборника Археология Восточно-Европейской степи, в котором публикуются материалы IV Нижневолжской международной археологической конференции, проходившей в Саратове 18–21 октября 2013 года. В сборнике представлены научные статьи авторов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Балашова, Самары, Волгограда, Оренбурга, Астрахани, Воронежа, Ставрополя, Уральска, Одессы и других городов по проблемам археологии неолита – позднего средневековья, истории науки и методов естественных наук в археологии. В материалах рассматриваются вопросы периодизации и хронологии, хозяйства, социальной структуры древних обществ, новейших методов междисциплинарных подходов к исследованиям.

Сборник рекомендуется специалистам – археологам, историкам, краеведам, музейным работникам и всем интересующимся древнейшей историей Нижнего Поволжья.

Редакционная коллегия

доц. В.А. Лопатин (отв. редактор),
доц. А.Б. Мальшев (отв. секретарь),
доц. Н.М. Малов (зам. отв. редактора, научный координатор),
А.И. Жемков (технический редактор)
ст.науч.сотр. ИИМК РАН (С.-Петербург) В.С. Бочкарев,
проф. А.С. Скрипкин (Волгоградский государственный университет)

*Печатается по решению Ученого совета Института истории
и международных отношений
Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского
(издательский план 2013 года).*

УДК 902 (470.4/.5) | 631/653 | (082)
ББК 63.4 (235.5) я43

ISSN 2305-3437

© Саратовский государственный
университет, 2013
© Каргин Ю.Ю., Мельник В.И.
и др. авторы, 2013

ИСТОРИЯ НАУКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Каргин Ю.Ю.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1991–2002 ГГ.)*

Время распада Советского Союза и становления Российской Федерации как нового суверенного государства было сопряжено с чередой глобальных изменений, затронувших все сферы политической, социально-экономической и культурной жизни общества. Значимые перемены произошли и в сфере организации полевых археологических исследований. В этой связи отдельного внимания заслуживает пример Волгоградской области, где государственные учреждения археологического профиля не только пережили сложный для страны период, но и заметно укрепили свои позиции.

К началу 1990-х гг. в Волгограде существовало 2 крупных научных археологических центра на базе профильных лабораторий ВППИ (с 1975 г.) и ВолГУ (с 1981 г.). Многочисленные специалисты обоих центров ежегодно проводили масштабные археологические исследования на территории Волгоградской области. Важную помощь в этом специалистам ВППИ (В.И. Мамонтов, Е.П. Мыськов, А.В. Кияшко) оказывали Управление культуры обласполкома, Волгоградское областное отделение ВООПИК и ВОКМ, в то время как специалисты ВолГУ (А.С. Скрипкин, Б.Ф. Железчиков, В.А. Кригер, А.Н. Дьяченко, В.М. Клепиков, И.В. Сергецов, А.В. Лукашов и др.) сосредоточили силы преимущественно на раскопках по хозяйственным со строящими организациями, в т. ч. на территории близлежащих регионов. Небольшие инициативные разведочные работы на местах продолжали проводить краеведы-

* Основными источниками при подготовке данной работы послужили археологические отчеты из ведомственных архивов ФГБУН «Институт археологии Российской академии наук», ГБУК «Волгоградский областной краеведческий музей», археологической лаборатории ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет», министерства культуры Волгоградской области, ГАУК СО «Научно-производственный центр по историко-культурному наследию».

любители, которые также участвовали в работе крупных экспедиций. Существенный вклад в изучение археологического наследия Волгоградской области в 1980-х – начале 1990-х гг. внесли специалисты и из других регионов: сотрудники Научно-исследовательской археологической лаборатории Саратовского университета *А.И. Юдин, Н.М. Малов, С.В. Ляхов* и *И.И. Дремов* [Каргин, 2009б], сотрудник Куйбышевского университета *Л.В. Кузнецова*, д.и.н., проф. Казанского университета *А.Г. Мухамадиев*, научный сотрудник сектора палеолита ЛОИА АН СССР *П.Е. Нехорошев*.

Большинство археологических коллекций вместе с отчетами передавалось на хранение в ВОКМ, при этом некоторые находки все же оставались в археологических музеях вузов, либо пополняли фонды некоторых районных музеев.

Новая экономическая модель археологических исследований стала формироваться уже в конце 1980-х гг. в связи с переводом предприятий и организаций на самоокупаемость и хозрасчет. Для более полного использования потенциала академических и вузовских научных организаций Совет Министров СССР рекомендовал им существенно расширить работы по договорам с министерствами, ведомствами, объединениями, организациями и предприятиями. Ряд постановлений по центральным и региональным научным учреждениям регламентировал проведение охранных археологических исследований по договорной цене, включающей себестоимость и прибыль. Часть прибыли при этом отчислялась в государственный бюджет [Афанасьев, 1989].

Учитывая сложившиеся обстоятельства, в 1989 г. при поддержке руководителя археологической лаборатории ВГПИ *В.И. Мамонтова* в ВОКМ был создан сектор охраны памятников, которому удалось добиться целевого финансирования археологических работ в зонах сооружения орошаемых участков [Каргин, 2012. С. 230]. Отрядом Сектора под руководством *А.В. Фалалеева* на средства Волгогипспроводхоза были проведены масштабные разведочные работы с целью выявления археологических памятников, подвергающихся разрушению. Для работ по хоздоговорной теме были привлечены отряды Воронежского пединститута под руководством *В.И. Погорелова, А.Т. Синюка* и *Т.Ю. Аринчиной (Березуцкой)*, а также Куйбышевского пединститута под руководством *О.В. Кузьминой, А.М. Комарова, В.Н. Мышкина* и *М.А. Турецкого*. В результате в течение 1989–1990 гг. был исследован ряд небольших курганных групп и одиночных курганов: в Городищенском районе – к. Песковатка**, в Дубовском – к.м. Горная Пролейка-I и II, в Котовском – к. Котово, в Котельниковском – к.м. Казачий-II, в Кумылженском – к. Букановская, в Ленинском – к.м. Степной-I и Маяк Октября, а также к. Маяк Октября, в Николаевском – к.м. Политотдельское, в Октябрьском – к.м. Молокановский, в Среднеахтубинском – к.м. Хохлачевский, в Чернышковском – к.м. Захаров-I и II. Большинство материалов этих исследований, к сожалению, до настоящего времени не введено в научный оборот. На средства ВОКМ Волго-Ахтубинским отрядом ВГПИ под руководством *Е.П. Мыськова* в 1990–1991 гг. проведены охранные раскопки к.м. Солодовка-I и Маляевка-II в береговой полосе

** Здесь и далее приняты сокращения: к. – одиночный курган, к.м. – курганный могильник.

р. Ахтуба, а также к.м. Веселый-I, III, IV и Нагавский-II в зоне сооружения Котельниковской оросительной системы в Котельниковском районе.

Параллельно с перестройкой государственных структур и законодательства активизировался процесс разрушения археологических памятников. В Волгоградской области была уничтожена охранная зона палеолитической стоянки Сухая Мечетка, запаханы и сnivelированы мелиораторами сотни курганов и мавзолеев на протяжении всей террасы левого берега р. Ахтубы от с. Колобовка до г. Волжского. Под дачный участок был отдан курганный могильник на землях совхоза «Орошаемый» в Городищенском районе, строительством дорог уничтожались десятки курганов [Чемякин, 1992].

В сложившейся ситуации приказом Управления культуры Волгоградского облисполкома в январе 1991 г. был создан «НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры» (НПЦ по ОИПИК). Подобные структуры создавались и в иных регионах: они имели полномочия на основании договоров финансировать работы археологов, при этом сосредотачивали в своих руках денежный ресурс и контроль над региональной охранной и хозяйственной археологией. Поскольку в составе НПЦ по ОИПИК первоначально работал всего 1 специалист-археолог – А.А. Назаров, сил для организации охраны памятников на территории Волгоградской области не хватало.

По договорам с НПЦ по ОИПИК в первой половине 1990-х гг. сотрудники обоих вузов (А.Н. Дьяченко, Е.В. Круглов, Е.П. Мыськов, В.И. Мамонтов и Н.Б. Скворцов) раскопали несколько компактных групп памятников в районах строящихся автодорог и по трассе магистрального газопровода «Чебоксары – Северный Кавказ». В Октябрьском районе исследованы к.м. Антонов-I и II, Верхний Рубежный-I, II и III, Ивановка-I и II, Октябрьский-I, II, III и IV, Громославка-II, в Котельниковском районе – к.м. Котельниково-II, в Калачевском районе – к.м. Бузиновка-94, Крепь-I и II, в Чернышковском районе – к. Алешкин, в Даниловском районе – Кувшинов-I, в Нехаевском – к.м. Артановский, Красновский-I, Мазин-II, в Серафимовичском – к.м. Усть-Хоперская, в Урюпинском – к.м. Учхоз-I и II, в Руднянском – к.м. Баранниково, в Жирновском – к.м. Жирновск-I и II. Также были привлечены специалисты из Самары – В.Н. Мышкин, М.А. Турецкий, А.М. Комаров и Н.В. Овчинникова, которыми в зоне сооружения магистрального газопровода исследованы курганные группы – Трясиновский и Зимняцкий.

В 1991–1992 гг. сотрудники НПЦ по ОИПИК с целью определения земель историко-культурного назначения в ходе проведения земельной реформы проделали большую работу по картографированию архивной информации о памятниках археологии и данных топографической съемки местности. Работа проводилась по заказу Комитета по земельным ресурсам Волгоградской области через институт «Южгипрозем»: на планшеты карт хозяйственного землепользования земельных комитетов районных администраций наносилась информация о курганах, которая содержалась в археологических отчетах и в данных топографической съемки, проводившейся в 1950–1960-е гг. Подготовленная таким образом информация предназначалась для использования районными землеустроителями.

Работы по составлению археологической карты Волгоградской области на средства НПЦ по ОИПИК, а также Саратовской Дирекции по охране, рестав-

рации и использованию памятников истории и культуры осуществлялись в начале 1990-х гг. сотрудником ВГПУ *Н.Б. Скворцовым*. Тогда было проведено сплошное обследование Дубовского, Котельниковского, Светлоярского, Старополтавского, Чернышковского, Палласовского, Николаевского и Жирновского районов. Сотрудниками НПЦ по ОИПИК *А.А. Назаровым* и *П.Е. Захаровым* проводилось также обследование Городищенского, Михайловского и Среднеахтубинского районов. Сведения об археологических памятниках на территории других районов до настоящего времени известны лишь из архивных источников и отчетов по итогам небольших разведочных исследований.

С начала 1990-х гг. плановое сооружение оросительных систем стало сворачиваться, в сферу новостроечных исследований стали вовлекаться такие объекты как автодороги, жилые массивы и др. Взаимоотношения между застройщиками и органами охраны памятников в новых условиях не получили должного законодательного оформления, что вызывало существенные трудности. Инфляция и сокращение финансирования с 1992 г. заставили археологические лаборатории ВГПИ и ВолГУ существенно снизить объемы охранных работ [Каргин, 2011. С. 230].

В декабре 1993 г. была принята новая Конституция, согласно которой регионы обрели собственную систему управления с высокой долей самостоятельности. С этого времени региональное и местное законодательство зачастую шло в разрез с федеральным, что создавало дополнительные трудности для управления процессами, в т. ч. и в области охраны и исследования археологического наследия [Каргин, 2009в. С. 278]. Лишь Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» разграничил полномочия между органами государственной власти и органами местного самоуправления, что в итоге способствовало развитию принципов федерализма.

В сентябре 1995 г. в соответствии с Законом РФ от 09 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», постановлением Администрации Волгоградской области и приказом Управления культуры Администрации Волгоградской области НПЦ по ОИПИК преобразован в государственное учреждение культуры «Областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры» (ГУК «ОНПЦ по ОПИК»). Директором назначен *В.М. Горячев*. В структуре ГУК «ОНПЦ по ОПИК» имелся сектор археологии, в обязанности которого вошли организация обследования районов области с целью выявления объектов археологического наследия, подготовка документов о первоочередных мерах по их сохранению, постановка памятников на государственную охрану, выявление нарушений законодательства в сфере культурного наследия [Горячев, 2009]. В составе нового учреждения помимо уже работавшего *А.А. Назарова* появились и новые специалисты – *П.Е. Захаров*, *Л.В. Гуренко* и *С.О. Ремизов*. К проведению полевых работ ими также эпизодически привлекались и другие основательно подготовленные выпускники волгоградских вузов – *А.В. Ситников*, *А.Н. Прямухин*, *О.В. Антюфеев*, *Е.Н. Магилин*, *А.И. Воронцов*. Результатом совместных работ сотрудников ГУК «ОНПЦ по ОПИК» и специалистов ВГПУ и ВолГУ по заказу Комитета по культуре Волгоградской области стало создание «Свода памятников истории и культуры

Волгоградской области». Решением Волгоградской областной Думы в 1997 г. на государственную охрану были поставлены памятники археологии Волгоградской области. Новый охранный орган постепенно стал перетягивать на себя весь цикл, связанный с согласованием, заключением договоров и изучением памятников в зонах новостроек. Таким образом, охрана памятников в Волгоградской области ухудшалась, а вузы постепенно отстранялись от исследований на новостройках.

Сотрудники сектора археологии ГУК «ОНПЦ по ОПИК» проводили исследование культурного слоя Волгограда, принимали участие в разработке историко-культурных опорных планов населенных мест области, участвовали в сборе данных к корректировке генерального плана Волгограда [Горячев, 2009]. Во второй половине 1990-х гг. ими проводились разведочные исследования по хоздоговорам на проектируемых линейных объектах, велись работы по сохранению археологического наследия в рамках Федеральной целевой программы «Сохранение археологического наследия РФ», программы по сохранению историко-культурного наследия Нижне-Хоперского региона, а также с привлечением средств местных администраций. В рамках этих работ помимо многочисленных разведок проведены раскопки к.м. Бурлук-I в Котовском районе, к.м. Глазуновская-II в Кумылженском районе, к.м. Нижняя Добринка в Жирновском районе, к.м. Дудаченский и Манский («Войсковые курганы») во Фроловском районе, к. Майоровский-1998 в Сурувикинском районе, к.м. Зимняцкий в Серафимовичском районе. Палеолитическим отрядом *С.О. Ремизова* с 1998 по 2004 гг. осуществлялись самостоятельные исследования с целью поиска памятников палеолита в Иловлинском, Фроловском и Клетском районах, на выявленных местонахождениях закладывались небольшие раскопы. Отрядом под руководством *А.А. Назарова* в течение 2000-х гг. в Иловлинском районе эпизодически проводились исследования крупного золотоордынского курганного могильника Белужино-Колдаиров, разрушавшегося кладоискателями. При поддержке специалистов ГУК «ОНПЦ по ОПИК» сотрудником ГУК Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта» в 2000–2001 гг. проведены работы по выявлению курганных могильников в Светлоярском районе и в Красноармейском районе Волгограда. Кроме того, по договорам с ГУК «ОНПЦ по ОПИК» *Е.П. Мыськовым* раскопаны к.м. Октябрьский-V и VI в Октябрьском районе.

Организационные изменения в это время происходили также в обоих научных археологических центрах Волгограда – ВГПИ и ВолГУ. В 1992 г. ВГПИ был преобразован в ВГПУ, что несколько расширило его возможности. Все работы по-прежнему велись экспедициями на базе археологической лаборатории, руководимой к.и.н. *В.И. Мамонтовым*. В 1993 г. по конкурсу он был избран доцентом, а с 1994 г. по сей день работает в должности профессора кафедры истории России [Каргин, 2011. С. 230]. *В.И. Мамонтовым* по-прежнему проводились масштабные инициативные исследования силами студенческой практики и членов молодежного археологического клуба «Легенда», созданным еще в 1963 г. [Мамонтов, Матаев, 2013], значительную помощь его экспедиции продолжали оказывать ВОКМ, областное отделение ВООПИК, Областное управление культуры, ОблЦДЮТ, комитет по делам

молодежи Администрации Волгоградской области, а также ряд спонсорских организаций. С 1990 по 1994 гг. им исследованы в Городищенском районе – к. «Царицынский», в Калачевском районе – к.м. Первомайский-I, VII, VIII, XII, XIII, Степаневка-II, в Ленинском районе – к.м. Зубовка, Ленинск-I и II, в Новониколаевском районе – к.м. Верхний Кардаил-I и II, к. Новониколаевский, в Октябрьском районе – к.м. Шебалино, в Светлоярском районе – к.м. Дубовой, на территории Волгограда – одиночные курганы у станций Бекетовка и Сарепта. С 1995 г. финансирование Донской экспедиции *В.И. Мамонтова* существенно сократилось, систематическую поддержку продолжали оказывать лишь Комитет по делам молодежи Администрации Волгоградской области и Волгоградская областная станция детского и юношеского туризма [Каргин, 2011. С. 230]. В период 1995–2001 гг. исследователем завершены раскопки крупного к.м. Первомайский-VII, а также к.м. Ежовка, исследованы в Иловлинском районе – к.м. Писаревка-I и II, в Калачевском районе – к.м. Вербовский-I и II, Ляпичев-I, Первомайский-IX, XII, XIV, Тихоновка-II, к. Тихоновка, в Октябрьском районе – к.м. Громославка-III, Молокановка-I.

Волго-Ахтубинской экспедицией ВГПУ под руководством *Е.П. Мыськова* с 1992 г. были начаты планомерные раскопки золотоордынского Водянского городища на берегу Волгоградского водохранилища в Дубовском районе, совместно с ВолГУ в рамках федеральной целевой программы «Интеграция» в конце 1990-х гг. – начале 2000-х гг. велись исследования Царевского городища.

В 1993–1995 гг. при поддержке администрации Фроловского района и при помощи местных краеведов экспедиция ВГПУ под руководством *Н.Б. Скворцова*, *А.Г. Суркова* и *С.В. Демиденко* исследовала компактную группу памятников в зоне строительства крытого тока и подстанции «Фроловская-500 кВ» (к.м. Амелин-I и II, Подстанция-I и II). Экспедицией ВГПУ под руководством *Н.Б. Скворцова* при поддержке местных администраций проводились небольшие охранные раскопки в Кумылженском районе – к.м. Подковский-Попов, в Урюпинском районе – к. Дубовский, к.м. Белозерский, Бубновский и Захоперский, в Котельниковском районе – к.м. Приморский-I и II, в Николаевском районе – к.м. «Западные могилы», «Разрушающаяся» и Солянка-I, «Шляпа».

В течение 1990-х гг. археологи ВГПУ проводили и небольшие охранные исследования по хоздоговорам, что отмечалось выше. Однако эти работы не были систематическими. Несмотря на ряд сложностей ВГПИ при поддержке ВолГУ с 1990 г. удалось наладить издание научного сборника «Древности Волго-Донских степей», в котором публиковались материалы исследований не только волгоградских, но и других поволжских археологов. К сожалению, последний выпуск данного сборника увидел свет в 1998 г.

В ВолГУ, благодаря организационному таланту *А.С. Скрипкина*, ситуация складывалась более успешно. В 1991 г. на факультете истории и международных отношений была образована кафедра археологии, древней и средневековой истории, которую возглавил сам к.и.н., доц. *А.С. Скрипкин*. В 1992 г. он защитил докторскую диссертацию, что позволило создать при кафедре аспирантуру по специальности «археология». К концу 1990-х гг. при ВолГУ по специальности «археология» защитилось несколько кандидатов (*И.В. Сергацков* – в 1997 г., *В.М. Клепиков* – в 1998 г.) и доктор наук

(Б.Ф. Железчиков – в 1997 г.) Основным направлением исследований археологов ВолГУ традиционно продолжала оставаться археология и древняя история сарматов.

При общем сокращении полевых исследований до 1993 г. плановые работы продолжал вести Иловлинский отряд ВолГУ под руководством *И.В. Сергацкова*: им исследованы в Иловлинском районе – к.м. Большая Ивановка, Малая Воробцовка, Авиловский-II, Тары, Бердия, к. Писаревка и Кондраши, в Камышинском районе – к.м. Лебяжье-I и II. В 1992 г. Б.Ф. Железчиковым в Суровикинском районе проводились раскопки к.м. Качалин и Скворин, содержащих захоронения эпохи бронзы. Отрядом *А.Н. Дьяченко* и *В.М. Клепикова*, в котором одновременно работали практически все археологи ВолГУ, помимо хозяйственных раскопок проведены инициативные археологические работы в Иловлинском районе – на к.м. Дубовой-I, Хмелевой-I и II, Камышинский-93, где исследованы погребения эпохи бронзы и золотоордынского времени, в Октябрьском районе – к.м. Абганерово-I, II, III, IV и V, «Шургановы курганы», Аксай-I, содержащих преимущественно захоронения раннего железного времени и средневековья, в Среднеахтубинском районе – к.м. Верхнее Погромное и Красный Октябрь с погребениями эпохи бронзы и раннего железного века. Исследования проводились преимущественно за счет внебюджетных средств ВолГУ, а в 1996 г. – в рамках целевой программы «Исследование археологических памятников на территории Волгоградской области».

В сложившейся ситуации основной акцент был сделан на научные разработки. Налаженные контакты с сотрудниками Института почвоведения и фотосинтеза РАН д.б.н. *В.А. Демкиным*, а также наличие антрополога (*М.А. Балабанова*), палеозоолога (*Л.В. Яворская*) и специалиста по палеометаллам (*В.Н. Порох*) позволяли археологам ВолГУ, несмотря на различные сложности, проводить полевые исследования на высоком междисциплинарном уровне. К настоящему времени в ВолГУ накоплена крупная антропологическая коллекция, ставшая основой для создания вузовского музея антропологии.

В декабре 1997 г. на базе кафедры археологии, древней и средневековой истории и учебно-научной археологической лаборатории ВолГУ был организован НИИ археологии Нижнего Поволжья, основными целями которого определены проведение широких фундаментальных археологических исследований древних памятников, координация работ по формированию и реализации научных программ по археологии Нижнего Поволжья, внедрение результатов исследований в учебный процесс, научную и социальную практику, а также развитие сотрудничества с российскими и зарубежными археологическими научными центрами [Сергацков, 2009. С. 165]. Директором НИИ был назначен д.и.н., проф. *Б.Ф. Железчиков*, научным руководителем – д.и.н., проф. *А.С. Скрипкин*. После смерти Б.Ф. Железчикова в 2000 г. его место занял к.и.н., доц. *И.В. Сергацков*. В штат НИИ археологии Нижнего Поволжья вошли также зам. директора *Л.В. Яворская*, научные сотрудники *В.Г. Блохин* и *А.Н. Дьяченко*. Другие сотрудники ВолГУ – *В.М. Клепиков*, *М.А. Балабанова*, *О.А. Шинкарь*, *И.А. Будаев*, а также аспиранты – *М.В. Кривошеев*, *Е.В. Перерва* и *Е.А. Коробкова* приняли участие в реализации научно-исследовательских работ новообразованной структуры [Яворская, 2004. С. 153]. Для реализации

поставленных целей НИИ археологии Нижнего Поволжья привлекал средства грантов РГНФ, РФФИ и Федеральной целевой программы «Интеграция».

К концу 1990-х гг. при ВолГУ был налажен выпуск периодического научного сборника «Нижеволжский археологический вестник», иных тематических научных сборников и монографических исследований.

Полевые археологические исследования сотрудниками НИИ археологии Нижнего Поволжья велись по нескольким направлениям:

- экспедиция ВолГУ под руководством А.Н. Дьяченко и А.С. Скрипкина и при поддержке почвоведов в течение нескольких лет исследовала крупное святилище эпохи развитого средневековья в Иловлинском районе у ст. Трехостровской, а также провела раскопки нескольких курганов в его окрестностях;

- по федеральной целевой программе «Интеграция» в рамках проекта «Полевые археологические исследования столицы Золотой Орды г. Сарай ал Джелид и его округи» крупные разведки и стационарные раскопки велись на территории Царевского городища, в его окрестностях исследованы курганные могильники раннего железного века и средневековья Маляевка-V, Колобовка-III и IV, золотоордынское поселение Колобовка, на базе экспедиции ВолГУ удалось консолидировать силы Волжского гуманитарного института – филиала ВолГУ (рук. А.А. Глухов), Марийского государственного университета (рук. Ю.А. Зеленева), ВГПУ (рук. Е.П. Мыськов), ИА РАН (рук. В.В. Дворниченко), Института фундаментальных проблем биологии РАН (рук. В.А. Демкин) и Астраханского государственного областного историко-архитектурного музея заповедника [Железчиков, 1999. С. 5];

- на средства гранта РГНФ «Исследование погребальных памятников скифо-сарматского времени в Волго-Донском междуречье» И.В. Сергеацков продолжил исследования сарматских курганов в бассейне р. Иловля: им были проведены раскопки к.м. Малая Воробцовка, а также к.м. Авилковский-I и II, материалы которых известны по публикациям саратовского исследователя И.В. Синецына; в Волго-Донском междуречье экспедицией под руководством А.Н. Дьяченко и В.М. Клепикова начаты раскопки крупного курганного могильника сарматского времени у с. Перегрузное-I Октябрьского района, где помимо сарматских обнаружены уникальные захоронения эпохи энеолита и среднего бронзового века;

- экспедиция под руководством В.Г. Блохина проводила исследования прибрежной полосы Волгоградского водохранилища в пределах Дубовского и Камышинского районов, стационарные исследования велись на территории Терновского селища и городища в Камышинском районе, выявленных еще в 1920-е гг. профессором Саратовского университета Ф.В. Баллодом.

Интересный опыт был получен при взаимодействии с археологами Германии (А. Беем) и США (А. Мэйб): летом 1997 и 1999 гг. в составе экспедиции ВолГУ работали археологи и студенты из Мэнсфилдского, Кельнского университетов и из Китая, а в 1998 и 2000 гг. группа археологов ВолГУ приняла участие в раскопках стоянок индейцев на территории США [Железчиков, 1999. С. 5; Скрипкин, 2000. С. 81; Скрипкин, Кубышкин, 1999].

Следует также отметить, что во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. существенный вклад в изучение археологического наследия Волгоградской

области внесли экспедиция Марийского государственного университета под руководством *Ю.А. Зеленева*, проводившая крупные работы на территории Царевского городища, Среднедонская палеолитическая экспедиция ИИМК РАН под руководством *П.Е. Нехорошева* и *Л.Б. Вишняцкого*, исследовавшая палеолитическое местонахождение Шлях-I и Новогригорьевская во Фроловском районе, а также местные энтузиасты – директор Урюпинского краеведческого музея *А.В. Ломкин*, краеведы *Г.Н. Шендаков*, *А.А. Ярков* и *В.И. Куфенко*.

Новая система государственной охраны памятников истории и культуры, формировавшаяся в 1990-е гг., стала оформляться с момента принятия Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации». Новым законом вводилось понятие объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), определялись их категории, вносилось положение о ведении Единого государственного реестра объектов культурного наследия, определялись принципы проведения историко-культурной экспертизы, полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления в этой сфере, положение о выдаче Открытых листов возводилось в ранг подзаконных актов, все объекты археологического наследия относились к государственной собственности.

Несмотря на то, что проведение спасательных археологических работ в новом законе было представлено в качестве исключительного случая для сохранения объектов археологического наследия, именно с 2002 г. в стране, в частности в Волгоградской области, произошло резкое увеличение объема хозяйственных археологических исследований на крупных объектах капитального строительства – нефте- и газопроводах, участках железных дорог и автодорог, ВОЛС, ВЭЛ и др. При этом Закон Волгоградской области «Об объектах культурного наследия» был принят лишь в 2009 г.

* * *

Несмотря на глобальные изменения в политической и социально-экономической жизни страны, которые привели в частности к трансформации советской системы охраны археологического наследия, археологам Волгоградской области общими усилиями удалось не только сохранить достижения прошлой эпохи, но и облечь их в новые организационные формы. В конце 1990-х гг. всеобщая компьютеризация, а также использование мобильных устройств связи и спутниковой навигации позволили существенно упростить процесс организации полевых археологических исследований, в т. ч. в части подготовки полевой документации. Принятие Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» позволило, несмотря на имевшиеся противоречия, консолидировать силы специализированных государственных учреждений Волгоградской области при проведении масштабных спасательных археологических работ по договорам со строящими организациями, что стало отправной точкой для начала формирования действующей в настоящее время системы государственной охраны памятников археологического наследия на территории региона.

Литература:

Афанасьев Г.Е. Порядок оформления договоров на проведение Институтом Археологии АН СССР охранных археологических работ и принципы расчета договорной цены. М., 1989.

Горячев В.М. Государственное учреждение культуры «Областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры» Комитета по культуре Администрации Волгоградской области // АЭВО / Гл. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2009.

Железчиков Б.Ф. Первый год работы Нижневолжского археологического НИИ // НАВ / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1999.

Каргин Ю.Ю. Деятельность государственных учреждений по охране, изучению, использованию археологического наследия на новостройках Нижнего Поволжья с 1945 по 1991 гг. – Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009а.

Каргин Ю.Ю. Полевые археологические исследования НИАЛ СГУ (1978–1995 гг.) // Археология Восточно-Европейской степи. Межвуз. сб. науч. ст. / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов, 2009б. Вып. 7.

Каргин Ю.Ю. Становление и эволюция государственной концепции охраны, исследования и использования памятников археологии в советский период (1945–1991 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук / Под ред. В.П. Шорина. 2009в. Т. 11, № 2 (28).

Каргин Ю.Ю. К юбилею Владислава Ивановича Мамонтова // НАВ / Отв. ред. А.С. Скрипкин и Л.Т. Яблонский. Волгоград, 2011. Вып. 12.

Коробкова Е.А. Кафедра археологии, древней и средневековой истории Волгоградского государственного университета // АЭВО / Гл. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград, 2009.

Кубышкин А.И. Наука на историческом факультете ВолГУ: первое десятилетие // Проблемы отечественной истории. Матер. науч. конф. / Отв. ред. В.А. Китаев. Волгоград, 1994.

Мамонтов В.И. «Легенда» // АЭВО / Гл. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград, 2009.

Мамонтов В.И., Матаев В.В. Археологический клуб «Легенда»: 50 лет традиций и новаций. Волгоград, 2013.

Сергацков И.В. Научно-исследовательский институт археологии Нижнего Поволжья // АЭВО / Гл. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград, 2009.

Скрипкин А.С. Очерк по истории Волгоградской археологии (1970–1980 годы) // ДВДС. Сб. науч. ст. / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград, 1995. Вып. 5.

Скрипкин А.С. Археология в Волгоградском государственном университете // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999.

Скрипкин А.С. Волгоградская археология: итоги и перспективы развития // Стержень: Научный ежегодник / Отв. ред. М.М. Загорюлько. Волгоград, 2000. Вып. 1.

Скрипкин А.С. Волгоградская археология сегодня // НАВ / Отв. ред. А.С. Скрипкин и Л.Т. Яблонский. Волгоград, 2006. Вып. 8.

Скрипкин А.С. Волгоградская археология в начале XXI века // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: II Междунар. Нижневолж. археол. конф., г. Волгоград, 12–15 нояб. 2007 г. Тез. докл. / Отв. ред. А.В. Кияшко и А.С. Скрипкин. Волгоград, 2007.

Скрипкин А.С. Об учете и охране археологических памятников в Волгоградской области // Стрежень: научный ежегодник / Отв. ред. М.М. Загорулько. Волгоград, 2008. Вып. 6.

Скрипкин А.С., Кубышкин А.И. Совместные археологические исследования Волгоградского и Мэнсфилдского университетов в штате Пенсильвания США // НАВ / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград, 1999.

Сорокина И.А. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула, 2008.

Челякин Е. Введение // ДВДС. Сб. науч. раб. Волгоград, 1990. Вып. 1.

Яворская Л.В. О деятельности НИИ археологии Нижнего Поволжья // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Вып. 9. Волгоград, 2004.

Мельник В.И.

**ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ ФИСЕНКО –
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭПОХИ БРОНЗЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

Владимир Алексеевич Фисенко (1929–1974), ученый–археолог, доцент исторического факультета Саратовского государственного университета, оставил заметный след в изучении бронзового века Нижнего Поволжья [Дербов, 1983. С. 33; Малов, 2009. С. 270]. В стенах университета проходило его становление как исследователя. По окончании исторического факультета СГУ в 1958 году он был направлен для работы в школу на станцию Петров Вал Волгоградской (тогда Сталинградской) области. Именно с этого времени начинается его самостоятельная археологическая работа. Раскопки курганов в здешней округе дали катакомбный материал, который был опубликован в журнале «Советская археология» в 1964 году, когда В.А. Фисенко уже закончил аспирантуру. В этой публикации автор поставил вопрос о северной границе распространения катакомбного населения, что отражало его интересы, связанные с изучением катакомбной культуры юго-востока Европы [Фисенко, 1964]. Совместные работы с И.В. Синицыным в Калмыкии в свою очередь давали блестящий материал по катакомбной культуре. Это и определило тему диссертационного исследования В.А. Фисенко «Племена катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия», которое завершилось успешной защитой в Ленинграде в 1967 году [Фисенко, 1967].

Подготавливая публикации по данной теме, Владимир Алексеевич обращается к проблеме назначения глиняных воронок. Эта категория вещей сравнительно редко встречается в катакомбных погребениях. Воронки имеют широкий раструб конической формы с цилиндрической ножкой и встречаются в Волго-Донском междуречье. В противоположность мнению А.А. Иессена, связывающего их с переработкой молочных продуктов, В.А. Фисенко старается обосновать версию использования воронок в металлургическом производстве.

Обращается внимание на то, что внутренняя часть некоторых воронок закопчена и обожжена и сопровождается такими предметами как песчаниковые «выпрямители» стрел, каменные песты и ступки, которые в свою очередь также могли использоваться для литья металлических изделий [Фисенко, 1965].

В широком круге вопросов, затрагиваемых избранной темой, безусловно, на первом месте было изучение погребального обряда. Рассмотрение этого вопроса в археологическом плане, однако, всегда упирается в проблемы хронологии и происхождения культуры. Усилия в этом направлении реализовались в издании в 1966 году учебного пособия для студентов заочного отделения «О происхождении и хронологии катакомбной культуры», которое вышло в печати под названием «Учебное пособие по курсу истории СССР (лекции по археологии для студентов I-го курса исторического факультета)».

Дав краткую справку по состоянию вопроса о происхождении и хронологии катакомбной культуры, автор приступил к обоснованию своего видения ее хронологических рамок. Схема представлена тремя этапами. Ранний этап был датирован в пределах 2200/2100–1900 гг. до н. э., развитой: 1900–1500 гг. до н. э., поздний: 1500–1200 гг. до н. э. Углубление датировки катакомбной культуры было важным шагом в изучении хронологии, достаточно вспомнить, что А.А. Иерусалимской эта дата определялась 1700–800 гг. до н. э. [Иерусалимская, 1958]. Лишь значительно позже широкое применение радиоуглеродных дат в калиброванном варианте привело к смещению в еще большую древность культур бронзового века.

В сложнейшем вопросе происхождения катакомбной культуры В.А. Фисенко отстаивал «южную» версию, связанную с Ближним Востоком [Фисенко, 1966а]. Ряд выделенных им компонентов сложения этой культуры и поныне остается значимым. Следует заметить, что его работа шла параллельно работе Л.С. Клейна, который старался обосновать «западную» версию происхождения катакомбной культуры [Клейн, 1968], в общем, не согласующейся с последующими изысканиями.

Статья «Погребальный обряд племен катакомбной культуры юго-востока», опубликованная в «Археологическом сборнике» Саратовского университета в том же году, что и учебное пособие, отражала основные интересы автора. Анализ 527 погребений катакомбной культуры обозначенного региона дал возможность сделать целый ряд интересных наблюдений и выводов. Прежде всего, это касалось формы могильных сооружений. Все материковые могилы были разделены на две группы: катакомбы и четырехугольные ямы. Обе группы имели примерно одинаковое представительство. Отмечалось наличие больших катакомб как специфика региона Калмыкии. В противоположность этому в более северных районах фиксировались камеры небольших размеров, близкие к подбоям и более поздние по времени. Это дало основание автору утверждать, что, во-первых, катакомбная культура распространялась с юга на север, во-вторых, наличие такого рода несовершенных катакомб не связано с предполагаемой эволюцией от ям к катакомбам. В свою очередь, погребения катакомбной культуры в ямах, вопреки существующему мнению, не являлись исключительно поздними. Могилы, имеющие подквадратную форму, согласно мнению исследователя, выступали в роли довольно ранних. Кроме того, выделялись ямы с заплечиками и ямы с сильно закругленными углами и выпуклыми стенками, в которых виделась связь с Кавказом.

Далее автор переходит к характеристике коллективных форм погребений. Такого рода погребения Владимир Алексеевич считал семейными или

родовыми усыпальницами, поскольку они представлены захоронениями мужчины и женщины, женщины и детей и совершались одновременно.

Для небольшой группы вторичных погребений отмечается та особенность, что такой обряд, неизвестен у представителей предшествующих ямной и майкопской культур и, таким образом, здесь видятся истоки в других кавказских культурах.

Кратко остановившись на вопросе о неустойчивости ориентировок и позах погребенных, автор затрагивает проблему связи ямной и катакомбной культур. Повод для этого дают погребения, сочетающие черты ямных и катакомбных традиций. Например, погребение совершено в катакомбе, но погребенный лежит в скорченной позе на спине, то есть по «ямному образцу», как пишет В.А. Фисенко. Основной вывод здесь такой, что данные погребения не следует считать в качестве переходных звеньев от одной культуры к другой, или видеть в них свидетельство родства. Их следует рассматривать как результат воздействия пришлого населения на местные традиции.

В объяснении особенностей снабжения умерших заупокойным инвентарем также просматривается авторская позиция о кавказских истоках. Именно в кавказских культурах наблюдается обильное сопровождение погребенных различным инвентарем в противоположность предшествующей ямной культуре.

Связь с закавказским культурным миром усматривается и в обрядовом варианте хоронить покойников с деревянными повозками или их глиняными моделями. На территории Калмыкии фиксировалось 10 погребений с повозками как в разобранном, так и в собранном виде. Благодаря хорошей сохранности дерева удалось проследить некоторые конструктивные особенности этих транспортных средств. Приводятся случаи погребения с повозками на других территориях. В настоящее время (до 2000 г.) в Прикубанье известно 115 повозок новотиторовской культуры, которая связывается с происхождением катакомбной культуры [Гей, 2000. С. 177]. Данное обстоятельство, тем не менее, не вступает в сильное противоречие с общей концепцией исследователя о кавказских приоритетах.

Среди обрядовых особенностей выделяются комплексы находок, которые именуются жертвенниками. Как полагает автор, жертвенник представляет собой остатки погребальной трапезы, соответствующей поминальной тризне. Эти комплексы представлены конечностями, отрубленными до колен, и черепами крупного рогатого скота. Рядом с костями располагался инвентарь, нередко разнообразный по составу и количеству.

Другими обрядовыми объектами, на которые было обращено внимание, стали символические погребения или кенотафы. Такого рода погребения без покойника, тем не менее, демонстрировали сохранение других элементов обрядности. Сопровождающий материал обычен для катакомбных погребений и представлен глиняной посудой, изделиями из камня, металла и кости. Автор при этом исключает возможность кремации.

Еще один обрядовый элемент – использование огня. Следы костров фиксируются в насыпи кургана и близ могил, угольки встречаются в погребениях, курильницах и жаровнях. Жертвенники, кенотафы, огонь как проявления ритуала распространены на Кавказе, и исследователь видит здесь прямую связь.

В заключительной части подчеркивается, что важнейшие особенности погребального обряда юго-восточного варианта катакомбной культуры не складывались на основе майкопской, а уж тем более ямной культуры. Исследуемый обряд обнаруживает чрезвычайную близость в культурных компонентах Закавказья, прилегающих к нему районов Ближнего Востока и Малой Азии [Фисенко, 1966б].

Проблема ямно-катакомбного взаимодействия, затронутая в рассмотренной статье, получила дальнейшее развитие в более поздней публикации [Фисенко, 1970а]. Погребения ямно-катакомбного типа, отражающие, по мнению автора, такое взаимодействие, представлены двумя группами. Обе группы представлены катакомбами. В первую группу было включено 15 погребений. Покойники здесь были положены на спине с согнутыми вверх коленями. Руки, слегка согнутые в локтях и протянутые вдоль туловища, кистями положены на тазовые кости или рядом. Нередко ноги сохраняют первоначальное положение, но чаще падают в ту или другую сторону или образуют фигуру в виде ромба. Вторую группу составили 24 погребения. В этой группе погребенные лежали на спине – вытянуто.

Большая часть изучаемых погребений безынвентарна. Иногда же здесь обнаруживают костяные молоточковидные булавки. По заключению автора, обе группы следует рассматривать в рамках одной культуры, причем характер погребения указывает в пользу ямной культуры. Не противоречит этому и наличие молоточковидных булавок. Абсолютная датировка данных комплексов падает на конец III – начало II тыс до н. э. Это было время, когда на территории между Волгой и Доном обитали две группы населения с различной материальной и духовной культурой, соответствующие культурам ямной и катакомбной. Их хронологический и территориальный контакт и вывел к жизни погребения ямно-катакомбного типа.

Работа, сделанная В.А. Фисенко, подняла вопрос, который обсуждается до сего времени. Нами была предпринята попытка расширить спектр ямно-катакомбных погребений. Было добавлено еще три группы, сочетающие ямные и катакомбные черты. При этом вторая группа (по В.А. Фисенко) с вытянутыми погребениями была выведена за пределы ямно-катакомбного круга [Мельник, 1983]. Ныне такого рода погребения рассматриваются как северокавказские катакомбные.

Проблема ямно-катакомбного взаимодействия, безусловно, требовала изучения ямных памятников. Исследование на эту тему было опубликовано Владимиром Алексеевичем в качестве учебного пособия для студентов [Фисенко, 1970б]. Здесь имелись три основных раздела.

Первый раздел представлял собой очерк археологического изучения ямной культуры юго-востока (Европейской части СССР). Ранний период освоения этого материала до выделения ямной культуры охватывает конец XIX – начало XX века. Здесь указывается на классификации А.А. Бобринского, где предпринимается попытка разделения во времени погребений со скорченными и окрашенными костяками, В.Б. Антоновича, допускавшего существование бронзового века в России, Г.Л. Скадовского, который уже учитывал такие признаки как положение и ориентировка костяков, форма могилы,

сопровождающий материал, стратиграфия погребений. А.А. Спицын и Н.Е. Бранденбург допускали возможность миграций населения.

В начале XX века В.А. Городцов отнес погребения со скорченными и окрашенными костяками, в зависимости от типа могил, к трем разным культурам – ямной, катакомбной и срубной. В Нижнем Поволжье в это время трудилась Саратовская ученая архивная комиссия, позже здесь работали П.С. Рыков, П.Д. Рау, И.В. Синецын. Кроме того, здесь вели исследования В.П. Шилов, К.Ф. Смирнов и Н.Я. Мерперт.

Второй раздел посвящен погребальному обряду ямной культуры юго-востока. Здесь развернута характеристика погребального комплекса по его составным элементам. Погребения совершались в курганах, и одной из особенностей могил было их перекрытие бревнами, досками, плахами или жердями. Внутреннее оборудование ямных могил не отличалось особым убранством. Дно покрывалось растительной подстилкой, стенки иногда обвешивались циновками. Иногда по углам вбивались колья. В зависимости от позиции погребенных захоронения разделяются на три группы: на спине с поднятыми вверх коленями, на спине в вытянутом положении, в скорченном виде на правом или левом боку. Ориентировка погребений довольно устойчивая. Покойников чаще всего клали головой на восток или северо-восток и посыпали красной краской. Наиболее интенсивная посыпка фиксировалась на черепе и ступнях ног. Погребения характеризует бедность, то есть, полное отсутствие заупокойного инвентаря.

В третьем разделе рассматривается датировка памятников ямной культуры юго-востока. Они делятся на три периода. Ранний период характеризуется погребениями, где покойники были положены на спине с подогнутыми вверх коленями. Заметная черта – обилие красящего вещества в могиле. Сопровождающий инвентарь беден или отсутствует вовсе. Абсолютная датировка от начала до середины III тысячелетия до н. э. На развитом этапе появляются погребения с костяками, лежащими на спине – вытянуто и керамические сосуды с «жемчужинами».

Дата 2500/2400–2200/2100 гг. до н. э. Поздний этап отмечен появлением могил овальной формы, уменьшением красной краски в погребениях, появление позиции погребенных в скорченном виде на боку с ориентировкой головой на юго-восток, юг, юго-запад даже на северо-запад. Датируется период между 2200/2100–1900/1800 гг. до н. э.

В заключении дается общая картина жизни носителей ямной культуры: начала производящего хозяйства с доминирующей ролью скотоводства, семейных отношений с переходом к патриархату, торговых связей. Далее представлена историческая судьба культуры, выходящая на формирование культуры срубной.

Таковы основные труды В.А. Фисенко. Совместные раскопки с И.В. Синецыным послужили основой для публикаций материалов исследуемых памятников. С 1964 по 1966 год велись раскопки поселения Гуселка-II в окрестностях Саратова. Поселение было оставлено носителями срубной культуры. В процессе раскопок удалось обнаружить остатки трех жилых сооружений и одной хозяйственной ямы. Кроме того, на поселении было обнаружено погребение. На дне могилы лежал костяк мужчины без черепа на

левом боку, грудью вниз. Ноги его были согнутыми в тазобедренных и коленных суставах, руки согнуты в локтях и ориентирован он был на северо-восток. Исследователи пришли к выводу, что погребение совершено в период существования поселения. Массовый материал был представлен фрагментами керамической посуды, найден также фрагмент керамического пряслица. Из каменных изделий встречены три обломка зернотерок. Среди костяных изделий наиболее выразительным являлся псалий [Малов, Бугров, 2006. С. 141-149, рис. 1-2]. Кроме псалия найдены два костяных пряслица. Дата поселения определялась поздней фазой срубной культуры [Синицын, Фисенко, 1972].

С 1968 по 1972 год проводились раскопки на Утесе Степана Разина на правом берегу Волги в 5 км к югу от села Белогорского Саратовской области. Памятник относится к трем эпохам: бронзовому веку, раннему железному веку и средневековью. Эпоха бронзы представлена тремя напластованиями, на что указывает керамический материал. Подстилающий слой полтавский, затем слой моговаликовой керамики, позже – срубный. Ранний железный век дал городецкую керамику и грузила бипирамидальной формы от ткацкого станка. Рвы и валы, имеющиеся на памятнике, также, видимо, принадлежат городецкой культуре. Средневековые объекты связаны с поселением Золотой Орды XIV–XV вв. [Синицын, Фисенко, 1970. С. 154–155].

В 1973 году В.А. Фисенко провел раскопки трех пунктов эпохи бронзы у села Нижняя Красавка близ города Аткарска Саратовской области. В следующем году Владимира Алексеевича не стало. Материалы раскопок сохранить не удалось. Остались лишь записи, зарисовки и фотографии автора этих строк [Мельник, 2008].

В заключение следует отметить преподавательскую деятельность В.А. Фисенко, которая теснейшим образом была связана с его исследованиями. В качестве преподавателя, помимо чтения лекций, он вел специальный семинар «Родо-племенное общество Нижнего Поволжья в эпоху меди и бронзы». Среди тем докладов фигурировали различные аспекты исследуемых культур – ямной, катакомбной, срубной [Методическое пособие, 1968. С. 60–63]. В руководстве дипломными проектами проявлялись его сокровенные интересы, связанные с различными формами катакомбной погребальной обрядности. В дальнейшем нами было проведено исследование, посвященное особым видам катакомбной общности [Мельник, 1991], для которого импульсом стали занятия Владимира Алексеевича.

Представленные свидетельства дают возможность говорить о значительном вкладе, безусловно, талантливого ученого В.А. Фисенко в дело изучения эпохи бронзы Нижнего Поволжья и сопредельных территорий.

Литература:

- Гей А.Н. Новотиторская культура. М., 2000.
 Дербов Л.А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983.
 Иерусалимская А.А. О предкавказском варианте катакомбной культуры // СА. 1958. № 2.

- Клейн Л.С.* Происхождение донецкой катакомбной культуры. АКД. Ленинград, 1968.
- Малов Н.М.* Фисенко Владимир Алексеевич // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009.
- Малов Н.М., Бугров Д.Г.* «Алексеевский», «гусельский» и нижне-семеновский» костяные псалии из Татарстана и Саратовского Поволжья // АВЕС. Саратов, 2004. Вып. 4.
- Мельник В.И.* Погребения Доно-Волжского междуречья с сочетанием ямных и катакомбных черт и их соотношение с полтавкинскими памятниками // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.
- Мельник В.И.* Особые виды погребений катакомбной общности. М., 1991.
- Мельник В.И.* Поселения эпохи бронзы у села Нижняя Красавка // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.
- Методическое пособие по специальным дисциплинам истории СССР (досоветский период).* Саратов, 1968.
- Синицын И.В., Фисенко В.А.* Раскопки на Утесе Степана Разина // Археологические открытия 1969 года. М., 1970.
- Синицын И.В., Фисенко В.А.* Поселение срубной культуры Гуселка-II в окрестностях Саратова // Античный мир и археология. Саратов, 1972. Вып. 1.
- Фисенко В.А.* Памятники катакомбной культуры у станции Петров Вал // СА. 1964.
- Фисенко В.А.* К вопросу о назначении глиняных воронок катакомбной культуры // Аспирантский сборник (История СССР). Саратов, 1965 Вып. 1.
- Фисенко В.А.* Учебное пособие по курсу истории СССР (Лекции по археологии для студентов I-го курса исторического факультета). Саратов, 1966а.
- Фисенко В.А.* Погребальный обряд катакомбной культуры юго-востока // Археологический сборник. Саратов, 1966б.
- Фисенко В.А.* Племена катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия. АКД. Ленинград, 1967.
- Фисенко В.А.* Погребения ямно-катакомбного типа Калмыкии и их место среди памятников бронзовой эпохи Северо-Западного Прикаспия // СА. 1970а.
- Фисенко В.А.* Племена ямной культуры Юго-Востока. Саратов, 1970б.

Недашковский Л.Ф.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КРУПНЕЙШИХ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДИЩ НИЖНЕЙ ВОЛГИ И ПАМЯТНИКОВ ИХ ОКРУГИ*

В статье рассматривается история изучения памятников, окружающих наиболее значительные по площади поселения Нижнего Поволжья – городища Царевское, Селитренное и Шареный Бугор¹. Несмотря на активные работы последних десятилетий, памятники округа золотоордынских городов остаются менее исследованными, чем сами города. Большинство известных поселений изучалось только разведками. Сравнительно хорошо исследованными можно считать лишь курганы Нижнего Поволжья золотоордынского времени.

Охарактеризуем кратко основные этапы изучения археологических остатков крупнейших золотоордынских городов Нижней Волги и памятников их округа.

Царевское городище и его округа

Еще в 1843–1851 гг. А.В. Терещенко раскапывал Царевское городище и поселение у Колобовки. Водянское городище исследовалось раскопками членами СУАК в 1888 и 1914 гг. [Егоров, Полубояринова, 1974. С. 41]. Разведками А.А. Спицына в 1893 г. были охвачены Царевское и Водянское городища, а также поселение у с. Колобовка [Спицын, 1895. С. 88–91]. Мечетное городище подвергалось раскопкам А.А. Ширинским-Шихматовым в 1914 г. [Отчет, 1915. С. 159–163].

В 1920–1922 гг. Ф.В. Баллодом изучались раскопками Мечетное (с мавзолеем на нем и тремя близлежащими курганами), Водянское и Царевское (с одним курганом возле него) городища [Баллод, 1923а. С. 15–43, 95–98, 130–131, рис. 2–15, табл. 2, 4–7, 3; 1923б; 1923в]. В 1928 г. при исследованиях П.С. Рыкова было осмотрено поселение и раскопан курган у с. Дмитриевка,

* Работа выполнена при поддержке гранта Gerda Henkel Stiftung, Dusseldorf № AZ 19/SR/08.

¹ История изучения Увекского городища и памятников его округа здесь не привлекается, так как она была подробно опубликована нами ранее [Недашковский, 2000. С. 5–10; Nedashkovsky, 2004. P. 3–8].

тогда же П.Н. Шишкиным и А.Н. Ильиной были раскопаны три золотоордынских кургана у хутора Заяр [Рыков, 1929. С. 138–139, рис. 5].

С 1950-х гг. значительно активизируются раскопки археологических памятников средневековых кочевников. Многие курганы и курганные группы (Верхнее Погромное, Заплавное I, Заяр, Калиновка, Ленинск I, 15 поселок) были исследованы в 1952–1954, 1956–1958, 1963 и 1967 гг. В.П. Шиловым [1955; 1959]. В 1952 г. И.В. Сеницыным был раскопан золотоордынский курган у Осадной балки [Сеницын, 1959. С. 139].

В.И. Мамонтовым в 1964–1966, 1970–1971, 1973, 1975–1977, 1981, 1989–1990 и 1993 гг. проводились раскопки ряда курганных групп (Заплавное I, II, Зубовка, Колобовка I, II, Ленинск I, II, Солодовка I–III, Царев), а в 1973 г. – разведки в Ленинском районе Волгоградской области [Игнатов, Клепиков, Мамонтов, 1978; Конкин, Лукашов, Мамонтов, 1974. С. 159–160; Лукашов, Мамонтов, Мыськов, 1976; Мамонтов, 1967. С. 89–90; 1972. С. 215; 1974. С. 163; 1983; 1992–1994; 1998; Мамонтов, Ситников, 1993]. Группы курганов Бахтияровка I, II исследовались в 1967 г. И.П. Лисицыным; в 1982–1985 гг. все три курганные группы у Бахтияровки раскапывались В.А. Кригером [Кригер, 1984; Лисицын, 1968]. В 1987 г. Б.Ф. Железчиковым проводились раскопки курганный группы Маляевка I [Железчиков, Кутуков, 1998]. В 1991 г. тот же памятник и группа Солодовка I исследовались Е.П. Мыськовым [1990; 1992. С. 19; 1993. С. 80–82, рис. 5, 1–9], в 1988–1990 гг. осуществившим раскопки Царевских курганов. В 1998 г. группа Ленинск I раскапывалась А.В. Ситниковым. В 1998–1999 гг. курганные группы Колобовка III и Маляевка V исследовались И.В. Сергацковым [Демкин, Гольева, Сергацков, Демкина, Райхль, 2001; Демкин, Дворниченко, Дьяченко, Железчиков, Сергацков, 1999; Круглов, Сергацков, Балабанова, 2005; Сергацков, Дворниченко, Демкин, 2001; Сергацков, Дворниченко, Дьяченко, 1999; Сергацков, Дворниченко, Клепиков, 2000. С. 309–310; Сергацков, Клепиков, 2001]. В 2000 г. исследования четырех насыпей группы Маляевка VI были осуществлены Е.П. Мыськовым, а в 2001–2004 гг. группа Солодовка I изучалась раскопками А.А. Глуховым [Глухов, 2004–2005; Мыськов, 2003а].

Качественно новый этап исследований памятников оседлого населения связан с многолетними раскопками большими площадями Поволжской археологической экспедиции на Царевском и Водянском городищах, а также на их некрополях в 1959–1974 гг. (под руководством Г.А. Федорова-Давыдова). В 1958 г. экспедиция проводила разведки на Царевском городище, а в 1966 гг. – в Ленинском районе Волгоградской области.

Разведки на Водянском городище осуществлялись в 1983 г. И.А. Ким (в 1984–1985 гг. раскапывавшей также мавзолей у с. Бахтияровка); раскопки памятника в последующем связаны с исследованиями А.Г. Мухамадиева 1988–1990 гг. и Е.П. Мыськова (изучившего также значительное количество погребений) 1992–2006 гг. [Закирова, 1987; Ким, 1992–1993; Мыськов, 1998, 2001а – 2002а; 2002б. С. 296–297; 2003б–2004]. В 1986 г. небольшие раскопки Мечетного городища были предприняты Е.П. Мыськовым [1988]. Царевское городище раскапывалось Ю.А. Зеленевым в 1994–1998 гг., Е.П. Мыськовым в 1999 и 2001 гг., В.Г. Блохиным и А.Н. Дьяченко в 2000–2001 гг., А.А. Глуховым в 2007 г. [Дьяченко, 2002. С. 400; Дьяченко, Блохин, 2002; Зеленева, 1996–1997;

Зеленева, Архипов, 1999; Мыськов, 2002б. С. 295–296; 2002в]. В 1998 г. разведочные работы в Ахтубинском районе Астраханской области осуществлял Д.В. Рябичкин, в том же году разведки в Ленинском районе Волгоградской области проводились В.Г. Блохиным, а в 1999 г. – И.В. Сергацковым. В 2000–2001 гг. поселение у Колобовки и курганная группа Колобовка IV раскапывались В.В. Дворниченко.

Селитренное городище и его округа

В 1893 г. А.А. Спицыным изучалось раскопками Селитренное городище, а разведками – поселение на Каменном Бугре [Производство., 1895. С. 30; Спицын, 1895. С. 82–88].

Селитренное городище раскапывалось и Ф.В. Баллодом в 1922 г. [Баллод, 1923б – 1923в]. П.С. Рыковым в 1928 г. проводились разведки на Селитренном городище, у теперешнего поселка Комсомольский, на дюнах у станции Сероглазово, а в 1931 г. – раскопки Селитренного городища [Рыков, 1928. С. 43; 1929. С. 132–135, 152–154, рис. 24–25; 1932; 1936. С. 114–115, 120–123].

В 1952 г. разведки в Астраханской области проводились В.А. Филипченко, в 1957 г. – В.Д. Белецким, а в 1963 г. – Л.Н. Гумилевым [Белецкий, 1962; Гумилев, 1966. С. 23–26, 182–183; Филипченко, 1958]. В 1960 и 1963 гг. разведочные исследования на Селитренном городище и в окрестностях села Лапас были осуществлены Г.А. Федоровым-Давыдовым.

Широкомасштабные раскопки ПАЭ на Селитренном городище и его некрополях, внесшие огромный вклад в исследование региона, производились в 1965–1971, 1975–1995 и 1997–2007 гг. под руководством Г.А. Федорова-Давыдова, Л.Л. Галкина, а затем Н.М. Булатова, Э.Д. Зиливинской и Ю.А. Зеленева. В 1966 г. небольшие раскопки Селитренного городища велись А.М. Мандельштамом.

В 1986–1994 гг. поселение и могильники у поселка Комсомольский раскапывались В.В. Плаховым и В.В. Дворниченко [Плахов, 1995; 2007]. В 1991 и 1993 гг. могильник у села Хошеутово исследовался раскопками В.В. Дворниченко и В.В. Гришакова. В 2000 г. поселение у с. Лапас, а в 2005 г. – у поселка Комсомольский раскапывались Д.В. Васильевым [2001].

В 1978–1979 гг. разведочные исследования в Наримановском районе велись Е.В. Шнайдштейн. В 1986 г. разведки в Харабалинском районе осуществляли П.В. Казаков и С.В. Ляхов, в 1988 г. – С.А. Котеньков, в 1995–1996 и 2001 гг. – Е.М. Пигарев [Казаков, 1988; Ляхов, Малов, Юдин, Якубовский, 1988; Пигарев, 1995]. В 1993 г. Д.В. Васильевым и в 1994 г. Е.М. Пигаревым проводились разведки в Красноярском районе [Пигарев, 1995]. В 2002–2003 гг. Селитренное городище и его окрестности исследовались разведками В.Г. Рудакова [2004а – 2004б].

Городище Шареный Бугор и его округа

Еще в 1864 г. Чертово городище было обследовано В.Г. Тизенгаузенем. Шареный Бугор исследовался раскопками А.А. Спицыным в 1893 г. [Спицын, 1895. С. 77–82].

В 1929 г. западная часть городища Шареный Бугор осматривалась П.С. Рыковым.

В 1957 г. широкие разведки в Астраханской области осуществлялись экспедицией В.Д. Белецкого [1962].

В 1962–1963 гг. разведочные исследования в Астраханской области проводил Л.Н. Гумилев [1966. С. 116–125, 148, 182–188]. В 1963 г. разведки на поселении Красный Яр были осуществлены Г.А. Федоровым-Давыдовым.

Раскопки городища Шареный Бугор велись в 1966 г. А.М. Манделъштамом и В.А. Филиппченко.

В 1969 г. Е.В. Шнайдштейн раскапывались поселение и могильник на буграх Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе у села Татарская Башмаковка, а в 1978–1979 гг. – поселение Мошаик и его некрополь [Шнайдштейн, 1970; 1979а – 1979б]. В 1978–1979 гг. Е.В. Шнайдштейн также осуществлялись разведки в Наримановском и Приволжском районах.

Наибольшая интенсивность раскопочных и разведочных работ в регионе наблюдается с 80-х – 90-х гг. XX в.

В.В. Плаховым в 1984, 1991 и 1993 гг. велись раскопки на городище Шареный Бугор и на грунтовом могильнике на его территории. В 1989 г. В.А. Никоновым проводились раскопки грунтового могильника на бугре Калмыцкий у с. Барановка, а в 1990 г. – могильников Вакуровский Бугор I и Мечетный Бугор I. Поселение Красный Яр и могильник на его территории раскапывались в 1989 г. П.В. Казаковым и в 1990 г. Е.В. Шнайдштейн [Казаков, Пигарев, 1998]. В 1989–1997 и 2001 гг. производились раскопки могильников Маячный Бугор II у поселка Красный Яр (С.Б.Артемьев, П.В.Казаков, С.А.Котеньков, С.И.Четвериков). Поселение и могильник у Татарской Башмаковки исследовались в 1991 г. раскопками С.А. Котенькова [Котеньков, Котенькова, 2007]. В 1992–1994 гг. могильники Вакуровский Бугор II, Мечетный Бугор I и на бэровском бугре «Лбище» возле села Зелена исследовались Д.В. Васильевым. В 1999 г. Д.В. Рябичкин проводил раскопки на поселении Мошаик и его могильнике. Поселение Самосделка раскапывалось Э.Д. Зиливинской и Т.Ю. Гречкиной в 2000–2006 гг. [Зиливинская, Васильев, 2007; Зиливинская, Васильев, Гречкина, 2006; Зиливинская, Васильев, Гречкина, Рудаков, 2005].

В 1981–1982 и 1987 гг. разведочные исследования в Икрянинском районе вела Е.В. Шнайдштейн. В 1988 г. разведки в Красноярском районе осуществлялись П.В. Казаковым, в 1989 г. – С.А. Котеньковым, в 1991 и 1995 гг. – С.Б. Артемьевым, в 1992–1995 гг. – Д.В. Васильевым, а в 1996 г. – С.А. Котеньковым и А.Д. Юрьевым (в 1997 г. этими же исследователями проводились разведки в Икрянинском районе). В 1990 г. разведочные работы в Трусовском районе производил В.А. Никонов. В 1990–1995 гг. разведки в Камызякском районе велись С.А. Котеньковым, в 1994 г. – Д.В. Васильевым, в 1996 г. – А.Д. Юрьевым; в 1992 г. поселение Самосделка в том же районе обследовалось Е.И. Савченко. Разведочные исследования в Икрянинском, Наримановском и Приволжском районах в 1991–1993 гг. проводил Д.В. Васильев. В 1994–1995 гг. Д.В. Кутуков осуществил разведки в Приволжском районе. В 1994 и 2001 гг. разведочные работы в Икрянинском районе велись С.А. Пантелеевым [Котеньков, Артемьев, Пантелеев, 1996; Котеньков, Васильев, 1994; Котеньков, Васильев, Кутуков, Пантелеев, 1995; Котеньков, Юрьев, 1997; Юрьев, Котеньков, 1999].

Таким образом, можно отметить следующие закономерности в истории полевых исследований крупнейших золотоордынских городищ Нижней Волги и памятников их округи.

Во всех трех рассмотренных регионах первые раскопки и разведки на золотоордынских памятниках начались еще в XIX в. Исследования продолжались и в 1920-х – первой половине 1930-х гг., а затем наблюдается большой перерыв в работах вплоть до 50-х годов XX в., когда они постепенно возобновляются (однако, в округе городищ Селитренное и Шареный Бугор до середины 1960-х гг. осуществлялись лишь разведочные исследования) и продолжают до настоящего времени с максимальной интенсивностью, приходящейся на последнюю четверть века.

Подводя итоги, следует сказать, что археологические источники по истории Золотой Орды постепенно накапливались уже с середины – второй половины XIX в., однако осмысление основных проблем золотоордынской археологии начинается лишь в первые два десятилетия XX в., когда зарождается изучение тюрвтики Золотой Орды. Раскопки 1920-х – первой половины 1930-х гг. ускорили темпы изучения золотоордынских городов, погребальной обрядности и материальной культуры. Последующее прекращение полевых исследований золотоордынских памятников негативно сказалось и на теоретических работах – их практически не публиковали вплоть до начала 60-х гг. XX в., когда Г.А. Федоровым-Давыдовым (1931–2000) были возобновлены широкие целенаправленные раскопки памятников Золотой Орды и начала создаваться современная школа изучения археологии Улуса Джучи, которую в полной мере можно назвать школой Г.А. Федорова-Давыдова, координировавшего и направлявшего практически все археологические исследования по золотоордынской проблематике, готовившего новое поколение исследователей.

Литература и источники:

- Баллод Ф.В.* Приволжские «Помпеи». М.; Пг., 1923а.
Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, две столицы Золотой Орды и современные им селения Нижнего Поволжья // Новый Восток. 1923б. Кн. 3.
Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 года. Казань, 1923в.
Белецкий В.Д. Археологические разведки на Нижней Волге // СГЭ. 1962. XXIII.
Блохин В.Г. Золотоордынское поселение у с. Колобовки в Ленинском районе Волгоградской области // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань, 2001.
Васильев Д.В. Городище Ак-Сарай // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань, 2001.
Глухов А.А. Исследование курганного могильника Солодовка I в 2001–2003 годах (предварительное сообщение) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2004. Вып. 2.

Глухов А.А. Новые сарматские воинские захоронения II-первой половины III в. н. э. из Заволжья // НАВ. 2005. Вып. 7.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии (историко-географический этюд). М., 1966.

Демкин В.А., Гольева А.А., Сергацков И.В., Демкина Т.С., Райхль С. Курганный могильник «Колобовка 3» в Волгоградском Заволжье (опыт комплексного археологического и естественно-научного изучения) // Донская археология. 2001. № 1-2.

Демкин В.А., Дворниченко В.В., Дьяченко А.Н., Железчиков Б.Ф., Сергацков И.В. Почвы и природные условия окрестностей столицы Золотой Орды г. Сарай-ал-Джедид в эпохи бронзы, раннего железа и средневековья (по материалам палеопочвенного изучения курганного могильника Маляевка V) // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1999. Вып. 3.

Дьяченко А.Н. Результаты археологических исследований в Подонье и Заволжье // НАВ. 2002. Вып. 5.

Дьяченко А.Н., Блохин В.Г. Раскопки в Волгоградском Задонье и окрестностях Царевского городища // АО 2001 года. М., 2002.

Егоров В.Л., Полубояринова М.Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967-1971 гг. // Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Железчиков Б.Ф., Кутуков Д.В. Раскопки у села Маляевка // ДВДС. 1998. Вып. 6.

Закирова И.А. Раскопки мавзолея на Бахтияровском могильнике // АО 1985 года. М., 1987.

Зеленев Ю.А. Исследования Царевского городища // АО 1995 года. М., 1996.

Зеленев Ю.А. Царевское городище // АО 1996 года. М., 1997.

Зеленев Ю.А., Архитов С.А. Исследования Царевского городища // АО 1997 года. М., 1999.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. Раскопки на городище Самосделка в Камызякском районе Астраханской области // АО 2005 года. М., 2007.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000-2004 гг. // РА. 2006. № 4.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Рудаков В.Г. Раскопки на средневековых городищах в Астраханской области // АО 2004 года. М., 2005.

Игнатов В.Н., Клепиков В.И., Мамонтов В.И. Работы Приволжского отряда // АО 1977 года. М., 1978.

Казаков П.В. Исследования в Харабалинском районе Астраханской области // АО 1986 года. М., 1988.

Казаков П.В., Пигарев Е.М. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989-90 гг.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. 1998. Вып. 1.

Ким И.А. Золотоордынский мавзолей у д. Бахтияровка Волгоградской области // Межрегиональная конференция «Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды» (тезисы докладов). Волгоград, 1992.

Ким И.А. Золотоордынский мавзолей у д. Бахтияровка // ДВДС. 1993. Вып. 3.

- Конкин В.Н., Лукашов А.В., Мамонтов В.И. Раскопки курганов в Волгоградской области // АО 1973 года. М., 1974.
- Котеньков С.А., Артемьев С.Б., Пантелеев С.А. Исследования в дельте Волги // АО 1995 года. М., 1996.
- Котеньков С.А., Васильев Д.В. Исследования в дельте Волги // АО 1993 года. М., 1994.
- Котеньков С.А., Васильев Д.В., Кутуков Д.В., Пантелеев С.А. Исследования в дельте Волги // АО 1994 года. М., 1995.
- Котеньков С.А., Котенькова О.Ю. Раскопки на поселении Тумак-Тюбе в Астраханской области // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: II Международная Нижневолжская археологическая конференция, г. Волгоград, 12–15 ноября 2007 г. Тез. докл. Волгоград, 2007.
- Котеньков С.А., Юрьев А.Д. Раскопки в Астраханской области // АО 1996 года. М., 1997.
- Кригер В.А. Раскопки Бахтияровского I могильника // АО 1982 года. М., 1984.
- Круглов Е.В., Сергацков И.В., Балабанова М.А. Новые погребения огузов у с. Колобовка // НАВ. 2005. Вып. 7.
- Лисицын И.П. Раскопки могильника у с. Бахтияровка // АО 1967 года. М., 1968.
- Лукашов А.В., Мамонтов В.И., Мыськов Е.П. Работы в Волгоградской области // АО 1975 года. М., 1976.
- Ляхов С.В., Малов Н.М., Юдин А.И., Якубовский Г.Л. Работы Саратовского университета // АО 1986 года. М., 1988.
- Мамонтов В.И. Исследования в Волгоградской обл. // АО 1966 года. М., 1967.
- Мамонтов В.И. Исследования в Волгоградской области // АО 1971 года. М., 1972.
- Мамонтов В.И. Археологические памятники на реке Ахтубе и Волго-Донском междуречье // АО 1973 года. М., 1974.
- Мамонтов В.И. Работы Приволжского отряда // АО 1981 года. М., 1983.
- Мамонтов В.И. Курганный могильник Зубовка // ДВДС. 1992. Вып. 2.
- Мамонтов В.И. Погребения поздних кочевников из курганного могильника Солодовка II // ДВДС. 1993. Вып. 3.
- Мамонтов В.И. Охранные раскопки Донской экспедиции Волгоградского педагогического университета // АО 1993 года. М., 1994.
- Мамонтов В.И. Раскопки курганов в Волгоградском Заволжье // ДВДС. 1998. Вып. 6.
- Мамонтов В.И., Ситников А.В. Средневековые погребения Царевского курганного могильника // ДВДС. 1993. Вып. 3.
- Мыськов Е.П. Работы Волго-Ахтубинского отряда // АО 1986 года. М., 1988.
- Мыськов Е.П. Курганный могильник у Царевского городища // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тез. докл. областной научно-практической конференции, Луганск, ноябрь 1990 г. Луганск, 1990.

Мыськов Е.П. О периодизации золотоордынских памятников Нижнего Поволжья // Межрегиональная конференция «Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды» (тезисы докладов). Волгоград, 1992.

Мыськов Е.П. Погребения кочевников IX–XI вв. на Ахтубе // ДВДС. 1993. Вып. 3.

Мыськов Е.П. Общие итоги исследований Водянского городища в 1992, 1997 годах // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы (тез. докл. VII Донской археологической конференции). Ростов-на-Дону, 1998.

Мыськов Е.П. Раскопки общественного здания с эпиграфическими находками на Водянском городище // НАВ. 2001а. Вып. 4.

Мыськов Е.П. Русский поселок и русский квартал Водянского городища // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001б. Вып. 1.

Мыськов Е.П. Русское кладбище Водянского городища // НАВ. 2001в. Вып. 4.

Мыськов Е.П. Керамические комплексы русского поселка и русского квартала Водянского городища // НАВ. 2002а. Вып. 5.

Мыськов Е.П. Работы Волго-Ахтубинской экспедиции в Волгоградской области // АО 2001 года. М., 2002б.

Мыськов Е.П. Северо-западный пригород Царевского городища // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды ГИМ. 2002в. Вып. 135.

Мыськов Е.П. Погребальные сооружения с кирпичными оградами могильника Маляевка VI у северо-западного пригорода Царевского городища // НАВ. 2003а. Вып. 6.

Мыськов Е.П. Раскопки Водянского городища в Волгоградской области // АО 2002 года. М., 2003б.

Мыськов Е.П. Основные итоги исследований Водянского городища // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижне-волжская археологическая конференция, г. Волгоград, 1–5 ноября 2004 г. Тез. докл. Волгоград, 2004.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.

Отчет об археологических раскопках князя Андрея Александровича Ширинского-Шихматова // ТСУАК. 1915. Вып. 32.

Пигарев Е.М. Разведки в районе станции Досанг // АО 1994 года. М., 1995.

Плахов В.В. Работы в поселке Комсомольский Астраханской области // АО 1994 года. М., 1995.

Плахов В.В. Предварительные результаты исследования остатков административного здания конца XIV в. у пос. Комсомольский в Астраханской области // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань, 14–16 февраля 2007 г. Казань, 2007. Т. II.

Производство археологических раскопок // ОАК за 1893 год. СПб., 1895.

Рудаков В.Г. Каменный бугор и бугор «Татарское кладбище» к востоку от Селитренного городища (предварительные итоги археологических разведок 2002–2003 гг.) // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы третьих Халиковских чтений, 27–30 мая 2004 г. Казань-Болгар, 2004а.

Рудаков В.Г. О границах Селитренного городища (по итогам археологических разведок 2002 и 2003 гг.) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция, г. Волгоград, 1–5 ноября 2004 г. Тез. докл. Волгоград, 2004б.

Рыков П.С. Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю / Сост. при уч. научн. сотр. Сар. Обл. музея Н.К. Арзютова и Т.М. Минаевой. Саратов, 1928.

Рыков П.С. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском Крае, произведенные в 1928 году // Известия саратовского Нижне-Волжского института краеведения. 1929. Т. III.

Рыков П.С. Музейные материалы по изучению феодального города // Советский музей. 1932. № 4.

Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936.

Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Демкин В.А. Курганный могильник Маляевка V // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001. Вып. 1.

Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Дьяченко А.Н. Раскопки курганов близ Царевского городища // НАВ. 1999. Вып. 2.

Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Клепиков В.М. Исследования курганов у села Царев // НАВ. 2000. Вып. 3.

Сергацков И.В., Клепиков В.М. Сарматские курганы у села Колобовка // НАВ. 2001. Вып. 4.

Спицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // МИА. 1959. № 60.

Спицын А.А. Отчет о поездке члена Археологической Комиссии А.А. Спицына летом 1893 года на Жареный бугор и на некоторые приволжские золотоордынские города // ОАК за 1893 год. СПб., 1895.

Филипченко В.А. О новых находках на территории Астраханской области // СА. 1958. № 1.

Шилов В.П. Раскопки Калиновского курганного могильника // КСИИМК. 1955. № 59.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60.

Шнайдитейн Е.В. Раскопки средневековых памятников в дельте Волги // АО 1969 года. М., 1970.

Шнайдитейн Е.В. Исследования в Астраханской области // АО 1978 года. М., 1979а.

Шнайдитейн Е.В. Новые средневековые памятники в дельте Волги // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979б.

Юрьев А.Д., Котеньков С.А. Исследования в дельте Волги // АО 1997 года. М., 1999.

Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery / BAR. International Series, 1222. Oxford, 2004.

Сингатулин Р.А.

УВЕКСКОЕ ГОРОДИЩЕ: ПОДХОДЫ, РАЗРАБОТКА И ОШИБКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научные исследования Увекского городища насчитывают длительную историю, формально начинаясь с академического описания И.И. Лепехина в 1769 г. [Дневные записки..., 1771]. Однако, первые археологические работы, если не считать несколько эпизодических раскопок первой половины XIX в., были предприняты в период строительства РУЖД в конце XIX в. и сопровождалась практически до середины 30-х годов XX в.

Археологические исследования, которые продолжаются в настоящее время, своими корнями уходят ко второй половине XX в., связаны с деятельностью Д.С. Худякова, Н. Ильина, В.Г. Миронова и др.

Несмотря на интенсификацию исследований последнего десятилетия, проблемы Увекского городища остаются прежними: сохранность и перспектива исследований. В немалой степени, проблема создана искусственно. Речь не о том, кто виноват и почему, вопрос в другом, как соблюсти баланс интересов в изменившихся реалиях? Баланс между владельцем участка и историческим раритетом, развитием производства и недовольным социумом, эгоизмом чиновника и тщеславием археолога. Ошибки, за которыми не видно виновных, деяния за которые никто не несет ответственности, культурное варварство, правовой нигилизм, национальный эгоизм приводят к подмене основополагающих положений в историческом исследовании – «правда, ничего кроме правды». Если раньше «кадры решали все», то с начала 90-х годов все решали деньги, и, кроме того, нужна была сенсация, нужен был эффект, прежде всего в СМИ и магическое заклинание со словом «впервые...».

Насколько системно исследуется Увекское городище? Но в том-то и дело, что нет никакой системы исследований. Есть только общие тезисы по созданию туристической или креативной зоны, под которую закладываются некоторые средства, с надеждой выторговать нечто большее. Есть декларации чиновников от науки, научных групп и отдельных персон, но которое сводится лишь к одному: «дайте нам денег, а дальше мы знаем, что с ними делать». Нет самого главного – научной подосновы планомерного исследования Увекского городища. В свое время доцент СГУ В.Г. Миронов выразил мнение, что лучшее археологическое исследование для Укека – это совсем не проводить никаких ис-

следований. «Пропаганда исторического наследия и охрана городища, вот первоочередная задача», этой теме была посвящена кинолента «Культурный слой», снятая на Нижневолжской студии документальных фильмов и рассказывающая о характере взаимоотношений человека и культурной среды на примере Увекского городища. К знаковым работам можно отнести и уникальный архив научных трудов по исследованию Увекского городища, собранный В.Г. Мироновым для сборника «Золотоордынский город Укек». Несмотря на отдельные заимствования и некорректные публикации части материалов из сборника рядом авторов, он, в настоящее время, является самой фундаментальной работой по истории исследований Укека. Добавление материалов исследований 1993–2012 гг., в том числе и реконструированной цифровой модели рельефа (ЦМР) средневекового Укека в последнюю редакцию сборника, осуществленное Саратовским отделением Института истории АН РТ, Саратовским государственным университетом и Саратовским техническим университетом, существенно усиливает современную исследовательскую часть и связывает ее с предшествующими работами. Но, к сожалению, сборник до сих пор не издан. Отчасти это связано с тем, что в нем размещено достаточно много детальной информации, которая представляет значительный интерес для отдельных групп населения. За примером, далеко ходить не приходится. Достаточно просмотреть криминальные сводки по материалам несанкционированных раскопок или экономическим преступлениям при манипуляциях земельными участками на территориях историко-культурного наследия, которые традиционно появляются после издания очередного археологического сборника с детальным описанием и точными координатами курганных групп и других археологических объектов.

В таком случае, следует ли воспользоваться современным опытом зарубежных коллег и осуществлять web-мониторинг памятников? Ведь установка web-камер по периметру любой проблемной территории достаточно доступное и эффективное мероприятие, позволяет не только осуществлять охранные функции, но и проводить научные исследования. Примерами успешных реализованных технологий являются Интернет-трансляции археологических раскопок в северной Африке, страницы с web-камерами (www.xmission.com/~lonnie/cameras), проекты COINE (www.uoc.edu/in3/coine), «VITRA» (www.vitra.org), ARCHEOGUIDE (archeoguide.intranet.gr) и другие. Использование web-мониторинга при проведении археологических работ, например, на территории Увекского городища, могло бы существенно изменить представление о возможностях дистанционного наблюдения за проведением охранно-спасательных работ в реальном масштабе, времени и использоваться в образовательных целях. К слову, в 2004 г. на Увекском городище была испытана инфракрасная стереоскопическая система дистанционного наблюдения за процессом раскопок, а затем в 2006 г. была апробирована система беспроводного web-мониторинга [Сологуб и др., 2007. С. 137–139]. Однако постоянной прописки система не получила. Вместе с тем, аналогичные проекты развивались и разворачиваются в Пензенской области (Золотаревское городище, Наровчат), в Татарстане (Булгарское городище), Западно-Казахстанской области (Жайык, Кырык-Оба) и на других территориях. В ближайшие годы можно ожидать массового внедрения специализированных web-

мониторинговых информационно-измерительных систем в практику археологических исследований, использующих весь арсенал современных дистанционных технологий. Хотелось бы верить, что и для Увека будет разработана и внедрена целостная система дистанционного мониторинга охраны и исследования территории городища, которая должна заменить архаические работы, связанные с разрушением культурного слоя.

Вместе с тем, современные разработки Увекского городища сопровождаются системными ошибками исследований, которые можно условно перечислить в виде следующих проблемных пунктов:

- Подходы, методы и источники исследований;
- использование методов естественных и технических наук;
- уточнение размеров городища;
- территория городища в акватории Волгоградского водохранилища;
- особенности проведения археологических работ в оползневой зоне;
- захоронения на городище и их хронология;
- христианские ценности;
- развитие туристической и историко-культурной инфраструктуры.

К сожалению, ответить на все вопросы в рамках небольшой статьи достаточно сложно. Рассмотрение некоторых пунктов потребует подробного изложения и введения в научный оборот новых дополнительных данных. Тем не менее, можно кратко остановиться на отдельных пунктах.

Вероятно, для некоторых исследователей будет сложно осмыслить тот факт, что Увекское городище – это наиболее изученная территория, прежде всего, в топографическом, геологическом, геохимическом, военно-инженерном и промышленном и, тем более, в археологическом отношении. Начиная с конца XIX в. на территории Увекского городища формируется крупный транспортный узел, строится ЖД, паромная переправа и комплекс нефтехранилищ, а затем, в советское время, сооружается железнодорожный мост, возводится крупный нефтеперерабатывающий центр, строится военно-инженерный комплекс и уникальная система противоползневых сооружений, которая практически полностью пронизывает центральную и северную часть городища. В послевоенные годы активно развивается автотранспортная сеть, строится портовый нефтеналивной терминал, сооружается бетонная набережная, возводятся промышленные и жилые объекты. Важно отметить, что всем этапам строительства предшествовали тщательные проектно-изыскательские, инженерно-технические, геохимические и геологоразведочные работы [Коровкин, 1937], а археологические исследования были лишь следствием проводимых мероприятий. Так сооружение железнодорожных путей и паромной переправы сопровождалось геодезическими работами с использованием фототеодолита Полака, охватывающего практически всю территорию городища. Стереоснимки полученные с помощью фототеодолита использовались для составления топографического плана (всего 46 снимков). Именно благодаря геофизическим работам начала XX в. удалось восстановить пространственную информацию о местности из стереопар, а затем построить точную ЦМР. Аналогичные результаты были получены при обработке геодезических снимков, обычных фотографий и аэрофотоснимков 1924–1936 гг. (более 200 снимков). Данные, полученные по результатам геоло-

гического бурения в середине 30-х, а затем, в конце 50-х гг. XX в. (бурение проводилось через 50 м по всей территории городища), позволили создать трехмерную карту отложений и оползневых подвижек. В начале 60-х гг. XX в. были проведены геохимические исследования территории Увека, и что любопытно, в центрально-восточной части городища были выявлены загрязненные участки, связанные с селитренным производством XVII в. Среди сопровождающего материала проектно-изыскательских работ 1934, 1950, 1956 гг. есть фотографии, на которых можно рассмотреть куполообразные печи и некоторые другие исторические артефакты. В сопроводительной документации имеются отдельные пункты, где достаточно подробно описываются обнаруженные находки, а в примечаниях приводятся ссылки, указывающие на передачу артефактов во властные структуры. Есть и другие, не менее значимые материалы, но они малоизвестны, либо находят непонимание среди части исследователей [Дунаева, Рогозин, 1962; Plotnikov and ets, 2001]. В этом отношении привлечение дополнительных ресурсов значительно бы обогатило источниковедческую базу Увекского городища.

Размеры Увекского городища часто вызывают критику со стороны некоторых исследователей, и почему-то в этом винят автора монографии «Золотоордынский город Укек и его округа». Но Л.Ф. Недашковский не брал данные из воздуха, приведенные цифры по территории Увекского городища, основывались на работах Ф.В. Баллода [Баллод, 1923. С. 72-73], А.Н. Минха [Минх, 1881. С. 211-214] и др. исследователей. По состоянию на 2000 г. территория памятника занимала площадь более 205 га и это притом, что он столетиями размывался Волгой [Недашковский, 2000. С. 3]. Несколько позднее, после проведения дополнительных исследований, площадь памятника была увеличена еще на 25 га [Сингатулин, 2005]. В паспорте памятника, составленном НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области, границы условной территории памятника были определены в 230 га. Возможно, что эти данные не окончательные. Проблема очевидна, но она в другом – как воспринимать эти данные. Территория в 230 га прежде всего подразумевает границу распространения культурного слоя. Культурный слой Увекского городища хорошо отслеживается от территории железнодорожной ст. Князевка в направлении на юг, вдоль берега Волги и до ст. Нефтяная. Центральная часть города действительно располагалась на территории около 40 га, и в хронологическом отношении эта территория многократно перестраивалась. Но как быть с остатками фундаментов зданий к северу и сплошными захоронениями к югу от центра. Они то и дают те самые 230 га. Если в описаниях арабских путешественников первой половины XIV в. Укек описывался как небольшой город, то вполне вероятно, что через 20-30 лет его территория могла значительно возрасти. Тем более что последнее массовое строительство на его территории (согласно исследованиям 2002-2005 гг.), происходило в 1360-1361 гг. не в центральной части, а в направлении на северо-восток [Сингатулин, 2005]. Укек развивался и границы его территории постоянно росли.

Сюда же можно отнести и господствующее в конце XIX в. предположение, что часть города сползла в Волгу и поиски следует вести на затопленной территории. Однако, в начале XX в. осуществлялись крупномасштабные бе-

реговые и дноуглубительные работы в акватории, примыкающей к Увекскому городищу. Характер изменения береговых линий и изменений рельефа дна был значительный. Члены СУАК уделили этой проблеме особое внимание. Несмотря на тщательный осмотр, в отвалах размытого грунта ими не было обнаружено ни малейших признаков древней культуры. Затем, с разным хронологическим разрывом и до настоящего времени, гипотеза о затопленных территориях озвучивалась вновь и вновь.

В конце 50-х, начале 60-х годов XX в. район акватории Увека изучался несколькими геологическими экспедициями (противопопозневые исследования гидрологического характера в связи с заполнением Волгоградского водохранилища), в состав которых входили профессиональные водолазы. Согласно отчетам о погружениях, объектов исторического наследия не было обнаружено. Вместе с тем, в конце 90-х годов удалось побеседовать с одним из участников экспедиции, который привел совершенно другие факты. На фоне традиционного бытового и технологического мусора встречались фрагменты археологической керамики и обработанные валуны, возможные остатки надгробных плит. В юго-восточном направлении водолазами была обнаружена башня, в основании которой лежали крупные валуны (этот объект потом был исследован в 2002–2003 гг.). Вместе с тем, те трудности, с которыми встретились исследователи (технические и гидроэкологические), не позволили в полном объеме произвести запланированное обследование дна прибрежной полосы у п. Увек. Южная часть осталась не полностью исследованной.

В конце 70-х, начале 80-х гг. XX в. предпринимались попытки организовать на Увеке подводную археологическую экспедицию с участием газеты «Комсомольская Правда». Однако опасность «блуждающих» подводных водоворотов, неустойчивая структура двойного дна, возникшего от оползней и речных наносов, гидроэкологические особенности и плохая видимость в воде, потребовали серьезного пересмотра подходов в исследованиях акватории городища. В частности, в конце 80-х гг. в акватории недалеко от насосной станции, где проводились гидротехнические работы, произошел мощный водно-воздушный выброс породы с остатками деревянных перекрытий. Последующее погружение выявило большое углубление на дне, по периметру которого находился разметанный строительный материал (плинфа) и большие фрагменты глиняной обмазки.

В 2002–2003 гг. в акватории, прилегающей к Увекскому городищу, проводились подводные археологические разведки с помощью телевизионных подводных дистанционно-управляемых аппаратов (ТПА). Исследования проводились вдоль береговой линии с севера на юг, в акватории Волгоградского водохранилища, на протяжении 2,5 км от железнодорожной ст. Князевка и до ст. Правобережный Увек. В общей сложности было осуществлено 80 точечных погружений на глубины от 3 и до 17 м вдоль исследуемого района [Сингатулин, 2005. С. 71–77]. Результаты исследований показали отсутствие приповерхностных к грунту каких-либо значительных строений, представляющих археологический интерес. Остатки опор ледорезов и фрагменты башни, которая была обнаружена в 1960–1961 гг., связаны с периодом создания на территории Увека транспортного узла конца XIX – начала XX вв. Большая часть придонного грунта мощностью до 4 м была срезана во время

дноуглубительных работ начала XX в., а затем доведена до отметки 6–8 м к 60-м годам XX в. При создании комплекса Волжской ГЭС до затопления водохранилища, прибрежная часть акватории была упрочена мощным гранитным балластом, а берег укреплен бетонным щитом. В относительном удалении от береговой черты (в среднем около 160–180 м), непосредственно с фарватером остались несколько «чистых» участков, которые представляют определенный интерес. Однако, даже в ближайшей перспективе, исследование этих участков едва ли возможно.

Резюмируя, можно обобщить следующее. Проведение археологических работ на урбанизированных территориях, с учетом их геологических особенностей, является достаточно сложной задачей, включающей не только задачи исследовательского плана, но также инженерно-технические, социально-этические и правовые проблемы. Факты лоббирования своих интересов отдельными руководителями и исследователями не могут положительно сказаться на состоянии археологических исследований. Очевидным решением данной проблемы должны быть только совместные и скоординированные исследования.

Основным исследовательским подходом для Увекского городища, как, впрочем, и для других памятников Поволжья, должно быть одно – охрана объектов археологического наследия путем развертывания широкой системы web-мониторинга, объявления моратория на проведение любых археологических работ, реализация непрерывного режима наблюдения и сбора данных. Только тогда можно сохранить памятник для последующих поколений.

Литература:

- Баллод Ф.А.* Приволжские «Помпеи». М.; Пг., 1923.
 Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 г. СПб., 1771.
Дунаева Г.В., Рогозин И.С. Оползни Саратовского Поволжья. М., 1962.
Коровкин М.П. Увекский оползень // Разведка недр. № 3. 1937.
Минх А.Н. Набережный Увек. Саратовский сборник. Материал для изучения саратовской губернии. Саратов, 1881.
Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Увек и его округа. М., 2000.
Сологуб А.С., Орлова О.С., Сингатулин Р.А. Web-мониторинг и стереофотофиксация объектов культурного наследия / Средневековая археология евразийских степей. Мат. Учредительного съезда Межд. конгресса. Т. 2. Казань, 2007.
Сингатулин Р.А. Отчет об археологических охранно-спасательных работах на территории Увекского городища в Заводском районе г. Саратова в 2002 г. // Археологическое наследие Саратовского края... Саратов, 2005. Вып. 6.
Сингатулин Р.А. Охранно-спасательные работы на территории Увекского городища в 2005 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Plotnikov P.K., Singatulin R.A., Ramzaev A.P., Dremov I.I. Application of method of infra-red photogrammetry for identification of underground archaeological tracks and rests of constructions in urbanist`s conditions // IV International Symposium «Turkish-German Joint Geodetic Days». Berlin, 2001.

Скрипкин А.С.

О НЕКОТОРЫХ ЗАДАЧАХ И ПРОБЛЕМАХ НИЖНЕВОЛЖСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Нижеволжская археологическая конференция постепенно занимает видное место в научной жизни региона. В трех прошедших конференциях принимали участие не только исследователи, занимающиеся проблемами Поволжья, но и соседних территорий: Дона, Украины, Казахстана. Это нормально, это позволяет нам быть более информированными, знать, чем занимаются наши соседи. Да и темами мы занимаемся зачастую близкими, поскольку археологические культуры, как известно, не соблюдают современных административных и государственных границ.

Какие мне видятся задачи и проблемы, стоящие перед нижеволжской археологией, попытаюсь тезисно изложить их.

Необходимо улучшение информированности об археологических исследованиях в отдельных районах Нижнего Поволжья. Более или менее благополучно такая работа налажена в Саратове, здесь периодически издаются университетом «Археология Восточно-Европейской степи», научно-производственным центром по историко-культурному наследию министерства культуры «Археологическое наследие Саратовского края». В Волгограде государственным университетом совместно с Институтом археологии РАН периодически издается «Нижеволжский археологический вестник», в настоящее время к выпуску готовится 13 выпуск. С несколько меньшей периодичностью выходят в свет «Материалы по археологии Волго-Донских степей».

Желательно налаживание периодических изданий археологического профиля в Астрахани и Элисте, поскольку мы зачастую не имеем никакой информации о том, какие исследования проводятся в этих нижеволжских регионах.

В истории науки существует такая тенденция, накопление частных результатов через некоторый промежуток времени требует их обобщения и осмысления. Это необходимая закономерность, которая способствует развитию науки. Несколько лет назад у нас в Волгограде возникла идея подготовить и издать «Археологию Нижнего Поволжья» в четырех томах, посвященных основным эпохам, изучаемым по археологическим источникам. Сначала работа пошла быстро и в 2006 г. вышел первый том этой серии под названием «Ка-

менный век». Заминка произошла при подготовке второго тома, посвященного бронзовому веку, и на некоторое время работа над этим томом приостановилась. Сейчас предпринимается попытка возобновления работы над этим томом. Что касается третьего тома, посвященного раннему железному веку Нижнего Поволжья, то, думаю, мы его сумеем подготовить силами волгоградских археологов. Сложнее, как мне кажется, обстоит дело с перспективой подготовки тома по средневековой археологии, поскольку исследователи по этому направлению наиболее разобщены. Опыт показывает, что во многом успех в выполнении такого рода исследования зависит от лидера данного научного направления, его активности и организаторских способностей. Возможно, в настоящее время мы не сможем определиться с ответственным за подготовку тома по средневековой археологии Нижнего Поволжья, но объективная потребность все равно приведет к необходимости подготовки такого издания.

В Нижневолжском регионе существует целый ряд крупных археологических объектов, раскопанных много лет назад, но до сих пор не опубликованных, что затрудняет использование их в научных исследованиях. Начиная с 50-х годов прошлого века и в течение многих лет, в Нижнем Поволжье продуктивно работали Астраханская археологическая экспедиция, возглавляемая В.П. Шиловым, и Поволжская археологическая экспедиция во главе с Г.А. Федоровым-Давыдовым, а затем В.В. Дворниченко. Раскопанные Астраханской экспедицией и неопубликованными являются крупные курганные могильники у с. Старица Астраханской области (более 60-и насыпей), у пос. Жутово (более 80-и насыпей), у сс. Сидоры, Верхнее Погромное Волгоградской области. Что касается Поволжской экспедиции, то неопубликованными остаются около тридцати курганных групп, насчитывающих многие десятки курганных насыпей, в районе Кривой Луки в Астраханской области, а также могильник у с. Косика, расположенный в той же области.

В нашем (Волгоградском) университете мы готовим к изданию Старицкий и Жутовский курганные могильники. Если с подготовкой к публикации Жутовского могильника особых проблем нет, то со Старицким могильником они есть. Рукопись и большая часть иллюстративного материала нами подготовлена уже несколько лет назад, но завершить эту работу мы не можем, поскольку Астраханский музей, где хранится материал по данному памятнику, не предоставляет нам возможность поработать с ним.

Это одна из проблем, когда некоторые музеи под разными предлогами ограничивают возможность работы исследователей с археологическими материалами. Ведь музеи – это те же архивы, которые должны заботиться о нормальном доступе исследователей к археологическим коллекциям, не имеющим грифа секретности. Что касается автора раскопок Старицкого могильника, то его уже давно нет в живых. Надо бы отдать должное тем, кто берет на себя труд подготовить и издать то, что по каким-то причинам Валентин Павлович не успел опубликовать из своих раскопок. Но зачастую у нас реальность бывает иной.

Мне хотелось бы высказать некоторые свои соображения, основанные на личных наблюдениях, о развитии археологии не только в нашем регионе, но, пожалуй, и в стране. Коммерциализация всех сфер нашей жизни, привела к целому ряду негативных факторов, влияющих на развитие археологии. Сей-

час сложно нормально провести археологические раскопки. Денежные средства, выделяемые по экспедиционным грантам, невелики, да еще и не факт, что вы выиграете грант. В настоящее время археологические раскопки обычно проводятся в зоне каких-либостроек, на которые зачастую выделяются значительные средства. Но на выполнение таких работ существует много конкурентов. У нас появилось большое количество частных «контор», занимающихся поиском подрядов на археологические раскопки, причем, как правило, не имеющих достаточной материальной базы и солидной методической и теоретической подготовки. При существующей порочной тендерной системе, выиграв право на раскопки, такие «конторы» начинают создавать временные экспедиции, осуществляют поиск лица, которое может взять открытый лист на право раскопок. В нашем лексиконе появился уникальный термин «листовик». Такой листовик по найму сегодня копает курганы, а завтра поселение по усредненной методике. Здесь главное не научный интерес, а заработок.

В таких условиях, как правило, не проводится комплексное исследование памятника, а это в настоящее время одна из важных задач в археологии. Раскопки, проводимые без участия антропологов, палеозоологов, почвоведов, приводят к потере значительной информации, необходимой для более полных исторических реконструкций.

Раньше, да и сейчас, у нас обычно строители определяют время, за которое должен быть раскопан археологический памятник, находящийся в зоне стройки. Археологические раскопки – это процесс, который сложно регламентировать. Нереальные сроки, отводимые строящими организациями, приводят к нарушению методики раскопок, не способствуют тщательному исследованию археологического объекта, к тому же археологические раскопки не зимний вид занятий, а зачастую по воле строителей раскопки приходится проводить и зимой.

Обычно в любой науке выделяют два уровня – экспериментальный и теоретический, которые тесно связаны между собой. В археологии под экспериментом понимают процесс раскопок, а теория – это ряд процедур, связанных с доведением археологических материалов, полученных в результате раскопок, до уровня исторических источников и включение их в реконструкцию исторических процессов. В настоящее время в археологии, в нашем и других регионах, все больше наблюдается разрыв между экспериментальным и теоретическим уровнем. Экспериментальный уровень все больше становится областью занятия людей, которые теоретическими проблемами не занимались и заниматься не будут. Кроме того, денежные средства обычно снимаются на первом уровне и не идут на укрепление материальной базы творческих коллективов, сохранение их составов, на выполнение сложных и зачастую дорогостоящих анализов археологических материалов.

У науки есть и еще одна обязанность – готовить научную смену, квалифицированные кадры. Этой проблемой не озабочены ни частные археологические учреждения, ни государственные охранные структуры. Подготовка специалистов по археологии всегда осуществлялась и осуществляется через университеты.

Во многих областных центрах Поволжья и других районах, особенно юга России, примерно к 70-м годам при высших учебных заведениях сформировались археологические коллективы, появились археологические лаборатории, начали формироваться творческие коллективы, в которых были учителя и ученики. Такая ситуация сложилась благодаря нескольким факторам, одним из которых было широкое строительство оросительных систем и необходимость в зоне их строительства исследовать археологические памятники, другим фактором являлось то, что основными исполнителями этих раскопок, кроме академических структур и крупных музеев, являлись университеты или педагогические институты. Появление нового массового археологического материала создавало благоприятные условия для научной работы, тесно сочетающейся с преподавательской деятельностью, осуществлялось активное включение студентов в научную работу. С того времени археология в нашем регионе перестала быть столичной наукой.

В настоящее время складывается такая ситуация, что зачастую нормально провести учебную археологическую практику бывает сложно, поскольку ее проведение осуществляется за счет суточных студентов, размер которых даже назвать неудобно. Хоздоговорные раскопки обычно осуществляются охраняемыми государственными структурами, или названными выше «конторами», которые ничем не обременены, кроме как поиском договоров. За отсутствием финансирования штаты археологических лабораторий в вузах постепенно сокращаются. Сейчас развитие вузов и отдельных их научных направлений во многом зависит от способностей их зарабатывать дополнительные средства. Нерентабельность какого-либо научного направления в вузе приводит к его сворачиванию.

Тем, кто претендует на археологические раскопки, но не вкладывает средства в подготовку специалистов надо понять одну истину, популяция, не заботящаяся о своем воспроизводстве, гибнет.

У нас постепенно утрачиваются традиции, сложившиеся в постоянно действующих экспедициях еще в советское время. Я в качестве примера не буду брать такие экспедиции как, например, Боспорская или Хорезмская. Можно сослаться на пример нашего региона. В Поволжской и Астраханской экспедициях в течение многих полевых сезонов, как правило, работало несколько поколений исследователей, осуществлялась преемственность в подготовке специалистов. Из этих экспедиций вышли многие известные исследователи в области археологии.

Экспедиции, спешно создаваемые для раскопок какого-либо памятника выше упомянутыми «конторами», заработав деньги, распадаются. Все больший размах приобретают «одноразовые» экспедиции, в которых преемственность поколений отсутствует.

Есть и еще одна проблема. Археологический материал имеет тенденцию постоянного увеличения, и возникает сложность с его хранением. В 60–80-е годы прошлого века в результате мощного всплеска археологических раскопок, вызванного строительством оросительных систем в южных районах страны, десятки экспедиций выдавали массовый археологический материал, который, как оказалось, нормально хранить негде. Областные музеи не были рассчитаны на хранение большого количества археологического материала,

который стал путешествовать по временным помещениям, подвалам и чердакам, что привело к депаспортизации и утере его части. Но если вещи музеи еще принимают, то костный материал во многих случаях остается бесхозным. Сейчас все большую роль играют смежные с археологией научные дисциплины – палеоантропология и археозоология. Это требует налаживания надлежащего хранения костного материала и антропологического, и зоологического, поскольку так же как и к археологическому материалу, к нему должно обращаться не одно поколение исследователей.

По моему мнению, у нас в стране нет продуманной системы выдач разрешений на производство археологических исследований. Открытые листы получают зачастую люди, не имеющие необходимого опыта и практики археологических раскопок или люди, не обладающие элементарной порядочностью. Департаменту, выдающему открытые листы на право археологических раскопок, необходимо было бы завести банк данных на учреждения в регионах России, которые обладают необходимым научным потенциалом и заявившие о себе как исследовательские центры. Сотрудники, именно этих организаций должны иметь преимущественное право на производство археологических раскопок.

Сулейманова Н.И.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ТЕРЕНОЖКИН – НАЧАЛО АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

История города Пугачева связана с именами многих замечательных людей. Среди них русский археолог Алексей Иванович Тереножкин (1907–1981) – заслуженный деятель науки и лауреат Государственной премии УССР, доктор исторических наук и профессор. Алексей Иванович родился в г. Николаевске (Пугачев) 26 ноября 1907 года. Будущий археолог учился в церковно-приходской школе, начал проводить первые археологические разведки в окрестностях родного города. Его отец имел небольшую букинистическую лавку. Мать – из крестьян с. Толстовка, занималась сельским хозяйством. Голодные годы (1921–1923) семья Тереножкиных провела на Украине, после чего возвратилась в г. Пугачев.

В 1928 году, закончив Высшие курсы при Самарском обществе краеведения, А.И. Тереножкин поступил на историко–археологическое отделение Московского университета, по окончании которого жил и работал в Средней Азии. В годы Великой Отечественной войны Алексей Иванович героически сражался на фронте. После демобилизации А.И. Тереножкин вернулся в Ташкент, восстановился в должности научного сотрудника института истории и археологии АН Узбекской ССР. Затем ученый переехал жить в Киев. На Украине проводил фундаментальные археологические исследования памятников эпохи бронзы и скифского периода Причерноморско-Приднепровских степей. С 1949 г. Алексей Иванович заведует отделом Института Археологии АН Украины, в 1959 – доктор исторических наук, в 1967 – профессор.

В школьные годы Алексей активно занимался в кружке краеведения при музее: «Мое свободное от занятий в школе время уходило на работу по хозяйству и на участие в работе Пугачевского краеведческого музея. Музей я любил так сильно, что мое увлечение наносило ущерб и хозяйству, и даже школьным занятиям» (рис. 1) [Тереножкин, 2006].

В фондах Пугачевского краеведческого музея им. К.И. Журавлева сохранились сведения о первых находках школьника Алексея Тереножкина, которые он принес в музей, когда ему было 13 лет. Это череп древнего человека, подобранный в 1920 г. на берегу реки Большой Иргиз между г. Пугачев и с. Успенка (первое название села Чугуны, позже – Новички). Позже, 17 мая

1923 г. директором музея К.И. Журавлевым и А.И. Тереножкиным была осуществлена археологическая разведка по этому маршруту. Тогда Журавлеву было 22 года, а Тереножкину – 16 лет. В результате разведок обнаружены две стоянки. Стоянка № 1 – при устье третьего оврага, считая от г. Пугачева, на правой его стороне, занимала высокий «взлобок» берега р. Б. Иргиз, ограниченный с востока рекой, а с севера и юга овражками. Культурный слой залегал на глубине от 3/4 до 1 аршина. Ее поверхность ровная, но имела два углубления – заплывшие ямы у берега реки. Профессор Самарского университета В.В. Гольмстен определила поселение, как селище поздней стадии Хвалынской культуры позднего бронзового века [Гольмстен, 1925].

С 17 июня по 31 июля 1923 года Алексей Иванович произвел здесь раскопки в углублении – жилище, нашел золу, черепки посуды и кости животных. На полу кое-где валялись песты, точила, терки и множество черепков керамики. Зола в кострищах слежалась в очень плотный пласт. В этом жилище обнаружено 18 бытовых предметов: бронзовых, каменных и костяных; 4 глиняных сосуда и много фрагментов лепной посуды. Из бронзы четырехгранное шило длиной 6,2 см. Изделия из камня: обломок булавы, кварцитовая терка и скребок, три песта различных форм, пять песчаниковых точил и одно орудие из известняка неопределенного назначения. Интересен фрагмент тщательно отполированной булавы из мягкого, синеватого, кристаллического камня. Из точил три маленьких – со следами заточки шилев или других узких орудий. Керамика трех типов: баночные, горшечно-баночные и острорезерные сосуды. Совместно с К.И. Журавлевым и Н.П. Любомировым молодой археолог обследовал 9–10 августа 1924 г. селище хвалынской культуры на правом берегу р. Мокрая Клопиха, в 6,5 км выше ее устья, близ развалин первого «Хохлатского» хутора. Поселение имело две жилых западины, расположенные друг от друга в 400 м и размываемые весной речными водами.

В этом же месяце 1924 г. Алексей Иванович и Н.П. Любомиров совершили археологические и зоологические исследования по реке Волге от с. Натальино (Селитьба) до деревни Маховка (Никольское), а также по правому берегу Малого Иргиза от Макарьевки до сел Надеждинка и Селезниха. Во время пешего маршрута Тереножкин производил археологические исследования, Любомиров – зоологические. На эти работы музей выделил 20 рублей. По дороге Князевский – Натальино обнаружили курган 27 м в диаметре и 1 м высотой. На юг, юго-восток и восток от с. Натальино по Моховому озеру и левому берегу р. Березовки обследовали донные гряды, засаженные щеложником и осинником. На поверхности песков нашли несколько древних черепков и разрушенное погребение. В 1,5 км от с. Натальино, на правом пологом берегу Березовки обнаружили селище хвалынской культуры. Культурный слой лежал на глубине 40 см. Собранный материал представлен черепками посуды баночного и горшечно-баночного типа. Орнамент – крупнозубчатый и линейный чекан. Кроме того встречен обломок глиняного прясла диаметром 7,5 см, толщиной 1,8 см, диаметр отверстия 1,5 см.

Другой курган нашли в 4 км от с. Натальино. Они прошли по пойме нижнего течения реки М. Иргиз до села Маховка. Алексей Иванович осмотрел дюны близ села Маховка, нашел много кремневых пластин, из которых две были с ретушью. Он также обследовал берег реки Стерех и берега реки

М. Иргиз от с. Марьевка до с. Надеждинка [Тереножкин, 1924]. Тереножкин и Любомиров вернулись в Пугачев 27 августа.

Для Алексея Ивановича важные события произошли в июне 1926 года. Его пригласили принять участие во Второй самарской восточной археологической экспедиции, организованной Самарским обществом археологии, истории и этнографии под руководством профессора В.В. Гольмстен. 19-летний Алексей Иванович из г. Пугачева в г. Самару пошел пешком.

Попутно 27 июня он побывал на неолитической стоянке и на поселении хвальнской культуры на правом берегу реки Чернавы, ниже села Ивановка, напротив Ивантеевского коллективного хозяйства (бывший хутор Шихобаловой-Курлиной). В промоине, пересекающей селище хвальнской культуры, он собрал несколько характерных черепков, два бронзовых орудия: характерных для Хвальнской культуры, маленькое четырехгранное долотце и круглое шило. Кроме этого, он нашел серебряную пряжку с растительным орнаментом «позднего типа». При осмотре пермских отложений в 3 км от с. Падовка, на левом берегу одноименной реки обнаружил несколько черепков хвальнской культуры. Алексей появился в г. Самара 1 июля. До 20 августа он находился в экспедиции, организованной Самарским Обществом археологии, истории и этнографии.

От г. Балаково до г. Пугачева Тереножкин вновь возвращался домой пешком. По пути он обследовал ряд памятников археологии. В Балаково, недалеко от Мальцевской церкви, на плато, прилегающем одним краем к реке Сазанлей, осмотрел курган. Затем Алексей обследовал берег Б. Иргиза и его старицы ниже с. Красный Яр. В 2 км западнее села обнаружил курган. На берегу Мамарыгина озера, в 4 км восточнее с. Красный Яр, нашел много черепков посуды хвальнской культуры в пашне. Далее Тереножкин пошел по правому берегу Б. Иргиза к г. Пугачеву.

В 2–3 км от с. Красный Яр, на краю плато, подмываемого Б. Иргизом, находились три кургана средней величины. Большие их части смыла рекой. В оставшейся части одного кургана, в поле, на глубине 1 м. были видны остатки погребения и целый сосуд. Здесь Алексей заложил метровый участок раскопа. Погребение находилось на глубине 1 м от поверхности кургана. От покойника осталась верхняя часть по грудную клетку, рядом – два сосуда. В верхнем конце с. Тягуновка, на левом берегу реки, на краю плато, обнаружил небольшое селище хвальнской культуры. На правом берегу реки, юго-восточнее церкви с. Быков Отрог, Тереножкин нашел курган. Домой он вернулся 26 августа.

Тогда археологические находки часто поступали в музей от местного населения. Например, житель поселка Полеводинский Гаврила Иванович Черкасов принес 20 мая 1927 г. три каменных шара диаметром 10,8 см, 10 см, 7,5 см. Они выточены из местного пермского известняка, обнажения которого есть около г. Пугачева на горе «Маяк» и близ с. Каменка. Их нашел его сын Михаил (13 лет) у Лопухового Мара. Ранее, в 1923 г. Алексей Иванович открыл поселение бронзовой эпохи в этой местности.

Спустя несколько дней Тереножкин пошел в Полеводинский с целью произвести обследование места находки этих шаров. Дорогой осмотрел берег реки. Михаил Черкасов показал ему место находки. Мальчик рассказал, что

лазая в норы за яйцами щуров, увидел один из шаров, рядом лежали и другие. Алексей, осматривая обнажения культурного слоя в обрыве, нашел большое золище, которое обнажалось через метр от начала обрыва снизу по реке Б. Иргиз. Здесь были найдены кости животных. Затем он отправился в с. Каменка к устью «Сармина оврага», впадающего в р. Б. Иргиз. Здесь осмотрел поселение бронзовой эпохи выше этого оврага и неолитическую мастерскую ниже устья оврага. В результате нашел 6 обломков стрел, микролитическую стрелу с поперечным лезвием и несколько скребков.

Алексей Иванович также производил раскопки курганов. Например, в 1928 г. в курганах, 3,5 км северо-восточнее с. Давыдовки, найдены вещи средневековых кочевников: костяное нагрудное украшение, наконечник стрелы, пряжка от пояса, кость овцы [Гарустович, Ракушин, 1998. С. 116-119]. При раскопках кургана № 1 на правом берегу р. Мокрая Клопиха, в 2 км от с. Давыдовки, обнаружено разрушенное погребение. По этому поводу в отчете А. Тереножкина сказано: «Погребение 1. Судя по остаткам, погребение скорченное, на левом боку, ноги сильно согнуты в коленях. Ориентировка головой на северо-запад. Перед лицом покойника стоял маленький, сильно разрушенный орнаментированный острорезберный сосудик. Погребальный ритуал и керамика определяют это погребение Хвалынской культуры бронзовой эпохи» [Тереножкин, 1928].

Однако с 1927 г. по 1928 г. молодой ученый, прежде всего, занимается изучением жилищ носителей срубной (хвалынской) культуры бронзового века. В эти годы (1926-1928) Алексей Иванович учился на историко-археологическом отделении Высших краеведческих курсов в Самаре. Его преподавателем была В.В. Гольмстен, ученица В.А. Городцова. Обучаясь на курсах, Алексей Иванович продолжал заниматься раскопками в Пугачевском уезде. Его заинтересовали жилища срубной (хвалынской) культуры. С этой целью в 1927 г. он произвел раскопки на Успенском и Клопихинском селищах срубной культуры. Летом того же года с другими пугачевскими краеведами раскопал несколько курганов в группах вдоль берега р. Мокрая Клопиха. По поручению научного музея Самарской губернии 24 июня Алексей выехал вместе со своим братом Иваном в с. Орловку для сбора геологической коллекции. При осмотре берега оврага Калачина обнаружили на правом его берегу селище поздней поры бронзовой эпохи. В обрыве невысокого крутого берега зафиксирован ряд землянок. Одна из них дала богатый материал.

Исследованные жилища А.И. Тереножкин относит к срубной (хвалынской) культуре. Об этом же писала В.В. Гольмстен: «Работы, произведенные в самое последнее время, дают некоторое представление о типе жилищ – землянок или полуземлянок, углубленных на 1 м в землю, устройство стен неясно, быть может, они были из бревен, плах или плетня и завалены снаружи землей, крыша плоская, покоилась на стойках и была так же покрыта землей» [Тереножкин, 2006]. Вместе с братом они пошли далее по правому берегу реки Стерех, вверх по течению Малого Иргиза. Напротив с. Александровки ими был зафиксирован курган, 4 кургана – возле с. Макарьевки, 2 кургана – возле с. Селезнихи и с. Грачи. Также было обнаружено поселение хвалынской культуры в северо-западном конце г. Пугачева, с бедным слоем и разрушенным жилищем.

А.И. Тереножкин вместе К.И. Журавлевым произвели разведочные раскопки на селище хвалынской культуры в окрестностях Большой Ивановки и нашли в обрыве большие скопления материала. Они осмотрели оба берега реки Чернавы недалеко от с. Ивановки, где на левом берегу обнаружили слабо насыщенный культурный слой хвалынской культуры. По дороге от с. Щигры на с. Ивановку обнаружили котлован жилища хвалынской культуры, на дне которого найдены несколько черепков остроруберной и баночной посуды, обломок челюсти коровы. В 1928 г. Алексей Иванович раскапывал землянки на селищах хвалынской культуры: берег р. Мокрая Клопиха, берег озера Калач вблизи совхоза Вольница [Тереножкин, 1928].

В итоге следует отметить, что молодой археолог А.И. Тереножкин занимался преимущественно изучением поселений и жилищ носителей срубной (хвалынской) культуры степного Заволжья. Карта расположения селищ данной культуры в Пугачевском уезде является важным результатом исследований А.И. Тереножкина и К.И. Журавлева. Отчеты, дневники и коллекции по селищам позднего бронзового века за 1920-е годы хранятся в Пугачевском краеведческом музее. Они до сих пор востребованы археологами России и Украины.

Литература:

Тереножкин А.И. Из жизни Алексея Тереножкина (написано его рукой, собрано его сыном). К., 2006.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XX века). Уфа, 1998.

Гольмстен В.В. Материалы по археологии Самарской губернии // Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии и естествознания. Самара, 1925.

Тереножкин А.И. Отчеты об археологических работах, произведенных в Пугачевском уезде // НА ПКМ. Д. 33, 72. 1924.

Тереножкин А.И. Дневник археологических работ, произведенных в Пугачевском уезде в 1928 г. // Научный архив ПМК. 1928.

А.И. Тереножкин (в центре) и К.И. Журавлев (справа)

ЭПОХА КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Андреев К.М.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕЙ И СРЕДНЕЙ ВОЛГИ В НЕОЛИТЕ (на основе анализа керамических комплексов)

Представленная работа посвящена анализу основных векторов взаимодействия древнего населения эпохи неолита наиболее контактных в географическом отношении регионов лесостепного и степного Поволжья, а также Северного Прикаспия. На различных этапах неолитической эпохи направленность, интенсивность и доминантность этих взаимодействий были не одинаковы.

В настоящее время по данному вопросу у большинства исследователей нет серьезных разночтений. В целом, специалисты придерживаются мнения, наиболее полно и аргументировано обоснованного И.Б. Васильевым и А.А. Выборновым [Васильев, Выборнов, 1988], согласно которому носители признаков елшанской культуры, на завершающей фазе, вступают в контакты с представителями культуры накольчато-прочерченной керамической традиции Нижнего Поволжья. В результате, в елшанском гончарстве получают распространение такие признаки, как плоскодонность, примесь толченой ракушки, треугольный накол в отступающей манере, геометризированные схемы узоров. Со временем эта южная традиция становится доминирующей на территории лесостепного Поволжья. Кроме этого, как автохтонное явление, начинается развитие комплекса керамики, украшенной отпечатками гребенчатого штампа, что знаменует собой становление новой культуры – средневожской [Выборнов, 2000; Выборнов, 2008]. Данные выводы впоследствии получили технико-технологическое подтверждение [Васильева, Выборнов, 2009; Васильева, 2011]. С незначительными коррективами эту концепцию приняло большинство заинтересованных специалистов [Моргунова, 1995; Мамонов, 1999].

Прочие исследователи придерживаются иной точки зрения. Они видят истоки формирования накольчатой и гребенчатой традиции орнамента керамики Среднего Поволжья в культурах юго-западных сопредельных регионов [Вискалин, 2009]. Но в последних работах равным по значимости юго-

западному пути проникновения накольчатой традиции ими признан также и южный вариант [Вискалин, 2010]. В предлагаемой статье, в определенной мере согласно концепции И.Б. Васильева и А.А. Выборнова, но используя весь накопленный к настоящему времени массив данных, автор предпринимает попытку пересмотреть ряд положений и детализировать процесс взаимодействия культурных традиций в указанных регионах.

К настоящему времени ранний неолит Нижнего Поволжья является сравнительно малоизученным периодом в археологии. Наиболее ранние керамические комплексы Северного и Северо-Западного Прикаспия также представлены незначительным количеством памятников. В то же время, в лесостепном Поволжье исследовано довольно значительное число стоянок раннего неолита. Однако, несмотря на эту серьезную диспропорцию, даже на основании ограниченного круга южных источников вполне очевидно, что пути неолитизации данных регионов были различными.

В лесостепном Поволжье навыки гончарного производства, по мнению большинства специалистов, проникли с территории Средней Азии. Это проявляется в высокой типологической и технологической степени близости посуды обозначенных регионов [Выборнов, Васильев, 1988; Моргунова, 1995; Мамонов, 1999; Андреев, 2011; Васильева, 2011].

Ранненеолитические комплексы Северного и Северо-Западного Прикаспия обнаруживают определенную близость с материалами лесостепного Поволжья по ряду признаков [Юдин, 2006. С. 369–370]: запесоченность теста керамики и традиция использования органических растворов [Васильева, 1999; Васильева, 2006], профилированность, остродонность и слабая орнаментированность сосудов [Кольцов, 1989; Козин, Комаров, 1989; Мамонов, 1999]. Однако наибольшее сходство они проявляют с ранненеолитическими керамическими комплексами Приазовья, а именно с нижними слоями поселения Ракушечный Яр. В данных регионах представлена типологически (профилированность и плоскодонность отдельных сосудов, разреженный накольчатый орнамент или его отсутствие) и технологически (примесь раковины и песка в тесте, использование в качестве формовочной массы для конструирования посуды илов) близкая керамика [Белановская, 1995; Кольцов, 2004; Кольцов, 2005; Васильева, 1999; Юдин, 2004]. И хотя в ходе ревизии коллекции поселения Ракушечный Яр в нижней свите слоев не была обнаружена остродонная посуда [Долбунова и др., 2011], учитывая широкое распространение этого типа керамики в сопредельных регионах, ее присутствия в раннем неолите Приазовья нельзя исключать.

Представляется, что общая типологическая близость ранненеолитических материалов Среднего и Нижнего Поволжья является следствием явлений не культурного, а стадиального порядка – распространения «первой керамики» в Восточной Европе [Ластовский, 2006]. Оно происходило из одного очага ее возникновения различными путями [Тимофеев, 2002; Белановская, Тимофеев, 2003]. По всей видимости, каких-либо крупномасштабных контактов населения обозначенных областей в начале неолитического периода не происходило, и население Средней и Нижней Волги существовало изолированно друг от друга. Данное обстоятельство было связано с благоприятной климатической обстановкой первой половины VI тыс. до н. э. [Спиридонова, Алешинская, 1999; Кольцов, 2005] и только начавшимся процессом освоения

новых экологических ниш пришлым населением. Обозначенный этап, судя по последним радиоуглеродным определениям, может быть датирован первой половиной VI тыс. до н. э. [Выборнов, 2008; Андреев и др., 2012; Барацков и др., 2012]. По нашему мнению подобная ситуация характерна только для самых ранних этапов неолита Нижней и Средней Волги, а не для всего позднего каменного века в целом, как полагает ряд исследователей [Ставицкий, 2004. С. 214].

Уже со второй половины VI тыс. до н. э. между Нижним и Средним Поволжьем прослеживаются определенные контакты, которые, по всей видимости, были вызваны причинами природно-климатического характера. Именно в это время палеогеографы отмечают резкие климатические изменения, связанные с аридизацией на всей территории Восточной Европы и оказавшие наиболее сильное влияние на степную зону [Болиховская, 1990; Спиридонова, Алешинская, 1999; Кулькова, 2007]. В частности, они повлияли на миграцию основного объекта охоты неолитического населения – кулана в северном направлении, вслед за которым туда же переместилась часть обитателей Нижней Волги [Барынкин, 2002]. Подобная картина характерна не только для неолитического периода, но и для эпохи мезолита, о чем свидетельствуют материалы стоянки Нижняя Сызрань лесостепного Поволжья, обнаруживающие практически полные аналоги в мезолите Северного Прикаспия [Ласовский, 2000].

С наступлением аридизации не все население Нижнего Поволжья перемещается на север в Среднее Поволжье. Большая его часть смещается в южном направлении или пытается приспособиться к новой природно-климатической обстановке. Пришлые группы не оказывают определяющего влияния на местное неолитическое население – носителей елшанской культуры. Судя по всему, в результате контактов в елшанском гончарстве получает распространение традиция изготовления керамики из илов с примесью раковины, что фиксируется на части памятников бассейна реки Самары [Васильева, 2007; Васильева, Выборнов, 2012]. В этой связи примечательно распространение на ряде стоянок единичных сосудов, имеющих на внутренней стороне венчика небольшой наплыв-утолщение и легкую биконичность, на что обратил внимание А.В. Вискалин. На основании данных черт он видел истоки елшанской керамической традиции в западных регионах, вплоть до Балканского полуострова [Вискалин, 2002; 2009]. Однако даже если допустить, что обозначенные элементы были привнесены в среду елшанского населения, а не происходят с территории его происхождения – Средней Азии, где они также представлены [Виноградов, Мамедов, 1975; Виноградов, 1981], то наиболее вероятным источником их заимствования, в виду географической близости, можно считать территорию Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия. Так, на Варфоломеевской стоянке сосуды биконических очертаний известны с третьего слоя, а наплывы-утолщения по венчику со слоя 2Б, и их количество постепенно увеличивается [Юдин, 2004; 2006; 2006а]. Посуда биконических очертаний встречена и в Прикаспии на стоянке Каиршак III [Васильев, Выборнов 1988; Васильев и др., 1989], материалы которого датируются первой половиной VI тыс. до н. э. [Выборнов, 2008; Барацков и др., 2012]. Возможно с этим же временем связано заимствование елшанским населением

традиции изготовления плоскодонной посуды, отмечающееся рядом специалистов, как характерный признак влияния населения Нижней Волги [Васильев, Выборнов, 1988; Выборнов, 2008]. Однако, по мнению части исследователей, данная гипотеза нуждается в дополнительной проработке, так как на сегодняшний день в лесостепном Поволжье нет надежных свидетельств хронологического приоритета остродонной посуды над плоскодонной [Андреев, 2012].

Следующий этап взаимодействия неолитического населения лесостепного и степного Поволжья связан с мощной экспансией южных популяций в лесостепь. По всей видимости, она имела место на этапе существования слоя 2А Варфоломеевской стоянки, или в конце слоя 2Б, когда исследователями отмечается наиболее благоприятная климатическая обстановка способствовавшая росту населения [Юдин, 2004. С. 7]. Это нашло отражение в значительной мощности слоя 2А. Согласно радиоуглеродным датировкам слоев 2Б и 2А обозначенный процесс относится к рубежу VI и V тыс. до н. э., чему не противоречат даты, полученные по накольчатой керамике Ивановской стоянки [Выборнов, 2008; Выборнов и др., 2009].

Наиболее сильное влияние южная миграция оказала на неолитическое население бассейна Самары. Это заметнее всего отразилось в материалах стоянок Ивановка и Виловатое, исследованных широкими площадями [Васильев и др., 1980; Моргунова, 1988; 1995]. Наряду с типично елшанской керамикой, на данных памятниках представлено значительное количество сосудов, орнаментированных в накольчатой технике. Необходимо подчеркнуть, что на Ивановской стоянке елшанская керамика может быть датирована первой половиной VI тыс. до н. э. [Выборнов и др., 2009; Андреев и др., 2012] и имеет более раннее стратиграфическое положение [Моргунова, 1988] по сравнению с накольчатыми материалами. Это лишний раз свидетельствует о продолжительном времени обособленного существования елшанского населения. Согласно радиоуглеродным определениям, полученным по накольчатым материалам Ивановской стоянки, их распространение может быть отнесено к рубежу VI-V тыс. до н. э. [Выборнов, 2008; Выборнов и др., 2009]. Вероятно этим, или несколько более ранним временем может быть датирован процесс проникновения носителей накольчато-прочерченной традиции орнаментации керамики с Нижней Волги в Среднее Поволжье. Примечательно, что с точки зрения типологии материалы южных регионов находят практически полные аналогии в керамических комплексах памятников бассейна Самары. Это проявляется как на самом общем уровне – накольчатый орнамент в отступающей манере, простые многорядные мотивы, так и на более специфическом – сложные геометризированные композиции орнамента («песочные часы», многорядные свисающие треугольники, горизонтальные зигзаги и др.). Все это свидетельствует о непосредственном проникновении носителей накольчато-прочерченной традиции орнаментации керамики в лесостепь [Васильев и др., 1980; Моргунова, 1988; Васильев и др., 1989; Юдин, 2004; 2006; Кольцов, 2004; 2005]. Значительную близость накольчатых материалов бассейна Самары керамическим комплексам нижеволжской культурно-исторической общности подтверждают и результаты технико-технологического анализа, согласно которому с распространением

накольчатой керамики начинает господствовать традиция изготовления сосудов из илов с добавлением раковины в керамическое тесто [Васильева, 1999; 2007; 2008; Васильева, Выборнов, 2012]. С этим же временем может быть связано проникновение нижеволжского населения в лесостепное Прихоперье, начальные этапы неолита которого справедливо связываются с елшанской культурной традицией [Хреков, Юдин, 2003; Юдин, 2004].

По всей видимости, миграция нижеволжского населения ограничилась бассейном реки Самары, в материалах памятников которого отмечаются практически полные аналоги нижеволжским коллекциям. На бассейн реки Сок нижеволжское население оказало лишь опосредованное влияние. Здесь на посуде, орнаментированной наколами, представлены простые линейные мотивы в несколько рядов и практически отсутствуют сложные композиции [Выборнов, 2000; Выборнов и др., 2007]. В центре и на севере лесостепного Поволжья носители елшанской культуры обитали на протяжении первой половины V тыс. до н. э., и этот период является временем сосуществования финальных елшанских [Андреев и др., 2012] и ранних средневолжских комплексов [Выборнов, 2008; Выборнов и др., 2009]. К середине V тыс. до н. э. возрастающая доминанта средневолжской культуры приводит к угасанию елшанской керамической традиции, однако не к полному ее исчезновению, отдельные черты елшанского гончарства продолжают фиксироваться в среде нового населения на всем протяжении его существования.

Таким образом, можно уверенно говорить о сложении средневолжской культуры развитого и позднего неолита лесостепного Поволжья с рубежа VI–V тыс. до н. э. Она формировалась на двухкомпонентной основе, состоящей из местной елшанской и пришлой накольчато-прочерченной культур. В результате мощного импульса нижеволжского населения в лесостепном Поволжье получает распространение и закрепляется накольчатая система орнаментации. В то же время, в среде средневолжского населения продолжает сохраняться елшанская традиция изготовления неорнаментированной или украшенной лишь пояском жемчужин посуды [Выборнов, 2000]. Весьма примечательны результаты наблюдения за технологией изготовления керамики орнаментированной наколами, определенное количество которой изготовлено из илистой глины, характерной для елшанского гончарства [Васильева, 2007; Васильева, Выборнов, 2012]. В этой связи стоит отметить, что типологическое разделение коллекций памятников, не имеющих четкой стратиграфии, на ранние елшанские и поздние средневолжские комплексы всегда будет достаточно схематичным в виду их генетической близости, вследствие чего традиции изготовления определенных типов керамики характерны для обеих культур.

По всей видимости, влияние нижеволжских культур накольчато-прочерченной керамики не было однонаправленным, они являлись не только культурами-донорами [Юдин, 2004. С. 153], но и реципиентами, хотя и в меньшей степени. Определенное отражение воздействие лесостепного населения нашло в распространении в орловской культуре традиции изготовления части посуды из илистой глины [Васильева, 2008], а также в примеси шамота фиксирующейся в тесте отдельных сосудов слоя 2А Варфоломеевской стоянки [Юдин, 2004. С. 40]. С этим же, возможно, связано постепенное уве-

личение профилированности посуды на южных памятниках от раннего к позднему неолиту [Кольцов, 2004. С. 96; Юдин, 2004. С. 151]. Но не исключено, что данное явление вполне может являться следствием саморазвития. Интересно присутствие в слое 2А Варфоломеевской стоянки сосудов, украшенных жемчужинами, при этом ямки, образующиеся в результате их нанесения с внутренней стороны сосуда, зачастую заглаживались, в виду несформированности обозначенного орнаментального приема на Нижней Волге, который является подражанием заимствованной традиции [Юдин, 2004. С. 41]. Согласно мнению большинства специалистов, с влиянием лесостепного населения также связано появление незначительного количества керамики, украшенной гребенчатым штампом на Нижней Волге [Кольцов, 2004; Юдин, 2004]. В целом, к концу неолитического периода вектор культурных воздействий лесостепного населения становится доминирующим, что наиболее рельефно проявляется в эпоху энеолита.

Литература:

Андреев К.М. Происхождение и ареал распространения керамики елшанской культуры // XIII международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: материалы и тезисы докладов. Оренбург, 2011.

Андреев К.М. Проблемы периодизации и хронологии елшанской культуры // Самарский край в истории России. Самара, 2012. Вып. 4.

Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 14. № 3. Самара, 2012.

Барацков А.В., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 14. № 3. Самара, 2012.

Барынкин П.П. Культурно-хозяйственная традиция и экологические процессы степного Поволжья в период 10–5 тыс. лет назад // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2002. Вып. 2.

Белановская Т.Д. Из древнего прошлого Нижнего Подонья: поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб., 1995.

Белановская Т.Д., Тимофеев В.И. Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб., 2003.

Болиховская И.С. Палиноиндикация изменения ландшафтов Нижнего Поволжья в последние 10 тыс. лет // Каспийское море. Вопросы геологии и геоморфологии. М., 1990.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пеннин Г.Г. Вилловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1988.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследование неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.

Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып. 1.

Васильева И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4.

Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2007. Вып. 8.

Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики Орловской стоянки // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.

Васильева И.Н. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2011.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. О времени и характере взаимодействия неолитического населения степного и лесостепного Поволжья // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. СПб., 2009.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Новые подходы к изучению неолитизации в Среднем Поволжье // Самарский край в истории России. Самара, 2012. Вып. 4.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. М., 1981.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. М., 1975.

Вискалин А.В. Пути неолитизации Волго-Камья // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5.

Вискалин А.В. К вопросу о юго-западных контактах неолитических сообществ Волго-Уральской лесостепи // Тверской археологический сборник. Тверь, 2009. Вып. 7.

Вискалин А.В. Динамика климатических колебаний и культурные процессы в неолите Волго-Уральской лесостепи // Человек и древность: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010.

Выборнов А.А. Средневожская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.

Выборнов А.А., Королев А.И., Мамонов А.Е., Овчинникова Н.В. Неолитическая керамика стоянки Лебяжинка IV в лесостепном Поволжье // Вестник СГПУ. Исторический факультет. Самара, 2007. Вып. 3.

Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. К радиокарбоновой хронологии неолита Среднего Поволжья: восточный регион // РА. № 3. 2009.

Долбунова Е.В., Кулькова М.А., Мазуркевич А.Н. Результаты комплексного исследования глиняной посуды из слоев 23–14 поселения Ракушечный Яр (по материалам раскопок Т.Д. Белановской) // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии: материалы международной научной конференции. Самара, 17–18 июня 2011. Самара, 2011.

Козин Е.В., Комаров А.М. Памятники раннеолитического времени в южной части Волго-Уральских песков // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.

Кольцов П.М. Раннеолитическая стоянка Ту-Бузгу-Худук в Северо-Западном Прикаспии // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.

Кольцов П.М. Поселение Джангар. Человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М., 2004.

Кольцов П.М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М., 2005.

Кулькова М.А. Климатические катастрофы в раннем и среднем голоцене и их влияние на древние сообщества // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007.

Ластовский А.А. Мезолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.

Ластовский А.А. О культурном статусе керамики елшанского типа // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4.

Мамонов А.Е. О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып. 1.

Моргунова Н.Л. Ивановская стоянка в Оренбургской области // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. № 1. 1999.

Ставицкий В.В. Дискуссионные вопросы изучения Нижневолжского неолита // Историко-археологические изыскания. Самара, 2004. Вып. 6.

Тимофеев В.И. Некоторые проблемы неолитизации Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5.

Хреков А.А., Юдин А.И. Многослойная стоянка Шапкино VI // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья Саратов, 2004.

Юдин А.И. Неолит // Археология Нижнего Поволжья. Т. 1. Каменный век. Глава III. Волгоград, 2006.

Юдин А.И. Культурно-исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ижевск, 2006а.

Барацков А.В.

ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ И СТРАТИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КЕРАМИКИ СТОЯНКИ КАИРШАК III

Стоянка Каиршак III была обнаружена в 1986 г. и исследовалась на протяжении нескольких лет, а в 1989 г. материалы были опубликованы. Данный памятник стал опорным в изучении неолита Северного Прикаспия.

В связи с получением различных радиоуглеродных дат по керамике стоянки Каиршак III возникла необходимость планиграфически и стратиграфически рассмотреть распределение керамики на памятнике. Новизна работы заключается в том, что исследование проводилось в контексте линз культурного слоя и жилищ стоянки. При сравнении материалов по горизонтам из разных линз и сооружений, мы сможем получить более достоверную картину единства или же отличия их от цельного комплекса стоянки.

На памятнике получена представительная коллекция артефактов. Керамика представлена 1510 фрагментами приблизительно от двухсот сосудов. Сосуды изготавливались вручную ленточным способом. Обжиг неровный: есть крепкие, хорошо обожженные черепки (в основном от тонкостенных сосудов), также присутствуют рыхлые фрагменты керамики (они принадлежат, в основном, крупным, толстостенным сосудам) [Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С. 23].

Неолитические сосуды Северного Прикаспия изготавливались из озерного ила, в котором присутствует естественная примесь раковин моллюсков [Васильева, 1999. С. 76]. Керамика стоянки Каиршак III на 98% состоит из илов, что свидетельствует о ее однородности. Все сосуды плоскодонные, по форме они распределяются по двум группам, с двумя вариантами в каждой: профилированные (слабо и сильно); баночные (открытые и закрытые). Баночные сосуды по количеству более чем в три раза превосходят профилированные.

Исследователи отмечали разнообразие и геометризм орнаментальных композиций на сосудах, среди них, есть как простые, так и сложные [Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С. 28]. Автор данной работы согласен с предложенной схемой выделения орнаментальных композиций, поэтому планиграфический и стратиграфический анализ залегания керамики будет проводиться, исходя из указанных групп. К простым композициям можно отнести:

1 – горизонтальные ряды прочерченных линий или одиночных наколов;

2 – горизонтальные ряды прочерченных линий в сочетании с одиночными наколами;

3 – косовертикальные ряды прочерченных линий;

4 – косовертикальные ряды прочерченных линий в сочетании с одиночными наколами.

Сложными композициями можно считать:

5 – горизонтальные ряды прочерченных линий в сочетании с вертикальными или косовертикальными рядами прочерченных линий, иногда с добавлением наколов;

6 – горизонтальный зигзаг из прочерченных линий или одиночных наколов;

7 – висячие треугольники и противоположащие треугольники;

8 – ряды взаимопроникающих треугольников;

9 – ромбовидные композиции;

10 – меандр;

11 – прямоугольные композиции.

Орнамент выполнен в технике прочерка (14%), накола (15%) и прочерченно-накольчатой (71%).

Линза 1 имела размеры 2,8 м по линии С-Ю и 3 м по линии В-3, мощность линзы составляет 0,4 м. После выборки заполнения, состоящего из коричневатого-серого песка и насыщенного костями животных, керамикой и кремневыми изделиями, было обнаружено овальное углубление в материке, заполненное черным углистым песком. В северо-восточной части котлована обнаружено пятно охристого цвета около полуметра в диаметре. При расчистке в нем были обнаружены кости от передней и задней ног кулана, лежащие в анатомическом порядке, кусок песчаника со следами охры, а также кремневые изделия. Судя по размерам, наличию очажного пятна и крутизне стенок котлована, линзу можно интерпретировать как остатки котлована жилого сооружения [Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С. 20]. Керамика линзы 1 (рис. 1, 1-3) в целом соответствует общему комплексу стоянки. Сосуды здесь преимущественно баночной формы, но встречаются и горшковидные (рис. 1, 1). Сосуды украшены композициями типов 1, 2, 4, 5, 7, присутствует и неорнаментированная керамика (рис. 1, 2). Особенностью этой линзы является фрагмент ладьевидного сосуда, в шифре не указан слой, но в пользу его единства с комплексом свидетельствует идентичность технологии производства и орнаментальные композиции.

Линза 2 имела размеры 3 м по линии С-Ю и 1,6 м по линии В-3. На поверхности линзы фиксировались два пятна, имевшие более темную окраску, еще одно углистое пятно было зафиксировано на уровне материка. Заполнение состояло из коричневатого-серого песка, насыщенного костями животных, фрагментами керамики и изделиями из кремня. Материал линзы 2 не различается с материалами других линз (рис. 1, 4, 5). Доминирует баночная форма сосудов. В данной линзе крайне небольшое количество материала, а орнаментальные композиции представлены типами 1, 2, 5, 8. Один фрагмент украшен овальными наколами по срезу венчика (рис. 1, 5).

Линза 3 имела размеры 8,3 м по линии С-Ю и 6 м по линии В-3. Заполнение линзы – коричневатого-серый песок, насыщенный костями и мелкими

уголками. В линзе зафиксирован крупный очаг, к юго-востоку от него находилось еще одно очажное пятно, вокруг них зафиксировано большинство находок. Судя по размерам, наличию двух очажных пятен и развалов сосудов, линзу можно интерпретировать как остатки котлованов жилищ полуземляночного типа [Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С. 22]. Линза 3 является сооружением № 2 (рис. 1, 6–14). В линзе 3 найдено значительное количество керамики (рис. 1, 6–14) которую можно проследить по горизонтам и сравнить с линзой 4. Здесь большая часть сосудов баночной формы, но встречаются и горшковидные с отогнутым венчиком (рис. 1, 7). В первом горизонте композиции представлены типами 1, 2, 3, 4. Во втором присутствуют те же композиции, что и в первом, но добавляется сложная композиция 5. В третьем горизонте повторяются все орнаментальные композиции из 1 и 2 горизонта, и добавляется еще одна сложная композиция 9. Как и в линзе 2, один фрагмент украшен овальными вдавлениями по срезу венчика (рис. 1, 10).

Линза 4, вероятнее всего, представляет собой остатки котлована жилища полуземляночного типа. Размер линзы – 9,4 м по линии С–Ю и 3 м по линии В–З. В линзе обнаружен большой зольник размерами 4,3 м с севера на юг и 3 м с востока на запад, мощность его достигает 0,3 м. Заполнение зольника – обожженные кости животных, керамические черепки, несколько развалов сосудов, кремневые изделия. Авторы публикации отмечают, что сооружение, остатки которого представлены линзой 4, предшествует сооружению 3 [Васильев, Выборнов, Козин, 1989. С. 23]. Возможно, после того как оно было покинуто, его котлован использовали как хозяйственную яму, в которую сбрасывали отходы: обгоревшие кости животных, золу из очагов, разбитые сосуды. В результате этого и образовался зольник. В Линзе 4 выделены четыре культурных горизонта, насыщенные керамикой (рис. 2, 1–15). Доминирует баночная форма сосудов, но найдены и фрагменты горшковидной формы с отогнутым венчиком (рис. 2, 13). Горизонт 1 характеризуется следующими орнаментальными композициями – 1, 2, 3, 4, 5. Для горизонта 2 типичны более сложные, по сравнению с первым, композиции типов 1, 2, 3, 4, 5, 9. Третий горизонт отличается от первого и второго еще большим количеством сложных орнаментальных композиций – 1, 2, 3, 4, 5, 8, 11 – и лучшей сохранностью керамики. В горизонте присутствуют хорошо сохранившиеся, крупные фрагменты керамики, украшенные сложными орнаментальными композициями, которые не встречаются в 1 и 2 горизонтах. В третьем горизонте жилища найдены четыре фрагмента от двух сосудов тентексорского типа (рис. 2, 7–10). Горизонт 4 мало, чем отличается от третьего. Орнаментальные композиции встречаются как простые, так и сложные – 1, 2, 3, 5, 9, – два фрагмента украшены вдавлениями по срезу венчика, сосуды крупные и богато украшены орнаментом (рис. 2, 11, 12, 14). В пятом горизонте керамика фактически отсутствует, но в квадрате 105 был найден сосуд, украшенный висячими треугольниками. Он тонкостенный и прочнее керамики стоянки Каиршак III, орнамент нанесен неровным прочерком. Вероятнее всего, данный сосуд, найден в яме, оставленной населением, пришедшим на территорию стоянки в более позднее время.

Линза 5 имела размер 2,7 м. по линии С–Ю и 3,7 м. по линии В–З. На дне котлована обнаружены остатки очага в виде линзы коричнево-черного песка.

Остатков посуды в линзе 5 найдено немного (рис. 2, 17-18), поэтому по керамической составляющей нет возможности сравнить культурные горизонты. Вся керамика линзы, баночной формы и не отличается от материала предыдущих линз. Орнаментальных композиций немного – 1, 2, 4, 5.

Линза 6 вытянута с юго-запада на северо-восток на 4,5 м, а ее ширина составляет 1,6 м. Линза заполнена углистым, коричневато-черным песком, и располагает крайне небольшим количеством материала (рис. 3, 1-3), где доминируют сосуды баночной формы. Орнаментальные композиции – 1, 2, 3, 5 – практически идентичны декору керамики из линзы 5.

Линза 7 имела размеры 2,7 м по линии С-Ю и 2,3 м по линии В-З. На глубине 0,45 м был обнаружен прослой углисто-черного песка. Эта линза самая скромная по количеству керамики и орнаментальных композиций – 1, 2, 5 (рис. 3, 4-7). Однако здесь в квадрате 28, в верхней части слоя были обнаружены три фрагмента керамики от одного сосуда (рис. 3, 5; 6). Сосуд отличается от каиршакских и более сходен с тентексорскими. Но, в отличие от представленных на стоянке Тентексор и в более раннем комплексе этого типа на стоянке Качкарстау, наши тоньше и прочнее. Прослеживается биконичность, присущая каиршакской, а не тентексорской керамике. Овальные наколы в отступающей манере более мелкие и нанесены поверхностно, а не так глубоко, как на тентексорской посуде. Можно предположить, что эти фрагменты принадлежат более позднему, чем основной каиршакский комплекс, раннетентексорскому типу. Они выглядят более ранними, чем фрагменты стоянки Тентексор III, которые датируются $7005 \pm 90\text{BP}$ [Выборнов, 2009. С. 239]. Подтверждают данную версию и кости из соседнего с седьмой линзой квадрата 32. Они отличаются от остальных костей стоянки Каиршак III, гораздо лучшей сохранностью, на них видны следы подлощенности и обработки, все они из второго штыка. Кости из других квадратов сохранились гораздо хуже, они пористые и рыхлые. Видимо, данные фрагменты керамики и кости появились на памятнике, уже после того, как каиршакское население покинуло его [Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012. С. 201].

Подводя итоги проделанной работы, следует обратить внимание на регресс в орнаментальных композициях стоянки Каиршак III. По имеющимся материалам очевидно, что в четвертом и третьем слоях, керамика украшена более сложными и разнообразными орнаментальными композициями, что реже встречается в первом и втором слоях. Можно предположить, что население, заселившее стоянку Каиршак III примерно 7700 лет назад, принесло с собой сложные орнаментальные композиции: горизонтальный зигзаг из прочерченных линий или одиночных наколов; ряды взаимопроникающих треугольников; ромбовидные композиции; меандр; прямоугольные композиции, которые по простоте лет стали забываться. Особенно это заметно при сравнении с материалами стоянки Каиршак I, на которой отсутствуют сосуды с ребром и сложные орнаментальные композиции, зато появляются трапеции со струганной спинкой, являющиеся более поздним признаком.

Литература:

Барацков А.В., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 14. № 3. Самара, 2012.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследования неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия: Межвузовский сборник научных трудов / Куйбышевск. гос. пед. ин-т. Куйбышев, 1989.

Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып. 1.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.

Выборнов А.А. Проблемы хронологии неолита Северного Прикаспия // Неолит среднего Поволжья в системе культур Евразии. Самара, 2011.

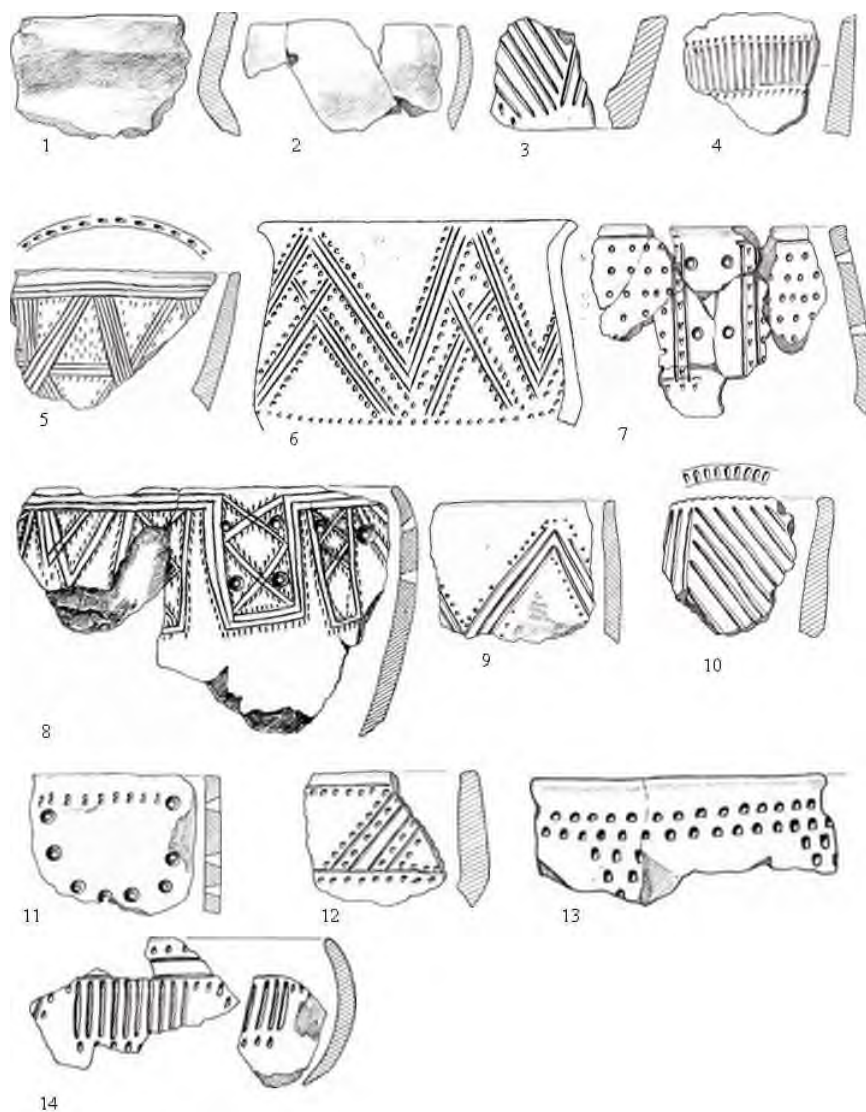

Рис. 1. Керамика стоянки Каиршак III

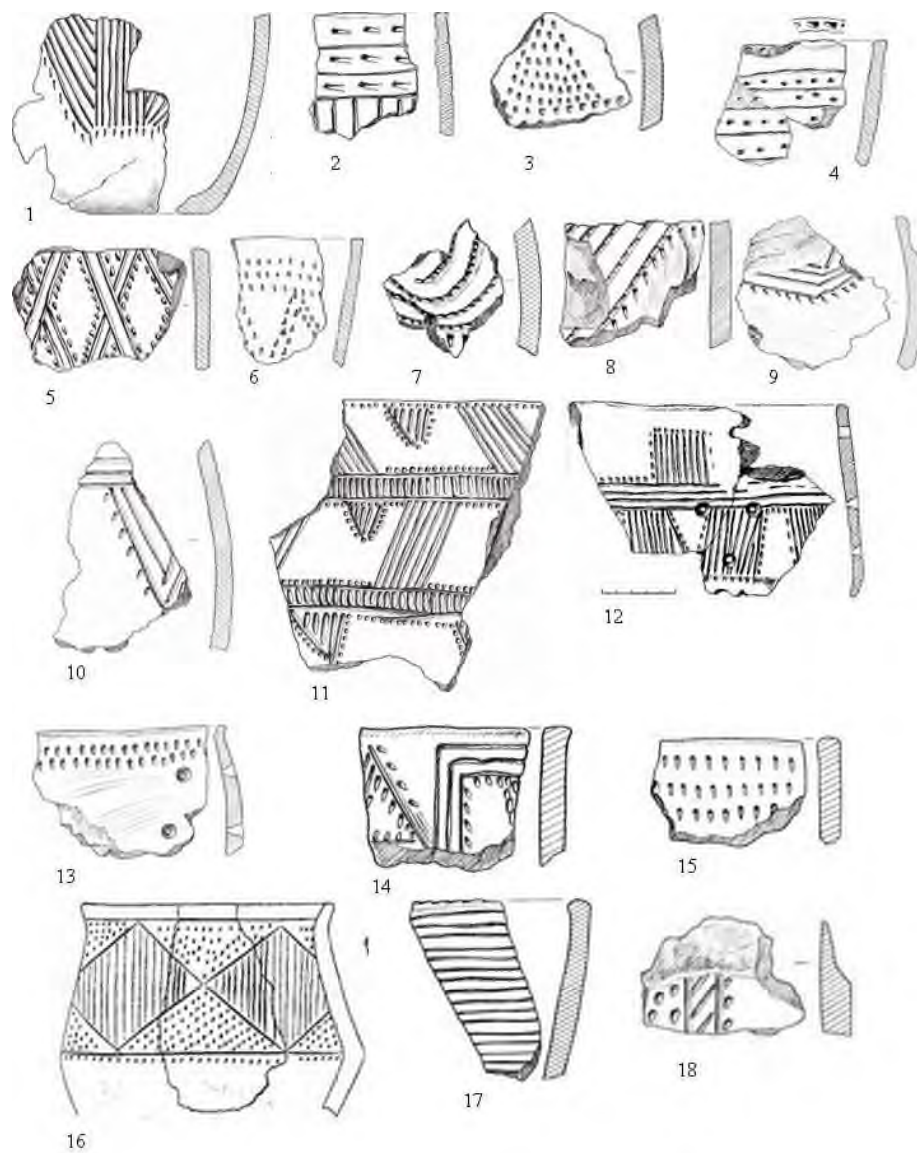

Рис. 2. Керамика стоянки Каиршак III

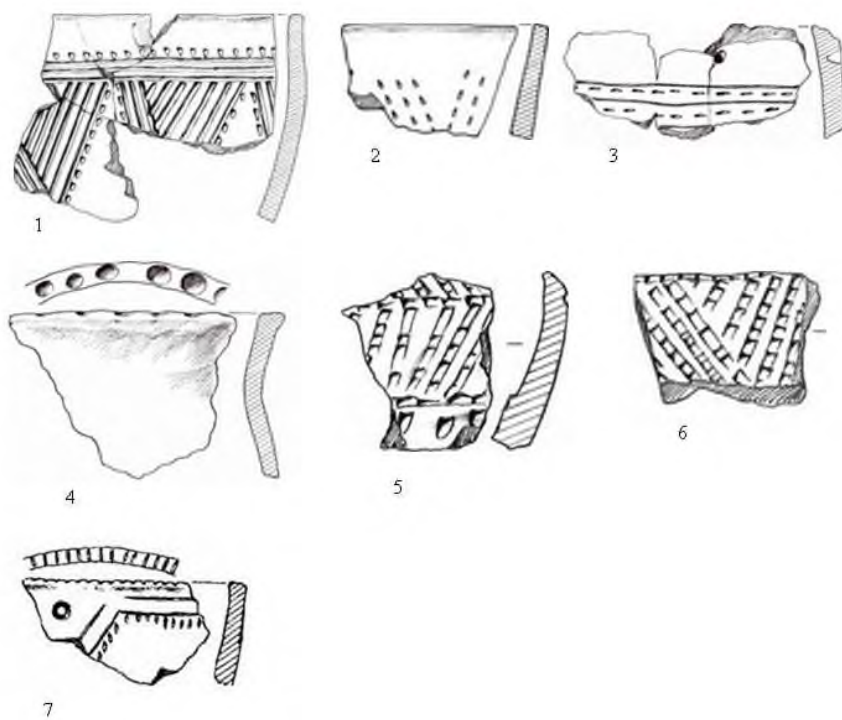

Рис. 3. Керамика стоянки Каиршак III

*Борисов А.В., Бухонов А.В.,
Гак Е.И., Плеханова Л.Н.*

ИНФРАСТРУКТУРА КАТАКОМБНОГО ПОСЕЛЕНИЯ РЫКАНЬ-3 В СВЕТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Изучение структурной организации пространства поселений является одной из актуальных задач в проблематике катакомбной общности среднего бронзового века. Этот аспект до сих пор мало привлекал к себе внимание в связи с недостатком или отсутствием данных, источником которых были и остаются в основном многослойные памятники. Такие памятники абсолютно преобладают и в Доно-Волжском междуречье [Пряхин, 1982; Малов, Филипченко, 1995]. В последние годы вопросы выявления и систематизации инфраструктурных признаков решаются на материалах поселения Рыкань-3 – одного из редких однослойных объектов лесостепной зоны этого региона. По особенностям керамики и некоторых вещевых находок поселение относится к первой половине – середине развитого этапа среднедонской катакомбной культуры, что в свете последних разработок и новейших радиоуглеродных дат, включая и полученные для поселения AMS-даты, соответствует диапазону XXVI–XXIV вв. до н. э. [Мимоход, 2009. С. 35–38. Илл. 24; Гак, в печати]. На фоне многих бытовых памятников катакомбной общности поселение Рыкань-3 выделяется удачным сочетанием информативности и масштабности раскопок, что делает возможным проведение углубленных разносторонних исследований, опирающихся на тщательную полевую фиксацию и камеральную обработку данных в синтезе с лабораторными естественнонаучными измерениями. Обсуждению некоторых результатов изучения инфраструктуры поселения в русле междисциплинарного подхода посвящена наша статья.

Поселение Рыкань-3 расположено на невысоком остепненном останце первой надпойменной террасы правого берега реки Усмань, в нижнем ее течении, географически тяготеющем к средней части левобережного Подонья (рис. 1). Керамика поселения встречается на территории, близкой к 1 га. Предпринятые Ю.П. Матвеевым в 1979 г. небольшие раскопки установили факт однослойности памятника [Матвеев, 1980]. Спустя 30 лет экспедиции

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проекты № 12-06-00249-а, 12-06-00272-а).

Исторического музея (руководитель Е.И. Гак) за несколько полевых сезонов удалось исследовать основную его часть, силами специалистов Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН провести цикл естественнонаучных работ и, таким образом, получить источники для реконструкции хозяйственно-бытовых особенностей и ландшафтно-экологических условий существования катакомбного поселка.

Принципы устройства поселения в рельефе определены с помощью бурения скважин по трансектам, которые пересекали территорию памятника крест-накрест, выходя за ее пределы. Бурение производилось до почвообразующих пород. В кернах фиксировались цвет, гранулометрический состав, содержание гумуса, наличие новообразований и включений, определялись глубина залегания слоя, синхронного времени существования катакомбного поселка, и степень интенсивности денудационно-аккумулятивных процессов. Полученные в результате бурения данные позволяют представить палеорельеф занятого поселением участка как достаточно заметное возвышение, полого спускавшееся по направлению к северу, где залегал овраг, дно которого было на 0,7–1 м ниже, чем древняя поверхность почвы на территории поселения. Дальше культурный слой и керамика не распространяются, из чего можно заключить, что для поселения данный овраг служил естественной северной границей. Наиболее контрастно в современном рельефе выделяются контуры основной площадки поселения, которая приходится на центральную возвышенность. Южные склоны и край площадки разрушены рекой. Менее выражен переход от этой площадки к вышерасположенному западному участку. На востоке территорию поселения разрезает молодой овраг, изолирующий от основной площадки небольшой сегментовидный участок. В древности на месте этого оврага могла быть какая-то эрозионная западина, но судить о ее генезисе и размерах не представляется возможным. С южной стороны значительный кусок восточного участка поселения уничтожен размывами реки.

В наименьшей степени природные процессы затронули центральную площадку памятника. Не считая утраты южного края, ее внешний облик за последние тысячелетия мало изменился, чему способствовало отсутствие распашки, застройки и какого-либо иного хозяйственного освоения территории, где прежде размещались основные сооружения катакомбного поселка. Поверхность площадки ровная, практически горизонтальная. Культурные отложения запечатаны дерном и подстилаются плотным вязко-глыбистым горизонтом погребенной почвы. Они включены в слой современного чернозема суглинистой структуры, равномерно распространяющийся по всей площадке на толщину 0,3–0,4 м. Максимальный уровень антропогенной нагрузки определен естественнонаучными методами для нижней половины культурного слоя [Гак, Борисов, 2011. С. 121–122], что соответствует стратиграфической позиции очагов, кострищ, скоплений кухонно-бытовых остатков, маркирующих дневную поверхность времени существования поселка.

Проведенными раскопками на основной площадке памятника выявлен целостный комплекс бытовых и хозяйственных объектов (рис. 2). Важнейшая, структурообразующая роль в этом комплексе принадлежала трем наземным каркасно-столбовым постройкам. От одной из них, полуземляночного типа

(постройка 1), сохранился фрагмент прямоугольного котлована, южная часть которого уничтожена рекой. Котлован был незначительно углублен в материке и, судя по расположению вокруг него столбовых ям, занимал далеко не все пространство наземного помещения. Специфичной чертой построек 2 и 3 является наличие в их внутреннем пространстве существенно меньших по площади, но глубоких котлованов, функционировавших как погреба. Кроме полевых наблюдений [Гак, Борисов, 2012. С. 198–200], в пользу такой интерпретации говорят аналитические данные, полученные по колонкам образцов из заполнения котлована постройки 2, дно которого состояло из трех вытянутых цепочкой округлых углублений. Показательным является увеличение содержания подвижных фосфатов в нижней части заполнения, причем резкий скачок их значений отмечается в придонном слое, расположенном на глубине 1,1–1,3 м от современной поверхности, что может быть связано с разложившейся органикой, попадавшей на дно котлована во время его использования (рис. 3). Уменьшение показателя подвижных фосфатов с глубины 1,1 м кверху котлована объясняется постепенным сползанием в него после запустения поселка прилегающего гумусового слоя: вначале приповерхностного с высоким содержанием фосфатов, затем нижележащего, обедненного ими. Микробиоморфный анализ установил отсутствие следов культурных злаков, а также технических растений (соломы, тростника, рогоза), которые могли бы говорить об использовании цыновок или подстилок. Вероятнее всего, непосредственно в углубления на дне котлована помещались тарные глиняные сосуды с пищевыми и/или иными запасами животного-растительного происхождения.

Расположение построек и находившихся за пределами их площади очагов, кострищ, хозяйственных ям на основном участке поселения демонстрирует кольцевую планировку вокруг крупной культовой ямы, заполненной пирогенными отходами (золотой, прокалом). Связи объектов инфраструктуры прослеживаются в особенностях пространственно-статистического распределения разрозненных обломков посуды, в массе тяготеющих к занятому постройками пространству. Та же закономерность наблюдается в локализации скоплений. Так, из 20 неполных развалов сосудов 11 были приурочены к внутреннему пространству построек 1 и 3. Почти все остальные развалы находились вблизи стен помещений. Сравнительно далеко от наземных строений обнаружен лишь сосуд ямного облика [Матвеев, 1980. Рис. 9], возможно, не относящийся к катакомбному поселку. С местоположением остатков битой посуды согласуются скопления другого кухонного мусора – костей животных. Их повышенные концентрации отмечены вблизи очагов и кострищ, располагавшихся как внутри, так и за пределами построек. В помещениях массовые скопления костей больше тяготели к тем или иным участкам стен.

Инфраструктурные особенности поселения просматриваются в распространении некоторых других категорий артефактов. В частности, компактное залегание серии кремневых отщепов, пластин и исключительно сломанных орудий на западной периферии основной площадки, в стороне от построек и скоплений кухонно-бытовых остатков, позволяет расценивать это место как производственную точку. Примечательна планиграфия многочисленных глиняных пряслиц, абсолютное большинство которых встречено за границами построек, но недалеко от них, в связи с чем логично предпо-

жить, что ткацкое дело на поселении практиковалось рядом с помещениями и, судя по разбросанности пряслиц, не был стационарным. Аналогичным образом распространяются обломки и полуфабрикаты крупных каменных орудий ударного действия. По-видимому, эти орудия также предпочитали изготавливать и использовать вне помещений.

Интенсивное использование пространства поселения в рамках его кольцевой структуры подтверждается данными по содержанию фосфатов и уреазной активности культурного слоя. Взятие образцов в раскопах осуществлялось из пяти точек каждого квадратного метра одной плоскости в основании культурного слоя. Предполагается, что на этом уровне влияние внешних природных факторов на почву было наименьшим, а антропогенное воздействие, связанное с функционированием поселения, наибольшим. Аналитические исследования проводились в лабораторных условиях. Содержание подвижных форм фосфатов, как основной индикатор антропогенного воздействия на почву и поступления в нее органических остатков животного происхождения, определялось по методу Б.П. Мачигина [Аринушкина, 1970. С. 132–134].

Значения уреазной активности устанавливались с помощью разработанного нами экспресс-метода [Борисов и др., в печати]. Их оценка основана на том, что активность уреазы прямо связана с объемом мочевины, поступившей в почву в составе растительных остатков, навоза, отходов скотоводства [Хазиев, 2005]. Поэтому зоны с высокой уреазной активностью могут маркировать места проживания людей и содержания скота [Борисов и др., в печати; Чернышева и др., 2012. С. 388–392].

Полученные разными методами данные сопоставлялись между собой и с планиграфической картиной распространения материальных остатков (рис. 2). Совпадение ареалов с максимальными значениями содержания фосфатов и уреазной активности отмечено в южной половине основной площадки памятника. Эти ареалы перекрывают участки построек 1 и 2, выходя за их пределы сообразно распространению массового археологического материала. Такая ситуация не вызывает удивления и может быть связана с особенностями ведения придомного хозяйства, в том числе пребыванием скота, разделкой туш животных, приготовлением пищи, осуществлением промысловой деятельности и пр. В отличие от построек 1 и 2 содержание фосфатов в районе постройки 3 близко фоновым значениям. Ареалы повышенных значений содержания фосфатов не образуют сплошной зоны и распространяются локально в разных частях постройки. Также отдельными пятнами покрывают ее площадь ареалы высокой уреазной активности, самые крупные из которых занимают диаметрально противоположные участки помещения. Выявленная картина, несмотря на материальные показатели интенсивного использования, заставляет исключить вероятность содержания в постройке 3 скота и постоянного проживания людей. Учитывая локальную насыщенность слоя постройки артефактами, можно предполагать ее эпизодическую эксплуатацию в каких-то хозяйственных и/или производственных целях.

Особенно интересным является наличие отрицательной фосфатной аномалии в пространстве между постройками, где значения содержания фосфатов находятся ниже фоновых величин. Слабо проявляет себя здесь и

уреазная активность. В центре рассматриваемого участка расположен котлован с пирогенными отходами. Совершенно очевидно, что ни сам этот объект, ни территория вокруг него не являлись местом активной антропогенной деятельности. Артефакты из неорганических материалов в пирогенно-преобразованной толще котлована почти не встречались, а в перекрывавший ее грунт они могла попасть и позже, в процессе постепенного сползания в открытую полость ямы окружающего культурного слоя. Последнее заключение основано не только на полевых наблюдениях [Гак, Борисов, 2012. С. 200]. Микробиоморфный спектр, в котором почти нет детрита и фитолитов технических растений, позволяет утверждать, что над котлованом не было никакого перекрытия как до, так и после запустения поселка. На своеобразии функций котлована косвенно указывает обедненность его заполнения оловом, ртутью, цинком, свинцом, то есть элементами, связанными с жизнедеятельностью человека. Все это подкрепляет правомерность высказанного ранее соображения об особом, культовом статусе данного объекта, сооружение и функционирование которого, по-видимому, было подчинено конкретной цели – отправлению ритуалов, связанных со складированием золы и прокала из действовавших на поселении очагов [Гак, Борисов, 2012. С. 200]. Общий объем пирогенных отходов в котловане, включая верхний слой, проработанный современным почвообразованием, оценивается в 2–4 м³. Принимая объем золы, образующийся в одном очаге за день, равным 1 л, с учетом вероятности ежедневного ссыпания золы из нескольких очагов и уплотнения ее за прошедший период примерно в 10 раз, получается, что пирогенные отходы в котлован поступали на протяжении как минимум нескольких лет, а скорее всего, дольше. Центральное положение и культово-ритуальные функции котлована позволяют считать его основным структурообразующим компонентом планировки поселения.

Дополняют модель центральной части поселения материалы его западного и восточного участков. В результате раскопок на обоих участках выявлено по одной наземной постройке, игравших, скорее всего, вспомогательную роль в процессе функционирования поселка. С большей уверенностью об этом можно говорить в отношении постройки на целиком сохранившемся западном участке, где она была едва ли не единственной. Облегченная конструкция, примитивное внутреннее устройство, отсутствие в помещении и рядом пиротехнических устройств (очагов, кострищ) в совокупности с отсутствием скоплений кухонно-бытового мусора позволяют считать сугубо хозяйственное использование постройки наиболее вероятным. О постройке восточного участка известно только по фрагменту глинобитного пола, выявленному в 1979 г. на частично размытом рекою южном крае поселения [Матвеев, 1980. С. 3]. Поскольку первоначальный облик этого участка не поддается реконструкции, нельзя исключать существования на нем и каких-то иных сооружений, в том числе построек. В то же время неисследованным пока остается северный край участка, где их наличие также вполне возможно. Продолжение раскопок с последующим комплексным анализом вновь полученного материала поможет уточнить предложенную модель организации и использования занятого поселением пространства.

Литература:

- Аринюшкина Е.В.* Руководство по химическому анализу почв. М., 1970.
- Борисов А.В., Петерс С., Чернышева Е.В., Коробов Д.С., Рейнхольд С.* Некоторые химические и микробиологические свойства культурных слоев поселений кобанской культуры (XIII–IX вв. до н. э.) в окрестностях г. Кисловодска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. В печати.
- Гак Е.И.* Поселение Рыкань-3 в контексте памятников катакомбной общности восточноевропейской лесостепи // КСИА. В печати.
- Гак Е.И., Борисов А.В.* Поселение катакомбной культуры Рыкань-3: топография, стратиграфия, планиграфия // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2011. Вып. 14.
- Гак Е.И., Борисов А.В.* Котлованы катакомбного поселения Рыкань-3 в лесостепном Подонье // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. Луганск, 2012.
- Малов Н.М., Филипченко В.В.* Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. № 4. СПб., 1995.
- Матвеев Ю.П.* Отчет к Открытому листу № 408 об археологических раскопках поселений среднедонской катакомбной культуры на территории Воронежской области в 1979 г. // Архив ИА РАН. 1980. Р-1. № 7383.
- Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М., 2009.
- Пряхин А.Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982.
- Хазиев Ф.Х.* Методы почвенной энзимологии. М., 2005.
- Чернышева Е.В., Гак Е.И., Борисов А.В.* Уреазная активность культурного слоя поселения катакомбной культуры Рыкань-3 // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. Луганск, 2012.

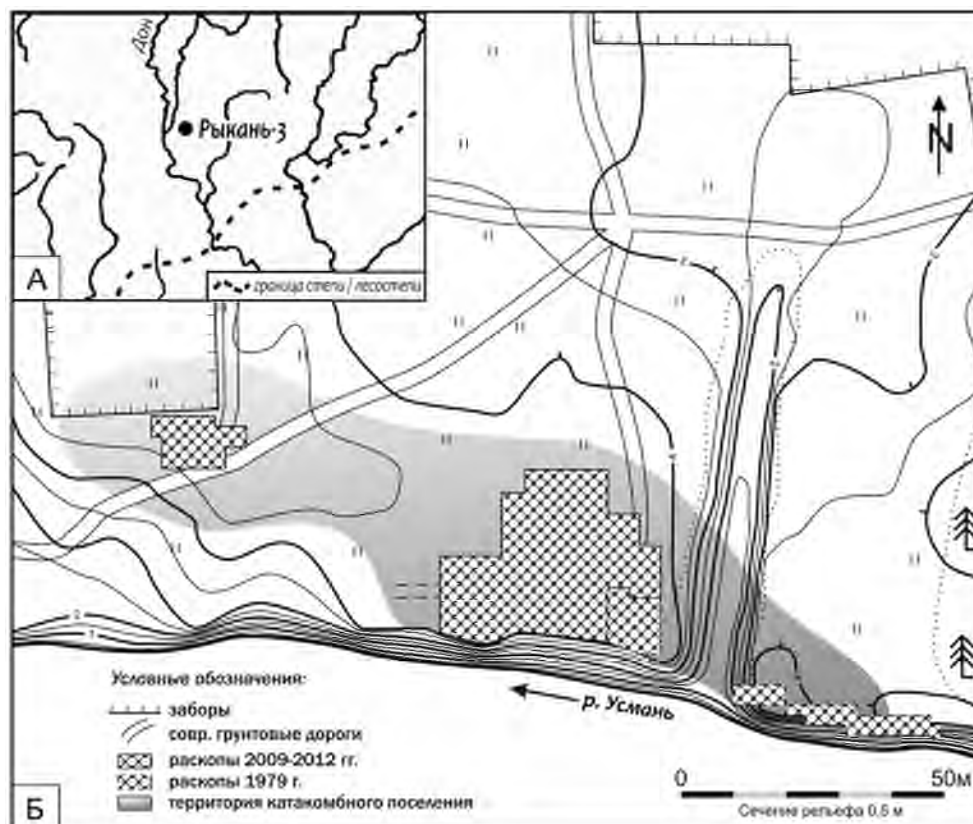

Рис. 1. Поселение среднедонской катакомбной культуры Рыкань-3 на гидрографической карте (А) и топографическом плане (Б)

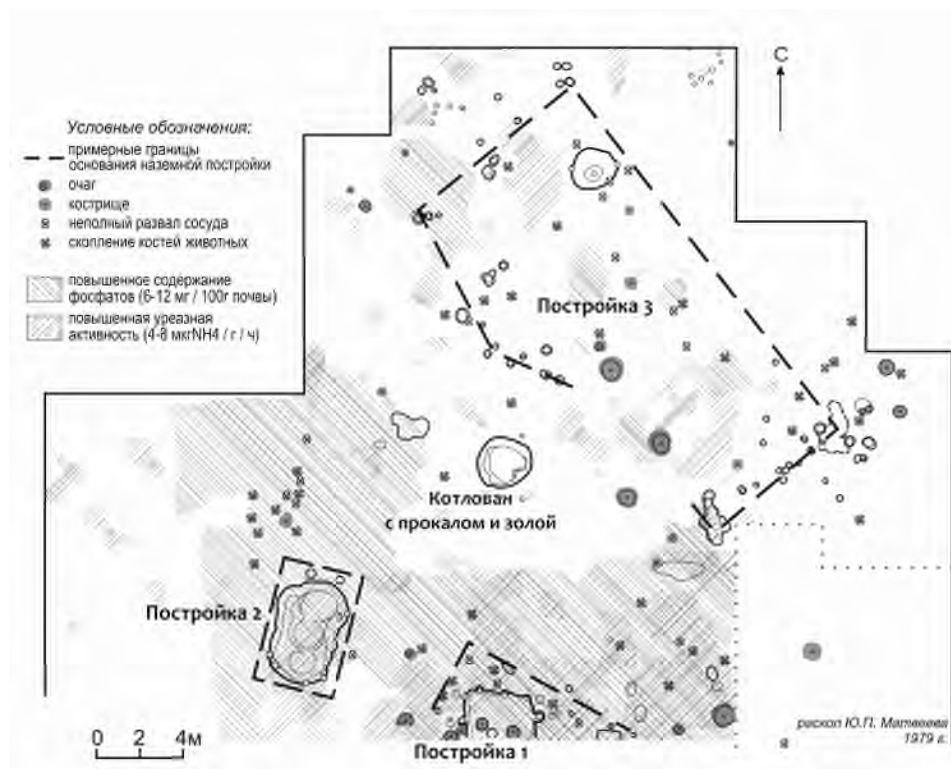

Рис. 2. Некоторые показатели организации и использования основной площадки поселения Рыканы-3 по данным археологических и палеопочвенных исследований

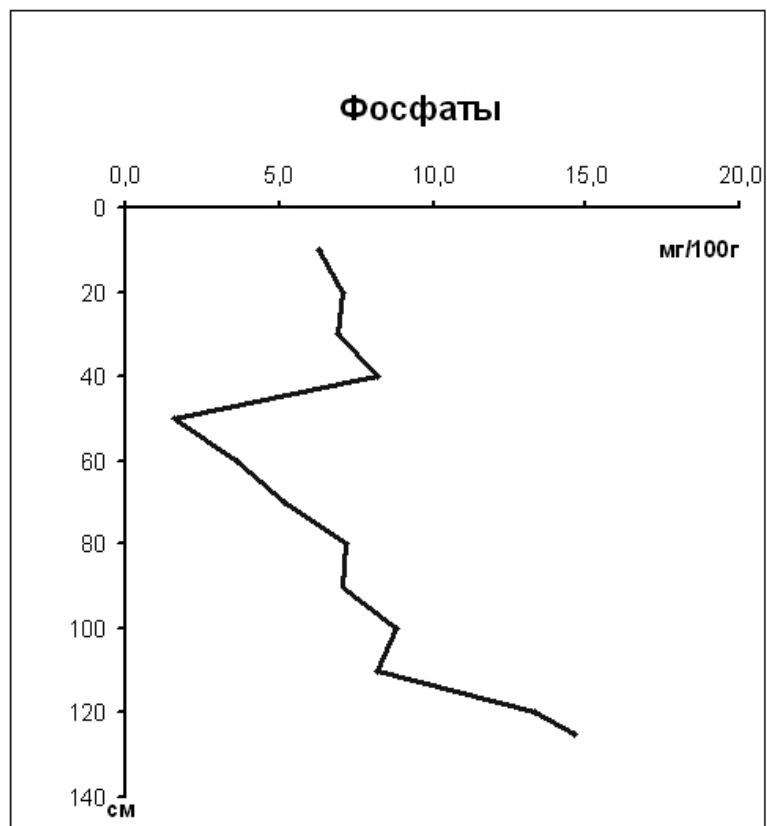

Рис. 3. Профильное содержание фосфатов в грунте заполнения котлована постройки 2

Бочкарев В.С.

СРУБНО-АЛАКУЛЬСКАЯ ЗОНА МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

В эпоху поздней бронзы (II тыс. до н. э.) на территории Восточной Европы возник целый ряд очагов металлопроизводства. Все они находились в южной половине Восточной Европы. Среди них были как металлургические, так и металлообрабатывающие очаги. Первые располагались в горно-металлургических областях Волго-Уралья и Северного Кавказа, а вторые – в безрудных районах Северного Причерноморья и Восточного Прикарпатья. В каждом из названных регионов одновременно функционировали несколько очагов, которые в технологическом и типологическом отношении были особенно близки друг к другу. Такого рода сходные очаги было предложено объединять в особые подразделения, которые получили название зон [Черных, 1978. С. 264–266]. Судя по доступным сейчас данным, зоны были широко распространенным явлением в Северной Евразии в эпоху бронзы. Но они до сих пор не описаны в литературе и даже, как следует, не выделены. Встречаются лишь упоминания о некоторых из них [Бочкарев, 1995. С. 120–121]. В данной работе мы попытаемся вновь привлечь внимание к этому интересному и малоизученному явлению на примере срубно-алакульской зоны металлопроизводства.

Согласно данным радиоуглеродной хронологии эта зона датируется в пределах XVIII–XVI вв. до н. э. Она занимала огромную территорию, которая простиралась от Центрального Казахстана до Среднего и Нижнего Поднепровья. В ее состав входили два очага – срубный и алакульский. Они функционировали в рамках одноименных культур [Черных, 1970].

Около середины II тыс. до н. э. ее сменила лобойковско-дербеденовская зона. Она занимала не столь обширную территорию и просуществовала сравнительно недолго (XV–XIV вв. до н. э.). В нее также входило два очага – лобойковско-головуровский и дербеденовский [Bočkarev, Leskov, 1980. S. 68–75; Бочкарев, 1995. С. 121]. Первый из них принадлежал позднесрубной культуре Левобережной Украины (бережновско-маевской по версии В.В. Отрощенко), а второй – блоку новых волго-уральских культур (черкаскульской, сусканской и др.). Вместе с исчезновением этих культур распалась и лобойковско-дербеденовская зона.

Наш обзор мы начнем со сравнительной характеристики срубного и алакульского очагов. Прежде всего, следует сказать, что каждый из них имел собственную рудную базу и, соответственно, оба они относятся к разряду металлургических очагов. Срубное металлопроизводство в основном ориентировалось на волго-уральские месторождения меди, а алакульское – на казахстанские [Черных, 1970, 2007]. В обоих очагах использовалась как чистая медь, так и оловянная бронза, но в разных пропорциях. Согласно данным Е.Н. Черныха, только 45% срубных изделий были сделаны из оловянной бронзы. Почти все остальные состояли из чистой меди [Черных, 2007. С. 92–94, табл. 6, 3]. Несравненно шире оловянные бронзы использовались в алакульском и в других очагах андроновской общности [Черных, 2007. С. 95–98]. Очевидно, это было обусловлено территориальной близостью андроновских культур к восточно-казахстанским и среднеазиатским месторождениям касситерита. К срубным мастерам олово попадало с Востока и, судя по всему, от алакульских соседей. Прежде чем оказаться на территории волго-уральского региона, оно проходило длинный и трудный путь. Поэтому там оно становилось дорогим и дефицитным материалом.

Технология металлообработки в обоих очагах, в принципе, была одинаковой. Основным формообразующим приемом стало литье в закрытых формах, сделанных из глины или камня. В таких формах отливались изделия всех ведущих категорий металлического инвентаря. Было также освоено литье изделий со слепой втулкой. В основном оно использовалось для изготовления наконечников копий, так называемого сейминского типа. Кроме того, в алакульских мастерских этим же способом наладили производство цельнолитых втульчатых наконечников стрел и первых цельнолитых долот. Вместе с тем следует отметить, что горячая ковка играла еще существенную роль как в алакульской, так и особенно в срубной металлообработке. С ее помощью придавалась окончательная форма таким изделиям как втульчатые долота, крюки, втульчатые тесла («мотыги»), иглы и т. д. Некоторые из них выковывались из литых заготовок, своего рода полуфабрикатов.

При значительном общем технологическом сходстве имеются и некоторые различия. Так, в алакульском очаге гораздо чаще, чем в срубном, использовали оловянные бронзы, каменные литейные формы, литье изделий со слепой втулкой. Иными словами, этот очаг в технологическом отношении был развит несколько лучше, чем срубный.

Ассортимент изделий, который выпускали эти очаги, также во многом был одинаковым. В его состав входили орудия труда (серпы, тесла, долота и т. д.), оружие (наконечники копий, кинжалы и т. д.), утварь (ножи, шилья, иглы и т. д.), украшения (височные кольца, браслеты, подвески и т. д.) (рис. 1–2). Конечно, есть и различия. Так, втульчатые литые наконечники стрел (рис. 2, 7–8), однолезвийные ножи (рис. 2, 17), наконечники (рис. 2, 15), нашивные бляшки (рис. 2, 5) изготавливали преимущественно в алакульском очаге. В срубной культуре они встречаются редко и, обычно, их относят к числу алакульских импортов [Кузьминых, 1983. С. 123–137]. К характерным срубным изделиям можно отнести кельты-тесла с кованой сквозной втулкой (рис. 1, 13), плоские тесла без цапф (рис. 1, 7), браслеты из проволоки овального сечения (рис. 1, 12).

В типологическом отношении эти очаги обнаруживают как черты различия, так и близкого сходства. Начнем с различий. Как уже говорилось, к числу оригинальных алакульских изделий относятся наконечники, однолезвийные ножи, цельнолитые втульчатые наконечники стрел (рис. 2, 7–8, 15, 17). В эту же группу можно включить широкожелобчатые браслеты, концы которых закручены в спирали (рис. 2, 14), кольцевидные и крестовидные подвески (рис. 2, 3, 12), круглые нашивные бляшки со штампованным соляным орнаментом (рис. 2, 5), ромбические подвески (рис. 2, 2), гривны (рис. 2, 16) и т. д. В срубной культуре эти изделия представлены очень незначительным количеством экземпляров. Но зато в срубных памятниках встречаются украшения, которые отсутствуют в «алакуле». Это сурьмяные подвески различных форм (рис. 1, 8–9), сурьмяные бусы, прутковые подвески в 1,5 оборота (рис. 1, 2) и т. д. Следует также отметить, что срубное и алакульское население использовало разные типы серпов – соответственно ибракаевский (рис. 1, 1) и кундравинский (рис. 2, 1) типы [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 43–47, 59–86]. Это обстоятельство привлекает особое внимание, так как указанные орудия получили сравнительно широкое распространение и имели важное экономическое значение. С их помощью заготавливали сено, которым зимой кормили скот [Бочкарев, 2012. С. 206–207].

Отчетливые различия также фиксируются в типах желобчатых височных подвесок, свернутых в 1,5 оборота (рис. 1, 2–4; 2, 4). В срубной и алакульской культуре эти украшения получили еще большее распространение, чем серпы. В алакульских мастерских изготавливали небольшие подвески, имевшие архаическую круглую форму (рис. 2, 4). Многие из них обтягивались золотой фольгой. Этот тип сформировался в среде волго-уральских культур начальной поры эпохи поздней бронзы (синташтинская, покровская). В Южном Зауралье и на территории Казахстана, он без каких-либо заметных изменений просуществовал до середины 2 тыс. до н. э. Иначе сложилась его судьба в Восточной Европе. Здесь этот тип получил довольно интенсивное развитие. В срубной культуре распространились подвески вытянуто-овальной, грушевидной и восьмерковидной форм (рис. 1, 2–4). Нередко они имели пуансонный или нарезной орнамент. Такие украшенные изделия чаще всего встречаются в Самарском Поволжье и Приуралье. Характерные для срубной культуры вытянуто-овальные и восьмерковидные подвески редко встречаются в алакульских памятниках. Причем, эти последние локализуются только на западной окраине алакульского ареала. В срубной культуре встречается еще одна разновидность височных подвесок, которая отсутствует в «алакуле». Это изделия выкованы из прутков (рис. 1, 2). Они повторяют форму срубных желобчатых подвесок и могут рассматриваться в качестве их локального варианта. Основная масса их находок сосредоточена в Подонье и на Левобережной Украине.

Сравнительный анализ других металлических изделий этих очагов показывает, что они либо аналогичны друг другу, либо являются подразделениями одних и тех же типов. В таксономическом отношении их различия не носят принципиального характера. Так, срубные и алакульские проушные топоры могут рассматриваться как два варианта типа широковислообушных топоров (рис. 1, 15; 2, 18). Друг от друга они отличаются размерами и весом.

Срубные топоры несколько короче и легче алакульских [Кореневский, 1983. С. 99, рис. 2–4). Кроме того, у них клин обычно не столь заметно наклонен книзу, как у алакульских орудий. Такого же рода незначительные отличия фиксируются у ножей и кинжалов с плоским подромбическим перекрестием и перехватом (рис. 1, 6; 2, 10–11). Изделия алакульского варианта часто имеют более удлиненный перехват (рис. 2, 10, 14). Соответственно наибольшая ширина их клинка обычно смещена ближе к его концу. Следует также отметить, что алакульские клинки чаще, чем срубные снабжались металлическими рукоятками (рис. 2, 10). Что касается таких изделий, как плоские тесла, втульчатые кованые долота и крюки, наконечники копий, узкожелобчатые браслеты, бусы и т. д., то в обеих культурах они были практически одинаковыми (рис. 1, 5, 7, 10–11, 14; 2, 6, 9, 13). Их различия касаются мелких и, как сейчас кажется, малозначащих деталей.

Наконец, следует сказать, что организация производства в этих очагах также, видимо, была сходной. Как в срубной, так и в алакульской культуре металлообработкой занимались профессиональные мастера. В пользу этого, кроме соображений общего порядка, говорят ассортимент продукции, и ее достаточно высокое качество. Судя по ряду косвенных данных, местные кузнецы-литейщики были мастерами широкого профиля. У них еще отсутствовала узкая специализация.

Согласно этнографическим данным, кузнецы и их семьи в архаических обществах обычно занимали обособленное положение. Они образовывали замкнутые, закрытые сообщества, в которые попасть постороннему человеку практически было невозможно. Окружающим людям их жизнь представлялась загадочной и таинственной, а сам кузнец нередко ассоциировался с фигурами колдуна, волшебника или же врачевателя. Неудивительно, что отношение к ним было очень противоречивым. В одних обществах их боялись и презирали, а в других возвеличивали и обожествляли [Черных, 1976. С. 159–171; Черных, 2007. С. 134–142]. Вполне вероятно, что этот особый общественный статус кузнецов-литейщиков сложился еще в бронзовом веке. Однако это еще не означает, что уже тогда они были детрибализированы и вели бродячий образ жизни, как полагал Г. Чайлд [Childe, 1947. P. 163]. Доступные сейчас археологические данные говорят об обратном. Как уже отмечалось, срубные и алакульские очаги весьма полно и точно соответствуют одноименным культурам. Их продукция в основном локализуется в пределах этих культур и там же находятся их основные памятники. Поэтому никаких серьезных проблем с культурной атрибуцией этих памятников не возникает. Приведенные данные позволяют заключить, что срубные и алакульские кузнецы-литейщики были тесно связаны с местным населением, а металлопроизводство было неотъемлемой частью экономики этого населения. Если ориентироваться на географию находок, атрибутов литейно-кузнечного дела (литейные формы, тигли, сошла и т. д.), то следует сказать, что в обеих культурах металлообработка получила весьма широкое территориальное распространение. Она фиксируется, чуть ли не повсеместно, включая и безрудные зоны (например, Среднее Подонье). В этой связи важно подчеркнуть, что во всех достоверных случаях остатки металлопроизводства находят только на поселениях. Надо полагать, что в этих же местах располагались кузнечно-литейные

мастерские и жили сами мастера. Как правило, это были небольшие поселки скотоводов, в которых обитало несколько семейных общин [Сергеева, 2007. С. 16–17]. Мелкие мастерские могли обслуживать население одного или нескольких таких поселков. Но кроме них существовали и более крупные производственные центры. К их числу можно отнести Мосоловское поселение срубной культуры на Среднем Дону [Пряхин, 1996. С. 122–129]. Оно выделяется своими многочисленными находками глиняных литейных форм, тиглей и др. инструментов. Судя по ним, здесь изготавливали практически весь ассортимент срубных изделий. Среди продукции преобладали орудия труда и такие крупногабаритные изделия как серпы и особенно топоры. Поэтому нет особых сомнений в том, что «Мосоловка» была одним из крупнейших региональных центров срубного очага. Обращает на себя внимание, что по характеру культурного слоя, составу рядовых находок, размерам и конструкции жилищ Мосоловское поселение ничем не выделяется среди других поселений срубной и алакульской культур. Это наталкивает на предположение, что его обитатели кроме металлообработки также интенсивно занимались сельскохозяйственным производством. Такое совмещение занятий было возможно, если работа кузнецов-литейщиков носила сезонный характер. Подобные функциональные модели описаны в этнографии [Rowlands, 1971. P. 210–224].

Итак, у нас есть основания предполагать что, несмотря на возможно автономный статус кузнецов-литейщиков, они были основательно интегрированы в срубные и алакульские структуры. Они были составной частью этих культур и зависели от них. В свете этого положения вполне логичным кажется вывод, что металлопроизводство в целом находилось под покровительством местной знати. Эта знать была кровно заинтересована в его развитии и процветании, как одной из самых важных отраслей экономики.

Проведенный обзор показал, что срубный и алакульский очаги имеют многочисленные и разнообразные черты сходства и различия. Они охватывают все основные сферы металлопроизводства и носят систематический характер. В качестве символических знаков их различий могут быть выбраны серпы и некоторые виды украшений, а сходства – проушные топоры и двулезвийные ножи. В целом, различий вполне достаточно, чтобы эти очаги признать самостоятельными образованиями. Их автономия подтверждается еще и тем, что они принадлежали разным культурам. Их развитие протекало в контексте этих культур и в конечном итоге они разделили судьбу этих культур.

Но не менее очевидно и сходство этих очагов. Во всех отношениях они стоят друг к другу гораздо ближе, чем к любому другому синхронному очагу Северной Евразии. Культуры, к которой они принадлежали, также имеют много общих черт и поэтому их включают в один культурный блок. Все это вместе взятое дает основание для объединения этих очагов в единую зону металлопроизводства.

Что касается причин, которые привели к формированию этой зоны, то сейчас можно назвать, по меньшей мере, две из них. Вполне очевидно, что сближению срубного и алакульского очагов очень способствовали их длительные и многосторонние соседские отношения. Они занимали смежные территории и были, как говорится, связаны тысячами нитей. Следует еще раз

напомнить, что олово в срубные мастерские поступало с Востока и, надо полагать, проходило через руки алакульских посредников. Всесторонние и близкие отношения также связывали культуры этих очагов. В конечном итоге взаимодействия срубной и алакульской культур предопределило контакты в области металлопроизводства.

Имеется еще одна и более глубокая причина возникновения этой зоны. Очевидно, процессу интеграции срубного и алакульского очагов очень способствовало то обстоятельство, что они имели общие корни. Типологическое сходство их изделий объясняется не столько обоюдными заимствованиями, сколько тем, что они восходят к общим прототипам. Это относится ко всем основным категориям изделий, включая проушные топоры, двулезвийные ножи и кинжалы, плоские тесла, тесла-кельты с кованой втулкой («мотыги»), желобчатые браслеты и подвески и т. д. Для каждой из них можно выстроить типологический ряд, состоящий из двух – четырех звеньев. В начале таких рядов неизменно оказываются абашевские формы. Эти последние стали одной из первичных основ, на которой выросло волго-уральское металлопроизводство начальной поры эпохи поздней бронзы. Через ряд переходных звеньев абашевский субстрат так же хорошо просматривается в других компонентах срубной и алакульской культур. Таким образом, то, что мы видим в металлопроизводстве, является частью более широкого сходства, которое объединяет срубную и алакульскую культуры. В конечном итоге фактор родства этих культур и их очагов стал основной причиной возникновения срубно-алакульской зоны. К этому еще нужно добавить, что кроме абашевского субстрата к общему наследству следует также отнести сейминско-турбинские заимствования. Особенно отчетливо они проявились в технологии металлообработки и в некоторых типах металлического оружия.

Относительно природы различия этих очагов можно сказать следующее: они кажутся вполне естественным явлением. Большинство из них стало результатом дивергентного развития. С течением времени неизбежно возникают локальные различия, как бы ни было велико первоначальное сходство. Но часть из них, конечно, была обусловлена сторонними влияниями. К их числу можно, например, отнести появление в позднепокровской, а затем и в срубной культуре сурьмяных украшений.

Изложенные здесь данные указывают на один из путей формирования зон металлопроизводства. Возможны и другие варианты развития событий. Так, в состав одной зоны могут входить не два, а три или даже четыре очага. Например, такая многоочаговая зона возникла около середины II тыс. до н. э. на юго-западной окраине Восточной Европы. В нее входили очаги трех культур: ноуа, «сабатиновки» и кослоджени. Зоны могли возникать как вследствие мирного, автохтонного развития, так и в результате миграций. Этот последний вариант был реализован в случае с лобойковско-дербеденовской зоной.

В заключение еще раз следует подчеркнуть, что при любом ходе событий формирование зон было лишь частью общего процесса культурогенеза в том или ином регионе. С культурологической точки зрения каждая такая зона соответствует конкретному блоку культур и может рассматриваться в качестве его фракции.

Литература:

- Бочкарев В.С.* Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995.
- Бочкарев В.С.* Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. Санкт-Петербург, 2010.
- Бочкарев В.С.* К вопросу об использовании металлических серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. № 2. Санкт-Петербург, 2012.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев, 2002.
- Кореневский С.Н.* Наследство катакомбного периода в металлообработке эпохи поздней бронзы Уральской горно-металлургической области // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
- Кузьминых С.В.* Андроновские импорты в Приуралье (на примере женского захоронения из Ново-Ябалаклинского могильника) // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
- Пряхин А.Д.* Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Книга 2. Воронеж, 1996.
- Сергеева О.В.* Поселения и постройки эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (пространственный социологический и палеодемографический аспекты). Автореферат на соискание ученой степени канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2007.
- Черных Е.Н.* Древнейшие металлурги Урала и Поволжья. Москва, 1970.
- Черных Е.Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. Москва, 1976.
- Черных Е.Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.
- Черных Е.Н.* Каргалы: феномен и парадоксы развития. Т. 5. Москва, 2007.
- Bochkarev V.S., Leskov A.M.* Jung- und Spätbronzezeitliche Gussformen in nördlichen Schwarzmeergebiet. München, 1980.
- Childe G.* Prehistoric Communities of the British Isles. London, 1947.
- Rowlands M.* The archaeological interpretation of prehistoric metalworking // Word Archaeology. № 3/2. 1971.

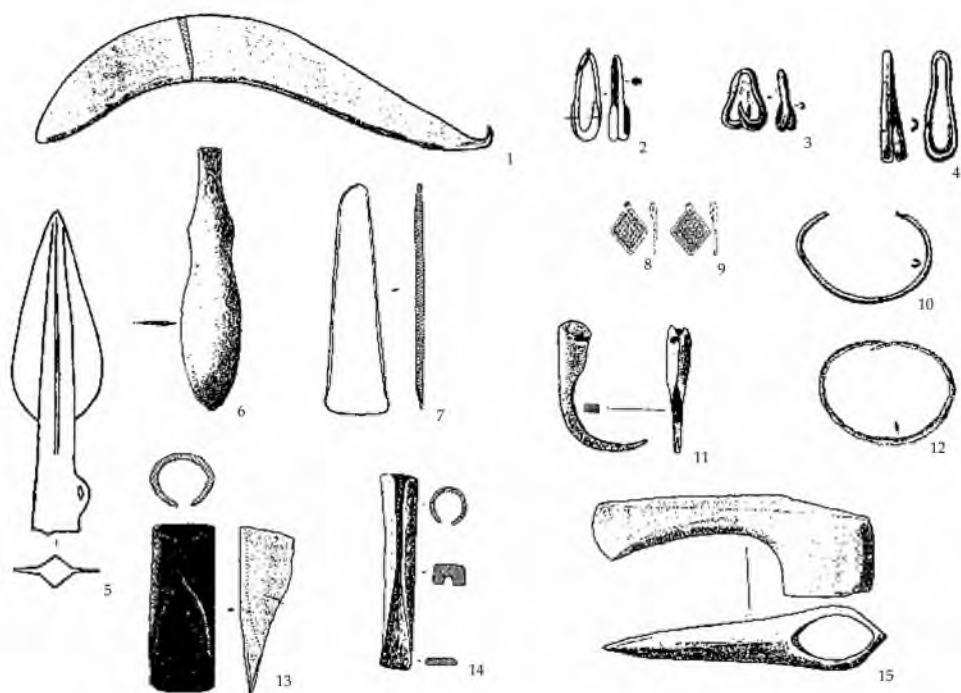

Рис. 1. Характерные типы металлических изделий срубного очага металлопроизводства.
Масштабы разные

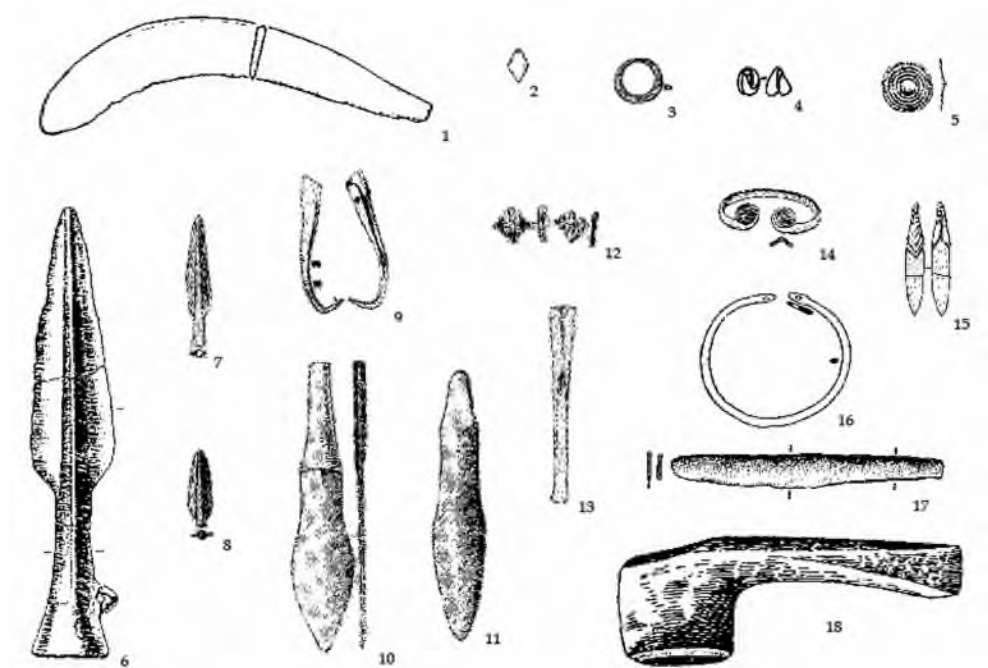

Рис. 2. Характерные типы металлических изделий алакульского очага металлопроизводства.
Масштабы разные

Быков В.Ю.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В АРКАДАКСКОМ РАЙОНЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Начало археологическому изучению местности, которая является территорией современного Аркадакского района, положили исследования члена Императорской археологической комиссии А.А. Спицина, который провел раскопки курганов на реке Аркадак бассейна Хопра у д. Машевки Балашовского уезда в 1895 году. Предметы из обнаруженных сарматских погребений были переданы в дар Российскому Императорскому историческому музею [Гущина, Фирсов, 2000. С. 268–271, рис. 2–4].

Интерес к древним курганам нашего края был и у людей, просто интересующихся древностями. Так, летом 1903 года владелец с. Полухино Ивановской волости Балашовского уезда С.Н. Игнатов раскопал курган, расположенный на его земле, недалеко от с. Крутец. В информационном бюллетене Саратовской ученой архивной комиссии (ТСУАК, вып. 23 за 1903 г.) об этом имеется запись следующего содержания. «Под скелетом лошади, без черепа, была найдена деревянная колода, превратившаяся в труху. При вскрытии колоды обнаружили скелет человека, лежащего головой на запад. В правой руке находился не то большой нож, не то меч. В ногах помещался металлический котел. В котле находилось несколько железных наколочников стрел».

Планомерные археологические исследования в Прихоперье проводились в 30-е годы прошлого века под руководством профессора Саратовского университета П.С. Рыкова [Рыков, 1931. Л. 7].

В 1966 году экспедиция под руководством саратовского археолога Ю.В. Деревягина открыла в Аркадакском районе четыре поселения эпохи бронзы [Деревягин, 1976. С. 127].

В 80–90 гг. XX века саратовские специалисты работали над составлением археологической карты Саратовской области и проводили локальные исследования у различных населенных пунктов Аркадакского района. В 1994 году экспедиция археологической лаборатории СГУ под руководством В.А. Лопатина проводила раскопки курганного могильника у с. Крутец в Аркадакском районе [Тименков, 1997. С. 128–137].

На современной археологической карте Аркадакского района отмечено 143 памятника, в основном это курганы, но прошлыми исследованиями выявлены далеко не все археологические объекты.

В период с 2006 по 2012 гг. автором проводились археологические разведки в западной части Аркадакского района и на юге соседнего Турковского района Саратовской области, что географически соответствует среднему Прихоперью. Осмотр местности проводился выборочно по правому и левому берегам Хопра, вдоль русла в тех местах, где верхние террасы подходят вплотную к реке. Обследовались также дюнные возвышения в залесенной пойме у сел Красный Полуостров, Летяжевка и поселка Летяжевский санаторий, в Аркадакском районе, и у села Ладонка в Турковском районе*. В результате разведок были выявлены и первично обследованы 8 новых памятников археологии: 2 одиночных кургана, 1 курганная группа, 5 поселений и 2 местонахождения. Кроме того, повторно осмотрены 4 ранее открытых поселения эпохи поздней бронзы. На памятниках проведен сбор подъемного материала с целью определения их культурной принадлежности и соотнесения с археологическими памятниками исследуемой территории. В данной работе приводятся результаты исследований с целью введения их в научный оборот.

Курганы. 1. Курганная группа в 3 км к западу от с. Семеновка и в 1,5 км от автодороги с. Семеновка – с. Памятка, на пахотном поле (рис. 1, 1).

2. Отдельный курган в 500 м к северу от бывшего колхозного сада и в 50 м от ж/д ветки ст. Летяжевка – р.п. Турки, на пахотном поле (рис. 1, 2).

3. Отдельный курган в 2 км к югу от с. Семеновка и в 500 м от автодороги с. Семеновка – с. Чиганак, на пахотном поле (рис. 1, 3).

Местонахождения. 1. Каменный шлифованный сверленный молоток (рис. 3, 15) найден при строительстве дорожной плотины через овраг Щербедино у с. Памятка Аркадакского района (рис. 1, 4).

2. Железный акинак найден на пашне в 3,5 км к юго-западу от железнодорожной станции Летяжевка (с. Семеновка) Аркадакского района Саратовской области (рис. 1, 5). Общая длина меча 32 см, рукояти с навершием и перекрестием – 12 см, клинка – 20 см, а его ширина у основания – 41 мм. Поверхность сильно корродирована, конец клинка обломлен. Навершие акинака брусковидное, имеет форму вытянутого овала, перекрестие почковидное. Плоская рукоять с обеих сторон украшена вертикальной елочкой, перекрестие – закручивающиеся спирали, или «глаза хищника». Сечение клинка линзовидное, с едва намеченным ребром жесткости (рис. 3, 14). По типологии А.И. Мелюковой акинак относится к савроматским мечам первого отдела первого типа [Мелюкова, 1964. С. 47–49] и датируется второй половиной VI в. до н. э. [Хреков, 2008. С. 343–361].

Поселение у оврага Березовый обнаружено в 2006 году в 1,5 км к северо-востоку от с. Семеновка Аркадакского района, на правом склоне оврага Березовый, в 450 м к северо-востоку от железной дороги (рис. 1, 6). Подъемный материал собран на склонах оврага и в отвалах плотины, перегораживающей овраг. Найдены: костяное изделие в виде крючка, каменная зернотерка

* В разведочных работах принимали участие члены созданного автором археологического кружка – учащиеся Семеновской средней школы.

(рис. 3, 24) и два терочника. Керамический комплекс поселения представлен 389 фрагментами лепных плоскодонных сосудов. Из них 73 венчика и 18 доньшек. Основными элементами орнамента являются прочерченные линии и нарезки различной величины и конфигурации, реже зубчатый штамп и ямчатые вдавления. Среди мотивов преобладает один или два ряда наклонных нарезок или вдавлений, двойной зигзаг из прочерченных линий, нарезок или штампа (рис. 2, 1–5). Фрагменты керамики относятся к срубной культуре эпохи поздней бронзы [Быков, 2006. С. 70–75].

Поселение Ладонка выявлено в 2007 году, находится в 2 км к юго-востоку от р.п. Турки и в 2 км. к северо-западу от с. Ладонка (Чапаевка) Турковского района (рис. 1, 7). Памятник расположен на мысу коренной террасы шириной 100 м., вытянутом с юго-запада на северо-восток, между двумя оврагами с крутыми обрывистыми склонами. Он представляет собой естественно защищенное место. На поверхности прослеживаются следы искусственных укреплений: вала и рва, пересекающих мыс по всей ширине. При обследовании на поверхности найдены 37 фрагментов керамики с валиками, орнаментированными наклонными нарезками хвалынского-ивановской культуры поздней бронзы (рис. 2, 6–7). В обнажении склона обнаружено большое количество кусков обожженной глины, кости животных, следы жилища полуземляночного типа со стенами плетневой конструкции с глиняной обмазкой, детское погребение (рис. 3, 16) и глиняный горшковидный сосуд округлобокой формы (рис. 2, 8) [Быков, 2009. С. 11–15]. Погребение отнесено к позднесарматскому типу и датируется I–II вв. н. э. [Хреков, 2008. С. 94–105].

Поселение Аленкин курган открыто в 2008 году, на основании местных легенд о народной героине Аленке. Поселение расположено на дюне подквадратной формы в залесенной пойме левого берега реки Хопер, в 750 м к юго-востоку от села Красный Полуостров Аркадакского района Саратовской области (рис. 1, 8). Размеры дюны по верху 80 x 50 м, ее высота достигает 4 м. Вся поверхность занята лиственным лесом и кустарником. На самой возвышенной части дюны зафиксированы остатки кирпичной постройки. Склоны возвышенности крутые, с западной стороны ограничены глубокой промоиной. Вдоль западной и южной подошв дюны прослеживаются следы углубления, предположительно, оборонительного рва [Быков, 2010. С. 158–161].

Обнаруженный здесь материал можно отнести к трем этапам существования памятника. Вначале он заселяется в среднем бронзовом веке племенами иванобугорской, катакомбной, воронежской культур [Хреков, 2012. С. 42; Синюк, 1996. С. 164, рис. 37], о чем свидетельствуют найденные здесь развал горшка (рис. 2, 10), 124 фрагмента керамики (рис. 2, 9, 11–16) и бронзовая проколка (рис. 3, 19).

На втором этапе здесь возникло поселение городецкой культуры. К этому времени относятся 49 фрагментов керамики с текстильным и рогожным орнаментом (рис. 2, 24–27) и глиняное прясло (рис. 3, 18). Вместе с городецкой керамикой найдена полихромная глазчатая округлая бусина зеленого глухого стекла, украшенная семью глазками, которые являются отрезками слоистых прутиков. В глазках центральный синий диск окружен двумя белыми кольцами и одним синим, помещенным между ними (рис. 3, 17). По класси-

фикации Е.М. Алексеевой ее можно отнести к типу 63-б. Подобные бусы находят в комплексах II-I вв. до н. э. [Алексеева, 1975. Табл. 14].

На третьем этапе памятник был местом обитания древнерусского населения, о чем свидетельствует круговая керамика гончарного производства, орнаментированная полосами узких прочерченных линий (рис. 2, 17). Обращают на себя внимание находки, связанные с деревообрабатывающим производством: сверло, долото, найден также обломок края котла [Быков, 2010. С. 165, 172-173].

Поселение Караулка открыто в 2011 году [Быков, 2012. С. 127-128, рис. 4]. Памятник находится в густозалесенной пойме левого берега реки Хопер, в 800 м южнее с. Красный Полуостров Аркадакского района Саратовской области (рис. 1, 9) и представляет собой дюнное возвышение размером 300 x 150 м, окруженное старичными озерами, промоинами и, по большей части, покрытое лесом. По рассказам старожилов, в конце XIX – начале XX вв. здесь находилась заимка или охотничий домик местного помещика, на которой жил лесник, охранявший лес. Отсюда, видимо, название урочища – «Караулка».

Дюна обследована по внешней поверхности, собран значительный и неоднородный по времени керамический материал. По технико-типологическим признакам керамика подразделяется на три группы.

Первая группа представлена текстильной и рогожной керамикой городищской культуры (рис. 2, 22-23).

Ко второй группе отнесена керамика, украшенная горизонтальными оттисками гребенчатого штампа. Судя по орнаменту и технике исполнения, она относится к раннему этапу катакомбной культуры.

Ранняя энеолитическая керамика третьей группы имеет следующие характеристики. Внешние и внутренние поверхности серого цвета с коричневатым оттенком, в изломе черепок черного цвета. Тесто рыхлое с примесью песка, мелкотолченой раковины и, вероятно, растительной органики. В орнаментации преобладают оттиски зубчатого штампа, сгруппированные в горизонтальные пояски. Орнаментальные зоны разделяют ломаные прочерченные линии. Часть фрагментов украшена отступающей лопаточкой, иногда в сочетании с зубчатыми оттисками. Параллельными прочерченными линиями орнаментирован единственный фрагмент плоского днища (рис. 2, 18-21).

В одной из промоин были обнаружены одна целая и несколько обломков медных желобчатых пластин. На месте находки, в присутствии специалиста из г. Балашова А.А. Хрекова, был заложен шурф размерами 2 x 2 м, что позволило выявить еще ряд предметов, среди которых медное пластинчатое изделие в виде ромба, усеченного в верхней части. Центральная часть ромба имеет овально-выпуклую поверхность, на трех углах пробито по два сквозных отверстия, с усеченной стороны их четыре. В левом углу в одном из отверстий сохранилось колечко из медной проволоки (рис. 3, 22). В этом же слое найдена энеолитическая керамика, отмечены отдельные угольки и крупная трапеция из полупрозрачного серого кремня (рис. 3, 20). Комплекс медных предметов, представленный целыми и частично сохранившимися желобчатыми пластинами (рис. 3, 21) следует связывать с наиболее древним горизонтом памятника. Изделия практически совпадают по размерам, то есть, явно со-

ставляли одно украшение диаметром около 9,8 см (рис. 3, 23). Весь комплекс следует предположительно отнести к раннеэнеолитическому времени [Хреков, Быков, 2012. С. 6–14].

Поселение Шляпа открыто в 2012 году. Памятник находится в 1300 м к северо-востоку от поселка Летьяжевский санаторий, в залесенной пойме левого берега Хопра, на мысовом выступе пойменного всхолмления, покрытого сосновым и лиственным лесом (рис. 1, 10). Мыс вытянут с юго-востока на северо-запад. На его оконечности находится поляна размерами 100 x 70 м, покрытая травянистой растительностью и редким кустарником. Поляна возвышается над уровнем поймы от 3 до 7 м. С южной стороны мыса находится озеро «Шляпа».

При осмотре поляны найдены фрагменты керамики археологических культур поздней и финальной бронзы, в частности, обломки сосудов типа марьяновского, маклашеевского [Хреков, 2003. С. 103–128] или аким-сергеевского [Ставицкий, 2005. С. 110–125] типов. Фрагменты орнаментированы рядами жемчужных вдавлений, горизонтального и наклонного гребенчатого штампа, по всей поверхности сосудов. Венчики имеют воротнички с желобками на внутренней поверхности (рис. 2, 31–33). Интересен развал горшковидного сосуда со сложным орнаментом, нанесенным длинными и короткими отгисками гребенчатого двойного штампа и гусеничных вдавлений по всей поверхности (рис. 2, 29), близким по типу федоровскому декору. Найдены также 47 фрагментов профилированных сосудов с прочерченным орнаментом (рис. 2, 28) и часть сосуда с налепным валиком и косыми насечками по краю венчика, орнаментированного свисающими заштрихованными треугольниками (рис. 2, 30).

Поселение Красный Полуостров I выявлено Ю.В. Деревягиным в 1966 г. к северо-западу от с. Красный Полуостров [Деревягин, 1976. С. 127]. Повторно обследовано в 2010 году (рис. 1, 11). Найдено 56 фрагментов лепной керамики (рис. 2, 34–37). На венчиках имеются композиции в виде наклонных рядов зубчатого штампа, елочки из прочерченных линий, а также встречены зерновидные вдавления, расположенные горизонтально. Особенности керамики позволяют отнести памятник к развитому этапу срубной культуры второй половины II тыс. до н. э. [Быков, 2012. С. 11–16].

Поселение Красный Полуостров II выявлено, вероятно, специалистами археологической лаборатории СГУ к северу от с. Красный Полуостров и нанесено на археологическую карту Аркадакского района. Повторно обследовалось в 2011 году (рис. 1, 12). Собрана большая коллекция керамики (рис. 3, 1–5). Обнаружены также каменные орудия: шлифовальная плитка, зернотерка, кремневая проколка. Керамический материал данного поселения можно отнести к срубной культуре с покровскими элементами и отнести к второй половине II тыс. до н. э.

Поселение Летьяжевский санаторий I открыто Ю.В. Деревягиным в 1966 году севернее поселка Летьяжевский санаторий, на правой стороне оврага [Деревягин, 1976. С. 127]. Обследовалось повторно в 2012 году (рис. 1, 13). Выявлены признаки культурного слоя на левой стороне оврага, где на обнажениях и запашке пожарозащитной полосы собрано 243 фрагмента лепной посуды. Основные элементы орнамента – овальные и клиновидные вдавления,

прочерченные и резные линии (рис. 3, 6–9). Встречены кости животных и, предположительно, костяные орудия. Керамическая коллекция относится к срубной культуре второй половины II тыс. до н. э.

Поселение Летяжевка I открыто Ю.В. Деревягиным в 1966 году севернее окраины села Летяжевка и отмечено как срубное [Деревягин, 1976. С. 127]. Обследовалось повторно в 2012 году (рис. 1, 14). На поверхности и в обнажениях собраны 357 фрагментов лепной керамики срубной культуры. Основными элементами орнамента являются прочерченные линии, ямчатые вдавления, зубчатый и гребенчатый штамп (рис. 3, 10–12). Помимо срубной выявлены 7 фрагментов керамики городецкой культуры с рогожным орнаментом (рис. 3, 13). Найдены каменные орудия: молот с плоскими полированными боковинами и шлифованное тесло (рис. 3, 25, 26).

Таким образом, исследования автора в западной части Аркадакского района Саратовской области выявили археологические памятники широкого временного диапазона – от эпохи раннего энеолита до РЖВ. Также не исключается наличие древнерусских поселений на памятниках Аленкин курган и Караулка. Материалы разведок переданы на хранение в Аркадакский и Балашовский краеведческие музеи. Проведенные работы показали, что состояние местных памятников археологии вызывает серьезную озабоченность их сохранностью. Большинство объектов, в той или иной степени, подвергается разрушению под воздействием как антропогенного, так и различных природных факторов. В связи с этим, представляется необходимым занесение выявленных памятников на археологическую карту, проведение их паспортизации и дальнейшее исследование в целях сохранения культурно-исторического наследия Саратовской области.

Литература:

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975.
- Быков В.Ю.* Археологические памятники в окрестностях с. Семеновка Аркадакского района // Прихоперье и Саратовский край в панораме веков. Балашов, 2006.
- Быков В.Ю.* Итоги разведки нового археологического памятника в окрестностях рабочего поселка Турки // Прихоперье и Саратовский край в панораме веков. Балашов, 2009.
- Быков В.Ю.* Легенды и реальность Аленкина кургана – нового археологического памятника Прихоперья // Прихоперье и Саратовский край в панораме веков. Балашов, 2010.
- Быков В.Ю.* Памятник Караулка // Прихоперье и Саратовский край в панораме веков. Балашов, 2012.
- Быков В.Ю.* Разведочные исследования памятников позднего бронзового века в Аркадакском районе // Прихоперье и Саратовский край в панораме веков. Балашов, 2012.
- Гущина И.И., Фирсов К.Б.* Курганы у деревни Машевки колонии Норка и станции Лебязье в Балашовском и Камышенском уездах бывшей Саратовской губернии (по материалам раскопок А.А. Спицина в 1895 году) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000.

Деревягин Ю.В. Юному туристу-археологу. Выявление и охрана древних селищ на территории Саратовской области // Изучай родной край и берегай его богатства. Саратов, 1976.

Мелокова А.И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д 1-4. М., 1964.

Рыков П.С. Отчет об археологических работах в 1930 году, проведенных в Нижневолжском крае // Архив ИИМК РАН. 1931. Д. № 795.

Синюк А.Т. Бронзовый век в бассейне Дона. Воронеж, 1996.

Ставицкий В.В. Бронзовый век в Посурье и Примокшанье. Пенза, 2005.

Тименков Д.М. Погребения эпохи средней бронзы могильника Крутец // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

Хреков А.А. К вопросу о памятниках финальной бронзы Волго-Донского междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Охранные исследования 2001 года. Саратов, 2003. Вып. 5.

Хреков А.А. Скифский логос Геродота и население лесостепного Прихоперья в раннем железном веке // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.

Хреков А.А. Сарматские памятники лесостепного Прихоперья // Археологическое наследие саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Хреков А.А. Памятники воронежской культуры в бассейне Хопра // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2012. Вып. 10.

Хреков А.А., Быков В.Ю. Новые материалы раннего энеолита лесостепного Прихоперья: Завьяловский клад (предварительная публикация) // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов 2012. Вып. 10.

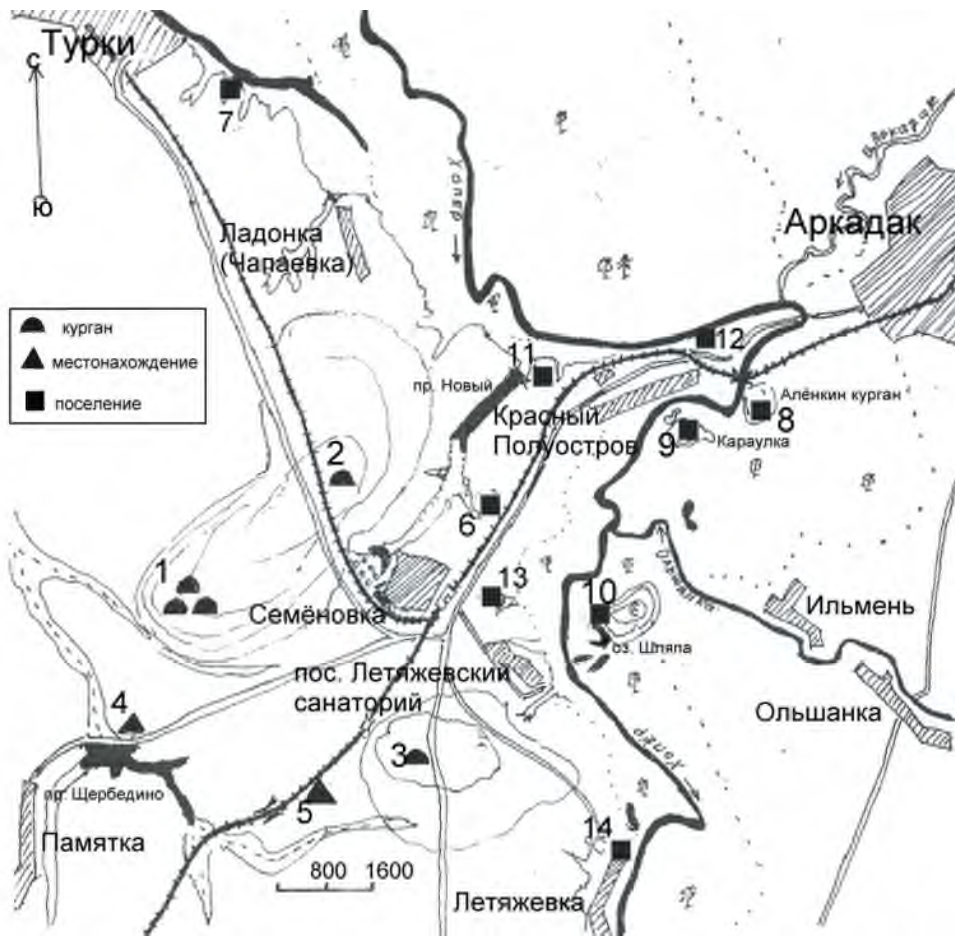

Рис. 1. Карта археологических памятников: 1 – курганный группа; 2-3 – одиночные курганы; 4 – каменный молот; 5 – акинак; 6-14 – поселения: 6 – овраг Березовый, 7 – Ладонка, 8 – Аленкин курган, 9 – Караулка, 10 – Шляпа, 11 – Красный Полуостров I, 12 – Красный Полуостров II, 13 – Летяжевский санаторий, 14 – Летяжевка

Рис. 2. Керамика. 1-5 - поселение у оврага Березовый;
6-8 - Ладонка; 9-16, 24-27 - Аленкин курган; 18-23 - Караулка; 28-33 - Шляпа;
34-37 - Красный Полуостров I

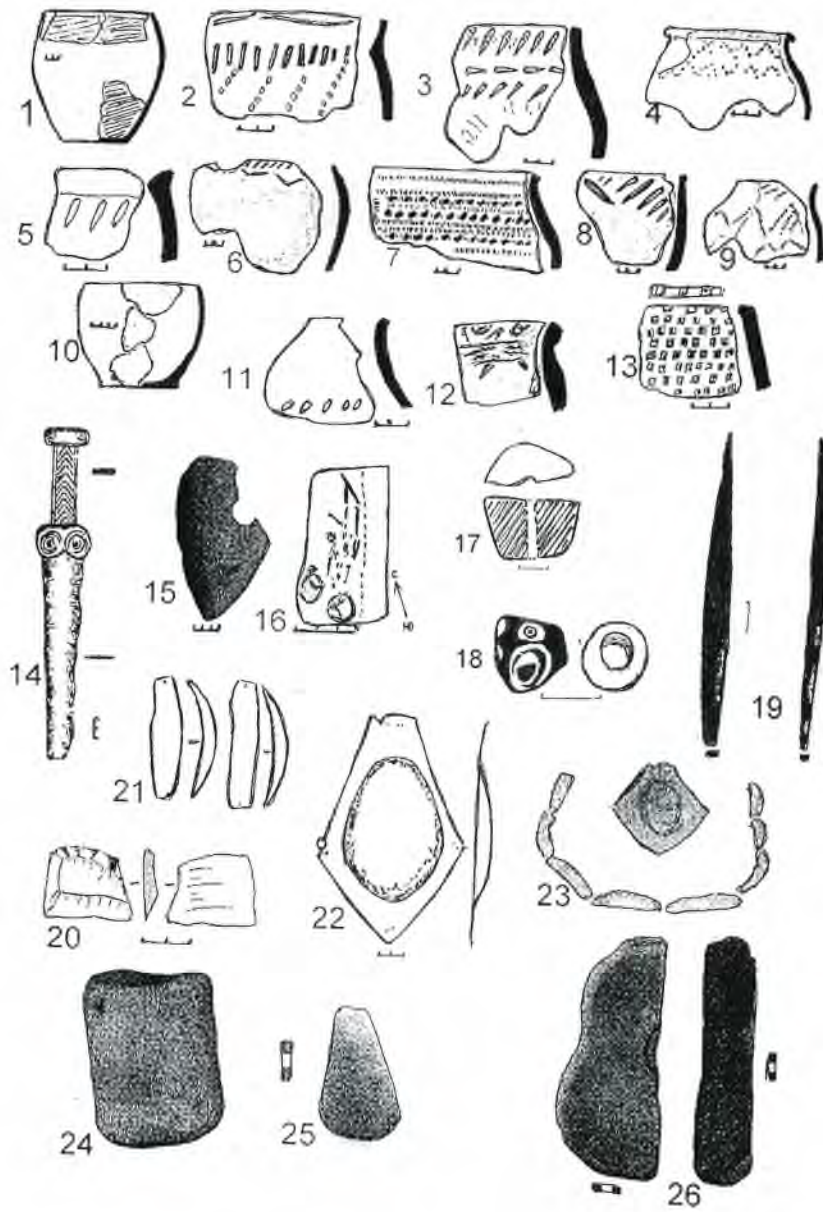

Рис. 3. Керамика. 1-5 - Красный Полуостров II; 6-9 - Летяжевский санаторий;
10-13 - Летяжевка. Материалы с поселений - 14-26

*Выборнов А.А., Ластовский А.А.,
Малов Н.М.*

СТОЯНКИ С КРЕМНЕВЫМ ИНВЕНТАРЕМ В ОКРЕСТНОСТЯХ ПОСЕЛКА ТАВН-ГАШУН

Ученые Саратовского государственного университета (далее СГУ) П.С. Рыков и И.В. Сеницын заложили основы систематического изучения мезо-неолитических донных стоянок с геометрическими микролитами в Северном и Северо-Западном Прикаспии. В начале 1930-х годов, после окончания аспирантуры, И.В. Сеницын защитил диссертацию «Кремневые орудия донных стоянок северного побережья Каспийского моря» в Нижневолжском институте краеведения при СГУ [Малов, 1999. С. 30]. В Северном и Северо-Западном Прикаспии эти стоянки приурочены к побережьям древних пресноводных озер и речек, обводненных лиманов и котловин [Рыков, 1936. С. 7–11; Сеницын, 1933; Сеницын, 1960. С. 133–152]. Их топографическое расположение обусловлено колебаниями уровня Каспийского моря [Амириханов, 1999. С. 7–10]. Раннюю группу мезолитических стоянок Северо-Западного Прикаспия датируют второй половиной 8-первой половиной 7 тыс. до н. э., а поздние – второй половиной 7 тыс. до н. э. [Кольцов, 2005. С. 238–241]. По большей части, в силу отсутствия сохранившегося культурного слоя, керамика на стоянках не представлена. Это, в определенной мере, затрудняет достоверное отнесение материалов к конкретному периоду каменного века [Кольцов, 1982. С. 100–107; 1985. С. 34–42].

В 1989 г. экспедиция Саратовского государственного университета произвела разведки в окрестностях небольшого поселка Тавн-Гашун Яшкульского р-на Калмыкии, с целью выявления древних стоянок и поселений в Северо-Западном Прикаспии*. Современный топоним – Тавн-Гашун («Пять колодцев с горькой водой»). Поселок расположен в Прикаспийской низменности, в 45 км к ЮВВ от районного центра Яшкуль. От райцентра до г. Элиста более 90 км. В Яшкульском районе преобладают бурые полупус-

* Руководитель экспедиции Н.М. Малов. В экспедиции работали научные сотрудники археологической лаборатории В.А. Лопатин и В.Н. Слонов, водитель В.А. Румянцев и студенты Фадеева В.В., Сергеева О.В., Боброва Н.А.

тынные почвы, подверженные ветровой эрозии. Значительные площади заняты песками, распространены солонцы и солончаки.

Были обследованы пески в урочищах «Сапужок» и «Сайгачий» (рис. 1). Большинство археологических коллекций происходит с обширных площадей и содержит материалы разновременных эпох. Исключение составляют три стоянки Сайгачий I, II и Сапужок, на которых находки представлены только каменными изделиями и геометрическими микролитами, концентрировавшимися непосредственно на ограниченных участках материка [Малов, 1986; Очир-Горяева, 2008. С. 138]. Все археологические находки из данных разведок сданы на хранение в Энгельсский краеведческий музей.

Урочище Сайгачий пункт расположено в 20 км к ЮВ от села. Оно представляло собой большой массив незадернованных песков, ограниченных с юга и востока мелиоративными каналами, вдоль которых проходят широкие полевые дороги. Здесь сборы производились на трех выдувах. При этом самое большое местонахождение по количеству разновременных и разнокультурных находок и площади сборов обозначено как «Сайгачий пункт». В двух других небольших по площади участках собирались каменные геометрические микролиты, происходящие с разрушенных стоянок «Сайгачий I» и «Сайгачий II».

Местонахождение «Сайгачий пункт». Сборы производились в основном вдоль канала, идущего по направлению запад – восток (рис. 1, пункт 6) на достаточно обширном по площади участке длиной около 1,5 км шириной 1 км. Встречались многочисленные кости животных, строительный мусор, занесенные песками развалины саманных и деревянных строений. Археологические находки культур разных эпох от мезолита до средневековья встречались практически непрерывно. В основном, находки залегали на материковой глине. Пески вдоль канала, где производились сборы, раскатаны автотранспортом и другой техникой до глины. Собирались все изделия из камня и металла, развалы сосудов и целые их экземпляры, фрагменты орнаментированной и профилированной керамики. Неолитическая керамика здесь не встречена. Археологические предметы оказались не в первичном залегании в результате эрозийно-ветровых процессов, строительства канала, движения транспорта и землеройной техники.

Изделия из камня. Каменные предметы, бытование которых можно связывать с эпохой мезолита – неолита, изготовлены из кремня, за исключением одного кварцитового скребка на пластине (рис. 2, 13). Преобладает кремь серого цвета, есть кремь белого и розового цветов. Среди собранных предметов преобладают продукты целенаправленного расщепления и орудия, изготовленные из соответствующих сколов. В качестве отходов допустимо рассматривать 11 отщепов и технических сколов. О технике расщепления дает представление единственный призматический нуклеус. Дополняют характеристику техники расщепления 11 экземпляров фрагментов пластин без ретуши (рис. 2, 1–4) и семь экземпляров фрагментов пластин с ретушью и боковыми выемками (рис. 2, 5–9). Большинство пластинчатых сколов фрагментировано и имеет ширину в пределах 1,0–1,5 см. Пластины шириной менее 1,0 см единичны, при этом не найдено пластин шириной менее 0,5 см. Проксимальные фрагменты пластин несут следы перебора карниза.

В числе пластин с вторичной обработкой нет экземпляров с краями, которые были бы модифицированы крутой ретушью. Ретушь во всех случаях краевая, полукрутая, практически не меняющая контур заготовки.

Собственно орудия в собранной коллекции представлены скребками (9 экз.), трапециями (2 экз.), угловым резцом (1 экз.), острием (1 экз.), наконечником (1 экз.).

Скребки (рис. 2, 10–15) изготовлены на сечениях пластин, но есть также скребки, изготовленные на отщепах. Все скребки относятся к типу концевых. Ретушь, формирующая рабочий край, во всех случаях крутая, скребковая. Рабочий край скребков, как правило, дуговидный, хотя имеются экземпляры орудий со спрямленным или неровным рабочим краем. Часть орудий данной категории имеет дополнительную обработку в виде пологой или полукрутой ретуши по одному или двум краям (рис. 1, 12–15).

В коллекции есть две трапеции, различающиеся по технике изготовления. Одна трапеция изготовлена из широкой пластины и имеет подквадратную, немного асимметричную форму. Боковые края трапеции оформлены по спинке подстругивающей ретушью, которая, впрочем, не достигает медианы заготовки. С вентральной стороны края трапеции подправлены нерегулярной плоской ретушью (рис. 1, 16). Вторая трапеция по пропорциям низкая, симметричная. Боковые края оформлены крутой ретушью со спинки и дополнительно с вентральной стороны. С этой же стороны мелкой ретушью обработано основание трапеции (рис. 1, 17).

Острие изготовлено из широкой, крупной пластины посредством пологой и полукрутой ретуши, нанесенной на спинке. Острие симметричное, с невыделенной рабочей частью (рис. 1, 18).

Единственный найденный наконечник представляет собой бифасиально обработанное изделие асимметричной формы с узким, вогнутым насадом. Перо наконечника имеет выступ, что сближает его с наконечниками флажкового типа (рис. 1, 19).

Немногочисленный, но типологически выдержанный состав собранной коллекции стоянки «Сайгачий пункт» позволяет датировать данный комплекс временем не ранее позднего неолита. Известные комплексы указанного времени не содержат микролитовидных продуктов расщепления и изделий микролитической группы, в них встречены трапеции со струганной спинкой и симметричные острия с невыделенным рабочим концом. Наряду с трапециями со струганной спинкой весьма показательной находкой для определения времени бытования данного комплекса является бифасиально обработанный, асимметричный наконечник.

Стоянка «Сайгачий I» расположена в 20 км к ЮВ от поселка Тавн-Гашун, в 0,3–0,4 км восточнее геодезической вышки и в 2 км севернее канала (рис. 1, пункт 8). Археологический материал, состоящий из кремневых орудий и отходов камнеобработки, концентрировался на материковом суглинке, содержащем большое количество раковин, на площади 10 x 20 м. Скопление кремня ограничено с запада песчаным возвышением, на котором установлен геодезический знак. Скопление располагалось компактно, имело овальную форму, вытянутую по линии С–Ю и представляло собой по структуре сплошной слой кремня и ракушечника толщиной 1–2 см, в пределах которо-

го и производились сборы. Кроме каменных изделий обнаружены три небольших, невыразительных фрагмента лепной керамики с примесью шамота, вероятно, относящиеся к эпохе бронзы. Никаких других находок вокруг стоянки в радиусе 100–200 м на материковом ракушечнике более не встречено. Кости животных на стоянке и на окружающей территории отсутствовали.

Изделия из камня. Среди находок, наряду с предметами из кварцита, преобладали кремневые отщепы, которые были собраны выборочно. Кремневых пластинчатых отщепов и технических сколов в собранной коллекции 220 экз., а кварцитовых 2 экз. Все предметы в коллекции, за исключением двух уже названных кварцитовых отщепов и пластины, изготовлены из кремня. Найдено сколов с нуклеусов продольных 2 экз., поперечных сколов 3 экз, мелких обломков орудий на отщепах и отщепов с ретушью и вторичной обработкой 17 экз. Пластин без ретуши собрано 90 экз. (рис. 2, 20–25), с ретушью и выемками 60 экз. (рис. 2, 26–29; 3, 1–7), пластин со скошенным, приостренным концом 3 экз. (рис. 3, 8, 9). Сегменты изготовлены из широких пластин, скребки преимущественно изготовлены на пластинах и таких же широких. Скребок насчитывается 23 экз. (рис. 3, 11–15), сегментов и их фрагментов 48 экз. (рис. 3, 16–18). Найден фрагмент наконечника стрелы с бифасиальной обработкой 1 экз. (рис. 3–19).

Судя по заметной доле в собранной коллекции пластинчатых сколов, представленных преимущественно фрагментами, обитателями стоянки для расщепления использовалась призматическая техника. Ее использование подтверждается также небольшой серией технических сколов, сопровождающих подобное расщепление. Собранные пластины и их фрагменты преимущественно широкие (от 1,2 см и шире). Проксимальные фрагменты пластин несут следы перебора карниза.

Пластины с ретушью представлены экземплярами с нерегулярной дорсальной или вентральной, пологой и полукрутой ретушью. Ретушь всегда краевая, иногда образующая выемки на краях заготовок. Отдельные экземпляры ретушированных пластин достигают длины 4,5–5,0 см. В то же время в коллекции представлены короткие фрагменты пластин с краевой ретушью, иногда называемые сечениями и лишь внешне напоминающие трапеции.

Пристального внимания заслуживает наличие в коллекции трех экземпляров пластин с круто ретушированным скошенным концом. Подобные изделия могут рассматриваться либо как самостоятельный тип, либо как сложные параллелограммы.

Единственным экземпляром представлено острие, изготовленное на пластине. Вентральной и дорсальной, полукрутой ретушью оформлен короткий рабочий конец и обработаны края орудия.

Все скребки относятся к типу концевых на пластинах, пластинчатых отщепах или собственно отщепах. Лезвия скребков дуговидные, прямые или иногда скошенные. Некоторые скребки имеют подработку ретушью одного края.

Все сегменты высоких пропорций. Характерной их особенностью является обработка практически по всему периметру и с двух сторон. Расположение ретуши, крутой или пологой, варьируется, она нанесена с дорсальной или вентральной стороны, однако отмеченная особенность двухстороннего ретуширования остается неизменной.

Единственный наконечник представлен фрагментом. Сохранился насад и большая часть пера, снабженная выступом при переходе к насаду. Острие наконечника сломано. Насад наконечника прямой.

Совокупность признаков, таких как высокие пропорции сегментов, обработанных к тому же по периметру, отсутствие изделий на узких и микролитических пластинах, наличие бифасиально обработанного наконечника с выступом в нижней части пера, позволяет вполне определенно датировать данный комплекс каменных изделий временем не ранее неолита. Определенную специфику ему придает присутствие фрагментов пластин со скошенным, круто ретушированным концом, которые могут рассматриваться в качестве параллелограммов.

Стоянка «Сайгачий II» расположена среди массива песков, в 0,5 км к ЮВ от стоянки Сайгачий I и геодезической вышки (рис. 1, пункт 7). Каменные предметы встречались на суглинистой площадке 50 x 50 м с обильным содержанием ракушечника. Далее, в радиусе 50 м от окраин этой суглинистой площадки-выдува с ракушечником, окруженного песками, никаких археологических находок не встречено. При этом подавляющая часть археологического материала концентрировалась на ограниченной площади размером 10 x 10 м, где в древности, возможно, была мезолитическая постройка округлой формы. Кроме изделий из камня найдены три фрагмента лепной керамики. Два из них небольшие и, судя по орнаментации, относятся к эпохе бронзы. Третий фрагмент стенки с примесью дробленых раковин в тесте, орнаментированный прочерченными линиями (рис. 3, 26), возможно, относится к нео-энеолитическому времени.

Изделия из камня. Материалы сборов представлены кремневыми предметами, из кварцита только два отщепы. Материалы стоянки содержат микролитические орудия геометрических форм.

Найдено пять каменных отбойников, а также нуклеусы (рис. 3, 25), поперечных и продольных сколов с них 25 экз. Сырьем для расщепления послужили кремневые гальки с корочным покрытием. Имеющиеся нуклеусы можно охарактеризовать как призматические, плоскостного или торцово-плоскостного расщепления, когда расщепление ведется по уплощенной стороне гальки, периодически переходя на узкую сторону. Высота нуклеусов не превышает 3,0–3,5 см, ширина негативов сколов – около 0,7–0,8 см.

Кремневых отщепов и технических сколов без ретуши или следов утилизации собрано 70 экз., отщепов с краевой нерегулярной ретушью 20 экз.

Почти в два раза меньше найдено пластин без ретуши – 37 экз. (рис. 3, 20–23). Пластины по ширине не образуют единой группы, имеются пластины шириной от 0,7 до 1,5 см. Обработанных ретушью пластин или таковых со следами утилизации насчитывается 45 экз. (рис. 3, 24; 4, 1–15). Проксимальные фрагменты пластин, как ретушированные, так и не обработанные, несут следы перебора карниза. В основном, представлены пластины с краевой, регулярной или не регулярной ретушью (рис. 4, 1–4). Ретушь располагается с дорсальной или вентральной стороны, однако не модифицирует края сколов. Встречен экземпляр пластины с крутой ретушью по краю со спинки (рис. 4, 5). Найдено два экземпляра пластин, практически целых, на которых краевая ретушь располагается таким образом, что изделия внешне напоми-

нают крупные сегменты. Однако, характер и расположение ретуши таковы, что данные орудия вывести за рамки категории пластин с краевой ретушью не представляется возможным (рис. 4, 6, 7).

Заметной группой представлены пластины с краевой ретушью, образующей широкие выемки на краях (рис. 4, 8–12). Серийность данной группы изделий и их морфологическая однородность позволяет говорить об их типологической обособленности.

Так же типологически обособлены пластины с краевой ретушью и затупленным концом (рис. 4, 10–12). Все они, помимо притупленного конца, имеют вентральное оформление края полукрутой или плоской ретушью, напоминающей типичную «сероглазовскую». Но во всех случаях размер краевой ретуши различен: от мелкой, полукрутой, до крупной, «сероглазовской».

В ходе сборов найдены 40 скребков (рис. 4, 16–30). Большая часть орудий изготовлена из пластинчатых отщепов или собственно отщепов. Скребки из пластин простых типов – концевые, укороченных пропорций. Лезвие таких скребков дуговидное или чуть скошенное, оформленное скребковой ретушью. Иногда один край изделий подрабатывался плоской или пологой ретушью (рис. 4, 16–19). Скребки из отщепов также короткие, с дуговидными лезвиями, оформленными скребковой ретушью. В ряде случаев края скребков на отщепках подработаны мелкой или крупной, пологой или плоской ретушью (рис. 4, 20–30).

В отличие от комплексов, рассмотренных выше, в данной коллекции содержатся три пластины с резцовыми сколами. Все три изделия различаются по способу нанесения резцового скола. Одно из них морфологически соответствует типу резца на углу пластины. Однако, в данном случае, резцовый скол нанесен от ударной площадки пластины, поэтому полученное изделие можно рассматривать как продукт неудачного расщепления (рис. 5, 3). Второй резец по способу нанесения и расположению резцовых сколов может рассматриваться в категории двугранных резцов (рис. 5, 2). Последнее орудие наиболее полно отвечает понятию «резец». Один резцовый скол нанесен с ретушированной площадки и по этому признаку орудие типологически соответствует ретушным резцам. На орудии имеется еще один резцовый скол, с помощью которого снята часть ретушной площадки, и по этому критерию данный резец может рассматриваться еще как двугранный (рис. 5, 1).

Помимо скребков и резцов в данной коллекции содержатся три острия. Острия изготовлены на крупных пластинах, тем не менее, соответствующих по параметрам основной массе пластинчатых заготовок, найденных на стоянке. Все три острия однотипны – симметричные, оформлены с помощью краевой, полукрутой и пологой, вентральной ретуши. Непосредственно у рабочего конца, вентральная краевая ретушь становится комедиальной. Кроме того, края орудий укреплены посредством дорсальной, также краевой ретуши. Одно из орудий имеет на краю широкую выемку, которая может обладать функциональным значением (рис. 5, 4–6).

Собрана представительная серия сегментов – 16 экз. (рис. 5, 7–13). Все они обладают высокими пропорциями и изготовлены из пластин шириной от 1,0 см и шире. Диагностическим признаком служит характер ретуши и ее расположение. Если для наиболее ранних сегментов характерна крутая,

дорсальная ретушь, формирующая дугу сегмента от двух концов заготовки, то, в данном случае наблюдается вариативное расположение ретуши на заготовках, в том числе, попеременное, т. е. края сегментов обработаны с дорсальной стороны, а верх дуги с двух сторон или с вентральной стороны. К тому же большая часть сегментов изготовлена путем подстругивания дорсальной стороны, если не обычной, «состругивающей» ретушью, то весьма близкой, плоской (рис. 5, 7-11). Впрочем, в коллекции имеются экземпляры сегментов с типичной, двусторонней, гелуанской ретушью (рис. 5, 12). Очевидно, применительно к сегментам данной коллекции можно говорить о начальной стадии нового технологического приема – применения состругивающей ретуши. В коллекции имеются экземпляры орудий на пластинах, которые морфологически соответствуют геометрическим микролитам, однако на уровень типов выведены быть не могут из-за особенностей обработки. Одно орудие представляет собой сегмент низких пропорций, у которого полукрутой, дорсальной ретушью обработаны только нижние участки дуги (рис. 5, 13). Второе орудие представляет собой нечто среднее между прямоугольником и сегментом высоких пропорций. Крутой ретушью обработаны концы заготовки, дуга только обозначена мелкой дорсальной ретушью (рис. 5, 14).

Определенными особенностями обладают трапеции, содержащиеся в коллекции находок. Таковых насчитывается 13 экз. (рис. 5, 14-22).

По пропорциям трапеции средневысокие и высокие. Безусловным объединительным признаком для них является ретушь с вентральной стороны на основании трапеций. По этому признаку трапеции в комплексе сближаются с имеющимися сегментами, что говорит о единых технологических принципах изготовления микролитов. В то же время имеются единичные экземпляры трапеций без такой ретуши (рис. 5, 18). Ретушь, формирующая боковые стороны трапеций, скорее, полукрутая, чем крутая и на ряде экземпляров орудий дополняется состругивающей ретушью с дорсальной стороны. На экземплярах трапеций с состругивающей ретушью таковая дополнена еще вентрально расположенной ретушью и так же на боковых сторонах (рис. 5, 19-22). Следует отметить, что и в данной коллекции содержится экземпляр трапеции со струганной спинкой, подквадратной по пропорциям, аналогичной трапеции из комплекса «Сайгачий пункт» (рис. 5, 20).

Единственным экземпляром в коллекции представлен типичный параллелограмм (рис. 5, 23). Боковые стороны орудия оформлены крутой ретушью, а на основании нанесена вентрально расположенная, мелкая и пологая ретушь.

Рассмотренный комплекс имеет ряд признаков, технологических и типологических, которые позволяют предполагать его датировку временем, не ранее неолита, однако, видимо, ранее, чем выше описанные комплексы. Так, определяющими типами в данном случае являются геометрические микролиты: сегменты и трапеции. Пропорции и характер обработки указанных орудий определенно характерны для неолита и не встречены в мезолитических комплексах, даже осложненных более поздними примесями. Показательно наличие параллелограмма, однако и его наличие не позволяет удревнить время существования комплекса ранее эпохи неолита. Параллелограммы, встреченные в мезолитических комплексах, несмотря на

одинаковую с настоящим экземпляром обработку, имеют иные, более вытянутые пропорции. Не противоречат предположению о неолитическом возрасте находок из пункта «Сайгачий 2» и острия, весьма типичные для неолитических памятников Северного и Северо-Западного Прикаспия. Обратим внимание на почти полное отсутствие резцов и на то обстоятельство, что большая часть скребков выполнена на отщепах.

Массив песков урочища «Сапожок» находится в 17–18 км к ВСВ от поселка Тавн-Гашун. Стоянка *Сапожок I* расположена в 17 км к ВСВ от поселка и в 100–200 м слева от крупной полевой дороги (рис. 1, пункт 9), ведущей к нему, на восточном склоне узкой песчаной гряды, специально укрепленной кустарниковыми и другими насаждениями. Археологические находки концентрировались на суглинке в нижней части склона песчаной гряды. Они собраны с выдува площадью 30 x 50 м, вытянутого по линии СВ–ЮЗ. Каменные изделия, лежавшие на поверхности, взяты все. Кроме того, найдены 12 фрагментов от лепных сосудов и обломок металлического предмета серебристого цвета, несомненно, относящиеся к раннему железному веку – средневековой, а не к голоценовому каменному веку. Более никаких находок в радиусе 100 м от окраин выдува не встречалось.

Изделия из камня. Собранная коллекция состоит преимущественно из кремневых предметов, исключение составляют два кварцитовых отщепа. Из общего числа найденных отщепов с ретушью только 13 экз., остальные отщепы в количестве 90 экз. без ретуши. Пластин собрано в два раза меньше: без обработки 35 экз. и с ретушью 20 экз. Судя по внешнему виду пластин и пластинчатых отщепов, для их получения, безусловно, использовалась техника призматического расщепления. Однако, технология получения таких пластин была больше ориентирована на ударную технику, чем на отжимную, поскольку следов перебора карниза на проксимальных частях сколов не наблюдается (рис. 5, 24–27, 30). Пластины в данной коллекции более широкие, и менее регулярные, чем в предыдущих комплексах. Среди пластин преобладают экземпляры с ломаными краями и коротких пропорций.

Ретушь на пластинах с обработкой краевая, полукрутая и регулярная (рис. 5, 26–29). Встречена пластина с затупленным скошенным концом и ретушью на вентральной поверхности. Угол скоса таков, что исключает возможность рассматривать данное изделие как сломанный параллелограмм (рис. 6, 6). В серии ретушированных сколов своими размерами выделяется крупный пластинчатый отщеп, с одним выпуклым краем и со вторым почти прямым, у которого по двум краям имеется нерегулярная ретушь. Выпуклый край покрыт такой ретушью почти по всей длине, противоположный обработан на протяжении 1/3 длины от ударной площадки скола. В материалах мезолитических и неолитических памятников Северного и Северо-Западного Прикаспия сколы и изделия такого рода являются редкостью.

Количество скребков в коллекции 21 экз. (рис. 5, 2–5). Скребки изготовлены на отщепах и, как правило, небольших размеров – не более 2,0 см длиной и 2,0 см шириной. Типологическое разнообразие категории сводится к концевым скребкам, иногда с дополнительной обработкой одного или двух краев. Ретушь, формирующая лезвие скребков, крутая, скребковая, края заготовок обработаны пологой или плоской ретушью (рис. 6, 7–10). Встречены

дублированный скребок с лезвиями, расположенными на противоположных концах заготовки (рис. 6, 8), и округлый скребок с ретушью почти на всем протяжении периметра заготовки (рис. 6, 7).

Сегментов найдено всего 6 экз., однако они резко отличаются от серий сегментов, описанных в выше рассмотренных комплексах. Сегменты пункта «Сапожок», несмотря на то, что они также изготовлены не из микролитических пластин, низких пропорций, вытянутые. Характерной обработкой для них является полукрутая и крутая, дорсальная ретушь, образующая дугу. Дуга сегментов не во всех случаях ровная, с небольшими выступами, что определяется качеством заготовки (рис. 6, 1-3). В одном случае из-за вытянутых пропорций и качества обработки сегмент напоминает трапецию с вентральной ретушью по верхнему краю (рис. 6, 1).

Кроме сегментов найдено еще два геометрических микролита – треугольники (рис. 6, 4, 5). Оба микролита низких пропорций, причем один из них вытянут и обработан ретушью неровно настолько, что напоминает сегмент. Однако ясно различим угол, сформированный ретушью, что позволяет отнести данное изделие к типу треугольников.

Описанный комплекс по своим технико-типологическим характеристикам отличается от комплексов, представленных ранее. Заметны отличия, прежде всего, в технике расщепления и вторичной обработки. Сегменты и треугольники пункта «Сапожок» изготовлены в одной технологической традиции, отличной от технологии изготовления, зафиксированной на материалах других стоянок. Сколы, из которых изготовлены орудия крупнее и шире, чем сколы на соседних пунктах. Этими особенностями, на наш взгляд, время бытования описанного материала определяется как мезолитическое. С другой стороны, на территории Северо-Западного и Северного Прикаспия отсутствуют материалы мезолитического возраста, которые могли бы сопоставляться с комплексом «Сапожок». Представляется, что некоторые аналогии могут быть обнаружены на территориях, расположенных южнее и западнее, т. е. на Северном Кавказе и Южном Дону. Но и на данных территориях специалисты сталкиваются с аналогичными проблемами в силу своеобразной сохранности культурных слоев [Цыбрий, 2008]. И речь идет не только о тех ситуациях, когда на одном выдуве обнаруживаются в совместном залегании пластинчатые комплексы и наконечники с двусторонней обработкой ретушью. Для конкретизации вопроса необходима дополнительная работа и в первую очередь сравнительный анализ материалов с точки зрения различных типов сырья по каждой категории изделий всех известных стоянок. Подобная процедура проводилась [Васильев, Выборнов, Комаров, 1988. С. 3-41; Ластовский, Комаров, 1988. С. 42-51; Горащук, 2007. С. 3-23] и имела определенные положительные результаты.

Литература:

Амирханов Х.А. К проблеме истоков мезолита Северного Прикаспия // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Материалы международной научной конференции. Махачкала, 1999.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М. Мезолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.

Кольцов П.М. Результаты археологических разведок 1976–1980 гг. на территории Калмыцкой АССР // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982.

Кольцов П.М. Новые памятники неолита и энеолита Черных Земель // Древности Калмыкии. Элиста, 1985.

Кольцов П.М. Мезолит и неолит северо-западного Прикаспия. М., 2005.

Ластовский А.А., Комаров А.М. Памятники с микролитическим инвентарем низовьев реки Малый Узень // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.

Малов Н.М. Отчет об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР, Саратовской и Волгоградской областях за 1989 г. // Архив лаборатории Нижневолжской археологии им. П.С. Рыкова Саратовского государственного университета.

Малов Н.М. Нижневолжская региональная археология в Саратовском университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов, 1999.

Очир-Горяева М.А. Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста, 2008.

Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья. По археологическим материалам. Саратов, 1936.

Синицын И.В. Древние памятники Приморского района Калм. Области // Известия Нижнее-Волжского института краеведения. Т. VI. Саратов, 1933.

Цыбрий В.В. Неолит Нижнего Дона и северо-восточного Приазовья. Ростов-на-Дону, 2008.

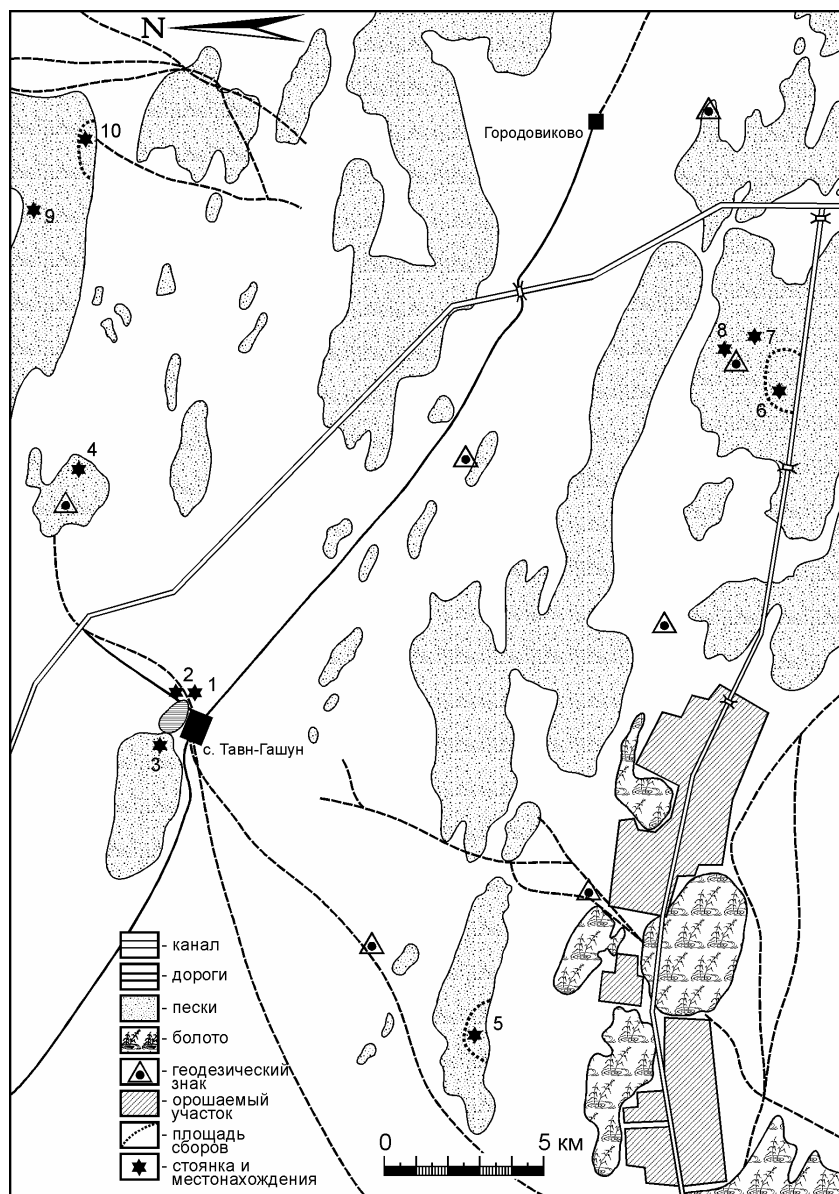

Рис. 1. Археологические памятники в окрестностях поселка Тавн-Гашун:
 1 - Тавн-Гашун I; 2 - Тавн-Гашун II; 3 - Тавн-Гашун III; 4 - Тавн-Гашун IV; 5 - Тавн-Гашун V;
 6 - Сайгачий; 7 - Сайгачий II; 8 - Сайгачий I; 9 - Сапжок I; 10 - Сапжок II

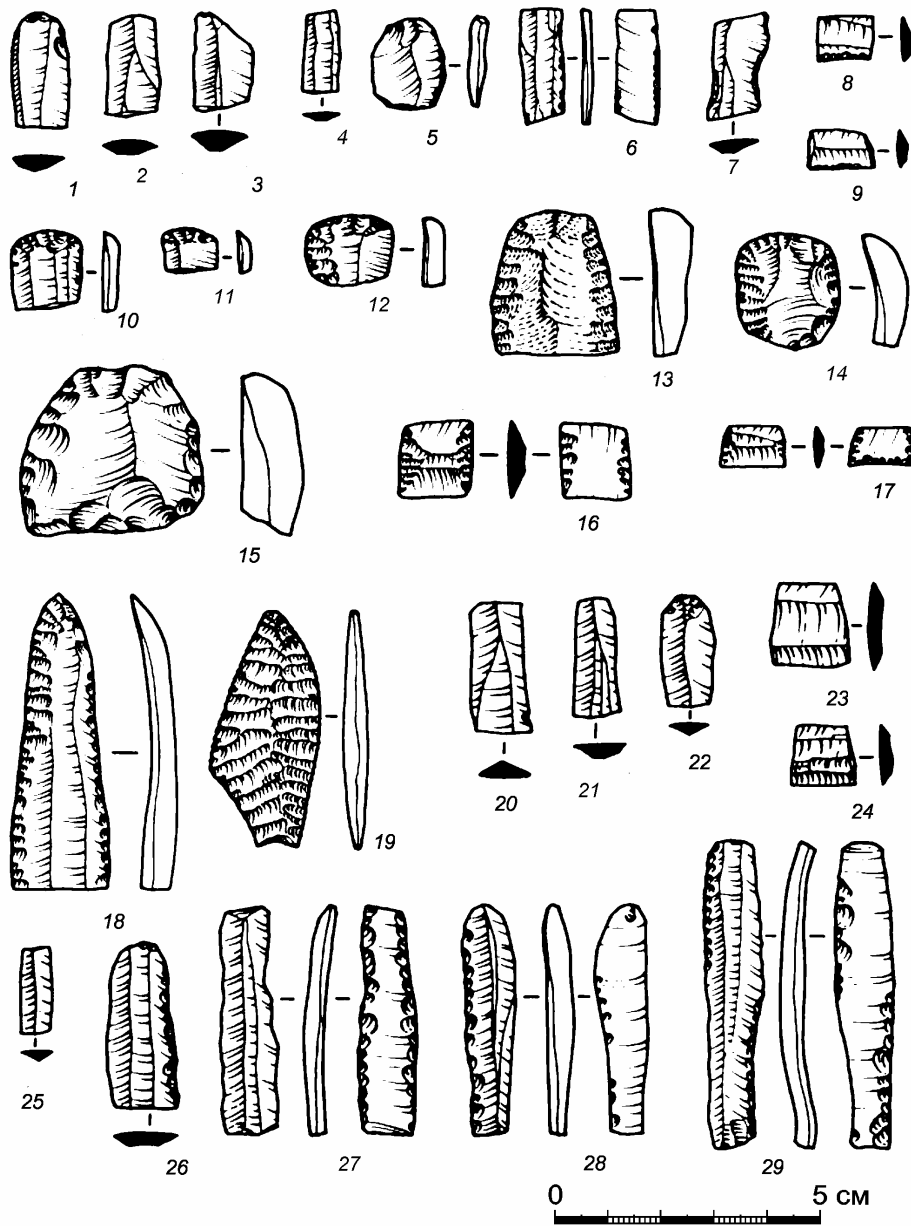

Рис. 2. Предметы из кремня и кварцита (13) со стоянок: Сайгачий II (1-19), Сайгачий I (20-26), Сайгачий (27-29)

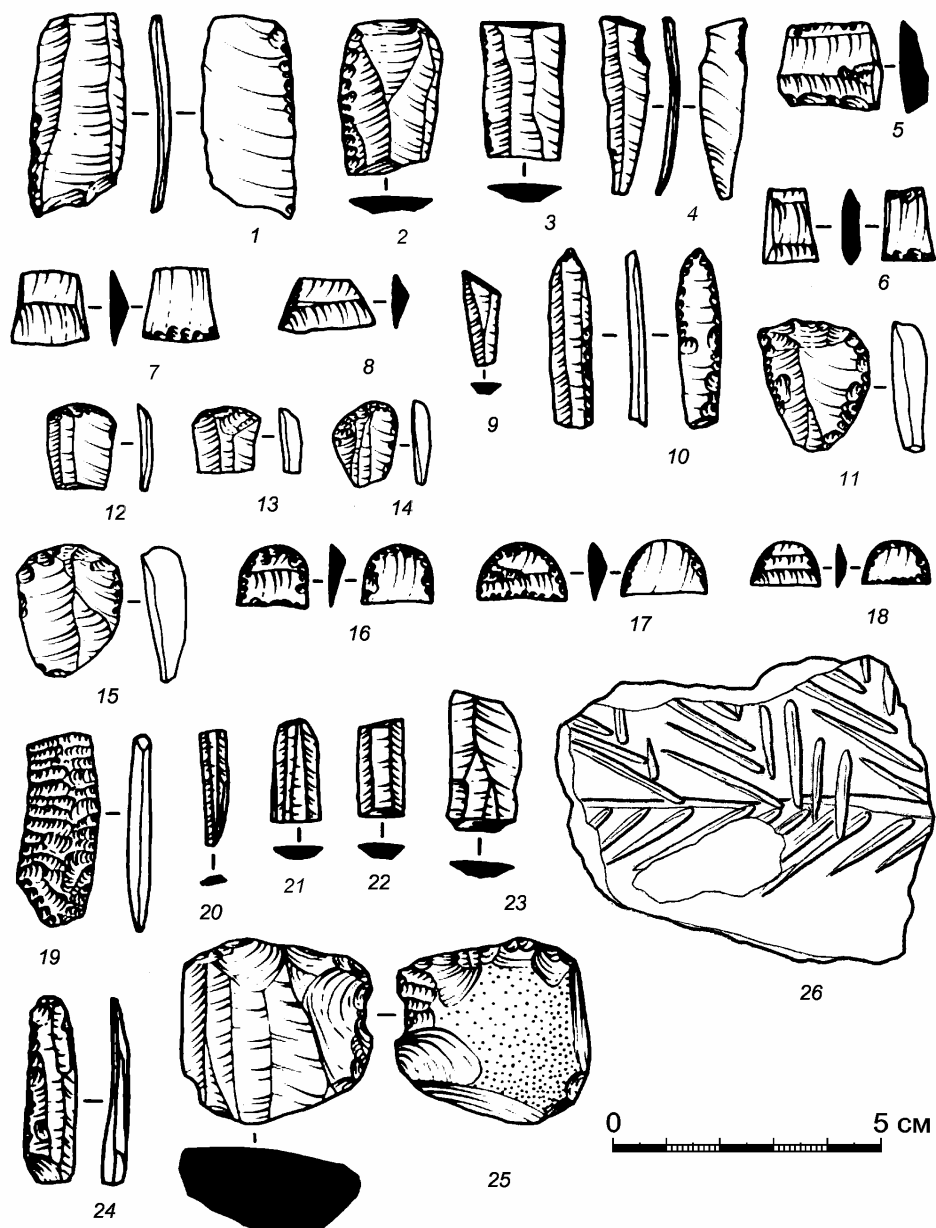

Рис. 3. Предметы из кремня и керамики (26) со стоянок: Сайгачий I (1-18), Сапожок I (19), Сайгачий II (20-24, 26), Сайгачий (25)

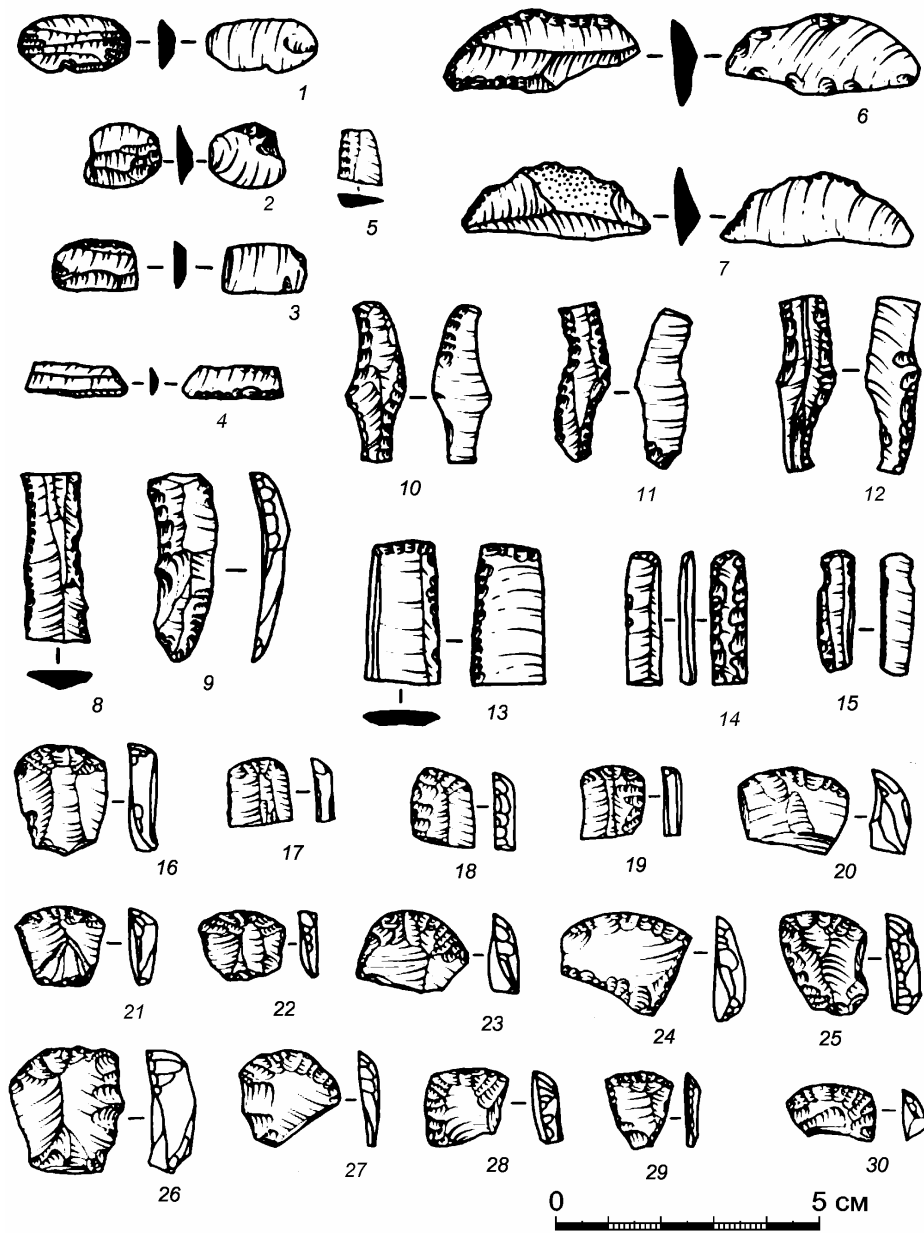

Рис. 4. Кремневые предметы со стоянки Сапозок II

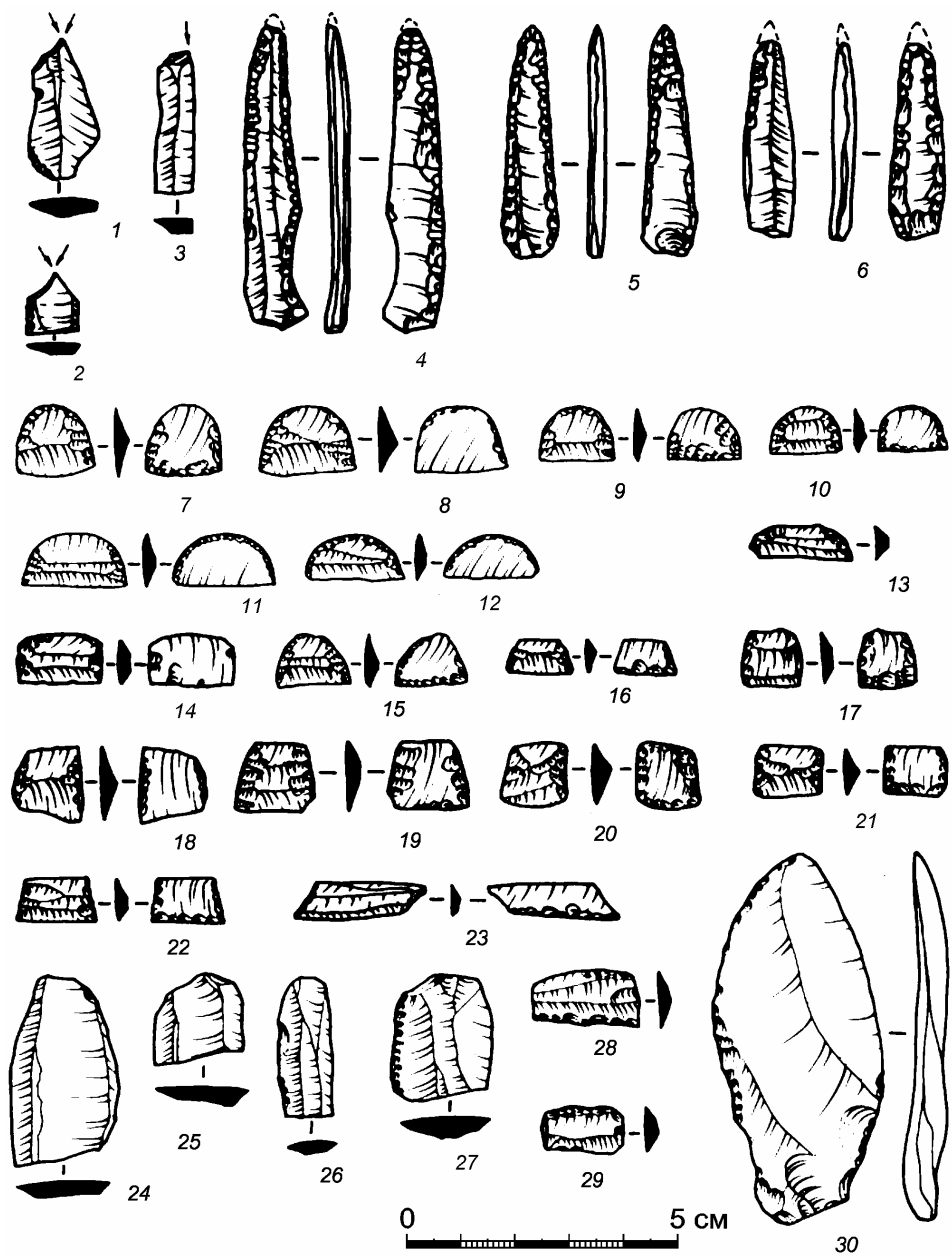

Рис. 5. Кремневые предметы со стоянок Сайгачий II (1-23) и Сапожок I (24-30)

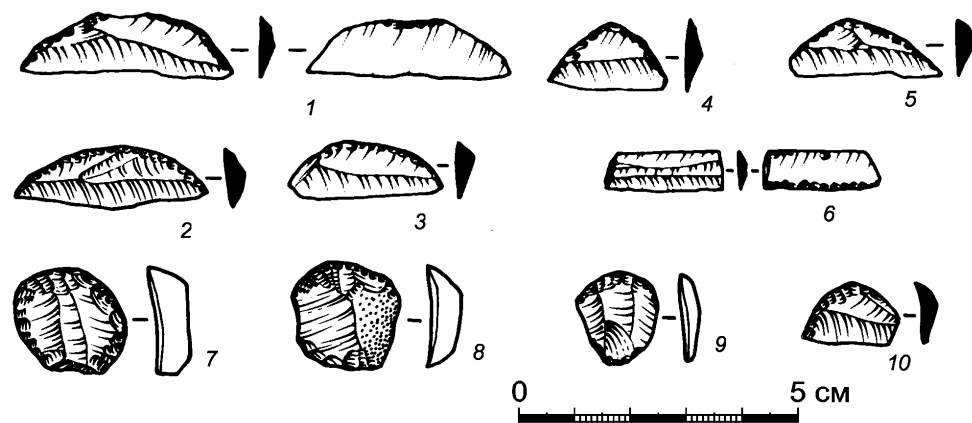

Рис. 6. Кремневые предметы со стоянки Сапозок I

Захариков А.П.

ИНДУСТРИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ СТОЯНКИ НЕПРЯХИНО: ХРОНОЛОГИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Материалы исследовавшейся раскопками в 90-е годы XX века многослойной стоянки Непряхино в Волго-Уральском междуречье введены в научный оборот далеко не полностью. Представленные тысячами предметов коллекции семи культурных слоев, залегающих в четкой стратиграфической позиции, представляют несомненный интерес для исследователей каменного века [Захариков, 1993; 1997; 1999; 2000; 2008; Zakharikov, 2002].

Два верхних культурных слоя, связанные с покровной голоценовой почвой, содержали кварцитовые изделия неолита-энеолита (и возможно эпохи бронзы), глиняную посуду, характерную для заволжского энеолита алтатинского типа, в сопровождении костей domesticiрованной *Ovis/Carpa* sp. Наибольший интерес вызывают материалы 5-ти культурных слоев из нижележащих плейстоценовых отложений.

Плейстоценовые слои представлены суглинками/супесями различной мощности (от 0,2 до 1,0 м) и их разделяющими погребенными почвами (верхняя мощностью до 0,02 м, нижняя – от 0,2 до 0,5 м).

Полной палинологической колонки для разреза Непряхино получить пока не удалось, но данные палинологических исследований подтвердили перигляциальный характер формирования суглинков/супесей и интерстадиальный характер формирования погребенных почв. Представительный споро-пыльцевой спектр описан в одном образце (слой Б 1 – верхний плейстоценовый слой) – по заключению сотрудника палинологической лаборатории НИИ геологии Саратовского госуниверситета Н.И. Кузнецовой, возраст вмещающих отложений может быть определен в пределах максимума последнего гляциала (осташковский горизонт в схеме МСК, 1986 [Шадрухин, 1992. С. 11–13]).

Фауна – остеологический материал немногочислен и плохой сохранности из-за сильной минерализации костей. Из почти ста единиц фаунистических остатков, в той или иной степени определимы лишь 17 (определения А.К. Каспарова, ИИМК РАН), остальные неудовлетворительной сохранности или сильно фрагментированы:

слой К I – *Mammalia* indet.: фрагмент трубчатой кости;

слой К II – Equus sp.: фрагмент зуба; Bison sp.: фрагмент зуба, astragalus dex; слой К III – Mammuthus sp.: обломки бивней (5 экз); Coelodonta antiquitatis: ребро; Equus ex gr. Caballus: нижняя челюсть; Bison sp.: ребра (2 экз), фрагмент дистального эпифиза humerus sin.

Кварцитовые индустрии плейстоценовых слоев:

Слой 2 (Б I). Общее количество находок – 1445. Для комплекса этого слоя характерны выразительные нуклеусы и крайняя невыразительность орудийного набора. Среди ядрищ особенно выделяется группа призматических нуклеусов. Представлены как нуклеусы на начальной стадии расщепления, так и сработанные. Все они отличаются удлинёнными пропорциями, имеют массивное тело, тщательно оформленные зауженные основания, довольно острый угол скальвания (60–75°), подправленные оббивкой ударные площадки, полукруглый фронт скальвания. Тыльная сторона у них обычно не обработана. Расщепление осуществлялось с одной площадки в одном направлении.

Среди необработанных сколов есть группа технологических сколов, связанных с подготовкой, подправкой и переоформлением призматических нуклеусов. Это реберчатые пластины и сколы радикальной подправки площадки – «таблетки».

Довольно много пластин (15% от всех сколов). Они имеют правильную параллельную огранку спинки и характерные признаки верхнепалеолитической техники скола в базальной части: точечные, линейные и вогнутые ударные площадки, диффузный ударный бугорок, «губу» или «kozyрек» между брюшком и ударной площадкой. Отмечается и прием грубого редуцирования площадки. Сами площадки преимущественно гладкие или с незначительной подправкой.

Орудий в слое мало, и охарактеризовать особенности орудийного комплекса поэтому сложно. Больше всего скребков, скребел, ретушированных отщепов. Обращает на себя внимание отсутствие двусторонне обработанных орудий, многочисленных в нижних слоях.

Слой 4 (Б II). Почти метровая толща суглинка содержала всего 119 кварцитовых предметов. А в верхней части слоя они единичны – 27 отщепов. Основная часть комплекса происходит из горизонта контактного с нижележащим слоем 5. Характерен невероятно большой процент изделий с ретушью – 42%. Однако выразительных изделий мало. Почти половину орудийного набора составляют отщепы с ретушью. Ретушь разрозненная, нерегулярная, часто создает извилистые в профиле лезвия, зубчато-выемчатые края. Не добавляют комплексу типологической репрезентативности и 5 крупных массивных кусков кварцита с нерегулярной (пробной?) оббивкой. В числе морфологически выразительных орудий выделяется группа концевых скребков на пластинчатых отщепах и конвергентное скребло на массивном отщепе.

Нуклеусы – 5 экз. Из них один нуклеус – крупный радиальный, три – технически неопределимых и один леваллуазский черепаховидный атипичный.

Следует отметить, что как в слое Б II, так и в нижних трех слоях значительным количеством были представлены, наряду с отдельностями кварцита без обработки, крупные куски камня с одним-тремя сколами, которые не были включены в коллекцию. Морфологически они весьма разнообразны, а с

технологической точки зрения иллюстрируют процесс апробирования сырья. Во всех слоях эти предметы в 1,5–2 раза превышают количественно группу нуклевидных.

Слой 5 (К I). Коллекция слоя насчитывает 8893 кварцитовых предмета. Нуклевидные – 70 экз. Преобладают ядрища параллельного расщепления с плоским или слабывыпуклым фронтом – 12 одноплощадочных и 5 двуплощадочных, 2 грубопризматических и 2 собственно призматических нуклеуса. Все нуклеусы на начальной стадии срабатывания. 13 бессистемных ядрищ, еще больше (31 экз.) неопределимых, главным образом, пробных. Интересны 13 преформ призматических нуклеусов. Они имеют удлинненную форму, как правило, подтреугольное сечение, зауженные основания, оформленные чередующейся оббивкой продольные ребра, вчерне выделенные ударные площадки.

Намеренных сколов-заготовок среди почти восьми тысяч необработанных отщепов немного. Подавляющее большинство сколов – отходы производства. Прежде всего, это отщепы оббивки крупных бифасиальных орудий. Пластины единичны. Это вполне согласуется с тем, что нуклеусов вообще очень мало, а сработанные экземпляры отсутствуют. Несколькими экземплярами представлены реберчатые сколы и «таблетки».

В группе изделий с вторичной обработкой почти 1/3 составляют ретушированные отщепы. Самыми разными типами представлены скребла – 241 экз. (26%): продольные – 82, двойные – 40, поперечные и диагональные – 10, конвергентные – 22, угловатые – 33. Остроконечников, так же как и в других слоях, мало – 5, но представлены они яркими формами.

Скребки слоя 5 – 24 экземпляра (2,5%) представлены разнообразными типами. В коллекции имеется несколько скребков высокой формы, так называемые, скребки с зубчатым лезвием (*grattoir denticule*), с черешком, с носиком, двойной скребок, скребок ретушированный по всей окружности.

Бифасиальные орудия – 183 экз. (20%, в нижней части слоя 33%). Треугольные/листовидные – 50 предметов. К этой категории отнесены все симметричные бифасиальные орудия с регулярной обработкой и выраженными основными элементами (острие, боковые лезвия, основание). Многие из них сломаны (больше всего дистальных обломков), поэтому общая форма в плане не может быть определена во всех случаях. Опираясь на форму сохранившихся целых экземпляров и форму отдельных элементов у фрагментов, можно сделать вывод об удлинненно-треугольной и/или листовидной модели этих орудий. Асимметричных бифасов меньше – 22 экз. Грубые и частичные бифасы вместе составляют 41% от общего количества двусторонних орудий. К числу «прочих бифасов» (35 экз.) отнесены слабо информативные мелкие фрагменты двусторонних орудий с регулярной обработкой и целые предметы оригинальной формы.

Довольно много крупных массивных орудий – 108 (12,5%). 56 предметов относятся к группе зубчато-выемчатых орудий. Это изделия двух типов: орудия с зубчато-выемчатыми лезвиями, часто сформированными чередующейся ретушью, и изделия с ретушированными выемками – анкошами, обычно несколькими.

Характеризуя приемы вторичной обработки, следует отметить крайне редкое употребление резцового скола, как в комплексе слоя 5, так и в других слоях. Довольно часто встречается утончение основания и всего орудия с вентральной стороны. Ретушь вообще разнообразная, часто значительно модифицирующая заготовку, распространенная.

Слой 6 (К II). Общее количество продуктов расщепления в слое – 10566. Нуклеусов мало – 13 экз. (0,1%). Из них: 5 параллельного расщепления с плоским фронтом, 8 бессистемных, 4 нуклеидные формы технически неопределимы.

О необработанных сколах, в целом, можно сказать то же, что было отмечено выше для отщепов слоя К I. 55% сколов фрагментированы (из них проксимальные обломки – 28%). Точечные и линейные ударные площадки составляют 11%. Фасетированность площадок низкая – IF strikt = 4–6, IF large = 30. Формальный Pam = 10, однако, как форма в плане, так и огранка спинок пластин не позволяют говорить об их стандартизации. 10–15% сколов имеют, так называемые, «редуцированные площадки». Сильно выгнутые в профиле среди целых сколов составляют 20%. Реберчатые сколы и «таблетки» единичны.

Орудия – 322 экземпляра. Остроконечников здесь больше чем в других слоях – 12. Можно отметить их некоторые особенности. Наряду с классическими остроконечниками на треугольных отщепах с краевой стабилизирующей лезвия ретушью, есть и крупные удлиненные, приближающиеся по общей форме к листовидным остриям, оформленные распространенной на всю спинку ретушью.

Скребла (81 экз.) представлены всеми основными типами. Заготовками для них служили как отщепы, так и просто куски кварцита. Наиболее многочисленны продольные скребла – 33%, двойные – 17%. Группа скребел со сходящимися лезвиями, включающая конвергентные, угловатые и лимасы, составляет 36% всех скребел (в слоях 5 и 7 – 22%). Скребков 9 экземпляров. Ретушированных отщепов, относительно слоя 5, меньше. Грубых массивных орудий – 19.

Бифасы – 78 экз. Составляют 24% от всех орудий слоя. Выделяется из общей массы группа остроконечных треугольных/листовидных бифасов (34 экз) и асимметричные «ножи». Остроконечные бифасы отличаются тем, что в их форме или особенностях обработки, так или иначе, прослеживается модель наконечника копья/дротика. Общие для них признаки: симметричная в плане и профиле форма, удлиненность, относительная тонкость ($Ш/Т = 2/1$, реже $3/1$), сходящиеся под углом $45-65^\circ$ в острие лезвия, линзовидное сечение, основание прямое или округло-прямоугольное уплощенное.

Немногочисленна, но тоже интересна группа асимметричных бифасов – 5 предметов (в слое 5 – 22). Они асимметричны в плане, реже в профиле, форму имеют подтреугольную или удлиненно-миндалевидную, сечение плосковыпуклое, лезвия сходятся в острие, основание имеет обычно минимальную обработку. Один боковой край, обработанный приостряющей ретушью, служил, вероятно, лезвием. Другой, оформленный крутой ретушью, или оставленный без обработки, но обязательно тупой, можно считать обушком.

Довольно много бифасов грубых и частичных – 25 экземпляров. У этих изделий общая модель орудия выражена слабо. Они, как и большая часть треугольных/листовидных бифасов, являются незаконченными изделиями.

Слой 7 (К III). Общее количество артефактов – 288 экз. В этом слое найдено единственное костяное орудие, изготовленное из ребра крупного млекопитающего (мамонта?). По мнению А.К. Филиппова, орудие использовалось для заглаживания швов на шкурах.

Из 26-ти нуклевидных изделий почти половина (11) бессистемные ядрища. 7 нуклеусов параллельного скалывания, один сильно сработанный радиальный (рис. 17, 1), 5 неопределимых. В комплексе слоя 7 имеются также два подготовленных к скалыванию нуклеуса с выпуклым фронтом и оформленными чередующейся оббивкой продольными ребрами, близкие преформам призматических нуклеусов слоя 5. С ударной площадки одного из них сколоты 3 коротких пластинчатых отщепа.

Отщепы ничем особенным от сколов слоев 5 и 6 не отличаются. *Пат* – 10, *IFlarge* – 32, *IFstrikt* – 6. Около 60% их фрагментированы. Среди целых экземпляров 12% имеют сильно изогнутый профиль. Более 80% среди целых сколов и проксимальных обломков имеют губу (*lip*) между брюшком и ударной площадкой от использования мягкого отбойника. Реберчатых сколов – 2 экз. Средняя длина отщепов и пластин, послуживших заготовками для орудий слоя К III – 9,7 см (подсчитана по сколам с вторичной обработкой, незначительно изменившей размеры заготовки – всего 49 орудий). Для сравнения, тот же показатель для слоя Б I – 6,6; Б II – 7; К I – 8,2; К II – 9.

Орудия – 119 экземпляров. Двусторонне обработанных орудий – 33 (28%). Почти половину из них составляют треугольные/листовидные бифасы. Асимметричных бифасов всего 2. Грубых и частичных – 21%. Грубые массивные орудия немногочисленны – 6%.

Скребел всех типов – 33 (28%). Абсолютно преобладают продольные – 48%. Почти равным количеством (9–12,5%) представлены двойные, поперечные и диагональные, угловатые, конвергентные и скребла оригинальных форм (прочие). В коллекции слоя К III отсутствуют остроконечники, скребки и резцы. Зубчато-выемчатые составляют 10% орудийного набора. 22% – отщепы с ретушью (преобладает мелкая краевая дорсальная и нерегулярная ретушь). В группе оригинальных орудий интересна развертка, изготовленная альтернативной ретушью на проксимальном сечении пластины.

Особенность комплекса слоя 7 – многие типы орудий представлены очень выразительными, тщательно отделанными изделиями.

В целом о структуре кварцитовых комплексов палеолитических слоев Непряхино можно сказать следующее.

– В коллекции слоя 2 (Б I) хорошо представлена группа изделий, связанная с изготовлением, подправкой, переоформлением и расщеплением призматических нуклеусов. Пластины почти все во фрагментах. Орудийный набор отличается отсутствием бифасов и довольно высоким процентом скребков.

– Небогатый и невыразительный комплекс слоя 4 (Б II) выделяется вероятно большим количеством изделий с ретушью. По своему положению в разрезе комплекс тяготеет к нижележащему слою 5.

– Три нижних слоя по технико-типологическим показателям обнаруживают заметную близость. Их общие черты: малая доля расщепления нуклеусов в индустриях; большой процент бифасов и скребел; редкость остроконечников

и скребков; единичность употребления резцового скола; общее преобладание среди орудий на отщепах мустьерской группы над верхнепалеолитической. Комплекс слоя К I на фоне двух других нижних слоев выделяется несколько более высоким процентом преформ призматических нуклеусов и других нуклеовидных, большой долей изделий с ретушью (часто естественного происхождения), меньшим количеством бифасов. В коллекции слоя К II меньше нуклеовидных, грубых массивных орудий и больше остроконечников. Комплекс слоя К III отличается самым высоким процентом бифасов (28%), в том числе треугольных/листовидных, меньшим количеством орудий с нерегулярной обработкой, отсутствием скребков и остроконечников.

* * *

Кварцитовые комплексы нижних слоев Непряхино, имеющие несомненные архаические элементы в индустриях, уже в 1990-е годы рассматривались автором как финальномустьерские и/или ранневерхнепалеолитические. В 2006 году Марселем Оттом (Marcel Otte, Universite de Liege) получена для Непряхино AMS дата по кости – $32. 810 \pm 450$ BP (Beta-217473)*. Ранее эта дата публиковалась автором, как дата для контакта слоев 6 и 7, однако в 2012 году от М. Отта по электронной почте получена еще одна дата – $36. 060 \pm 350$ BP (Beta-244075)**, с примечанием «дата для верха слоя К III», после чего стало очевидно, что первая дата сделана по кости из верхней части вышележащего слоя К II.

Необходимость исправить возникшую по техническим причинам переписки ошибку вызвала к жизни эту статью.

Имеющиеся на данный момент абсолютные даты позволяют более аргументировано рассмотреть геохронологию палеолитических слоев Непряхино (рис. 1).

К временному интервалу, соответствующему полученной радиоуглеродной дате, относится рубеж стадиала Вюрм III и интерстадиала Вюрм III-IV (арси, денекамп) западноевропейской геохронологической шкалы. Для Восточной Европы это рубеж средневалдайской холодной стадии 4 (СВС 4) и средневалдайской стадии потепления 5 (СВС 5). Таким образом, высказанное ранее автором предположение о молодом-шекснинском возрасте нижней погребенной почвы подтвердилось методами абсолютного датирования.

На данный момент получается следующая корреляция плейстоценовых слоев Непряхино с геохронологической шкалой:

- слой К III – стадиал Вюрм III (средневалдайская стадия 4);
- слой К II – интерстадиал Вюрм III-IV (арси, денекамп) (средневалдайская стадия 5);
- слой К I – поздняя фаза интерстадиала Вюрм III-IV (арси, денекамп) (средневалдайская стадия 5);
- слой Б II – ранняя фаза стадиала Вюрм IV (поздний валдай – осташково);

* Автор выражает искреннюю благодарность как М. Отту, так и Д. Флясу, А. Сеницыну, П. Нехорошеву, благодаря чьей неоценимой помощи получена дата.

** За что автор благодарен М. Отту, Д. Флясу, А. Сеницыну, П. Нехорошеву, А. Бессуднову.

слой 3 (верхняя погребенная почва) – интерстадиал тюрсак? (гмелинский? горизонт почвообразования);

слой Б I – поздняя фаза стадиала Вюрм IV (поздний валдай – ошашково).

Во всех палеолитических слоях Непряхино (кроме слабоинформативного слоя Б II) ярко выражен специализированный производственный характер.

Для комплекса слоя 2 (Б I) функциональная доминанта – производство сколов-заготовок, основанное на расщеплении призматических нуклеусов. В комплексе слоя сохранились артефакты, отражающие различные этапы этой деятельности: добыча, отбор и опробование сырья, изготовление призматических нуклеусов и их расщепление на пластины. Целевые пластинчатые сколы уносились за пределы стоянки.

В слоях К I III кварцитовые комплексы отражают два вида специализированного производства: изготовление призматических нуклеусов и изготовление бифасиальных наконечников (готовые нуклеусы и наконечники уносились за пределы стоянки). Причем вторая специализация, судя по большому количеству соответствующих отходов производства, имела преобладающее значение. Расщепление же плоскостных нуклеусов и получение сколов-заготовок, как и изготовление орудий на отщепах, играло второстепенную роль и обслуживало лишь потребности коллектива по обеспечению жизнедеятельности в периоды функционирования мастерской-стоянки. Продолжительность таких периодов, судя по разнообразию орудийного набора, могла быть значительной.

Для эпохи палеолита весьма интересными и дискуссионными остаются проблемы непрерывности или дискретности обитания на стоянках групп палеолитического населения и/или попеременности обитания носителей различных культурных традиций палеолита.

Для стоянок-мастерских на выходах сырья, как представляется, модель многократных относительно кратковременных посещений априори более применима, чем модель достаточно длительного (пусть даже сезонного) непрерывного обитания.

В контексте вышеизложенного важным является выявление в конкретных материалах раскопок одного культурного слоя комплексов каменных артефактов, имеющих признаки разных индустриальных традиций (возможно путей развития).

Для нижних палеолитических слоев Непряхино можно выделить 3 такие группы:

а) группа бифасиальных изделий и отходов расщепления, связанных с их производством (рис. 4);

б) группа призматических нуклеусов, их преформ, и соответствующих технологических сколов (рис. 2);

в) мустьерская группа в орудийном наборе (главным образом скребла и остроконечники (рис. 3).

Довольно ранний для верхнего палеолита возраст нижних культурных слоев Непряхино подтвержден AMS датами, а для этого времени не исключено сосуществование групп носителей мустьерских традиций и групп носителей верхнепалеолитических технологий расщепления. Возможно, разными человеческими коллективами, с разными культурными традициями оставле-

ны на стоянке продукты расщепления, связанные с изготовлением бифасов и призматических нуклеусов. Конкретных фактов для подтверждения или опровержения этих гипотез пока нет, но их необходимо учитывать при планировании дальнейших изысканий на стоянке Непряхино и сравнении комплексов стоянки с другими палеолитическими памятниками.

Литература:

Захариков А.П. Бифасы Непряхино // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1.

Захариков А.П. Многослойная стоянка Непряхино // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

Захариков А.П. Индустрии с бифасами и переход от мустье к позднему палеолиту в Европе // Археологический альманах, № 8. Донецк, 1999.

Захариков А.П. Технология изготовления бифасиальных орудий нижних слоев стоянки Непряхино // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.

Захариков А.П. Новые памятники каменного века у села Непряхино // Поволжский край. Саратов, 2000.

Захариков А.П. Стоянка Непряхино: некоторые итоги исследований // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2008.

Шадрухин А.В. Голоценовая история развития Западного Прикаспия. Саратов, 1992.

Zakharikov A. Le site de Nepryakhino sur la moyenne Volga (Russie) // L'Anthropologie 106 (2002) 185–206.

ЭПОХА КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА

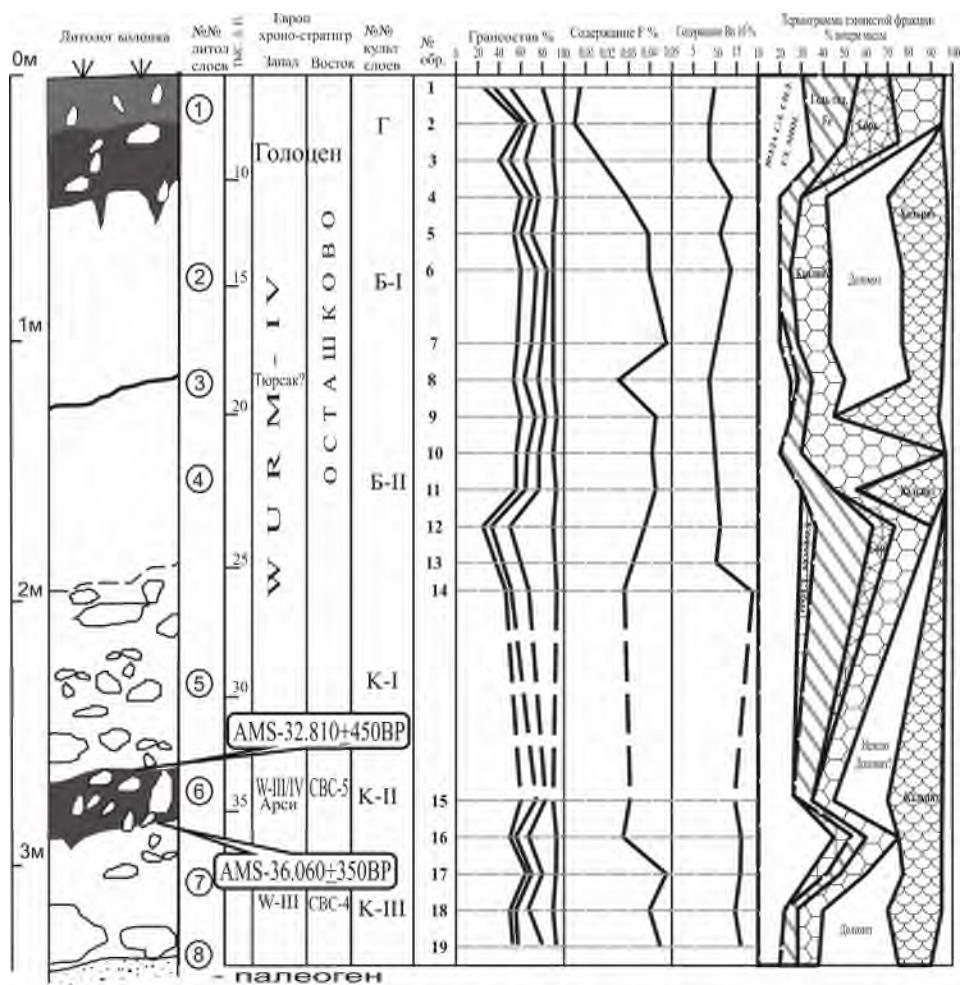

Рис. 1. Стоянка Непряжино. Стратиграфия и геохронология

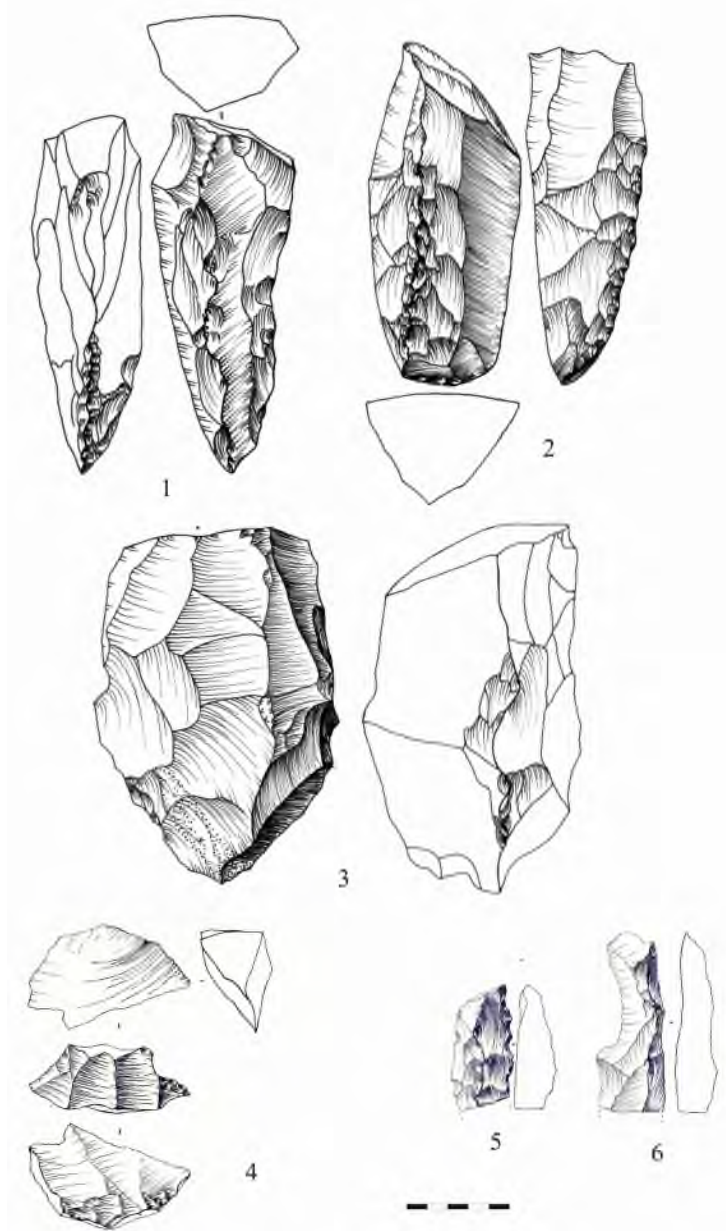

Рис. 2. Стоянка Непряхино. Нуклеусы, преформы и технологические сколы.
1, 4, 5 - слой К-1; 6 - слой К-II; 2, 3 - слой К-III

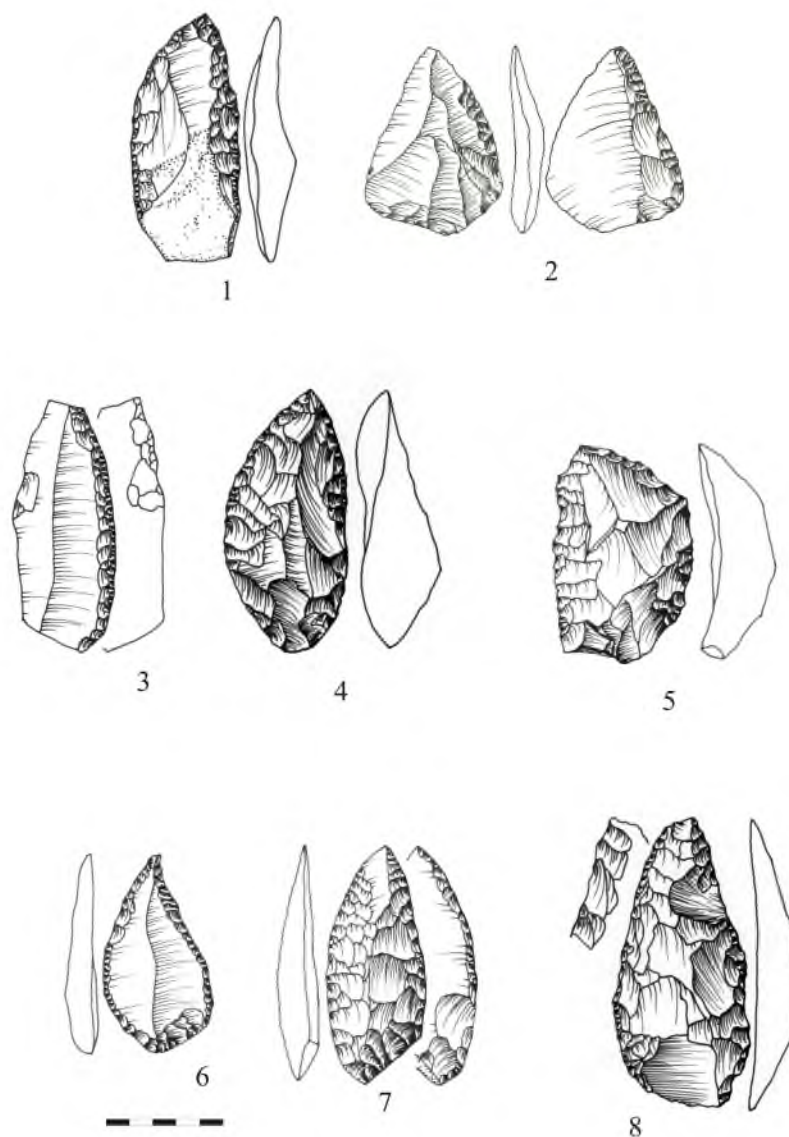

Рис. 3. Стоянка Непряхино. Орудия «мустьерской группы». 1-4 - слой К-1; 5-7 - слой К-II; 8 - слой К-III

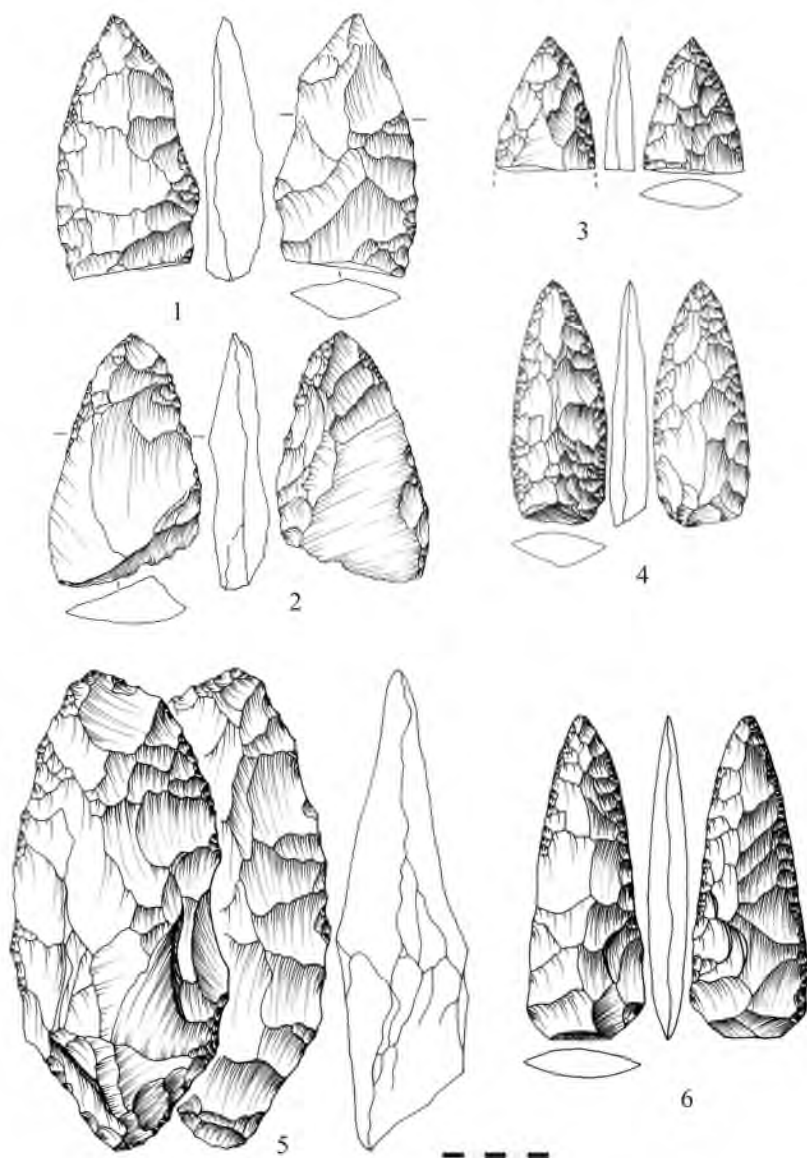

Рис. 4. Стоянка Непряхино. Бифасы. 1, 2 - слой К-1; 3-5 - слой К-П; 6 - слой К-Ш

Кольцов П.М.

НЕОЛИТ КАЛМЫКИИ

Неолит Калмыкии длительное время был представлен исключительно подъемным материалом с так называемых «дюнных стоянок». При обосновании их возраста исследователи пользовались типологическим методом, прибегая иногда к данным геоморфологии и палеоботаники [Минаева, 1955; Грехова, 1960. С. 26–27; Мелентьев, 1977. С. 100]. Установленные формально-типологическим методом культурно-хронологические привязки разветвленных комплексов, были приблизительными и нуждались в дополнительной проверке.

Возможность достоверного изучения материальной культуры неолитических племен Калмыкии появилась с открытием в 80-е годы XX столетия памятников с непереотложенными культурными слоями. Наиболее изученным и информативным является поселение Джангар, где выявлено три культурных слоя, последовательно сменяющие друг друга в рамках неолитического времени [Кольцов, 2004]. Данные стратиграфии, а также материалы однослойных стоянок (Ту-Бузгу-Худук 1 и 2), отражающие один из этапов неолитической эпохи, позволили не только хронологически надежно привязать многочисленные находки с разветвленных стоянок, но и создать культурно-хронологическую схему развития местного неолита.

На территории Калмыкии неолит представлен памятниками джангарской культуры [Кольцов, 2004; 2005]. Ранний этап характеризуется памятниками тубузгухудукского типа с каменным инвентарем микролитического облика и накольчато-прочерченной керамикой. Они дислоцируются в пределах хвалынских отложений Каспийского моря и топографически приурочены к берегам водоемов озерно-лиманного типа. Формируется неолит на местной мезолитической основе, о чем свидетельствует высокое содержание орудий на пластинах, выполненных в микролитической технике. Среди них можно назвать: концевые скребки; резцы на углу пластины; наконечники стрел с выделенным черешком; пластинки с притупленным краем, косоретушированным или прямоусеченным концом; геометрические микролиты – прямоугольники, трапеции, сегменты с гелуанской ретушью и др. Инфильтрация отдельных групп населения прослеживается с Кавказа, в силу постоянных и традиционных связей восходящих к мезолитическому времени. На это указывают отдель-

ные типы каменных изделий (пластинки с притупленным краем, а также косоретушированные и прямоусеченные, микролиты – трапеции, сегменты, прямоугольники и др.), сырье – обсидиан (из Баксанского ущелья) и плоскодонность керамики [Кольцов, 1989. С. 89–105; 2005. С. 156–170].

Керамическое производство в Нижнем Поволжье и северокаспийском регионе, по мнению ряда исследователей, возникло самостоятельно, и ее технология без значительных изменений применялась на протяжении всего неолита [Васильева, 1999; 2011. С. 13–14; Васильева, Выборнов, Зайцева 2012. С. 370–375].

Ранняя посуда тубузгухудукского типа имеет следующие основные характеристики: тесто из илистых глин; форма прямостенная, с плоским или приостренным дном; орнамент из прочерченных линий, а также с ямочно-жемчужными, овальными и треугольными наколами; поверхность заглажена.

Керамика с прочерченными линиями и треугольным наколом в отступающей манере имеет довольно ранний облик и вполне сопоставима с накольчато-прочерченной керамикой раннего этапа ракушечной, волгоуральской, верхневолжской и сурско-днепровской культур, что дает основание синхронизировать их и датировать первой половиной VI тыс. до н. э. [Кольцов, 2005. С. 168].

Второй этап местного неолита связан с нижними слоями поселения Джангар. Здесь, в значительной степени, сохраняются элементы материальной культуры раннего неолита. В каменном инвентаре, по-прежнему, преобладают изделия на пластинках. Среди них: резцы на углу пластины; косоретушированные и прямоусеченные пластинки; острия; скобели; микролиты типа трапеций, сегментов с крутой или гелуанской ретушью; прямоугольники; скребки концевые с округлым, прямым, скошенным и стрелчатым лезвием; округлые скребки и микроскребочки [Кольцов, 2005. С. 110–119, 130–140]. Керамика изготовлена ленточным способом из ила с примесью толченой раковины, плоскодонная, с накольчато-прочерченной орнаментацией. В композиционном плане декор обладает большой вариабельностью: горизонтальные и зигзагообразные пояски, косо поставленные ряды, струйчатые линии, треугольные и ромбовидные фигуры [Кольцов, 2005 С. 119–125, 140–145].

Нижний (третий) слой пос. Джангар датируется по нагару с керамики 7080 ВР, а 2 слой – 6780 ВР [Кольцов, 2005. С. 252].

По керамике и каменному инвентарю нижние слои пос. Джангар сближаются с памятниками Северного Прикаспия: Каиршак I – 7180 ± и 7230 ± 90 ВР, Каиршак III – от 7950 ± 90 до 7530 ± 90 ВР, Тентексор III ранний этап – от 7235 ± 45 до 6695 ± 40 л.н. [Выборнов, 2011. С. 7], а также степного Заволжья: Орловка и Варфоломеевка – 3 слой 6980 ± 200 л.н. или 5801 ± 172 л. до н. э., слой 2Б – 7034 ± 41 л.н. [Юдин, 2004. С. 148; Выборнов, 2011. С. 7]. Учитывая сказанное, 2 этап неолита джангарской культуры можно определить в рамках первой половиной V тыс. до н. э.

К позднему этапу неолита относятся памятники, синхронные верхнему слою Джангара. Керамика сохраняет основные черты посуды предшествующего этапа: прямостенные, закрытые и слабопрофилированные формы, лощение внешней поверхности, тесто состоит из илов и илистых глин с примесью толченой раковины, орнаментация преимущественно накольчато-

прочерченная. Наряду с традиционными показателями в керамике отмечены и новшества, которые выражаются в орнаментации гребенчатым штампом и в оформлении венчика (наплыв с внутренней стороны и гофрировка среза). Более заметно увеличилось число профилированной посуды и отогнутых наружу венчиков [Кольцов, 2005. С. 101–107]. Указанные новшества появляются на позднем этапе неолита.

Каменный инвентарь по-прежнему сохраняет микролитовидность, но при этом, здесь впервые отмечены такие поздние типы изделий как высокие трапеции со струганной спинкой, листовидные наконечники стрел с двусторонней обработкой, мотыжки сочи-адлеровского типа, которые отсутствуют в нижних слоях Джангара [Кольцов, 2005. С. 78–99].

Для верхнего слоя Джангара имеется радиоуглеродная дата 5890 ± 70 л.н. (Le-2901) или 4770 ± 92 BC cal. [Кольцов, 2005. С. 257]. Вторая дата получена с верхнего горизонта 2 слоя Джангара (стык 1 и 2 слоя) 6100 ± 70 л.н. (Le 2564) или 5065 ± 126 BC cal. [Кольцов, 2005. С. 252].

Материалы позднего этапа джангарской культуры синхронизируются со слоями 2А и верхний горизонт слоя 2Б Варфоломеевки из Заволжья, которые имеют радиоуглеродные даты: Ки 3589 – 4351–4237 лет до н. э. и Лу 2620 – 6090 ± 160 или 5285 ± 223 BC cal; Лу 2642 – 6400 ± 230 или 5020 ± 180 BC cal. [Юдин, 2004. С. 148]. В Северном Прикаспии аналогии находятся на стоянках Тентек-Сор 1, Же Калган 1 и Качкар-Стау. Стоянка Тентек-Сор имеет радиоуглеродную дату – 5560 ± 100 л.н. [Выборнов, 2011. С. 7].

Таким образом, учитывая приведенные выше аналогии, радиоуглеродные даты, а также наличие в каменном инвентаре и керамике верхнего слоя Джангара поздних типов изделий, хронологические рамки позднего неолита джангарской культуры можно установить в пределах второй половины V тыс. до н. э.

В культурно-историческом плане материалы неолитических памятников джангарской культуры, орловской культуры Заволжья, а также каиршакской и тентексорской культур Северного Прикаспия, свидетельствует о крайне близкой этнокультурной ситуации в регионе. Это позволило исследователям объединить их в рамках единой культурно-исторической общности. Причем одни рассматривают неолитические памятники северокаспийского региона в рамках нижеволжской культурно-исторической общности [Васильев, Выборнов, 1988; Юдин, 2008], другие объединяют их в северокаспийский культурный ареал [Амирханов, 1990. С. 12–13] или северокаспийскую культурно-историческую общность [Кольцов, 1990; 2004].

Несмотря на разные названия, содержательная часть указанных выше культурных образований близка. Она основана на общей подоснове культур и сходстве путей их развития. Последнее утверждение основывается на трех более или менее устанавливаемых измерениях: археолого-культурного (состоит из специфики приемов вторичной обработки и морфологии каменного инвентаря), хронологического и территориального. Этому способствовали также близкие хозяйственные уклады и постоянные контакты групп населения, которые, в силу нестабильности природно-климатических условий, мигрировали в пределах региона, иногда заходя и в иные природно-климатические зоны [Синюк, 1986. С. 137; Моргунова, 1995. С. 49–52; Ковалева, 1986. С. 53–55; 1999. С. 25–27; Косинская, 1999. С. 27–28].

Литература:

Амирханов Х.А. Северокаспийский регион – специфический очаг мезо-неолитических культур // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев, 1990.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Степь и лесостепь (учебное пособие). Куйбышев, 1988.

Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып. 1.

Васильева И.Н. О древнейшем гончарстве Нижнего Поволжья // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии. Материалы международной научной конференции. Самара, 2011.

Васильева И.Н., Выборнов А.А., Зайцева Г.И. Новые подходы к изучению неолитических культур степей Поволжья (по данным технологического и радиоуглеродного анализов керамики) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Книга 1. СПб., 2012.

Выборнов А.А. Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии. Материалы международной научной конференции. Самара, 2011.

Грехова Л.В. Памятники неолита Восточного Предкавказья // Труды Государственного Исторического музея. М., 1960. Вып. 3.

Ковалева В.Т. Боборыкинская культура в Степном Зауралье // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Оренбург, 1986.

Ковалева В.Т. К.В. Сальников и проблема изучения боборыкинской культуры // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. конф. Челябинск, 1999.

Кольцов П.М. Ранненеолитическая стоянка Ту-Бузгу-Худук 1 в Северо-Западном Прикаспии. Куйбышев, 1989.

Кольцов П.М. О культурной принадлежности неолитических памятников Северо-Западного Прикаспия // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990.

Кольцов П.М. Поселение Джангар. Человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М., 2004.

Кольцов П.М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М., 2005.

Коссинская Л.Л. Неолит севера Западной Сибири: проблема южных связей // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. конф. Челябинск, 1999.

Мелентьев А.Н. Мезолит Северного Прикаспия // КСИА. 1977. Вып. 149.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.

Минаева Т.М. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных Землях // КСИИМК. Вып. 59.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит Степного Поволжья. Саратов, 2004.

Лапшин А.С.

СТРАТИФИЦИРОВАННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПОКРОВСКОЙ И СРУБНОЙ КУЛЬТУР ИЗ КУРГАНОВ ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА

Для решения вопросов развития и хронологического соотношения археологических культур эпохи поздней бронзы важную роль играют стратифицированные комплексы. Как правило, отсутствие надежной стратиграфии в археологии эпохи бронзы вызывает настороженное, а порой и скептическое отношение к предлагаемым периодизациям тех или иных археологических памятников.

К проблемам периодизации, культурного и хронологического соотношения покровских и срубных древностей обращались все исследователи, которые занимались и продолжают заниматься изучением периода эпохи поздней бронзы Подонья и Поволжья.

К настоящему времени наиболее аргументированное обоснование получила точка зрения о том, что покровские древности стали основой формирования срубных памятников Нижнего Поволжья и Волго-Донского региона [Малов, 1994, 2001, 2007, 2012; Бочкарев, 1995; Шарафутдинова, 2003]. Однако альтернативой этому сохраняется мнение о существовании двух линий развития культур эпохи поздней бронзы [Мыськов, 1991; Лопатин, 2002; Отрощенко 2001, 2003; Юдин, 2008; 2010]. Одна из них связывается с миром лесостепных культур и покровскими памятниками, а другая – со степным своеобразием так называемых «бережновских» или срубных древностей. Различия в погребальном обряде, составе инвентаря, технологических особенностях керамического комплекса покровских и срубных памятников уже неоднократно описаны в научной литературе. Характерные признаки покровской и срубной культуры в обряде и керамике хорошо известны исследователям и не вызывают споров в культурной атрибуции того или иного погребения, но точки зрения на их хронологическое соотношение остаются разными в общем до сих пор. Одним из немногих методов, позволяющим установить хронологическое соотношение памятников покровской и срубной культур, является курганная стратиграфия, которая дает закрытые комплексы. Такое положение отчасти обусловлено еще и тем, что на поселениях покровские и срубные материалы четко не расчлняются [Малов, 2007, С. 49, 56–57].

В данной работе использованы материалы курганной стратиграфии, относящиеся к памятникам покровской и срубной культур Волго-Донского региона, включающего бассейны р. Волги и Дона в месте их наибольшего сближения. Подробно описаны случаи прямой стратиграфии погребений, более убедительно свидетельствующие о хронологическом приоритете той или иной археологической культуры.

Следует сказать, что в работах, посвященных этому периоду эпохи поздней бронзы, отмечалось отсутствие надежных стратифицированных покровских и срубных комплексов, что являлось, по мнению исследователей, косвенным подтверждением синхронности покровской и срубной культур. На основании этого предполагается изолированное сосуществование или чересполосное расселение покровского и срубного населения [Мыськов, 1991. С. 161–162; Юдин, 2008. С. 57]. Действительно, покровские и срубные погребения в одной курганной насыпи встречаются не часто, но, тем не менее, такие стратиграфические случаи есть, и они постепенно продолжают накапливаться.

В курганах позднего бронзового века Волго-Донского региона, где обнаружены погребения покровской и срубной культур, известно 24 стратиграфических случая. Следует сразу подчеркнуть, что всегда погребения срубной культуры были совершены позже покровских. Это подтверждается относительной стратиграфией, когда погребение покровской культуры являлось основным в кургане, а срубное было введено в насыпь (Усть-Хоперская I, кург. 2, погр. 6, 12; «Кирпичный Бугор», кург. 1, погр. 7, 3, 11; Кульстан, кург. 3, погр. 7, 2; Кульстан, кург. 5, погр. 4, 3; Красная Котлубань, кург. 3, погр. 4, 5, 3; Ерзовка V, кург. 2, погр. 3, 1; Учхоз I, кург. 1, погр. 3, 1, 2; Шляховский IV, кург. 1, погр. 7, 6, 8). Кроме того, зафиксировано три случая прямой стратиграфии, когда покровские захоронения были нарушены или перекрывались погребениями срубной культуры. Такие комплексы выявлены в курганных могильниках Сидоры [Шилов, 1960], Ветютнев [Клепиков, 1990] и Первомайский IX [Мамонтов, 1992].

В кургане 1 могильника Сидоры погребение 10 покровской культуры было перекрыто погребением 1, которое, судя по керамике и ориентировке костяка, относится к срубной культуре (рис. 1, 2, 4). В этом кургане, судя по расположению в один ряд и абсолютно аналогичной керамике, одновременными являются погребения 4, 5, 7 и 10. Из этих погребений происходит наиболее архаичная покровская керамика. Об этом свидетельствуют выраженные колоколовидные формы сосудов, уплощенные днища, подлощенность поверхностей, обильная примесь толченых раковин в тесте, т. е. целый ряд признаков абашевской керамической традиции. На принадлежность этих погребений к раннему этапу покровской культуры указывает и набор кремневых наконечников стрел из погребения 10 (рис. 1, 4). Такие наборы наконечников известны в раннепокровских комплексах (Скатовка, кург. 11, погр. 1; Дубовый Гай, погр. 4; Линево од. кург., погр. 3). Следует также обратить внимание на то, что в кургане 1 могильника Сидоры наряду с северной ориентировкой костяков из погребений 2, 5, 7 и 10, которая является доминирующей для покровских погребений, здесь зафиксировано, безусловно, покровское захоронение (погр. 4), в котором умерший ориентирован головой на восток. Такие отклонения в погребальной обрядности, проявляющиеся в

ориентировке или положении костяка на спине редки, но отнюдь не единичны для этапа оформления покровской культуры и ее раннего периода. Более позднее погребение 1, обнаруженное в насыпи над погребением 10, судя по керамике, ориентировке и степени скорченности костяка относится к срубной культуре. В нем найдены два лепных сосуда баночной формы из глины с примесью мелких частиц шамота. Один из них орнаментирован отрисками мелкозубчатого штампа (рис. 1, 2).

В кургане 10 могильника Ветютнев, также выявлен стратифицированный комплекс, где срубное погребение 3 перекрывало более раннее погребение 7, относящееся к покровской культуре (рис. 2, 2). Основное погребение 7 было совершено у края более древней насыпи ямного времени и перекрыто досышкой. Могильная яма этого погребения имела довольно значительные размеры и была ориентирована по линии СЮ. Здесь, на дне ямы, у ее северной стенки, был обнаружен скелет ребенка, лежащий в скорченном положении на правом боку и ориентированный головой на запад. Несмотря на нестандартное положение костяка умершего, сопровождающий его набор керамики и бронзовый нож, не оставляют сомнений в принадлежности этого погребения к покровской культуре (рис. 2, 4). В глиняном тесте трех сосудов из этого погребения имеется примесь толченых раковин, некоторые из сосудов покрыты глубокими беспорядочными расчесами, один горшок имеет подколоколовидную форму и характерный уступ на внутренней стороне венчика. Ромбовидное окончание черешка бронзового ножа также является одним из признаков ножей начальной поры позднего бронзового века. Однако не трудно заметить, что в керамике из этого погребения абашевские признаки фиксируются уже довольно слабо, что позволяет относить погребение 7 к позднему этапу покровской культуры. В более позднем погребении 3, перекрывавшем покровское захоронение, лежал скелет взрослого мужчины, в сильно скорченном положении, на левом боку и был ориентирован головой на восток. За черепом и спиной погребенного были расположены три лепных сосуда изготовленные из глины с примесью шамота. Обряд этого погребения и формы керамики позволяют уверенно относить его к памятникам срубной культуры. В этом отношении весьма показателен сосуд острореберной формы и горизонтальных пропорций, с характерной орнаментацией верхней части тулова (рис. 2, 3). Такой тип керамики практически всегда является диагностичным в определении срубной культурной принадлежности памятников позднего бронзового века.

Еще один комплекс, где зафиксирован случай прямой стратиграфии погребений покровской и срубной культур, происходит из кургана 3 могильника Первомайский IX (рис. 3). Основным в кургане являлось погребение 4. Здесь в прямоугольной яме, ориентированной по линии ЗВ, обнаружена верхняя часть костяка взрослого человека, который лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на восток. В этом погребении найден лепной сосуд с примесью толченой раковины в глине, выраженным уступом на внутренней стороне венчика. В верхней части сосуд был орнаментирован двумя пролощенными неглубокими желобками (рис. 3, 3). По этим характерным особенностям керамики погребение 4 можно с уверенностью относить к покровской культуре. Погребение 4 перекрывалось, и было частично разру-

шено более поздним погребением 1, которое было совершено в прямоугольной яме с широтной ориентировкой. Умерший был захоронен в скорченном положении, на левом боку, головой на восток. Керамика из погребения 1 типична для срубных погребальных и поселенческих материалов. Один из сосудов небольшой острореберный, а другой – баночной формы с намеченным ребром в верхней части, украшенный горизонтальным рядом округлых вдавлений (рис. 3, 2). Глина, из которой изготовлена керамика из погребения 1, с примесью шамота, а сами сосуды достаточно хорошего обжига. Еще одно погребение 3 из этого кургана не нарушает основное захоронение. Слабая скорченность костяка, его северная ориентировка позволяют его считать также покровским. Сосуд из этого погребения имеет подострореберную форму, с ребром в верхней части тулова и слегка выделенный прямой венчик. Такой тип посуды встречается в погребениях позднепокровского облика (Неткачево, кург. 1, погр. 2; Ерзовка V, кург. 3, погр. 1; Киляковка, кург. 5, погр. 2). Несмотря на то, что такая керамика уже изготовлена из глины с примесью шамота, может не иметь т. н. «внутреннего ребра» венчика, она зачастую покрыта явными упорядоченными рельефными расчесами, что является характерным признаком покровской орнаментации посуды. Эти изменения в формах керамики и технологических приемах ее изготовления отмечены и на материалах бытовых памятниках покровской культуры в Нижнем Поволжье и верно связываются с процессом эволюции покровской культуры, и ее трансформации в срубную [Малов, 2007. С. 61].

Итак, во всех комплексах с прямой стратиграфией погребений покровские захоронения были нарушены погребениями срубной культуры с баночными или острореберными сосудами. Случаев относительной стратиграфии покровских и срубных погребений в одном кургане больше, но всегда срубные захоронения совершены позже. Причем важно отметить, что срубным погребениям предшествуют покровские захоронения как раннего, так и позднего облика. Несмотря на то, что к настоящему времени раскопано уже огромное количество курганов эпохи поздней бронзы, случаев стратиграфии, когда срубные погребения совершены раньше покровских не известно. Это обстоятельство достаточно убедительно свидетельствует в пользу хронологической последовательности этих культурных образований, а не их одновременности и чересполосном расселении. Сравнительно небольшое количество стратифицированных погребений в курганах, по всей видимости, следует объяснять не изолированным сосуществованием этих групп населения, а тем, что для покровской и срубной культур было характерно сооружение новых насыпей, нередко образующих крупные могильники.

Разделить на хронологические периоды или культурные группы срубные памятники Нижнего Поволжья и Волго-Донского региона на данный момент достаточно сложно. Это обусловлено в первую очередь тем, что они характеризуются высокой степенью стандартизации сопроводительного инвентаря, керамического комплекса и черт погребального обряда. Однако на основании анализа материалов и стратиграфических наблюдений, можно уверенно говорить, что в своей хронологической позиции они следуют за памятниками покровской культуры и предшествуют памятникам постсруб-

ным, которые маркируются валиковой керамикой, а также определенным влиянием культур андроновского круга – федоровской и черкасульской.

Такую схему периодизации подтверждают пусть и не многочисленные, радиоуглеродные даты [Малов, 2007, 2011]. В 2011 году М.А. Балабановой в рамках выполнения гранта РФФИ «Комплексное антропологическое исследование населения эпохи энеолита-бронзы» было получено несколько калиброванных радиоуглеродных дат. Они сделаны по костным останкам погребенных покровских и срубных захоронений курганных могильников Линево и Неткачево из раскопок И.В. Сергацкова в 2002 году и А.Н. Дьяченко в 2003 году. К сожалению, некоторые из полученных дат оказались дефектными (очень сильно удревненными) или имеющими значительные доверительные интервалы более 200 лет. Но одно погребение срубной культуры с двумя сосудами баночной формы из кургана 16 могильника Неткачево, который представлял родовое кладбище из 21, практически идентичного по обряду и керамическому комплексу захоронения, дало следующую дату: погребение 9 (Le-9673) 3160 ± 80 : 1σ 1530-1370 (60,4%), 1350-1310 (7,8%) cal BC; 2σ 1630-1250 (94,2%) cal BC. В могильнике Линево для основного и единственного срубного погребения 1 из кургана 3 (Le-9667), где умерший был похоронен в сильно скорченном положении, головой на СВ, с двумя баночными сосудами также получена близкая дата 3200 ± 110 : 1σ 1620-1370 (65,4%), 1340-1320 (2,8%) cal BC; 2σ 1750-1100 (95,4%) cal BC. Известные же на сегодняшний день радиоуглеродные калиброванные даты погребений покровской культуры дают более ранний (XX-XVIII вв. до н. э.) временной интервал [Малов, 2011. С. 96; Зеленева, Юдин, 2010. С. 143].

Литература:

Бочкарев В.С. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995.

Дьяченко А.Н., Кривошеев М.В., Шинкарь О.А. Раскопки курганного могильника Неткачево в Котовском районе Волгоградской области // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006.

Зеленев Ю.А., Юдин А.И. Курган у села Дубовый Гай // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005-2006 гг.). Саратов, 2010.

Клепиков В.М. Отчет о раскопках у х. Ветютнев Фроловского района Волгоградской области в 1990 г. // Фонды ВОКМ. № 110а, 110б.

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов, 2002.

Малов Н.М. Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области (концептуальные основы) // Срубная культурно-историческая область: Материалы III Рыковских чтений. Саратов, 1994.

Малов Н.М. Культуры эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.

Малов Н.М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения, выпуск 1. Саратов, 2012. Том 12.

Мамонтов В.И. Отчет об охранных археологических раскопках Приволжского отряда ИИМК РАН и Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПИ в 1992 г. // Фонды ВОКМ. № 84а, 84б.

Мыськов Е.П. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и волго-Донского междуречья // Советская археология. М., 1991. № 4.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ, 2001.

Отрощенко В.В. К истории племен срубной общности // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2003. Вып. 17.

Сергацко И.В., Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Дьяченко А.Н. Курганы у поселка Линево // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006.

Шарафутдинова Э.С. К вопросу о связи погребений покровского культурного типа и срубной культуры // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Часть I. М., 2003.

Шилов В.П. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в Михайловском районе Волгоградской области за 1959 г. // Фонды ВОКМ. № 734, 9а.

Юдин А.И. Курганы у с. Мокрое // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Юдин А.И. Бассейн р. Терешка как один из регионов формирования срубной культуры позднего бронзового века // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.). Саратов, 2010.

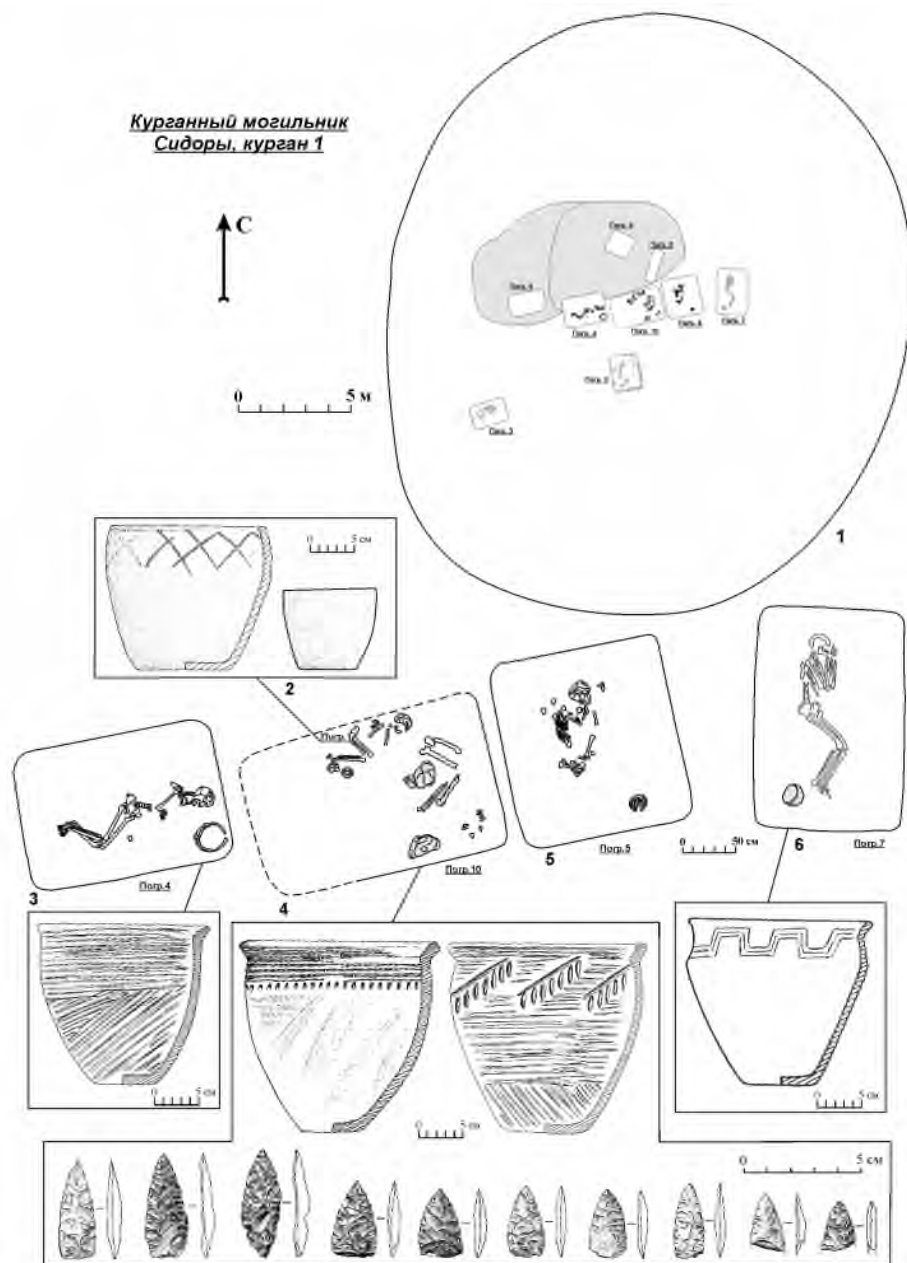

Рис. 1. Курган 1 могильника Сидоры. Планы погребений 1, 4, 5, 7, 10 и предметы из них

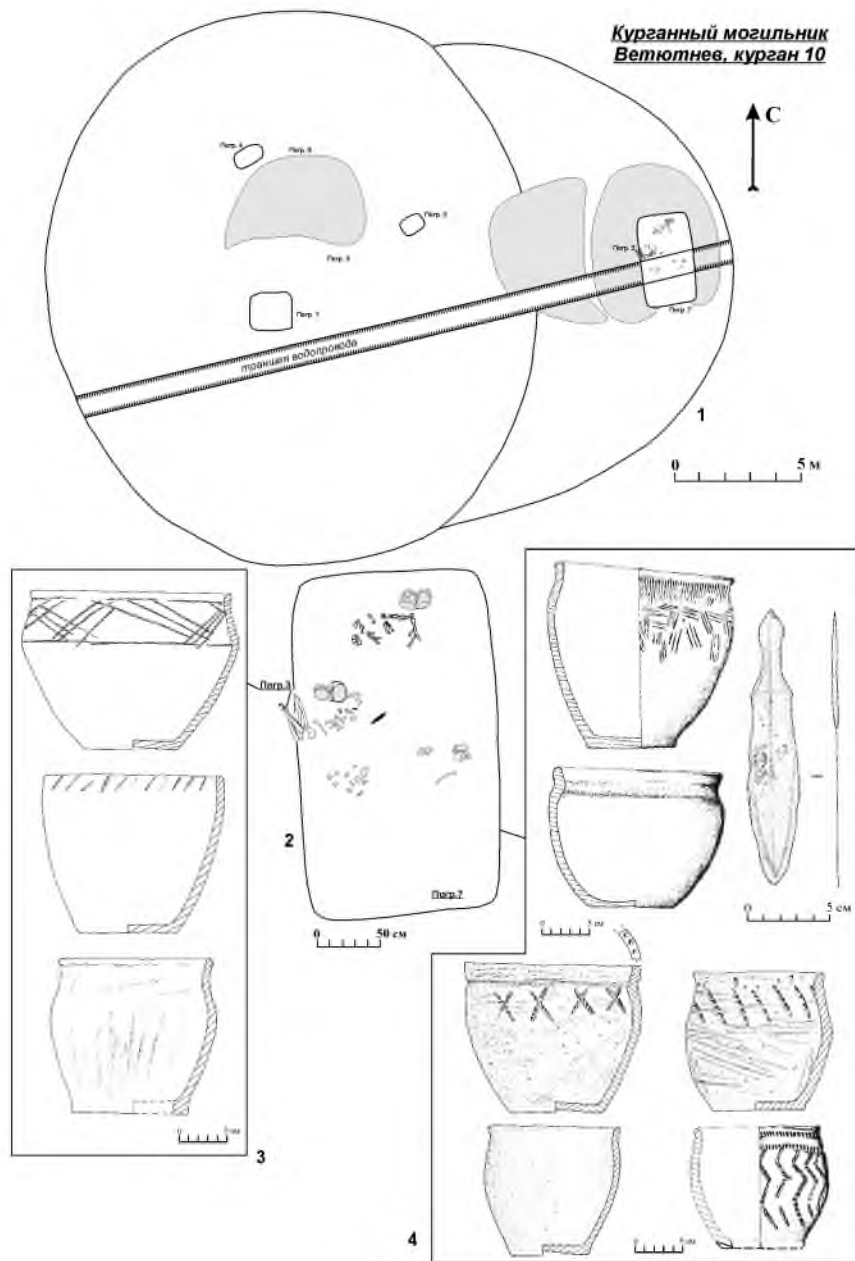

Рис. 2. Курган 10 могильника Ветютнев. Планы погребений 3, 7 и предметы из них

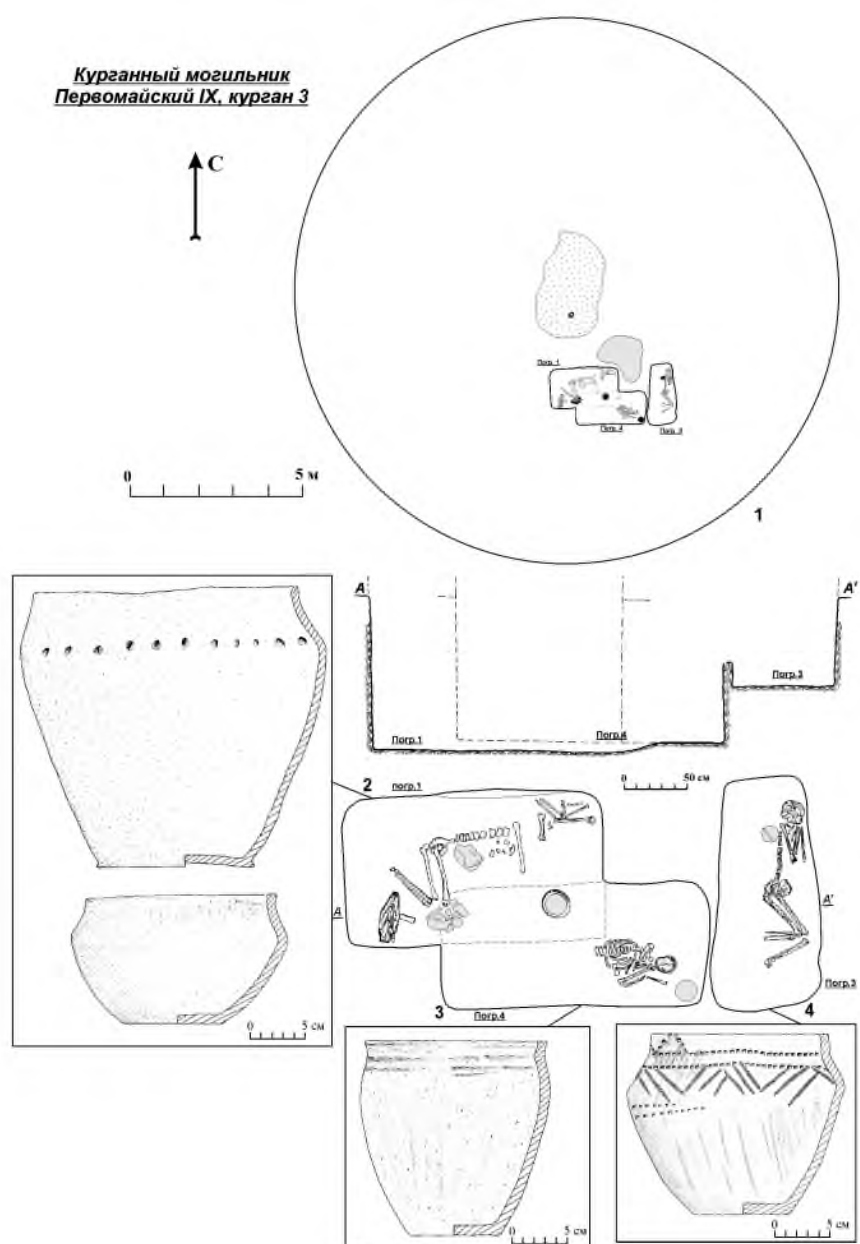

Рис. 3. Курган 3 могильника Первомайский IX. Планы погребений 1, 3, 4 и предметы из них

Лопатин В.А.

О БЕСШИПНЫХ ДИСКОВИДНЫХ ПСАЛИЯХ ПОКРОВСКОГО ТИПА

Почти двадцать лет назад в одной из книг Е.Е. Кузьминой, лейтмотив которой содержал дерзновенную по тем временам идею о причастности андроновских племен к становлению индоиранского мира, прозвучало имя Киккули, митаннийца хурритского происхождения, создавшего трактат о тренинге колесничных лошадей [Кузьмина, 1994. С. 5]. И автор трактата, и сам образец древнейшей индоевропейской литературы, составленный на хеттском языке, были упомянуты ею в контексте проблемы первого проникновения индоиранцев на Ближний Восток. Коневодческая терминология в инструкции Киккули, имена иранского звучания в различных договорных документах, клятвы арийскими богами, при отсутствии самих ариев, давали основание удревять событие инвазии до XVII–XVI вв. до н. э., поскольку во времена службы Киккули на хеттских конюшнях (XIV в. до н. э.) оно фиксировалось исключительно как историческая память и языковая инверсия.

«Окаменевшие глоссы» (по выражению А. Камменхюбер [Kammenhuber, 1961]), вероятно, использовались в трактате как специальная терминология, не имевшая понятийных аналогов в местных языках и более всего соответствовавшая коневодческой колесничной традиции, транслированной на Ближний Восток из степной Евразии. Связь движения индоиранцев с конем, колесницей и иноязычными глоссами Передней Азии впервые отмечены Б. Грозным, который дешифровал и в 1931 году опубликовал трактат Киккули, записанный на четырех глиняных табличках из Богазкея. По мнению И.М. Дьяконова эта первая волна миграции индоариев непосредственно Митанни не достигла. Где то в нагорной области Ирана и Армении пришельцы были ассимилированы хурритами, которые, усвоив элементы высокой коневодческой культуры, позже донесли в Переднюю Азию передовые познания по уходу за лошадьми, по алгоритму тренинга и всю связанную с этим делом индоевропейскую терминологию [Дьяконов, 1970; 1982].

Начиная с собственного титула Киккули «aswasanni» (арийск. «конь» и «тренировать») до названий мастей и первичной меры расстояния при выезде wartanna (круг, поворот) терминология трактата преимущественно индоиранская. Это пособие коневода тщательнейшим образом продумано, оно

вобрало практический опыт многих поколений специалистов и весьма авторитетно, поскольку успешно служило делу укрепления военной мощи хеттской державы. Исключительность методики заключалась в возможности готовить по единой системе сразу большое количество коней, способных действовать в боевом строю колесниц.

Единственное, что создает темные места в скрупулезно-подробном руководстве Киккули – это пренебрежение к описаниям упряжных конструкций, которые должны были соответствовать условиям тренинга. Сведения об узде весьма расплывчаты практически во всех известных нарративах. Упряжь упоминается вскользь, как нечто обыденное и само собой разумеющееся*, вместе с тем, заметно, что ею дорожили и считали особо ценным имуществом. В своде хеттских законов XIV–XIII вв. до н. э. (§ 58) штраф за кражу узды или упряжи определялся в шекель серебром, а за хищение бронзовых удил потерпевший рассчитывал получить 12 шекелей (больше, чем за увод годовалого жеребца). Отчасти пробел восполняется некоторыми данными по микенской иконографии, но там представлены сцены с действием уже обученных лошадей, взнузданных оснасткой, в которой присутствуют дисковидные псалии с шипами [Кузнецов, 2004. С. 36, рис. 3, 1–3].

Отсутствие информации по узде значительно суживает возможности нарратива при сопоставлении системы тренинга с данными археологии, которые еще более ограничены в связи с неполной сохранностью артефактов. Теперь многие современные исследователи уже не сомневаются в евразийском происхождении коневодства и боевого использования колесниц. В степях Доно-Поволжья и Волго-Уралья, в престижных захоронениях военных лидеров и колесничих начала II тыс. до н. э., наряду с бронзовым вооружением и одноосными колесницами, найдены самые древние элементы конской узды – роговые и костяные щитковые псалии, особенности которых весьма вариативны. Псалии являются основным, и поэтому очень важным, видом вещественных источников по реконструкции конской узды бронзового века, мягкой (ременной) и недолговечной.

В обстоятельной, развернутой классификации Е.Е. Кузьминой, где учетные желобчатые, стержневидные и щитковые псалии, последние подразделяются на две группы – с шипами и без шипов [Кузьмина, 1994. С. 171–181]. Основное внимание в анализе уделено псалиям андроновской общности, но автор основывает свои выводы на более широком круге источников, привлекаемая также восточно-европейские, балкано-дунайские, средиземноморские и ближневосточные аналогии. Наиболее архаичные псалии (дисковидные без планок), по мнению Е.Е. Кузьминой, происходят из археологических комплексов бабинской и абашевских культур, распространенных на широкой территории от Днепра до Южного Урала [Кузьмина, 1994. С. 177]. Таким об-

* К примеру, читаем в IV мандале Ригведы <К Дадхикравану>: «Взнузданный на шее, под животом (и) на морде...» (RV IV, 40. 4). Здесь указаны важнейшие места расположения упряжи на теле лошади, но ничего конкретного не говорится о самой упряжи. Вместе с тем, в том же четвертом стихе подчеркиваются достоинства хорошо обученного скакуна, который «приносит награды, опережая удар кнута, по своей воле мощно собираясь с силой, резво скача по извилинам дорог». Aswasanni в данной ситуации незрим, но его присутствие вполне ощутимо.

разом, носители признаков этих культур признаются изобретателями колесниц с псалиями. Далее, по хронологической шкале следуют различные варианты псалиев с планками, широкими и узкими, треугольными и трапециевидными, с шипами, вставными или цельнорезными, и без шипов. Разнообразие типов вполне логично объясняется обменом культурными инновациями и поиском оптимальных конструкций.

Нам небезынтересен анализ группы щитковых *бесшипных* псалиев, поскольку целью предлагаемой статьи является постановка вопроса об особой функциональности этих изделий. В книге Е.Е. Кузьминой основной вывод по датировке бесшипных псалиев, подкрепляемый радиоуглеродным анализом, напрямую касается предметов типа Алакуля и Новоникольского, это XV–XIV вв. до н. э. [Кузьмина, 1994. С. 181]. Вывод вполне очевиден, поскольку такие псалии имеют высокие (почти стержневидные) планки с боковыми выступами, по этим признакам они близки надежно датированным экземплярам из Тосега и Ватины и являются наиболее поздними среди щитковых изделий. По поводу происхождения бесшипных предметов с несколько иной, более архаичной морфологией (округлощитковые с треугольными планками) автор корректно и вполне справедливо предполагает особый характер этого варианта (Поляны), а также, в рамках общего генезиса, усматривает их связь с щитковыми псалиями, оснащенными шипами, типа Староюрьево.

За последние два десятилетия источниковая база по псалиям стала значительно шире, предпринимались неоднократные попытки обобщения этого материала, проводились реконструкции узды, трасологические анализы, ставились эксперименты по практическому использованию моделированной упряжи. Апострофом этой многолетней работы стало недавнее издание коллективной монографии, содержащей на данный момент наиболее объективные выводы [Бочкарев и др., 2010]. Культурно-хронологические позиции бесшипных дисковидных псалиев с треугольными планками не изменились, относительно псалиев с шипами они традиционно рассматриваются как более поздние варианты колесничной упряжи. Вместе с тем, при всех достоинствах сравнительно-типологического анализа, в ходе которого удается получить группы изделий, обладающих морфологическим сходством, технологический подход А.Н. Усачука, основанный на трасологии, представляется максимально инновационным и объективным.

Установлено, что в степной Евразии наблюдаются две основные традиции в изготовлении щитковых элементов узды – доно-волжская (староюрьевская) и южноуральская (синташтинская). Поволжская группа псалиев формировалась под воздействием этих двух встречных, практически постоянно взаимодействующих дискурсов. Особенно неожиданным стал вывод о присутствии инверсии волго-уральского синтеза в группе причерноморских псалиев [Усачук, 2007].

А.Д. Пряхин отмечал для нижеволжских псалиев характерные отличительные признаки конструктивного характера – отверстия или лунки в щитках для фиксации нащечных ремней. Это, по мнению исследователя, было следствием упрощения староюрьевской конструкции, которая предполагает наличие более сложного, при изготовлении, бокового выреза [Пряхин и др., 2001]. Идею упрощения поддержал также А.Н. Усачук, принимая, все же,

за основу оригинальности нижеволжских изделий фактор симбиоза между староюрьевским и синташтинским векторами развития колесничной упряжи.

Генетическая преемственность абашевских и покровских традиций вполне очевидна. Она касается динамики керамического комплекса, оформления узкокультурных групп украшений, особенностей вооружения, а также заметной ориентированности на стандарты при изготовлении колесничных псалиев. Тезис о линейном упрощении староюрьевской традиции представляется не вполне иллюстрирующим нижеволжскую специфику покровских псалиев. Мобильные и активно контактирующие на сопредельных территориях покровские группы были весьма лабильны и восприимчивы к технологическим достижениям. Инокультурные элементы заметны практически во всех категориях покровского материального комплекса. Взятый за естественную основу староюрьевский тип упряжи претерпевал не рациональное упрощение, а совершенствование методом проб и ошибок, посредством соединения оптимальных параметров и элементов. Будучи носителями коренного абашевского (староюрьевского) стандарта, покровские мастера создавали симбиозные варианты в результате изучения и переработки синташтинско-петровских достижений в коневодческой и колесничной практике [Лопатин, 2009. С. 75]. Разумеется, широкие контакты, как правило, порождают разнообразные, порой причудливые симбиозы, поэтому покровская группа дисковидных псалиев с шипами (Сторожовка, Старицкое, Калмыцкая Гора, Идолга, Березовка, Золотая Гора) столь эклектична.

Не вполне традиционную точку зрения по поводу некоторой специфики орнаментации щитковых псалиев и, особенно, функциональной вариативности бесшипных изделий автор данной статьи уже высказывал в печати в связи с находкой уникального экземпляра из Нижней Красавки [Лопатин, 2010. С. 140–141]. Костяной дисковидный псалий бесшипной конструкции с крупной треугольной планкой (рис. 1, 1) был обнаружен в покровском слое поселения, которое планомерно исследуется с 2007 года археологической экспедицией Саратовского университета. В основании планки при соединении с диском, с обеих сторон выделены заостренные, направленные вниз шипы (правый шипик обломлен в древности). Толщина края планки уменьшена выборкой до 0,3 см, узким бордюром шириной 1 см, в котором просверлены пять одинаковых отверстий диаметром 0,4 см для крепления храпового ремня – одно на месте вершины треугольника и по два отверстия на боковых сторонах. Цилиндрические каналы отверстий сверлились с внешней стороны, где виден край бордюра. Расстояния от верхнего отверстия до средних 3 см на левой и 2,3 см на правой стороне, от средних отверстий до нижних равны, по 2 см, от нижних отверстий до заострений шипов 1,5 см на левой и примерно 1,8 см на правой стороне.

На краю диска, около правого шипа у основания планки имеется узкая несквозная лунка с костяным штифтом в виде усеченного конуса. Глубина лунки 0,9 см, длина штифта 1 см. Диаметр входного отверстия лунки 0,5 см, в глубине она суживается до 3 мм. Данная деталь очевидно служила для фиксации нащечного ремня, который набрасывался петлей на основание планки и удерживался боковыми шиповидными выступами. Не исключено, что она

имеет характер вынужденного дополнения в конструкции псалия в связи с поломкой ближнего шипика.

Диаметр диска псалия составляет 8,6 см, а максимальная толщина 1,6 см. Нижний край диска тоньше (всего 0,5 см). В центре имеется сквозное отверстие с прямым цилиндрическим каналом под ременные удила диаметром 0,8 см. На правом краю отверстия заметна характерная потертость, которая указывает на то, что это была левосторонняя деталь конской узды.

Высота треугольной планки от края диска 4,5 см. Ширина основания между окончаниями боковых шипов 7,3 см. Длина слегка выпуклых боковых сторон планки 7 см (левая) и 6,5 см (правая). Толщина планки относительно максимальной толщины диска заметно меньше (с обратной стороны была сделана выборка по всей плоскости треугольника). При соединении с диском она составляет 1,1 см, а в направлении к вершине треугольника уменьшается до 0,9 см. Это обстоятельство позволяет предполагать, что окончание храпового ремня подшивалось именно к нижней (обратной) плоскости треугольной планки. Причем ширина ремня должна была составлять не более 6 см, поскольку при этом свободно выступали боковые шипы, на которые набрасывалась петля нащечного ремешка. Расположение прошивных отверстий на боковых гранях планки в виде угла, обращенного вершиной в сторону натяжения, очевидно, значительно увеличивало прочность крепления храпового ремня, и надежность фиксации ременных удили в пределах диастемы (промежутка между коренным и передним отделами зубов лошади).

На внешней стороне диска имеется уникальный циркульно-гравированный орнамент. Разметка и организация композиции велась от центра костяной заготовки еще до сверления большого отверстия. В центральной части изображены две концентрические окружности диаметрами 2 см и 2,4 см, образующие круглое кольцо шириной 2 мм.

Разметка прочих деталей центральной композиции проведена с геометрическими погрешностями. Очевидно, мастер действовал по наитию и не совсем верно рассчитал расположение точек, от которых так же, циркулем, нарезаны полуокружности трехлучевой свастики. Точки образуют вершины треугольника повернутого вправо на 25 градусов. При этом треугольник не получился равнобедренным (две стороны равны, по 3,2 см, а третья, правая – 3,5 см).

Каждая полуокружность-луч состоит из трех линий, которые начинаются от внутреннего края центрального кольца и завершаются стилизованными изображениями конских головок. Так же лаконично косторез наметил циркулем окружности головок с центральными точками-глазами и окружности поменьше, имитирующие ноздри. Вытянутые морды лошадок – это клиновидные пары линий, соединяющие окружности-головки и окружности-ноздри. Пары гравированных маленьких треугольников на краях круто изогнутых загибков обозначены ушки лошадок.

Внешний край диска украшен двумя кольцами, между которыми выгравированы два ряда треугольников, обращенных вершинами навстречу. При этом образовался контурный бордюр в виде короткошагового зигзага – орнамент, типичный для костяных изделий эпохи поздней бронзы. Он чаще всего

присутствует именно на псалиях, как дисковидных, так и желобчатых. Общая ширина контурного бордюра вместе с кольцами 0,85 см.

Предполагается, что в качестве исходного материала при изготовлении псалия взята тазовая кость КРС или лошади. Это весьма вероятно, поскольку механической выборкой, при выделении планки, и потертостями, возникшими в ходе эксплуатации, на обратной стороне диска частично уничтожен тонкий слой компакты и обнажен губчатый диплоид костной ткани. Складывается впечатление, что в Нижнем Поволжье псалии, вырезанные из кости, а не из рога, также являются показателем местной специфики. Плоские пластины тазовых костей домашних животных были удобны в обработке, их не выбрасывали, а собирали в качестве заготовок, поэтому они практически отсутствуют в кухонных отбросах поселений эпохи бронзы. На одном тазовом крыле можно было разметить сразу несколько дисков будущих уздечных элементов. Возможно, опосредованным подтверждением такого предположения могут быть уникальнейшие трехдисковые псалии из Баранниково, обнаруженные в богатом покровском погребении с ярко выраженными абашевскими чертами в керамике, на севере доно-волжского междуречья [Мыськов, 2004. С. 136], а также близкие им по морфологии трехдисковые экземпляры из Тарумовки [Малов, 2012. С. 74–90].

Похоже, что вначале на костяной заготовке нижнекрасавского псалия мастер циркулем выполнял разметку и нарезку орнамента, гравировку резцом, затем размечал контур планки и высверливал центральное отверстие под ременные удила. Затем обрезал ненужные части заготовки, оконтуривая шлифовал края диска по линии внешнего кольца и края треугольной планки, делал выборку под толщину храпового ремня с обратной стороны щитка, после этого вытачивал на внешней стороне планки краевую выборку под прошву, вырезал боковые шипы и сверлил пять малых отверстий на вершине и краях планки. Лунка для фиксации нащечного ремешка костяным штифтом появилась позже, как мера корректировки конструкции после утраты правого шипика планки.

Псалий из Нижней Красавки представляет собой уникальнейший артефакт начальной фазы позднего бронзового века. Культурно и хронологически он связан с наблюдаемым здесь комплексом покровского типа (рис. 1), возможно поздним этапом его развития в ходе формирования ранней срубной культуры (приблизительно конец XVII–XVI вв. до н. э.). Конструктивные особенности псалия безусловно восходят к прообразам староюрьевского типа, что выражается в общей дисковидности формы, традиционном зигзагообразном бордюре, принципе фиксации в узде, но имеет типично покровскую специфику, а также индивидуальные особенности. С покровской группой псалиев Поволжья его сближает, прежде всего, треугольная форма массивной планки и отсутствие бокового выреза под ремень, идущий на оголовье.

Похожие, но не идентичные нашему экземпляру, *бесшипные* псалии с треугольными планками были обнаружены С.В. Ляховым в Сторожовке (2/2) в комплексе с керамикой позднепокровского облика [Ляхов, 2009. С. 144, рис. 9, 5, 6]. Заметна явная эклектика сосудов из этого погребения, в них присутствуют черты нивелирующегося покровска и КМК, а также раннесрубные показатели (рис. 2, 3–6).

По своей внешней морфологии (рис. 2, 1, 2) псалии кажутся, скорее, некими репликантами синташтинско-петровских роговых прообразов простых конструкций. Округло-овальные щитки сторожовских псалиев по форме тяготеют к сегментовидным вариантам Кривого Озера, Жаман-Каргалы, Восточно-Курайли и Каменного Амбара [Виноградов, 2003. С. 251, рис. 104, 4–7; Ткачев, 2007. С. 343; Епимахов, 2005. С. 38, рис. 31, 2, 3], однако заметна и доля местной нижеволжской трактовки (округлость щитка, острые, а не притупленные боковые шипики у основания планки).

Очень интересный вариант *бесшипного* псалия давно известен по раскопкам в Харьковской области Украины на поселении Поляны I. Опубликованный неоднократно но, к сожалению, в неудовлетворительном графическом исполнении псалий из Полян, лишь недавно получил подробнейшую трасологическую характеристику в специальной работе А.Н. Усачука [Усачук, 2005. С. 143–150]. Материалы этого многослойного поселения весьма сложно соотносить с роговым элементом узды, который морфологически близок нижекрасавскому, особенно устройством планки, только суголовный ремень здесь крепился, как у староюрьевских, к боковому вырезу (рис. 2, 9). Однако в некоторых деталях конструкции и, особенно, по орнаментации псалий из Полян заметно отличается от абашевских и покровских экземпляров. Линейно-точечные бордюры по краю диска и короткие отрезки с бахромой на планке для декоров на костяных изделиях Доно-Поволжья не характерны. В книге С.С. Березанской [Березанская и др., 1986] полянский комплекс представлен скудно, кроме псалия показан фрагмент бабинского сосуда, пест, обломок каменного топора с перехватом, пряжка с высоким бортиком и кремневая стрела (рис. 2, 10–14). Е.Е. Кузьмина, комментируя этот псалий, называет комплекс поселения Поляны I срубным [Кузьмина, 1994. С. 180]. Как представляется, полянский экземпляр предположительно следует, все же, связывать с позднебабинским комплексом этого многослойного памятника и синхронизировать с нижеволжскими материалами покровского типа.

Бытует мнение о том, что бесшипность дисковидных псалиев является показателем несколько более поздних позиций данного варианта относительно щитковых изделий с шипами, в том числе и в рамках покровских древностей. И если следовать логике такого вывода, то в динамике развития колесничной узды наши бесшипные дисковидные псалии с массивными треугольными планками должны занимать промежуточное положение между щитковыми изделиями с шипами и бесшипными вариантами алакульского типа с высокими планками, синхронными изделиям Тосега и Ватины. И здесь важно отметить, что индикатором культурно-хронологических позиций наших псалиев надежнее всего выступает керамика, и это, безусловно, сосуды покровского типа (Нижняя Красавка, Сторожовка) или предполагаемые синхронные культурные комплексы (Поляны). Но поскольку в погребениях с керамикой покровского (и даже раннесрубного, как в Сторожовке или Золотой Горе) типа нередко встречаются костяные и роговые щитковые псалии с шипами, то оценивать в данной ситуации, очевидно, следует не культурно-хронологические позиции, а различия иного характера.

Представляется, что строгие псалии с шипами и бесшипные варианты могли сосуществовать во времени, выполняя в упряжи одинаковые функции,

но несколько различные задачи. Отсутствие шипов на дисковидных псалиях архаического типа вряд ли является индикатором времени, поскольку более поздние желобчатые псалии ими как раз оснащены. Известны также и бесшипные желобчатые варианты, и в данном случае особенно показательна группа изделий усатовского типа (Алексеевское, Шельган, Токское, Мосоловка, Усатово, Капитаново, Шигоны) [Бочкарев и др., 2010. С. 327–329], которые действовали в упряжи так же, как и щитковые, а функционально соответствовали именно бесшипным, нетравмирующим псалиям.

Сторожовские, полянский и нижнекрасавский экземпляры имеют массивные, по-видимому, преднамеренно усиленные треугольные планки. Кроме того, отверстия под прошву расположены на планках полянского и нижнекрасавского вариантов совершенно иначе, чем у всех прочих псалиев, не в линию на верхней границе диска, а углом, по краям планки. Все это указывает на стремление усилить натяжение именно храпового ремня, широкого и прочного. При такой особенности узды морда лошади, вероятно, была особенно надежно фиксирована, при этом не требовались шипы, как строгие средства стимуляции. Поэтому не исключено, что щадящие бесшипные псалии с мощным храповым ремнем могли использоваться в особых действиях по управлению лошадью, например, при *тренинге*.

Весьма интересно, что узда с бесшипными нетравмирующими псалиями функционально аналогична древнейшему типу упряжи – кашугу. Он был универсален как при тренинге, так и непосредственно в управлении эквидами, впряженными в тяжелые повозки с монолитными колесами. Тренинг, подчинение лошади определенному алгоритму не допускали жесткого, травмирующего подхода, система была основана на мягком, осторожном воспитании у животного необходимых качеств, органично выводимых из естественных кондиций. С изобретением легких боевых колесниц более строгая узда стала объективно необходима как оптимальное средство стимуляции, соответствующее непредсказуемым в условиях сражения ситуациям. При этом подготовка лошади в кашуге осторожно сменялась работой на дистанциях в узде с бесшипными псалиями, а затем перевести животное на строгую упряжь с шипами уже не представляло собой сложной задачи. Представляется также, что строгая узда применялась исключительно в сражении или на состязаниях.

Самая яркая индивидуальная особенность псалия из Нижней Красавки – это центральный сюжет декора свастического типа, где окончания трехлучевого элемента украшены стилизованными конскими головками. Не будет преувеличением сказать, что это первый случай сюжетно-реалистической трактовки солнечного символа на костяном изделии бронзового века степного Доно-Волго-Уралья. В сводной работе В.И. Беседина, где автор представил «микенские» орнаменты Восточной Европы, украшающие костяную фурнитуру, наборные рукояти, элементы упряжи и бронзовые бляхи ябалаклинского типа, солярно-астральная символика встречается нередко. Однако трехлучевой вариант на костяном дисковидном псалии впервые зафиксирован в Нижней Красавке. До сего момента были известны две металлические бляхи из шахтовых гробниц Микен и Каковатоса, а также часть костяного диска из Сепсе, где в стилизованной орнаментальной манере представлены криволинейные трехлучевые свастики [Беседин, 1999. С. 51, рис. 4, 3, 4, 12].

Примечательно, что все эти аналоги территориально далеки от Волго-Донья и относятся к балкано-дунайскому региону. Вместе с тем, представляется, что все свастические символы (трех, четырех, пяти, шести, семилучевые) объединены общей солярной темой. Обычно классической свастикой по традиции принято считать четырехчастный символ с ломаными под прямым углом лучами, трехлучевой вариант обычно не комментируется, а варианты с большим количеством плавно изогнутых коротких лучей (от пяти до семи) почему то получили в литературе обозначение, взятое из области механики («сегнерово колесо»), как, например, в случае с псалием староюрьевского типа из 4 погребения кургана Селезни 2 [Пряхин и др., 1998. С. 20–21, рис. 11, 5].

Все расставляет на свои места именно предметная трактовка сюжета из Нижней Красавки, где на концах лучей показаны три головки – имитация конских протом с гордо изогнутыми шеями. Удивительно, но в еще более реалистической манере эта свастическая тема (также с головками лошадей) подается много лет спустя на уздечных фаларах раннего железного века [Переводчикова, Фирсов, 2005. С. 396, рис. 2, 2; Засецкая, 2006. С. 99, 4, 5, 7, 12]. Известен и стилизованный свастический символ на бронзовом зеркальце-подвеске из позднесарматского комплекса [Кривошеев, 2005. С. 67, рис. 1А, 1]. Этот образ чрезвычайно устойчив, предельно канонизирован, и вывод однозначен – любой тип свастики, геометрически закодированный в криволинейные или угловатые варианты, может рассматриваться как символика солнечной колесницы, где количество лучей, возможно, соответствует числу упряжных лошадей. В исторических реалиях тройная упряжка имеет давнюю традицию, о чем косвенно может свидетельствовать, к примеру, роспись на месопотамском сосуде середины III тыс. до н. э. из Хафаджас [Рогудеев, 2008. С. 74, рис. 2, 1].

О количестве упряжных лошадей часто упоминается в гимнах Ригvedы. У колесниц многочисленных богов, в том числе и солярных, фигурируют от двух до семи чудесных скакунов. Более того, среди множества эпитетов, посвященных в Ригvedе лошади, встречаются и такие, где конь символизирует солнце [Щетенко, 2008. С. 260].

По каким-то причинам тройная упряжка в Ригvedе менее всех прочих конкретно персонафицирована и выглядит, скорее, как условный мифопоэтический символ. К примеру, в «Жалобе певца» из десятой мандалы мы видим совершенно обезличенное действие, очень краткий фрагмент (очевидно утраченного мифа) с участием тройной упряжки:

*«Чьи три буланные кобылицы при колеснице
Везут меня прямо к цели,...»*

[РВ. X, 33. 5].

Косвенный намек на тройную упряжку содержится в гимне, посвященном Соме, который нередко, подобно Индре, разъезжает на паре буланных скакунов, но часто в его колесницу запряжено и большее количество коней, что выглядит как поэтический гротеск:

*«Его запрягают, чтобы (он) двигался,
В трехспинную колесницу с тремя сиденьями
Силой поэтических творений семерых риши.»*
[РВ. IX, 62. 17].

Крайне мифологизированный сюжет содержит солнечную субстанцию в гимне, адресованном Агни, где языки пламени внезапно преобразуются в фантастических коней, и здесь изначальные пределы мироздания, солнечная колесница, количество коней в которой не имеет значения, неперсонифицированный средний мир – предстают в некоем завершенном комплексе, в образе, абсолютно понятном его современникам:

*«Кто ухватился за макушку двоих родителей,
(Того) они вложили в обряд как бушующее море солнца.
Во время его полета красноватые (языки пламени),
кончающиеся конями,
Родовались самим себе в лоне закона.»*
[РВ. X, 8. 3].

Для нашего артефакта это наиболее близкий вариант текстового микро-среза древнего нарратива, здесь условная эмблематика военного (колесничного) дела полнее всего соответствует праиндоиранской мировоззренческой парадигме эпохи поздней бронзы.

Идея колесницы, скаковых, искусно вышколенных лошадей занимает в Ригведе огромное место. Такое высокое внимание не случайно, обожествленные возницы, символизирующие различные силы природы и героических персонажей играли большую роль в пантеоне, постоянно присутствовали в офантазированном повседневном мышлении древних иранцев. Несомненно, в мире степных скотоводов отправление культов, посвященных лошади и колеснице, занимало видное место. В пространстве большого полуземляночного жилища имелись священные уголки, где размещались алтарные комплексы, посвященные опорному столбу, держащему кровлю (символ неба), очагу, где ежедневно рождается Агни, фаллосу, отвечающему за продолжение рода и многим другим культам. Домашняя демонология археологически изучаемых культур – это особая и слабо исследованная тема. Но возможности древнейшего нарратива и здесь не безнадежны. В Ригведе вскользь упоминаются действия, связанные с оснащением домашних алтарей. Так, например, в 32 гимне IV мандалы <К Индре> содержится гротесковый эпитет буланых коней верховного божества, указывающий на реальность алтарных композиций в которых присутствуют фигурки лошадей.

*«Словно две новые свадебные (?)
Статуэтки маленькие, на деревянной подставке,
Красуется при выездах пара рыжих (коней)».*
[РВ. IV, 32. 23]

Определенно, алтари, на которых стояли вотивные повозочки и колесницы с впряженными в них «игрушечными» лошадками, должны были сопровождать ритуалы особо избранных представителей скотоводческого общества, чей профессионализм был востребован в такой важной сфере жизни, как селекция и обучение лошадей, строительство колесниц и война.

Глиняные модели колесниц довольно редки и все они были найдены в погребениях катакомбных культур. Гораздо чаще на поселениях поздней бронзы находят вотивные глиняные колесики (рис. 3, 3–6), которые иногда путают с пряслицами. На некоторых маленьких дисках имеются неумело прочерченные линии, имитирующие спицы (рис. 3, 6). Вероятно, такие модели колесниц и лошадок чаще всего воплощались в тленных материалах (дерево, солома).

На Нижнекрасавском поселении, в непосредственной близости от пункта обнаружения псалія, был найден каменный предмет, получивший условное обозначение «шахматный конь» (рис. 1, 4; 3, 1). Он действительно напоминает фигурную головку лошади размерами 4 x 3 x 1,7 см. Большая часть фигурки утрачена, она была разбита еще в древности. Ее изготовили из мелкозернистого песчаника техникой выскабливания рельефных неровностей, обозначивших поверхности храпа, промежутки между нижней челюстью и выпяченной грудью, лоб и дуговидный загривок. Легким желобком намечена пасть лошади, маленькой лункой показана левая ноздря. Головка обломлена на уровне шеи, и составить представление о недостающей части фигурки можно лишь условно (рис. 3, 1). Своеобразна также другая каменная фигурка – песчаниковая конкреция подтреугольной формы, условно напоминающая головку быка (рис. 1, 5). Фигурка заглажена по всей поверхности, в профиль отчетливо узнаваема выпуклость лба опущенной вниз головы, отростки «опиленных» рогов отходят в разные стороны от лобной части. Не исключено, что это вполне реальный вотивный предмет, символизирующий животное. Высота фигурки 7 см, ширина 8,8 см, толщина 3,2 см. На том же уровне слоя обнаружен и фрагмент глиняного колесика (рис. 3, 2). Мы можем лишь предполагать, что модель колесницы с домашнего алтаря нижнекрасавского *aswasanni* могла быть похожей на ту, что дается в виде реконструкции (рис. 3). Но факт обнаружения вотивных моделей колесниц в несколько более поздних арийских (индостанских) культурах бесспорен. Одна из таких находок представлена в русскоязычной литературе А.Я. Щетенко в контексте изучения транспортных средств и систем упряжи древней Индии [Щетенко, 2008]. Этот уникальный экземпляр отлит из бронзы по сложной технологии, но нам наиболее интересна мифопоэтическая трактовка антропоморфного персонажа, в котором узнаваем ведический Пушан, а также упряжные животные и тип повозки. Вероятнее всего, модель колесницы может достоверно имитировать реальное транспортное средство, поскольку других образцов к подражанию у литейщика не было.

На домашних алтарях древних индоиранцев размещались узнаваемые предметы, похожие на утварь той эпохи, фигурки богов, ничем не отличимые от реальных людей, статуэтки волшебных коней, впряженных в небесные колесницы, которые полностью повторяли обычные повозки с тяловыми животными. Свой мир (смертных) люди древних эпох стремились максимально при-

близить к миру богов и предков. Не нарушая священных границ, они, тем не менее, наделяли «высших и всесильных» собственной повседневной (мирской) атрибутикой, вкладывая в эту узнаваемость особый смысл. Поэтому боги Риг-веды и прочих текстов антропоморфны, а сопровождающие их животные и вещи морфологически ничем не отличаются от земных.

Вне всяких сомнений культы, посвященные солнечным и небесным колесницам, а также связанным с ними божествам, особенным образом почитались представителями наиболее престижных профессиональных страт – умельцами, создававшими повозки и упряжь, а также коневодами-aswasanni, безмянными степными предшественниками мастера Киккули.

Литература:

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.

Беседин В.И. «Микенский» орнаментальный стиль эпохи бронзы в Восточной Европе // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1999. Вып. 13.

Бочкарев В.С., Бужилова А.П., Епимахов А.В., Клейн Л.С., Косинцев П.А., Куланда С.В., Кузнецов П.Ф., Кузьмина Е.Е., Медникова М.Б., Усачук А.Н., Хохлов А.А., Черленок Е.А., Чечушков И.В. Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург-Самара-Донецк, 2010.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.

Дьяконов И.М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа // ВДИ. 1970. № 4.

Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № 3–4.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар 5). Книга 1. Челябинск, 2005.

Засецкая И.П. Два мотива в сарматском зверином стиле – свернувшийся по кругу хищник кошачьей породы и вписанная в круг фигура козла (I – начало II в. н. э.) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2006. Вып. 8.

Кузнецов П.Ф. Реконструкция крепления конской узды по результатам изучения дисковидных псалиев Поволжья // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Археологический альманах. Донецк, 2004. № 15.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.

Кривошеев М.В. Комплексы позднесарматского времени могильника Старца // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 5.

Лопатин В.А. Бородаевские курганы (по раскопкам 1982 года на Малом Карамане) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2009. Вып. 7.

Лопатин В.А. Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка II (по материалам исследований 2007–2009 годов) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2010. Вып. 8.

Ляхов С.В. Курганный могильник к востоку от пос. Сторожовка // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 2009. Вып. IX.

Малов Н.М. Погребение покровской культуры с фрагментами щитковых псалиев из Тарумовского индивидуального кургана № 2 // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2012. Вып. 9.

Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Литвиненко Р.А., Усачук А.Н. Погребение колесничего из бассейна Дона // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004.

Перебодчикова Е.В., Фирсов К.Б. К реконструкции убора коней из кургана Козел // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М., 2005.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни 2. Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж, 1998.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свицова Е.Б. Доно-волжская абашевская культура. Воронеж, 2001.

Ригведа. Мандалы I–X / под ред. Т.Я. Елизаренковой. М., 1999.

Рогудеев В.В. Комплексы с повозками позднекатакомбного времени и проблема колесничества // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.

Усачук А.Н. Технология изготовления и использования псалия с поселения Поляны I (Харьковская область) // Древности 2005. – Харьков: Харьковское историко-археологическое общество, 2005.

Усачук А.Н. Найдавніші псалії доби бронзи лісостепу і степу Євразії (технологічний і функціональний аспекти) / Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Київ, 2007.

Щетенко А.Я. Колесницы и повозки древней Индии // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008.

Kammenhuber A. Hippologia Hethitica. Wiesbaden, 1961.

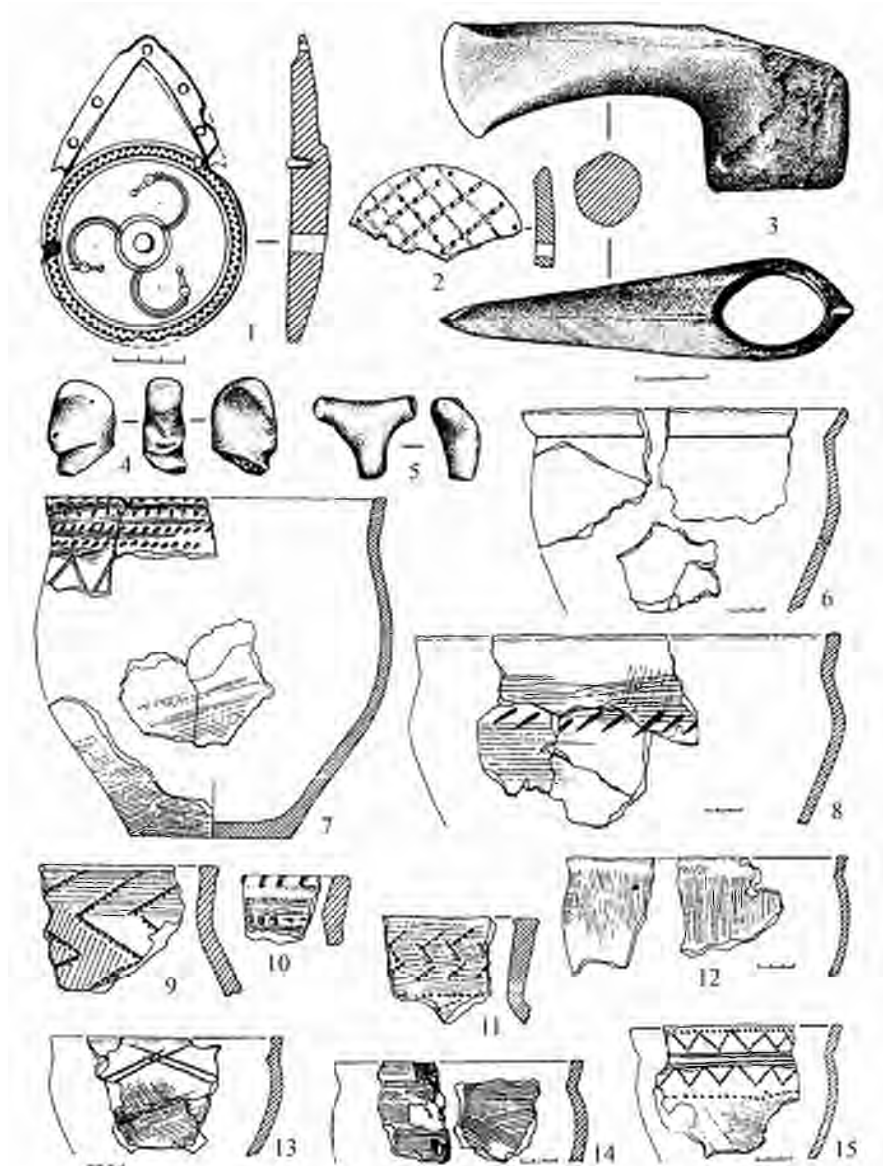

Рис. 1. Позднепокровский комплекс поселения Нижняя Красавка II.
 1 - бесшипный дисковидный псалий; 2 - крышка; 3 - топор;
 4, 5 - фрагменты ритуальных фигурок лошади и быка;
 6-15 - керамика покровского типа. 1 - кость, 3 - бронза,
 4, 5 - песчаник, остальное - глина

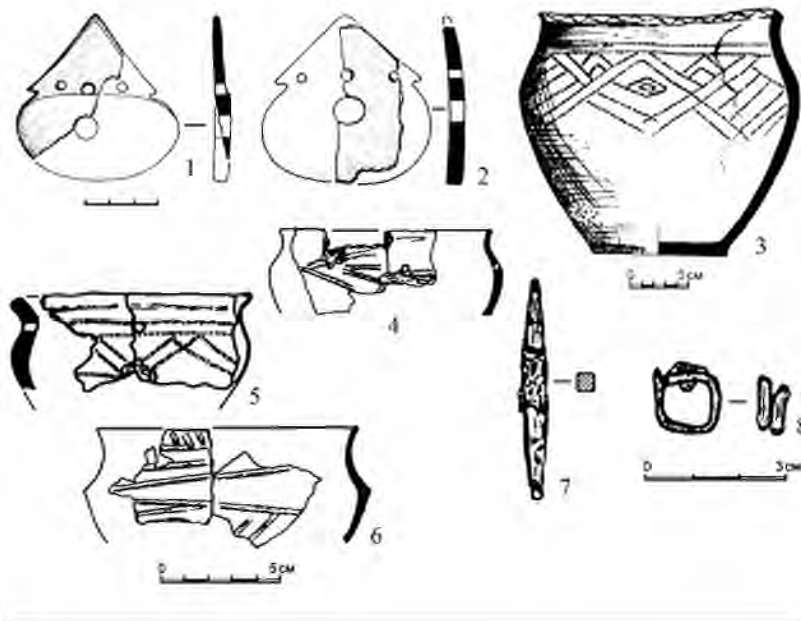

Рис. 2. Комплексы из Сторожовки (1-8) и Полян (9-14). 1, 2 – бесшипные псалии;
3-6 – сосуды; 7 – стрекало(?); 8 – скоба. 9 – бесшипный псалий;
10 – пест; 11 – топор; 12 – пряжка; 13 – фрагмент сосуда; 14 – наконечник стрелы.
1, 2, 9 – рог, 3-6, 13 – глина, 7, 8 – бронза, 10, 11 – камень, 12 – кость, 14 – кремнь

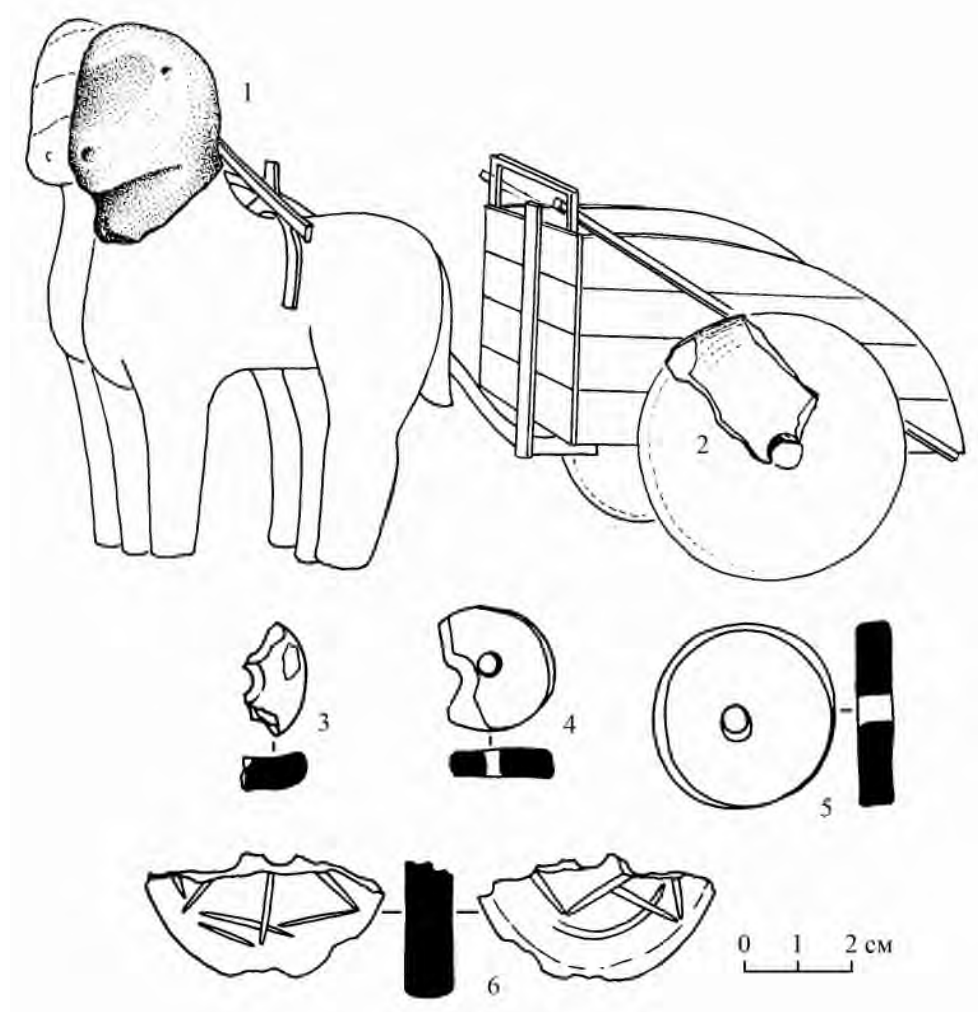

Рис. 3. Элементы votивных статуэток и модель реконструкции упряжной повозки.
 1, 2 – головка лошади и фрагмент колесика из Нижней Красавки;
 3-5 – колесики из Преображенки; 6 – колесико со «спицами» из Максютово.
 1 – песчаник, 2-6 – глина

Малов Н.М.

СЕЛИЩЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ «ВОЛЖСКИЕ ДАЛИ»
ОКОЛО СЕЛА ПРИСТАННОЕ

В окрестностях села Пристанное Саратовского р-на Саратовской области исследовано несколько памятников эпохи поздней бронзы. В 1965 г. В.И. Фисенко произвел около села раскопки трех курганов, в которых исследовал погребения срубной культуры с сосудами, преимущественно, баночного типа. Неопубликованная керамика из данных раскопок хранится в Саратовском областном музее краеведения (№ 2610-2633). Здесь Ю.В. Деревягиным ранее были обнаружены два разрушаемых Волгоградским водохранилищем селища эпохи поздней бронзы. Одно из них располагалось на северной окраине, другое в самом селе – в 200 м южнее устья оврага [Деревягин, 1969. С. 235-238; Деревягин, 1976. С. 129, № 40; Малов, 2007. С. 59].

Селище около пансионата «Волжские дали». Обнаружено в 1976 г. [Малов, 1976]. Оно располагалось в 0,5 км южнее окраины села Пристанного Саратовского р-на Саратовской области, между двумя оврагами, впадающими в Волгу. Поселение полностью разрушено Волгоградским водохранилищем. В обрыве следов культурного слоя не обнаружено, размываемый берег застроен дачами. Судя по прибрежному рельефу, селище занимало мысовую площадку почти полностью размытой надпойменной террасы. Находки представлены лепной керамикой срубной культуры, обломком медного серпа с крючком и фрагментом каменного утюга-гладилки. Коллекция всех находок с селища передана на хранение в Саратовский областной музей краеведения.

Фрагменты керамики срубной культуры встречались на отрезке «бичевника» правого берега Волги шириной около 30 м и длиной более 300 м. Собрано около 100 фрагментов лепной посуды срубной культуры: закраек от плоских днищ – 11, венчиков – 33, остальное – боковинки. Около края одного днища сделано сквозное отверстие диаметром 0,5 см (рис. 2, 4). Вся керамика слабого обжига, толщина стенок 0,5-1,2 см. Излом черепков серый, с примесью дробленого камня, шамота и песка. Большая часть венчиков прямых, от крупных баночных сосудов (рис. 1, 6, 10-12; рис. 2, 5-7). Представлены и округлобокие формы со слабо выделенной шейкой (рис. 1 3, 5, 8; рис. 2, 1, 8). Есть фрагменты от остросереберных форм (рис. 1, 7), один из которых орнаментирован зубчатым штампом (рис. 1, 2). Орнамент из оттисков различных зубчатых штам-

пов (рис. 1, 1-3; рис. 2, 8), округлых и линзовидных вдавлений палочки (рис. 2, 6, 7), прочерченных линий (рис. 2, 9, 10), занимал верхнюю часть сосудов. Керамика селища «Волжские дали» имеет основные признаки характерные именно для срубной культуры.

Крюк от медного литого серпа (рис. 2, 2). Длина обломка серпа с крюком – 4,5 см, толщина – 0,4 см, вес – 14,5 гр. Крюк дугообразно загнут в сторону спинки. Серп расширяется от крюка к лезвию и спинке, достигая в месте излома ширины 1,6 см. Здесь сечение серпа клиновидное. Следы от проковки крюка визуально не заметны. Спектральный анализ обломка, выполненный в одной из саратовских лабораторий, показал что, серп отлит из «чистой» меди. Это черта весьма характерна для крюкастых серпов срубной культуры Поволжья и Урала. Здесь они изготавливались преимущественно из медистых песчаников химической группы МП [Черных, 1970. С. 113]. В Волго-Уралье серпы эпохи поздней бронзы с крюком, к которым крепилась рукоятки из дерева или другого материала, наиболее типичны для срубной культуры [Тихонов, 1960. С. 68, 94-95, Приложение I; Кривцова-Гракова, 1955. С. 62; Дергачев, Бочкарев. 2002. С. 58-59].

В правобережье Саратовского Поволжья обнаружены обломки еще от двух серпов эпохи поздней бронзы, нижние концы которых имели крюки. В 1915 г. М.А. Радищев исследовал селище – «городище № 17» в окрестностях с. Старой Яблонки Хвалынского уезда: «В третьем слое на глубине II вершков от поверхности земли на границе 2-й и 3-й траншей найден обломок медного серпа длиной $5\frac{3}{4}$ дюйма. При обломке серпа, в непосредственной близости никаких предметов не оказалось» [Радищев, 1915. С. 12-15, фото 37]. Узкий серп имел изогнутую форму и крючок на нижнем конце [Спицын, 1923. С. 35, № 11; Круглов, Подгаецкий. 1935. С. 79]. Этот фрагмент существенно отличается от пристанской находки. Старо-Яблонский экземпляр относится к иному типу узких, слабо изогнутых серпов, имевших более широкий и слабее загнутый крюк. На данном селище встречена глиняная литейная форма для наконечника копья с двумя ушками и другие свидетельства кузнечно-металлургической деятельности [Малов, 2005. С. 5-7, № 3]. В 1955 г. на вольском городище «Попово блюдечко» П.Д. Степанов и Е.К. Максимов нашли обломок бронзового серпа, фрагменты керамики покровской и срубной культур [Степанов, 1956 С. 9-10; Малов, Сергеева, 2009. С. 41, рис. 8]. Обломок вольского серпа не был опубликован, но Е.К. Максимов любезно сообщил, что он аналогичен фрагменту с селища «Волжские дали».

Скрепление срубных крюкастых серпов, превосходивших по ряду качеств некоторые типы железных серпов, с рукоятью производилось при помощи загнутого вверх крючка [Краснов, 1971. С. 70-71]. Очевидно то, что скотоводы срубной культуры использовали бронзовые серпы, предназначенные для работы правой рукой, при заготовке кормов домашним животным на зиму [Степанов, 1956. С. 96]. Они могли являться прообразами примитивных кос – горбуш, с помощью которых носители синхронного блока археологических культур Волго – Уралья и Подонья заготавливалось сено для прокорма – содержания домашней скотины в зимнее время года. Очевидно, с помощью медного крюкастого серпа животноводы селища «Волжские дали» заготавливали сено на зиму.

Длина рукоятей ранних кос – горбуш могла достигать 70–80 см. [Краснов, 1971. С. 127–128, рис. 71]. Близкие размеры могли иметь рукояти срубных крюкастых серпов. При интенсивном процессе косьбы наибольшее усилие приходилось на узкий крюк, где заканчивался конец крепления рукояти к серпу. Поэтому здесь, в самом узком месте серпа, данные орудия труда, изготовленные из мягкой меди, чаще всего и ломались.

Фрагмент каменного утюга – гладилки (рис. 2, 3). Обломок темно-серого цвета из камня твердой породы представляет собой часть от небольшого «утюга гладильника». По этому показателю рассматриваемая находка отличается от аналогичных орудий эпохи поздней бронзы степного Поднепровья. Там утюжки изготавливались из более мягких и термоустойчивых талькохлоритовых сланцев [Березанская, Отрощенко. 1986. С. 98]. Нижняя рабочая часть пристанского экземпляра ровная и заполирована от частого использования. Она имеет более темный, прокаленный от огня черный цвет, что указывает на частое использование утюга именно в разогретом виде. На верхней отломанной части сохранился узкий желобок от рукояти. В эпоху поздней бронзы такие утюги использовались для полировки и заглаживания не слишком твердых предметов, швов на тканях и кожаных изделиях. Судя по находке утюга, это также практиковали древние портные селища «Волжские Дали».

На территории Украины аналогичные каменные гладильни – утюги известны в культурах: срубной, сабагиновской и Ноа-Гиндешты [Шарафутдинова, 1982. С. 134–135, рис. 54; Березанская, Отрощенко. 1986. С. 70–71, рис. 22, 18; С. 98–99, рис. 28, 5]. Обломки от каменных утюжков такой формы иногда встречаются на поселениях срубно-хвалынской стадии 3.1 позднего бронзового века, расположенных на северной окраине Нижнего Поволжья [Малов, 2012. С. 97–98]. Вероятнее всего, во время этой стадии и существовало селище «Волжские дали».

Литература:

- Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чердниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев, 2002.
- Деревягин Ю.В.* Селище эпохи бронзы в селе Пристанном // СА. № 3. 1969.
- Деревягин Ю.В.* Юному туристу – краеведу // Изучай родной край и берегай его богатства. Саратов, 1976.
- Краснов Ю.А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. МИА. М., 1971. № 174.
- Кривцова-Гракова О.А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. М., 1955. № 46.
- Круглов А.П., Подгаецкий Г.В.* Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства // Известия ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 119.

Малов Н.М. Отчет об археологических разведках, произведенных в Саратовской области в 1976 году // Архив лаборатории Нижневолжской археологии СГУ. 1976.

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. Саратов, 2004. Вып. 5.

Малов Н.М. Литейные формы с Нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Саратов, 2005. Вып. 12.

Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г. Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения // АВЕС. Саратов. 2009. Вып. 7.

Малов Н.М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2012. Вып. 1.

Радищев М.А. Исследование городища № 17 (окрестности с. Старой Яблонки, Хвалынского уезда Саратовской губернии) // О выдаче М.А. Радищеву Открытого листа на раскопки в Саратовской губернии. Архив ИИМК. Ф. 1, № 320. 1915.

Спицын А.А. Саратовские стоянки медного века // Саратовские стоянки медного века. Труды об-ва ИСАРХЭТ при Саратовском университете. Вып. 34. 1923. Ч. I.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // Гришин Ю.С., Тихонов Б.Г. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. МИА. М., 1960. № 90.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. М., 1970. № 172.

Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев, 1982.

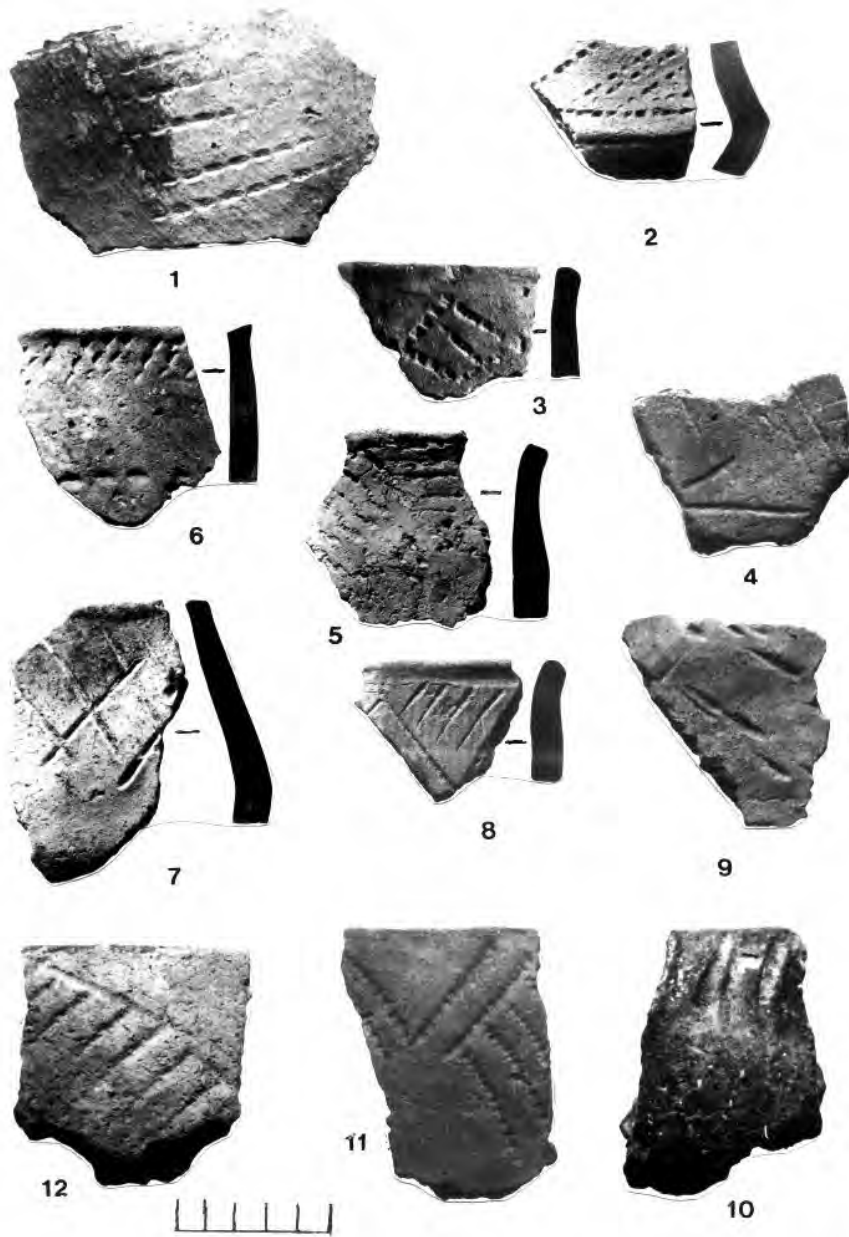

Рис. 1. Керамика срубной культуры с селища «Волжские дали»

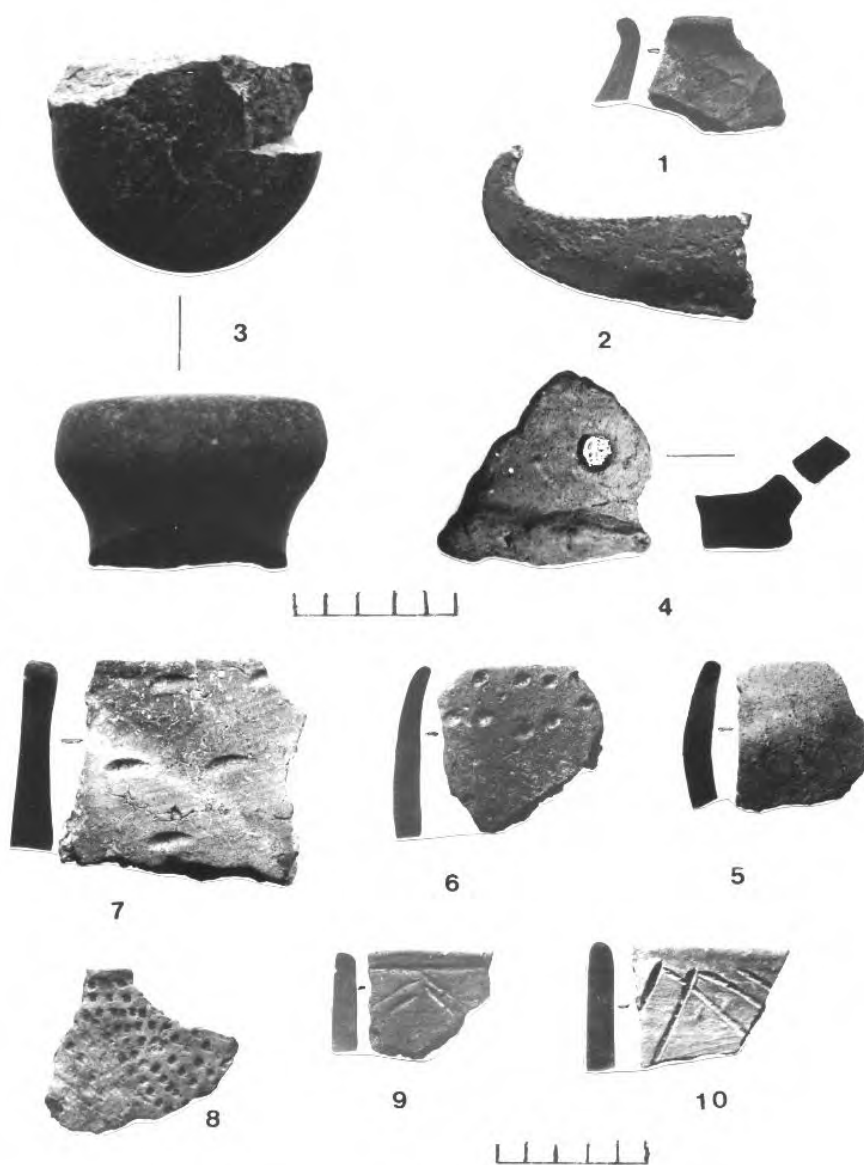

Рис. 2. Находки с селища «Волжские дали»: 2 – медь; 3 – камень; остальное керамика

Мельников А.Ю.

КАМЕННЫЕ ТОПОРЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Каменные топоры эпохи палеометалла встречаются повсеместно на всей территории степи – лесостепи Юго-Восточной Европы и в течение всего указанного периода. Но в изучении этих изделий до сих пор существует множество нерешенных вопросов. Прежде всего, речь идет о классификации и типологии. Лесным территориям европейской части России в этом смысле уделялось гораздо больше внимания. Типологические схемы разработаны для крупных регионов, для отдельных культур и их локальных вариантов. Это позволило сделать топоры основой для самых широких исторических выводов [Брюсов, Зимина, 1966; Крайнов, 1972].

Классификационные схемы каменных топоров степи – лесостепи различаются по двум основным показателям – объект, для которого выделяются виды и критерий для их выделения. Объектом, как правило, выступают отдельно взятые географические регионы [Санжаров, 1992; Циминданов, 1993; Чивилев, 2000; Новичихин, Федоренко, 2003], реже – культуры [Братченко, 1976].

Критерием классификации является в основном вид *en face*, но в разных вариациях к этому признаку добавляют форму лезвия и обуха [Санжаров, 1992], описание сверлины [Новичихин, Федоренко, 2003], функциональный критерий [Чивилев, 2000] и т. д. Обычно авторами используется классификация, предложенная С.Н. Санжаровым, а точнее сам выше указанный принцип классификации, разработанный и развитый ранее в работах В.А. Городцова. [Городцов, 1916], А.Я. Брюсова и М.П. Зиминной [Брюсов, Зимина, 1966], Д.А. Крайнова [Крайнов, 1972]. С.Н. Санжаров удачно скорректировал эти схемы и применил к топорам степных культур. В его варианте описание топоров *en face* сочетается с учетом формы обуха и лезвия. Целью С.Н. Санжарова было описать топоры, происходящие с территории Донбасса, но его схема оказалась применима к самым разным регионам.

Цель работы – классифицировать каменные топоры, происходящие с территории Волго-Донского междуречья и прилегающей к нему территории Волгоградского Поволжья. В плане изучения каменных топоров этому региону уделялось меньше внимания, чем Среднему Поволжью, Нижнему Подонью, Северному Кавказу, Донбассу. При этом в рассмотрение будут приняты

экземпляры топоров всей эпохи палеометалла в целом. Этого требует и небольшое число топоров, и то, что часть из них – это случайные и депаспортированные находки без какой-либо культурной привязки.

Основой для работы послужили материалы Азовского (АКМ), Аксайского (АВИМ), Таганрогского (ТГЛИАМЗ), Волгоградского (ВОКМ), Руднянского и Палассовского (ПИХМ) музеев, всего – 31 экземпляр, из них – 11 из комплексов, и 20 – случайные находки. Большинство из приведенных топоров происходит из коллекции ВОКМ и с территории Волгоградской области.

В основу классификации положена схема С.Н. Санжарова, то есть, основополагающим критерием выступает форма топора в плане, а также форма обуха и лезвия в зависимости от значимости их влияния на форму топора. Конечно, у критерия *en face* есть свои недостатки. Но на сегодняшнем уровне изученности и при существующем объеме опубликованных данных этот принцип наиболее удобен. Такие виды интуитивно понятны, легко сопоставимы, относительно легко выделяются, а сама схема не имеет сложной и громоздкой, многоуровневой структуры. При словесном описании каждого из видов мы будем исходить из того, что каждый топор имеет три основные, более или менее, выраженные части – лезвийную (переднюю), обуховую (заднюю) и зону проушины (промежуточная, но далеко не всегда центральная). Последний показатель и все остальные приводимые признаки топора имеют исключительно дополнительное и иллюстративное значение, и не играют роли видообразующего признака.

Вид 1. Молотковидный – 4 (Д-9,8, Ш-5, 288), (рис. 3, 1, 4–6). Топоры этого вида имеют в плане подовальную форму. Главная черта – уплощенные, либо одинаково скругленные в плане обух и лезвие, которые по форме и размерам часто идентичны друг другу. По бокам уплощены или скруглены. Зона проушины не выделена. Максимальное расширение, как правило, приходится на середину топора. В профиле обычно прямые. К молотковидным из коллекции ВОКМ относятся топоры из катакомбного погребения (Подгорный К2, П1), срубного (Кр. Липки К7, П9), для одного место находки неизвестно. Экземпляр из Быково К26 П9 выделяется вытянутой формой и утолщенной зоной проушины, поэтому включен в этот вид с некоторой долей условности. Заслуживают особого внимания топоры, подобные экземпляру из Кр. Липок К7, П9. Таковых схожих друг с другом известно не менее трех (Кр. Липки К7, П9, Калиново К1, П2 (рис. 3, 3), Долгий К2, П3 (рис. 3, 2), все они были найдены в срубных погребениях, имеют полировку, а иногда утолщение на обухе и вертикальные слабо выраженные хорды по бокам (Калиново К1, П2, Долгий К2, П3). Примечательна разница этих изделий с топорами из покровских комплексов.

Вид 2. Усеченно-ромбический – 8 (Д-10,2, Ш-5,3, 323), (рис. 3, 7–12). Топоры в плане имеют подромбическую форму, обух не выражен, обуховая часть имеет форму трапеции с прямыми боковыми сторонами, либо скругленными наружу, но никак не внутрь. Сверлина, как правило, смещена к обуховой части. В профиль обычно прямые, реже слегка изогнуты, с дугообразной спинкой или маленькой лопастью. Большинство таких топоров грубо изготовлены, из дешевых минералов, без полировки и ассиметричной формы. Из коллекции ВОКМ один происходит из полтавкинского погребения (Дмитри-

евская К9, П11), катакомбного (Захаровский К1, П4), один из погребения срубной культуры (Волжский К1, П24) и три – случайные находки из р-на ст. Кумылженской, для двух место находки неизвестно. Еще один такой топор хранится в ПИХМ и фрагмент еще одного в музее г. Рудня имеет орнамент из узких продольных желобков.

Вид 3. Удлиненно-ромбический – 1 (Д-14,7, Ш-5,4, 428), (рис. 3, 20). Один экземпляр (ВОКМ), место находки неизвестно. Имеет в плане удлиненную подромбическую форму. Для таких топоров характерна строгая симметричность формы, иногда оттянутое вниз лезвие. Примечательная их особенность – это редкая встречаемость на всей территории степи-лесостепи.

Вид 4. Обушково-ромбический – 5 (Д-10,6, Ш-5,6, 514), (рис. 3, 13–16). В плане усеченно-ромбической формы, но благодаря сужению плечиков или наличию утолщений и хорд по бокам проушной части, имеют сужающуюся обуховую часть в форме трапеции с округленными внутрь боковыми краями. Сверлина, обычно, расположена в центре. Этот вид относительно сложен для выделения и, как правило, не принимается в расчет авторами, использующими схему С.Н. Санжарова. Он занимает промежуточное место между усеченно-ромбическими и обушковыми топорами. Зачастую этот вид можно выделить только в сравнении с указанными двумя. В нем отразилась тенденция к выделению обуха, но законченных форм самого обуха и в целом всего топора, этот вид еще не приобретает. Все они – случайные находки из ВОКМ: с территории с-за Россошанский Дубовского р-на, из х. Буянов Михайловского р-на и два с неизвестным местом находки. Еще один такой топор хранится в ПИХМ.

Вид 5. Обушковый. У этих изделий тулово сужается от проушной части, переходя затем в четко выраженный обух самых разнообразных форм: цилиндрический, в виде вытянутой трапеции, с утолщением на конце, расширяющийся к краю, вислообушный. Кроме сужения тулова, обух может быть дополнительно выделен сильным утолщением проушной части, либо уплощенными «щечками» по бокам. Кроме того, обух, как правило, выделяется и в профиль. Топоры в плане имеют вытянутые пропорции, в профиле изогнутые или широколезвийные. Пропорции топоров выдержанные; подчеркнуты не только обух и проушная часть, но зачастую и лезвийная, которая выделяется слабым сужением тулова.

Подтип А. Среднеобушковый – 6 (Д-11,5, Ш-4,7, 318), (рис. 2, 1–5). Обушковые топоры со средней длиной обуха. Из коллекции ВОКМ два топора относятся к катакомбной культуре (Линево К7 П5; Веселый К4 П3). Остальные случайные – п. Варакино(?), оз. Эльтон (Палассовский р-н), ст. Усть-Бузулукская Алексеевского р-на. Еще один среднеобушковый топор хранится в ПИХМ. В схеме С.Н. Санжарова имеется также подтип Б – длиннообушковые топоры, но аналогий этому типу в данной выборке нет. Средне- и длиннообушковые топоры предлагается различать следующим образом. Если длина обушной части равна или превышает длину лезвийной, то топор обладает длинным обухом, если меньше, то средним. Причем измерять обух следует от его основания, отделяя его от проушной части. Лезвие же может быть как отделено от проушной части сужением тулова, так и начинаться непосредственно от линии максимального расширения.

Подтип В. Обушково-лопастной – 7 (Д-15,2, Ш-5,9, 457), (рис. 2, 6–10; рис. 3, 17, 19). Топоры с четко выраженным, обычно удлинненным обухом и более широким, чем у других видов, оттянутым книзу или изогнутым лезвием. И в плане, и в профиле имеют удлинненные, изящные пропорции. Проушная часть подчеркнута хордами или орнаментом. Обух имеет на конце грибовидное утолщение, и четко выделен как в плане, так и в профиле. Большинство таких топоров имеют полировку. Несколько выбивается из этого описания топоров из с. Песковка, напоминающий также пестиковидный тип по А.Я. Брюсову, М.П. Зиминной и кабардино-пятигорские топоры. Интересно, что из четырех известных нам подобных топоров, происходящих из комплексов, два были расколоты, а от одного была погребена только обушная часть (Волошино-4 К2, П4, хранится в ТГЛИАМЗ, рис. 3, 18) и, по меньшей мере, три из них происходят из покровских комплексов (В. Балыклей К6, П6, Култстан К6, П2, М. Горького К1, П3). Случайные – с. Песковка Жирновского р-на [Верещагин, 2004], х. Хлебный и два фрагмента, место находки которых неизвестно.

Отметим, что изящество и сложность формы в плане и в профиле – явления взаимосвязанные. Процесс усложнения формы сказывается на всех трех частях – лезвийной, обушковой, проушной, на их сочетании, на отдельных деталях их оформления. Клиновидные, как самая простая форма топора, практически всегда прямые и подпрямоугольные в профиле. У молотковидных профиль зачастую повторяет незамысловатую форму и размеры в плане. Усложнение видно уже на усеченно-ромбических топорах – в редких случаях лезвие слегка оттянуто вниз, форма в плане получает больше вариаций в пропорциях, но они нередко ассиметричны. У удлинненно-ромбических гораздо более выдержанные формы, иногда они имеют оттянутое книзу лезвие. Обушково-ромбические приобретают утолщения или хорды в проушной части, либо лопасть. Среднеобушковые топоры, почти все, либо изогнуты в профиль, либо имеют оттянутое вниз лезвие и получают дополнительные детали оформления обушной и проушной частей – свисающий нижний край обуха, уплощенные, выделенные, овальные и подпрямоугольные «щечки» по бокам от сверлины. Подвид обушково-лопастных выступает примером высшей точки этого процесса, в этих топорах есть все – стройность и удлиненность формы во всех плоскостях, четкое разделение на три составные части, выделенный обух с подчеркнутым окончанием, наиболее широкое, по сравнению с другими видами, лезвие, добавочные детали оформления. Описанная закономерность отражает скорее тенденцию, а не правило и имеет немало отклонений. Но принятие в расчет этой тенденции позволяет провести корреляцию между морфологическими признаками топора и уточнить такие описательные понятия как «вычурность», «изящность» топора. Следует оговориться также, что в рамках данной работы речь идет о морфологической, а не хронологической тенденции. Последнее имело бы значение для типологии, а не приводимой классификации.

Для полноты картины следует указать, что с данной территории происходят также 16 молотов. Молоты можно отличить от топоров по гораздо более крупным размерам, большому весу, ассиметричной форме, дешевому минералу, низкому качеству шлифовки, отсутствию полировки, следам трудовой деятельности, крупным сколам, зачастую они имеют привязную систему крепления рукояти и не характерное для топоров сочетание формы в плане и

профиле (см. молоты-мотыги). Взятые по отдельности, эти показатели не позволяют провести разделительную грань достаточно четко, почти все эти признаки, в той или иной степени, присущи многим топорам, и наоборот. Но, взятые в комплексе, они вполне показательны. Наиболее яркие из них – привязная система крепления, отсутствие полировки и вес. Молоты, как правило, весят в среднем 2 кг, по нижней границе около 1 кг; топоры в среднем 480 гр, а по верхнему пределу примерно 760 гр, типичный их вес 280–420 гр. Есть и культурологический признак: нахождение молота в погребении – исключительный случай. Видимо, эти отличия являются следствием разницы в выполняемых функциях.

Для формообразования молотов большое значение имеет система крепления, поэтому предлагается делить их на две группы – сверленные и привязные. Сверленные, как правило, повторяют формы топоров, а привязные можно дифференцировать исходя из перехвата. Все приведенные ниже молоты найдены на территории Волгоградской области и хранятся в ВОКМ.

Группа 1. Сверленные молоты.

Вид 1. Клиновидный – 2 (Д-18,5, Ш-7,5, 1850), (рис. 4, 1–2). Один из них имеет значительно смещенную к обуху проушину и очень узкие формы в плане. Место находки для обоих неизвестно.

Вид 2. Молотковидный – 3 (Д-16,4, Ш-9,6, 1415), (рис. 4, 9–11), иначе – молоты-мотыги. Отличаются тем, что ширина изделия в плане значительно превышает ширину в профиле. Один неизвестного происхождения, два других – х. Дарганов Котельниковского р-на и п. Желтухин Иловлинского р-на.

Вид 3. Усеченно-ромбический – 3 (Д-18,9, Ш-8,6, 2594), (рис. 4, 3, 4, 8). Происходят из ст. Глазуновская, из окрестностей г. Городище и из Михайловского р-на.

Вид 4. Обушковый – 3 (Д-16,7, Ш-8,1, 1512), (рис. 4, 5–7). Происходят из ст. Глазуновская, из п. Дубровский Киквидзенского р-на, и один депаспортизированный.

Группа 2. Привязные молоты.

Вид 1. С одним перехватом без ребер – 3 (Д-15,9, Ш-7,1, 1372), (рис. 4, 13–15). Наиболее простая и распространенная форма, отличается непропорциональностью очертаний и плохой шлифовкой. Бывают удлиненной (обычно с приостренным лезвием), чаще укороченной приземистой формы (обычно с уплощенным лезвием). Перехваты довольно широкие. Для всех трех место находки неизвестно.

Вид 2. С двумя перехватами без ребер и лезвием-упором – 1 (Д-18, Ш-6,2, 1292), (рис. 4, 16). Очень редкая форма молотов. Данный экземпляр происходит из окрестностей ст. Глазуновская.

Вид 3. С одним перехватом и двумя ребрами – 1 (Д-14,6, Ш-6,3, 1104), (рис. 4, 12). Наиболее качественно шлифованная форма молотов. Место находки неизвестно.

Подводя итог, в отношении нижеволжских топоров можно отметить следующее:

– нижеволжские топоры, в целом, встраиваются в контекст древностей эпохи палеометалла зоны степей Юго-Восточной Европы и находят себе здесь множество аналогий. Прежде всего, в рамках эпохи средней бронзы;

- меньше всего находится аналогий с топорами лесных культур;
 - картографирование показывает концентрацию топоров и молотов в Волго-Донском междуречье, в междуречье рек Хопер и Иловля и в верховьях р. Медведица. В Заволжье находки топоров единичны и связаны в основном с эпохой поздней бронзы (рис. 1);
 - среди них не встречаются топоры клиновидной формы. Впрочем, этот вид вообще не так широко распространен в степи, как кажется, из-за включения в число клиновидных топоров крупных молотов;
 - между топорами из комплексов и их случайными находками обнаруживаются только две прямые аналогии (рис. 2, 8, 9; 3, 5, 6);
 - включение фрагментов топоров в данную схему производилось крайне осторожно, приведено только 4 таких экземпляра. Но следует отметить, что с территории Волгоградского Поволжья происходят 22 фрагмента топоров. Все они – случайные находки, и все, кроме одного, – лезвийные части, либо лезвие с частью тулова;
 - в рассматриваемом регионе относительно мало заготовок и незаконченных изделий, обе относятся к обушково-ромбическому виду.
- В целом, данный опыт классификации каменных топоров позволяет сделать следующие выводы:
- некоторые, прежде всего, самые простые и архаичные формы топоров (например, молотковидный) являются формами надкультурными и надвременными. Возможно, опровергнуть это утверждение поможет более дробная классификация и выборка, в разы превышающая данную;
 - но некоторые формы топоров можно с очень большой долей вероятности определить как присущие конкретной культуре, прежде всего, для эпохи поздней бронзы. Выделение характерных форм для культур средней бронзы также представляется перспективным;
 - уже на этом, классификационном, уровне можно видеть, что существуют возможности для построения собственно типологии, которая была бы «работающей» для той или иной культуры и для выявления связей между ними. Но для этого необходимо привлечение гораздо большего числа находок и изменение самого принципа выбора объекта, то есть, выстраивать типологию для культур, а не территорий;
 - форма топора взаимосвязана, в большинстве случаев, с наличием или отсутствием полировки, дополнительных деталей, наличием следов трудовой деятельности, с формой сверлины, минералом, функцией, местонахождением;
 - ответа на вопрос о назначении топоров одна только морфология дать не может, хотя, безусловно, существует взаимосвязь между формой и функцией. При решении этой проблемы следует исходить из полифункциональности как топоров в целом, так и некоторых отдельных экземпляров, учитывая при этом очень широкий комплекс признаков;
 - в данной работе молотам уделено гораздо меньше внимания и не приводится такая категория каменных изделий как булавы (с указанной территории происходит не менее 29 булав), но очевидно, что для более широкого исследования необходимо привлечение всех этих предметов, которые тесно взаимосвязаны друг с другом по многим показателям.

Литература:

- Братченко С.Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
- Брюсов А.Я., Зимина М.П.* Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. В 4-4.
- Верецагин В.В.* Каменный топор из села Песковка Волгоградской области // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.
- Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916.
- Килейнико В.В.* Каменные горнометаллургические и металлообрабатывающие орудия Мосоловского поселения // Эпоха бронзы Восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1984.
- Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972.
- Новичихин А.М., Федоренко Н.В.* Каменные сверленные топоры-молотки из Анапского и Новороссийского музеев // РА. 2003. № 4.
- Санжаров С.Н.* Каменные сверленные топоры-молотки Донбасса // СА 1992. № 3.
- Чивилев В.А.* Каменные топоры и другие сверленные орудия на Верхнем Дону // РА. 2000. № 2.

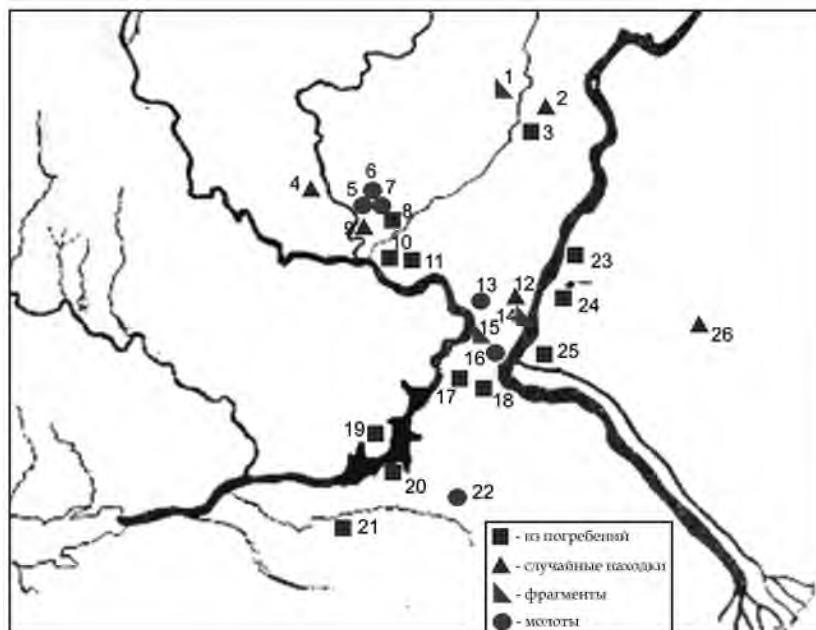

Рис. 1. Карта распространения топоров.

1 - с. Романовка; 2 - с. Песковка; 3 - Линево к. 7, п. 5; 4 - ст. Усть-Бузулукская; 5-7 - ст. Глазуновская; 8 - Подгорный к. 2, п. 1; 9 - ст. Кумылженская; 10 - Культстан к. 6, п. 2; 11 - Кр. Липки к. 7, п. 9; 12 - с. Россошь; 13 - п. Желтухин; 14 - г. Дубовка; 15 - с. Кузьмичи; 16 - г. Городище; 17 - Дмитриевская к. 9, п. 11; 18 - М. Горького к. 1, п. 3; 19 - Захаровский к. 1, п. 4; 20 - Веселый к. 4, п. 3; 21 - Долгий к. 2, п. 3; 22 - х. Дарганов; 23 - Быково к. 26, п. 9; 24 - В. Балыклей к. 6, п. 6; 25 - Волжский к. 1, п. 24; 26 - оз. Эльтон

Рис. 2. 1 - Линево к. 7, п. 5; 2 - Веселый к. 4, п. 3; 3 - п. Варакино; 4 - оз. Эльтон; 5 - ст. Усть-Бузулукская; 6 - М. Горького к. 1, п. 3; 7 - Культстан к. 6, п. 2; 8 - В. Балыклей к. 6, п. 6; 9 - х. Хлебный; 10 - с. Песковка

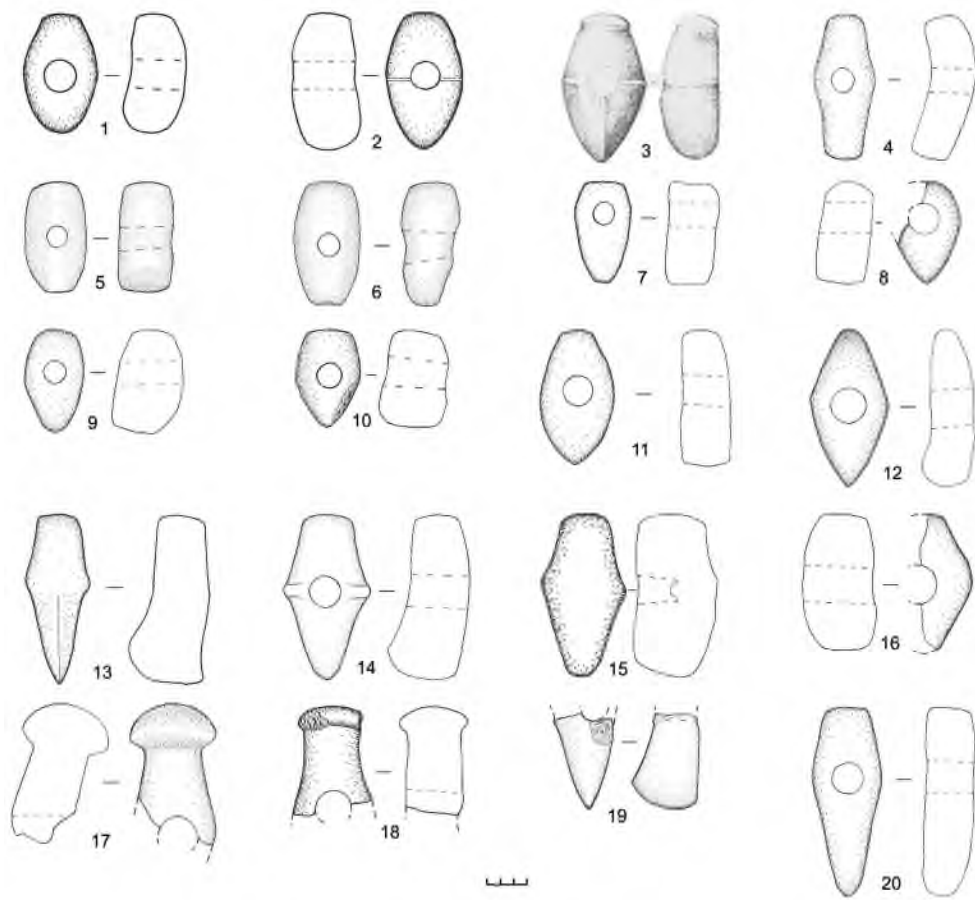

Рис. 3. 1 - Кр. Липки к. 7, п. 9; 2 - Долгий к. 2, п. 3; 3 - Калиново к. 1, п. 2; 4 - Быково к. 26, п. 9;
 5 - Подгорный к. 2, п. 1; 9 - Дмитриевская к. 9, п. 11; 10 - Волжский к. 1, п. 24;
 11 - Захаровский к. 1, п. 4; 12 - ст. Кумылженская; 13 - х. Буянов; 14 - п.Росошь;
 18 - Волошино к. 2, п. 4; 6-8, 15-17, 19, 20 - место находки неизвестно

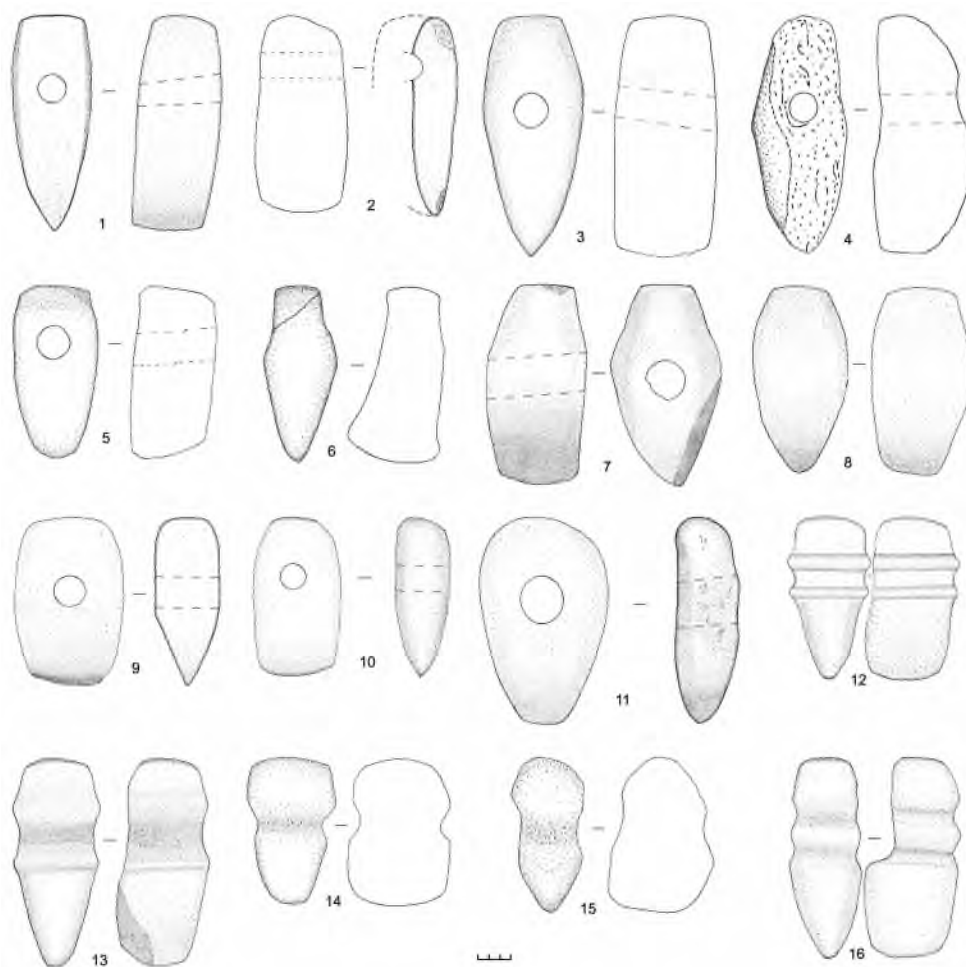

Рис. 4. 1, 2, 7, 11-15 – место находки неизвестно; 3 – г. Городище; 4 – Михайловский р-н; 6 – х. Дубровный; 9 – х. Дарганов; 10 – п. Желтухин; 5, 8, 16 – ст. Глазуновская

Мимоход Р.А.

ПОСТКАТАКОМБНЫЙ ПЕРИОД В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ
И ВОЛГО-ДОНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ:
СОДЕРЖАНИЕ И ДЕФИНИЦИИ

Оценка культурного содержания финала средней бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья долгое время оставалась неоднозначной. Большинство исследователей считало, что на данной территории заключительный этап среднего бронзового века представлен позднекатакомбными (В.И. Мельник, Г.Г. Пятых, Н.М. Малов, В.В. Филипченко) или позднеполтавкинскими памятниками (Н.К. Качалова, И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, В.А. Трифонов). Особую позицию занял В.В. Отрощенко, который, основываясь на материалах шести погребений (Барановка I 10/4,5; Горный 2/4,3,7; Жареный Бугор 3/1), включил территорию Нижнего Поволжья в ареал бабинской культуры (культуры многоваликовой керамики) [Отрощенко, 2001. С. 39, 80, 83, 84]. Это поставило вопрос о наличии в данном регионе пласта посткатакомбных памятников, отделяющего катакомбную культуру от позднебронзовых древностей. Однако казалось странным, что на достаточно хорошо изученной территории Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья посткатакомбные (бабинские по В.В. Отрощенко) памятники единичны. Выход из создавшейся ситуации мог заключаться в признании того, что основной посткатакомбный пласт захоронений в регионе нуждается в выделении.

Это отчетливо проявилось в работах Э.С. Шарафутдиновой и А.В. Кияшко, где были предприняты первые попытки вычленения серии погребений (около 50 комплексов) финала средней бронзы нижневолжского региона. Эти памятники рассматривались как особая группа в рамках катакомбной культуры [Шарафутдинова, 2001. С. 148–183], либо как локальный вариант культуры многоваликовой керамики (ныне днепро-донской бабинской культуры) [Кияшко, 2003. С. 31].

Складывалась противоречивая ситуация. Опираясь одними и теми же погребениями, исследователи относили их к разным культурам: бабинской (С.Ю. Монахов, В.В. Отрощенко, А.В. Кияшко), среднедонской или волгодонской катакомбным (Ю.П. Матвеев, А.Т. Синюк, Н.М. Малов, В.В. Филипченко). Эта неоднозначность в культурных оценках обуславли-

вала поиск того контекста, где комплексы подобного типа могли бы занять свое место.

Полный сбор и обработка источниковой базы позволили выделить в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье криволукскую культурную группу посткатакомбного периода [Мимоход, 2004. С. 108–114; 2005; 2010]. Название ей было дано по могильникам Кривая Лука в Астраханском Поволжье, которые раскапывались в 70-х–80-х гг. прошлого века Г.А. Федоровым-Давыдовым и В.В. Дворниченко. В курганах этих некрополей были серийно представлены посткатакомбные захоронения, а также стратиграфические связки, в частности с лолинской культурой, позволившие решить проблему хронологической позиции криволукской группы в рамках заключительного этапа средней бронзы.

Территория распространения. На сегодняшний день учтено 140 криволукских погребений. Основной ареал распространения – Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье (рис. 1). Наибольшее их количество известно на территории Волгоградской и Саратовской областей. Памятники расположены на обоих берегах Волги и ее притоках, а также на левых притоках Дона.

Характеристика погребального обряда. Группа представлена, в основном, курганными погребениями – основными, с досыпками и впускными. Примечательно сравнительно большое количество основных захоронений (38,4%), что характерно и для других посткатакомбных образований [Мимоход, 2005. С. 71].

Могилы имеют ямную конструкцию, изредка встречаются подбои. Погребения, в основном, одиночные. Известен обряд парного захоронения (рис. 3, 1). Костяки в погребениях лежат скорченно на левом боку. В ориентировке доминируют северные и восточные векторы. Южная ориентация крайне редка, западная отсутствует вовсе. Положение рук стандартно. Как правило, это вариации позы «скачущего всадника», при которой руки протянуты к бедрам или коленям.

Особенности ориентировки костяков и могильных конструкций позволяют разделить массив криволукских захоронений на четыре обрядовые группы (ОГ) (рис. 2, 3).

I ОГ (рис. 2). К ней отнесены погребения в ямах с северными векторами (С, СВ, СЗ).

II ОГ (рис. 3, 1–12) составляют погребения в ямах с восточными ориентировками (В, ЮВ).

III ОГ (рис. 3, 13–15) объединяет захоронения в ямах с южной ориентацией скелета.

IV ОГ (рис. 3, 16–20) выделена по специфической форме конструкции могил – это ямы с подбоем. В этой группе доминируют также северные направления (СВ, С, СЗ).

Большая часть криволукских захоронений относится к *I ОГ* (68,3%). Именно эта обрядовая группа и формирует наглядный образ культурного явления. Погребения *II ОГ* встречаются реже (22%), еще меньше захоронений *III* (2,2%) и *IV ОГ* (6,6%). Захоронения *ОГ I* известны по всему ареалу существования криволукской культурной группы. Значительная часть погребений *II ОГ* находится на левобережье Волги. Все три комплекса *ОГ III* в ямах с южной ори-

ентирировкой сосредоточены в южной части ареала в пределах Волгоградской области. Большинство комплексов в подбоях (VI ОГ) наоборот тяготеет к северной части (север Волгоградской, Саратовская и Самарская области).

Своеобразной визитной карточкой криволукской культурной группы является помещение в могилу костей мелкого рогатого и / или крупного рогатого скота. В подавляющем большинстве случаев, в захоронение клали кости ног животных (92% из всех комплексов с костями). Основная зона встречаемости комплексов с КЖ находится перед умершим в районе левой руки. Аналогичное расположение археозоологических остатков по отношению к скелету характерно и для ряда других посткатакомбных образований юга России: лопанской культуры, кубанской и архонской культурных групп [Мимоход, 2006. С. 250, 251; 2007; Корневский, Мимоход, 2011. С. 41].

Подавляющее большинство криволукских погребений не имеет инвентаря, либо сопровождалось исключительно костями МРС и / или КРС. Количество таких захоронений составляет 75%. Малочисленность и скудность, а зачастую отсутствие вещей в могилах – надкультурная черта посткатакомбного блока [Мимоход, 2005. С. 71, 72].

Стратиграфические данные. В курганах криволукские захоронения следуют за погребениями волго-донской или левобережного варианта среднедонской катакомбных культур (15 случаев). Насыпи с обратной стратиграфией неизвестны. Особое значение имеют курганы, где криволукские погребения оказываются в стратиграфических связках с бабинскими и лопанскими (Кривая Лука XXI к. 2, XXXIV к. 5, Бурлук I к. 1, Репный I к. 7). Эти случаи как прямой, так и обратной стратиграфии свидетельствуют о том, что нижняя дата криволукской культурной группы не может быть древнее раннебабинского и раннелопанского времени.

В свою очередь, криволукские захоронения в Нижнем Поволжье перекрывают покровскими комплексами (14 случаев), в том числе погребениями, имеющими достаточно архаичный облик.

Таким образом, стратиграфические данные определяют хронологический интервал криволукской культурной группы от раннебабинского и раннелопанского этапов до появления памятников покровского типа.

Инвентарь представлен целыми сосудами и фрагментами керамики, бронзовыми, керамическими и раковинными украшениями, бронзовыми ножом и крючком, костяными и роговыми пряжками, каменными пестом и оселком, кремневыми стрелами и отщепами, глиняными моделями колес.

Керамика. В крайне бедном инвентаре криволукских погребений чаще всего встречаются остатки посуды. Погребения с керамикой (16 комплексов) составляют 11,4% всех захоронений.

В этом скудном наборе четко выделяются четыре группы сосудов (рис. 4). Примечательно, что керамика трех из них имеет разные культурные черты.

Первая группа представлена сосудами с выраженными вольско-лбищенскими признаками (рис. 4, 1–4), вторую составляют горшки с многоваликовой орнаментацией (рис. 4, 6–9), в третью группу объединена керамика с чертами воронежской культуры (рис. 4, 10–12), наконец, четвертая группа – это банки и горшок, которые являются надкультурными типами,

характерными для всех посткатакомбных культурных образований (рис. 4, 13–16).

Понять, какая группа представляет собой керамику, которая является собственно криволукской, а не инокультурной, позволяет картографический метод (рис. 1). Комплексы с вольско-лбищенской посудой (Советское 1 2/4, Белогорское I ск. 1/15, Белогорское I п. 28, Рунталь 1/1; Калмыкая Гора F 6/7), располагаются в северной части криволукского ареала, в Саратовском Поволжье, в зоне непосредственного контакта носителей традиций Кривой Луки и Вольска-Лбища. Захоронения с воронежскими сосудами (Липовка 1 5/1, Чурилово 1 3/3, Губари 4/1) концентрируются на северо-западной периферии ареала, в пределах Воронежской области, там, где криволукские группы вступали во взаимодействие с воронежскими. Погребения с многоваликовой керамикой, близкой бабинской, демонстрируют принципиально иную картину. Они известны на севере ареала в Саратовской области (Жареный Бугор 3/1; Панищкое 6 4/3), в его центре в Волгоградской области (Евстратовский II 4/3) и на юге на границе Волгоградской и Астраханской областей (Царев 66/1). Иными словами, керамика с многоваликовой орнаментацией представлена на всей территории, в отличие от воронежской и вольско-лбищенской посуды, находки которой приурочены исключительно к зоне контакта посткатакомбного и постшнурового миров.

При этом нельзя не отметить, что многоваликовая посуда криволукской культурной группы имеет черты, отличающие ее от днепро-донской бабинской керамики. В подобном ракурсе на особенности сосуда из Жареного Бугра (рис. 4, 6) обращал внимание Р.А. Литвиненко [1999. С. 70]. Горшок из Царева (рис. 4, 9), помимо специфической многоваликовой орнаментации, не имеющей прямых аналогий в днепро-донской бабинской культуре, украшен елочным узором, выполненным зубчатым штампом. Такой декор вообще неизвестен в днепро-донских бабинских древностях, а более характерен для волго-донской катакомбной культуры, которая служит генетическим субстратом для криволукских памятников. Таким образом, у нас есть немногочисленные, как и сами нижеволжские посткатакомбные погребения с керамикой, но веские основания утверждать, что именно посуда с многоваликовой орнаментацией является опознаваемым культурным индикатором криволукской культурной группы. Подтверждает этот факт и то, что поселения, на которых обнаружена многоваликовая посуда посткатакомбного облика в Нижнем Поволжье, расположены именно там, где зафиксированы погребальные комплексы с подобной керамикой: в Волгоградской (Лапушина балка) и Саратовской (Алексеевское городище, Хлопково городище, Новая Красавка, Утес Степана Разина) областях. Теперь понятно, что на этих поселениях обитали носители криволукской погребальной традиции.

Изделия из кости и рога представлены, в основном, яркой категорией хронологически диагностичных вещей – пряжками (рис. 4, 17–25), которые находят убедительные аналогии в материалах днепро-донской бабинской культуры. В криволукской серии большую часть составляют кольцевые пряжки, характерные для раннего Бабино (рис. 4, 17–23), меньшую – кольцевидные изделия с бортиком вокруг отверстия (рис. 4, 24, 25), которые маркируют второй этап развития бабинских древностей. Скорее всего, как феномен много-

валиковой посуды, так и феномен костяных и роговых пряжек имманентно присущи нижеволжским посткатакомбным памятникам. И опять же следует обратить внимание на то, что при очевидном сходстве бабинских и криволукских пряжек, мы не сможем найти прямых аналогий пряжкам из Евстратовского (рис. 4, 21, 22) в днепро-донских бабинских материалах. Это вполне самостоятельный тип рассматриваемых изделий.

Кроме пряжек, в криволукских комплексах присутствуют роговой отжимник, костяные бляшка, трубочка, проколка и тупик (рис. 4, 26–30).

Ассортимент каменных предметов включает пестообразные орудия (рис. 4, 31, 32), наборы мастеров-изготовителей стрел (рис. 4, 36, 39, 40, 41, 44), отдельные отщепы и выемчатые наконечники стрел (рис. 4, 37, 38, 42, 43), каменный оселок с двумя перетяжками (рис. 4, 35).

Бронзовые орудия криволукской культурной группы единичны – это нож и рыболовный крючок (рис. 4, 45, 46).

Более интересен *гарнитур украшений*. Полностью южное происхождение имеет набор из комплекса Писаревка II 10/2, состоящий из бронзового колпачка с отверстием, лепестковидного и двухрожкового бисера, подвесок из клыков животных, бусины из зуба ската (рис. 3, 14, 4, 48, 55–59). Эти изделия и их сочетания имеют убедительные аналогии в посткатакомбных памятниках Предкавказья (лолинской культуре, кубанской и архонской культурных группах) и культурах (гинчинской и присулакской) финала среднего бронзового века Северо-восточного Кавказа [Мимоход, 2013. С. 199, 200, 248, илл. 78, 79, 98, 12].

Мелкие металлические подвески в 1,5 оборота, происходящие из комплекса Светлое Озеро 6/3 (рис. 4, 49, 50), в целом сопоставимы с позднекатакомбными образцами [Жемков, Лопатин, 2008. С. 174]. Однако следует обратить внимание на миниатюрные размеры изделий, более соответствующие абашевским подвескам. Причем, один предмет изготовлен из серебра (рис. 4, 50). Этот металл позднекатакомбные и посткатакомбные мастера почти не использовали для изготовления украшений [Мимоход, 2009. С. 128]. Зато именно серебро повсеместно выступало сырьем для производства ювелирных изделий в среде средневолжской абашевской культуры, в том числе и подвесок в 1,5 оборота [Кузьмина, 2002. С. 179]. В криволукском захоронении Бородаевка 2/2 обнаружены сурьмяные бусы (рис. 4, 51). Как и в случае с серебром, это единственная находка украшений из сурьмы в посткатакомбном контексте Нижнего Поволжья. В степной зоне в синхронный период серийное использование сурьмяного литья известно только в лолинской культуре Предкавказья, где оно имело кавказские истоки [Гак, Мимоход, Калмыков, 2012]. Скорее всего, трансляция сурьмяных бус в криволукскую среду произошла посредством волго-уральской культурной группы, которая являлась северным дериватом Лолы и занимала степи одноименного региона [Мимоход, 2010а; 2013. Илл. 123].

К уникальным изделиям инвентарного комплекса Кривой Луки относятся глиняные модели колес, обнаруженные в комплексе Писаревка II 10/2 (рис. 3, 14, 5, 60). В рамках посткатакомбного блока известен еще один случай обнаружения таких моделей в контексте погребального обряда – это бабин-

ское захоронение Ильичево 9/6 в Восточном Крыму [Корпусова, Ляшко, 1999. Рис. 3].

Хронология. Стратиграфические данные и датирующие вещи криволукских погребений надежно устанавливают относительную позицию группы в рамках посткатакомбного блока финала среднего бронзового века. Этой проблеме посвящена специальная работа [Мимоход, 2010]. Кратко сформулируем ее основные выводы. Присутствие в криволукском инвентаре кольцевых пряжек (рис. 4, 17–23), оселка с двумя перетяжками (рис. 4, 35), двухрожковых и лепестковидных бус (рис. 4, 55, 56), наборов стрелоделов (рис. 4, 36, 39, 40, 41, 44) позволяет уверенно синхронизировать ранние памятники Кривой Луки с ранними этапами днепро-донской бабинской и лолинской культур. В двух комплексах найдены кольцевые пряжки с бортиком (рис. 4, 24, 25) второго этапа днепро-донской бабинской культуры. На основании этих данных уверенно можно говорить о синхронности всего диапазона существования криволукской культурной группы первым двум этапам днепро-донской бабинской, а, соответственно, и лолинской культур. Симптоматичным выглядит отсутствие в криволукских комплексах двудырчатых пряжек, изогнутых в сечении, которые характерны для позднебабинской культуры и изредка встречаются в покровских комплексах. Надежно установленное предшествование в курганах криволукских погребений покровским захоронениям и синхронность последних позднебабинской и позднелолинской культурам, устанавливает верхнюю границу хронологического диапазона Кривой Луки не позже развитых периодов Бабино и Лолы, т. е. до начала формирования блока колесничных культурных образований.

Серия данных ^{14}C криволукской культурной группы насчитывает 9 дат, сделанных в четырех лабораториях (табл. 1).

Таблица. 1. Радиоуглеродные даты криволукской культурной группы

№	Памятник	Шифр лаборатории	Материал	Дата ВР	Дата cal. BC Вероятность 68,20%
1.	Линево к. 8 п. 2	Ki-12886	Кость человека	3590 ± 50	2030–1880
2.	Линево к. 6 п. 6	Ki-12876	Кость человека	3825 ± 50	2350–2190
3.	Паницкое 6 к. 4 п. 3	Ki-13003	Фрагмент керамики	3600 ± 90	2130–1810
4.	Паницкое 6 к. 4 п. 3	Ki-13004	Астрагал МРС	3530 ± 70	1940–1740
5.	Грачевка II к. 10 п. 1	Ле-6544	Кость человека	3820 ± 70	2410–2140
6.	Утевка V к. 4 п. 1	AA-53802	Кость человека	3583 ± 52	2030–1870
7.	Евстратовский II к. 2 п. 2	Ki-14742	Кость человека	3670 ± 70	2140–1940
8.	Евстратовский II к. 4 п. 3	ИГАН-3731	Кость человека	3560 ± 100	2030–1750
9.	Калиновский I к. 1 п. 4	ИГАН-3730	Кость человека	3420 ± 90	1880–1620

Все они показывают хорошую степень сходимости и очерчивают калиброванный интервал в пределах XXII–XVIII вв. до н. э. Именно этот отрезок дают более представительные подборки радиоуглеродных дат долинской и бабинских культур [Мимоход, 2011], что позволяет подтвердить намеченные линии синхронизации.

Криволукская культурная группа – волго-донская бабинская культура. Для обозначения посткатакомбных памятников Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья рабочий термин «криволукская культурная группа» был предложен мною почти 10 лет назад [Мимоход, 2004. С. 112]. Препятствием для превращения культурной группы в полноправную археологическую культуру служило то, что неясен был собственный керамический комплекс Кривой Луки [Мимоход, 2009. С. 34, 35]. Это были вполне объективные трудности, потому что погребальная обрядность нижеволжских посткатакомбных групп, по всей видимости, не предусматривала помещение посуды в захоронения, поэтому неудивительно, что значительная часть сосудов из криволукских погребений имеет инокультурные черты. Несмотря на крайне ограниченную керамическую серию, выход на идентификацию собственного комплекса посуды Кривой Луки, на мой взгляд, найден, и с уверенностью можно утверждать, что его основу составляет многоваликовая керамика (рис. 4, 6–9). На уровне гипотезы это предполагалось и ранее [Мимоход, 2009. С. 34]. Криволукские погребения и поселения с многоваликовой керамикой посткатакомбного облика Волго-Донского междуречья и Нижнего Поволжья в культурном отношении едины, и мы в полном праве можем говорить, что посткатакомбные памятники на этой территории представляют собой самостоятельную археологическую культуру. Рабочий термин «криволукская культурная группа» на данный момент себя исчерпал, но он полностью выполнил свою функцию, т. к. исследователи, оперируя этим определением, рассматривали посткатакомбные древности региона в качестве самостоятельного культурного явления.

Неперспективным мне представляется оставление за новой археологической культурой названия по могильникам Кривой Луки, и вот почему. Выше было показано, что при кардинальных отличиях в обряде инвентарные комплексы днепро-донской бабинской культуры и посткатакомбных памятников Волго-Донского междуречья и Нижнего Поволжья имеют структурные черты сходства. К ним относятся наличие в материалах обеих культур многоваликовой посуды как основы керамического комплекса, костяных и роговых пряжек близких типов, наборов стрелоделов с парными выпрямителями древков стрел, выемчатых кремневых наконечников, оселков с двумя перетяжками, двухрожковых бусин. Причем, большинство этих артефактов являются не столько свидетельствами межкультурных связей, сколько имманентно присущи обеим культурам и связаны с общностью происхождения и генетическим родством. При этом говорить о полном тождестве вещевого комплекса днепро-донской бабинской культуры и посткатакомбных памятников Нижнего Поволжья с прилегающими районами не приходится. Есть существенные различия как в керамике, так и в некоторых типах пряжек.

На сегодняшний день значительную часть блока посткатакомбных культурных образований составляет культурный круг Бабино. Его концепция

сформулирована и убедительно разработана Р.А. Литвиненко [2009; 2011]. В него входят днепро-донская и днепро-прутская бабинские культуры. Нет никакого сомнения, что посткатакомбные памятники Волго-Донского междуречья и Нижнего Поволжья, которые на протяжении последнего десятилетия фигурировали в археологической литературе под названием «криволукская культурная группа», являются восточной частью культурного круга Бабино. Поэтому считаю целесообразным закрепить за ними термин «**волго-донская бабинская культура**», тем самым, вписав их в систему таксономии, предложенную Р.А. Литвиненко, с учетом использования в качестве названия для бабинских культур гидронимы крупных рек, которые очерчивают их территории. С выделением новой археологической культуры фактически окончательно оформилась основная структура культурного круга Бабино, который сейчас состоит из трех археологических культур: днепро-прутской, днепро-донской и волго-донской бабинских культур.

Литература:

Гак Е.И., Мимоход Р.А., Калмыков А.А. Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы // Археологические вести. СПб., 2012.

Жемков А.И., Лопатин В.А. Курганный могильник у с. Светлое Озеро в Степном Заволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.

Кияшко А.В. Погребения пришлых культур развитой и финальной средней бронзы в курганах Волго-Донского междуречья // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2003. Вып. 6.

Корневский С.Н., Мимоход Р.А. Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. М., 2011.

Корпусова В.Н., Ляшко С.Н. Погребение эпохи бронзы с глиняными модельками колес у с. Ильичево в Крыму // Старожитності Північного Причорномор'я. Запоріжжя, 1999. Т. VII.

Кузьмина О.В. К вопросу о происхождении височных подвесок в 1,5 оборота абашевской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2002. Книга I.

Литвиненко Р.А. К проблеме поиска признаков культуры многоваликовой керамики в донно-волжской лесостепи // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999.

Литвиненко Р.О. Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток). Автореф. дис. ... д.и.н. К., 2009.

Литвиненко Р.А. Культурный круг Бабино: название, таксономия, структура // КСИА. М., 2011. № 225.

Мимоход Р. А. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Волгоград, 2004.

Мимоход Р.А. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2005.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Древние культуры Кавказского Причерноморья. Материалы конференции. Сухум, 2006.

Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов // Материалы охранных археологических исследований. М., 2009. Т. 10.

Мимоход Р.А. Хронология криволукской культурной группы // XVIII Уральское археологическое совещание. Уфа, 2010.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецкий археологический збірник. Донецьк, 2010а. № 13/14.

Мимоход Р.А. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. М., 2011. Вып. 225.

Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М., 2013.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфіні зіставлення). К., 2001.

Шарафутдинова Э.С. К вопросу о погребальных памятниках эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23–28 апреля 2001 г. Самара, 2001.

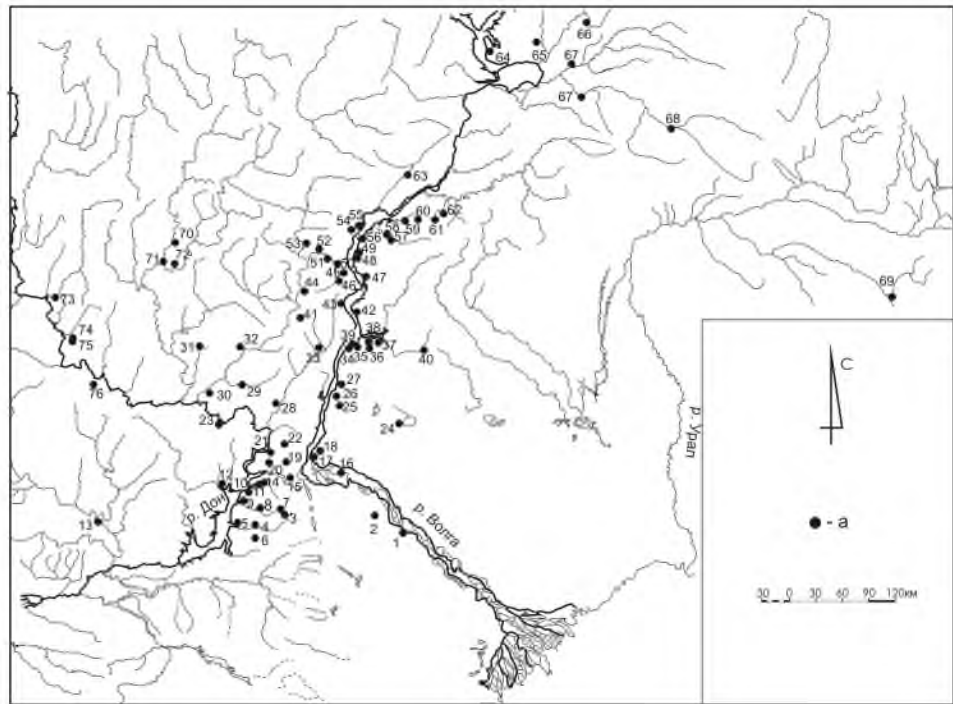

Рис. 1. Территория погребальных комплексов: а - памятники, 1 - Никольское 1/8; 2 - Кривая Лука XI 4/1,2, XII 1/7, XIV 15/10, XV 2/12, 3/5, XXI 2/4, XXIII 1/8, 3/3, XXXIII 4/2, XXXIV 2/2, 5/7; 3 - Абганерово III 12/9; 4 - Антонов 3/5; 5 - Ромашкин II 1/11; 6 - Захаров п. 4; 7 - Жугово I 80/2; 8 - Громославка II 2/8; 9 - Первомайский I 8/5; 10 - Верхнерубежный I 3/4; 11 - Вербовский III 3/6; 12 - Чир II 2/1; 13 - Репный I 7/5, 13, 17; 14 - Тихоновка 1/4; 15 - Орошаемый I 4/3; 16 - Царев 66/1; 17 - Волжский 2/11, 16; 18 - Калиновский 6/1, 8/15, 54/2; 19 - Красный пахарь 3/2; 20 - Дмитриевка 9/5; 21 - Вертячий 7/7, 15, 24; 22 - Котлубань I 7/3, 9/3, II 4/2; 23 - Евстратовский II 3/2, 4/3; 24 - Красная деревня 8/4, 15/5; 25 - Ямки 1/4, 3/8; 26 - Верхний Балыклей 2/2, 4/1, 3, 4, 6/4, 5, 6; 27 - Быково I 4/3, Быково II 5/9; 28 - Писаревка II 10/2; 29 - Ветютнев 9/6; 30 - Зимняцкий I 1/2; 31 - Короли 4/3; 32 - Сидоры 26/1; 33 - Петрунино II 5/2, 5/5; 34 - Рыбный 3/16; 35 - Политодельское 3/5, 4/27; 36 - Новая Молчановка 1/7; 37 - Западные могилы 20/4, 5; 38 - Бережновка I 8/4, 5, 9/14, II 14/4, 87/3; 39 - Политодельское 3/5, 4/27; 40 - Кумыска II 1/2; 41 - Бурлук I 1/2; 42 - Белокаменка 3/8; 43 - Белогорское I п. 1, 7, 14, 15, 28; 44 - Линево 6/6, 8/2; 45 - Суворовский 1 од. кург/1; 46 - Красноармейское 1/6, 7; 47 - Скатовка 6/1, 18/1, 27/1; 48 - Узморье 1/6, 2/7; 49 - Смеловка 2/1, 3, 3/2; Смеловка, гр. мог. п. 111, 128; 50 - Паницкое 6 4/3; 51 - Рыбушка 15/2; 52 - Большая Дмитриевка II 1/6; 53 - Широкий Карамыш 4/10; 54 - Жареный бугор 3/1; 55 - Усть-Курдюм 6/1, 15/2; 56 - Светлое Озеро 6/3; 57 - Советское 2/15, од. кург/6; 58 - Крутояровка 11/3; 59 - Рунталь 1/1; 60 - Калмыцкая Гора F 6/7, 2/10, Бородаевка 2/2, 3; 61 - Чапаевка 6/1; 62 - Караман 3/1; 63 - Дмитриевка 1/1, 2/1; 64 - Ягодное I 3/1; 65 - Николаевка 3 2/1, 3/3, 4, 5/1; 66 - Калиновский I 1/4; 67 - Утевка V 4/1; 68 - Скворцовка 5/3 скелет 1; 69 - Учебный полигон п. 3; 70 - Власовский I 7/1, 14/1; 71 - Чурилово I 3/3; 72 - Губари 4/1; 73 - Липовка 1 5/1; 74 - Павловск II ск. 2/38; 75 - Павловский 41/3; 76 - Высокая Гора 5/1

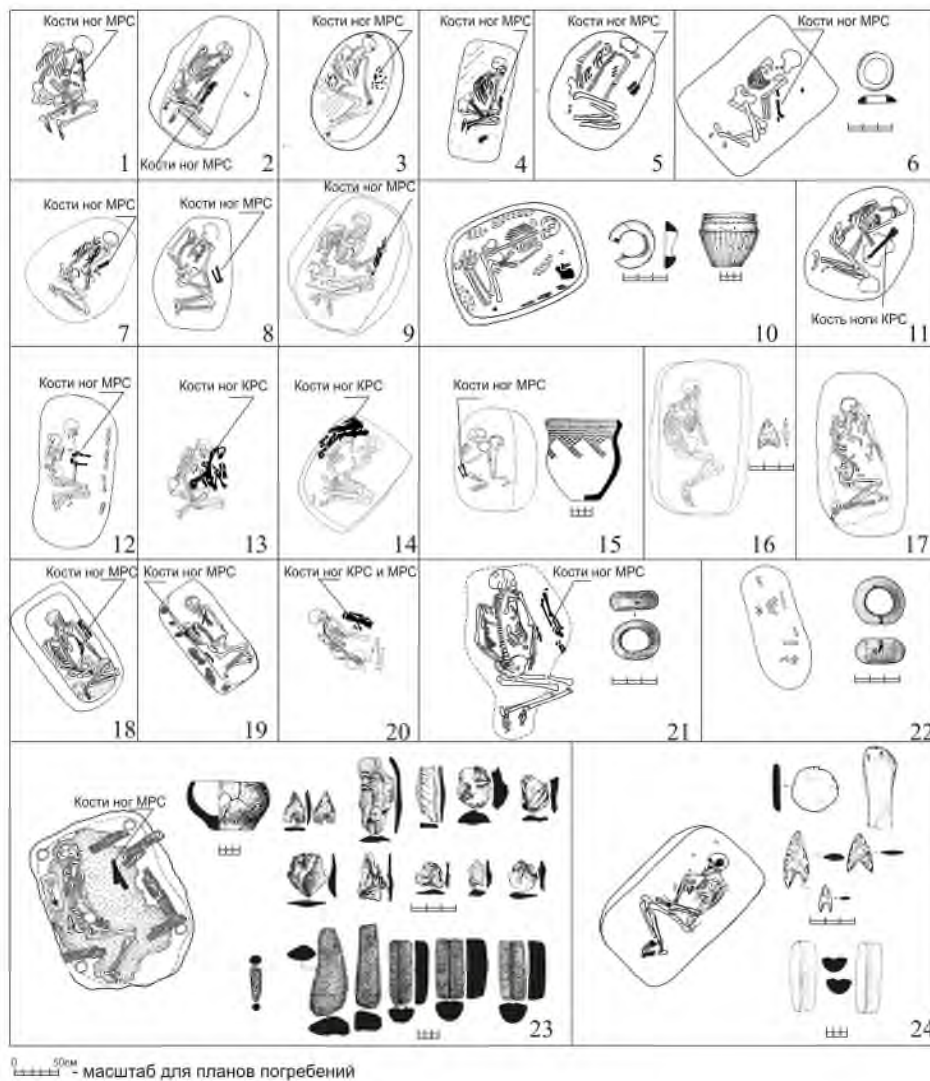

Рис. 2. Погребения первой обрядовой группы:

- 1 – Бережновка I 5/8; 2 – Громославка II 2/8; 3 – Политодельское 3/5; 4 – Вертячий 7/7;
 5 – Верхний Балыклей 6/6; 6 – Власовский I 7/1; 7 – Кривая Лука XXXIII 4/2; 8 – Никольское I 1/9;
 9 – Красноармейское 1/7; 10 – Жареный Бугор 3/1; 11 – Кривая Лука XXXIV 2/2;
 12 – Котлубань II 4/2; 13 – Калиновский I 1/4; 14 – Николаевка 3 3/3; 15 – Белогорское I ск. 1/15;
 16 – Смеловка 2/3; 17 – Кривая Лука XV 3/5; 18 – Ромашкин II од. кург/6; 19 – Орошаемый I 4/3;
 20 – Абганерово III 12/9; 21 – Евстратовский II 4/3; 22 – Евстратовский II 3/2;
 23 – Высокая Гора 5/1; 24 – Петрунино II 5/2

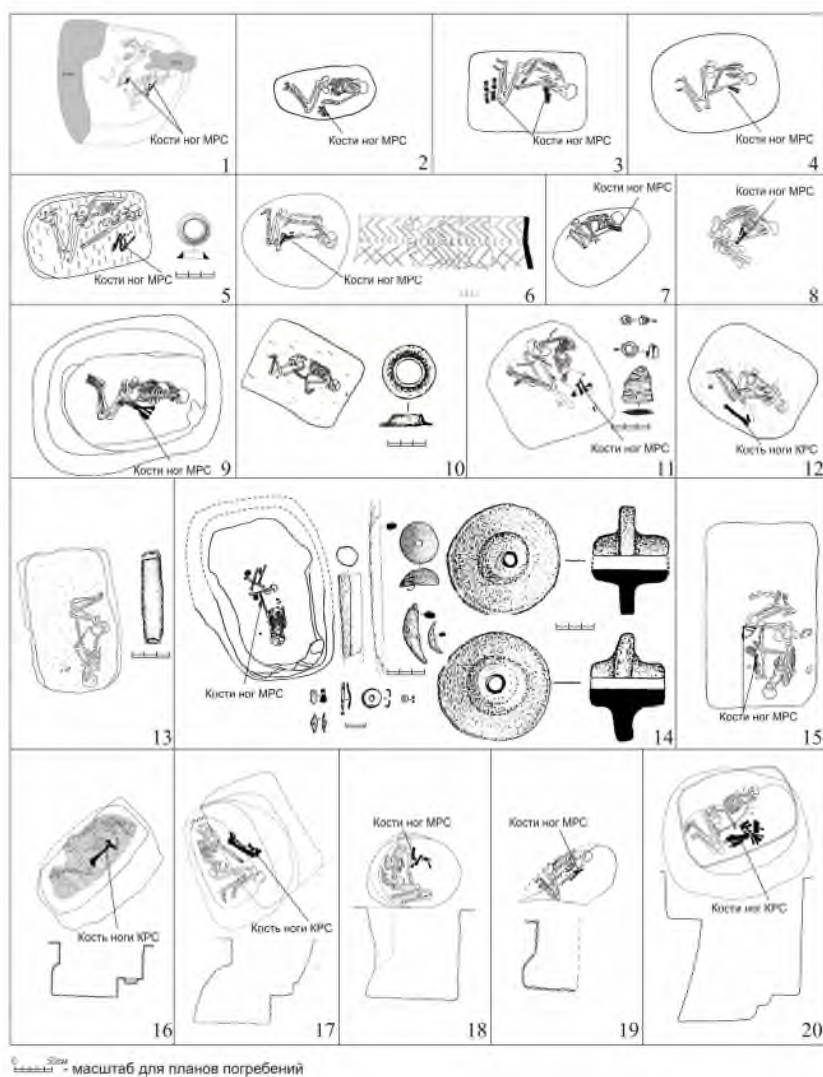

Рис. 3. Погребения второй, третьей и четвертой обрядовой групп:
 1-12 – погребения второй обрядовой группы: 1 – Николаевка 3 2/1; 2 – Калиновский 54/2;
 3 – Скатовка 21/7; 4 – Скатовка 6/1; 5 – Линево 6/6; 6 – Рунталь 1/1; 7 – Кривая Лука XXIII 3/3;
 8 – Степная IV 3/1; 9 – Широкий Карамыш 4/10; 10 – Короли 4/3; 11 – Светлое Озеро 6/3;
 12 – Вертячий 7/25;
 13-15 – погребения третьей обрядовой группы:
 13 – Жутово I 80/2; 14 – Писаревка II 10/2; 15 – Бережновка I 5/21
 16-20 – погребения четвертой обрядовой группы:
 16 – Рыбушка 15/2; 17 – Усть-Курдюм 6/1; 18 – Смеловка 3/2; 19 – Верхний Балыклей 4/3;
 20 – Утевка V 4/1

Рис. 4. Вещи из погребений:

- 1-5 - группа 1, керамика с вольско-либиценскими чертами: 1 - Советское 1 2/14;
 2 - Белогорское I ск.1/15; 3 - Белогорское I п. 28; 4 - Рунталь 1/1; 4 - Калмыкая Гора F 6/7
 6-9 - группа 2, керамика с многоваликовой орнаментацией:
 6 - Жареный Бугор 3/1; 7 - Паницкое 6 4/3; 8 - Учебный полигон п. 3; 9 - Царев 66/1;
 10-12 - группа 3, керамика с воронежскими чертами:
 10 - Липовка 1 5/1; 11 - Чурилово 1 3/3; 12 - Губари 4/1
 13-16 - группа 4, керамика баночной и горшковидной форм надкультурного характера:
 13 - Антонов 3/4; 14 - Высокая Гора 5/1; 15 - Вишневка од. курган/5; 16 - Калмыкая Гора 2/10
 17-30 - кость и рог; 31-44 - камень; 45-48, 52, 53 - бронза; 50 - серебро; 54, 57, 59 - зубы животных;
 55, 56, 60 - керамика.
 17, 45 - Верхний Балыклей 4/4; 18 - Большая Дмитриевка II 1/6; 19 - Власовский I 7/1;
 20 - Жареный Бугор 3/1; 21 - Евстратовский II 3/2; 22 - Евстратовский II 4/3;
 23 - Дмитриевка 1/1; 24 - Короли 4/3; 25 - Линево 6/6; 26, 31, 33, 40, 44 - Высокая Гора 5/1;
 27, 34, 36, 39, 41 - Петрунино II 5/2; 47, 48, 55-60 - Писаревка II 10/2; 30 - Царев 66/1;
 32 - Антонов 3/4; 35, 42 - Жутово I 80/2; 37 - Верхнерубежный I 3/4; 38 - Смеловка 2/3;
 43 - Западные могилы 20/4; 46 - Красная деревня 15/5; 49, 50 - Светлое Озеро 6/3;
 51 - Бородаевка 2/2; 52 - Кривая Лука XII 1/7; 53 - Павловск II ск.2/38; 54 - Чир II 2/1

Моргунова Н.Л.

К ВОПРОСУ О ПОЗДНЕМ ЭТАПЕ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ
(по материалам Оренбургского Приуралья
и Самарского Поволжья)

Проблема установления времени существования ямной культуры на территории Волжско-Уральского междуречья и выделения ее этапов постоянно находится в поле зрения исследователей. Особенно дискуссионным является вопрос о финальном или позднеямном этапе, связанном с культурной атрибуцией, так называемых памятников полтавкинского типа (или археологической культуры).

Проблема имеет обширную историографию, сложившуюся на протяжении последних 60 лет, начиная с постановки вопроса о самостоятельной полтавкинской культуре в трудах О.А. Кривцовой-Граковой [1955]. С начала 60-х годов данная проблематика последовательно разрабатывалась Н.К. Качаловой. Ею были выделены характерные признаки культуры, намечены этапы ее развития, рассмотрены вопросы происхождения и культурных связей.

В основу доказательства своей концепции Н.К. Качалова положила корреляцию признаков погребального обряда и типологии керамики [1962; 1965]. Исходя из этого, с опорой на стратиграфические данные, ею были выделены два этапа в развитии культуры. К раннему этапу отнесены погребения в ямах с позицией скелета скорченно на спине головой в восточный сектор, интенсивно окрашенные, в сопровождении плоскодонной керамики [1965. С. 13]. К позднему этапу Н.К. Качалова отнесла погребения, в основном, впускные, совершенные в простых овальных ямах, иногда с подбоем, с позицией скелета скорченно на боку (как правом, так и левом) в сопровождении плоскодонной керамики [там же. С. 14]. При этом она считала, что полтавкинский комплекс сформировался на основе ямной культуры синхронно раннекатакомбной культуре при минимальном влиянии последней [там же. С. 15].

Первоначально территорию «полтавкинской культуры» исследователь ограничивала Нижним Поволжьем. В дальнейшем в соавторстве с И.Б. Васильевым был поставлен вопрос о выделении «полтавкинской культурно-исторической общности» с тремя вариантами – нижеволжским, средневолжским и приуральским [Качалова, 1983; Качалова, Васильев, 1989].

Выделяя и отстаивая самостоятельный культурный статус памятников полтавкинского типа, Н.К. Качалова исходила из понимания археологической культуры как совокупности характерных черт памятников на определенной территории и в определенное время, что, как представляется, не подлежит сомнению [1965. С. 18]. Но при этом она отмечала трудности отделения ямных и полтавкинских погребений по причине сходства их ритуальных признаков, а также ввиду практически полного отсутствия инвентаря.

В отличие от Н.К. Качаловой погребения Волго-Уралья с плоскодонной керамикой Н.Я. Мерперт относил к III хронологической группе ямной культуры, которую он синхронизировал с раннекатакомбной культурой Подонья [1974. С. 68–72]. Он, в частности, отмечал, «что огромное и многообразное население древнеямной КИО не могло быть не вытеснено, ни полностью ассимилировано катакомбными племенами..., это был следующий – третий период истории древнеямных племен» [там же. С. 76].

Последовательно, с конца 80-х годов, «полтавкинская» концепция отстаивается в трудах П.Ф. Кузнецова [Кузнецов, 1989; Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000. С. 27–36; Кузнецов, 2010]. В отличие от ранних работ Н.К. Качаловой исследователь вводит целый ряд новых культурообразующих признаков полтавкинского комплекса – появление больших курганов и ям сложных конструкций со ступеньками, положение скелетов на правом боку, уменьшение количества охры и, наконец, плоскодонная керамика. В дискуссии, прошедшей на страницах журнала «Советская археология», мною отмечалась ошибочность данного подхода, исходя из того, что разнообразие погребальных ритуалов чаще всего отражает развитие социальной дифференциации, а не начало новой культуры [Моргунова, 1991; Моргунова, Кравцов, 1994]. При этом было замечено, что все данные признаки, кроме плоскодонной керамики, присущи ямной культуре практически с раннего этапа.

Большой вклад П.Ф. Кузнецов внес в радиоуглеродное датирование ямно-полтавкинских памятников. Однако результаты определений не изменили его представления о «полтавкинской культуре» [2007; 2010]. По мере накопления 14С дат он вынужден был идти по пути ее удревнения. Так в «полтавкинскую культуру» вошли такие типично ямные по всем основополагающим признакам памятники, как I Утевские, Болдыревские, Шумаевские, Тамар-Уткульские курганы. Мало того, автор в одной из последних работ удревняет СБВ до ХХІХ–ХХV вв. до н. э. (калиброванном значении) и относит к нему раннеполтавкинские памятники, называя при этом данный этап утевско-илекским [Кузнецов, 2010. С. 51–52]. Поздний этап ХХV–ХХІІ вв. до н. э., как он пишет, «соответствует собственно полтавкинской культуре. Он синхронен распространению катакомбных культур к западу от Волги ...» [там же. С. 52]. И в этом подходе просматривается явное противоречие и уязвимость «полтавкинской концепции» в целом. Получается, что полтавкинская культура древнее катакомбной, а ее выше перечисленные по П.Ф. Кузнецову признаки не являются результатом внутреннего развития ямного населения, а привнесены со стороны – из Предкавказья от населения новотиторовской культуры [Кузнецов, 2003; 2010. С. 52]. При этом здесь же автор подчеркивает, что основу «утевско-илекского» типа памятников составляла ямная культура [Кузнецов, 2010. С. 51].

Близкую позицию по вопросу о культурном статусе ямных памятников Приуралья занимает М.Б. Рысин, полагающий, что Тамар-Уткульские и другие ямные комплексы, по сути, являются полтавкинскими и их формирование связано не просто с влиянием Кавказа, а с безусловным распространением «передовых кавказских новаций в технологиях... в степь ... от более развитых к менее развитым» [Рысин, 2007. С. 214]. Подобная идея развивается в работе Р.А. Мимохода в связи с публикацией материалов Золотого кургана, отмечающего, по его мнению, пути миграции предкавказских (новотиторовских) групп в Заволжье и Приуралье, поспособствовавших формированию утевских и тамар-уткульских групп [Мимоход, 2009. С. 160–164].

В ответ вышеназванным авторам, во-первых, следует остановиться на культурной интерпретации Тамар-Уткульских курганов. По моему мнению, они, безусловно, оставлены населением ямной культуры [Моргунова, 2011а]. Этот вывод подкрепляется всеми основополагающими признаками обряда и инвентаря, как данных комплексов, так и других подобных памятников, – таких, как КМ Утевка I 1/1, КМ Болдырево I 1/1, КМ Першин 1/4 и другие. Согласно имеющимся радиоуглеродным датам все эти памятники относятся к докатакомбному времени и должны рассматриваться в рамках РБВ. Важно и то, что все главные признаки этих комплексов продолжают линию развития ямной традиции предшествующего этапа и не несут на себе какие-либо признаки, которые бы свидетельствовали о влиянии новотиторовской культуры [Моргунова, 2007].

Во-вторых, в свете проблемы определения культурной принадлежности памятников следующего этапа в Самарском Заволжье и Южном Приуралье в раннекатакомбное время обратимся к материалам, которые, безусловно, можно отнести к данному этапу, и по которым имеются радиоуглеродные определения.

Таковых комплексов оказалось не так много – 18. Большинство из них маркировано плоскодонной керамикой (рис. 1, 2), другие соотносятся с данным периодом по ^{14}C датам (табл. 1). Показательны признаки погребального обряда. Из числа продатированных ^{14}C методом погребений с плоскодонной керамикой большинство совершены на правом боку с ориентировкой в восточный сектор, однако имеются и позиции на спине скорченно ногами вправо, единичны позы с наклоном ног скорченно влево. При этом окраска охрой по интенсивности различна – от слабой до сильной. По форме могильные ямы встречаются как простые, так и сложные со ступеньками. Если обратиться к характеристике насыпей курганов, то следует отметить, что среди памятников с плоскодонной керамикой не встречены курганы с диаметром более 30 м. Мало того, практически исчезает традиция сооружения насыпей из кольцевых рвов, окружавших насыпь вокруг основания кургана. Исключением является лишь один курган № 1 КМ Изобильное I, имевший D=36 м, H=2 м и кольцевой ров. Единичны погребения в ямах со ступеньками по всему периметру. Иначе говоря, в данных комплексах признаки полтавкинской их принадлежности (по П.Ф. Кузнецову) практически отсутствуют.

Особое значение для характеристики культуры раннекатакомбного времени приобрели комплексные исследования Скворцовского курганного могильника, располагавшегося на границе Самарской и Оренбургской областей

[Моргунова, Гольева, Дегтярева, Евгеньев, Купцова, Салугина, Хохлова, Хохлов, 2010]. Изучено 5 курганов (D – от 20 до 30 м, H – от 0,5 до 1 м). Не все изученные курганы одновременны. По ^{14}C датам и данным палеопочвенных исследований выделены ранняя и поздняя группы. Для обсуждаемой темы интерес представляет вторая группа курганов, в которую вошли 3 кургана – №№ 5, 6 и 7.

В отличие от Тамар-Уткульских, Шумаевских и других могильников одной из особенностей устройства подкурганного пространства скворцовских курганов являлось сооружение круговых ровиков, состоявших из нескольких корытообразных углублений и имевших чисто символическое значение. С одной стороны, сохраняется принцип совершения погребений в центре круглой в плане площадки, окруженной рвом, а с другой, – изменяется их форма, и размеры. Насыпи курганов покрывали рвы и выходили далеко за их внешние границы. Кроме того, в двух из трех Скворцовских курганах обнаружено по два погребения, что также отличает их от исключительно индивидуальных курганов предшествующего времени. Ямы преобладают простой формы, но по-прежнему – они обширные и значительной глубины. В кургане 6 одно из погребений было совершено в яме со ступеньками. Все скелеты зафиксированы в положении скорченно на правом боку с ориентировкой на В или СВ. В двух могилах были обнаружены плоскодонные сосуды, по технологии близкие другим изделиям подобной формы, демонстрирующих, по мнению Н.П. Салугиной, преемственность гончарства СВВ с предшествующим этапом ямной культуры [Салугина, 2009. С. 94–97; Моргунова и др., 2010].

Наряду с отмеченными особенностями погребальной обрядности в Скворцовском могильнике необходимо подчеркнуть и преемственность прослеженных здесь ритуалов от ямной культуры. Все вышеназванные признаки в устройстве курганов и могильных ям, в позах скелетов и их ориентировке, а также технология гончарства указывают на сохранение ямной культурной линии развития в Самарском Заволжье и на данном этапе. К сказанному следует добавить такие обязательные элементы ямного погребального обряда как использование растительных цыновок для покрытия дна и покрывал, устройство «подушек» под голову умерших, интенсивное использование охры в большинстве случаев. Важно подчеркнуть и тот факт, что сохраняется преемственность в технологии металлопроизводства и в типологии медных изделий, хотя известно не так много находок в сравнении с предшествующим временем, и они не отличаются разнообразием [Моргунова и др., 2010].

Возраст курганов с плоскодонной керамикой Скворцовского могильника по большинству имеющихся ^{14}C дат определяется значениями 3810 ± 70 – 3940 ± 90 BP. Калиброванный интервал возраста, таким образом, находится в пределах от 2600 до 2200 лет BC, а в традиционном представлении (за вычетом из даты BP 1950 лет) – XXII–XIX вв. до н. э.

Скворцовским ^{14}C датам соответствуют ^{14}C даты ряда комплексов с плоскодонной керамикой Самарской области: КМ Гвардейцы II 1/2, 1/6, КМ Журавлиха I, 1/16 и другие (табл. 1, рис. 2). Однако нельзя не отметить, хотя и уступающую численно, группу погребений с плоскодонной керамикой, имеющих ^{14}C возраст, аналогичный памятникам тамар-уткульского времени

(табл. 1, №№ 5, 13-14, 16-17). Если ^{14}C дата № 5 4100 ± 110 ВР из к. 6, п. 1 КМ Скворцовка проверяется другими датами и может считаться удрежденной в результате неточности датирования, то в остальных случаях, ввиду единичности ^{14}C дат для отдельных комплексов, объяснения могут быть различными, и поэтому сами даты нуждаются в проверке.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты памятников позднего (полтавкинского) этапа ямной культуры волжско-уральского междуречья

№ № п/п	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата ВР	Дата ВС 68% калиброванная	Традиционная дата до н. э.	Артефакты
1	КМ Скворцовка 5/4	Ki 16489	кр	3940 ± 70	2500-2300	1990 ± 70	На правом боку. Плоскодонный сосуд, медный нож с отогнутым концом
2	КМ Скворцовка 5/4	ЛЕ 7685	Д	3810 ± 25	2290-2200	1860 ± 25	--«»--
3	КМ Скворцовка 5/1	ЛЕ 8415	кч	3810 ± 40	2560-2130	1860 ± 40	Поза не определена. Безынвентарное
4	КМ Скворцовка 5/3 (нижний скелет)	ЛЕ 7685	кч	4080 ± 60	2860-2500	2130 ± 60	На спине, ноги подогнуты влево. Безынвентарное
5	КМ Скворцовка 6/1	ЛЕ 8583	кч	4100 ± 110	2870-2500	2150 ± 110	На правом боку. Плоскодонный сосуд, медное шило
6	КМ Скворцовка 6/1	Ki 16260	кр	4090 ± 90	2870-2550	2140 ± 90	-- «» --
7	КМ Скворцовка 6/3	ЛЕ 8582	кч	3950 ± 400	3100-1800	2000 ± 400	На правом боку. Безынвентарное
8	КМ Изобильное I 3/1	Ki 14522	д	3920 ± 90	2500-2280	1970 ± 90	На правом боку. Медный нож-кинжал, колеса из глины
9	КМ Калиновка I 1/3	ГИН 11289	кч	4050 ± 40	2700-2500	2100 ± 40	Поза не определена. Плоскодонный сосуд
10	КМ Гвардейцы II 1/2	ГИН 10611	кч	3960 ± 90	2580-2300	2010 ± 40	Поза не определена. Плоскодонный сосуд
11	КМ Гвардейцы II 1/6	ГИН 10613	кч	3960 ± 40	2570-2350	2010 ± 40	На спине, ноги подогнуты вправо. Безынвентарное

12	КМ Журав- лиха I 1/16	ГИН 10614	кч	3990 ± 40	2500–2300	2040 ± 40	На правом боку, скорченно. Плоскодонный сосуд
13	КМ Грачев- ка I 1/2	ГИН 11452	кч	4250 ± 40	3000–2800	2300 ± 40	Скорченно на левом боку. Плоскодонный сосуд
14	КМ Нур I 1/5	АА 47810	кч	4127 ± 59	3000–2600	2177 ± 59	На спине, ноги подогнуты вправо. Плоско- донный сосуд
15	КМ Нур I 1/4	АА 53801	Кч	4009 ± 54	2620–2460	2059 ± 54	Скорченно на левом боку. Плоскодонный сосуд
16	КМ Под- лесный I 3/6	ГИН 13209	д	4190 ± 40	2900–2700	2240 ± 40	Скорченно на правом боку. Плоскодонный сосуд
17	КМ Под- лесный I 3/6	ГИН 13210	д	4110 ± 50	2800–2350	2160 ± 50	Скорченно на правом боку. Плоскодонный сосуд
18	КМ Орлов- ка I 1/1	ЛЕ 7895	кч	3970 ± 130	-	2020 ± 130	На спине, слабо скорченно вле- во. Безы Inventарное.

Примечание: №№ 1, 13–15: Кузнецов, 2007; №№ 2–8: Моргунова и др., 2010; № 9: Сташенков и др., 2006; №№ 10–11: Крамарев и др., 2002; № 12: Кузнецов, Мышкин, 2003; №№ 16–17: Барыкин и др., 2006; № 18: Овчинникова, Фадеев, 2007.

В результате комплексного изучения каждого из курганов в Скворцовском могильнике и их радиоуглеродных определений, полученных в разных лабораториях и по разным материалам, представляется более предпочтительной датировка данного круга памятников в пределах 2600–2200 лет BC (или по традиционной хронологии – XXII–XIX вв. до н. э.). Это заключение подтверждается аналогичными данными по хронологии раннекатакомбных памятников в Калмыкии [Шишлина, 2007] и в Поднепровье [Пустовалов, 2003]. Однако в свете выше приведенных более ранних ¹⁴C дат для комплексов с плоскодонной керамикой необходимо отметить и мнение Э. Кайзер, проанализировавшей ¹⁴C даты катакомбной культуры Поднепровья и пришедшей к выводу о зарождении катакомбного погребального обряда в ямный период, соответствующий калиброванному интервалу от 2800 до 2500 лет BC [Кайзер, 2011. С. 24]. Этот факт требует дальнейшего осмысления, прежде всего в рамках определения достоверности тех или иных радиоуглеродных данных.

Но в любом варианте заключение о более древнем возрасте распространения плоскодонной керамики не может повлиять на наши представления о культурной принадлежности памятников данного периода в Волго-Уралье. Судя по выше отмеченным признакам, свидетельствующим о безусловной преемственности этих памятников с ямной традицией, полагаю, что данный

этап может быть определен как поздний этап развития ямной культуры, для которого можно сохранить название «полтавкинский», историческое содержание которого определяется синхронностью с катакомбной культурой.

Степень взаимодействия ямной и катакомбной культур на данном этапе на территории Волжско-Уральского междуречья была различной. В Нижнем Поволжье эти контакты, видимо, носили достаточно активный и регулярный характер. В районах Самарского Поволжья и в Приуралье влияние раннекатакомбной культуры практически не прослеживается. Что касается такой новации в развитии гончарства как плоскодонность, то обычно ее появление связывают с влиянием катакомбных традиций. Однако, не отрицая влияние последних, следует заметить, что плоское дно с этого времени распространяется очень широко в самых разных культурах СБВ, а затем ПБВ. Другими словами, этот признак можно считать общестадийным. Возможно, что его быстрое распространение в степных культурах связано с возросшей тенденцией к оседлости степного населения.

Вместе с тем следует отметить, что в гончарстве ямного населения на полтавкинском этапе Самарского Поволжья и Приуралья изменения произошли не только в формах сосудов, но и в орнаментальных композициях. Начинают широко использоваться гребенчатые штампы, с помощью которых узоры наносились по всей поверхности сосудов в виде горизонтальной елоч-ки или рядов шагающей гребенки. Но при этом гораздо чаще орнамент наносился в виде фриза по верхней части горловины или тулова (рис. 1–2). Подобная техника постепенно распространилась и на территорию Нижнего Поволжья, проникла в районы Волго-Донского междуречья [Кияшко, Сухо-рукова, 2011]. Данное явление можно связать с активизацией контактов ямного населения с кругом культур волосово-гаринской общности и энеолитическими культурами Зауралья и Западной Сибири [Моргунова, 2010; 2011б].

С более активным проникновением катакомбного субстрата в Самарское Поволжье связывают погребения так называемого «позднеполтавкинского» этапа, в которых наряду с плоскодонными формами сосудов отмечается тенденция перехода от правобочности к левобочности [Ткачев, 2006; Мимоход, 2009–2010]. Это КМ Кутулук Ш 1/2 [Кузьмина, Кузнецов, Семенова, 1999], КМ Покровка 1/2, 4/1, 11/1 [Агапов, Васильев, 1975] и др. В Приуралье таких погребений немного: КМ Медведка 7/1, КМ Болдырево I 2/1, КМ Скворцовка 5/3 (верхний скелет). Население, оставившее данную группу погребений, практически уже утратило ямные традиции погребального ритуала и демонстрирует переходные признаки формирующихся культур позднего бронзового века, таким образом, исключая отмеченные комплексы из ямной культуры.

Подводя итог, необходимо еще раз подчеркнуть, что в зависимости от процедуры анализа фактов могут существенно меняться наши представления об исторической сущности того или иного периода. Если попытаться увидеть за понятием «археологическая культура» не хаотичный набор артефактов, а в динамике проследить устойчивые их признаки, то получается, что памятники так называемого полтавкинского этапа, по сути, отражают прямое продолжение ямных погребальных ритуалов, сохранение прежних принципов жизнеобеспечения (кочевое скотоводство), те же самые технологии и источники сырья в металлургии, а также в гончарстве. Но, в то же вре-

мя, в отличие от развитого периода ямной культуры, на позднем этапе наблюдается тенденция к упадку культуры, к утрате ряда ее культурообразующих признаков.

Литература:

- Агапов С.А., Васильев И.Б. Покровский курганный могильник // Наш край. Вып. II. Том 165. Куйбышев, 1975.
- Барынкин П.П., Зудина В.Н., Крамарев А.И., Салугина Н.П., Цибин В.А., Хохлов А.А. Исследование курганов эпохи бронзы у пос. Подлесный на р. Самаре // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Памяти И.Б. Васильева. Самара, 2006.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
- Кайзер Э. Проблемы абсолютного датирования катакомбной культуры Северного Причерноморья // КСИА. Вып. 225. 2011.
- Качалова Н.К. К вопросу о памятниках полтавкинского типа // АСГЭ. № 5. 1962.
- Качалова Н.К. Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы. Автореф. дисс....канд. ист. наук. Л., 1965.
- Качалова Н.К. О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. № 24. 1983.
- Качалова Н.К., Васильев И.Б. О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья // СА. 1989. № 4.
- Кияшко А.В., Сухорукова Е.П. О волго-донском варианте полтавкинской культуры // КСИА. Вып. 225. 2011.
- Крамарев А.И., Мышкин В.Н., Турецкий М.А. Курганный могильник Гвардейцы II // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара, 2002.
- Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46.
- Кузнецов П.Ф. Полтавкинская культурно-историческая общность. Препринт. Свердловск-Куйбышев, 1989.
- Кузнецов П.Ф. К истокам происхождения полтавкинской культуры // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. Тезисы конференции. Ч. 1. М., 2003.
- Кузнецов П.Ф. Время новых культурных традиций в бронзовом веке Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007.
- Кузнецов П.Ф. Проблемы изучения раннего и среднего бронзового века Самарского Поволжья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV. Самара, 2010.
- Кузнецов П.Ф., Мышкин В.Н. Исследование могильника Журавлиха I // Нижневожский археологический вестник. Волгоград, 2003. Вып. 6.
- Кузьмина О.В., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Раскопки III Кутулукского могильника // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып. 1.
- Крамарев А.И., Мышкин В.Н., Турецкий М.А. Курганный могильник Гвардейцы II // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2002. Вып. 2.

- Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы волжско-уральского междуречья. М., 1974.
- Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье // *Материалы охранных археологических исследований.* Т. 10. М., 2009.
- Мимоход Р.А.* Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // *Донецкий археологический збірник.* № 13/14. 2009–2010.
- Моргунова Н.Л.* К вопросу о полтавкинской культуре // *СА.* 1991. № 4.
- Моргунова Н.Л.* Об абсолютной хронологии развитого этапа ямной культуры (по данным Южного Приуралья) // *Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях.* СПб., 2007.
- Моргунова Н.Л.* К вопросу о синхронизации и культурных связях культур энеолита и раннего бронзового века степного-лесостепного Поволжья и Приуралья с культурами лесной зоны Волго-Камья // *40 лет Средневожской археологической экспедиции.* Самара, 2010.
- Моргунова Н.Л.* Культурная принадлежность и хронология Тамар-Уткульских курганов // *Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда.* Т. 1. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011а.
- Моргунова Н.Л.* Энеолит волжско-уральского междуречья. Оренбург, 2011б.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Кушцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А.* Скворцовский курганный могильник. Оренбург, 2010.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Древнеямная культура на Илеке. Екатеринбург, 1994.
- Обчинникова Н.В., Фадеев В.Г.* Итоги изучения курганного могильника ямной культуры Орловка I // *Самарский край в истории России.* Самара, 2007. Вып. 3.
- Пустовалов С.Ж.* Анализ радиоуглеродных дат из погребений ямной и катакомбной общностей, опубликованных в *Baltic – Pontic Studies*, № 7, (1999) // *Vita antiqua.* № 5–6. Киев, 2003.
- Рысин М.Б.* Связи Кавказа с волго-уральским регионом // *Археологические вести.* № 14. М., 2007.
- Салугина Н.П.* Проблема перехода населения Волго-Уралья от раннего к среднему бронзовому веку (на основе анализа посуды из погребальных комплексов) // *Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы.* Оренбург, 2009.
- Сташенков Д.А., Скарбовенко В.А., Васильева Д.И., Косинцев П.А., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Хохлов А.А.* Калиновский I курганный могильник. Самара, 2006.
- Ткачев В.В.* Культурная принадлежность памятников конца бронзового века в степном Приуралье // *Проблемы изучения ямной культурно-исторической области.* Оренбург, 2006.
- Шишлина Н.И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). М., 2007.

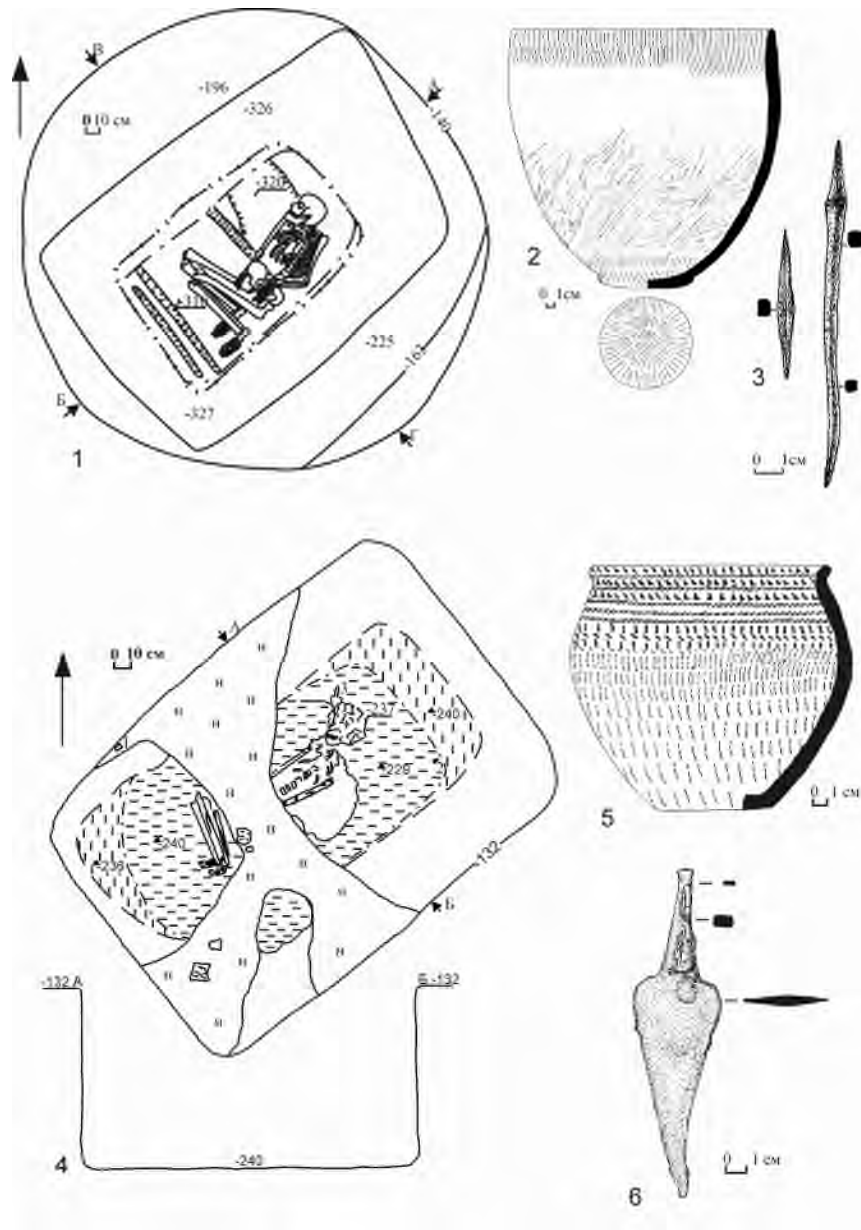

Рис. 1. Скворцовский курганный могильник: 1 – курган 6, погребение 3; 2 – курган 6, погребение 1; 3 – курган 7, погребение 1; 4–6 – курган 5, погребение 4.

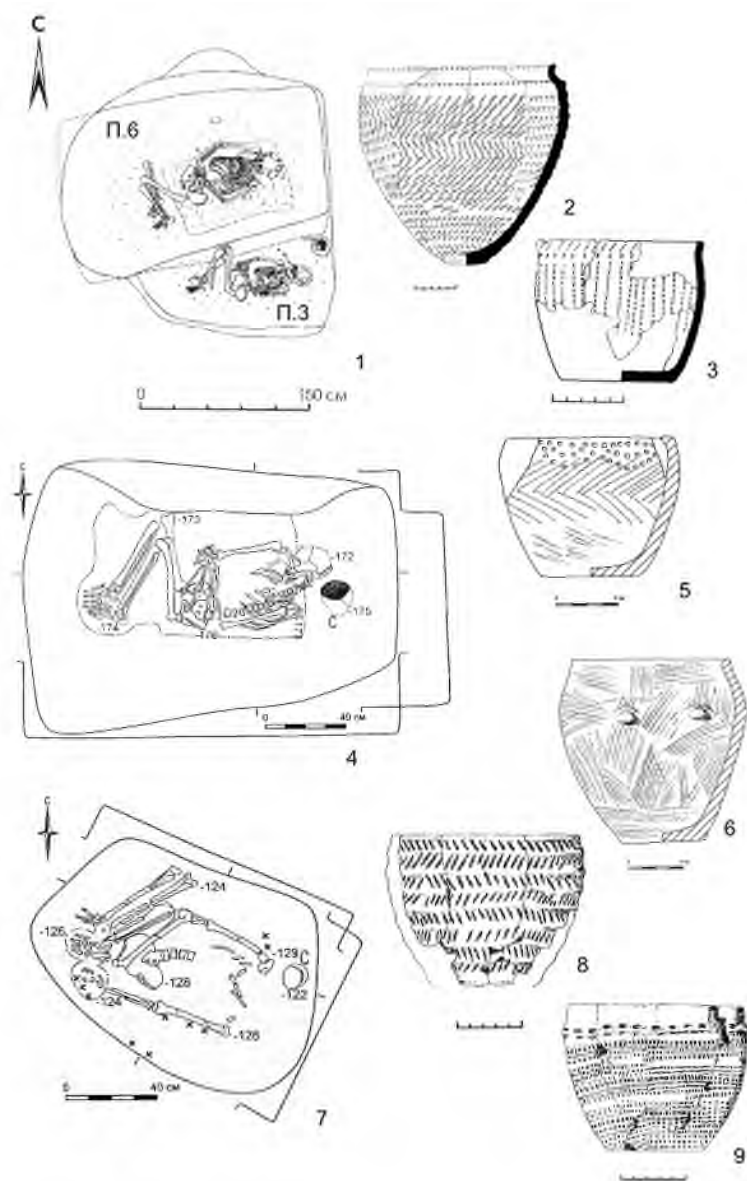

Рис. 2. 1, 3 - КМ Гвардейцы II, курган 1, погребения 3 и 6; 2 - КМ Гвардейцы II, курган 1, сосуд из погребения 2; 4-5 - КМ Подлесный I, курган 3, погребение 6; 6-7 - КМ Подлесный I, курган 3, погребение 7; 8-9 - сосуды из кургана 1, погребения 3 и 6 КМ Калиновский

Наумов И.Н.

**ФАКТОРЫ КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОГО СТЕПНО-ЛЕСОСТЕПНОГО НАСЕЛЕНИЯ
В НЕОЛИТЕ И ПЕРЕХОДНОЕ К ЭПОХЕ БРОНЗЫ ВРЕМЯ**

С древнейших времен и затем на протяжении многих веков люди селились в местах безопасных, достаточно комфортных и, говоря современным языком, богатых «продуктами питания». Так, местоположение неолитических стоянок Нижневолжского региона свидетельствует о том, что долговременное обитание населения в засушливых степях тогда было возможно в основном в долинах малых рек, имеющих свой микроклимат, отличавшийся от окружающей местности повышенным увлажнением и теплообеспечением, и являющихся уникальными по богатству и разнообразию растительного и животного мира [Басовская, 2002. С. 224].

Природно-географический фактор долгое время выступал в качестве основного «естественного ограничителя и регулятора» человеческой жизнедеятельности. Именно он обусловил контакты и взаимодействия степного и лесостепного неолитического населения в связи с подвижкой ландшафтно-климатических зон и остепнением лесостепных районов Волго-Уральского междуречья, вызванных глобальным экологическим кризисом. Это время характеризуется аридизацией климата, охватившей весь юго-восток Русской равнины в первой половине атлантического периода голоцена, максимум которой, характеризующийся как время крупнейшей палеозоокаатастрофы, приходился на последнюю четверть VI тыс. до н. э. [Спиридонова, 1990. С. 145; Спиридонова, 1991. С. 138; Спиридонова, Алешинская, 1999. С. 26].

Это способствовало становлению в степном и лесостепном Урало-Поволжье скотоводческо-конеvodческого хозяйства и развитию его в V тыс. до н. э. в поволжских степях, где складывается древнейший культ лошади. Это отразилось в находках ее костяных фигурок и многочисленных жертвенников из костей и зубов с ритуальными насечками [Юдин, 1995. С. 12]. Причем, судя по находкам наверший булавы на Варфоломеевской стоянке (слой 2А) [Юдин, 2004. С. 81, рис. 55, 1-2], в среде ее населения формировались патриархальные отношения [Даниленко, 1974. С. 104].

При этом в степном и лесостепном Урало-Поволжье, в силу природно-географических условий, преимущественное развитие получили подвижно-скотоводческие формы хозяйства.

Развитие коневодства и смещение скотоводческо-коневодческого очага к западу привели к сложению культа коня [Синюк, 1996. С. 279] также и в культурах мариупольской области.

В дальнейшем экономической основой любого общества и поселений цивилизационного периода становится земледелие, несмотря на то, что успешно могли развиваться скотоводство, ремесла, процветать торговля. Понадобился достаточно большой исторический промежуток времени, чтобы уже социальный фактор стал преобладающим в росте численности населения [Дулина и др., 2013. С. 47], а социальное пространство формировало новые качественные характеристики культурно-хозяйственных взаимодействий.

Литература:

Басовская С.Ю. Изучение возможности рекреационных ресурсов малых рек // Вопросы краеведения. Материалы XI и XII краеведческих чтений. Волгоград, 2002. Вып. 7.

Даниленко В.Н. Энеолит Украины. Этноисторическое исследование. Киев, 1974.

Дулина Н.В., Наумов И.Н., Шаранов Д.Ю. Зарождение городов Нижнего Поволжья (или о социокультурных ресурсах и ограничениях развития региона) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 2 (28): в 2-х ч. Ч. II.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.

Спиридонова Е.А. Природная обстановка голоцена юго-востока Русской равнины // БКИЧП. 1990. № 59.

Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене (верхний палеолит - бронза). М., 1991.

Спиридонова Е.А., Алешиинская А.С. Периодизация неолита-энеолита европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999. № 1.

Юдин А.И. Неолит и энеолит степного Заволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит и степного Поволжья. Саратов, 2004.

Никитин А.П.

ПСАЛИИ КАК ХРОНОИНДИКАТОР В ПОГРЕБЕНИЯХ ЭПОХИ БРОНЗЫ (по памятникам Центрального Черноземья)

Для понимания культурных процессов, протекавших на территории Восточно-Европейской лесостепи при переходе от среднего к позднему этапу бронзового века, крайне важна датировка погребений с дисковидными псалиями. Важность этой категории инвентаря в хронологической атрибуции конкретных археологических памятников велика. В отечественной и зарубежной литературе интерес к предметам конской упряжи с каждым годом все возрастает. В определенной степени, это вызвано разработкой и детализацией хронологии эпохи бронзы евразийских степной и лесостепной зон.

К.Ф. Смирнов в 1961 году предложил датировать костяные дисковидные с шипами псалии XV–XIV вв. до н. э., указав на сходство с псалиями из погребений Микен и с изображениями культур Ближнего Востока [Смирнов, 1961. С. 46–72]. В последней четверти XX века уточненная датировка псалиев была предложена Е.Е. Кузьминой [Смирнов, Кузьмина, 1977; Кузьмина, 1980; Кузьмина, 1994]. Был выделен четкий хронологический репер – находка псалиев с монолитными шипами из 4-ой шахтовой Микенской гробницы, датируемой серединой XVII в. до н. э. Отсюда период бытования данного типа псалиев на территории Восточной Европы отнесен к XVII–XVI вв. до н. э., что до настоящего времени безоговорочно принимается большинством археологов. Однако использование столь четких аналогий не разрешило самой проблемы абсолютной датировки этой категории инвентаря. Разными исследователями были высказаны диаметрально противоположные точки зрения по вопросу о происхождении и развитии этой детали конской упряжи. Так Е.Е. Кузьмина считает, что псалии с монолитными шипами предшествовали псалиям со вставными шипами, а, следовательно, поздний этап доно-волжской абашевской культуры (по А.Д. Пряхину и др.) относится либо ко второй половине XVII в. до н. э., либо к XVI в. до н. э., что омолаживает доно-волжскую абашевскую культуру по сравнению с культурами финала эпохи средней бронзы Волго-Уральского региона. В дальнейшем эта позиция позволила высказать предположение об искусственном характере культуры и привести процессы культурогенеза к сменяемым миграционным волнам с востока. Такой подход позднее позволил А.Т. Синюку предложить концепцию о миграции протоа-

башевского населения на территорию Средней Волги и дальше на Урал и «возврате» абашевского населения с Урала на Дон [Синюк, 1996. С. 206].

Несколько более ранней датировки придерживаются Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых в работе, посвященной проблемам металлургии связанным с сейминско-турбинским транскультурным феноменом [Черных, Кузьминых, 1989]. Сейминско-турбинские бронзы являются ключом к хронологии общностей Евразийской металлургической провинции. Авторы опираются на балкано-микенскую линию привязок, оперируя тем, что кавказская и восточная слабо разработаны и приводят к значительному омоложению. Костяные псалии авторы считают второй ветвью балкано-микенской линии. Время бытования сейминско-турбинского типа определяется XVIII-XVII вв. до н. э. [Черных, Кузьминых, 1989. С. 259].

В 1970 году А.Т. Синюком были обнаружены псалии со вставными шипами в основном погребении кургана 2 Староюрьевского могильника [Пряхин, 1972. С. 233-243]. В дальнейшем именно эти псалии позволили выделить А.Д. Пряхину и В.И. Беседину староюрьевский тип псалиев [Пряхин, Беседин, 2001. С. 33-63]. В 1989 году исследован курган у с. Пичаево. В закрытом комплексе были обнаружены дисковидные псалии со вставными шипами, однако на одном экземпляре было 3 шипа, а на другом 4 [Моисеев, Ефимов, 1995. С. 72-81], что свидетельствовало о синхронности их бытования. Позже, В.И. Бесединым на основе материала из этого кургана была установлена взаимосвязь между псалиями и костяными «лопаточками», а также была предпринята попытка выделения хронологического горизонта рассматриваемых предметов [Беседин, 1995. С. 197-200].

Под руководством И.А. Козмирчука раскопаны уникальные подкурганые погребения воинов-колесничих у с. Филатовка в 1990 году. Раскопки позволили сделать важные стратиграфические и планиграфические наблюдения, но особо важным оказалось наличие дисковидных псалиев с монолитными шипами и вставными [Синюк, Козмирчук, 1995. С. 37-72].

В 2003 году раскопан курган Красный 1, под руководством Ю.П. Матвеева. В кургане обнаружены подпрямоугольные и дисковидные орнаментированные псалии староюрьевского типа [Матвеев, Сафонов, Добрынин, 2005. С. 139-147]. Подпрямоугольные псалии были впоследствии отнесены В.С. Бочкаревым и П.Ф. Кузнецовым к Новоключевскому типу желобчатых псалиев из расколотой пополам кости эпохи поздней бронзы [Бочкарев, Кузнецов, 2010. С. 339]. Это не совсем верно, т. к. технология изготовления подпрямоугольных и дисковидных псалиев – идентична. Данный тип подпрямоугольных псалиев хронологически предшествует появлению собственно «желобчатых» псалиев и связан с покровскими древностями [Бочкарев, Кузнецов, 2010. С. 307].

Анализ всей совокупности дисковидных псалиев позволил А.Д. Пряхину и В.И. Беседину не только выделить несколько типов, но и аргументировано доказать наличие смешанных комплексов, что указывает на их хронологическую одновременность [Пряхин, Беседин, 1998. С. 22-35]. Для Доно-Волжского региона характерны псалии со вставными шипами, для Волго-Уральского – с монолитными. Но при этом авторы стоят на позиции хронологического приоритета доно-волжской абшевской культуры.

Именно сосуществование различных типов псалиев позволяет проследить эволюцию их развития от дисковидных к желобчатым, а затем и к стержневидным. И датировать появление псалиев в Восточной Европе по балкано-микенской линии привязок XVII веком до н. э. Следует отдельно отметить, что все попытки датировки по восточной (китайской) или по южной (кавказкой) линиям привязки до настоящего времени оказались неудачными, так как омолаживают даты на 200–400 лет [Черных, Кузьминых, 1989. С. 320].

Многу был проведен анализ орнаментации псалиев, происходящих с территории Центрального Черноземья. Проведенный корреляционный анализ элементов орнамента (таблица 1) показал определенные связи между различными псалиями, а стало быть, и комплексами. Что немаловажно, здесь также присутствуют и отрицательные связи. Особенно убедительным является то, что элементы погребального обряда, так или иначе, позволяют разделить указанные комплексы хронологически. Особую роль здесь играют погребения Филатовского кургана – погребения 1 и 3 (труположение, вытянуто на спине). В погребении 1 найдены псалии двух типов – со вставными шипами и орнаментированные (староюрьевский тип) и синташтинский тип. Находки псалиев разных типов в одном комплексе, говорят о сосуществовании в определенном периоде времени на рассматриваемых территориях. Необходимо подчеркнуть, что орнаментация псалиев Филатовского кургана имеет отрицательное сходство с орнаментацией псалиев из наиболее южных погребений воинов-колесничих из курганов Кондрашкинский и Красный 1 (положение на левом боку).

В работе, посвященной орнаментации псалиев Верхнего и Среднего Подонья [Никитин, 2013. С. 82–83], было отмечено, что есть устойчивое положительное сходство псалиев как северных, так и южных территорий. С помощью корреляционного анализа были выявлены положительные устойчивые связи между объектами из Филатовского кургана с такими погребениями, как Селезни 2 и Староюрьево, которые в свою очередь имеют устойчивое положительное сходство с псалиями с территории наиболее южного распространения данного типа находок – Кондрашкинский и Красный 1. Связующим звеном в представленной схеме является Пичаевский курган. Орнаментальная композиция псалия имеет наибольшую тесную связь с псалиями из кургана Красный 1 и несколько меньшую с псалиями из курганов Староюрьево и Селезни 2. Стоит сказать, что погребения, являющиеся «средним» звеном из курганов Селезни 2 и Староюрьево являются кенотафами.

Не противоречит вышесказанному и то, что псалии с монолитными шипами (Софьино, Отрожка, Кондрашовка) найдены южнее по сравнению с основным массивом псалиев, где абсолютно преобладают образцы староюрьевского типа (Тамбовская и Липецкая области).

Достаточно тесно связаны с псалиями и погребениями воинов-колесничих так называемые застезки и «лопаточки». Данные предметы были убедительно связаны именно с погребениями такого рода, и именно в рассматриваемом хронологическом горизонте [Беседин, 1995. С. 197–200]. Отметим, что находки данного рода характерны для территорий Верхнего Подонья, т. е. для наиболее северных. «Лопаточки» найдены в погребениях

Власовского, Пепкинского, Липецкого второго, Кондрашовского курганов, а застезки известны по погребениям из Филатовского, Пепкинского, Селезни 2, Липецкого второго курганов.

Перечисленные факты позволяют проследить южный импульс распространения колесничной культуры (без обращения к дискуссии о западном или восточном направлении) и наглядно демонстрируют возможности псалиев в качестве хроноиндикаторов.

Литература:

- Беседин В.И.* О хронологии Пепкинского кургана // РА. 1995. № 3.
- Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф.* Желобчатые псалии эпохи поздней бронзы евразийских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург-Самара-Донецк, 2010.
- Кузьмина Е.Е., Смирнов К.Ф.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Кузьмина Е.Е.* Еще раз о дисковидных псалиях евразийских степей // КСИА. 1980. Вып. 161.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? (Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев). М., 1994.
- Матвеев Ю.П., Сафонов И.Е., Добрынин А.В.* Исследования кургана эпохи бронзы в могильнике Красный 1 // Пастушеские скотоводы Восточноевропейской Степи и Лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации). Серия «Археология Восточноевропейской Лесостепи». Воронеж, 2005. Вып. 19.
- Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю.* Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара, 1995.
- Никитин А.П.* Орнаментация псалиев староюрьевского типа с территории Верхнего и Среднего Дона // «Новые материалы и методы археологического исследования: Тезисы докладов научной конференции молодых ученых». Москва, 19–21 марта 2013 г. М., 2013.
- Пряхин А.Д.* Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // СА. 1972. № 3.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И.* Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи // Доно-волжская абашевская культура. Воронеж, 2001.
- Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
- Синюк А.Т., Козмирчук И.А.* Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995.
- Смирнов К.Ф.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. № 1.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древнейшая металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

Таблица 1. Корреляционная матрица орнаментации псалиев дисковидного типа на основе единой таблицы мотивов-композиций

	Староюрьево, 2, п.1	Богоявленский, 1	Филатовский, п.2	Филатовский, п. 3	Селезни-2, п. 1	Селезни-2, п. 3	Селезни-2, п. 4 (сегментированные)	Селезни-2, п. 4 (восмеркообразные)	Кондрашкинский, п. 1	Пичаевский, п. 1	Красный 1, п. 2	Селезни 1, п.2.
Староюрьево, 2, п. 1		0,10	0,28	-0,14	0,04	0,10	-0,06	0,09	0,28	0,15	0,28	0,26
Богоявленский, п. 1			-0,14	-0,10	-0,14	-0,12	0,10	0,25	0,19	0,10	0,19	-0,01
Филатовский, п. 1				-0,11	0,13	0,19	-0,21	-0,15	-0,17	0,04	0,13	0,10
Филатовский, п. 3					0,28	-0,10	0,19	-0,10	-0,11	-0,14	-0,11	-0,16
Селезни-2, п. 1						-0,14	0,04	-0,13	-0,17	0,04	-0,17	-0,07
Селезни-2, п. 3							0,10	-0,13	-0,14	0,10	0,52	0,36
Селезни-2, п. 4 (сегментированные)								0,09	0,04	0,15	0,28	-0,16
Селезни-2, п. 4 (восмеркообразные)									0,18	0,09	0,18	-0,02
Кондрашкинский, п. 1										0,04	0,13	0,26
Пичаевский, п. 1											0,28	-0,02
Красный 1, п. 2												0,10
Селезни 1, п. 2.												

1,00 – устойчивое положительное сходство объектов; 0 – независимые объекты; -1,00 – отрицательный уровень сходства

Панасюк Н.В.

К ВОПРОСУ О КЕРАМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ КАТАКОМБНЫХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ВОЛГО-ДОНЬЯ

Катакомбные памятники Волго-Донского междуречья представляют собой смешение различных культурных традиций соседствующих регионов. Очевидно, что это была зона культурных контактов, которые происходили здесь, начиная с раннекатакомбного периода. Самым ярким отражением этих процессов является состав и характер керамического комплекса, который предстает сложным и многокомпонентным. Многие исследователи неоднократно указывали на трудности классификации и культурной интерпретации катакомбной керамической коллекции в регионе, включающей формы и способы декорирования донецкой, среднедонской, маньчурской, волгодонской посуды [Братченко, 1976; Кияшко, 1999; Федосов, Сухорукова, 2009]. Причем морфология сосудов не столь изменчива, более показательны различия в орнаментальных композициях. На данной территории довольно четко выделяются две группы декоративных мотивов: шнуровые оттиски и гребенчатая «елочная» орнаментация. Это в полной мере отражается и на курильницах. Курильницы волго-донского междуречья менее многочисленны, но более разнообразны по сравнению с южными территориями. Одна из главных проблем – культурная атрибуция, что затрудняет построение типологических и вытекающих из них хронологических схем.

Специфическая форма ритуальной посуды – курильница – начинает использоваться в Волго-Донском междуречье еще в преддонецкое время, находка такой чаши в погребении 5 кургана 3 могильника Золотой в Хвалынском районе Саратовской области является на сегодняшний день самой северной и самой ранней находкой на данной территории [Мимоход, 2009]. Данная находка уникальна: и по своей форме, включающей чашу без отделения и каркасную квадратную ножку, и по декору, состоящему из жемчужных налепов, которые практически неизвестны для курильниц, и вообще довольно редки на катакомбной керамике раннего этапа. В дальнейшем здесь получают развитие местные варианты катакомбных культур, в погребальных памятниках которых обнаружены курильницы своеобразных форм и со специфичной орнаментацией. Большинство курильниц встречено в погребальных памятниках среднедонской катакомбной культуры, однако за последние

два-три десятилетия археологических исследований стали известны и ритуальные чаши волго-донской катакомбной культуры [Малов, Филипченко, 1995; Федосов, 2011].

В целом, катакомбное население Волго-Донского междуречья изготавливало ритуальные чаши «стандартных» форм, в большинстве случаев это сосуды с отделением на крестовидной монолитной или полый ножке, иногда ножка представляет собой полый квадратный поддон. Характерной чертой катакомбной керамики является гребенчатый орнамент, покрывающий всю поверхность сосуда горизонтальными рядами. Такая композиция часто использовалась и для украшения курительниц. Другой частый вид орнаментации – шнуровые оттиски, что, видимо, является заимствованием от донецких и маньчжских изделий. Местной чертой является композиция из горизонтальных линий, это отличает чаши Волго-Донского междуречья от сосудов соседних регионов.

Типологический анализ позволяет выделить две основных группы курительниц, различающихся по способу орнаментации и композиции, что может служить критерием культурной атрибуции погребений, где эти чаши обнаружены.

Курительницы среднедонской катакомбной культуры обладают ярко выраженным своеобразием в композиционном плане и насыщенности зон орнаментации, а также отдельными морфологическими деталями. На данной территории представлена лишь часть типов, выделенных для ритуальных чаш катакомбных культур:

Тип I – чаша на цельном крестовидном поддоне. Высота поддона у этих курительниц заметно меньше, чем, к примеру, у восточноманьчжских экземпляров: соотношение диаметра чаши и высоты поддона у среднедонских сосудов 6:1 против 4:1 изделий ВМКК. Способы декора и композиция предстают в следующих вариантах:

- с линейным орнаментом, покрывающим всю боковую поверхность курительницы, включая ножки и срез венчика чаши и отделения, нанесенным оттисками штампа в сочетании со шнуром (вариант А) или в изолированном виде (вариант Б);

- с линейным орнаментом на боковой поверхности чаши и ножек, нанесенным оттисками шнура и различных видов штампа;

Тип II – чаша на крестовидном полом поддоне, орнаментированная по срезу венчика, боковой поверхности чаши и ножек с помощью оттисков шнура и насечек. Такая чаша мне известна в единственном экземпляре – из Павловского могильника 43/4 [Синюк, 1978]. Характерно, что эта чаша вообще уникальна, так как изготовлена она в другой традиции лепки ножек, нежели это было известно для восточноманьчжских курительниц. В данном случае ножки лепились отдельно и затем соединялись крестовидным поддоном, образуя каркасную конструкцию, подобную курительнице из уже упоминавшегося могильника Золотого 5/3. Отделение в курительнице треугольной формы и очень массивное. Орнамент также необычен: традиционная зональная шнуровая орнаментация дополняется рельефными насечками по краю под-

дона и внешней стороне венчика, что, вероятно, также сближает ее с чашей из Золотого*.

Тип III – курильница на крестовидном поддоне с отверстиями. Характер изготовления этих отверстий и их форма также отражают своеобразие среднедонской традиции. Эти отверстия очень небольшого диаметра, не более 0,5 см, число их варьирует от одного до четырех (причем случаев одного отверстия больше), проделаны они в месте стыка чаши и ножки или в верхней трети ножки. Орнамент на сосудах за одним исключением покрывает всю поверхность чаши и ножек, иногда включая и внутреннюю часть чаши. Выделяется три способа декорирования: 1) оттиски шнура, которые могут быть дополнены различными видами штампа (круглый или спираль); 2) сочетание шнуровых оттисков на чаше и зубчатого штампа на боковой поверхности ножек; 3) орнамент зубчатым штампом.

Тип IV – чаша на трехлепестковом поддоне. Подобные курильницы вообще довольно редки. Таких чаш на исследуемой территории мне известно лишь три экземпляра, причем все они выглядят подражением ритуальным сосудам западноманьчской катакомбной культуры – единственной, где зафиксирована представительная серия таких курильниц [Панасюк, 2012]. Кстати, среднедонские экземпляры были обнаружены в могильниках правобережного Нижнего Подонья [Клепиков, 1984; Прохорова, 1999; Скрипкин, 1972], что подтверждает факт влияния. Однако, если курильница из могильника Нижнегнутов I 3/1 по своей морфологии и декору полностью идентична маньчским образцам, т. е. имеет шнуровую орнаментацию, образующую симметричную четырехчастную композицию по всей поверхности, то чаша из могильника Головка IV п. 13, имея трехлепестковую ножку, лишена отделения и украшена типично среднедонским орнаментом – гребенчатый орнамент покрывает всю боковую поверхность чаши и ножек, оставляя свободной нижнюю плоскость поддона [Прохорова, 1999]. Самой необычной выглядит курильница из могильника Нехаевский 5/2 [Скрипкин, 1972]. Она имеет полый трехлепестковый поддон и покрыта по всей поверхности ногтевыми оттисками, образующими вертикальные линии. В совокупности эти детали дают совершенно уникальный образец ритуальной чаши, однако все эти черты присутствуют, в той или иной мере, в маньчских памятниках, что может свидетельствовать о заимствовании.

Тип VI – чаша на отдельных ножках, расположенных в центре дна с декором только на боковой поверхности в виде горизонтальных линий из оттисков шнура;

Тип IX – чаша (в одном случае квадратная) на полном квадратном поддоне:
– украшенная по всей боковой поверхности оттисками шнура (вариант А) или зубчатого штампа (вариант Б);
– с несложным орнаментом на боковой поверхности, включая срез венчика, выполненным оттисками шнура или насечками.

* Кстати, погребальный обряд захоронения позволяет предположить относительно раннее время его совершения, так как погребение было основным в кургане, и умерший располагался в яме, перекрытой деревянными плахами. В могиле был зафиксирован деревянный настил и значительное количество охры [Синюк, 1978].

Хотелось бы обратить внимание на неправомерность, по моему мнению, сопоставления данного типа чаш с аналогичными по морфологическим признакам курильницами суворовской катакомбной культуры [Федосов, 2011]. Композиция и способ орнаментации среднедонских и верхнекубанских чаш, при всем сходстве формы, очень сильно разнятся, в отличие от Прикубанья [Панасюк, 2013], в Нижнем Подонье чаши имеют богатую и специфическую орнаментацию, которая в целом характерна для данной территории и в равной степени представлена и на курильницах типа I (на крестовидной ножке). Нельзя согласиться и с выводом о наиболее позднем бытовании подобных курильниц в Верхнем Прикубанье, так как они предшествуют типам, характерным для батуринской культуры [Нечитайло, 1978; Клещенко, 2013].

Тип X – чаша на монолитном круглом поддоне, украшенная по срезу венчика, боковой поверхности чаши и ножек оттисками шнура. Такая курильница известна в единственном экземпляре на данной территории, много их обнаружено и в соседних регионах. Везде они маркируют поздний горизонт существования культуры. Чаша из Первого Власовского могильника 1/4 несет в себе черты, присущие среднедонскому способу орнаментации. Она не имеет отделения и украшена по всей боковой поверхности горизонтальными на чаше и вертикальными на ножке оттисками шнура [Синюк, Матвеев, 2007. Рис. 11].

Анализ погребального обряда среднедонских захоронений, где помещались курильницы, позволяет выявить некоторые закономерности. Так, в большей части погребений с курильницами костяки располагались на правом боку и были ориентированы преимущественно в южный сектор. Сами погребальные конструкции представляют собой катакомбы. Что касается инвентарного набора, то ритуальные чаши по большей части являются единственной вещью в захоронении. Иногда вместе с курильницами помещались горшки, находки металлических изделий (ножей) единичны. Последнее резко отличает погребальный обряд среднедонских катакомбных захоронений от восточноманычских, где распространено совместное нахождение курильниц и бронзовых изделий (ножей и шильев) [Андреева, 2004].

Ряд погребений с курильницами в волго-донском междуречье существенно отличается от типичных среднедонских захоронений. Речь идет о погребениях в простых ямах или ямах с подбоями, где умершие располагаются скорченно на левом боку, в редких случаях на спине или на правом боку. Такие памятники выделяются в специфичную волго-донскую катакомбную культуру [Кияшко, 1999]. Трудность идентификации волго-донских погребений заключается в слабой выраженности отличий в сопроводительном наборе – указывается лишь на большую «стройность пропорций керамики, украшенной елочным орнаментом; бронзовые клинки с расширяющимся к острию лезвием; находки терочников» [Кияшко, 1996. С. 23], а также близость донецким способам декора [Мельник, 1989]. Столь же сложно выделить специфичные черты волго-донских курильниц. Количество очень немногочисленно – не более десятка. Однако расположены они довольно компактно в могильниках, исследованных в районе, ограниченном течением рек Волги, Иловли и Медведицы. В большинстве случаев это чаши на крестовидной монолитной ножке, с отделением, т. е. морфологически они не отличаются от классических форм. Однако

обращает на себя внимание соотношение основных пропорций – высоты ножек и диаметра чаши. Здесь также наблюдается тенденция к большей стройности ножек, что, как уже указывалось, нехарактерно для среднедонских ритуальных чаш, но свойственно маньчским находкам. Отличием чаш является их массивность, при небольшом диаметре они имеют толстые массивные стенки. Отделения в чашах, в случае их наличия, также достаточно массивны, чаще треугольной формы. Показательно, что у некоторых курильниц внутри отделения, или по внешним сторонам от него, проделаны отверстия – черта, наблюдаемая у раннекатакомбных курильниц, причем в случае с последними эти отверстия «заменяют» само отделение [Панасюк, 2010]. Диапазон волгодонских типов гораздо меньший, чем в других культурах, но позволяет выделить некоторые специфические черты.

Самый распространенный *тип I*, представленный, пожалуй, во всех катакомбных культурах. Как уже было отмечено, для волгодонских курильниц фиксируется тенденция к большей высоте ножек, массивности отделения. По способу декора и композиции можно выделить:

- орнамент по всей боковой поверхности чаши и ножек, нанесенный оттисками шнура, иногда дополненный насечками;
- горизонтальный гребенчатый орнамент по боковой поверхности чаши и ножек, а также внутри чаши (Вертячий 7/16);
- декор точками или насечками по верхней части боковой поверхности чаши.

К этому же типу отнесена и курильница из могильника Орешкин I 19/2, которая имеет квадратную монолитную ножку. Однако то, как она изготовлена, позволяет предположить, что при изготовлении этой чаши стремились создать именно крестовидную форму – сбоку ножка имеет вдавления, имитирующие отдельные ножки, а квадратная основа также неровная и скорее похожа четырехлепестковую форму [Дьяченко, 1990].

Тип II – чаша на полом крестовидном поддоне, украшенная горизонтальными шнуровыми оттисками по всей боковой поверхности чаши и ножек. Примечательно, что такая курильница, имеющая ножку, приближающуюся к каркасному типу поддона – черта, которая фиксируется на северо-восточной границе распространения традиции использования курильниц в погребальном обряде, происходит из Саратовского Заволжья (Сухая Саратовка I 1/6).

Тип XI – чаша на круглом полом поддоне. Один из самых немногочисленных типов в целом. В Волго-Донском междуречье данный тип представлен единственной находкой из могильника Орешкин I 4/3. Чаша без отделения имеет мощный венчик с выделенными закраинами и украшена горизонтальными линиями многорядного шнура. Обращает на себя внимание тот факт, что аналогичные по морфологическим признакам восточноманьчские курильницы вовсе не имеют орнамента, а ножки у них более приземистые и менее массивные.

Завершая типологический анализ известных катакомбных ритуальных чаш Волго-Донского междуречья, хочется еще раз подчеркнуть своеобразие их форм и специфику декоративных мотивов. Невыразительность обозначенных отличий между среднедонскими и волгодонскими курильницами

является, на мой взгляд, свидетельством тесных контактов и взаимодействия между носителями этих культур. Несмотря на отличия в форме погребальных сооружений, керамика сохраняет много сходных черт, хотя очевидно свидетельствует и об активных заимствованиях традиций декора и лепки сосудов у носителей соседствовавших культур региона.

Литература:

Андреева М.В. Курильницы, ножи и шилья в контексте погребальных памятников восточноманычской катакомбной культуры // Проблемы первобытной археологии Евразии. Сб. к 75-летию А.А. Формозова. М., 2004.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.

Дьяченко А.Н. Отчет об исследованиях курганного могильника Орешкин I-90 в Михайловском районе Волгоградской области в 1990 г. Архив ИА РАН, № 15167, 15168.

Кияшко А.В. К вопросу о культурной преемственности в эпоху средней бронзы на территории Волго-Донского междуречья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996.

Кияшко А.В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.

Клепиков В.М. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства II очереди Фроловской оросительной системы у х. Ветютнев Фроловского района Волгоградской области. Архив ИА РАН, № 15852, 15853.

Клещенко А.А. Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика // КСИА, № 227. В печати.

Малов Н.М., Филипченко В.В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. № 4. Спб., 1995.

Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. Материалы охранных археологических исследований. Т. 10. М., 2009.

Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.

Панасюк Н.В. Катакомбные курительницы долины Кубани // Шестая Кубанская археологическая конференция. В печати.

Панасюк Н.В. Раннекатакомбные курительницы степного Предкавказья // Российская археология. 2010. № 2.

Панасюк Н.В. Региональные особенности катакомбных курительниц // Проблеми дослідження пам'яток археології східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. Луганськ, 2012.

Прохорова Т.А. Отчет о раскопках курганов на северной окраине х. Головка Белокалитвенского района Ростовской области в 1999 г. Архив ИА РАН, № 22087, 22088.

Синюк А.Т., Матвеев Ю.П. Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов). Воронеж, 2007.

Синюк А.Т. Отчет к открытому листу № 239 о раскопках курганов в Павловском и Кантемировском районах Воронежской области в 1978 г. Архив ИА РАН, № 7286, 7286 а.

Скрипкин А.С. Раскопки Нехаевского курганного могильника. Архив ИА РАН, № 3989, 3989 а.

Федосов М.Ю., Сухорукова Е.П. Сравнительный анализ керамического комплекса волго-донской культуры и памятников восточной периферии донецкой катакомбной культуры // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2009. Вып. 13.

Федосов М.Ю. Курильницы в памятниках среднедонской катакомбной культуры // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2011. Вып. 14.

Ставицкий В.В.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИКАСПИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Прикаспийская культура была выделена А.Н. Мелентьевым на основе подъемных сборов с ряда донных разветвленных стоянок, расположенных на территории Северного Прикаспия, для которых была характерна кварцитовая индустрия [Мелентьев, 1976]. Причем первоначально к прикаспийской культуре были отнесены и стоянки, позднее выделенные в хвалынскую и репинскую культуры, для которых также был характерен кварцитовый инвентарь. Впоследствии, материальный комплекс прикаспийской культуры был уточнен И.Б. Васильевым, который отнес к ней стоянки с воротничковой плоскодонной керамикой, украшенной оттисками гребенчатого штампа в виде «шагающей гребенки», образующей сложные узоры, обведенные прорезанными линиями [Васильев, 1981. С. 14]. Практически все стоянки прикаспийской культуры представлены памятниками с незначительным количеством керамики. Обычно это развалы двух-трех сосудов, плюс несколько десятков отдельных фрагментов, поэтому исследователями до сих пор не выделен комплекс материалов, который можно было бы считать эталонным. Между тем, таким памятником, на наш взгляд, является Съезженский могильник, воротничковая керамика которого по всем основным параметрам соответствует прикаспийской. Совпадения наблюдаются по примесям, обработке внешней и внутренней поверхности, форме сосудов, преобладанию гребенчатого орнамента, обычно образующего сложные композиции из оттисков «шагающей гребенки». Описание характерных черт прикаспийской и съезженской воротничковой керамики в книге по энеолиту Поволжья И.Б. Васильева идентичны настолько, что их можно поменять местами [Васильев, 1981. С. 8 и 14]. Впрочем, одно небольшое отличие есть: на ряде съезженских сосудов присутствует поясок ямок под венчиком. Но достаточно ли одного отличия, чтобы признать данные материалы разнокультурными?

Значительно больше различий имеется между съезженской керамикой и посудой самарской культуры, поскольку для последней съезженско-прикаспийская система орнаментации абсолютно не характерна, как и поясок ямок под венчиком. Сложная меандровая орнаментация присутствует только в небольшой коллекции керамики стоянки Виловатое, которая явно попала на этот памятник в результате контактов с носителями съезженской

посуды. На наш взгляд, происхождение самарской культуры не связано с непосредственным развитием съезженских традиций, поскольку на раннем этапе развития съезженско-прикаспийских древностей их контакты с неолитическим населением бассейна р. Самары носили крайне ограниченный характер. Судя по радиоуглеродной хронологии, на р. Самаре и к северу от нее отсутствуют воротничковые комплексы, синхронные Съезженскому могильнику и памятникам раннего этапа прикаспийской культуры [Моргунова, 2011. С. 183–184]. Данный факт подтверждается и обликом воротничковой керамики самарской культуры, в котором проявляются синкретические признаки, характерные, как для прикаспийской, так и для хвалынской культур. Судя по всему, только после того как хвалынское и съезженско-прикаспийское население, в результате взаимных контактов на территории степной зоны, выработало единые керамические традиции, их носители начинают оказывать влияние на неолитическое население бассейна р. Самары. Данный процесс наглядно иллюстрируют материалы поселения Лебяжинка 1 [Барынкин, Козин, 1995], воротничковая керамика которого сочетает в себе признаки, характерные, как для съезженско-прикаспийской (воротничковые венчики, которые И.Б. Васильев называл «копьевидными», узоры из оттисков «шагающей гребенки»), так и для хвалынской (общая система орнаментации, широкозубые штампы, круглодонность и т. д.) традиций. Не съезженские, и не хвалынские, а именно лебяжинские признаки находят свое продолжение в развитии керамических традиций самарской культуры. В этом легко убедиться, если сравнить керамику ивановского типа с посудой Хвалынского и Съезженского могильников, от которых она отличается либо орнаментацией, либо формой венчиков [Васильев, 1981. С. 89–91, 100, 104].

Помимо Лебяжинки 1 синкретический характер имеет комплекс керамики стоянки Озинки 2 [Лопатин, 1989. С. 139, рис. 3], для которого характерны воротничковые «копьевидные» венчики, округлые днища, использование широкозубого и веревочного штампа, при отсутствии сложных узоров из оттисков «шагающей гребенки». О более поздней хронологии данного памятника свидетельствует и присутствие здесь двустороннеобработанных наконечников стрел, которые в материалах Съезженского могильника и на ранних памятниках прикаспийской культуры не известны. К этому же типу памятников, видимо, относится и Кузнецово 1, исследованное Н.М. Маловым [Малов, 2008. С. 111, рис 4].

Не имеет прямого отношения к съезженско-прикаспийскому типу памятников и материалы поселения Лебяжинка 3, керамика которого украшена оттисками «шагающей гребенки», однако форма сосудов и композиции орнамента здесь другие. Кроме того, каменная индустрия этого поселения носит отщеповый, а не пластинчатый характер [Овчиникова, 1995]. К тому же, по радиоуглеродной хронологии лебяжинские материалы моложе съезженских и прикаспийских на 800–900 лет [Моргунова, 2011. С. 55, табл. 1].

Произведенная перегруппировка съезженско-прикаспийских памятников позволяет с новых позиций подойти к решению проблемы происхождения прикаспийской культуры. В свое время А.И. Юдиным была разработана гипотеза автохтонного формирования прикаспийских древностей на основе памятников орловской культуры, на которые оказали воздействие средне-

волжские неолитические племена с гребенчато-накольчатой керамикой. Суть данной гипотезы заключается в том, что в слое 2А Варфоломеевской стоянки имеется ряд артефактов (венчики с воротничковым утолщением, орудия на широких пластинах, сверленная булава, подвески из зубов оленя, пронизки из раковин, костяные фигурки животных и бусы, медная пластина с отверстиями, шлифованные тесла и долота и др.), находящих близкие аналогии в мариупольских древностях, при наличии несомненной преемственности керамики и каменных орудий с материалами нижележащего слоя 2Б. По мнению А.И. Юдина вероятность подобного выборочного заимствования мариупольских традиций крайне мала, следовательно, все они были выработаны местным населением, что свидетельствует об автохтонном происхождении заволжских памятников прикаспийской культуры [Юдин, 1998. С. 99–104].

Однако далеко не все из перечисленных артефактов можно отнести к разряду специфически мариупольских. Достаточно широко представлены на памятниках других культур находки бус, раковинные пронизки, подвески из зубов оленя, каменные шлифованные тесла и долота. К тому же, форма приземистых варфоломеевских тесел более характерна для хвалынской индустрии, а в материалах Съезженского могильника, подобные пропорции зафиксированы всего у одного тесла, имеющего подъемное происхождение. Весьма отдаленное сходство с мариупольскими изделиями имеет сверленная булава. Кроме того, в Поволжье находки подобных орудий восходят еще к эпохе неолита [Васильев, Выборнов, 1988. С. 73], тогда как среди достоверных находок, связанных с мариупольскими памятниками, известна всего одна булава, найденная в Никольском могильнике. Еще в домариупольское время получает развитие и процесс укрупнения пластинчатых заготовок [Цыбрий, 2005. С. 9]. К тому же укрупнение пластин в верхних слоях Варфоломеевки в основном связано с освоением кварцитового сырья, а кварцитовые орудия, в силу своей большей хрупкости и из-за меньшей экономии сырья, всегда изготавливались крупнее кремневых.

Безусловно, мариупольскими проявлениями традиционно считаются костяные фигурки животных, но на Раздорской стоянке, подобные фигурки зафиксированы уже во втором слое, когда на венчиках сосудов еще не появились воротничковых утолщений, а в орнаментации керамики преобладали накольчатые элементы, т. е. в домариупольское время. Не связаны с воротничковой керамикой и фигурки лошадей, найденные на Варфоломеевской стоянке в слое 2А, следовательно, они синхронны раздорским фигуркам, а не съезженским. Вполне возможно, что традиции изготовления подобных фигурок складываются именно на территории Волго-Донского региона. Поскольку в Поволжье они являются одной из обязательных категорий погребального инвентаря, а также встречаются в культурных слоях ряда стоянок [Васильев, 1981]. В то время как на памятниках азово-днепровской культуры единственная находка подобной фигурки обнаружена в Мариупольском могильнике, материалы которого, по мнению Н.С. Котовой [2002. С. 26–27], следует относить к нижнедонской культуре.

Таким образом, тезис А.И. Юдина о невозможности выборочного заимствования целого комплекса мариупольских признаков представляется нам недостаточно обоснованным, поскольку комплексного заимствования на стоянке

не было. Бесспорно мариупольский (прикаспийский), облик имеют только два фрагмента воротничковых венчиков, украшенных оттисками гребенчатого штампа, плюс несколько фрагментов сосуда с гребенчатыми отпечатками, обведенных прочерченными линиями, которые, видимо, попали на стоянку не в период формирования прикаспийских древностей, а значительно позже. Поскольку никаких других признаков прикаспийской культуры остальной комплекс керамики верхнего слоя Варфоломеевской стоянки не содержит. Помимо трех названных сосудов остальная керамика практически ничем не отличается от накольчатой посуды слоя 2А. Таким образом, здесь наблюдается не трансформация местной культуры, а ее дальнейшее развитие.

Видимо, в Заволжье происходит сложение не всего комплекса мариупольских признаков, а только отдельных элементов, которые впоследствии органично вписались в культуру, пришедших сюда носителей мариупольских традиций. Заслуживает внимания и тот факт, что появление внешних воротничков в Поволжье практически совпадает по времени с распространением гребенчатого орнамента [Юдин, 1998]. Резкое увеличение доли гребенчатого штампа происходит с появлением воротничков и в третьем слое Раздорской стоянки [Кияшко, 1994. С. 27–28]. По мнению большинства исследователей гребенчатые традиции орнаментации заимствуются нижеволжскими и нижедонскими племенами от неолитического населения Самарского Заволжья или даже Прикамья [Котова, 1984; Юдин, 1995; Васильев, 1981]. Но по справедливому замечанию А.И. Юдина орловская культура продолжительное время оказывала значительное влияние на население волгоуральской (средневожской) культуры и при этом была абсолютно не восприимчива к воздействию, шедшему с севера [Юдин, 2000]. Что же, в таком случае, могло произойти с ней в позднем неолите, что так радикально изменило направление культурных связей? К тому же, судя по радиоуглеродной хронологии, гребенчатая орнаментация появляется в прикаспийской культуре значительно раньше, чем в средневожской. На сегодняшний день наиболее ранние даты по средневожской неолитической керамике, украшенной длинным гребенчатым штампом известны со стоянки Лебяжинка 4: 5420 ± 80 и 5360 ± 90 [Выборнов, 2008. С. 342, табл. 1]. А.А. Выборнов полагает, что источником заимствования этого орнамента могла послужить камская керамика стоянки Зиарат 1 (6110 ± 80), или стоянки Подлесное 3 (6110 ± 80) [Выборнов, 2008. С. 137], но их возраст тоже моложе прикаспийской гребенчатой керамики. Получается, что гребенчатая керамика в средневожской культуре могла появиться в результате влияния прикаспийской культуры, но никак не наоборот.

В одной из статей А.И. Юдиным [2008] была предпринята попытка доказать, что время формирования верхнего слоя Варфоломеевской стоянки приходится на время сложения прикаспийских древностей, начальный этап существования которых по радиоуглеродной хронологии относится к периоду 6880–6790 ВР [Выборнов, 2008. С. 240, табл. 1]. Обосновывая данный тезис, А.И. Юдин привлек 10 дат, полученных в Киевской лаборатории по керамике Варфоломеевки из слоя 2А и 2Б. При этом им не было указано, что эти даты происходят от 6 образцов, по которым было выполнено 12 определений, между тем учет данного обстоятельства несколько меняет реальную хронологию стоянки. Обращаясь к ее анализу, необходимо отметить, что стратиграфия Варфоломеевки весьма существенно нарушена жилищными сооружениями слоя

2А, при рытье котлованов которых, часть более ранних материалов попала в выше лежащие слои [Юдин, 2004. С. 18]. Видимо, этим обстоятельством, частично объясняются близкие радиоуглеродные даты находок керамики из слоев 2Б и 2А, которые блики к датам накольчатой и прочерченной керамики 3-го слоя. Отбор образцов керамики для датирования осуществлялся не на раскопе, а значительно позже из фондовой коллекции, без учета информации, как они залегали: *in situ* или в переотложенном состоянии. Следует отметить, что первоначальное датирование, произведенное по скоплениям органики, отобранной непосредственно при раскопках, показало довольно существенную разницу в хронологии данных слоев, доходящую до 600 лет [Юдин, 2004. С. 146–148], но значительная измерительная погрешность этих дат (до 200 и более лет), к сожалению, затрудняет их использование.

Одним минусом датирования по керамике является разброс дат, выполненных по одному и тому же сосуду, причина которого исследователям пока не ясна. Поэтому большего доверия заслуживают образцы, не имеющие большого разброса, продатированные дважды или трижды. По слою 2Б продатированы три образца, по которым получены 4 даты. Все они уложились в интервал в 300 лет: 7280–6980 ВР, что свидетельствует в пользу их достоверности. При этом нижняя граница этого интервала практически совпадает с датировкой прочерченной и накольчатой керамики 3-го слоя Варфоломеевки (7250–7080 ВР), хотя его материалы обладают рядом типологических отличий, как по керамике, так и по кремню. Следовательно, более вероятными для слоя 2Б являются верхние значения, полученных дат, что подтверждается радиоуглеродными датами из 2-го слоя стоянки Джангар, которая имеет более надежную стратиграфию. Джангарские материалы 2-го слоя по ряду параметров близки керамике варфоломеевского слоя 2Б, хотя в целом и выглядят архаичнее. По 2-му слою Джангара получены две даты, суммарное значение которых 6780–6680 ВР.

Варфоломеевский слой 2А датирован по трем образцам. Образец № 4 имеет две даты с разницей в тысячу лет 6890 ± 80 ВР и 5810 ± 80 ВР, из-за чего они не могут быть приняты. По образцу № 5 две нижние даты, имеют приемлемую разницу в 130 лет (7100–6970 ВР), но при этом соответствуют датировке нижележащего слоя 2Б. Третья дата этого образца на 430 лет моложе (6540 ± 80 ВР). Либо это образец относится к нижележащему слою, либо более верной является третья дата, которая согласуется с датировкой Джангара.

По образцу № 6 получены три даты. Нижняя дата 6860 ± 90 ВР оторвана от остальных на 820 лет и всего на 100 лет моложе датировки слоя 2Б. Две другие даты расположены более компактно (6040 ± 80 ВР, 5870 ± 90 ВР), и поэтому заслуживают большего доверия. Следует отметить, что образец № 6 взят от венчика сосуда, который имеет наплыв изнутри [Выборнов, 2008. С. 287, рис. 39, 2]. Керамика с подобными наплывами на поселении Джангар, имеющем более четкую стратиграфию, появляется в верхнем слое, формирование которого по радиоуглеродной датировке происходит не ранее 6680 ± 90 ВР. По углю он имеет дату 5890 ± 70 ВР, а по керамике 5480 ± 80 ВР [Выборнов, 2008. С. 240, табл 1]. Следовательно, время формирования верхнего слоя на стоянке Варфоломеевка не может относиться к периоду сложения прикаспийских древностей. Об этом, в частности, свидетельствует и облик воротничковой керамики Варфоломеевской стоянки, которая ближайши

аналогии находит в прикаспийской посуде стоянки Кумыска. Для прикаспийской керамики со стоянки Кумыска получена дата 5870 ± 80 BP [Моргунова, 2011. С. 57, табл. 3], которая свидетельствует, что прикаспийские материалы аналогичного облика относятся к завершающему этапу существования данной культуры. Отметим, что в отличие от ранних памятников прикаспийской культуры, основная масса которых расположена южнее, материалы подобных памятников Саратовского Поволжья характеризуются рядом отличий. Они имеют более развитую каменную индустрию, в которой получают распространение формы двустороннеобработанных орудий, отсутствующие на ранних прикаспийских стоянках и в материалах могильников Съезжее и Липовый овраг. В керамике саратовских стоянок практически не используются оттиски «шагающей гребенки», а венчики в своем большинстве имеют «копьевидную» форму, характерную для керамики стоянки Лебяжинка 1.

Таким образом, материалы Варфоломеевки не имеют отношения к сложению прикаспийских древностей. Некоторые мариупольские параллели в их облике, приведенные А.И. Юдиным, свидетельствуют о том, что в позднем неолите население Нижнего Поволжья поддерживало определенные контакты с территорией Нижнего Подонья, что и привело к появлению некоторых общих черт в их материальной культуре. Еще более тесный характер данные связи приобретают в эпоху раннего энеолита, что в конечном итоге приводит к сложению обширного ареала памятников мариупольской культурно-исторической области. Ведущая роль в генезисе этих памятников принадлежала населению Днепро-Донского междуречья, где известны многочисленные могильники и поселения с достаточно мощным культурным слоем. Где значительно раньше, еще в эпоху неолита, были выработаны и все основные признаки мариупольской культурно-исторической области, массовое распространение которых на восток могло иметь место в результате миграции населения, поскольку конвергентное появление в Заволжье всего комплекса данных признаков представляется нам не реальным.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты памятников Нижнего Поволжья (даты приведены из монографии: Выборнов, 2008. Табл. 1)

Памятник и слой	Возраст л.н.	Вероятный интервал	Дата слоя в целом
1. Варфоломеевка слой 2Б	7230 ± 90 BP		7280–6980 BP
2. Варфоломеевка слой 2Б	6980 ± 90 BP		
3. Варфоломеевка слой 2Б	7070 ± 90 BP 7280 ± 100 BP	7280–7070 BP	
4. Варфоломеевка слой 2А Образец № 4	6890 ± 80 BP 5810 ± 80 BP	???	7100–6970 BP по керамике без нашлыва
5. Варфоломеевка слой 2А Образец № 5	7100 ± 80 BP 6970 ± 90 BP 6540 ± 80 BP	7100–6970 BP	
6. Варфоломеевка слой 2А Образец № 6	6860 ± 90 BP 6040 ± 80 BP 5870 ± 90 BP	6040–5870 BP	6040–5870 BP по керамике с нашлывом
7. Джангар 2 слой	6780 ± 90 BP		6780–6680 BP
8. Джангар 2 слой	6680 ± 90 BP		
9. Джангар 1 слой	5480 ± 80 BP		

Литература:

- Барынкин П.П., Козин Е.В.* Стоянка Лебяжинка 1 и некоторые проблемы соотношения нео-энеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
- Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А.* Неолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1988.
- Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.
- Кияшко В.Я.* Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н. э.) // Донские древности. Азов, 1994. Вып. 3.
- Котова Н.С.* Раннеэнеолитическая керамика Среднего Дона // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.
- Котова Н.С.* Неолитизация Украины. Луганск, 2002.
- Лопатин В.А.* Стоянка Озинки II в Саратовском Заволжье // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.
- Малов Н.М.* Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.
- Мелентьев А.Н.* Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа). Куйбышев, 1976.
- Моргунова Н.Л.* Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург, 2011.
- Овчинникова Н.В.* Лебяжинка 3 – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
- Цыбрий В.В.* Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья // Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 2005.
- Юдин А.И.* Неолит и энеолит степного Заволжья. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1995.
- Юдин А.И.* Орловская культура и истоки формирования степного неолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
- Юдин А.И.* Культурные контакты и связи населения Нижнего Поволжья в неолитическое время // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2000. Вып. 3.
- Юдин А.И.* Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.

Федосов М.Ю.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ НОЖИ В ПОГРЕБЕНИЯХ СРЕДНЕДОНСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Традиционно обзор комплекса металлических изделий любой культуры катакомбного круга начинается с ножей. Итоговая основная выборка памятников среднедонской катакомбной культуры (далее – СКК) составила 549 погребений из 280 курганов и 6 грунтовых могильников – 281 в Волго-Донском междуречье, 259 в междуречье Доно-Донецком. Итоговая основная выборка составила 549 погребений из 280 курганов и 6 грунтовых могильников – 281 на Левом берегу Дона и в Волго-Донском междуречье, 259 на Правом берегу Среднего Дона и в междуречье Доно-Донецком. Металлические ножи или их фрагменты отмечены в 35 погребениях (6,19% выборки). В сравнении с памятниками маньчжского круга, донецкой культурой, этот показатель очень низок, однако близок имеющимся данным по ростово-луганской группе [Власкин, 2010. С. 116]. Географическое распределение неравномерно: для Волго-Донского междуречья этот показатель равен 4,27%, для Доно-Донецкого междуречья – 8,49%. Ножи помещались как целыми формами, так и фрагментами (НДЧК 20/12, Кастырский VIII 2/2, Петрунино II 1/7). Еще в нескольких случаях можно предполагать перезаточку и вторичное использование орудия (Павловский I 38/1*, Прилепы I 1/1, Азаровский 1/1 [Синюк, Матвеев, 2007. С. 127, рис. 65, 6. С. 92, рис. 30, 4. С. 64, рис. 2, 10] и ряд других). Сохранность 28-ми экземпляров позволяет их классифицировать.

Принято считать, и небезосновательно, что металлургическое производство среднедонской катакомбной культуры, за исключением изделий, относимых к ее павловскому этапу по А.Т. Синюку [Синюк, 1983; 1996], соответствует костромскому этапу металлообработки Кавказского очага [Кияшко, 2002. С. 136; Рысин, 2007. С. 210]. В то же время трехчленная внутренняя периодизация культуры, большая территория распространения, ее позднекатакомбный характер приводят к тому, что простая констатация принадлежности клинков, например, ко 2 типу по классификации С.Н. Кореневского [Коре-

* Здесь и далее первая цифра обозначает номер кургана в могильнике, вторая – номер погребения в кургане.

невский, 1978. С. 42] (к тому же и здесь имеются свои исключения) нас устраивать не может. Также, вслед за А.М. Бианки [Бианки, 1991], Е.И. Гаком [Гак, 2005], Н.М. Власкиным [Власкин, 2010] можно предположить наличие определенных локальных черт в металлопроизводстве.

В основу классификации ножей СКК положен морфологический критерий – форма черенка и клинка. Предмет разбивается на простые геометрические фигуры [Бианки, 1991]**. В таком случае, выделение отдела основывается на сочетании фигур, выделение группы – на размерах и пропорциях фигур.

Отдел 1. Длинный прямоугольник (черенок) + трапеция (гарда) + прямоугольник (полотно) + малая трапеция (вторая гарда) + треугольник (острие).

Группа А. Длинный прямоугольник (полотно). В этой группе 10 экземпляров (34,48%) [см., например, Синюк, Матвеев, 2007. С. 84, рис. 22, 2, 4].

Группа Б. Короткий прямоугольник (полотно). Представлена одним образцом (Новоплатоновский 5/1) [Берестнев, 1995. С. 150, рис. 5, 14].

Отдел 2. Длинный прямоугольник (черенок) + трапеция (гарда) + длинная сужающаяся от черенка трапеция (полотно) + малая трапеция (вторая гарда) + треугольник (острие). Все они примерно одинаковых пропорций, поэтому внутри отдела группы не выделяются. Отдел представлен 13 образцами (44,83%, например, Новоплатоновский 6/2) [Берестнев, 1995. С. 150, рис. 5, 19].

Отдел 3. Длинный прямоугольник (черенок) + трапеция (гарда) + прямоугольник (полотно) + треугольник (острие).

Группа А. Длинный прямоугольник (полотно). В группе единственный нож (Сидоры 30/1) [Кияшко, 2002. С. 43, рис. 8, 9]. С.И. Берестнев подобные изделия предлагает называть «ножами новоплатоновского типа» [Берестнев, 2001. С. 36], хотя «эпонимный» нож из погребения Новоплатоновский 6/2 имеет признаки утраченной пламевидной расковки клинка.

Группа Б. Короткий прямоугольник (полотно). В группе 3 изделия. Повидимому, такая форма является следствием перезаточки и вторичного использования ножей вышеописанных групп [Синюк, Матвеев, 2007. С. 127, рис. 65, 6. С. 92, рис. 30, 4. С. 64, рис. 2, 10]***.

Отдел 4. Ромбовидная расковка + короткий прямоугольник (черенок) + трапеция (гарда) + короткий прямоугольник (полотно) + вытянутый треугольник (острие). Отдел представлен одним образцом (Ольховатка I 1/3) [Матвеев, 1979. С. 101, рис. 2, 5].

Отдел 5. Длинный прямоугольник (черенок) + трапеция (гарда) + треугольник (острие). Представлено одним изделием (Прилепы II 1/1) [Синюк, Матвеев, 2007. С. 94, 2].

Кроме того, имеются ножи, как с продольным ребром жесткости, так и без него.

Таким образом, масса ножей костромского облика не является однородной, и в большинстве принадлежит двум группам. Географически группы

** Данная классификация была успешно также успешно применена в диссертационном исследовании Н.М. Власкина [Власкин, 2010].

*** Вопросам изменения в процессе эксплуатации морфологических признаков ножей эпохи средней бронзы посвящена небольшая работа А.А. Бритюка [Бритюк, 1996].

распределены сравнительно равномерно, что исключает возможность выделения локальных очагов их производства. Если обратиться к аналогиям среди других культурных образований, то получим следующую картину:

1. Группа А Отдела 3 в первую очередь характерна для западно-маньчской катакомбной культуры (28% известных изделий). Подобный нож также происходит из павловско-усть-курдюмского погребения Прилепы II 3/5.

2. Отдел 2 также широко представлен в ЗМК (порядка 34% известных изделий), составляет порядка 40% немногочисленных известных ножей ростово-луганской группы. Группа А Отдела 1 в ЗМК составляет 28,13% известных ножей. По мнению Н.М. Власкина, подобные ножи маркируют наиболее поздние памятники ЗМК [Власкин, 2010. С. 123]. Другими словами, превосходство в абсолютных цифрах не переходит в преобладание в относительных показателях.

4. В восточно-маньчских комплексах все указанные типы представлены в единичных экземплярах [Власкин, 2010. С. 122-123].

5. Нож группы Б Отдела 1 происходит также из позднедонецкого погребения Сватово 4/6 [Братченко, 2004. С. 93, рис. 22, 2].

6. Ромбическая расковка черенка более характерна для абашевских и покровских ножей.

7. Форма Отдела 5 характерна, в первую очередь, для успенского этапа металлообработки (раннедонецкий горизонт катакомбных древностей), однако на позднекатакомбном этапе является специфичной для восточно-маньчского очага металлообработки (собственно восточно-маньчская и лоллинская культуры) [Гак, 2007. С. 98, 101; Гак, Мимоход, 2007]. Однако, отсутствие следов дополнительной расковки на лезвии, ребер жесткости, свидетельствует, все же, в пользу версии о вторичном использовании данного предмета, его перезаточки.

8. Нож группы А Отдела 3, аналогичный изделию из могильника Сидоры, происходит также из погребения павловско-усть-курдюмского типа Прилепы II 3/5 [Синюк, Матвеев, 2007. С. 95, рис. 33, 2].

С учетом данных стратиграфии, особенностей погребального обряда и керамического инвентаря ножи Отдела 2 занимают самую позднюю хронологическую позицию.

Расположение ножей в могиле не дает четкой системы, как и в донецкой, и в маньчских культурах. Ножи чаще всего располагались у правой руки умершего (7 случаев), в центре камеры/ямы (на дне – 6 случаев, на костях животных – 2 раза), у входа в камеру (5 случаев), также у колена, перед лицом, за черепом, за спиной, у таза, у левой руки и т. п.

Литература:

Берестнев С.И. Новоплатоновский курганный могильник на р. Оскол // Древности. Харьков, 1995.

Братченко С.Н. Прадавня Слобожанщина: сватівські могили – кургани III тис. до н. е. та майдани // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганск: Вид-во СНУ імені Володимира Даля, 2004. Вып. 2.

Бритюк А.А. Некоторые результаты анализа утилизации ямных и катакомбных бронзовых ножей // Древние культуры Восточной Украины. Луганск, 1996.

Власкин Н.М. Сравнительная характеристика катакомбных культур маньчжского типа эпохи средней бронзы: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.

Гак Е.И. Общее и особенное в металлопроизводстве катакомбных культур Подонцовья, Нижнего Подонья и Предкавказья // Материали та дослідження з археології Східної України. Луганск, 2007. Вып. 7.

Гак Е.И., Мимоход Р.А. Металлокомплекс памятников посткатакомбного горизонта Предкавказья // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Материалы международной научной конференции. Махачкала, 2007.

Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.

Матвеев Ю.П. Позднекатакомбные погребения в кургане у пос. Ольховатка // АВЕЛ. Воронеж, 1979.

Рысин М.Б. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы периодизации и хронологии) // Археологические вести. СПб., 2007. Вып. 14.

Синюк А.Т., Матвеев Ю.П. Курганные комплексы среднедонской катакомбной культуры. Воронеж, 2007.

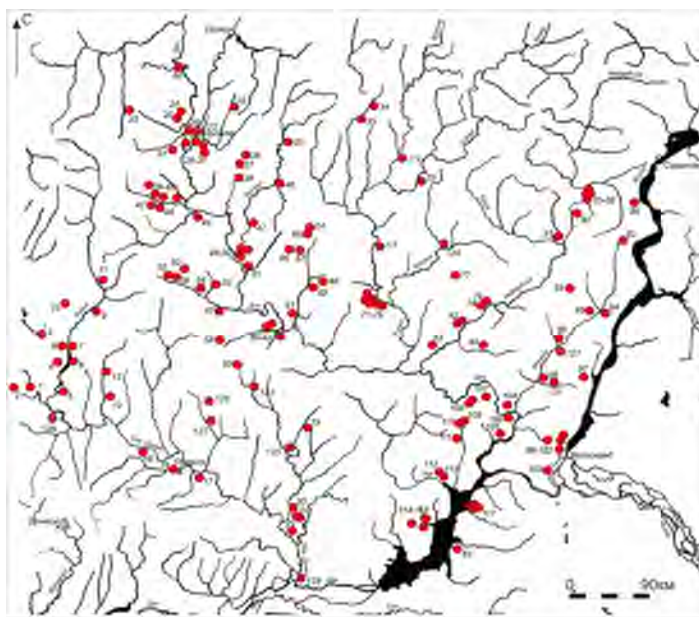

Рис. 1. Погребальные памятники среднедонской катакомбной культуры.

Список погребальных памятников среднедонской катакомбной культуры (подписи к рис. 1):

- 1 - Борщевка; 2 - Вербовка; 3 - Мостовое; 4 - Воронцовка; 5 - Новошлатононский;
- 6 - Колесниковка II; 7 - Вышнее Солёное; 8 - Купянск; 9 - Герасимовка; 10 - Станиславский;
- 11 - Вишневка II; 12 - ВСХИ; 13 - Сватово; 14 - Преображенное; 15 - Полтава; 16 - Александровск;
- 17 - Николаевка (Луганск. обл.); 18 - Желобок; 19 - Заречный I (Рост. обл.); 20 - Сухоеланский I;
- 21 - Головка III, IV; 22 - НДЧК; 23 - Азаровский; 24 - Кондрашовка; 25 - Нижневедугский;
- 26 - Хохольский; 27 - Подклетненский; 28 - Частые Курганы (Ворон. обл.); 29 - Орлиное Болото;
- 30 - Новоусманский; 31 - Усманский; 32 - Малые Горки; 33 - Красненский; 34 - Туголуковский;
- 35 - Графский; 36 - Каширский; 37 - Кондрашкинский; 38 - Тресоруковский;
- 39 - Зареченский (Ворон. обл.); 40, 41 - Прилепы I, II; 42 - Девицкий; 43 - Сасовский;
- 44 - Терновский I; 45 - Стояновский; 46 - Новочигольский; 47 - Малокисляйский;
- 48 - Таганка кург.; 49 - Таганка грунт; 50 - Александровка-Донская;
- 51 - Павловский I (Ворон. обл.); 52 - Новохарьковский; 53 - Караяшник; 54 - Большая Могила;
- 55, 56 - Ольховатка I, II; 57 - Архиповка; 58 - Пасековский; 59 - Лофицкое; 60 - Богучар II;
- 61 - Вerveковка; 62 - Высокая Гора; 63 - Веселый (Волгогр. обл.); 64, 65 - Подгоренский I, II;
- 66 - Новомеловатовский; 67 - Калачеевский; 68 - Ширяевский; 69 - Пески; 70 - Ильмень;
- 71 - Нехаевский; 72 - Артановский; 73, 74 - Красновский I, II; 75 - Мазин;
- 76 - Павловский (Волгогр. обл.); 77 - Березовский; 78 - Сидоры; 79 - Орешкин I; 80 - Ксизово;
- 81 - Петропавловка грунт; 82 - Подгорный кург., грунт; 83 - Глазуновский; 84 - Амелин II;
- 85 - Горелый I; 86 - Горбатый Мост; 87, 88 - Большие Копены I, III; 89 - Белогорское I; 90 - Линево;
- 91 - Баранниково; 92 - Рыбушка; 93 - Котово; 94 - Петров Вал; 95 - Петрунино II; 96 - Ольховка I;
- 97 - Петропавловка кург.; 98 - Усть-Погожье I; 99 - Пичуга I; 100 - Челюскинец I; 101 - Виновка;
- 102 - Варламов I; 103 - Царицын; 104 - Желтухин; 105 - Горный; 106 - Дубовой;
- 107 - Перекопка V; 108 - Евстратовский II; 109 - Верхняя Бузиновка; 110 - Нижняя Бузиновка;
- 111 - Майоровский; 112 - Чир II; 113 - Попов I; 114 - Остров; 115 - Тормосин; 116 - Нижнегнутов;
- 117 - Первомайский I, VII, VIII, XIII; 118 - Каменка II; 119 - Власовский I; 120 - Кондраши;
- 121 - Зензеватка; 122 - Северный Бор; 123 - Мокрый Волчик I; 124 - Березовский;
- 125 - Малая Каменка I; 126 - Нижняя Баранниковка; 127 - Новоникольское;
- 128 - Кастырский VIII 2/2.

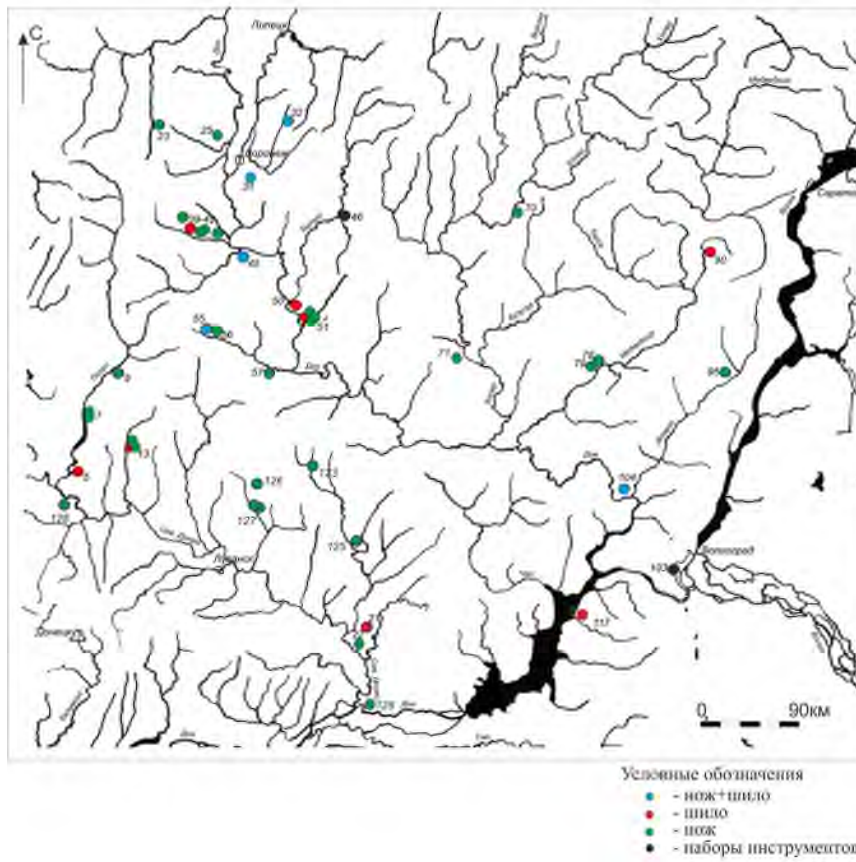

Рис. 2. Погребальные памятники среднедонской катакомбной культуры, содержащие изделия из металла.

Примечание: количество значков соответствует количеству погребений, номера соответствуют подписям к рис. 1.

Юдин А.И.

НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХИ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА: СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Археологические памятники позднего каменного века в Нижнем Поволжье активно исследуются с 80-х годов прошлого века. За прошедшие три десятилетия выявлено, исследовано шурфовкой и раскопками по самым скромным подсчетам не менее ста объектов эпох неолита и энеолита.

Культуры неолитического времени предложено рассматривать в рамках нижневолжской культурно-исторической общности [Юдин, 2008. С. 362–373] или североприкаспийской [Кольцов, 2012]. Разные названия не имеют за собой различной смысловой нагрузки. По большей части это только вопрос терминологии, так как в рамках общности объединяются одни и те же культуры – джангарская, орловская, каиршакская, тентексорская, сложившиеся на общей генетической подоснове, контактировавшие между собой и имевшие общую историческую судьбу.

Энеолит степного Поволжья представлен памятниками трех культур: прикаспийской, хвалынской и алтатинской [Юдин, 2012].

Памятники раннего неолита в степном Поволжье не известны. Наиболее ранние даты получены по керамике для нижнего слоя Варфоломеевской стоянки в интервале от 7760 ± 100 (Ki 14108) и 7620 ± 100 (Ki 14142) до 7080 ± 80 л. до н. э. (Ki 14374). Три позднейшие даты для нижнего слоя синхронны датам вышележащего слоя 2Б, по которому получены даты от 7280 ± 100 (Ki 14374) до 6980 ± 90 л. до н. э. (Ki 14369). Керамика и каменный инвентарь нижнего слоя имеют развитой облик. Близкие даты получены также по керамике и для прикаспийских стоянок Каиршак I, III и IV, материалы которых типологически соответствуют двум нижним слоям Варфоломеевки. Типологически более ранние находки стоянки Кугат IV, считавшиеся наиболее ранними среди неолитических в Прикаспии, оказались даже не самыми ранними среди развитых неолитических [Выборнов, 2008. С. 239]. Пока не получены радиоуглеродные даты по типологически наиболее ранним материалам неолитической стоянки Ту-Бузгу-Худук II, вопрос о раннем неолите Нижнего Поволжья и Прикаспия, как и проблема его происхождения без новых материалов остаются весьма спорными.

Безусловно, качественно новые данные для неолита степного Поволжья получены в результате исследований гончарной технологии, проводимых И.Н. Васильевой. Севернее степного Поволжья, в лесостепи ранний неолит представлен елшанской культурой, керамика которой по типологическим характеристикам никак не может быть прототипом плоскодонной степной. Технологическое изучение керамики неолитических культур Нижней и Средней Волги, предпринятое И.Н. Васильевой, показало, что изготовление керамики населением степного Поволжья, как и всего юга европейской части России и Украины, было начато в рамках единого очага гончарства, основанного на илистом сырье [Васильева, 2008. С. 45]. Тогда как керамика елшанской культуры является более древней, чем степная прочерченно-накольчатая, и не имеет местных корней, традиция ее изготовления принесена населением с территорий, где гончарство зародилось ранее и уже прошло некий первоначальный этап в своем развитии [Васильева, 2007. С. 36].

Автором неоднократно высказывалась мысль о формировании накольчатых комплексов неолитической средневолжской (волго-уральской) культуры под сильным влиянием орловского населения, вплоть до прямой миграции [Юдин, 2001. С. 62–63; он же, 2004. С. 152–153]. Это нашло подтверждение при технологическом исследовании керамики. И.Н. Васильева приходит к выводу, что появление керамики из илистых глин (возможно та ее часть, которая орнаментирована наколами и отступающими наколами, но без ямок-жемчужин) в среде елшанской культуры должно быть связано с пришлой группой населения из степных районов Поволжья («орловская культура или культура Северного Прикаспия») [Васильева, 2007. С. 37]. Обратное культурное влияние на степное население в неолите отсутствовало. Даже такой яркий признак как ямки-жемчужины – характерный прием орнаментации для елшанской керамики, изначально связанный с технологией изготовления посуды и бытовавший впоследствии в лесостепи не только в неолите, но и в последующие эпохи, – в степи практически не встречается. Культурные контакты с лесостепным населением отражаются в облике керамики только с началом энеолитической эпохи в степной зоне.

При технологическом изучении керамики Варфоломеевской стоянки прослежено эволюционное развитие гончарной технологии [Васильева, 2012. С. 15–16]. И это позволяет надеяться, что дальнейшее исследование уже энеолитической керамики добавит еще один аргумент в пользу гипотезы о формировании прикаспийской энеолитической культуры на базе орловской [Юдин, 1998].

На одном из реперных памятников неолита Восточной Европы – Ракушечном Яре также известен процесс эволюции гончарных традиций. Но, несмотря на то, что в нижнем (третьем) слое Варфоломеевки имеется керамика, датированная серединой VII тыс. до н. э. (cal. BC) и высказано даже мнение, что Нижнее Поволжье, наряду с Нижним Подоньем, могло являться вторичным очагом неолитизации (прототипы для плоскодонной керамики с геометрическим орнаментом и сегментов находятся в Восточной Анатолии) [Выборнов, 2012. С. 452–453], материалов, синхронных нижним слоям Ракушечного Яра, в Нижнем Поволжье пока нет. Имеются в виду материалы, которые в Ракушечном Яре показывают развитость и многообразие традиций в

изготовлении керамики. Длительное знакомство населения ракушечноярской культуры с традицией изготовления глиняной посуды либо ее привнесение в результате миграции привели к сложению в Нижнем Подонье центра распространения керамических традиций в Восточной Европе [Долбунова и др., 2011. С. 21].

До получения новых материалов вопрос о территории заимствования керамической традиции населением степного Поволжья не может быть решен. Следует только заметить, что, несмотря на анатолийские параллели нижневолжским материалам, с ракушечноярской культурой также отмечена близость по многим параметрам. В керамике – это плоскодонность, техника нанесения орнамента (в нижних слоях только накол и прочерк, гребенка – только в позднем неолите), совпадение ряда орнаментальных композиций и наличие в коллекции Ракушечного Яра некоторого количества сосудов с толченой ракушкой в тесте глины. Есть общие черты и в комплексе каменных орудий, хотя техника обработки камня в неолитическую эпоху более универсальна и не может являться надежным ориентиром при культурных сопоставлениях – это микролитичность, пластинчатая техника расщепления, наличие трапеций со струганной спинкой и отсутствие наконечников стрел с двусторонней обработкой. В обеих культурах широко использовалась кость для изготовления орудий и поделок, в том числе и орнаментированных. В позднем неолите в Ракушечном Яре и Варфоломеевке существуют два обряда захоронения, с близкими позами и ориентировками (если рассматривать на Ракушечном Яре погребения, достоверно связанные с поселением).

Максимальная степень близости отмечается среди находок из нижних слоев Ракушечного Яра и Варфоломеевки, значительные культурные различия начинают проявляться на финальном этапе неолита [Юдин, 1998а. С. 28–29].

Другой вопрос в том, что начальный этап контактов мог уже приходиться на развитый неолит. Но о каких-то культурных контактах, и достаточно ранних, в рамках неолитического времени, нижневолжского населения с другими племенами степной зоны Восточной Европы можно говорить на основании сравнения таких редких, но характерных категорий находок, как предметы искусства. Здесь цепочка аналогий протягивается уже дальше на запад, в среду земледельческих культур Балкан и Подунавья. Эти связи, установившиеся еще в неолите, особенно ярко проявились в раннем энеолите и, вероятно, именно ими можно объяснить чрезвычайно раннее появление первого металла в Поволжье в среде хвалынского и позднего орловского населения [Юдин, 2012а. С. 191–200].

На Нижнем Дону, как уже сказано, предметы искусства из кости есть в ракушечноярской культуре – на стоянках Ракушечный Яр и Раздорская – орнаментированные метаподии лошади и оленя, фигурка быка. Особенно показательна серия орнаментированных костяных пластин и наконечников стрел на Раздорской 2 стоянке. В материалах сурской культуры на Днестре (остров Сурской) встречен костяной предмет, покрытый геометрическим орнаментом, сопоставимым с Варфоломеевским (рис. 1, 17). Еще более близкая аналогия обнаруживается на костяных браслетах с гравировкой в виде треугольников, заполненных штриховкой, из могильника мариупольского типа Васильевка 2, там же на Днестре (рис. 1, 18). Если рассматривать более запад-

ные территории, то можно указать на находки костяных браслетов из ранне-энеолитических погребений в Бресте Куявском в Польше (рис. 1, 19), где в составе украшений из зубов животных также есть каменный амулет-подвеска подквадратной формы с округлыми углами и двумя отверстиями [Gimbutas, 1956. Pl. 21, 1-4] (рис. 1, 19, А). Аналогичная подвеска из порфири-та есть в Мариупольском могильнике (рис. 1, 20), из мергеля – в погребении в г. Грозный (рис. 1, 21) [Энеолит..., 1982. Табл. LI-I, 3].

Возможно, что и медная пластина из позднеэнеолитического слоя 2А Варфоломеевки (рис. 1, 8), скорее всего, являлась деталью украшения, тем более что она была обнаружена в комплексе с почти четырьмя сотнями зубов лошади, два десятка которых имели насечки для подвешивания [Юдин, 2004. С. 165]. Морфологически близкие амулеты из камня, глины и меди были широко распространены в памятниках Триполья (рис. 1, 22, 23); встречаются на территории Малой Азии, где они изготовлены из камня, кости и раковины [Kozłowski, Aurenche, 2005. P. 193] (рис. 1, 24, 25).

Возвращаясь к предметам искусства, следует упомянуть обломок антропоморфной статуэтки из мергеля в материалах ранней буго-днестровской стоянки Митьков Остров (рис. 1, 26). Зигзаг, штриховка, меандровидный элемент – все это находит аналогии на варфоломеевских гравировках. В.Н. Даниленко находил ей аналогии в древнейшей глиняной пластике Балкан, а в отношении орнамента, по его мнению, статуэтка ближе всего к пластике хаманджийской культуры Румынии. Орнаментация буго-днестровской керамики включает, среди прочего, волнистые ленты, меандры, заштрихованные зоны (рис. 2, 1-4) – элементы, обычные на варфоломеевских находках (рис. 1, 1-7). Истоки подобного «развитого вырезного орнамента» на керамике буго-днестровской культуры В.Н. Даниленко видел среди керамики Анатолии, Эгейды и балкано-дунайского региона типа Дудешть (рис. 1, 34, 35) [Даниленко, 1974. С. 18].

Меандр, ромб и прямоугольник, – наиболее выразительные и характерные элементы орнамента на предметах искусства и керамике Варфоломеевской стоянки (рис. 1, 9-16), были также широко распространены в среде неолитических культур Центральной Европы, в Балкано-Дунайском регионе, например в культуре Тиса (рис. 1, 27-33). Культурные контакты, начиная с неолитического времени, разумеется, осуществляемые опосредованно, через культуры степной полосы Восточной Европы, орнаментальные аналогии с которыми перечислены выше, привели к установлению каких-то связей Балкано-Дунайского региона с Поволжьем, что способствовало очень раннему проникновению металла в местную культурную среду хвалынского и позднего орловского населения. Феномен появления раннего металла в хвалынской культуре, практически одновременно с возникновением Балканского металлургического очага, пока не находит объяснения [Черных, Орловская, 2010]. Выявление существовавших ранее культурных связей и взаимодействий на протяжении неолита помогает понять причину стремительного распространения металла в Поволжье.

Волнистые ленты, меандр – эти элементы орнамента, появляются на керамике раннего энеолита в Нижнем Поволжье и напрямую связаны с дискуссией о формировании поволжских культур мариупольского круга – прикас-

пийской и самарской в плане соотношения местного субстрата и заимствованных культурных черт. Культурная преемственность между поздней орловской и раннеэнеолитической прикаспийской культурами документируется материалами Варфоломеевской стоянки [Юдин, 1998], в том числе и погребениями грунтового могильника на территории стоянки. Ранее уже обращалось внимание, что погребение 3 может относиться или к финалу горизонта 2А, или уже к верхнему слою, где встречена прикаспийская керамика [Юдин, 2004. С. 117–120]. Появление новых данных позволяет рассмотреть под другим углом имеющиеся материалы, которые подтверждают автохтонное возникновение прикаспийской культуры в части зарождения погребального обряда в позднэнеолитическое время. Разумеется, это не исключает и привнесенных культурных инноваций. В частности, А.Е. Астафьев и Г.В. Баландина уже давно высказали мысль о перемещении какого-то населения с культурными традициями дунайско-древневосточной культурной зоны на восток, в степи Европы, и в Поволжье это пришлое население балкано-дунайского происхождения связывается с прикаспийскими стоянками, на которых обнаружена воротничковая керамика с ленточно-меандровой орнаментацией [Астафьев, Баландина, 1998. С. 153–156].

Приведенные выше примеры культурных аналогий для орловского населения с территориями степной зоны к западу от Волги, вплоть до Балкан и Передней Азии, несомненно свидетельствуют о культурных импульсах в Поволжье на протяжении неолита-энеолита (рис. 2, 5, 6), что повлияло на материальный облик местных культур (рис. 2, 5), но такой важный культурный признак, как погребальный обряд раннеэнеолитического населения, сложился в местной среде еще в позднем неолите. Что касается прикаспийской культуры, то автору уже приходилось писать, что ее погребальный обряд должен быть близок обряду других культур мариупольского круга, особенно самарской. Например, обряду могильника Липовый овраг [Юдин, 2012. С. 34].

Из всех погребений Варфоломеевской стоянки, наибольшим критериям мариупольской принадлежности отвечает уже упомянутое погребение 3. При сооружении могилы погребения 3 был зацеплен край земляночного котлована жилища, относившегося к слою 2А и уже не функционировавшего. Скелет лежал вытянуто, на спине, ноги и тазовые кости по линии запад – восток с небольшим отклонением, торс и череп еще сильнее отклонялись в юго-западном направлении. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – согнута и положена на поясницу. На лобной части черепа и между бедренными костями (ближе к тазу) найдено по створке речных раковин *Unio*. На височной части черепа и на груди обнаружено несколько мелких бусин из створок таких же раковин. У берцовых костей левой ноги расчищен слой охры до 5 см толщиной, подтрапцевидной формы в плане. Под стопой левой ноги обнаружены два меловых камня, окатанных, а возможно, и обработанных (рис. 3, 1).

В целом, в этом погребении ничто не противоречит погребальной обрядности памятников мариупольского типа. Положение скелета вытянуто на спине, ориентировка, близкая к широтной, раковины *Unio* и бусы из них, наличие охры и изделий из камня. В этом плане интересно обнаружение очень редкой категории находок в одном из недавно исследованных захоро-

нений. В мариупольском погребении у хут. Голубая Криница на Среднем Дону среди прочего инвентаря у головы погребенного находилась плита из розового кварцитовидного песчаника подквадратной формы с округлыми углами и двумя рабочими плоскостями. На одной плоскости оформлены пять вогнутых рабочих площадок, на другой – одна [Березуцкий и др., 2011. С. 76–88, рис. 4] (рис. 3, 2). Аналогичное орудие, в паре с еще одним абразивом, было встречено в слое 2А Варфоломеевской стоянки, т. е. в том же слое, где и погребение 3, в соседнем квадрате (рис. 3, 5). Нижний, более массивный абразив имеет округлую форму диаметром около 20 см. На торцевых гранях, под прямым углом друг к другу, оформлены две плоские рабочие поверхности. Верхняя и нижняя плоскости имеют следы забитости. Материал – светло-серый сливной (кварцитовидный) песчаник (рис. 3, 4). Второй абразив лежал на первом, он представляет собой плоскую овальную плитку (22 x 14 x 4 см) из кварцитовидного песчаника фиолетового оттенка. С одной плоской стороны на орудии имеется одна зашлифованная и слегка заглубленная рабочая поверхность, с противоположной стороны – две заглубленные рабочие поверхности. Одна из них более глубокая и занимает вдвое большую площадь по сравнению со второй (рис. 3, 3).

Конечно, эта плитка не соотносится напрямую с погребением 3 Варфоломеевской стоянки, но близка к нему по времени и, скорее всего, несколько предшествует ему. Погребение же из Голубой Криницы авторы публикации датируют вслед за Н.С. Котовой временем второго этапа азово-депровской культуры интервалом 4350–3900 (5200–4750 cal. BC) лет до н. э. [Березуцкий и др., 2011. С. 88]. Этот хроноинтервал совпадает с позднейшими датами слоя 2А. В данном контексте можно поставить вопрос не только о формировании прикаспийского энеолита на местном неолитическом субстрате, но и хронологическом соотношении позднейшего этапа орловской культуры и раннеэнеолитической прикаспийской.

Исследования, проведенные в этой области, показали, что на раннем этапе энеолита, на протяжении значительного хронологического отрезка неолитические и энеолитические памятники развивались параллельно, а ко времени полного затухания орловской культуры уже сформировались все основные энеолитические культуры степного Поволжья [Юдин, 2012б. С. 108–121].

Формирование и ранний период существования прикаспийской энеолитической культуры представлены в двух верхних слоях Варфоломеевской стоянки (1 и 2А), второй, поздний этап развития иллюстрируется материалами поселения Кумыска. Керамика верхней части энеолитического слоя уже не имеет воротничкового оформления, появляются новые элементы ornamentации, такие как шагающая гребенка, но прикаспийские черты сохраняются в комплексе каменных изделий [Юдин, 2012. С. 102–103].

Хвалынская культура в Нижнем Поволжье представлена в настоящий момент грунтовыми могильниками, подкурганскими захоронениями и стоянками. Причем за все годы исследований памятников хвалынской культуры, начиная с 1977 года, когда были открыты Хвалынский I и Хлопковский могильники, была выявлена закономерность в распределении типов памятников. Грунтовые могильники располагаются в лесостепи и песках Северного Прикаспия, там же и стоянки. На промежуточной территории, в степной зо-

не пока известны только подкурганские погребения. Поселенческих хвалынских памятников здесь нет, встречаются только небольшие серии керамики или отдельные хвалынские фрагменты в культурном слое других энеолитических культур. Данное обстоятельство позволяет датировать ранние стоянки алтатинской культуры, так как из всех энеолитических культур Нижнего Поволжья наиболее точным хронологическим репером является именно хвалынская культура. Для хвалынской культуры получено наибольшее количество дат по материалам, в первую очередь Хвалынских могильников и стоянок Северного Прикаспия, есть также даты по стоянкам Южного Приуралья, Хлопковскому могильнику, поселению Кумыска и подкурганному погребению из Паницкого б.б. Если не учитывать крайние значения полученных радиоуглеродных определений, то хвалынская культура датируется достаточно узко – в пределах 2-ой четверти V тыс. до н. э. в калиброванном значении [Черных, Орловская, 2004].

Относительно прикаспийской и хвалынской культур хронология алтатинской культуры пока основывается в большей степени на типологических сопоставлениях и анализе взаимовстречаемости керамики на поселениях. Для алтатинской культуры в настоящее время получено всего 2 даты: стоянка Ветелки – 5790±80 лет назад или 4631±98 BC cal. (ГИН 6554) и стоянка Алтата – 5120 ± 70 лет назад или 3990–3800 BC cal. (Ki-16493). В подтверждение первой даты можно также указать на наличие фрагментов хвалынской керамики на стоянках Алтата и Царица I. Для определения хронологических позиций алтатинской культуры важное значение имеет сопоставление с керамикой средневожской неолитической культуры. Часть алтатинских сосудов украшена коротким изогнутым штампом (рис. 2, 18, 19) и длинным гребенчатым штампом с разделителями (рис. 2, 13–17). Аналогичный орнамент часто встречается на средневожской керамике (рис. 2, 8–12) и в местном неолите неизвестен. Появление его на керамике алтатинских стоянок можно объяснить только контактами с населением средневожской культуры. На средневожских стоянках такая керамика имеет даты: Ковыляй I – 5830 ± 80 л. н. или 4780–4580 BC cal. (рис. 2, 10); Имерка IV – 5670 ± 80 л. н. или 4600–4440 BC cal. и 5590 ± 80 л. н. или 4500–4340 BC cal. (рис. 2, 8). Керамика с коротким изогнутым штампом (зубчатым орнаментом) также является характерной чертой средневожской культуры, но такая же техника орнаментации известна и на всех трех группах алтатинской керамики. Даты, полученные по зубчатой керамике со средневожской стоянки Лебяжинка IV очень близки к дате Ветелок: 5690 ± 80 л. н. или 4620–4450 BC cal. (рис. 2, 11, 12) и 5590 ± 80 л. н. или 4500–4340 BC cal. [Выборнов, 2008. С. 135, 136].

Приведенные выше факты подтверждают синхронность культур позднего неолита и раннего энеолита. Энеолит степного Поволжья, как самостоятельная эпоха, представлен двумя этапами – ранним, нео-энеолитическим, частично синхронным с поздним неолитом (кон. VI тыс. – перв. пол. V тыс. до н. э.) и поздним (втор. пол. V тыс. до н. э.). Энеолитические культуры степного Поволжья не сменяются последовательно, а развиваются параллельно, на протяжении обоих этапов [Юдин, 2012. С. 110–111].

На раннем этапе энеолита степного Поволжья происходит одновременное культурное развитие позднееолитического орловского и раннеэнеоли-

тического прикаспийского населения и складываются хвалынская и алтатинская культуры. Все три культуры доживают до эпохи ранней бронзы. Прикаспийское население, начало формирования которого относится к слою 2А Варфоломеевской стоянки, продолжило свое дальнейшее развитие в памятниках типа Кумыски. Материалы алтатинской культуры, несмотря на небольшое количество имеющихся дат, также показывают ее длительное существование. Это, в первую очередь, керамика, которая на нескольких памятниках имеет достаточно поздние черты [Юдин, 2010. С. 378].

Хвалынское население, несмотря на относительно ранние даты Хвалынских и Хлопковского могильников, продолжало развиваться и в позднем энеолите, так как всегда допускалось, что погребальный обряд ямной культуры в своих основных чертах мог сложиться только под воздействием хвалынского. Ряд новых материалов – курган Паницкое VI Б, грунтовое погребение Екатериновка – показывает возможность длительного бытования хвалынской культуры, как и родственной ей новоданиловской. Временной разрыв между хвалынской и ямной культурами также имеет тенденцию к сокращению за счет появления в степном Поволжье и Приуралье ямных погребений с ранними датами, вплоть до последней четверти V тыс. до н. э. [Моргунова и др., 2011. С. 5–61].

Таким образом, в настоящее время мы уже располагаем рядом фактов, позволяющих с большим основанием говорить не о трех этапах в развитии энеолита Нижнего Поволжья, а о трех энеолитических культурах, развивавшихся параллельно. Возможно, их было и больше, так как степная полоса Поволжья до сих пор исследована весьма неравномерно.

Литература:

- Археология Венгрии. Каменный век / ред. В.С. Титов, И. Эрдели. М., 1980.
- Астафьев А.Е., Баландина Г.В. Энеолитические памятники хвалынского типа полуострова Мангышлак // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
- Березуцкий В.Д., Килейников В.В., Скоробогатов А.М. Погребение мариупольского типа на Среднем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2011. Вып. 14.
- Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2007. Вып. VIII.
- Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики Орловской стоянки // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.
- Васильева И.Н. Технология керамики Варфоломеевской стоянки // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2012. Вып. 9.
- Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.
- Выборнов А.А. О спорных моментах в изучении раннего неолита Среднего Поволжья // Первобытные древности Евразии. М., 2012.
- Даниленко В.Н. Энеолит Украины. Киев, 1974.

Долбунова Е.В., Кулькова М.А., Мазуркевич А.Н. Результаты комплексного исследования глиняной посуды из слоев 23–14 поселения Ракушечный Яр (по материалам раскопок Т.Д. Белановской) // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии. Самара, 2011.

Кольцов П.М. Неолит северокаспийской области: состояние проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4.

Моргунова Н.Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2011. Вып. 9.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология энеолитических культур Юго-Восточной Европы: результаты и проблемы исследований // РА, 2004. № 4.

Энеолит СССР. М., 1982.

Юдин А.И. Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.

Юдин А.И. Общие тенденции в развитии культур неолита степного Поволжья и Нижнего Дона // Проблемы археологии юго-восточной Европы (тез. докл. междунар. конф.). Ростов-на-Дону, 1998а.

Юдин А.И. О чертах сходства орловской и волго-уральской неолитических культур: контакты или миграции? // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Оренбург, 2001.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.

Юдин А.И. Нижневолжская культурно-историческая общность // Человек, адаптация, культура. М., 2008.

Юдин А.И. Алтатинская энеолитическая культура Нижнего Поволжья // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010.

Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов, 2012.

Юдин А.И. Орнаменты костяных изделий Варфоломеевской стоянки как отражение культурных взаимодействий // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб, 2012а. Кн. 1.

Юдин А.И. Нео-энеолитический период в степном Поволжье // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. Луганськ, 2012б.

Gimbutas M. The prehistory of Eastern Europe. Part I. Mesolithic, Neolithic and cooper age cultures in Russia and the Baltic area. Cambridge, 1956.

Kozłowski S.K., Aurenche O. Territories, Boundaries and Cultures in the Neolithic Near East // BAR International Series 1362, 2005.

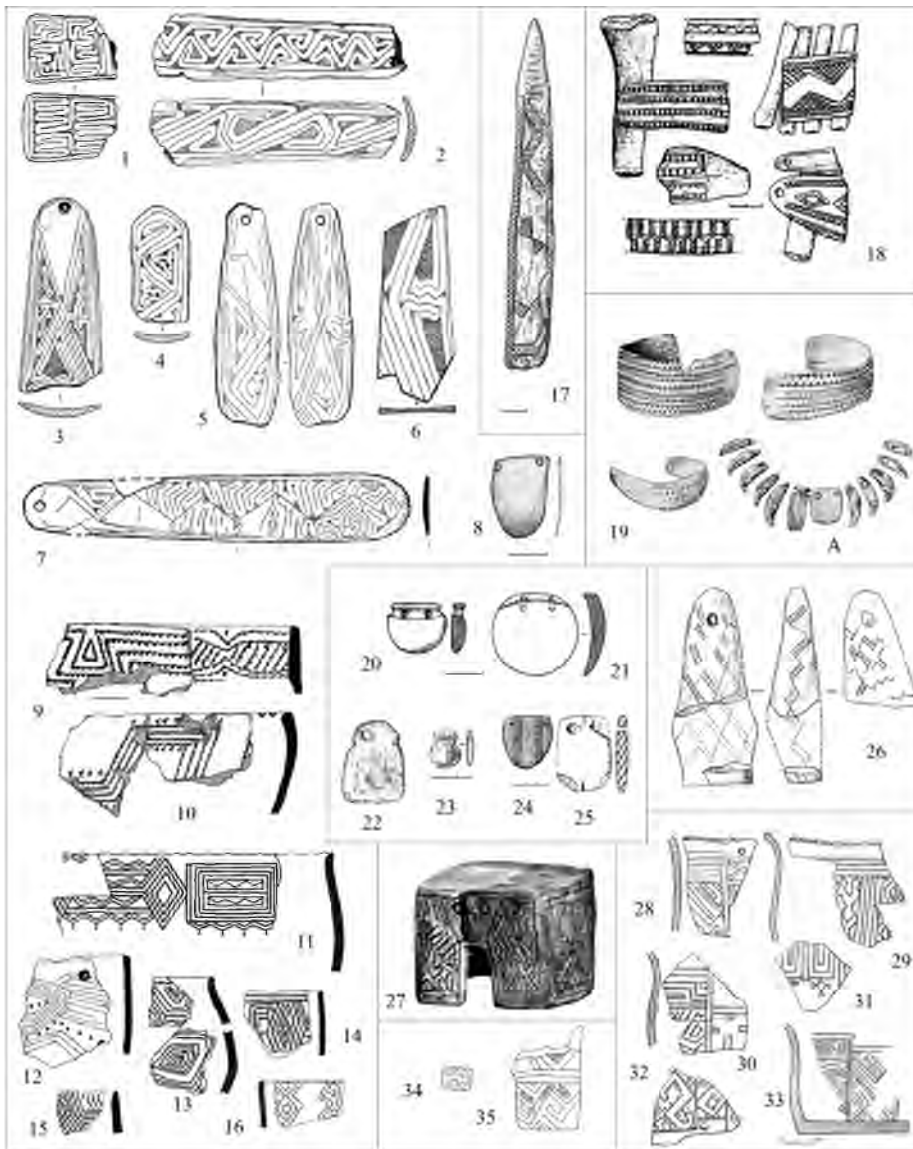

Рис. 1. 1-16 - Варфоломеевская стоянка; 17 - остров Сурской; 18 - Васильевка 2;
 19 - Брест Куявский; 20 - Мариупольский могильник; 21 - г. Грозный;
 22 - Карбуна (по: Энеолит..., 1982); 23 - Хэбэшешти I (по: Энеолит..., 1982); 24 - Magzalia;
 25 - Weisamin; 26 - Митъков остров (по В.Н. Даниленко); 27 - Сегвар-Тюзкевеш, культура Тиса
 (по: Археология..., 1980); 28-33 - Кишкере, керамика культуры Тиса (по: Археология..., 1980);
 34, 35 - керамика типа Дудешть (по В.Н. Даниленко)

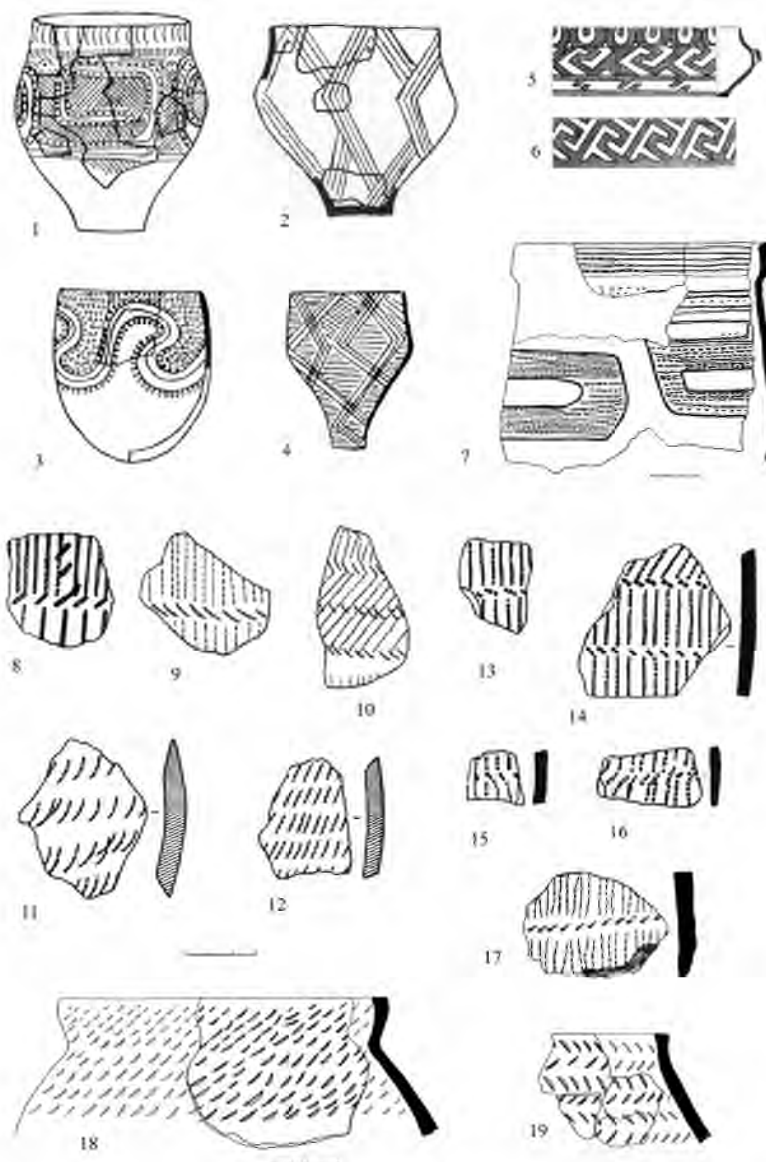

Рис. 2. 1-4 - керамика буго-днестровской культуры (по В.Н. Даниленко);
 5, 6 - орнаменты трипольской керамики - Фрумушика I и Хэбэшести I (по: Энеолит..., 1982);
 7 - керамика прикаспийской культуры, Орошаемое; 8 - Имерка IV; 9, 10 - Ковыляй I;
 11, 12 - Лебяжинка IV; 13-16 - Петропавловская; 17 - Монахов I; 18, 19 - Пшеничное

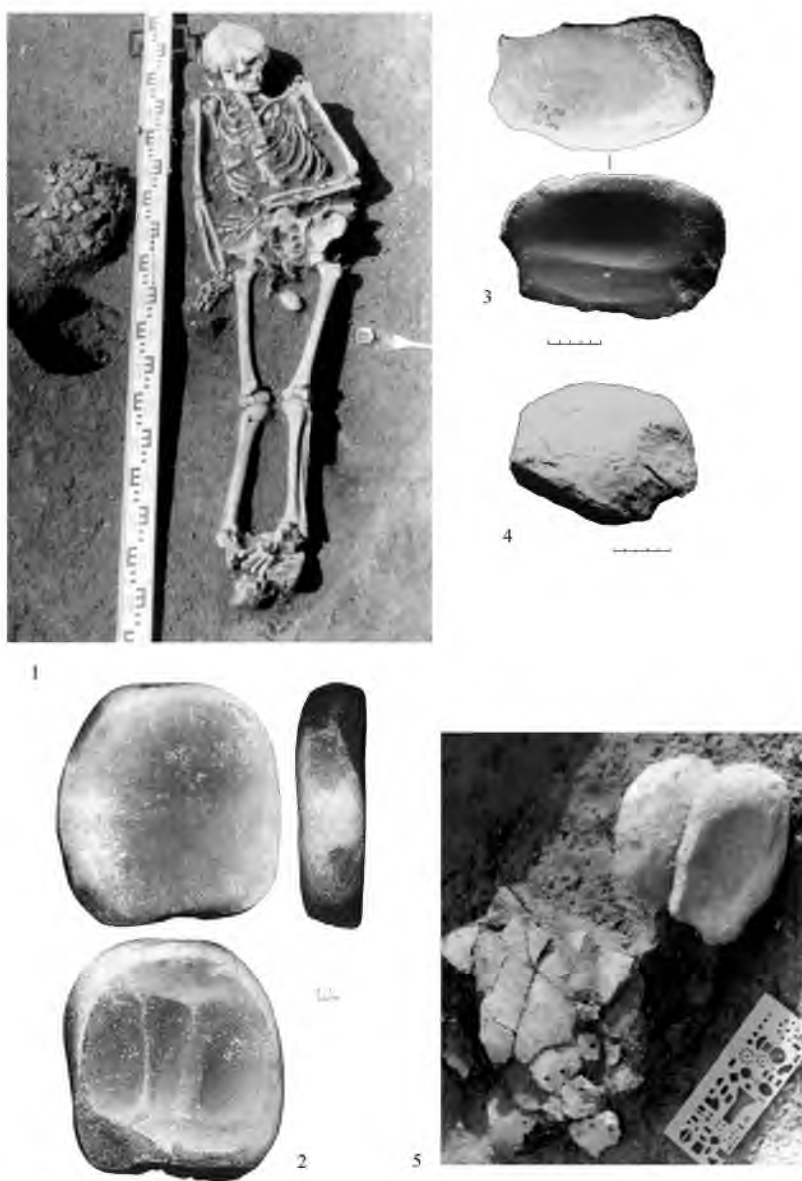

Рис. 3. 1 – Варфоломеевская стоянка, погребение 3, вид с востока;
2 – находка из мариупольского погребения у хут. Голубая Криница (по: Березуцкий и др., 2011);
3-5 – находки из слоя 2А Варфоломеевской стоянки

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Белицкий А.В.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ МЕЧЕЙ С ДУГОВИДНЫМИ НАВЕРШИЕМ И ПЕРЕКРЕСТИЕМ*

К проблеме происхождения мечей раннесарматского типа исследователи обратились еще в начале XX века. В настоящее время существует два основных мнения по вопросу о происхождении мечей и кинжалов прохоровского типа. Сторонники одного из них утверждают, что мечи с серповидным навершием и прямым перекрестием произошли от савроматских, доказательством чего служат мечи так называемого «переходного» типа. Приверженцы другого считают, что появление прохоровских мечей имеет характер новации, и они не зависят в своей эволюции от мечей «переходного» типа.

Впервые вопрос об эволюции перекрестия меча у сарматов был поставлен М.И. Ростовцевым. Он утверждал, что прямое перекрестие произошло от почковидного, через сердцевидное и бабочковидное, но в то же время отмечал возможность прихода с Востока, в эпоху эллинизма, новой формы железного меча с длинным лезвием, серповидным набалдашником и прямой крестовиной [Ростовцев, 1918. С. 60–61].

Б.Н. Граков отмечал в инвентаре прохоровской культуры вырождение скифских мечей и кинжалов [Граков, 1947. С. 104–105].

О возможности происхождения мечей прохоровского типа от савроматских писали К.Ф. Смирнов и М.Г. Мошкова. Они выделили так называемые мечи «переходного» типа, от савроматских к раннесарматским. Эти мечи с короткими, слегка изогнутыми брусковидными или прямыми навершиями, с перекрестиями в виде сломанного под тупым углом бруска и реже с дуговидным перекрестием, заняли определенное место в их классификации холодного оружия. Они датированы по бронзовым наконечникам стрел и керамике IV в. до н. э. Данный тип мечей был найден в то время только в погребальных комплексах Южного Приуралья, что и позволило К.Ф. Смирнову и М.Г. Мошковой сделать вывод о том, что прохоровский тип мечей сложился в среде южно-уральской группы сарматов. Эволюция, по мнению авторов, шла

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-31-01014.

через эволюцию узкого бабочковидного перекрестия в согнутое под тупым углом брусковидное и далее к прямому, при возможном влиянии Сибири и Средней Азии. В своих выводах они опирались на находки у ст. Сайхин, северо-восточной группы (к. 1, п. 1), с. Преображенское (к. 3), Нового Кумака (к. 13, к. 12, к. 16) и др. [Смирнов, 1961. С. 24, 30–31; Мошкова, 1974. С. 24–25].

А.М. Хазанов поддержал гипотезу об эволюции перекрестия меча у ранних сарматов в IV в. до н. э. [Хазанов, 1971. С. 8].

О появлении мечей с брусковидным навершием и изогнутым под тупым углом перекрестием в Нижнем Поволжье писал В.П. Шилов по данным Аксеновского могильника [Шилов, 1975. С. 127], но К.Ф. Смирнов и М.Г. Мошкова считают, что эти мечи имеют кавказское происхождение [Мошкова, Смирнов, 1977. С. 270–271].

В.Н. Васильев, говоря о развитии мечей прохоровского типа от савроматских акинаков, утверждал существование параллельной эволюции перекрестия у мечей с прямым брусковидным навершием, которые он называет тупиковой ветвью развития, и с серповидным перекрестием [Васильев, 2001а. С. 39–44].

Мечи «переходного» типа были отмечены И.И. Марченко в Прикубанье, (комплексы №№ 259, 270) [Марченко, 1996. С. 48–50] и В.М. Клепиковым (Барановка, к. 27, Кривая Лука XXV, к. 1, п. 7 и т. д.) [Клепиков, 1998. С. 36–38], эти мечи датированы ими IV в. до н. э. по аналогии с предшествующими находками.

Исходя из эволюции, предложенной авторами, можно выделить следующие вариации происхождения мечей:

1. От мечей с прямым навершием и бабочковидным, крыловидным или узким бабочковидным перекрестием – к мечам с перекрестием, сломанным под тупым углом, и прямым навершием, далее – к мечам с перекрестием, изогнутым в виде дуги и прямым навершием и, наконец, к окончательному виду – мечам с перекрестием в виде бруска и прямым навершием.

2. От мечей с прямым навершием и бабочковидным, крыловидным или узким бабочковидным перекрестием – к мечам с перекрестием, сломанным под тупым углом и согнутым навершием, далее к мечам с перекрестием, изогнутым в виде дуги и согнутым навершием и, наконец, к окончательному виду – мечам с перекрестием в виде бруска и согнутым или серповидным навершием. Причем, эти изменения, видимо, происходили одновременно.

Таким образом, мечи с прямым навершием и бабочковидным, крыловидным или узким бабочковидным перекрестием – является исходным типом, от него перекрестие постепенно подвергается эволюционным преобразованиям к выпрямлению. Сначала оно имеет вид сломанного под тупым углом, затем превращается в изогнутое и далее прямое перекрестие, но при этом идет развитие в двух вариантах: с прямым и изогнутым навершием. При этом все типы «переходных» мечей встречаются в IV веке до н. э.

Хотелось бы остановиться как раз на мечях с дуговидными навершием и перекрестием. Находки данных мечей известны на большей территории ойкумены сарматских племен. Причем, известны как предметы из погребальных комплексов, так и случайные находки. Для определения возможного центра появления данного типа мечей, случайные находки не использова-

лись из-за их малой информативности. На Южном Урале этот тип представлен в следующих памятниках: Любимовка, к. 1, п. 1, п. 3, п. 4 [Смирнов, 1964. С. 62, рис. 43]; Новый Кумак, к. 13 [Мошкова, 1962. С. 217. рис. 11]; Березовка, к. 1, п. 1 [Хабдулина, Малютина, 1982. С. 75, рис. 1, 10]; Переволочан, к. 10, п. 4, Четыре Мара II, к. 7, п. 3 [Васильев, 2001а, рис. 9, 5, 9]; Три Мара, к. 4, п. 1 [Смирнов, 1981. С. 81, рис. 7, 7]; Сибай I, к. 8 [Васильев, 2001б. рис. 2, 9]; Лебедевка V, к. 9, п. 2 [Железчиков, Клепиков, Сергацков, 2006. С. 13, рис. 16, 1]; Лебедевка VI, к. 25, п. 2 [Железчиков, Клепиков, Сергацков, 2006. С. 25, рис. 55, 1, 2]; Новомусино, к. 3, п. 1 [Васильев, 2004б. С. 175, рис. 2, 4]; Филипповка, к. 13 [Сокровища ... 2008. Рис. 71].

В Нижнем Поволжье данный тип встречен в Эльтоне, к. 10, п. 9 [Клепиков, 1999. С. 66, рис. 3, 9]; Быково, к. 7, п. 6 [Скрипкин, 1977. Рис. 102].

На территории Среднего Дона встречены в Частых курганах, к. 11/2, Русская Тростянка, к. 7 [Либеров, 1965. Табл. 17, 3, 4].

На Нижней Кубани подобные мечи найдены в ст. Кореновской [Анфимов, 1955. С. 48, рис. 17, 1] и Калининском, к. 1, п. 4 [Марченко, 1984. С. 38, рис. 1, 14].

Все памятники, найденные на Южном Урале, датируются второй половиной – концом IV в. до н. э. [Обоснование датировок см.: Васильев, 2004а]; погребения в Частых курганах и Русской Тростянке датируются IV–III в. до н. э. [Либеров, 1965. Табл. IX].

Погребение могильника Эльтон датируется IV в. до н. э., так как погребение было диагональным, а раннее диагональное положение от Южного Урала до Нижнего Дона датируется в хронологических рамках V–IV вв. до н. э. [Скрипкин, 2009. С. 173–174]. Массивный железный колчаный крючок аналогичен железной основе крючка из погребения 6 кургана 2 с Тамбовка Самарской области и датируется IV–III вв. до н. э. [Клепиков, 1999. С. 70–71]. Это погребение располагалось также в кольцевой системе с погребением 2, где обнаружен круглодонный сосуд с орнаментом в виде заштрихованных фестонов по верхней части сосуда и обильными включениями талька в тесто, который датируется IV в. до н. э. по аналогиям в комплексах Приуралья и Заволжья [Клепиков, 1999. С. 70].

Погребение из Быково датируется по зеркалу, которое можно отнести к 2 варианту типа III по типологии И.И. Марченко, второй половиной IV–III в. до н. э. [Марченко, 1996. С. 14–15, рис. 2]. Время бытования данного типа мечей определяется IV–III вв. до н. э.

Комплекс из Кореновской отнесен к III–II в. до н. э. [Анфимов, 1955. С. 49], а из Калининского к III в. до н. э. [Марченко, 1984. С. 41].

Таким образом, судя по географии распространения погребений с мечами данного типа и их хронологии в комплексах от Южного Урала до Кубани, можно предположить, что данный тип мечей имеет восточное происхождение и попадает на территорию Поволжья с новыми группами кочевников.

Литература:

Анфимов Н.В. Археологические разведки по среднему Прикубанью // КСИИМК. 1955. Вып. 60.

- Васильев В.Н.* Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н. э. Уфа, 2001а.
- Васильев В.Н.* К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н. э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. 2001б. Вып. 1.
- Васильев В.Н.* К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. 2004а. Вып. 5.
- Васильев В.Н., Сиротин С.В.* Ново-Мусинский 3 курган // Уфимский археологический вестник. 2004б. Вып. 5.
- Граков Б.Н.* Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3.
- Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В.* Древности Лебедевки (VI–II вв. до н. э.) Волгоград, 2006.
- Клепиков В.М.* Сарматы IV–III вв. до н. э. в Заволжье и Волго-Донском Междуречье. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Волгоград, 1998.
- Клепиков В.М.* Погребения IV в. до н. э. и начало раннесарматской миграции в Нижнем Поволжье // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград, 1999.
- Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону / П.Д. Либеров // САИ. 1965. Вып. Д 1–31.
- Марченко И.И.* Впускные сарматские погребения правобережья Кубани (Калининская курганная группа) // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.
- Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996.
- Мошкова М.Г.* Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орск // МИА. 1962. № 115.
- Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Мошкова М.Г., Смирнов К.Ф.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975 // СА. 1977. № 2.
- Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. 1918. № 37.
- Скрипкин А.С.* Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Большой Волгоградской оросительной системы в Быковском районе Волгоградской области // ВОКМ. 1977. № 86.
- Скрипкин А.С.* Проблемы этнической истории Нижнего Дона в IV в. до н. э. и некоторые вопросы ранней истории сарматов // Нижневолжский археологический вестник. 2009. Вып. 10.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Смирнов К.Ф.* Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья скифского времени // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981.
- Сокровища сарматских вождей (материалы раскопок Филипповских курганов).* Оренбург, 2008.

Хабдулина М.К., Малютина Т.С. Погребальный комплекс V-IV вв. до н. э. из Челябинской области // КСИА. 1982. Вып. 170.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.

Вагнер Е.В.

САРМАТСКИЕ БРОНЗОВЫЕ ЗЕРКАЛА ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЗАВОЛЖЬЯ

Металлические зеркала, как особая категория вещественного материала, интересовали исследователей еще в самом начале становления сарматской археологии в России. В работах М.И. Ростовцева и П.Д. Рау впервые решались вопросы происхождения и типологии сарматских зеркал [Ростовцев, 1918. С. 70–73; Рау, 1927. С. 90–96]. По мере накопления материала появляются более подробные исследования по классификации сарматских зеркал, в основу которой были положены преимущественно морфологические признаки [Хазанов, 1963; Смирнов, 1964. С. 31–32; Мошкова, 1963. С. 41–43; Литвинский, 1971. С. 34–67].

Позднее свою классификацию зеркал Волго-Уральского региона предложил и А.С. Скрипкин, который выделил 6 вариантов формы диска и 11 вариантов ручек. Используя корреляцию форм диска и ручек, А.С. Скрипкин выделил 6 отделов и 22 типа зеркал, в тех вариантах, когда форма диска коррелируется с вариантом ручки. Для выделения вариантов внутри типов зеркал автор использует дополнительные признаки – размеры и орнаменты [Скрипкин, 1990. С. 92]. Схема, разработанная А.С. Скрипкиным, обладает универсальными возможностями, она открыта для корректировок и дополнений, а поэтому широко используется специалистами. Эта схема, с небольшими изменениями, была взята за основу при анализе зеркал из сарматских погребальных комплексов волгоградского Заволжья в представляемой работе:

Отдел 1. Зеркала с плоским диском:

Тип 1.01 (рис. 1, 2, 3, 5) – без ручек, диаметр менее 10 см (14*);

Тип 1.02 (рис. 1, 4, 6) – без ручек, диаметр свыше 10 см (3);

Вариант 1.02.1 – плоское зеркало более 10 см с орнаментом (1);

Тип 1.1 (рис. 1, 6) – плоские зеркала с отдельной ручкой (3);

Тип 1.4 (рис. 1, 7, 8) – с прямой плоской ручкой (2);

Тип 1.6 (рис. 1, 10, 11, 12) – с плоской клиновидной ручкой (3);

* Здесь и далее в скобках указывается количество находок.

(Зеркала второго отдела типологии А.С. Скрипкина отсутствуют).

Отдел 3. Зеркала с бортиком по краю диска:

Тип 3.0 (рис. 1, 9) – зеркала без ручек (2);

Вариант 3.0.1 – с орнаментом (1);

Отдел 4. Зеркала с валиком по краю диска:

Тип 4.0 – без ручки (1);

Тип 4.1 (рис. 2, 1, 2) – с отдельной ручкой (4);

Тип 4.5 – с массивной прямой ручкой (1);

Тип 4.7 (рис. 2, 4–8) – зеркала с валиком по краю диска и клиновидной ручкой-штырем (33);

Вариант 4.7.1 (рис. 2, 7) – с орнаментом (2);

(Зеркала пятого отдела классификации А.С. Скрипкина отсутствуют).

Отдел 6. Зеркала с валиком по краю и конусовидной выпуклостью в центре диска:

Тип 6.7 (рис. 2, 9) – с клиновидной ручкой-штырем (6);

(Позднесарматские зеркала уместно вынести в новый отдел 7).

Тип 7.10 (рис. 2, 10) – зеркала-подвески с боковым ушком (12);

Вариант 7.10.1 – с орнаментом (10);

Тип 7.11 (рис. 2, 11) – зеркала с петелькой на оборотной стороне (1);

Вариант 7.11.1 – с орнаментом (1);

Не вошли в классификацию импортные зеркала: плоское прямоугольное зеркало провинциально-римского производства из к. 36 могильника Бережновка 2, и китайское орнаментированное зеркало из к. 33. могильника Бережновка 2.

Типологически определено 86 зеркал. В данном подсчете учтены только целые зеркала, или артефакты, находящиеся в достаточном для интерпретации состоянии. Фрагменты зеркал разделены на две категории находок: Ф 1 – фрагменты с плоским диском (14), Ф 2 – с валиком по краю (56).

Типы зеркал в раннесарматских погребениях региона.

Зеркала и их фрагменты обнаружены в 170 погребениях выборки, основная масса погребений (125) относится к раннесарматской культуре. Распределение зеркал из раннесарматских погребений по типам отражено в гистограмме 1. Абсолютное большинство зеркал представлено в виде фрагментов с валиком (Ф 2) или без него (Ф 1), преобладающими являются зеркала с валиком и ручкой-штырем (28) и плоские зеркала без ручек, диаметром до 10 см (9).

На основании нахождения в некоторых комплексах предметов-«хроноиндикаторов» были выделены узко датированные погребения, содержащие зеркала и прослежено изменение их типов во времени (таблица 1).

Контекст нахождения зеркал в раннесарматских комплексах.

Для раннесарматских погребений с зеркалами характерны следующие черты:

1. Частое положение фрагментов зеркал, в том числе и со следами преднамеренной порчи;
2. Преобладание зеркал с валиком по краю диска;
3. Наличие определенной традиции положения черепа погребенного на правую сторону (20%), чаще всего, лицевыми костями на Восток;

4. Находки зеркал преобладают в женских (87), но встречены также в мужских (18) и в детских (4) погребениях**;

5. Более распространенными являются зеркала диаметром свыше 10 см; частое положение предметов вооружения совместно с зеркалом.

Сравнительный анализ погребального обряда мужских и женских погребений с зеркалами демонстрирует определенные отличия. Мужские погребения ранних сарматов с зеркалами часто содержат вооружение: мечи (5) (в четырех случаях совместно с мечом положен и кинжал), кинжалы (13), наконечники стрел (10) и копий (2). В мужских погребениях очень редко встречаются пряслица (2), реальгар (2), сера, мел, галька и курильницы (по 1), отсутствуют «молоточки», ложечки.

В женских раннесарматских погребениях с зеркалами (87) всего 2 комплекса с мечами и 4 с кинжалами, причем, нет примеров совместного положения одного и другого оружия, зато обнаружены наконечники стрел (6). Распространенными находками в женских погребениях являются пряслица (35), курильницы (15), костяные ложечки (6), детали гребней (6), игольники и проколки (по 3). В ряде погребений присутствуют косметические или сакральные вещества и предметы: мел (12), реальгар (11), галька (8), раковины и/или их створки (5), сера (5), «молоточки» (3), тальк (1), охра (1), значительно чаще, чем в мужских погребениях, встречаются бусы и глиняная посуда (50% против 21%).

Сравнивая погребальный обряд мужчин и женщин, необходимо отметить отсутствие основных мужских погребений в кургане и более частое положение черепа у мужчин на височные кости (57%).

Мужские погребения с зеркалами, в большинстве своем, индивидуальные, причем процент положения зеркала под телом покойного у мужчин выше (30%), все зеркала больше 10 см в диаметре, в целом же, по типам зеркал мною не выделено серьезных различий между мужскими и женскими захоронениями. Кроме того, заметно очень близкое процентное соотношение положения целых и разбитых зеркал, а также наличия следов порчи этих изделий в мужских и женских погребениях.

Детские погребения с зеркалами достаточно бедны, лишь в одном случае в инвентаре, помимо глиняных горшков и заупокойной пищи, находится кинжал, еще в одном – два пряслица.

Сравнение погребального обряда погребений с зеркалами разных этапов раннесарматской культуры дало ряд отличий, как в обряде, так и в типах зеркал.

Памятники IV–III вв. до н. э.

В представленной выборке к этому периоду относятся массивные зеркала с длинной плоской ручкой, отлитой вместе с диском. Подобные зеркала широко известны в памятниках VI–IV вв. до н. э. [Кузнецова, 2012. С. 61].

Памятники III или середины III–II вв. до н. э.

В памятниках, уверенно датирующихся этим временем, преобладают находки зеркал с валиком по краю диска, встречено зеркало с бортиком и небольшие плоские зеркала без ручек.

** Половозрастные определения представлены на основании данных отчетов и публикаций.

Памятники II-I вв. до н. э.

В погребениях выборки, уверенно датирующихся этим временем, преобладают зеркала с валиком по краю диска. Увеличивается число находок небольших плоских зеркал, обнаружено два зеркала с валиком, умбоном и ручкой-штырем.

Уменьшается количество подбойных погребений, увеличивается число ям с заплечиками, происходит резкий рост числа индивидуальных погребений (38% – 88%), частыми становится использование гробовищ и перекрытий (35%), сокращается число мужских погребений с зеркалами (25% – 16%). Небольшие плоские зеркала на позднем этапе составляют четверть всех находок зеркал. Сохраняется преобладание ориентировки в южный сектор, соотношение целых и разбитых зеркал.

Типы зеркал в среднесарматских погребениях Заволжья.

Преобладают плоские зеркала: без ручек (23%), среди которых только одно больше 10 см в диаметре; с небольшой ручкой-выступом (14%); фрагменты плоских зеркал Ф 1 (28%).

Контекст нахождения зеркал в среднесарматских комплексах.

Среднесарматские погребения с зеркалами (28) демонстрируют тесную связь в ряде черт погребального обряда с предшествующим периодом.

Однако, существуют и отличия:

1. Высокий процент зеркал с плоским диском;
2. Увеличивается число целых зеркал;
3. Изменяется традиция положения зеркала в могилу.

Как и в раннесарматских погребениях с зеркалами, в среднесарматское время преобладают захоронения женщин (21), мужские зафиксированы в 4-х комплексах, половая принадлежность остальных не определена.

В женских среднесарматских погребениях с зеркалами практически перестают встречаться предметы вооружения, встречены лишь наконечники стрел (3) в небольшом количестве. Сохраняется высокий процент находок пряслиц (15), курильниц (8, в том числе двойных – 2), проколок (3). Сохраняется традиция положения косметических и сакральных предметов и веществ: мела (6), гальки (2), раковин и их створок (1), найдены новые подобные вещи и вещества – слюда, янтарь (по одному случаю), антропоморфные статуэтки из мела (1).

В мужских среднесарматских погребениях с зеркалами встречается вооружение, в одном случае (Суслы, к. 51) оно представлено мечом, луком со стрелами, наконечниками дротика, в двух других более скромно – кинжалом и наконечниками стрел. Интересно, что в мужских погребениях с оружием зеркала разбиты, а целое изделие из мужского(?) погребения из Бережновки II, 12/6, находится в комплексе без предметов вооружения.

В мужских погребениях с зеркалами встречается мел, реальгар, сера, не обнаружены пряслица и курильницы.

Помимо этого, отмечено нахождение небольших плоских зеркал в более бедных погребениях, зачастую впускных, причем в таких погребениях с малым количеством инвентаря зеркала, почти всегда, целые.

Типы зеркал в позднесарматских погребениях региона.

В позднесарматских погребениях господствуют зеркала-подвески с боковым ушком, найдено два зеркала с петелькой в центре оборотной стороны. Один раз встречено зеркало с валиком и отверстиями для крепления ручки.

Контекст нахождения зеркал в позднесарматских погребениях.

Позднесарматские погребения с бронзовыми зеркалами в значительно большей степени отличаются от предшествующих культур. Погребальный обряд позднесарматских комплексов имеет свои специфические черты:

1. Большинство зеркал целые, без следов порчи;
2. Изменяется традиция положения зеркал в погребение;
3. Отсутствие мужских погребений в выборке.

В позднесарматских женских погребениях с зеркалами нет предметов вооружения, исключение составляет погребение из кургана 37, могильника Бережновка 1, где обнаружен наконечник стрелы, применявшийся, в качестве подвески, судя по проделанному отверстию. Также перестают встречаться костяные ложечки и фрагменты гребней, зернотерки. С предыдущими этапами сарматской культуры эти погребения связывает сохранение положения пряслиц (11), курильниц (4 случая), костяных проколов (1). Продолжают встречаться косметические/ритуальные вещества: мел (4), раковины и/или их створки (3), слюда, охра, румяна (по 1). Отличает позднесарматские погребения с зеркалами наличие большого числа фибул (10), железных ножниц (2).

Сарматские зеркала в системе погребального обряда.

О значении металлического зеркала в погребальном обряде сарматов написан ряд работ [Хазанов, 1964; Литвинский, 1978, 1984; Коробкова, 2003]. Существует несколько авторитетных гипотез касательно семантики этих изделий в обряде, а точнее того, почему зачастую они разбиты или повреждены:

1. Зеркала повреждались для того, чтобы «душа» или тень предмета последовала вслед за хозяином в загробный мир;
2. Зеркала являлись атрибутами воинов (как и мечи) и повреждались для того, чтобы не навредить оставшимся в живых;
3. Зеркала могли задерживать в себе душу человека, вместе с его изображением, и потому разбивались, когда хозяин умирал;
4. Обломками зеркал обменивались родственники, супруги и любовники. Для того, чтобы найти друг друга после смерти эти фрагменты погребали вместе с человеком.

Первая гипотеза является наиболее распространенной, однако у нее есть уязвимые места. Одним из них являются комплексы, в которых вместе с разбитым зеркалом помещалось целое, без следов порчи (например, Западные могилы, 18/7; Быково III, 9/8).

Второй гипотезе несколько противоречат данные, показывающие, что погребений с вооружением значительно больше, чем погребений с совместным положением оружия и зеркал.

На мой взгляд, более предпочтительными кажутся последние две версии. Наличие целых зеркал в рамках третьей версии можно объяснить характером смерти человека. Приведенные мною данные об анализе погребального обряда свидетельствуют о том, что зеркало, в большей степени, атрибут женский. Наличие этих артефактов в мужских погребениях ранних и средних сарматов достаточно логично объясняется стремлением сохранить и перенести в загробный мир память о любимой. Как известно, по всей Азии намеренно ломали зеркала в память друг о друге, в том числе и для того, чтобы

удостоверить личность посланца, который, передавая послание, прикладывает свой фрагмент зеркала к части, оставшейся у адресата [Маракуев, 1947. С. 171]. В пользу подобного назначения зеркала говорит преобладание небольших фрагментов зеркал в погребениях. Возможно, поэтому зеркала находят в воинских погребениях.

Более однородной выглядит группа позднесарматских погребений. Действительно, зеркала этого времени говорят о радикальной смене как минимум вкусов, а как максимум – мировоззрения обитателей заволжских степей. Маленькие подвески, вряд ли способные серьезно выполнять функцию зеркала, воспринимаются большинством исследователей как амулеты или некие обереги. Соответственно, они должны оберегать хозяйку и после смерти и должны оставаться целыми, что и фиксируется в позднесарматских погребениях.

Рассматривая развитие зеркал на основании изученных погребений, можно выделить некоторые тенденции:

1. Большие плоские зеркала с длинными боковыми ручками, распространенные у савроматов, продолжают встречаться в сарматских памятниках IV – начала III вв. до н. э.

2. Плоские зеркала с отогнутым краем, известные в савроматское время, встречаются в памятниках рассматриваемого региона вплоть до начала II в. до н. э.

3. Серьезные изменения в форме зеркал происходят в III в. до н. э., когда господствующими становятся изделия с валиком по краю. Подобные изменения привнесены, по-видимому, с Востока, где подобные изделия известны ранее [Скрипкин, 1990. С. 27].

4. Новые инновации в форме зеркал проявляются в I в. до н. э., с появлением зеркал с валиком, ручкой-штырем и умбоном в центре оборотной стороны. В современной археологической науке эти зеркала принято считать упрощенными формами «музыкальных зеркал». Из Центральной Азии зеркала попадали в районы обитания сарматских племен Приуралья, Поволжья, Северного Кавказа, о чем свидетельствует совпадение составов сарматских и центрально-азиатских зеркал [Равич, 2004. С. 67–76].

5. Плоские зеркала без ручек, известные в савроматских погребениях, уменьшаются в размерах и продолжают существовать в сарматское время, став к I в. н. э. господствующим типом зеркал.

6. Несмотря на все изменения в типах зеркал, в целом, в период с III в. до н. э. по рубеж II вв. н. э. в рассматриваемом регионе сохраняется некоторая преемственность в погребальном обряде, эта ситуация резко изменяется с появлением зеркал-подвесок с боковым ушком во II в. н. э.

7. Во второй половине II – начале III в. н. э. у сарматов Поволжья появляются зеркала с петелькой в центре оборотной стороны. Привнесенные из сибиро-китайского региона [Ростовцев, 1918. С. 81; Хазанов, 1963. С. 67–68], Кавказа [Абрамова, 1974] или из Средней Азии [Литвинский, 1978. С. 93–94], такие зеркала видоизменялись местным населением, покрывались орнаментом, характерным для зеркал с боковым ушком.

8. Позднесарматские погребения с зеркалами демонстрируют резкие изменения, связанные с новой восточной волной пришельцев.

Таблица 1. Хронологическое распределение типов зеркал.

Тип	Время	Место находки
1.4	IV – начало III вв. до н. э.	Новоузенск 2/7, Лятошинка 5/10
4.5	IV – начало III вв. до н. э.	Журов 2/2
4.7	III или III – начало II вв. до н. э.	Белокаменка 6/5; Бережновка Ю. гр. 2/11; Маляевка 5 3/3; Западные могилы 18/7
3.0	III или III – начало II вв. до н. э.	Килякова 4/5
1.02	III или III – начало II вв. до н. э.	Солодовка I 31/2; Западные могилы 18/7
Ф2	III или III – начало II вв. до н. э.	Киляковка 4/4; Белокаменка 1/3; Верхнее Погромное 6/8
1.01.	III–I в. до н. э.	Быково III 9/8; Солодовка I 5/9; Западные могилы 18/2
1.1.	III–I в. до н. э.	Быково III 7/6; Бережновка 2/2
3.0.1.	III–I в. до н. э.	Западные могилы 18/1
4.1.	III–I в. до н. э.	Бережновка I 1/4, Бережновка II 62/6, Молчановка II 1/10
4.7.	III–I в. до н. э.	Солянка 1/4; Верхнее Погромное 15/4; Белокаменка 3/5, 4/7, 6/5; Солодовка I 12/4; Волжский 1/22; Быково III 9/8; Бережновка I 1/6; Бережновка II 14/21
4.7.1.	III–I в. до н. э.	Верхнее Погромное 6/7
1.01	II–I в. до н. э.	Политотдельское 2/6, 2/7; Бережновка-Ю. гр. 2/7
4.7.	II–I в. до н. э.	Быково III 2/3; Верхнее Погромное 6/5; Верхнее Погромное 7/6, 7/7, 7/8, 7/10; Быково I 7/2
6.7.	II–I в. до н. э.	Солодовка I 5/7; Заплавное 8/9
Ф2	II–I в. до н. э.	Бахтияровка 33/5; Колобовка 2/5; Бережновка I 35/17
1.6.	I в. н. э.	Бережновка II к. 20; Суслы к. 47
6.7.	I в. н. э.	Калиновка 55/8 (о датировке: Шилов, 1975. С. 482–488; Сергацков, 2004. С. 110); Бережновка II 57/1
Ф1.	I в. н. э.	Калиновка 1/2
Ф2.	I в. н. э.	Бережновка II к. 100
1.01.	I–II вв. н. э.	Бережновка II 12/6; Бережновка I 22; Калиновка 3/18; Калиновка 12/12
1.02.	I–II вв. н. э.	Маляевка V 6/2.
4.7.	I–II вв. н. э.	Быково I 5/3; Бережновка II к. 108
6.7.	I–II вв. н. э.	Суслы к. 18
Ф1.	I–II вв. н. э.	Бахтияровка 101/1; Бережновка II 24/1; Суслы к. 38; Калиновка 3/13

Ф2.	I-II вв. н. э.	Западные Могилы 4/1; Суслы к. 54
7.10.	Сер. II - первая половина III вв. н. э.	Бережновка II к. 73
7.10.1	Сер. II - первая половина III вв. н. э.	Бережновка II к. 40, Бережновка II к. 67, Суслы к. 6; Бережновка II к. 60; Бережновка II к. 49, Суслы к. 7
7.10	II-III вв. н. э.	Маляевка V 9/1
7.10.1	II-III вв. н. э.	Суслы к. 39
7.11.	Кон. II-III вв. н. э.	Западные могилы 24/1; Калиновка к. 15

Литература:

Абрамова М.П. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.

Виноградов В.Б., Петренко В.А. К происхождению зеркал-подвесок Северного Кавказа // Краткие сообщения института археологии АН СССР. № 148. М., 1977.

Коробкова Е.А. О семантическом значении зеркал в сарматской культуре // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6.

Литвинский Б.А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1971.

Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.

Маракуев А.В. Китайские бронзы из Басандайки // Труды Томского университета. Т. 98. Томск, 1947.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д 1-10 М.; Л., 1963.

Парусимов И.Н. К датировке погребения 2 Журова кургана // Археология Нижнего Поволжья, проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. Астрахань, 2010.

Равич И.Г. К вопросу о происхождении и применении зеркал сарматского времени с валиком по краю диска // Исследование и консервация памятников культуры. Памяти Л.А. Лелекова / К.И. Маслов (ред.) М., 2004.

Ростовцев М.И. Курганные находки в Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. Пг., 1918.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4.

Хазанов А.М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СА. 1964. № 3.

Rau P. Die Hugelgraber romisher Zeit an der Unteren Wolga. Pokrowsk, 1927.

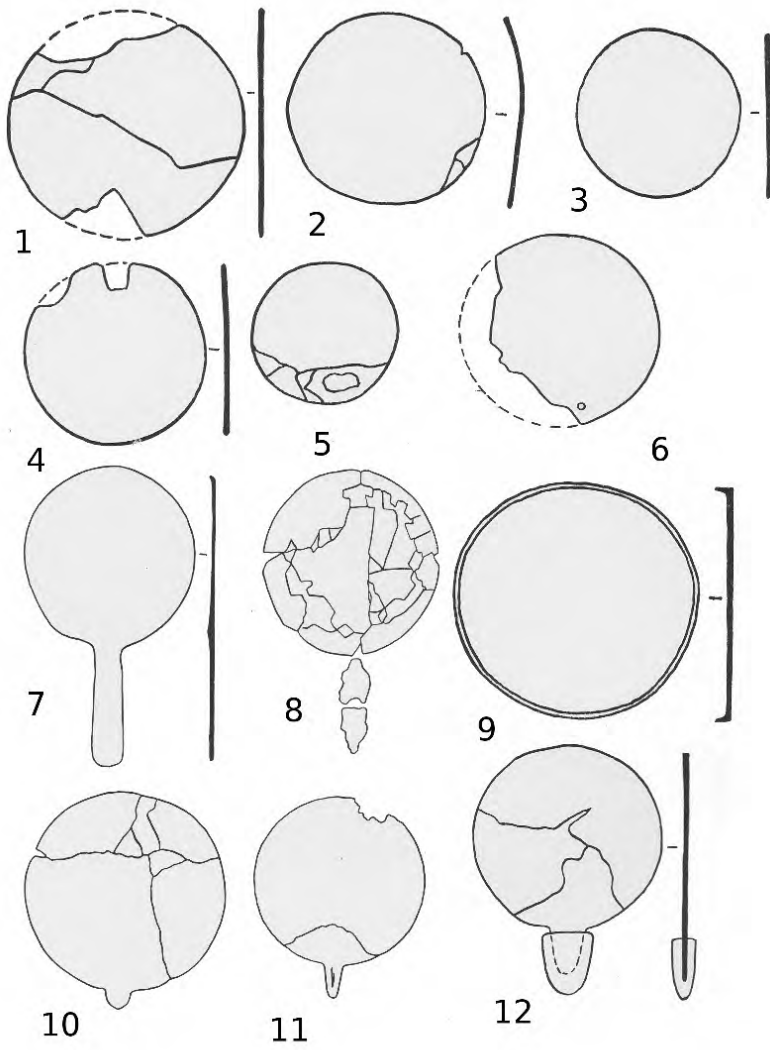

Рис. 1. Зеркала с плоским диском (отделы 1-3)

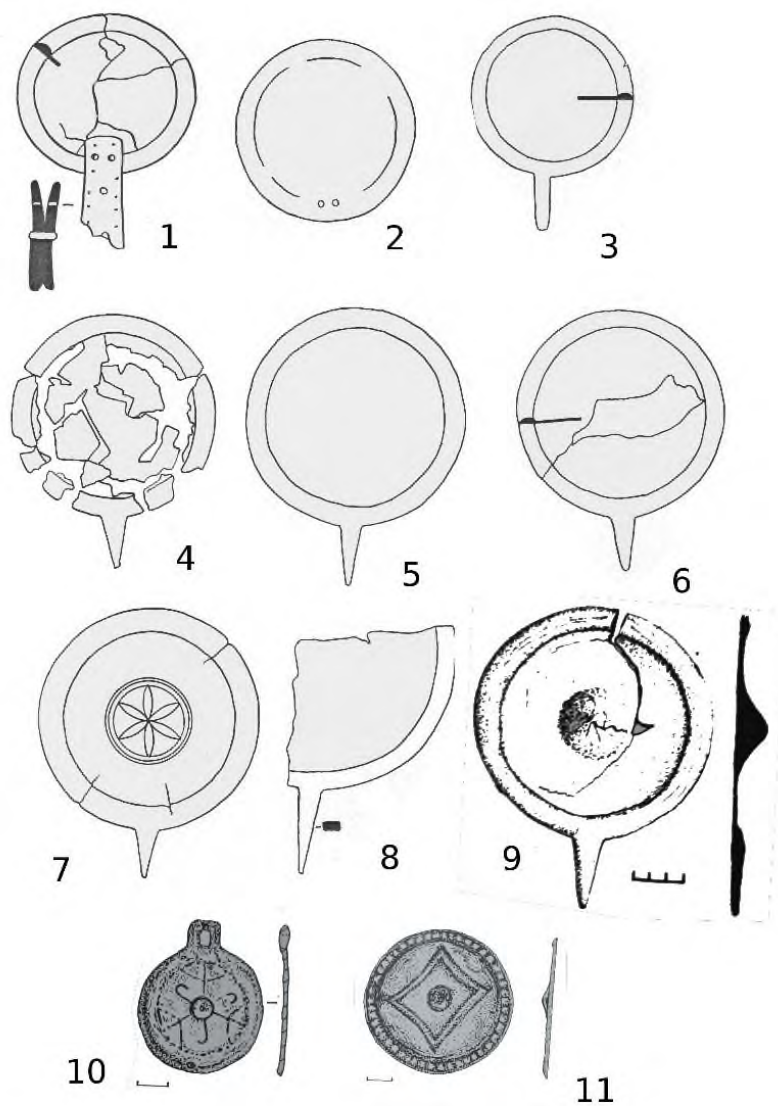

Рис. 2. Зеркала с валиком по краю (отделы 4-6)

Кривошеев М.В.

НАБОРЫ КЛИНКОВОГО ВООРУЖЕНИЯ ИЗ ПОЗДНЕСАРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ*

В погребениях позднесарматского времени встречается комплекс вооружения, в состав которого входит кинжал и нож. Стоит пояснить, что речь идет о случаях, когда достоверно можно говорить об обнаружении ножей совместно с кинжалами *in situ* в ножнах, которые были соединены вместе. Ножи и кинжалы одинаково направлены остриями, при этом нож положен под острым углом к кинжалу и острием приближен к кинжалу, либо перекрывает его (рис. 1, 1).

Такие наборы были обнаружены в кургане 27 могильника Аксай II (рис. 1, 2) [Дьяченко, 2006], в погребении 2 кургана 1 курганной группы Гремячая (рис. 1, 3) [Гуренко, 2008], в кургане 5 могильника Ковыльнов III (рис. 1, 1) [Глухов, 2005]. Рассмотрим эти комплексы подробнее.

Все погребения принадлежали взрослым мужчинам старше 30 лет.

Погребения в Аскае II и в Ковыльнове III совершены в подбоях. Кинжалы и ножи лежали вдоль рук погребенных, с внешней стороны, у стенки подбоя, острием к ногам.

Погребение в Гремячей совершено в Т-образной катакомбе. Кинжал с ножом лежали за головой погребенного. Помимо этого в погребении находились длинный меч, лежавший около погребенного, и короткий меч, помещенный вдали от костяка, у стенки катакомбы.

Хронологически эти комплексы принадлежат позднесарматскому времени, но относятся к разным периодам.

В погребении из Ковыльнова III обнаружена крупная фибула с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника типа 7, по А.К. Амброзу, с мягко изогнутой спинкой, датируемая второй половиной II–III вв. н. э. [Амброз, 1966. С. 46, табл. 5, 20]. В своей работе В.В. Кропотов уточняет время существования таких фибул в рамках II – первой половины III в. н. э. [Кропотов, 2010. С. 204].

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-31-01014.

Комплекс из Гремячей относится ко второй половине III в. н. э., о чем свидетельствуют лучковые фибулы 2 серии с нижней тетивой.

В комплексе из Аксай II наличие серебряных наконечников ремней типа П 7 и пряжек с утолщением в передней части рамки и со спрямленной задней частью типа П 2а по В.Ю. Малашеву [Малашев, 2000. С. 199, 200] указывают на дату III в. н. э., вероятно, ближе к середине столетия.

Помимо упомянутых выше комплексов есть ряд погребений, где ножи также обнаружены рядом с кинжалами, но в отчетном и публикационном материале нет информации о наличии единых ножен кинжала и ножа. Таковы погребения из кургана 29 могильника Старица на правом берегу Волги, из кургана 5 могильника Вербовский I в междуречье Волги и Дона [Мамонтов, 2001] и из кургана 57 могильника Целинный I в Зауралье [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 114, рис. 35, II]. Из этих погребений лишь комплекс из Вербовского I уверенно датируется первой половиной III в. н. э. по пряжкам с утолщением в передней части рамки и со спрямленной задней частью, и по прямоугольной пряжке с фасетировкой [Малашев, 2000. С. 199, 209]. Ввиду обнаружения ножа и кинжала в этих погребениях вместе, можно предположить, что и в них кинжал и нож составляют единый комплект.

В описываемых погребениях кинжалы и ножи имеют некоторые конструктивные особенности. Во всех случаях кинжалы имели перекрестия. При этом у одних кинжалов перекрестия железные, у других бронзовые. Все они повторяют одну схему перекрестий: тонкие, плоские ромбовидные или линзовидные, с отверстием в центре, через которое надевались на штырь-рукоять (рис. 1, 2, 3).

Ножи, обнаруженные в исследованных комплексах вместе с кинжалами, также отличаются от обычных сарматских ножей (за исключением экземпляра из Целинного). Все ножи однолезвийные. Выше клинка черешки ножей имеют ту же ширину и толщину, что и лезвие. На нее при помощи заклепок крепились детали рукояти.

Рукояти этих ножей частично или целиком выполнены из бронзы [Кривошеев, 2007. С. 68]. Ножи с такими рукоятями можно разделить на 2 типа: с бронзовыми двухстворчатыми рукоятями с прямоугольными прорезями (рис. 1, 5), и ножи с рукоятями, у которых из бронзы выполнены отдельные двухстворчатые навершия и перекрестия, между которыми закреплялась деревянная вставка (рис. 1, 4). Навершия рукоятей практически во всех случаях расширяются кверху и заканчиваются плоскими круглыми вершинами. Это характерно как для цельных бронзовых рукоятей, так и для рукоятей, где навершие и перекрестие разделены. Исключением является рукоять ножа из могильника Аксай II, где расширение рукояти в верхней части отсутствует. Навершие имеет в разрезе тот же профиль, что и вся рукоять. Не исключено, что расширение изначально присутствовало, но было сточено владельцем ножа.

К сожалению, метод крепления ножен кинжалов и ножей зафиксировать не удалось. Судя по положению кинжалов и ножей в погребениях, каждый из клинков находился в собственных деревянных ножнах, которые, в свою очередь, были закреплены между собой кожаными ремнями таким образом, чтобы свободным был доступ к рукоятям обоих клинков (рис. 1, 2, 3).

Ножны ножа крепились нижней половиной к ножнам кинжала под углом около 13–15°. В двух случаях – в Гремячей и Аксае II ножны были окрашены в красный цвет, который нередко встречается на ножнах клинкового оружия в сарматских погребениях.

В погребении из Аксае II зафиксированы детали ножен кинжала. Кинжал был немного выдвинут из ножен (рис. 1, 2). Ножны были сделаны из дерева и окрашены в красный цвет. Нижняя прямоугольная часть была скреплена двумя серебряными гвоздиками. В нижней и верхней частях ножен по бокам лежали серебряные полусферические бляшки, которые, вероятно, украшали некие кожаные обоймы, опоясывавшие ножны. Не исключено, что это были деревянные выступы-лопасти, к которым крепились портупейные ремни.

Подобная схема украшения в виде боковых лопастей на ножнах кинжалов известна на находках из Тилля-Тепе в Афганистане, Дачи в Ростовской области, Косика в Астраханской области (рис. 1, б). Эти находки выполнены в золото-бирюзовом стиле и датируются I в. н. э.

Находка таких ножен из Аксае не единственная, относящаяся к поздне-сарматскому времени.

Аналогичное украшение ножен бляшками на выступах обнаружено в подбойном погребении 3 кургана 4 могильника Дружба на левом берегу р. Сал (рис. 1, 8) [Парусимов, 1998. С. 36–37, рис. 46, 10]. Кинжал в этом погребении имел железное перекрестие, и рядом с ним лежал нож.

Два кинжала с кольцевыми навершиями и округлыми деревянными выступами в нижней и верхней частях ножен, украшенные полусферическими серебряными бляшками, обнаружены в кургане 25 могильника Валовый в низовьях Дона (рис. 1, 7). Это погребение относится к разряду элитарных и датируется, скорее всего, концом II – первой третью III в. н. э. [Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009. С. 51, 113, рис. 33, 5, 6].

Необходимо отметить еще один комплекс кургана 10 могильника Высочино I на Нижнем Дону, где встречены кинжал и «боевой» нож. Кинжал и нож лежали рядом, каждый в своих ножнах. Кинжал имел прямое перекрестие и серповидное навершие. Возле него лежал нож с цельной костяной рукоятью. Ножны обоих клинков, а также рукоять и навершие кинжала были обложены золотой фольгой с тиснением. Несохранившиеся ножны кинжала имели, вероятно, выступы в нижней верхней части, которые были украшены железными умбонами, покрытыми золотой фольгой. Также в погребении найден длинный меч с халцедоновым навершием. По совокупности всех данных комплекс этого кургана можно датировать концом II – первой половиной III в. н. э. [Беспалый, Лукьяшко, 2008. С. 21–22. Табл. XIII, XIV; 5–10].

В погребении воина-всадника из погребения 8 кургана 16 могильника Центральный VI – первой половины III в. н. э. был найден кинжал (или короткий меч) с прямым перекрестием и кольцевым навершием. Ножны его были украшены серебряными полусферическими бляшками, которые были закреплены, вероятно, на выступах у устья ножен и в их нижней трети [Безуглов, 1988. С. 103]. Ножа в погребении не было.

В кургане 2 упомянутого выше могильника Дружба в подбойной могиле у правого бедра погребенного найден набор, состоящий из кинжала с железным перекрестием и ножа. В публикации говорится, что на кинжале были

ножны красного цвета, а «нож, вероятно, был вставлен сбоку, между деревом и кожей ножен кинжала» [Парусимов, 1998. С. 35, рис. 47]. Вероятной датой этого комплекса по пряжке типа П 2а (по В.Ю. Малашеву) является первая половина III в. н. э.

Известны также погребения, где встречены кинжалы и ножи, аналогичные описанным выше, но точно установить их взаимоположение не удалось ввиду ограбления могилы. В разрушенном погребении 1992/26 некрополя Танаиса сер. – второй половины II в. н. э. также обнаружены клинок кинжала или меча и нож с бронзовыми деталями рукояти [Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. С. 54, табл. 67, 854].

В ограбленном катакомбном погребении из кургана 1 могильника Октябрьский III на Есауловском Аксае были обнаружены фрагменты кинжала, у которого, скорее всего, было бронзовое перекрестие, и деталь бронзового навершия ножа [Мыськов, 1994. С. 2–7]. Вероятной датой комплекса является первая половина III в. н. э.

Итак, хронологические позиции рассматриваемых выше комплексов, в которых встречаются достаточно специфические наборы вооружения, состоящие из кинжалов с перекрестиями и боевых ножей, укладываются в рамках второй половины II–III вв. н. э. При этом большинство из них можно отнести к концу II – первой половине III в. н. э.

Подводя итоги можно предположить, что в конце II – начале III в. н. э. в среде кочевников появляется новый комплекс вооружения, в котором помимо меча и кинжала стали использоваться боевые ножи. Кинжалы при этом всегда имеют бронзовое или железное перекрестие, которое надевается на рукоятку-пштырь. Некоторые ножны кинжалов имеют декоративные выступы-лопасти, украшенные бляшками или умбонами из золота или серебра, что повторяет схему известных находок из аристократических захоронений первых веков нашей эры.

В ряде случаев удалось зафиксировать соединение кинжалов и ножей в единых ножнах. Большинство ножей в подобных комплексах имели рукояти, частично или целиком выполненные из бронзы. Бронзовые детали рукоятей и перекрестий можно охарактеризовать либо как моду, либо как маркер элитной группы воинов, указывающий на высокий статус обладателя такого ножа.

Появление боевого ножа в комплексе вооружения кочевников позднесарматского времени говорит об изменениях в системе ведения ближнего боя, где помимо кинжала требовалось еще более легкое и короткое оружие. Вероятно, эти изменения были принесены носителями позднесарматской культуры, в пользу чего говорит тот факт, что практически все находки этих наборов второй половины II – первой половины III в. н. э. обнаружены в подбойных могилах с подавляющим преобладанием северной ориентировки и наличием деформации черепов, что, безусловно, является признаками позднесарматской культуры.

Концентрация таких находок в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону может свидетельствовать о складывании здесь в конце II – начале III в. н. э. воинской прослойки, которая и являлась высшей элитой позднесарматского общества.

Литература:

- Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. // САИ. 1966. Вып. Д 1–30.
- Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001.
- Безуглов С.И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. 1988. № 4.
- Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I). Ростов-на-Дону, 2009.
- Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганый могильник у с. Высочино. Том I // Материалы и исследования по археологии Юга России. Ростов-на-Дону, 2008. Вып. I.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск, 2000.
- Глухов А.А. Отчет о работе археологического отряда «Гюлистан» Волжского гуманитарного института Волгоградского государственного университета на территории Ленинского района Волгоградской области в 2005 году // Архив ВОКМ. 2005. Ф-232.
- Гуренко Л.В. Отчет о проведении спасательных археологических раскопок курганной группы «Гремячая» и одиночного кургана «Гремячий-I» в Котельниковском муниципальном районе Волгоградской области в 2008 году // Архив ВОКМ. 2008. Ф-301.
- Дьяченко А.Н. Отчет о проведении археологических исследований в зоне строительства газопровода на территории Октябрьского района Волгоградской области в 2006 г. // Архив ВОКМ. 2006. Ф-247.
- Кривошеев М.В. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007.
- Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010.
- Малашев В.Ю. Периодизации ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. МИАД. Ростов-на-Дону, 2000. Вып. I.
- Мамонтов В.И. Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2001 году // Архив ВОКМ. 2001. Ф-153.
- Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного университета в 1994 году // Архив ВОКМ. 1994. Ф-128.
- Парусимов И.Н. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Новочеркасск, 1998. Вып. 3.

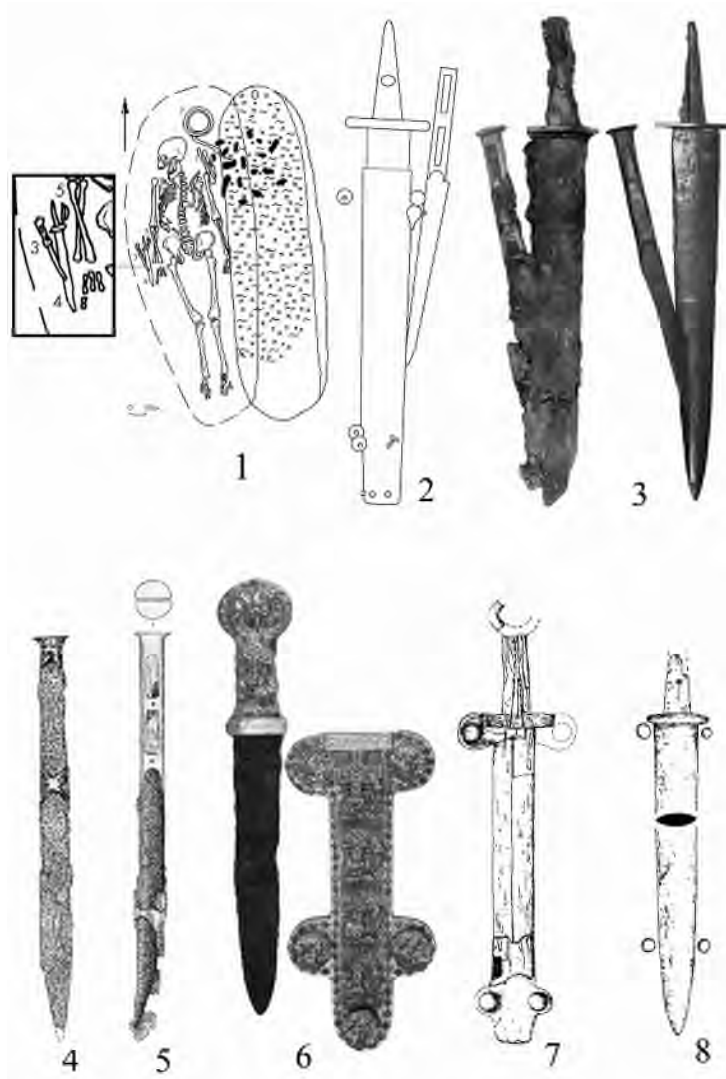

Рис. 1. 1 - Ковыльнов III к. 5, п. 1. План погребения; 2 - Аксай II к. 27, п. 1. План расположения кинжала и ножа в погребении; 3 - Гремячая к. 1, п. 2. Фото взаиморасположение кинжала и ножа до и после реставрации (по Гуренко Л.В.); 4 - Вербовский I к. 5, п. 1. Железный нож с бронзовыми деталями рукоятки; 5 - Ковыльнов III к. 5, п. 1. Железный нож с бронзовой рукояткой; 6 - Дачи к. 1, тайник 1. Кинжал и ножны; 7 - Валовый I к. 25, п. 1. Кинжал в ножнах; 8 - Дружба к. 4, п. 3

Моисеев В.И.

РАННЕСАРМАТСКИЕ КУРИЛЬНИЦЫ В ПОГРЕБЕНИЯХ IV В. ДО Н. Э.
(к проблеме раннесарматской миграции)

В современной историографии считается установленным, что прохоровская культура формируется в степях Южного Урала на основе местного населения и кочевников Южного Зауралья. В это время на территории Нижнего Поволжья продолжает практиковаться классический савроматский погребальный обряд. В IV в. до н. э. по демографическим, экологическим и, видимо, социальным причинам начинается движение части прохоровских племен на запад, что отразилось на вещевом материале и погребальном обряде племен волго-донской территории. Об этом свидетельствует появление в нижне-волжском регионе основных характерных черт прохоровской культуры: подбойных погребальных сооружений, южной ориентировки погребенных, заупокойной пищи в виде передней ноги барана с лопаткой или без нее, клинкового оружия, характерного для Приуралья (мечи со сломанным под тупым углом или изогнутым в виде дуги перекрестием), керамики, аналогичной зауральским типам (круглодонная с примесью талька в тесте). Проникающие в Нижнее Поволжье прохоровцы, смешиваясь с савроматским компонентом, формируют местный вариант раннесарматской культуры. В этом ракурсе интересно появление ритуальных сосудиков, распространенных в комплексах Приуралья, но практически не известных в инвентаре савроматских племен волго-донских степей.

Глиняные курильницы появились у кочевников Приуралья уже в VI-V в. до н. э., но широкое распространение получили только в погребальном обряде раннесарматской (прохоровской) культуры с конца IV в. до н. э. У ранних кочевников Приуралья курильницы характерны для женских погребений, но уже с IV в. до н. э. они встречаются как в женских (Утевка II к. 3, п. 2; Аксеновский II к. 14, п. 1), так и в мужских (Карабаевка к. 1, п. 7; Аксеновский I к. 12, п. 1; Котлубань II к. 2, п. 9). Сопровождали они и детские захоронения (Молчановка II к. 1, п. 4) [Смирнов, 1973. С. 169-169].

Классификация сарматских курильниц дана в 1963 г. М.Г. Мошковой [Мошкова, 1963. С. 29-30], а в 1973 г. переработана и расширена К.Ф. Смирновым [Смирнов, 1973. С. 166-179]. Необходимо отметить условность типологической схемы, так как сложно выделить схожие признаки

для столь неоднородного материала, изготовленного без применения гончарного круга.

На территории Волго-Уральского междуречья было обнаружено всего несколько лепных курильниц. Две находятся в погребениях с территории Самарского Заволжья (Утевка II к. 3, п. 2 и Карабаевка I к. 1, п. 7), одна с территории Волгоградского Заволжья (Молчановка II к. 1, п. 4).

Курильница, найденная во впускном погребении 4 кургана 1 второй группы у с. Молчановка* (рис. 1, 7) относится к VII типу в соответствии с типологией К.Ф. Смирнова [Смирнов, 1973. С. 174, рис. 1]. Это глиняная чашечка-курильница с округлым дном и широким горизонтальным бортиком, орнаментированным зигзагообразной прочерченной линией [Синицын, 1959. С. 132]. Аналогами данной курильницы могут являться сосуды из погребения 9 кургана 2 могильника Котлубань II (рис. 1, 8) [Скрипкин, 1971] и из комплекса Майтубек I кургана 3 погребения 3 (рис. 1, 6) [Лукпанова, 2010. С. 175, 177], которые датируются IV–III в. до н. э.

В погребении 2 кургана 3 могильника Утевка II, справа от костяка стоял плоскодонный ритуальный сосудик цилиндрической формы, орнаментированный двумя рядами косых насечек и резной зигзагообразной линией по тулову (рис. 1, 1). Внутри и вокруг обнаружены кусочки красной краски. Сосудик близок по типу к цилиндрическим плоскодонным курильницам (тип I), однако он существенно отличается от экземпляров с широким, орнаментированным краем, распространенных в III–II вв. до н. э. Близкие аналогии ему не обнаружены [Скарбовенко, 1976. С. 174–178].

Курильница из могильника Карабаевка I (к 1, п 7) представляет собой лепной глиняный сосудик с прикрытым устьем и плоским дном. В стенке курильницы имеется отверстие (рис. 1, 3). Рядом лежали кусочки минералов. [Мышкин, 2009. С. 336–339]. Ритуальный сосудик можно отнести к V типу. Он имеет сходство с некоторыми курильницами из разновременных комплексов Волго-Уралья. Аналогами являются курильницы с отверстием на боку из погребения 1 кургана 12 и погребения 1 кургана 14 могильников Аксеновский I и Аксеновский II (рис. 1, 4–5) [Шилов, Очир-Горяева, 1997. С. 135–136, 143, 147, рис. 7, 51; 15, 35] и курильница из кургана 2 Нижнепавловского могильника (рис. 1, 2), датированная концом VI–V в. до н. э. [Гуцалов, 2004. С. 65, табл. 24, 4].

Погребения из кургана 12 Аксеновского I и кургана 14 Аксеновского II, погребение 4 из кургана 1 Молчановка II имеют широтную ориентировку, что является признаком савроматской культуры. Однако для савроматов Нижнего Поволжья курильницы нехарактерны, поэтому находка ритуальных сосудиков в кургане 12 Аксеновского I и в кургане 14 Аксеновского II могильников, учитывая их обнаружение в яме с заплечиками и диагональным

* Грунтовая могила прямоугольной формы ориентирована по линии З–В. В могиле лежал скелет ребенка на спине головой на запад. В погребении нет хорошего датирующего материала. И не смотря на то, что погребение имеет савроматские черты М.Г. Мошкова [Мошкова, 1963. С. 29, табл. 11, 8] и К.Ф. Смирнов датируют погребение IV в. до н. э., отмечая что «...оно определено предшествовала второй семейной группе прямоугольных могил с южной ориентировкой и выразительным инвентарем развитой прохоровской культуры... Следовательно, погребение с курильницей может быть отнесено ко времени сложения прохоровской культуры» (Смирнов, 1964. С. 71).

захоронении, позволяет связать их с раннесарматскими комплексами Приуралья IV вв. до н. э.

Связь населения степей Самарского Заволжья и Нижнего Поволжья с носителями прохоровских черт из Приуралья можно проследить, опираясь на типологию курительниц, найденных на этих территориях. Приуральский сосудик V типа из кургана 2 Нижнепавловского могильника, датированный концом VI–V в. до н. э. аналогичен курительницам IV в. до н. э. из погребения 7 кургана 1 могильника Карабаевка I и погребений кургана 12 Аксеновского I и кургана 14 Аксеновского II. Ритуальные сосудики VII типа из комплексов Котлубань II и Молчановка II находят аналогии в казахстанских степях в комплексе IV–III вв. до н. э. пос. Майтубек.

В трех погребениях (Нижнепавловский к. 2, Карабаевка к. 1, п. 7, Аксеновский II к. 14, п. 1) курительницы сопровождалась каменными жертвенниками в виде плиток из песчаника. Данное сочетание известно в раннее время в Приуралье, но отсутствует у савроматов Волго-Уральского региона и территории правобережья Волги.

Исследованный материал дает интересные результаты. На территории Приуралья глиняные курительницы появляются у кочевников в VI–V в. до н. э., в отличие от савроматов Поволжья, для которых данный элемент погребального обряда нехарактерен. Пик распространения в Приуралье глиняных курительниц приходится, примерно, на IV в. до н. э. [Смирнов, 1973. С. 168–169]. В это же время они появляются на территории Поволжских степей. Судя по погребальному обряду и инвентарю погребений Самарского Заволжья, курительницы характерны для уже сложившихся чисто прохоровских захоронений, в отличие от Нижнего Поволжья, где курительницы встречаются в могилах, сочетающих савроматские и прохоровские черты в погребальном обряде и вещевом комплексе. Это может свидетельствовать о том, что процессы формирования прохоровской культуры в самаро-уральском и волго-донском регионах имели свою специфику.

Литература:

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н. э. Уральск, 2004.

Лукпанова Я.А. Погребение прохоровской культуры у с. Майтубек // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.).

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. М., 1963. Вып. Д 1–10.

Мышкин В.Н. Раннесарматские погребения курганного могильника Карабаевка I // НАВ. Волгоград, 2009. № 10.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. Т. 60. М., 1959.

Скарбовенко В.А. Сарматские погребения у с. Утевка // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1979.

Скрипкин А.С. Отчет об археологических разведках и раскопках в зоне строительства Городищенской оросительной системы в 1971 г. // Архив ИА. № 4482.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Шилов В.П., Очир-Горяева М.А. Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский I, II: Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы // МИАР. 1. М., 1997.

	Тип I	Тип V	Тип VII
Зауралье			
Приуралье			
Волго-Уральское междуречье			
Волго-Донское междуречье			

Рис. 1. 1 - Утевка II к. 3, п. 2; 2 - Нижнепавловский к. 2; 3 - Карабаевка I к. 1, п. 7;
4 - Аксеновский I к. 12, п. 1; 5 - Аксеновский II к. 14, п. 1; 6 - Майтубек I к. 3, п. 3;
7 - Молчановка II к. 1, п. 4; 8 - Котлубань II к. 2, п. 9

Петров П.А.

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ СРЕДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ*

В среднесарматскую эпоху, по сравнению с предшествующими периодами, заметно изменился комплекс вооружения кочевников Нижнего Поволжья. Исчезло многообразие видов клинкового оружия, в колчаных наборах окончательно утвердились железные трехлопастные черешковые стрелы, практически полностью исчезли наконечники копий.

Традиционно типология сарматского клинкового оружия строится на сочетании двух основных морфологических элементов – навершия и перекрестия [Смирнов, 1961; Шилов, 1959. С. 432–462; Мошкова, 1963. С. 33–36; Хазанов, 1971; Скрипкин, 1990; Васильев, 2001; Клепиков, 2002; Ginters, 1928]. В последнее время, разработаны подробные типологические схемы для клинкового оружия скифо-савроматского времени [Ворошилов, 2007; Соколов, 2009]. Являясь достаточно эффективным и методологически верным, этот подход не учитывает технологические особенности изготовления сарматских клинков. В частности, достаточно часто перекрестие, вследствие плохой сохранности либо недостаточно качественной реставрации, не сохраняется, или сохраняется частично, что не позволяет корректно определить его форму.

Наиболее характерной чертой среднесарматского набора клинкового вооружения является его стандартизация. Весь набор типов можно свести к нескольким группам. Это мечи и кинжалы с кольцевидным навершием и прямым перекрестием, с дисковидным навершием, с навершием в виде волют и без металлического навершия, с прямым или ромбовидным перекрестием. Наиболее изменчивыми оказываются формы наверший, в то время как перекрестия представлены двумя вариантами – мечами и кинжалами с прямоугольным в вертикальном сечении перекрестием и без металлического перекрестия как такового.

Мечи и кинжалы с кольцевидным навершием. Массовым типом клинкового оружия в среднесарматскую эпоху стал короткий меч с кольцевидным навершием и прямым перекрестием. Несмотря на кажущуюся однородность

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-31-01014.

данного морфотипа, многие исследователи выделяют его различные варианты. В первую очередь это связано с различными вариантами исполнения кольца – правильное круглое, овальное, сегментовидное, вертикально сжатое. Кроме того различаются и технологические приемы при изготовлении данного вида навершия. В большинстве случаев конец рукояти расковывался в тонкий стержень, который изгибался в кольцо, а затем внахлест расковывался с концом рукояти. Второй вариант предполагает, что конец рукояти расковывался в петлю, в которую вставлялось отдельно изготовленное кольцо, закрепляемое затем горячей ковкой [Сергацков, 2007. С. 59].

В тоже время, выделение отдельных типов мечей с кольцевидным навершием и без металлического перекрестия, вероятнее всего, является необоснованным в связи с плохой сохранностью материала.

Появление мечей с кольцевидным навершием и прямым перекрестием на территории Нижнего Поволжья во II–I в. до н. э. убедительно обосновано А.С. Скрипкиным [Скрипкин, 2000. С. 19–29]. Хотя некоторые исследователи относят появление единичных экземпляров подобного вида оружия к III–II в. до н. э. [Клепиков, 2007. С. 59; Скрипкин, 2005. С. 183].

Процесс формирования данного типа наверший рассматривается с двух позиций. А.М. Хазанов, следуя за высказанным В. Гинтерсом предположением, считает, что кольцевидное навершие возникло в результате эволюционного развития волотообразных типов. По его мнению, этот процесс проходил на территории Южного Приуралья и Поволжья и закончился к III–II вв. до н. э. [Хазанов, 1971. С. 7–9; Ginters, 1928]. Долгое время эта гипотеза поддерживалась многими исследователями. Второй подход был предложен А.С. Скрипкиным. В ряде статей была разработана гипотеза о появлении подобного типа оружия не ранее II в. до н. э. одновременно с целым комплексом восточных инноваций [Скрипкин, 1992. С. 34–35; Скрипкин, 2005].

Путь проникновения мечей и кинжалов с кольцевидным навершием и перекрестием на территорию Нижнего Поволжья достаточно хорошо маркируется по археологическим данным. Наиболее ранние образцы бронзовых кинжалов с кольцевидным навершием обнаруживаются в Северном Китае в XIII–XII в. до н. э. [Скрипкин, 2005. С. 171; Чжун Сук Бе, 2000. С. 129]. Серия оленных камней с изображением мечей и кинжалов с кольцевидным навершием, происходящих из Центральной Азии, датируется «первой половиной I тысячелетия до н. э.» [Савинов, 1994. С. 113].

Кроме того, изображения кинжалов с кольцевидным навершием встречены на оленном камне в кургане Аржан. Датировка данного кургана по современным представлениям укладывается в рамки VIII–VI в. до н. э. [Членова, 1997; Грязнов, 1983; Молодин 1998].

Оленный камень с изображением кинжала подобного вида обнаружен в кургане у с. Целинное недалеко от Джанкоя в Крыму. Он датируется в пределах IX–VII в. до н. э. [Членова, 1997. С. 34; Ковалев, 2000. С. 161; Савинов, 1994. С. 113].

Чжун Сук Бе отмечает распространение кинжалов с кольцевидным и овальным навершием в северных степных районах Китая в V–III в. до н. э. [Чжун Сук Бе, 1998]. Кроме того, ножи с подобным навершием, выполненные по технологии, схожей с применяемой в Нижнем Поволжье, обнаружены на

территории Китая в комплексах, относящихся ко времени строительства гробницы первого императора [Wagner, 1993].

Таким образом, кольцевидные навершия мечей и кинжалов, появляясь в конце бронзового века в степных районах Северного Китая, к рубежу эр встречаются по всей территории Евразии. Они распространяется двумя путями: через степной пояс, а также через государства Средней Азии. Это ведущий тип мечей у среднесарматского населения Нижнего Поволжья.

Мечи и кинжалы без металлического навершия с прямым или ромбовидным перекрестием. Мечи без металлического навершия с ромбовидным или прямым перекрестием также традиционно относят к сарматскому клинковому оружию, получившему для своего развития восточный импульс. Согласно типологии А.С. Скрипкина, они относятся к типам 6 и 7 [Скрипкин, 1990. С. 62].

Встречаются экземпляры как с бронзовым, так и с железным ромбовидным перекрестием. В то же время, в силу плохой сохранности, порой достаточно сложно отделить прямое железное перекрестие от железного ромбовидного, поэтому кажется вполне обоснованным мнение И.В. Сергацкова [Сергацков, 2007. С. 61], рассматривающего подобные мечи в единой группе. Появлению подобного рода мечей на территории Нижнего Поволжья посвящена специальная статья А.С. Скрипкина [Скрипкин, 2000. С. 17–33], в которой подобные мечи и кинжалы возводятся к китайским прототипам. В то же время, как отмечают В.Е. Маслов и А.С. Скрипкин, наибольшее количество подобных образцов обнаруживается на территории Средней Азии [Маслов, 1999. С. 220–221; Скрипкин, 2000. С. 17–21]. Датируются мечи этого типа II в. до н. э. – первой половиной III в. н. э. [Скрипкин, 2000. С. 20].

Мечи и кинжалы с дисковидным навершием. Среднеазиатское влияние на комплекс клинкового вооружения среднесарматского времени прослеживается и на примере мечей с дисковидным навершием и прямым перекрестием. На территории Нижнего Поволжья известен всего один экземпляр подобного рода меча, происходящий из погребения 4 кургана 3 могильника Первомайский VIII. В качестве навершия у него выступал деревянный диск, вероятно, обшитый красной кожей и надевавшийся на штыревидную рукоять. Данное погребение датируется I в. н. э. [Мамонтов, 1995. С. 169–174]. Подобные экземпляры клинкового оружия обнаружены в нижнедонских могильниках Ново-Александровка и Высочино. По мнению А.А. Глухова мечи подобного типа были распространены на территории Средней Азии во II в. до н. э. – I в. н. э. и, проникнув в Нижнее Поволжье, бытовали здесь в течении I в. н. э. [Глухов, 2005. С. 62].

Мечи и кинжалы с волотообразным навершием. Небольшая выборка мечей среднесарматского времени подобного типа происходит с территории Нижнего Поволжья и Нижнего Дона. Несколько мечей с волотообразным навершием найдено в раннесарматских комплексах, а два экземпляра с навершием, выполненным из бронзы, датируются II – началом III в. н. э. [Скрипкин, Мамонтов, 1977. С. 285–287; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989. Рис. 86; Сергацков, 2007. С. 61]. Кинжалы с волотообразным навершием имеют прямые аналогии в комплексах среднеазиатского Междуречья и Согда, датируемых последними веками до н. э. – первыми веками н. э. [Мандельштам, 1966. С. 14–

66; Обельченко, 1978. Рис. 4; Литвинский, Седов, 1984. Табл. XIII, 5, 6; Глухов, 2005. С. 61; Сергацков, 2007. С. 61].

Мечи и кинжалы без металлического навершия и перекрестия. Единичными экземплярами представлены мечи и кинжалы без металлического навершия и перекрестия. Наиболее ранним экземпляром на территории Нижнего Поволжья следует считать погребение 3 кургана 1 могильника Никольское IV. Погребенный был похоронен головой на запад, с набором бронзовых стрел и «савроматской» керамикой. По совокупности признаков комплекс датируется IV – первой половиной V в. до н. э. [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989. С. 102–104]. В погребениях среднесарматского времени, на территории междуречья Волги и Дона, известно 12 экземпляров подобного типа клинкового оружия [Глухов, 2005. С. 27]. На некоторых экземплярах сохранились остатки деревянной обкладки рукояти. Деревянные пластины крепились с помощью заклепки и пластинчатой обоймы [Ильюков, Власкин, 1992. С. 70]. Подробное описание данного типа оружия было дано А.С. Скрипкиным [Скрипкин, 1990. С. 132–133] и А.А. Глуховым [Глухов, 2005. С. 27]. Появившись на территории Нижнего Поволжья еще в савроматское время, они встречаются в погребениях как раннесарматского [Клепиков, 2007. С. 51–52], так и среднесарматского времени [Сергацков, 2007. С. 63], а дальнейшее развитие подобный тип оружия получил в позднесарматское время.

Комплекс клинкового оружия среднесарматского времени Нижнего Поволжья, при всей своей однородности, начинает складываться внутри раннесарматской культуры во II–I в. до н. э., а к рубежу эр приобретает черты определенной устойчивости. Его характерными чертами являются преобладание коротких мечей и кинжалов с кольцевидным навершием и прямым перекрестием, при незначительном количестве мечей других вариантов. Отмеченный А.С. Скрипкиным восточный импульс, в отношении оружейного комплекса, вероятно, шел двумя путями. Через степные регионы – мечи с кольцевидным навершием, а также через Среднюю Азию – мечи с дисковидным навершием и мечи без металлического навершия, оснащенные ромбовидным перекрестием.

Литература:

Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа, 2001.

Ворошилов А.Н. Вооружение населения лесостепного Подонья в скифское время (акинаки, копья, дротики).: Дисс. ... канд. ист. наук. 2007.

Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. Волгоград, 2007.

Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. Волгоград, 2002.

- Ильюков Л.С., Власкин М.В.* Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992.
- Клепиков В.М.* Раннесарматские мечи в Нижнем Поволжье // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007.
- Ковалев А.А.* О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.
- Литвинский Б.А., Седов А.В.* Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984.
- Мамонтов В.И.* Погребение знатного воина из кургана у пос. Первомайский // Донские древности... Азов, 1995. Вып. 4.
- Мандельштам А.М.* Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136. М., 1966.
- Маслов В.Е.* О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. М., 1999.
- Молодин В.И.* Рец.: Н.Л. Членова. Центральная Азия и скифы: 1. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского. М., 1997 // РА. № 4. 1998.
- Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д 1-10.
- Обельченко О.В.* Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. № 4. 1978.
- Савинов Д.Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.
- Сергацков И.В.* Мечи и кинжалы в среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология. Челябинск, 2007.
- Скрипкин А.С., Мамонтов В.И.* Об одном новом типе позднесарматских кинжалов // СА. № 4. 1977.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.
- Скрипкин А.С.* О происхождении сарматских мечей с кольцевидным навершием в свете миграционной концепции // Международные отношения в бассейне Серного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VI научной конференции. Ростов-на-Дону, 1992.
- Скрипкин А.С.* К проблеме выделения памятников Азиатской Сарматии II-I вв. до н. э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000. Вып. 1.
- Скрипкин А.С.* Сарматские мечи с кольцевидным навершием // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. М., 2005.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов // МИА. № 101. 1961.
- Соколов П.М.* Клинковое оружие кочевников Нижнего Поволжья скифского времени // Нижневолжский Археологический Вестник. 2009. Вып. 10.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

Чжун Сук Бе. Кинжалы эпохи раннего железа из Северного Китая // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 6-го археологического семинара). Ч. 1. Краснодар, 1998.

Чжун Сук Бе. О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы: 1. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского. М., 1997.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // Памятники Нижнего Поволжья. Т. I. МИА. № 60. 1959.

Ginters W. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Sudrussland. Berlin, 1928.

Wagner D.B. Iron and steel in Ancient China. Leiden. New York. Koln, 1995.

Полидович Ю.Б.

«СКИФСКИЕ» ОЛЕНИ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

В Нижнем Поволжье пока не найдены изображения оленей в классическом раннескифском «зверином стиле» – с подогнутыми ногами, вытянутой вперед головой и большими ветвистыми рогами. Вероятно, это связано, в первую очередь, с отсутствием памятников этого времени. Основной период бытования изображений оленя, одного из самых популярных образов скифского времени, в Нижнем Поволжье связан уже с периодом конца VI–V вв. до н. э. [Смирнов, 1964. С. 239–240; Королькова, 2006. С. 38–40]. Немногочисленные изображения представлены двумя главными типами – полнофигурными и редуцированными (протома или голова).

Полнофигурные изображения оленей. 1. Бронзовые уздечные бляшки двух типов (2 больших и 2 меньших) с изображением животных с подогнутыми ногами и повернутой назад головой из комплекса Хошеутово на левом берегу Ахтубы в Астраханской обл. [Дворниченко, Очир-Горяева, 1995. С. 109, рис. 1, 22, 23] (рис. 1, 1–2). Авторы публикации считают, что в данном случае изображены лоси [Дворниченко, Очир-Горяева, 1995. С. 109; Ocir-Gorjaeva, Dvorničenko, 2005. S. 175], приводя в качестве близкой аналогии изображение лося в аналогичной позе из курганов Г у с. Журовка в Поднепровье [Бобринский, 1905. Рис. 67] (рис. 1, 4). Е.В. Переводчикова справедливо замечает, что подобные признаки имеют и изображения оленей [Переводчикова, 2000. С. 235]. Возможно, в данном случае мы имеем дело с хорошо известным в «зверином стиле» явлением полиморфизма [Смирнов, 1964. С. 239], своеобразным «перетеканием» одного образа в другой, свойственного скифскому искусству и проявлявшегося, в частности, в существовании такого образа как «лосекозел» [Канторович, 1995; 2002. С. 103]. Характерным признаком изображения лосей является большой круглый глаз [Канторович, 2002. С. 103], воспроизведенный и на хошеутовских бляшках. О принадлежности к этому виду, возможно, также говорят небольшие рога у животного на малых бляшках. В то же время, рога, воспроизведенные у животного на больших бляшках, более характерны для изображений оленей.

Поза животных на обоих типах бляшек почти аналогична. Животные изображены полностью в профиль. Ноги подогнуты, передняя нога лежит на задней. Голова повернута назад так, что морда утыкается в круп (изогнутая

шея и морда образуют дугу над туловищем). Рога симметрично развернуты в горизонтальной проекции. У оленя на больших бляшках они массивные, имеют по две левых и правых ветви, загнутых на конце, и центральный каплевидный выступ (передний отросток), а у животного на малых бляшках рога воспроизведены в виде трех завитков.

Аналогии данным изображениям происходят, прежде всего, из лесостепных приднепровских комплексов [Дворниченко, Очир-Горяева, 1995. С. 109] (рис. 1, 4), а также прикубанских комплексов [Переводчикова, 2000. С. 235, рис. 3, 7-9]: Семибратнего кургана 4 [Артамонов, 1966. Рис. 63] (рис. 1, 5) и кургана у хут. Шунтук близ Майкопа [Переводчикова, 1987. Рис. 2, 4] (рис. 1, 6). Они представляют мотив оленя с подогнутыми ногами и повернутой назад головой, распространенный в Прикубанье и Днепроградской Лесостепи в V-IV вв. до н. э. В меото-скифском искусстве Прикубанья такие изображения считаются местной особенностью изображения оленей с подогнутыми ногами [Канторович, Эрлих, 2006 с. 49]. Кроме названных, это изображения на бляшках из погупок 1903 г. в г. Майкоп [ОАК за 1903. С. 169; Рис. 326; Очир-Горяева, 2001. Рис. 1, 1] (рис. 1, 3) и Семибратнего кургана 2 [Артамонов, 1966. Табл. 107] (рис. 1, 8). Встречается данный мотив и среди изображений на бронзовых поясных пряжках, выполненных в «скифо-кобанском» стиле и происходящих из находок на кобанских могильниках [Виноградов, 1976. Рис. 1, 47, 49] (рис. 1, 7) и у с. Лезгор в Дигории [Мошинский, 2006. С. 61, рис. 35, 2]. Изображения оленей с подогнутыми ногами и обращенной назад головой, происходящие из Днепроградской лесостепи, отличаются своеобразным поворотом шеи: она как бы перегнута по отношению к туловищу, при этом закрывая плечо животного. Такие изображения происходят из курганов 400 и 403 у с. Журовка [Бобринский, 1905. Рис. 10; Петренко, 1967. Табл. 16, 1, 3] (рис. 1, 12) и разрушенного кургана у с. Омельник [Рябова, 1984. Рис. 1, 3] (рис. 1, 9). Близкие по композиции изображения известны и в Прикубанье из Семибратнего кургана 4 [Артамонов, 1966. Табл. 128; 130] (рис. 1, 10-11). Одно из них также имеет смешанные черты олене-лося (рис. 1, 10). Кроме того, с подогнутыми ногами и повернутой назад головой в V-IV вв. до н. э. изображали и копытных со смешанными видовыми признаками, которых условно называют «лосекозлами» [Канторович, 1995. Рис. 1, 1-11].

Особенностью всех изображений оленей и лосей с повернутой назад головой V в. до н. э. является воспроизведение их рогов как бы в виде спереди, с двумя симметрично расположенными ветвями. Подобная манера показа рогов становится характерной и для изображения обособленных голов, являвшихся достаточно популярными в V-IV вв. до н. э. в искусстве Прикубанья и, в меньшей степени, Поднепровья и Северного Причерноморья.

На больших хошеутовских бляхах В.В. Дворниченко и М.А. Очир-Горяевой [1995. С. 109] отмечена такая необычная деталь как валик, соединяющий нижнюю часть лежащих друг на друге ног (рис. 1, 1), который трактуется как перевязь ног путами и, соответственно, вся поза трактуется как жертвенная. Однако учитывая единичность случая использования подобного элемента (при всей его знаковой важности), не исключено, что валик, соединяющий ноги, является не семантической, а технологической деталью.

2. Костяная фигурка с двусторонним изображением оленя из Блюмен-

фельдского кургана А-12 в Волгоградской обл. [Смирнов, 1964. С. 239, рис. 78, 10] (рис. 2, 4). Ноги животного подогнуты, их нижние части прижаты к туловищу, удлиненные копыта передней и задней ног направлены к голове. Круп с коротким хвостом приподнят. На плече воспроизведена птичья головка со спирально загнутым клювом и просверленным глазом. Шея непропорционально длинная, расположена фактически в одну линию с туловищем. От головы сохранилась лишь задняя часть с едва намеченным ухом и глазом в виде отверстия. Рога прижаты к шее и спине, трехчастные, состоящие из последовательно расположенных и как бы сплюснутых U-образных отростков. Изображение уникально, т. к. обычно олени изображались с поднятой головой. Столь компактное воспроизведение животного, вытянутого по горизонтали, характерно, скорее, для хищников, чем для травоядных. Также для хищников характерно положение ног, прежде всего, передней ноги [Смирнов, 1964. С. 239], которое у копытных невозможно в силу природных причин. Подобные явления полиморфизма, сочетания в одном изображении черт различных по своей видовой принадлежности животных, явление достаточно типичное для скифского «звериного стиля» [Смирнов, 1964. С. 239, 240].

3. Изображение оленя в средней части кабаньего клыка из разрушенного погребения у с. Новопривольное в левобережном Поволжье [Максимов, 1976. С. 210–211, рис. 1, 1] (рис. 2, 1). Олень изображен в неестественной позе с вытянутыми ногами, «на цыпочках», при этом как бы перегнувшись через спину. Голова опущена вниз и находится между передними и задними ногами. Рога оленя ветвистые, окончания отростков представляют собой небольшие птичьи головки с округлым глазом, выделенной роговицей надклювья и кольцевидно загнутым клювом. Выделяются два передних отростка (птичьи головки на них правосторонние, в отличие от большинства остальных, и имеют завиток на щеке), три тонких центральных и один массивный задний, на котором расположены три птичьих головки. На предплечье размещена голова сайги [Максимов, 1976. С. 210–211; Чежина, 1991. С. 35; Королькова, 2006. С. 39] или, скорее, лося. Передняя часть шеи оленя выделена орнаментированной полоской с Z-видными знаками. Е.К. Максимов [1976. С. 211] описывает ее как рог сайги, но ее форма противоречит такой трактовке, а на правой задней ноге под скаковым суставом помещена полоска в виде изогнутой лестнички.

Новопривольненское изображение также уникально по своим признакам. Близким композиционным аналогом является изображение на бронзовом наконечнике ножен из кургана у с. Урус-Мартан на Северном Кавказе [Виноградов, 1963. Рис. 7, 1] (рис. 2, 2), что отмечалось многими авторами [Максимов, 1976. С. 216–217; Чежина, 1991. С. 35; Маслов, Очир-Горяева, 1997. С. 69; Королькова, 2006. С. 39]. Еще одно композиционно близкое изображение (в данном случае горного козла) происходит из Филипповского кургана 1 [Королькова, 2006. С. 39, табл. 7, 4]. А почти аналогичная голова лося воспроизведена на плече у оленя, на золотой пластинке из находок у д. Дубовая в Поднепровье [Borovka, 1928. P. 1. 3A; Канторович, 2002. С. 103, рис. 6, 1] (рис. 1, 13), что было отмечено Е.Ф. Корольковой [2006. С. 39], а также у свернувшегося хищника на малой бляхе из кургана Кулаковского в Крыму [ОАК за 1895 г., 1897. С. 18. Рис. 33; Колтухов, 1998. С. 21–22, рис. 1, 4; Канторович,

2002. С. 103, рис. 6, 2]. Аналогичную по деталям изображения голову имеет животное на золотой бляшке из кург. 17 мог-ка Нимфея [Артамонов, 1966. Табл. 105], которое определяют как лося [Артамонов, 1966. С. 35] или как полиморфное существо «лосекозел» [Канторович, 1995. С. 47–48].

Протома оленя представлена контурным гравированным изображением на кабаньем злыке из кург. 8 у с. Калиновка в Волгоградской обл. [Смирнов, 1964. С. 239, рис. 78, 12; Королькова, 2006. С. 39. Табл. 6, 1] (рис. 2, 5). Голова оленя воспроизведена с длинной мордой, кашлевидным глазом и пастью, обозначенной линией. Вверх отходят длинные ветвистые рога с коротким передним отростком и задней ветвью с тремя S-видными отростками, из которых задний переходит в U-образную фигуру (имитация роговой вилки), и длинное ухо. «Шея» массивная, в нее вписан орнамент, напоминающий изогнутые рога антилопы с годовыми кольцами. Передняя часть туловища также передана условно: в разные стороны отходят четко воспроизведенная нога и два клиновидных выступа, один из которых изогнут и напоминает подтреугольное ухо. Возможно, здесь представлен своеобразный вариант «загадочной картинки» – изображения, известного по находкам, прежде всего, в Туве [Грач, 1980. С. 78], на котором элементы и контуры различных животных вписаны друг в друга. Достаточно близкие аналоги данному изображению известны в минусинских бронзах и находках в Филипповском кургане 1 [Королькова, 2006. С. 39. Табл. 6].

Обособленные изображения головы оленя. 1. В виде голов оленей оформлены концы S-видных псалий из комплекса, найденного у с. Хошеутово [Дворниченко, Очир-Горяева, 1995. С. 107, рис. 1, 7] (рис. 2, 4). Передняя часть морды и щека животного переданы в рельефе, а контуры глаза, уха, рогов даны в виде валиков в высоком рельефе. Вероятно, в одном уздечном комплекте [Очир-Горяева, 2005. Abb. 31] с этими псалиями были бляшки с подобной головой оленя, где контур морды, губ, глаза, уха, рогов трактованы валиками в высоком рельефе [Дворниченко, Очир-Горяева, 1995. С. 107, рис. 1, 8] (рис. 2, 6–7). Подобные контурные изображения, выполненные в виде валиков, считаются особенностью местного производства предметов в «зверином стиле» [Дворниченко, Очир-Горяева, 1995. С. 107–108] и не известны в других регионах.

2. В виде головы оленя с ветвистыми ажурными рогами оформлены две бронзовые симметричные бляшки из погр. 16 кург. 5 мог-ка Кривая Лука VIII в Астраханской обл. [Очир-Горяева, Дворниченко, 2006. С. 239, рис. 3, 2 а–б] (рис. 2, 8–9). Три отростка рогов оленя оформлены в виде головок хищной птицы с круглым глазом и длинным клювом, на конце загнутым в кольцо. Головы птиц соединены между собой и с головой оленя макушками, а их клювы расходятся в разные стороны. Одна птичья головка, соответствующая переднему отростку рогов, направлена вперед параллельно морде оленя, вторая – назад, в противоположную сторону от первой, а третья – вертикально вверх. Между головками птиц, направленными назад и вверх, расположены 6 отростков основной ветви рогов, соединенных веерообразно.

Прямыми аналогиями (с учетом некоторых стилистических особенностей) являются прикубанские изображения [Канторович, 1996. С. 53; Королькова, 2006. С. 39. Табл. 4; Очир-Горяева, Дворниченко, 2006. С. 239] – из Семибратнего кургана 4 [Артамонов, 1966. Рис. 64] (рис. 2, 11) и Ульского

кургана 11 [Канторович, Эрлих, 2006. С. 122. Кат. 61] (рис. 2, 10). Данные изображения, по всей видимости, свидетельствуют о том, что криволукские бляшки происходят из Прикубанья. Близкие по трактовке рога с тремя птичьими головками и у оленя, воспроизведенного на золотой накладке на чашу из кургана Ак-Мечеть в Крыму [Артамонов, 1966. Табл. 72] (рис. 2, 12).

По мнению А.Р. Канторовича [1996. С. 53], веерообразное расположение птичьих головок на рогах оленей структурно соотносится со схемой крестовидных блях. Один из типов данных блях в нижней части также имеет три выступа в виде птичьих голов [Полидович, 2001. С. 37]. Таких блях на данный момент известно семь: четыре из них происходят из Карпато-Дунайского региона [Полидович, 2001. Рис. 2, 4–6, 8], по одной – из погр. 12 (1910 г.) некрополя Ольвии [ОАК за 1909–1910, 1913. С. 95, рис. 121; Piotrovsky, Galanina, Grach, 1987. Pl. 18], из находок у хут. Дугино в дельте Дона [Копылов, 1992. Рис. 1, 5] и погр. 3, кург. 3 мог-ка Аксай в Волго-Донском междуречье [Дьяченко, Мэйб, Скрипкин, Клепиков, 1999. С. 96, рис. 5, 2]. В большинстве случаев на верхней планке этих блях изображено копытное животное, что также сопоставимо с бляшками криволукского типа, где птичьих головы на рогах как бы противопоставят голове оленя, образуя с ней единую композицию [Канторович, 1996. С. 53].

Также криволукским оленям близки изображения из комплексов Приднепровской лесостепи [Очир-Горяева, Дворниченко, 2006. С. 239; Канторович, 1996. С. 54, рис. 4]: кург. 5 у с. Берестяги и Звенигородского уезда [Петренко, 1978. Табл. 31, 2, 4, 7] (рис. 2, 13–14). Но на этих изображениях главный акцент переносится на крону рогов, а количество птичьих головок в составе рогов становится меньшим.

Все нижневолжские изображения оленей датируются в пределах конца VI–V вв. до н. э. Почти каждое из них представляет собой достаточно оригинальное произведение, что свидетельствует, с одной стороны, о том, что своей традиции изображения этих животных в данном регионе так и не сложилось, а с другой – о наличии в Нижнем Поволжье самостоятельного художественного центра, поскольку рассмотренные изображения (за исключением криволукского) представляют собой оригинальную трактовку мотивов, известных на других территориях. При этом два изображения (блюменфельдское и калиновское) имеют явные черты взаимосвязи с восточными регионами, что отмечалось многими исследователями. Проявилось это, в частности и в особой трактовке рогов оленей, характерной только для восточных изображений раннескифского времени [Полидович, 2010а. С. 287]. Возможно, данные изображения (равно как и изображение лошади из погр. 6 у пос. Комсомольский в Астраханской обл. [Полидович, 2010б. С. 217–218] являются свидетельством одного из восточных импульсов (миграции?), дошедших до Поволжья на раннем этапе формирования нижневолжской савроматской культуры во второй половине VI – начале V вв. до н. э. Далее на запад данный импульс проявился, в частности, в появлении крестовидных блях и связанного с ним круга изображений различных животных [Полидович, 2010б]. Одним из композиционных и семантических вариантов реализации идей, заложенных

в крестовидных бляхах, стали, по всей видимости, бляшки с изображением голов оленей криволукского типа, являющиеся еще одним свидетельством появления крестовидных блях в восточной части Скифии.

Остальные рассмотренные изображения оленей свидетельствуют о том, что в V в. до н. э. устанавливаются прочные связи нижневолжского региона с Прикубаньем (также отмечаемые всеми исследователями) и в гораздо меньшей степени (возможно, опосредованно через Прикубанье) с Поднепровьем. Судя по всему, нижневолжские мастера работали в рамках собственной традиции, которую, однако, можно охарактеризовать и как периферийную по отношению к прикубанской (свидетельством чему являются, в частности, изображения олене-лосей из Хошеутово).

Литература:

Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Грозный, 1963. Т. VI.

Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Сарматы и Скифия (Донские древности. Вып. 5). Азов, 1997.

Дьяченко А.Н., Мэйб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 1999. Вып. 2.

Канторович А.Р. Один из образов копытного животного в искусстве скифского звериного стиля // РА. 1995. № 4.

Канторович А.Р. «Летящие» и лежащие олени в искусстве звериного стиля степной Скифии // Историко-археологический альманах. Армавир – М., 1996. Вып. 2.

Канторович А.Р. Классификация и типология элементов «зооморфных превращений» в зверином стиле степной Скифии // Структурно-семантические исследования в археологии. Донецк, 2002. Т. 1.

Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитетное искусство из курганов Адыгеи VIII–III века до н. э. М., 2006.

Колтухов С.Г. Курган Кулаковского // Херсонесский сборник. Севастополь, 1998. Вып. IX.

Копылов В.П. Новые данные о связях населения дельты Дона в V в. до н. э. // Донские древности. Азов, 1992. Вып. 1.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб., 2006.

Максимов Е.К. Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Масленицына Е.С. Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце V–IV до н. э. // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. М., 1992.

Мошинский А.П. Древности Горной Дигории. VII–IV вв. до н. э. (Труды ГИМ. Вып. 154). М., 2006.

Очир-Горяева М.А. Предметы конской узды из Майкопа // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар – Анапа, 2001.

- Очир-Горяева М.А., Дворниченко В.В.* Особенности расположения предметов узды в погребальных комплексах (по материалам могильника Кривая Лука) // Нижневолжский археологический вестник (НАВ). Волгоград, 2006. Вып. 8.
- Переводчикова Е.В.* К вопросу о связях Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам скифского звериного стиля) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.
- Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. // САИ. 1967. Вып. Д 1–4.
- Полідович Ю.Б.* Скіфські хрестоподібні бляхи // Археологія. К., 2000. № 1.
- Полідович Ю.Б.* Особенности изображения оленьих рогов в раннескифском «зверином стиле» // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010а.
- Полідович Ю.Б.* Находки в тувинском кургане Аржан 2 и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий // Древние культуры Евразии. К 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб., 2010б.
- Рябова В.О.* Дерев'яні чаші з оббивками з курганів скіфського часу // Археологія. Київ, 1984. Вып. 46.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964.
- Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Классические древности Южной России. СПб., 1889. Вып. 1.
- Чежина Е.Ф.* Орнаментированные кабаньи клыки и их имитации в скифскую эпоху // АСГЭ. 1991. Вып. 31.
- Borovka G.* Scythian Art. London, 1928.
- Očir-Gorjaeva M.* Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga // Archäologie in Eurasien. Band 19. Mainz, 2005.
- Očir-Gorjaeva M.A., Dvorničenko V.V.* Katalog // Očir-Gorjaeva M. Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga // Archäologie in Eurasien. Band 19. Mainz, 2005.
- Piotrovsky B., Galanina L., Grach N.* Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid-7th to 3rd century B.C. Leningrad, 1987.

Рис. 1. 1, 2 – Хошеутово (по: Дворниченко, Очир-Горяева, 1995);
 3 – Майкоп, покупка 1903 г. (по: Очир-Горяева, 2001); 4 – Журовка, кург. Г (по: Петренко, 1967);
 5 – Семибратний кург. 4 (по: Переводчикова, 2000); 6 – Шунтук (по: Переводчикова, 1987);
 7 – Кобань (по: Виноградов, 1976); 8 – Семибратний кург. 2 (по: Артамонов, 1966);
 9 – Омельник, разрушенный кург. (по: Рябова, 1984); 10 – Семибратний кург. 4
 (по: Масленицына, 1992); 11 – Семибратний кург. 4 (по: Толстой, Кондаков, 1889);
 12 – Журовка, кург. 400 (по: Бобринский, 1905); 13 – Дубовая (по: Borovka, 1928; Канторович, 2002).

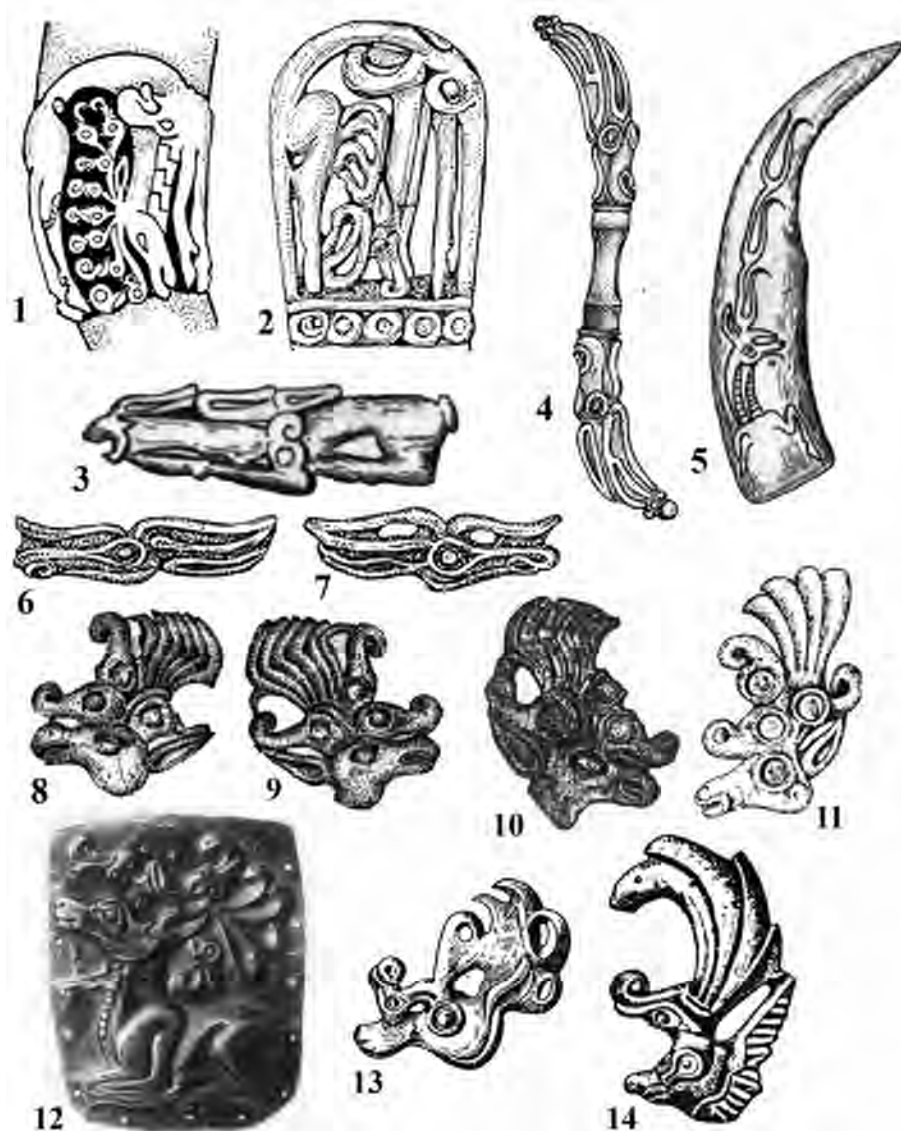

Рис. 2. 1 - Новопривольное (по: Максимов, 1976); 2 - Урус-Мартан (по: Виноградов, 1963);
 3 - Блюменфельд, кург. А-12 (по: Смирнов, 1964); 4, 6, 7 - Хошеутово
 (по: Дворниченко, Очир-Горяева, 1995); 5 - Калиновка, кург. 8 (по: Смирнов, 1964);
 8, 9 - Кривая Лука-VIII, кург. 5, погр. 16 (по: Очир-Горяева, Дворниченко, 2006);
 10 - Уляп, кург. 11 (по: Канторович, Эрлих, 2006); 11 - Семибратний кург. 4
 (по: Масленицына, 1992); 12 - кург. Ак-Мечеть (по: Артамонов, 1966); 13 - Бересняги, кург. 5
 (по: Петренко, 1967); 14 - Звенигородский уезд (по: Петренко, 1967).

Скрипкин А.С., Ким М.Г.

НОВОУЗЕНСКИЕ КУРГАНЫ
(к проблеме миграции южноуральских кочевников
в Нижнее Поволжье в IV веке до н. э.)

В 1977 г. отрядом Средневолжской археологической экспедиции под руководством М.Г. Кима в районе станции Новоузенск в заволжской части Саратовской области в группе, состоящей из семи курганов, было раскопано четыре из них. В двух курганах погребения не были выявлены. Для нашей темы интерес представляют курганы, получившие номера 1 и 2*.

Курган 1. Высота 0,8 м, диаметр 24 м. В кургане открыто 22 погребения. Курган был сооружен в эпоху позднего бронзового века, к этому времени относится 6 погребений, остальные, впускные погребения, относятся к сарматскому времени. Особый интерес для нашей темы имеют погребения под номерами 13, 17, 18, 19, 20, 22.

Погребение 13. Яма подквадратной формы, размерами 2,25 x 1,75 м. Судя по набору вещей, это было женское погребение. Костяк, положенный на подсышку, покрытую корой, располагался вытянуто по диагонали ямы, головой на ЮЗ. Кости человека были покрыты слоем мела. Вместе с погребенной обнаружены серьги из бронзовой проволоки, согнутой в круг, с заходящими друг за друга концами, общим диаметром около 3 и 4 см; пест из песчаника длиной 17 см; проколка из кости лошади длиной 11,5 см; на шее 14 бусин из патинизированного стекла; глиняный лепной сосуд с шаровидным туловом, орнаментированный по плечикам, высотой 23 см (рис. 3, 1); кости животного(?); на них железный ножичек с горбатой спинкой; фрагменты плохо сохранившегося железного предмета; по два куса опоки и мела.

Погребение 17. Яма подбойная. Входная яма размерами 2,4 x 0,6 м ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Подбой сооружен под ЮЗ стенкой. В подбое скелет человека на спине в вытянутом положении, головой на ЮВ. С погребенным обнаружены глиняный лепной сосуд высотой 29,5 см, по плечикам орнамент, в тесте примесь талька (рис. 3, 2); железный наконечник копья длиной 37 см

* Это предварительная публикация материалов раннего железного века Новоузенских курганов. Полная их публикация будет осуществлена позже.

(рис. 1, 10); фрагмент железной пряжки; железный меч длиной 103,5 см (рис. 1, 1)** , бронзовая ворворка, высотой 1,5 см (рис. 1, 7); частично сохранившаяся бронзовая бляха в виде колесика диаметром 3,2 см; У левого локтя 101 бронзовый наконечник стрел, остриями к голове, из них 70 наконечников с выступающей втулкой и 31 с внутренней (рис. 2, 1).

Кости животного: ребра, позвонки, лопатка, фрагмент железного ножа. Дно подбоя посыпано мелом.

Погребение 18. Яма подбойная. Размеры входной ямы поверху 2,6 x 1,1 м. Во входной яме, в засыпи, в устроенном углублении на глубине 2,8 м от 0г были обнаружены следующие вещи: три обточенных куска мела (наибольший из них 6,5 x 6 x 4,5 см); два бронзовых браслета из круглой в сечении проволоки диаметром 4 мм в полтора оборота 7,6 x 5,3 см и 7 x 5,5 см; бронзовое зеркало, со следами позолоты(?) с обеих сторон. Ручка зеркала плоская, расширяется книзу. Одна сторона диска украшена концентрическими линиями, по его краю, в центре и между ними. Край зеркала утолщен. В центре в двух местах диск зеркала был пробит еще в древности. Диаметр диска 13,7 см, длина ручки 9,4 см (рис. 3, 7); железное шило, круглое в сечении, длиной 11,2 см; железный крюк из прута диаметром 8 мм с уплощенным одним концом для насадки ручки, общая его длина 6,8 см (видимо, это еще одно шило, которое было согнуто); часть панциря черепахи, со следами обработки внутренней поверхности; три медных(?) скобки из тонких пластинок с загнутыми концами длиной 8 и 12 мм.

Дно входной могильной ямы находилась гораздо ниже, на глубине 3,8 м от 0г.

Погребения 19, 20. Указанные погребения представляют единый погребальный комплекс. У них общая входная яма, из которой совершено захоронение в подбое в длинной стенке и в катакомбе в торцовой. В отчете погребение в подбое обозначено под номером 19 и в катакомбе под номером 20. Погребальная яма имела прямоугольную форму длиной 1,7 м и шириной 0,8 м. На глубине 1,55 м от 0г вдоль северной стенки ямы ступенька, шириной 0,57 м. Ниже ее на 0,45 м вторая ступенька шириной 0,25 м.

В южной стенке сооружен обширный подбой (погребение 19). Дно подбоя ниже второй ступеньки на 20 см. Длина подбоя 2 м, ширина 1,45 м, высота 0,9–1 м. Дно подбоя находилось на глубине 2,2 м от 0г. В подбое находилось два человеческих костяка, они были положены вытянуто на спине, головой на ВЮВ. Ближе к входу подбоя лежал более крупный скелет человека. На его груди находился уголек. С этим костяком связаны следующие находки: железный меч длиной 62,1 см (рис. 1, 2); бронзовая и костяная ворворки (рис. 1, 8); железный крюк с ушком; два железных ножа с горбатыми спинками длиной 9,2 и 8,2 см. Со вторым костяком обнаружены: глиняный лепной кувшин с примесью талька в тесте. Горло кувшина украшено пятью горизонтальными канавками, его высота 22,6 см (рис. 3, 4); железный меч длиной 98 см (рис. 1, 3); железный крюк; наконечники стрел, остриями к голове, общим количеством 167 штук (рис. 2, 2), из них один железный, осталь-

** На рисунке воспроизведена реконструкция автора раскопок, как и других мечей из погребений могильника.

ные бронзовые с внутренней и выступающей втулкой; каменный оселок; эсвидный железный псалий (рис. 1, 11); костяная ложечка (рис. 1, 12); железный нож длиной 21,4 см.

У ног обоих погребенных кости овцы(?). Также были найдены три стеклянные бусины, две из них глазчатые и одна голубого цвета.

В катакомбе были погребены три человека (погребение 20). Входная яма располагалась перпендикулярно к большей оси катакомбы. Таким образом, эта катакомба может быть отнесена к типу Т-образных. Длина ее по линии С-Ю 2,4 м, ширина 1,6 м, высота 0,8 м. Погребенные лежали вдоль длинной оси катакомбы на спине вытянуто, головой ориентированные на юг. Наиболее массивным выглядел скелет, расположенный у глухой стенки катакомбы. Средний скелет был несколько меньше размером. Ближайший к выходу скелет принадлежал ребенку. Два других скелета, по всей видимости, мужской и женский.

С первым костяком связаны находки 100 бронзовых наконечников стрел (рис 2, 3); бронзовой ворворки (рис. 1, 9); железного кольца диаметром 5 на 6 см; железного меча длиной 88,8 см (рис. 1, 3), с которым была найдена еще одна бронзовая ворворка (рис. 1, 9). Интересной деталью является особенность положения меча. Он находился справа от костяка в специально устроенном углублении (15 см от дна катакомбы) и засыпан материковым грунтом.

Со вторым костяком обнаружены браслет из бронзовой утолщенной проволоки и еще фрагмент бронзового браслета или подвески. Вещей, связанных с детским костяком, не найдено.

Между голеньями взрослых костяков находились ребра крупного животного. Под погребенными отмечен темный тлен, видимо, от подстилки, сверху покрытый мелом.

Погребение 22. Яма подбойная. Входная яма размерами 3,1 на 1,1 м ориентирована по линии СЗ-ЮВ, глубиной 1,7 м от 0г. Подбой сооружен в северо-восточной стенке. Длина его 2,4 м, ширина 1,4 м, высота 0,7-0,8 м. На дне подбоя находился скелет человека в вытянутом положении на спине, головой на ЮВ. С ним находились: железный меч длиной 82 см (рис. 1, 5); 150 наконечников стрел с остатками древков, один из которых был железный втульчатый, остальные бронзовые (рис. 2, 4); рядом с наконечниками находился изогнутый железный стержень длиной 3,5 см, видимо, фрагмент колчанного крючка; глиняный лепной сосуд высотой 28,2 см с примесью талька в тесте (рис. 3, 5).

Курган 2. Высота насыпи 2 м, диаметр до 37 м. Насыпь кургана опоясана ровиком до 8 м шириной и 1 м глубиной. В кургане обнаружено 9 погребений, одно из них было сооружено в эпоху средневековья, остальные относятся к раннему железному веку.

Погребения 6, 7, 8, определенные автором раскопок как самостоятельные, представляют собой один погребальный комплекс. Все указанные погребения были сооружены в одной большой подквадратной яме, располагавшейся в центре кургана и являвшейся основной в кургане. Ее размеры с севера на юг 4 м, с запада на восток 4,5 м, глубина ямы от 0г – 4 м. Погребальная яма частично была нарушена грабительскими раскопками. В ее засыпи были встречены кости скелетов трех человек, одного ребенка и двух взрослых, а также

кости животного, фрагменты керамики, бронзовые наконечники стрел, другие фрагменты вещей. На высоте 1 м от дна у западной стенки были обнаружены кости еще одного человека: череп, тазовые кости, кости руки (погребение 6). С южной стороны к яме примыкал дромос длиной около метра и шириной 0,8 м, с двумя ступеньками, понижающимися к дну ямы.

На дне ямы у западной стенки в естественном сочленении находились кости ног и левое предплечье с кистью (погребение 7). Погребенный был положен на спину, головой на ЮЮВ. С погребенным обнаружены: бронзовое зеркало с ручкой. Диаметр диска 14 см. (рис. 3, 8), глиняный лепной сосуд, костяная ложечка с длинной ручкой, общая ее длина 16,3 см (рис. 1, 13) у левого локтя 96 бронзовых наконечников стрел с остатками древков, железный предмет неясного назначения, кости животного(?).

В северо-восточной части ямы находились три детских костяка, располагавшиеся рядом друг с другом на одной подстилке (циновке), вытянуто на спине (погребение 8). Первый из них (подросток), головой ориентированный на ЮЮВ. На тазовых костях поперек лежал железный кинжал (рис. 1, 6). Кроме того, с этим костяком найдены 3 костяные ложечки (рис. 1, 14–16), две железные ворворки, две кучки стрел (в первой найдены 30 наконечников, из которых три – втульчатые железные, остальные бронзовые; во второй находились 49 бронзовых втульчатых наконечников стрел. Рис. 2, 5). На перекрестии кинжала лежала низка из человеческих коренных зубов.

Второй детский костяк также головой ориентирован на ЮЮВ, с ним найден обломок бронзовой пряжки(?).

Третий костяк принадлежал младенцу, ориентированному головой на Ю. С ним найдена полусферическая бронзовая бляха с круглым отверстием в центре, три бронзовых и один костяной наконечники стрел. В ногах находились два глиняных лепных сосуда, в тесте одного примесь талька. Рядом с сосудами обнаружены удила с псалиями. У сосудов кости животного(?), на них железный нож. В головах младенческого костяка найдено ребро крупного животного. Над ребром развал глиняного горшка (рис. 3, 6). На месте детских погребений найдены следы красного и желтого вещества.

Хронология. Для определения даты этих погребений решающее значение имеют предметы вооружения: мечи и колчаные наборы стрел, глиняная посуда, бронзовые зеркала, а также ворворки, костяные ложечки, детали конской узды.

Обнаруженные в погребениях пять мечей относятся к так называемому «переходному» типу. Такие мечи были достаточно широко распространены в Южном Приуралье и обычно датируются исследователями IV в. до н. э. [Васильев, 2001. С. 39–42]. По последним данным их там известно 44 экземпляра в 41 погребении [Васильев, 2004. С. 153]. В одном случае меч этого типа был обнаружен с античной амфорой. Эта находка происходит из погребения 1 в кургане 3, располагавшемся у д. Ново-Мусино. Гераклеяская амфора, по заключению С.Ю. Монахова, датируется концом IV – первыми двумя десятилетиями III в. до н. э. Учитывая место и условия находки амфоры, она, скорее всего, должна датироваться первыми десятилетиями III в. до н. э. [Васильев, Сиротин, 2004. С. 179, 180]. Но это только одна находка меча «переходного» типа с достаточно точной датой, что не исключает возможность более широ-

кого времени бытования этого типа мечей. По всей видимости, мечи «переходного» типа наиболее типичны для IV в. до н. э., поскольку уже в этом веке появляются классические мечи прохоровской культуры с прямым перекрестием и серповидным навершием [Федоров, 2010. С. 374–391], с распространением которых «переходные» типы мечей выходят из употребления.

Хронологическим признаком можно признать не только типы преимущественно встречаемых в новоузенских погребениях бронзовых наконечников стрел, но и их количество в колчанах, зачастую превышающее 100 экземпляров (в погр. 22, кург. 1 было найдено 150 наконечников, из которых только один железный, остальные бронзовые, а в погр. 19 того же кургана наконечников было обнаружено 167, из них один железный, остальные также бронзовые). Нахождение большого количества бронзовых наконечников стрел является характерным для погребальных комплексов савроматского времени (VI–IV вв. до н. э.). В раннесарматских погребениях III в. до н. э., возможно, первой половины II в. до н. э. происходит увеличение в колчаных наборах железных наконечников стрел и их сочетаемость с бронзовыми наконечниками [Клепиков, 2009. С. 391–400].

Еще одним хронологическим признаком новоузенских погребальных комплексов является сопровождение клинкового оружия ворворками. В погребениях III – первой половины II в. до н. э. ворворки заменяются пряжками [Клепиков, 2009. С. 392].

Глиняная посуда по форме и орнаментации находит прямые аналогии в керамике южноуральских погребальных комплексов IV в. до н. э. [Мошкова, 1963. Табл. 9; 1974. Рис. 3]. Костяные ложечки, обнаруженные в новоузенских погребениях, также часто встречаются в Южном Приуралье в комплексах конца V–IV вв. до н. э. [Федоров, 2010. Рис. 7].

Зеркало из кургана 1 погребения 18, диск которого украшен концентрическими кругами, близок к типу 5.3, выделенному мной и датированному IV в. до н. э. [Скрипкин, 1990. С. 150]. Его отличие заключается в том, что в центре диска нет выделенного валика и шишечки. Прямая ему аналогия зеркала из Имангазы-Карасу. В.Н. Васильев объединяет эти южноуральские зеркала в один тип и датирует их второй половиной IV – рубежом IV–III вв. до н. э. [Васильев, 2004. С. 158, рис. 3, 11].

Подводя итог, время новоузенских погребений с большей вероятностью следует определить с середины IV до начала III вв. до н. э.

Инновации. Новоузенские погребальные комплексы – это новое явление в археологии раннего железного века Нижнего Поволжья, не имеющее истоков в предшествующей савроматской (блюменфельдской) культуре ни в погребальном обряде, ни в подавляющем большинстве категорий материальной культуры. Для погребальной обрядности савроматского времени Нижнего Поволжья не были характерными погребения в ямах подбойной и катакомбной конструкций, в дромосных ямах и в подквадратных ямах с диагональным положением погребенных. В новоузенских погребениях преобладает ориентировка в южный сектор, с разными вариантами отклонений. В савроматское время господствующей здесь была западная и в меньшей мере восточная ориентировки. Отмеченные элементы погребального обряда и

значительная часть вещевого материала достаточно четко и с более раннего времени представлены в Южном Приуралье.

Железные мечи «переходного» типа, судя по их количественному преобладанию, первоначально, вероятно, появляются в Южном Приуралье. Глиняная посуда не только по форме и орнаменту находит ближайшие аналогии в южноуральских погребальных памятниках, но и по составу теста, в котором присутствует тальк – явный признак южноуральского ее происхождения.

Костяные ложечки, колчаные наборы, составные удила с эсвидными псалями также широко представлены в южноуральских памятниках V–IV вв. до н. э.

Историческая реконструкция. Новые черты, нашедшие отражение в погребальной обрядности и материальной культуре новоузенских курганов, находящие ближайшие параллели в памятниках Южного Приуралья, свидетельствуют о миграции южноуральских кочевников в IV в. до н. э. на территорию Нижнего Поволжья. Обнаружение в Поволжье аналогичных памятников (Лятошинка, Эльтон, Новая Квасниковка и др.) [Клепиков, 2002. С. 100] подтверждает достаточно мощный характер этой акции. В Южном Приуралье в V–IV вв. до н. э. сложилось и существовало достаточно мощное племенное объединение кочевников с центром, видимо, в бассейне Илека, левого притока Урала. Раскопками К.Ф. Смирнова, А.Х. Пшеничнюка, Л.Т. Яблонского здесь было исследовано большое количество погребений вышеуказанного времени, отдельные из которых по богатству находок мало чем отличаются от знаменитых царских курганов скифов Северного Причерноморья. По ряду причин, видимо, политического, экономического, демографического и экологического характера в IV в. до н. э. Южное Приуралье инициирует миграции в южном направлении в сторону Средней Азии и западное или юго-западное в сторону Волги, Дона и Северного Кавказа.

Что касается западного или юго-западного направления, то оно маркируется распространением дромосных и диагональных погребений от бассейна Илека до Нижнего Дона [Скрипкин, 2009. С. 172–191, рис. 7, 8]. Появление новых кочевников у Дона и в Прикубанье положило начало изменению политической ситуации в Северном Причерноморье [Скрипкин, 2010. С. 184–191]. Дальнейшее развитие этих событий приводит к гибели Скифии и занятию сарматами степной территории вплоть до границ с Римской империей в Подунавье.

Литература:

Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа, 2001.

Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2004. Вып. 5.

Васильев В.Н., Сиротин С.В. Ново-Мусинский 3 курган // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2004. Вып. 5.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. Волгоград, 2002.

Клепиков В.М. Раннесарматские погребения с бронзовыми и железными наконечниками стрел в Поволжья и Приуралье // НАВ. Волгоград, 2009. Вып. 10.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. М., 1963. Вып. Д 1-10.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

Скрипкин А.С. Проблемы этнической истории Нижнего Дона в IV в. до н. э. и некоторые вопросы ранней истории сарматов // НАВ. Волгоград, 2009. Вып. 10.

Скрипкин А.С. К событиям IV в. до н. э. на восточных границах Причерноморской Скифии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010.

Федоров В.К. Ранние комплексы с мечами и кинжалами прохоровского типа на Южном Урале // НАВ. Волгоград, 2010. Вып. 11.

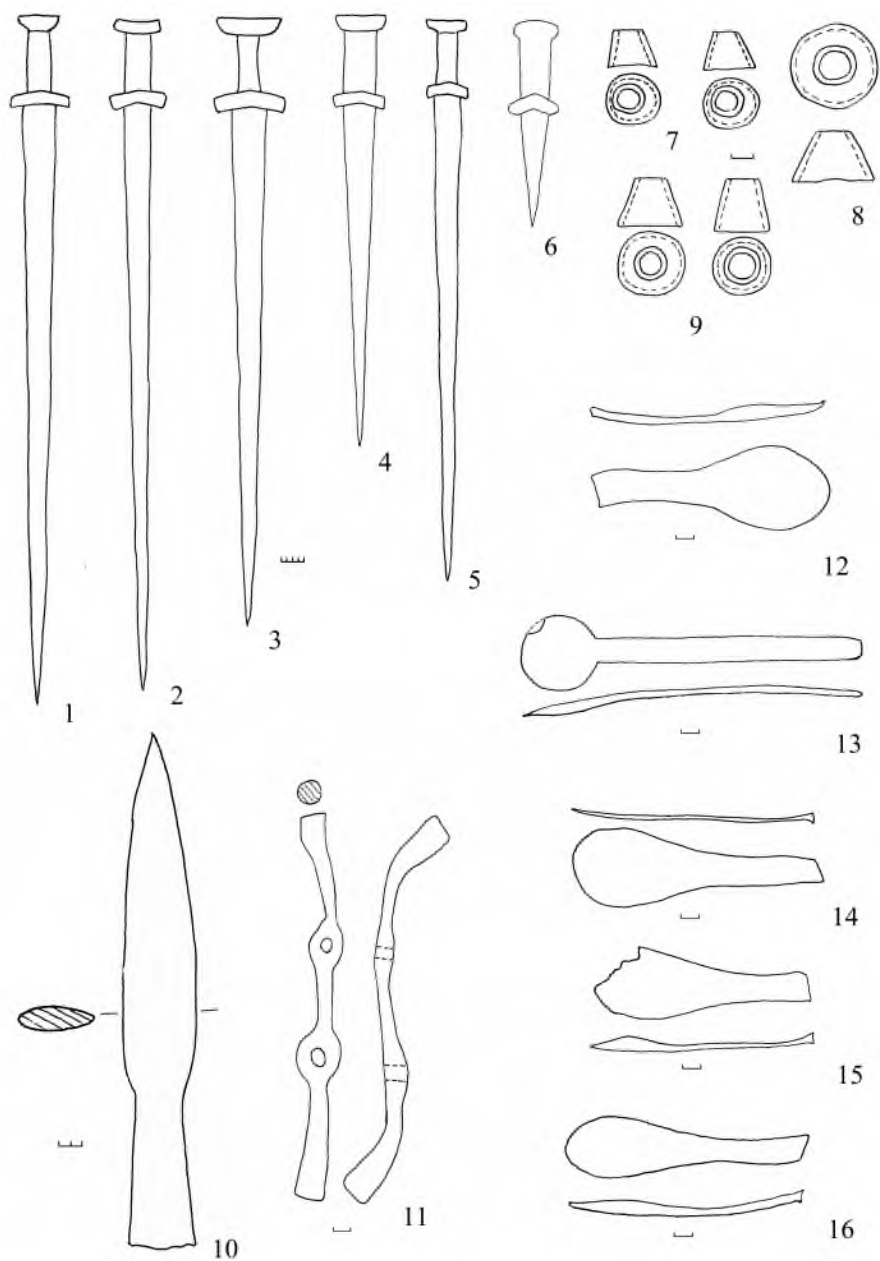

Рис. 1. Мечи, ворворки, наконечник копья, псалий и костяные ложечки из курганов 1, 2

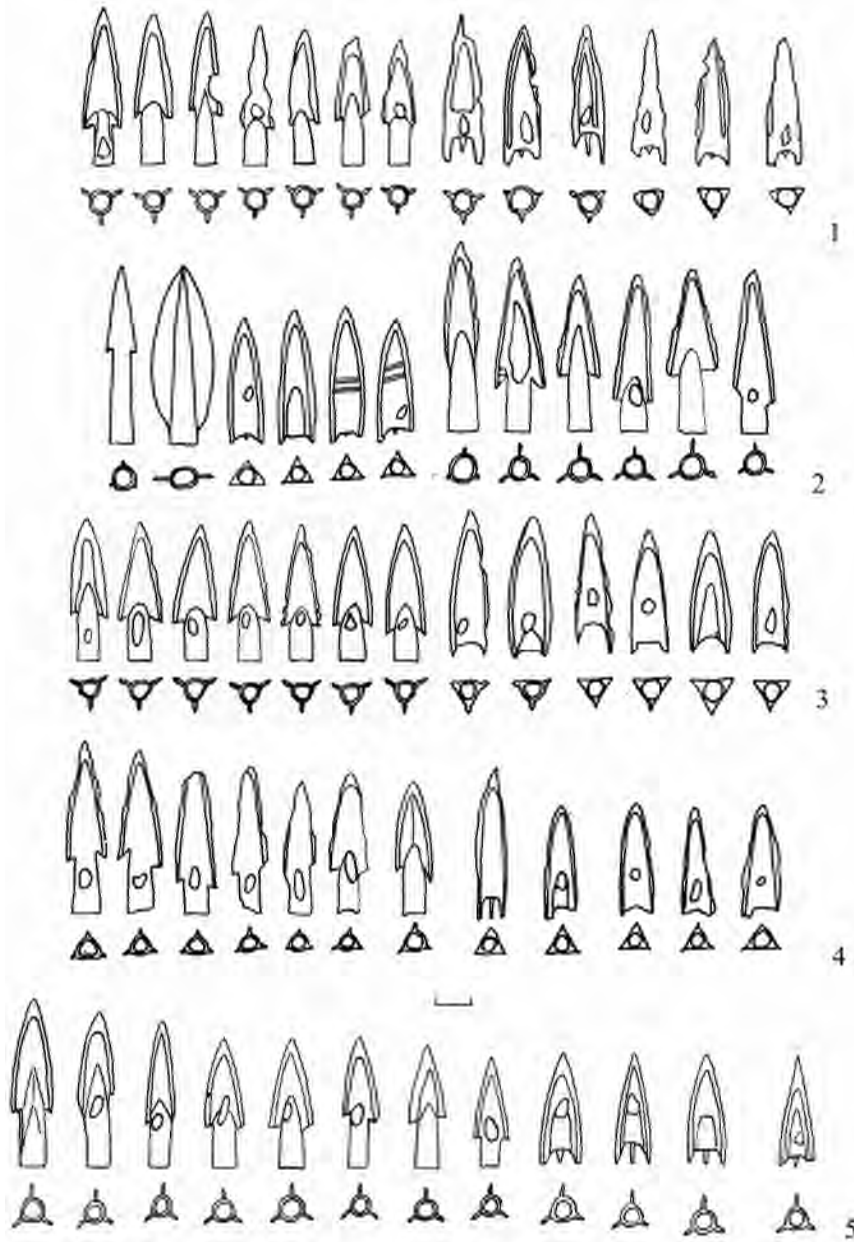

Рис. 2. Бронзовые наконечники стрел из курганов 1, 2

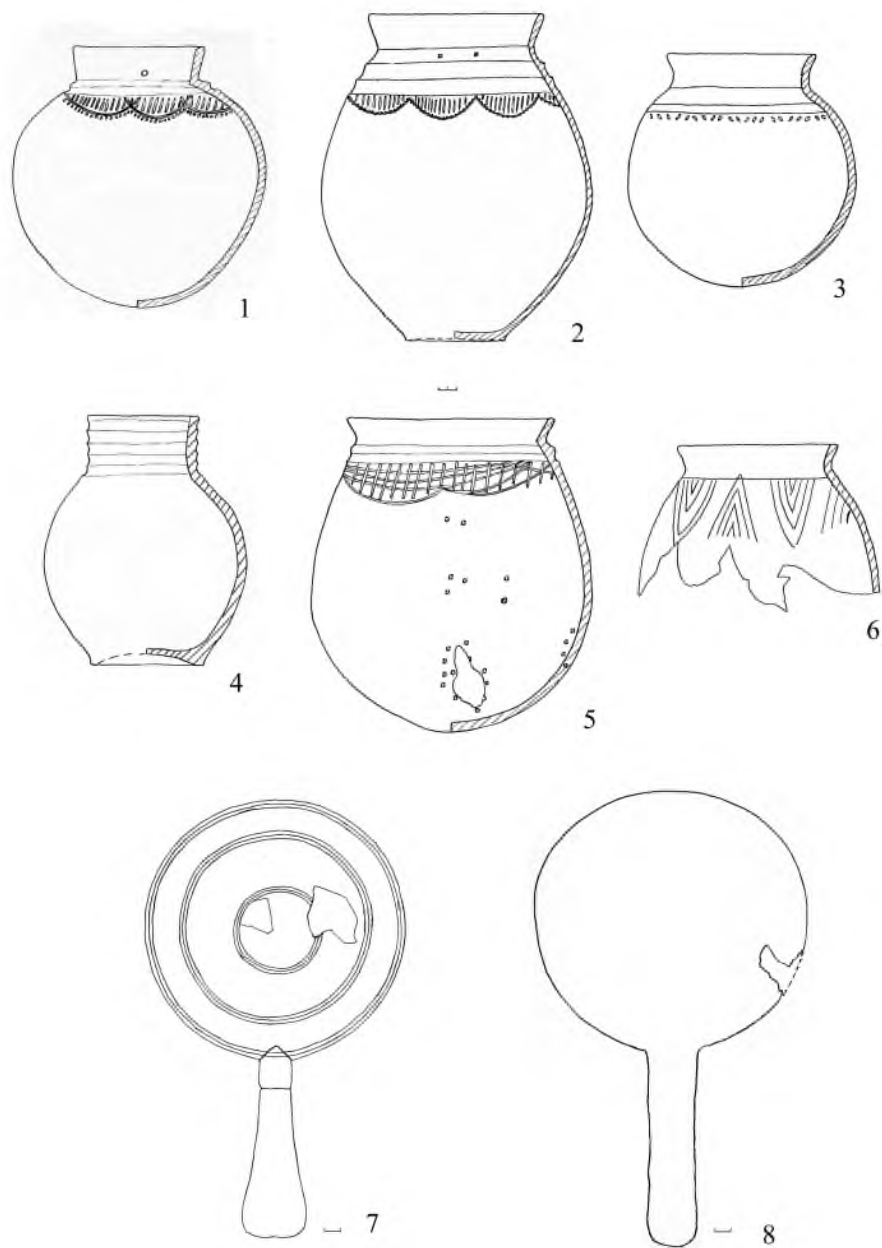

Рис. 3. Сосуды и бронзовые зеркала из курганов 1, 2

Соколов П.М.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ САВРОМАТСКОГО КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ

Клиновое оружие давно привлекало внимание исследователей, однако многие вопросы, связанные с военным делом скифоидных культур степной полосы Восточной Европы, долгое время были не решены. До 1960-х годов выходили исследования, посвященные отдельным видам вооружения. А для освещения рассматриваемых проблем была необходима подробная сводка всего известного археологического материала, дополненная хронологическими и типологическими разработками. Подобные работы были написаны в 1950–60-х годах. Создателем такого свода для скифского оружия стала А.И. Мелюкова, а для савроматского К.Ф. Смирнов.

Основные принципы типологии клинкового вооружения VI–IV вв. до н. э. были разработаны в своде А.И. Мелюковой. Отделы в ее типологии клинкового оружия определялись формой наконечника, а типы – формой перекрестия мечей. Исходя из этой схемы, К.Ф. Смирнов выделял следующие отделы: мечи с брусковидным, антенновидным, зооморфным, плоским овальным наконечниками и мечи без наконечника. Каждый отдел делился на три типа в зависимости от формы перекрестия: почковидное, бабочковидное и сердцевидное перекрестия. Подобная типология позволяет проследить эволюцию мечей во времени, выявить их локальные особенности [Смирнов, 1961. С. 9].

Созданная в трудах А.И. Мелюковой и К.Ф. Смирнова типология клинкового оружия скифо-савроматской эпохи, по мнению А.Ю. Алексеева, весьма условна в своей таксономии [Алексеев, 1991. С. 272]. Такая классификация не пригодна для группировки вещей, осознававшейся самими варварами, имевшей для них смысл. Для выделения таких групп необходимо изучать контексты, в которых эти вещи оказались [Клейн, 1991. С. 69].

Решение этой задачи, применительно к клинковому оружию скифского времени, было предложено А.Ю. Алексеевым. Он пришел к выводу, что наиболее ранним (VII–VI вв. до н. э.) и исконно скифским типом меча являются все образцы, имеющие почковидное и сердцевидное перекрестие [Алексеев, 1991. С. 279]. Тип мечей с широким бабочковидным перекрестием был выработан на территории Передней Азии и не мог служить прототипом для скифских мечей [Черненко, 1979. С. 90–91]. Два последних «культурных» типа

А.Ю. Алексеева датируются V–IV вв. до н. э. Оба эти типа связаны с греческим влиянием на скифское клинковое оружие. Мечи 3 типа имеют овальное плоское навершие и ложнотреугольное перекрестие. В их оформлении может присутствовать золото. 4 тип по Алексееву – это мечи со сплошным антенным навершием, узким бабочковидным перекрестием и треугольным клинком [Алексеев, 1991. С. 276].

В 2007 году в Челябинске прошла конференция, посвященная региональной типологии и хронологии вооружения сарматов. Среди рассмотренных на ней вопросов были и проблемы хронологии клинкового вооружения VI–IV вв. до н. э. Нижнего Поволжья [Скрипкин, 2007. С. 38–50]. Исследователи обращают внимание в последние несколько лет и на биметаллическое клинковое оружие скифского времени из междуречья Волги и Дона [Ворошилов, 2007. С. 150–156] и с территории Украины [Бабенко, 2006. С. 53–56].

Кроме того, в 2007 году А.Н. Ворошиловым была защищена кандидатская диссертация, посвященная вооружению лесостепного Подонья в скифское время. Основное внимание в этой работе уделено клинковому оружию указанного региона. Заслугой автора этой диссертации является подробное рассмотрение вопросов классификации, изготовления и происхождения типов клинкового оружия Подонья. А.Н. Ворошилов предлагает вполне приемлемую, довольно подробно разработанную и унифицированную терминологию описания типов наверший и перекрестий клинкового оружия, создает развернутую типологию мечей.

Сначала все экземпляры клинкового оружия разделяются им на классы: однолезвийные и двулезвийные мечи. Затем класс двулезвийного оружия разделяется на отделы по форме навершия: прямое и антенное. Оба выделенных отдела делятся на два подотдела в зависимости от формы навершия в сечении в плоскости перпендикулярной плоскости клинка: плоские и рельефные. Внутри подотделов выделяются типы. Решающее значение для их выделения играет форма навершия, получаемая в результате его сечения в плоскости клинка. Прямые навершия подразделяются на овальные, грибовидные, ромбовидные, подпрямоугольные, зооморфные, прутовидные, брусковидные. Антенные навершия делятся на: простые, псевдокольцевидные и зооморфные. Последние разделяются на слабо стилизованные и сильно стилизованные. Внутри этих типов выделяются подтипы в зависимости от формы перекрестия: почковидное, полупочковидное, сердцевидное, псевдосердцевидное, восьмеркообразное, бабочковидное, псевдобабочковидное, сегментовидное, ложнотреугольное, дуговидное, прямое, без перекрестия [Ворошилов, 2007. С. 12–19].

Имеющаяся выборка образцов нижеволжского клинкового оружия имеет много сходных черт с собственно скифским и среднедонским вооружением. Поэтому представляется возможным применить к корпусу нижеволжского клинкового оружия классификационные ступени, которые были разработаны А.Н. Ворошиловым, с незначительными изменениями. Биметаллическое клинковое оружие будет рассмотрено вне данной типологии, в связи с тем, что два его экземпляра происходят из случайных находок и, очевидно, являются более древними, чем все остальные мечи данной выборки.

Все нижневолжские мечи будут сначала объединены в один *класс* – *двулезвийные*. Затем выделяются *отделы*, по форме навершия – *прямое, фигурное* и *без навершия*. Отделы будут разделены на *типы по сечению навершия в плоскости клинка* (брусковидное, дуговидное, простое антенное, антенное зооморфное слабо стилизованное или сильно стилизованное). Типы могут разделяться на *подтипы, в зависимости от формы перекрестия* (бабочковидное, узкое бабочковидное, сердцевидное, почковидное и дуговидное).

Все мечи савроматского времени, найденные на территории Нижнего Поволжья, были разделены на три отдела. Внутри первого из них (мечи с прямым навершием) было выделено два типа. Первый из них распался на 5 подтипов. Третий и четвертый подтипы распались на два варианта. Во втором отделе (мечи с фигурным навершием) было выделено 3 типа. Первый из них распался на 4 подтипа, последний на 2. В третьем отделе (мечи без навершия) был выделен один тип, который распался на три подтипа. Вполне очевидно, что нижневолжское клинковое оружие этой эпохи развивалось под сильным влиянием скифского вооружения.

Наиболее распространенным типом перекрестия нижневолжских мечей является бабочковидная форма. Эта форма перекрестия возникает под влиянием переднеазиатского оружия и, вероятно, распространяется в Нижнем Поволжье с конца VI в. до н. э. после возвращения скифов из их походов в Переднюю Азию. Видимо, местное население также принимало участие в этих походах. Это подтверждается тем, что в Нижнем Поволжье известно всего два экземпляра наиболее архаичного биметаллического клинкового оружия, да и те из случайных находок. Все остальные мечи, как из погребальных комплексов, так и из случайных находок, относятся, самое раннее, к середине VI в. до н. э.

Наиболее архаичными признаками для клинкового оружия Нижнего Поволжья скифского времени следует признать почковидное перекрестие, а также брусковидное навершие. Практически одновременно с ними появляется и сердцевидная форма перекрестия. Несколько позже распространяется антенное навершие. Можно констатировать тот факт, что население Нижнего Поволжья савроматского времени принесло на эту территорию уже сложившийся комплекс клинкового вооружения, который затем развивался под влиянием населения соседней Скифии, Кавказа, а несколько позже – Южного Приуралья.

В 2007 году вышла статья А.С. Скрипкина, целиком посвященная хронологии савроматских мечей с территории Нижнего Поволжья. Им выделяется три хронологические группы мечей: VII – первая половина VI вв. до н. э.; вторая половина VI – первая половина V вв. до н. э.; вторая половина V – первая половина IV вв. до н. э. Все мечи первой, наиболее древней хронологической группы происходят из случайных находок. В этой группе наиболее древними экземплярами являются два биметаллических меча. А.С. Скрипкин считает, что все остальные железные мечи из этой группы являются подражанием более древним биметаллическим аналогам [Скрипкин, 2007. С. 38–50].

В целом, можно согласиться с периодизацией клинкового оружия Нижнего Поволжья савроматского времени, предложенной А.С. Скрипкиным. Действительно, наиболее древним экземпляром данной группы вооружения,

происходящим из погребения, является меч с брусковидным навершием и почковидным перекрестием из могильника Аксай I. Он датируется второй половиной VI в. до н. э. по сопровождающему инвентарю (амфоре, крестовидной бляхе и наконечникам стрел). Мечи такого типа распространены в архаических скифских погребениях Поросья (курган 77 у села Куриловка) [Ковпаненко, 1981. С. 34], в раннескифских погребениях ольвийского могильника [Скуднова, 1988. С. 42] и т. д. К этому же типу были отнесены и мечи из погребений Аксеновского и Верхнеяблочного могильников. По наконечникам стрел эти мечи можно датировать второй половиной V в. до н. э. Таким образом, мечи с брусковидным навершием и почковидным перекрестием появляются в Нижнем Поволжье в середине VI в. до н. э. и продолжают существовать здесь до второй половины V в. до н. э.

Достаточно рано появляются в Нижнем Поволжье и мечи с бабочковидным перекрестием и брусковидным навершием. Наиболее ранние экземпляры мечей указанного типа происходят из случайных находок, что не дает возможности их точно датировать. Но, по наличию продольных валиков на рукояти – подражание биметаллическим аналогам, их можно отнести к VI веку до н. э. Наиболее датированным мечем из этой серии можно считать экземпляр из могильника Сазонкин Бугор. По наконечникам стрел (отсутствие стрел с треугольной головкой и наличие наконечника с шипом на втулке), обкладкам деревянного сосуда, зеркалу и золотым серьгам он датируется в пределах первой половины V в. до н. э. Мечи этого подтипа из Аксеновского могильника датируются серединой V – началом IV вв. до н. э. Этот тип также был распространен в Нижнем Поволжье в V–IV вв. до н. э.

Из всех подтипов второго отдела (с антенным навершием) наиболее архаичным является подтип с простым антенным навершием и почковидным перекрестием. Мечи, включенные в него, по наконечникам стрел можно датировать концом VI–V вв. до н. э. Наиболее древними образцами этого подтипа являются мечи из кургана А 12 у села Блюменфельд (наборы наконечников стрел включают двухлопастные наконечники с шипами ромбической и лавролистной форм, в колчане господствуют сводчатые наконечники стрел) и меч из могильника Фриденберг I. К этому же периоду относится и меч с простым антенным навершием и бабочковидным перекрестием из кургана у города Покровска. В пользу такой даты для этого меча свидетельствует наличие на его рукояти трех продольных борозд, имитирующих рамочную бронзовую рукоять биметаллических мечей. Все остальные мечи этого подтипа относятся к середине V – началу IV вв. до н. э. Мечи с зооморфным навершием и бабочковидным или ложнотреугольным перекрестием датировать сложно, так как все учтенные здесь экземпляры происходят из случайных находок. Традиционно считается, что такие мечи датируются второй половиной V–IV вв. до н. э. Эту дату подтверждают и знаменитые комплексы из курганов Солоха, Аксютинского и Елизаветовского, где были обнаружены подобные экземпляры акинаков [Манцевич, 1987. С. 68–69].

Большинство типов нижеволжского клинкового оружия появляется здесь во второй половине VI в. до н. э. и активно используется местным населением до IV в. до н. э. В IV в. до н. э. в Нижнем Поволжье начинают распространяться образцы раннесарматского клинкового оружия. Их предшествен-

никами были мечи с дуговидным навершием и перекрестием, подобные мечам из погребений у ст. Сайхин и оз. Эльтон. Комплекс нижеволжского клинкового оружия был заимствован с территории Скифии где-то в середине VI в. до н. э. в готовом, уже сложившемся виде. После этого клинковое оружие Нижнего Поволжья до второй половины V в. до н. э. развивалось под сильным влиянием скифского. Затем на эту территорию с востока, из Южного Приуралья, начинают проникать образцы мечей, имеющие общие черты с вооружением последующей раннесарматской эпохи. К таким мечам можно отнести оба экземпляра из Элистинского могильника и мечи из могильников у ст. Сайхин и оз. Эльтон. Мечи из Элистинского могильника схожи по форме наверший и перекрестий с двумя мечами из кургана 5 могильника Лебедевка VI [Железчиков, Клепиков, Сергацков, 2006. С. 101]. А мечи из могильников Эльтон и Сайхин схожи с мечами из комплекса Лебедевка V 9/2, который по набору наконечников стрел, на мой взгляд, датируется в пределах V в. до н. э.

Наиболее ранние мечи савроматского времени Нижнего Поволжья имеют продольные валики, желоба и борозды на рукояти (имитация рукоятей биметаллического клинкового оружия). Мечи с такими рукоятями чаще всего имеют почковидное и сердцевидное перекрестие и брусковидное или простое антенное навершие (Юловская волость, Средняя Липовка, Мордовский карай). Такие мечи и кинжалы относятся к концу VI – первой половине V вв. до н. э. Менее распространены в это время мечи с бабочковидным перекрестием. Они появляются в Нижнем Поволжье в конце VI (Владыкино) – первой половине V вв. до н. э. (Сазонкин Бугор, Покровск, Квасниковка и меч из Аркадакского музея). Мечи без желобов и валиков на рукоятях, но с почковидным перекрестием и брусковидным и простым антенным навершиями появляются в Нижнем Поволжье в середине VI в. до н. э. (Аксай I 3/3) и используются до второй половины V в. до н. э. Видимо, в середине V в. до н. э. появляются в Нижнем Поволжье мечи с узким бабочковидным перекрестием и брусковидным или простым антенным навершием. Перекрестие этих образцов клинкового оружия эволюционирует из бабочковидного. Большинство этих мечей датируется второй половиной V–IV вв. до н. э. (мечи из Аксеновских могильников). В это же время появляются зооморфные антенные навершия (Озерки, Пиллогино, Шняево). Дуговидное перекрестие наиболее поздних переходных савроматосарматских мечей появляется под влиянием узкого бабочковидного перекрестия клинкового оружия предшествующей эпохи.

Мечи с изогнутым навершием и перекрестием (отдел I тип 2 подтип 1) продолжали использоваться и в начале III в. до н. э. Меч этого типа был найден в погребении 2 кургана у Ново-Мусино вместе с амфорой конца IV – начала III вв. до н. э. [Глебов, Житников, 2008. С. 107]. Несмотря на это, я, так же как и В.М. Клепиков [Клепиков, 2007. С. 41], не считаю возможным все подобные мечи датировать второй половиной IV в. до н. э. Следует сравнить рукояти мечей из Ново-Мусино и, к примеру, из комплексов Сайхин 1/1, Лятошинка 1/2, из Новоузенского могильника. Рукояти всех указанных образцов клинкового оружия из Заволжья очень широки, раздуты. Можно предположить, что это связано с какой-то технологической особенностью их изготовления. Вероятно, более поздний меч из Ново-Мусино был сделан по иной технологии.

Подобный тип клинкового оружия сформировался в Южном Приуралье. По замечанию В.П. Глебова там насчитывается более 60 подобных мечей, а в Нижнем Поволжье около 20 [Глебов, Житников, 2008. С. 104]. Такие мечи в Нижнем Поволжье датируются в пределах IV в. до н.э. [Соколов, 2009. С. 127].

Представляется вполне вероятным, что на рубеже V–IV вв. до н. э. имело место взаимовлияние друг на друга савроматской культуры Нижнего Поволжья и раннесарматской культуры Южного Приуралья. Это выразилось, в том числе, и в изменении используемых типов клинкового оружия. В Поволжье во 2-ой половине V в. до н. э. распространяются мечи с узким бабочковидным перекрестием и брусковидным навершием. Первоначальный культурный смысл, который вкладывался в форму рукояти в VI в. до н. э., к IV в. был, видимо, утрачен. Распространяются типы мечей, выполненные в подражание оружию кочевников Южного Приуралья, которые в это время активно осваивают заволжские степи и вытесняют оттуда носителей савроматской археологической культуры.

Литература:

Алексеев А.Ю. Этюд об акинаках // Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.

Бабенко Л.І. Біметалевий меч скифського часу з колекції харківського історичного музею // Археологія. № 2, Київ, 2006.

Вооружение населения лесостепного Подонья в скифское время (акинаки, копья, дротики): автореф. дисс. Ворошилова А.Н. Воронеж, 2007.

Ворошилов А.Н. Биметаллические мечи скифского времени из междуречья Волги и Дона // РА. № 3. 2007.

Ворошилов А.Н. Медведев А.П. Вооружение населения лесостепного Подонья в скифо-сарматское время // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007.

Глебов В.П. Житников В.Г. Раннесарматские погребения с мечами переходного типа в Нижнем Подонье // Труды археологического научно-исследовательского бюро. Том III. Ростов-на-Дону, 2008.

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н. э.). М., 2006.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.

Клепиков В.М. Формирование раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Региональные особенности раннесарматской культуры: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград, 2007. Вып. II.

Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Л., 1987.

Скрипкин А.С. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н. э. (проблемы хронологии) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007.

Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА СССР. № 101. М., 1961.

Соколов П.М. Клинковое оружие кочевников Нижнего Поволжья скифского времени // Нижневолжский Археологический Вестник. Волгоград, 2009. Вып. 10.

Черненко Е.В. Персидские акинаки и скифские мечи // Тезисы докладов на III Всесоюзной конференции «Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен». М., 1979.

Хреков А.А.

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ
ЭТНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э.
НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИХОПЕРЬЯ

Цель всякого археологического исследования – историческая интерпретация явлений, наблюдаемых в археологическом материале. Изучение отдельной археологической культуры зачастую не дает ожидаемого исторического вывода. Важные проблемы миграций, диффузий, автохтонного развития можно рассматривать как пути к решению этой задачи. Круг исследуемых материалов должен быть значительным, достаточным для того, чтобы инновации в культуре, или явления смены культур могли найти свое объяснение [Шукин, 1976. С. 66].

Во II–III вв. н. э. на территории лесостепного Прихоперья в пределах Саратовской, Воронежской, Тамбовской областей сложилась своеобразная этнокультурная ситуация. С одной стороны здесь зафиксированы позднесарматские памятники, а с другой – постзарубинецкие (поздnezарубинецкие и раннекиевские) и вероятно остатки автохтонного населения городецкой культуры. Основанием для такого вывода является не только общая территория, но и анализ хроноиндикаторов (рис. 4).

До рубежа нашей эры в Волго-Донском лесостепном междуречье савроматские (скифоидные) и сарматские памятники, а также отдельные находки пока исчисляются единицами, что свидетельствует о непостоянном проживании кочевников в этом районе [Медведев, 1999. С. 50–51; Хреков, 2008а. С. 343–361], или его слабой изученности. Вероятно, активному проникновению в лесостепь мешало довольно многочисленное оседлое население городецкой культуры [Хреков, 2000. С. 58–71]. В конце I – начале II вв. н. э. происходит массовое переселение новых кочевых племен с юго-востока. Ими оставлены как отдельные курганы, так и курганные могильники, исследованные в правобережье и левобережье Хопра и на прилегающей территории.

В воронежском Прихоперье исследованы три сарматских могильника: у с. Третьяки Борисоглебского района и два памятника у села Власовка Грибановского района (рис. 1). Первый был раскопан К.Ю. Ефимовым в 1984–1986 гг. [Ефимов, 1998. С. 19–35]. В нем оказалось 15 сарматских курганов. Два других изучались А.Т. Синюком и В.Д. Березуцким в 80–90 гг. XX века. [Бере-

зущий, 1998. С. 36–41]. Среди них только 3 оказались сарматскими. По времени большинство открытых здесь погребений укладываются в хронологические рамки в пределах конца I–II вв. н. э. включительно [Ефимов, 1998. С. 25; Березуцкий, 1998. С. 37–38]. Однако в составе инвентаря ряда захоронений появляются вещи, характерные для поздних сарматов: Третьяки, курган 14 – кинжал III–IV вв. н. э. (рис. 2, 15), тип 3 по А.М. Хазанову [Хазанов, 1971. С. 15–21]; Третьяки, курган 18 – сероглиняный кувшин с налепными шишечками (рис. 2, 10), тип 1 лепных плоскодонных горшков по классификации А.С. Скрипкина, которые он датирует рубежом I–II – второй половиной II вв. н. э. [Скрипкин, 1984. С. 49, рис. 8, 1]; Третьяки, курган 76 – лепная острореберная миска и лепной горшок с уплощенным дном и налепными шишечками (рис. 2, 11–12), относится к типу II лепных горшков с уплощенным дном по классификации А.С. Скрипкина и датируется второй половиной II – серединой III вв. н. э. [Скрипкин, 1984. С. 51, рис. 9, 2]; Власовка 2, курган 1 – зеркало с боковым ушком, коническим утолщением в центре и орнаментом на обратной стороне (рис. 2, 14), тип II по А.С. Скрипкину, появляются в начале II в., а широкое распространение получают во второй половине II – первой половине III вв. н. э. [Скрипкин, 1984. С. 48]. В этом же погребении обнаружена железная пружинная фибула (рис. 2, 15). Железные фибулы, близкие власовской, М.П. Абрамовой относятся ко II–III вв. н. э. [Абрамова, 1993. С. 167]. Хронологический диапазон перечисленных предметов (рис. 4), по-видимому, отражает процесс смены среднесарматской культуры позднесарматской. Свидетельством этого процесса служит появление погребений с ориентировкой в северный сектор кургана (Третьяки, к. 18, 76; Власовка 2, к. 1) и деформированным черепом (Третьяки, к. 37), что, вероятно, позволяет отнести верхний рубеж могильника до конца II – начала III вв. н. э.

Процесс смены среднесарматской культуры позднесарматской отчетливо прослеживается и на территории Саратовского Прихоперья. С 1983 по 1986 гг. автором исследовался курганный могильник у с. Ключи Балашовского района. Из шести раскопанных насыпей две (курганы 2 и 3) содержали сарматские захоронения [Хреков, 2008. С. 94–105]. Погребенные ориентированы в южный сектор кургана. Одно из них (курган 2) диагональное. Погребальный обряд соответствует среднесарматскому времени, а сопровождающий инвентарь в основном относится к позднесарматским типам. Он представлен: кинжалом и мечом без металлического навершия и перекрестия II–III вв. н. э. (рис. 2, 7–8), тип 3 по А.М. Хазанову [Хазанов, 1971. С. 15–21]; сильно профилированной фибулой боспорского образца середины II – конца III вв. н. э. (рис. 2, 4), тип I, вариант 2 по А.С. Скрипкину [Скрипкин, 1984. С. 44]; курильницей кубической формы II – середина III вв. н.э. (рис. 2, 5), тип II по А.С. Скрипкину [Скрипкин, 1984. С. 55, рис. 11, 18–25]; трехлопастными черешковыми наконечниками стрел II–III вв. н. э. (рис. 2, 6) – тип 11, вариант 4–5 по А.С. Скрипкину [Скрипкин, 1990. С. 72, 178, рис. 24, 1–19]; лепным плоскодонным сосудом с подковообразным налепом, тип IV по А.С. Скрипкину [Скрипкин, 1984. С. 28, рис. 8, 4] и лепным сосудиком с уплощенным дном и отбитой в древности ручкой, тип IV по А.С. Скрипкину [Скрипкин, 1984. С. 28, рис. 9, 4] рубежа I–II – середины III вв. н. э. [Скрипкин, 1984. С. 55].

Судя по набору вещей, оба кургана датируются второй половиной II – началом III вв. н. э.

Еще одно грунтовое сарматское погребение ребенка обнаружено у рабочего поселка Турки Турковского района в 2007 г. [Хреков, 2008. С. 97]. Костяк лежал в катакомбе, головой на юг, с вытянутыми вдоль туловища руками и перекрещенными ногами. У черепа находился лепной горшок яйцевидной формы, с резко отогнутым наружу венчиком и плоским дном (рис. 2, 3), тип 3 по А.П. Медведеву [Медведев, 1998. С. 43–44]. Как отмечает И.С. Каменецкий, обряд перекрещивания ног сначала получает распространение у меотов Кубани в I в. до н. э. – I в. н. э., у сарматов лишь во II–III вв. н. э., но и тогда он составляет незначительный процент [Каменецкий, 1965. С. 14].

В 1965 г. Е.К. Максимовым исследован курган среднесарматского времени у с. Таптулино Ртищевского района [Максимов, 1974. С. 64–67]. Погребение совершено в широкой прямоугольной яме, положение костяка вытянуто, головой на юго-запад. Сопровождающий инвентарь представлен круговыми сосудами, мисками, железным ножом и пряжкой I–II вв. н. э.

К среднесарматскому и позднесарматскому времени относятся курганы, раскопанные известным русским археологом А.А. Спицыным в 1895 г. у с. Машевка (современный Аркадакский район) на реке Аркадак (приток Хопра) [Спицын, 1895. С. 30–32]. В кургане 3 обнаружен костяк взрослого человека головой на СЗ, глиняная тарелка и два лепных горшка. В ГИМ хранится лепной глиняный сосуд с узким, расширяющимся кверху горлом и плоским дном, тип I по А.С. Скрипкину [Скрипкин, 1984. С. 28, рис. 8, 1]. Погребение относится к среднесарматскому времени [Гущина, Фирсов, 2000. С. 269]. Курганы 4 и 6 с костяками, ориентированными в северный сектор и сохранившимися железной круглорабочной пряжкой, тип 1 по А.С. Скрипкину [Скрипкин, 1984. С. 41, 57, рис. 15, 6–7] и бронзовыми двучленными лучковыми фибулами, с подвижным приемником и расширенной ножкой (рис. 2, 1–2), тип II лучковых фибул по А.С. Скрипкину, датируется второй половиной III в. н. э. [Скрипкин, 1984. С. 31, 52, рис. 12, 15–18].

Таким образом, наличие отдельных курганов и могильников II–III вв. н. э. является показателем известной прочности позиций, занимаемых сарматами в лесостепном Прихоперье. Сарматские комплексы, исследованные восточнее Хопра в лесостепных районах Саратовского Правобережья (Верхний Кольшлей, Ершовка, Аткарск, Радушинка, Елань), подтверждают наши выводы [Матюхин, 1992. С. 144–158].

Во II в. н. э. на территории лесостепного Прихоперья появляются новые, не имеющие местных корней мигранты, близкие по времени и сходству археологического комплекса с зарубинецкими традициями, выделенные автором в постзарубинецкие древности инясевского типа [Хреков, 1994. С. 51–58]. В предварительном плане, судя по керамическому комплексу и «хроноиндикаторам», плавающим в рамках середины II – третьей четверти III вв. н. э. (B2/C1–C1A – C1B – в соответствии с хронологией Центральной Европы эпохи римских влияний) постзарубинецкие памятники Прихоперья, по общему набору культурообразующих признаков, относятся в двум периодам – позднезарубинецкому и раннекиевскому (рис. 1, 4) [Хреков, 2013].

Основой для разработки внутренней хронологии стали материалы раскопок и разведок поселений Шапкино I (дюна 4), Шапкино II, Разнобрычка, Богатырка, Инясевского могильника, культового места и поселения Рассказань III, в разные годы исследованных автором [Хреков, 2012. С. 91–114]. К настоящему времени здесь известны 11 памятников с материалами постзарубинецкого облика, в основном, характеризующимися бытованием предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей: Шапкино I, дюна 4, бронзовая луница с эмалевыми полями на концах без отростков (рис. 3, 16) – первая стадия украшений этапа А [Фролов, 1980. С. 11–125] – середины второй половины II века н. э.; Шапкино I, дюна 5, параллелепипедная красная бусина (рис. 3, 9), тип 104 [Алексеева, 1978. С. 69–70], II–III вв. н. э.; Шапкино II, бронзовый пирамидальный колокольчик-подвеска (рис. 3, 7), I–III вв. н. э. [Морозовская, 1985. С. 74–75]; Инясево, бронзовые трапециевидные подвески (рис. 3, 1–2), железные (рис. 3, 3, 5) и бронзовые (рис. 3, 4) пряжки, последняя с овальной рамой и выступом у основания язычка, соответствует типу II а, которые суммарно датируются серединой – второй половиной III в. н. э., исключая последние десятилетия [Малашев, 2000. С. 194–209]; Богатырка, бронзовый браслет, треугольный в сечении с выступами гребнями на концах (рис. 3, 6), первой половины – середины III в. н. э., соответствует типу I [Корзухина, 1978. С. 34–35]; Разнобрычка, фрагмент бронзовой трапециевидной подвески (рис. 3, 14), аналогичной инясевским украшениям.

Сопутствующие изделия – бусы (рис. 3, 8, 10–11), посоховидные булавки (рис. 3, 12–13), крупная обойма от пряжки (рис. 3, 15), керамика и другие предметы, о чем пойдет речь ниже, имели хождение с I по III вв. н. э. включительно.

Комплекс прихоперских памятников дополняют материалы разведок (Нижний Карачан 2–3, Турбаза, Богана 2–3, Богана 5, Затон, Большие Алабухи, Посевкино), раскопок (Борисоглебское 4) и случайных находок (Нижний Карачан), обнаруженных на территории Воронежской области [Акимов, Ененко, 2012. Рис. 1; Мулкиджанян, 1998. С. 169–179]. В набор случайных находок входят: обломок ажурной луницы с двумя узкими прорезями на корпусе (завершающая стадия развития восточноевропейских эмалей); кресторомбическая накладка с четырьмя круглыми выступами по углам, снабженная пятью полями красной эмали; трапециевидная пластинчатая подвеска, украшенная вдавленными концентрическими окружностями (рис. 3, 17–19), III вв. н. э. [Мулкиджанян, 1998. С. 173, рис. 6, 7–9].

Помимо вещей и характерной постзарубинецкой керамики на прихоперских памятниках Рассказань III, Разнобрычка, Шапкино I–II эпизодически встречается совершенно чуждая по технологии изготовления и морфологическим признакам посуда. Это фрагменты сероглиняных (рис. 5, 1) и красноглиняных (рис. 5, 6–7) круговых сосудов, ручек в зооморфном стиле (рис. 5, 2–3), ручек без стилизации (рис. 5, 4), пряслиц из стенок круговых красноглиняных сосудов (рис. 5, 5, 8), имеющих широкий круг аналогий в материалах средне- и позднесарматского времени Волго-Донского междуречья [Скрипкин, 1984. С. 25, 55, рис. 4, 1; 5, 1–2; Сергацков, 2000. Рис. 77, 1] и на Северном Кавказе [Абрамова, 1987. С. 137, рис. 57, 10; С. 139, рис. 58, 18] в первые века нашей эры. Сосуды сарматского происхождения известны на позднезарубинецких и раннекиевских памятниках I–III вв. н. э. (Герновка 2, Шишино 5),

водораздела Днепра и Дона [Обломский, 1991. С. 77, рис. 25]. Зафиксированы также импульсы, шедшие в обратном направлении. Так, отдельные находки изделий круга «варварских эмалей» встречаются далеко от основного ареала их распространения на юге Восточной Европы, в хорошо датированных сарматских и античных могильниках в пределах второй половины II – первой половины III вв. н. э. (Клин-Яр, погр. 11; Кепы, погребение на городище; Дивизия, курган 2; Воловий, курган 33) [Зиньковская, 2011. С. 43–47]. Интересный клад из шести предметов круга «варварских эмалей» был обнаружен в 120 км южнее границы донской лесостепи в Верхнемамонском районе Воронежской области. Публикаторы клада выдвинули версию, что это была часть платы воинственным сарматам за возможность прохода постзарубинцев дальше на восток, в Прихоперье [Акимов, Ененко, 2012. С. 6, 9]. Видимо, сарматские племена были активным связующим звеном между зоной степи и лесостепи, а также населением Причерноморья, Крыма и Кавказа. Именно эта текучая, мобильная, кочевая среда явилась переносчиком не только кочевнических форм лепной и круговой керамики, но и некоторых элементов лесных и лесостепных культур: «варварских эмалей», головных венчиков, бронзовых литых пирамидальных колокольчиков, лунниц. Все эти вещи, начиная с конца II – начала III в. н. э., становятся бросающейся в глаза чужеродной деталью вещевых комплексов степных кочевнических погребений [Горюнова, 2008. С. 211–213]. Вопрос о симбиотическом характере сосуществования поздних групп сарматского населения лесостепной зоны Волго-Донского междуречья с постзарубинцами пока не стоит. Слишком незначительны материалы, которые могли бы свидетельствовать об одновременном присутствии именно на пойменных поселениях Прихоперья обеих групп, имеющих различный хозяйственно-культурный тип и занимающих разные экологические ниши. Скорее следует предполагать, что между этими группами населения существовали довольно мирные отношения на взаимовыгодной основе. Это, однако, не исключает гипотезу о подчиненности (даннической зависимости) постзарубинецких общин Прихоперья сарматам. Подобная точка зрения принадлежит М.Б. Щукину, который не исключал возможности, что сарматы-кочевники, постоянно нуждающиеся в продуктах земледелия, могли депортировать часть постзарубинецкого населения на земли, где эксплуатация его была бы облегчена [Щукин, 1994. С. 141]. Вероятно, каждая группа выстраивала взаимоотношения с кочевниками в зависимости от расстановки сил.

В составе постзарубинецких памятников Прихоперья, кроме сарматских, присутствуют другие чужеродные элементы. Так, своеобразие керамического комплекса региона определяется не только традициями позднезарубинецкого времени в общем наборе лепной посуды, но и группой лощеных мисок типа «III 3», разновидности «б», истоки которых следует искать в памятниках пшеворской культуры, где такие формы появляются в конце позднего латена и максимально распространяются в раннеримское время [Обломский, Терпиловский, 1991. С. 88–99, рис. 23; Обломский, 2003. С. 15].

Особого внимания заслуживает серолощенная миска с зигзаговидным профилем, украшенная пиктограммой из свастик, треугольников, ромбов и крестов (рис. 5, 1) с поселения Шапкино II [Хреков, 1995. С. 3–15]. Подобные

знаки, в том числе свастика, триквестр, встречаются как на сарматских, так и германских (пшеворских) предметах и вооружении [Воронятов, Мачинский, 2012. С. 63, рис. 5–6]. Если не касаться глобальной темы существования индоевропейского единства будущих германских и иранских народов, в мировоззренческих представлениях которого свастические изображения играли существенную роль, то можно констатировать, что в германском мире и, в частности, в пшеворской культуре свастика была куда более распространенным изображением (рис. 5, 6), чем в иранской. На территории Восточной Европы высокие лощеные миски с зигзаговидным профилем, обнаруженные на позднезарубинецких (постзарубинецких) памятниках типа Картамышево 2, Щуровка, Октябрьское 2 и раннекиевских – Новые Безрадиичи, Обухов 1, Попово-Лежачи 4, Шишино 5 по форме, пропорциям, а также по орнаментации некоторых сосудов зигзагами, композициями из свастик, имеют пшеворские прототипы [Малашев, Обломский, 2002. С. 121–122]. Судя по сопровождающим их хроноиндикаторам, они относятся к середине последней четверти II – началу и середине III в. н. э. Отдельным сосудам пшеворской культуры [Седов, 1994. С. 7, рис. 51, 5] близок развал профилированного горшка (рис. 5, 2), обнаруженного на памятнике Рассказань III [Хреков, 2010. С. 188, рис. 10, 5–9]. Его поверхность украшена зигзагом из тонких валиков, заполненных округлыми поверхностными вдавлениями. В зарубинецких и постзарубинецких керамических комплексах подобные сосуды неизвестны.

Кроме керамики на поселениях Разнобрычка и Богатырка [Хреков, 2006. С. 62, рис. 1, 3; он же, 2013] найдены две железные шпоры с плоской ромбической дужкой и коническим шипом (рис. 5, 4–5), имеющие центральноевропейское происхождение, или дериват последних. Первая – (рис. 5, 4), тип F3 по Е. Гинальскому, который для пшеворских памятников датируется фазами C1a – C1b (1–3 трети III в. н. э.) [Ginalski, 1991. S. 66–67]. Вторая – (рис. 5, 5) относится к типу, который, по мнению А.М. Обломского, датируется довольно широко [Обломский, 2007. С. 127]. Этот тип шпор в комплексе с бронзовым браслетом и треугольной фибулой с выемчатой эмалью из постройки поселения Ездочное на реке Оскол И.В. Зиньковская и А.П. Медведев относят к середине II в. н. э. Учитывая конструктивные особенности и аналогии, время бытования прихоперских шпор будет соответствовать концу II – середине и последней четверти III в. н. э., т. е. фазам B2/C1 и C1a – C1b по средневропейской хронологии. Следует отметить, что шпора, как важный элемент снаряжения всадника на территории Восточной Европы, появляется на рубеже двух эр и получает наибольшее развитие в римское время. У степных всадников (сарматов, гуннов) управление лошастью с помощью шпор не практиковалось, поэтому большой интерес представляет распространение этой категории находок к востоку от Днепра, что должно маркировать направления движения военных отрядов и переселенцев из Центральной Европы, или отражать контакты и заимствования местным населением новых элементов в военном деле [Радюш, 2006. С. 266–269]. Западное происхождение, видимо, имеют: секировидная подвеска (рис. 5, 3), с поселения Разнобрычка; фрагмент кольчуги и узколезвийный проушный топор из Иняевского могильника (рис. 5, 7). Секировидные подвески известны на широкой территории от Средней Европы до Приуралья. Полагают, что секировидные подвески были

характерны для германцев и бытовали все поздне римское время, вплоть до конца V в. [Казанский, Мастыкова, 1998. С. 102]. Узколезвийные проушные топоры типа 2А2 по И.Р. Ахмедову и А.М. Воронцову относятся к периодам 2А и 2Б, выделенным для инвентаря мужских комплексов рязано-окских финнов и датируются серединой III – первыми десятилетиями IV вв. н. э. [Ахмедов, Воронцов, 2012. С. 12, рис. 7, 3–4].

Нельзя не отметить ряд общих черт погребального обряда постзарубинецких памятников Прихоперья (Инясево, Рассказань III) и пшеворской культуры. Речь идет о ямных сожжениях, для которых характерен скромный инвентарь, наличие угля и вторично обожженной керамики. Последний признак иногда считается специфически пшеворским. Аналогичными признаками отличаются также некоторые сожжения вельбарской и черняховской культур [Терпиловский, Абашина, 1992 С. 44]. В то же время исследователи отмечают, что погребения с небогатым инвентарем, содержащие остатки костра, реже обожженные вещи, характерны для поздней фазы зарубинецкой культуры Южной Беларуси [Кухаренко, 1964. С. 45, 57; Каспарова, 1986. С. 12–13].

Таким образом, следы контактов средневропейского и постзарубинецкого населения прослеживаются вплоть до бассейна Хопра, не исключая перемещения вещей и западной по происхождению посуды по цепочке, в результате внутренних миграций [Малашев, Обломский, 2002. С. 121–122]. Скорее всего, это были небольшие по численности военизированные группировки населения из Центральной Европы, которые достаточно быстро растворялись в позднезарубинецко-киевской среде, но оказавшие заметное влияние на облик постзарубинецких памятников Прихоперья.

Открытие постзарубинецких памятников в Прихоперье тесно связано с проблемой этногенеза восточных славян. Учитывая время распада зарубинецкой культуры, миграции постзарубинецких племен горизонта Рахны-Лютееж-Почеп-Картамышшево 2-Терновка 2 и характер археологических памятников Прихоперья, имеются все основания считать, что они оставлены самой восточной группой венедов, которые находились в постоянных передвижениях и выступали как воинственные завоеватели [Мачинский, 1976. С. 90–91; Обломский, Терпиловский, 1991. С. 107–108; Медведев, 2008. С. 32].

К сожалению, из имеющихся письменных источников античных авторов (Птолемей, Плиний, Тацит) невозможно установить, где находилась восточная граница венедов в период распада зарубинецкой культуры и последовавших вслед за ним широких передвижений ее носителей, соприкасавшихся с сарматами, феннами и германцами (пшеворцами). Косвенным свидетельством этих контактов является заключительный пассаж книги Корнелия Тацита «О происхождении и местах обитания германцев», изданной в 98 году и касающейся народов, населяющих Сарматии [Тас. Germ. 46]. «Я колеблюсь перечислить ли народы певкинов, венетов и феннов к германцам или сарматам. Впрочем певкины, которых некоторые называют бастарнами, в отношении речи, образа жизни, места обитания и жилищ ведут себя как германцы. Все они живут в грязи, а знать в бездействии. Смешанными браками они обезображивают себя как сарматы. Венеты многое усвоили из нравов, ведь они обходят разбойничьи шайками все леса и горы между певкинами и феннами. Однако они скорее должны быть отнесены к германцам, поскольку и

дома строят и носят щиты, и имеют преимущества в тренированности и быстроте пехоты – все это отличает их от сарматов, живущих в повозках и на коне». Связи сарматов и венедов, помимо археологических памятников, обнаружены в Певтингеровой карте, где они указаны как венеды-сарматы [Подосинов, 1991. С. 63–80].

Из этих пассажей античных авторов видно, что германцы и сарматы в то время были конгломератом различных племен, говорящих на разных языках, но имевших достаточно близкий образ жизни, который во многом определял модель их поведения в мирной и военной жизни, их внешний вид, снаряжение и отличал по этим признакам одних от других. Германцы и сарматы включали в себя как племена, постепенно терявшие этническую идентификацию (певкины, бастарны), так и обретшие в дальнейшем свою историческую прародину и вектор развития (венеты-славяне) [Шаров, Казанский, 2010. С. 12].

Сложнее дело обстоит с феннами, о которых другие авторы ничего не говорят. Остается предположить, что эти племена могли бы располагаться где-то в зоне распространения финно-угорской топонимии, южная граница которой доходит приблизительно до Подмосковья, т. е. территории дьяковской культуры. Тацит говорит о «поразительной дикости, жалком убожестве» феннов. Их пища – трава, одежда – шкуры, ложе – земля», они занимаются охотой и пользуются костяными наконечниками стрел [Tac. Germ. 46]. Южнее дьяковской расположена городецкая культура (геродотовы тиссагеты), большинством исследователей признана как финно-угорская [Вихляев, 1986. С. 207–208; Миронов, 1995. С. 72–76], сохраняющая, как и дьяковская, застойный характер. Памятники городецкой культуры, как уже говорилось, зафиксированы и в Прихоперье на территории Воронежской, Тамбовской и Саратовской областей [Хреков, 2000. С. 58–71], но степень разработанности историко-культурных и хронологических проблем остается невысокой вследствие отсутствия диагностирующих артефактов. Открытой остается проблема выделения позднегородецкого периода. Совместное нахождение грубой постзарубинецкой и рогожной керамики в хозяйственных ямах (Шапкино I, Шапкино II) является лишь косвенным свидетельством возможных контактов двух групп населения. В тоже время не исключено, что при значительной территории расселения городецких племен процесс ее исчезновения во II–III вв. н. э. не означает отсутствия связи с последующей территориально новой культурой.

Открытым остается вопрос о «ставанах», помещенных Птолемеем между народами Прибалтики и степняками-аланами [Ptol. Geogr. III. 5. 9]. Причем, на карте ставаны оказываются к востоку от истоков и верхнего течения Борисфена (Днепра). В ставанах большинство комментаторов видят славян, впервые выступающих на страницах письменных источников под своим собственным именем [Мачинский, 1976. С. 90]. Ставанами могли быть и носители различных постзарубинецких групп пограничья лесной и лесостепной зоны Восточной Европы [Щукин, 1997. С. 128], не исключая лесостепного Прихоперья. Пока это гипотеза, но имеющая хронологические и этнические реалии в лице постзарубинецкого населения и алан.

Дальнейшее изучение контактов, а возможно и интеграционных процессов, перечисленных нами этносов во II–III вв. н. э., видится перспективным и требует специального изучения, особенно в плане этногенеза славян и народов Волго-Донского лесостепного междуречья.

Литература:

- Абрамова М.П.* Подкумский могильник. М., 1987.
- Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время. М., 1993.
- Акимов В.Д., Ененко Е.А.* Случайные находки вещей римского времени в пределах лесостепного Подонья. СПб.; Кишинев; Одесса, 2012. № 4.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. САИ, Г 1–12. М., 1978.
- Ахмедов И.Р., Воронцов А.М.* Узколезвийный проушный топор римского времени и эпохи Великого переселения народов с территории Верхнего и Среднего Поочья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2012.
- Березуцкий В.Д.* Сарматские погребения Власовского могильника // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж, 1998.
- Вихляев В.И.* Керамика Новошпешевского городища в Мордовии // СА. № 1. 1986.
- Воронятов С.В., Мачинский Д.А.* О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // Германия – Сарматия. Калининград – Курск, 2010. II.
- Горюнова В.М.* О дате позднезарубинецких памятников типа Картамышево II – Терновка 2 (по материалам поселения «Сильник-Боброва 3» // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II.
- Гущина И.И., Фирсов К.Б.* Курганы у деревни Машевка, Колонии Норка и станции Лебяжье в Балашовском и Камышенском уездах бывшей Саратовской губернии (по материалам раскопок А.А. Спицына в 1895 г.) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. Вып. 3.
- Ефимов К.Ю.* Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж, 1998.
- Зиньковская И.В.* Античные и сарматские погребения с выемчатыми эмальями Юго-Восточной Европы // Доистория Восточной Европы позднеимского времени – начала эпохи Великого переселения народов. Харьков, 2011.
- Зиньковская И.В., Медведев А.П.* Позднезарубинецкое поселение Ездочное на р. Оскол // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005. Вып. 12.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В.* Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-археологический альманах. № 4. Москва – Армавир, 1998.
- Каменецкий И.С.* Население Нижнего Дона в I–III вв. н. э. Автореф. дисс...канд. ист. наук. М., 1965.

- Каспарова К.В.* Поздняя фаза зарубинецких могильников // Культуры Восточной Европы I тыс. н. э. Куйбышев, 1986.
- Кухаренко Ю.В.* Зарубинецкая культура // САИ. Вып. Д 1-19. М., 1964.
- Максимов Е.К.* Ртищевские курганы // КСИА. М., 1974.
- Малашев В.Ю., Обломский А.М.* Поясная центрально-европейская гарнитура римского времени на территории Днепроовского Левобережья // РА. 2002. № 4.
- Матюхин А.Д.* Сарматские памятники I-IV вв. Саратовского Правобережья (краткий обзор материала) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.
- Мачинский Д.А.* К вопросу о территории обитания славян в I-IV вв. // АСГ. Вып. 17.
- Медведев А.П.* Ранний железный век Подонья. М., 1999.
- Миронов В.Г.* Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1995.
- Морозовская Т.В.* Бронзовые колокольчики римского времени в археологических памятниках Северного Причерноморья // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985.
- Мулкиджанян Я.П.* Поселение Борисоглебское 4 в Прихоперье // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж, 1998. Вып. 12.
- Обломский А.М.* Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н. э. Москва-Сумы, 1991.
- Обломский А.М.* Днепровское Лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. М., 2003.
- Обломский А.М.* Киевская культура на фоне этнокультурных процессов в лесостепной зоне в III-V вв. // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне (III - начало V в. н. э.) М., 2007. Вып. 10.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века н. э. М., 1991.
- Радюш О.А.* Распространение шпор римского времени к востоку от Днепра // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. Липецк, 2006.
- Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994.
- Сергацков И.В.* Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.
- Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века н. э. Саратов, 1984.
- Спицын А.А.* Отчет о раскопках в 1895 г. в Саратовской губернии // Архив РАН. Ф. 1. 1895. Л. 20-29. № 79.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С.* Памятники киевской культуры. Киев, 1992.
- Фролов И.К.* Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов. Рига, 1980.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

Хреков А.А. Проблемы этнокультурного развития лесостепного Прихоперья в первые века н. э. // Российский исторический журнал. Балашов, 1994. № 1.

Хреков А.А. Раннесредневековое поселение Шапкино II в лесостепном Прихоперье // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Хреков А.А. Городецкие поселения лесостепного Прихоперья // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11.

Хреков А.А. Поселение инясевского типа у озера Разнобрычка в лесостепном Прихоперье // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2006. Вып. 7.

Хреков А.А. Сарматские памятники лесостепного Прихоперья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008.

Хреков А.А. «Скифский логос» Геродота и население лесостепного Прихоперья в раннем железном веке // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008а. Вып. 6.

Хреков А.А. Постзарубинецкий культовый комплекс Рассказань III в Прихоперье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2010. Вып. 8.

Хреков А.А. Некоторые итоги и проблемы изучения постзарубинецких памятников Прихоперья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2012. Вып. 9.

Хреков А.А. Периодизация и хронология постзарубинецких памятников лесостепного Прихоперья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2013. Вып. 11 (в печати).

Шаров О.В., Казанский М.М. Предисловие // Германия – Сарматия. II. Калининград-Курск, 2010.

Шукин М.Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. 1976. № 20.

Шукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.

Ginalska J. Ostrogi kablakowe kultury przeworskiej // Kasyfikacja typologiczna // Przegląd Archeologiczny, 38. Wrocław, 1991.

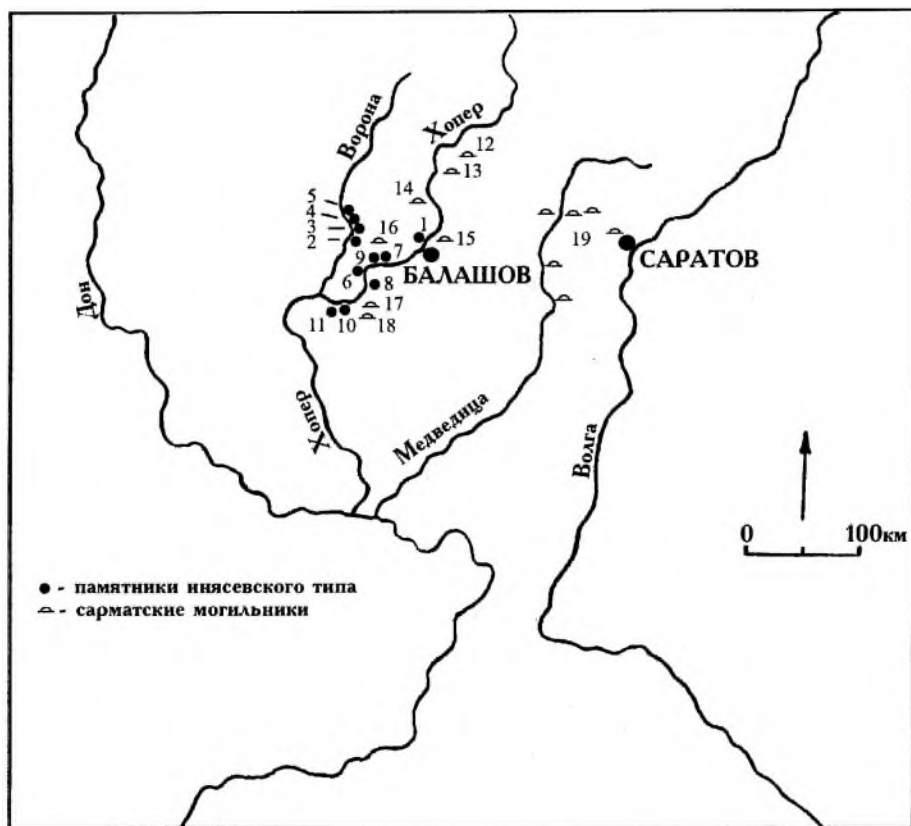

Рис. 1. Постзарубинецкие и позднесарматские памятники лесостепного Прихоперья.

- 1 - Репное; 2 - Шапкино II; 3 - Шапкино II, раскоп 2; 4 - Шапкино I, раскоп 2;
 5 - Шапкино I, раскоп 3; 6 - Инясево; 7 - Подгорное; 8 - Рассказань; 9 - Богатырка;
 10 - Борисоглебское; 11 - Н. Карачан; 12 - Таптулино; 13 - Машевка; 14 - Турки;
 15 - Ключи; 16 - Власовка; 17 - Третьяки; 18 - Ильмень; 19 - курганы саратовского Правобережья

Рис. 2. Хронологические индикаторы позднесарматских памятников Прихоперья: 1-2 - Машевка, курган 4, 6; 3 - Турки; 4-8 - Ключи, курган 2; 9 - Аткарск, курган 10; 10 - Третьяки, курган 18; 11-12 - Третьяки, курган 76; 13-14 - Власовка 2, курган 1; 15 - Третьяки, курган 14

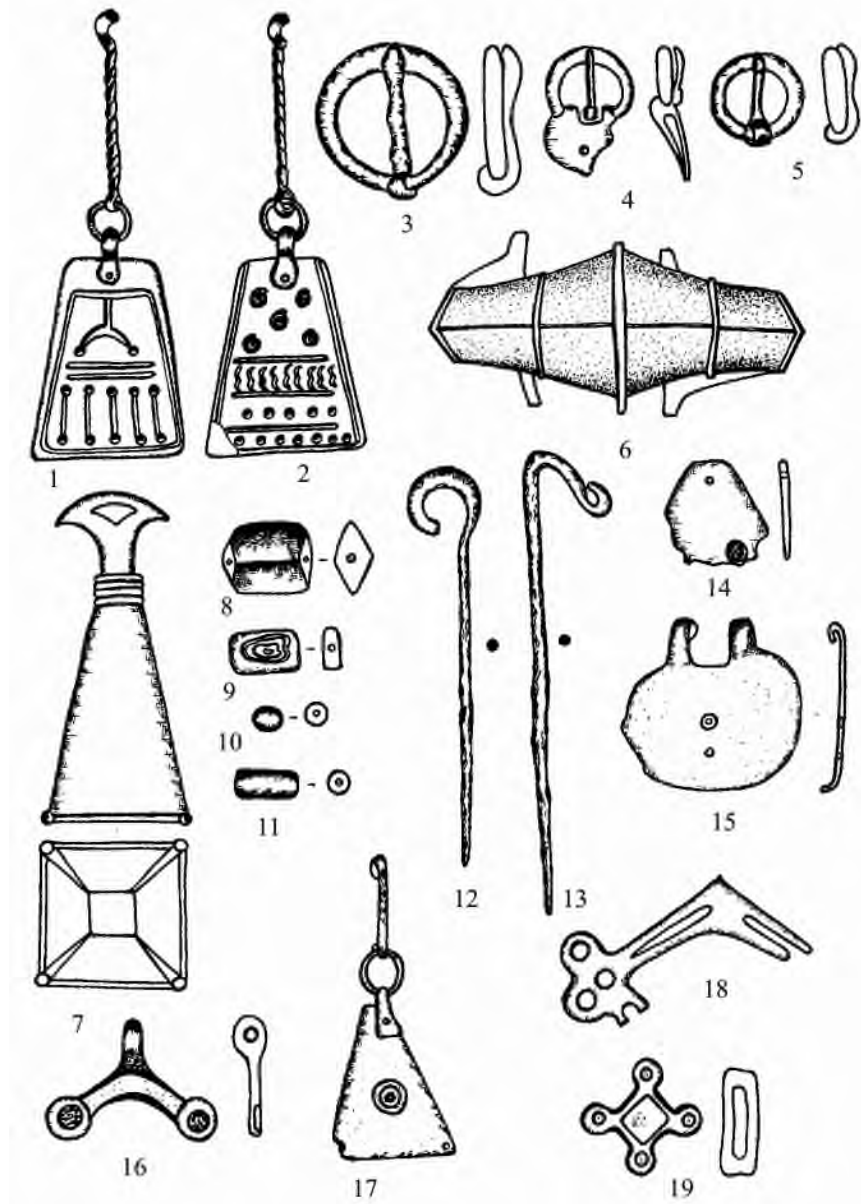

Рис. 3. Хронологические индикаторы постзарубинецких памятников Прихоперья:
 1-5 - Инясево; 6 - Богатырка; 7-8 - Шапкино II; 9 - Шапкино I (дюна 5); 10 - Рассказань III;
 11-15 - Разнобрычка; 16 - Шапкино I (дюна 4); 17-19 - Нижний Карачан

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Позднесарматские памятники

Памятник	№ кургана	I в.	II в.	III в.	IV в.
Машевка	3 4 6	—		—	
Ключи	2 3		—	—	
Турки	Грунтовое		—	—	
Тапгулино	1	—	—		
Третьяки	18 76		—	—	
Власовка 2	1		—	—	
Постзарубинецкие памятники					
Шапкино I д. 4	Поселение		—	—	
Шапкино I д. 5	Поселение		—	—	
Шапкино II	Поселение		—	—	
Рассказань III	Культовое место		—	—	
Богатырка	Поселение		—	—	
Инясево	Могильник			—	
Разнобрычка	Поселение			—	—
Нижний Карачан	Местонахождение			—	

Рис. 4. Сводная хронологическая таблица позднесарматских и постзарубинецких памятников Прихоперья

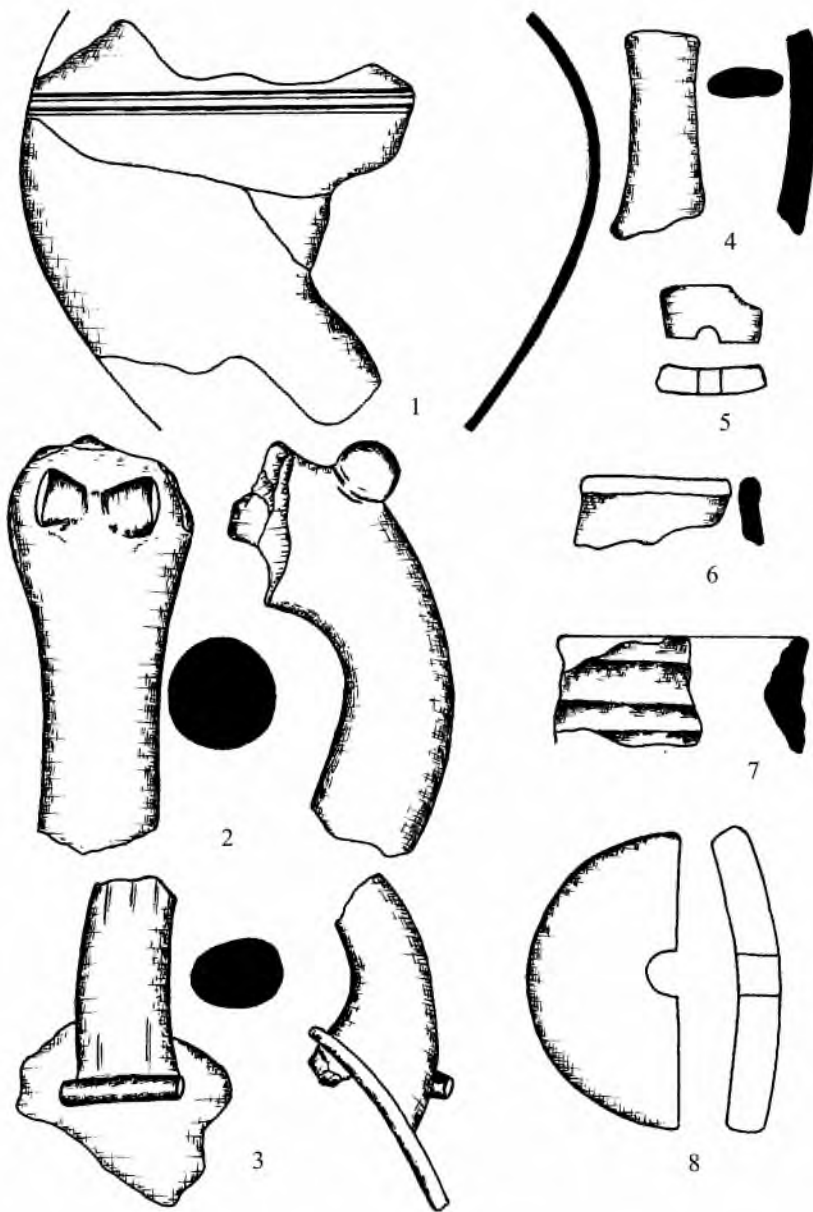

Рис. 5. Позднесарматская и античная керамика с постзарубинецких памятников Прихоперья: 1, 3 - Рассказань III; 2 - Разнобрычка; 4-7 - Шапкино II; 8 - Шапкино I (дюза 5)

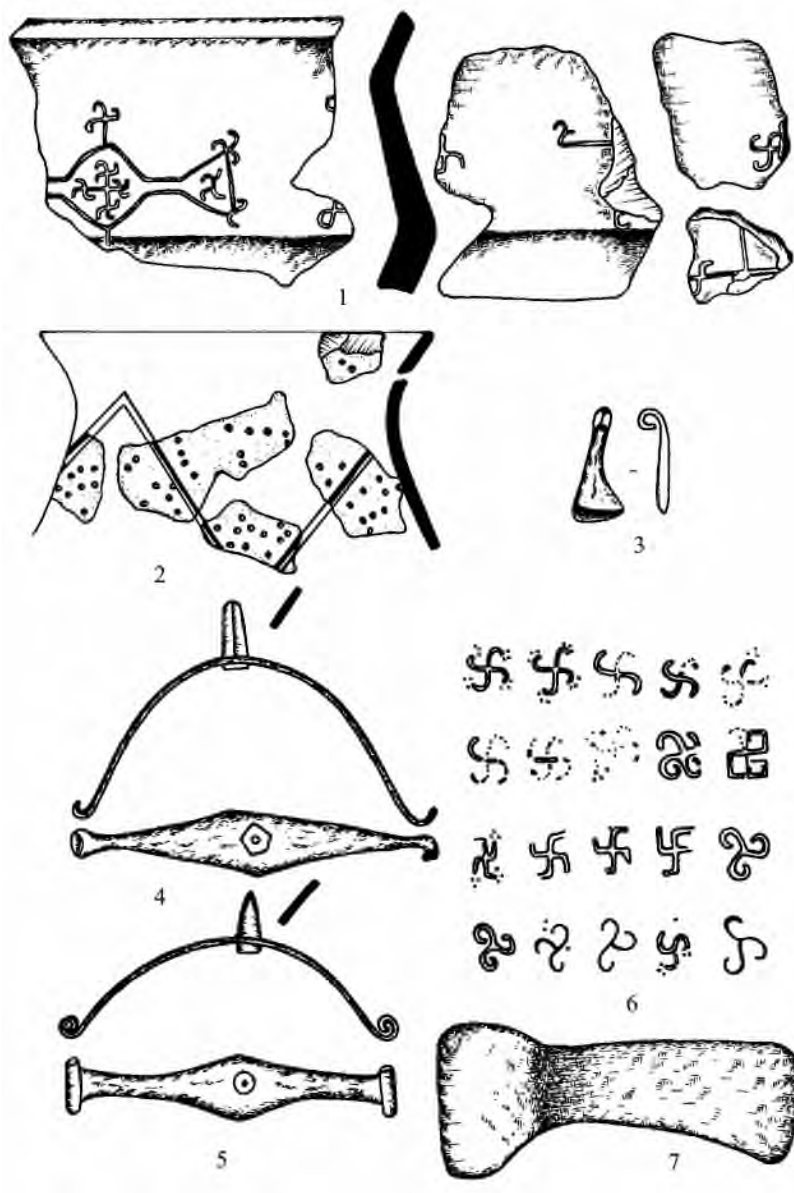

Рис. 6. Инокультурная керамика и отдельные предметы с постзарубинецких памятников Прихоперья: 1 - Шапкино II; 2 - Рассказань III; 4-5 - Разнобрычка; 6 - свастические символы на германских копьях; 7 - Инясево

Яблонский Л. Т.

КУРГАН-СВЯТИЛИЩЕ МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА 2, РОЛЬ И МЕСТО ЖИВОТНЫХ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ

Могильник Филипповка 2 расположен на территории Илекского района Оренбургской области, в междуречье Урала и Илека (рис. 1). Он состоял из семи курганов, древнейшие из которых относятся к эпохе бронзы, а другие – к эпохе раннего железа (рис. 2).

Наиболее крупная насыпь принадлежит кургану № 1, который был расположен в центре памятника. Курган неоднократно подвергался попыткам ограбления (один раз в древности и несколько раз в современности).

Раскопки показали, что насыпь на месте кургана была устроена в эпоху бронзы и, судя по находкам (рис. 3), относится к срубной археологической культуре Южного Приуралья. В середине I тысячелетия до н. э. здесь была построена новая насыпь. При этом насыпь кургана эпохи бронзы была переиспользована для строительства новой, а погребение эпохи бронзы полностью разрушено.

На дневной поверхности был насыпан грандиозный кольцевой вал, имевший разрыв с южной стороны (рис. 4), а внутри площадки, покрытой слоем коры, ограниченной валом, была выкопана большая погребальная камера с коридорообразным дромосом, отходящим от нее строго на юг и устремленным в разрыв вала.

Специфика погребального обряда состояла в том, что, по мере совершения в эту камеру многоактных захоронений, яму не засыпали, и она заполнялась естественным образом за счет смывов с ее отвалов. В кургане также были обнаружены приуроченные к центральной камере жертвенные комплексы, включающие бронзовый котел с носиком (рис. 5), колчан с многочисленными наконечниками стрел (рис. 6), предметы конской упряжи (рис. 7). Все это позволяет считать, что курган выполнял двойную функцию – не только место многочисленных захоронений (только в центральном погребении было обнаружено 17 человеческих скелетов), но и роль долговременного святилища, на котором периодически производили ритуальные действия.

Даже после того, как над центральным погребением была устроена насыпь высотой не менее 6 м, ее продолжали использовать в качестве места по-

гребений. Об этом свидетельствуют четыре впущенных в нее дополнительных индивидуальных погребения.

Центральная погребальная камера дважды подвергалась ограблениям – в древности и в современности. Тем не менее, из нее была получена богатая археологическая коллекция. Частично она представлена находками из заполнения центральной могилы (рис. 8). Среди них отметим серию бронзовых наконечников стрел, золотые уздечные нашивки, железный стилет с костяной рукоятью, ручку от бронзового зеркала, орнаментированную в традициях скифо-сибирского звериного стиля, золотую обойму от деревянного сосуда, железный наконечник копья (рис. 9), алабастр из мраморного оникса (рис. 10).

Несмотря на ограбления, на дне могилы сохранились не найденные грабителями скелеты и сопровождавший их инвентарь.

Скелет 6 – располагался в восточном краю могильной ямы, в верхних слоях ее заполнения и был расчищен на глубине менее чем 60 см от уровня погребенной почвы. Погребенный, мужчина 40–45 лет был прикопан в заполнение могильной ямы. Он лежал на спине, головой на юг, ноги полусогнуты, руки раскинуты. Между стенкой могильной ямы и левой ногой погребенного лежал длинный железный меч (рис. 11) и колчан со стрелами. Все наконечники бронзовые, их 80 шт. (рис. 12). У левого бедра погребенного, под мечом, были найдены две бронзовые ворворки, которые могли выполнять функцию темлячных подвесок. Комплексом сопровождающего инвентаря захоронение может быть датировано IV в. до н. э.

Скелет 9 принадлежал женщине, которая умерла в возрасте 20–25 лет. Погребенная лежала на спине, в вытянутом положении, головой на запад, на дне погребальной камеры, в заполнении затечно-надувного происхождения (рис. 13). При скелете были найдены разнотипные бусы, золотые нашивки, костяные ложечки (рис. 14). Совокупностью инвентаря захоронение может датироваться концом V–IV вв. до н. э.

Скелет 10 – располагался рядом со скелетом 9 и к северу от него, под северным бортом погребальной камеры, на ее дне. Он принадлежал женщине, которая умерла в возрасте 35–40 лет. (рис. 15). Погребенная лежала на спине головой на запад, руки слегка согнуты, правая нога вытянута, левая – согнута («атакующая поза»). Рукава одежды женщины и края штанов были расшиты разнотипными бусами. За черепом скелета 10 лежало блюдо из панциря черепахи (рис. 16). Трещина в нем была скреплена золотыми накладками квадратной формы с двумя золотыми гвоздиками. При скелете были найдены также многочисленные бронзовые наконечники стрел (рис. 17), которые, возможно, имели отношение к погребенной (растащены грызунами). Между левой стопой погребенного и стенкой ямы лежало бронзовое зеркало (рис. 18) с раковиной «грифея» на поверхности. Комплексом инвентаря захоронение может датироваться концом V–IV вв. до н. э. Оно синхронно захоронению, представленному скелетом 9 того же погребения 2.

Скелет 12 – был расчищен в устье дромоса, на его дне, на уровне – (рис. 19). Скелет находился в полуразрушенном состоянии. *In situ* сохранились правая плечевая кость и, возможно, кости правой ноги без стопы, а также кости поясничной части позвоночника в сочленении с крестцом. Судя по их положе-

нию погребенная (женщина 30–35 лет) лежала головой на север с согнутой в колене правой ногой. К северо-востоку от черепа в придонном заполнении дромоса были найдены – скопление плохо сохранившихся железных чешуек ламелярного доспеха (рис. 20) и колчан с наконечниками стрел (рис. 21). Не исключено, что эти комплексы к скелету прямого отношения не имели и были уложены в устье дромоса в виде жертвы относительно раньше захоронения. Наконечники стрел бронзовые, их 53 штуки. Все они трехгранные или трехлопастные, с выступающей цилиндрической или скрытой втулкой. Наконечниками стрел комплекс может быть датирован в пределах IV в. до н. э.

Скелет 13 – располагался под скелетом 14. Погребенный, мужчина, который умер в возрасте 20–25 лет, лежал в деревянной гробовине, на спине, в вытянутом положении (левая рука слегка согнута), головой на восток, лицом на север (рис. 22).

Над левой голенью погребенной лежал железный налобник. Здесь же был расчищен набор из удил и псалиев (рис. 23). Комплексом инвентаря захоронение может датироваться IV в. до н. э.

Скелет 14 – располагался в северо-западном углу ямы погребения 2 и перекрывал скелет № 13 (рис. 23). Скелет принадлежал женщине, которая умерла в возрасте 18–20 лет. Она лежала на спине, в вытянутом положении, головой на восток. В изголовье, с левой стороны находился колокольчик (рис. 24). У локтя правой руки лежала роговая бляха (рис. 25). Почти всю поверхность занимает стилизованное изображение фигуры оленя с исключительно известными рогами, занимающими практически всю поверхность диска. Изображения поверхности рогов и ног орнаментированы рядами полусфер с гладкой поверхностью. Голова оленя показана схематично. Морда клювовидной формы, сверху расположены два уха в виде вытянутых цилиндров с округлым верхним краем. Ноги заканчиваются приостренными копытами сегментовидной формы. Ноги расположены горизонтально, одна над другой, в жертвенном положении. Позади фигуры оленя, у края диска гравировано профильное изображение грифона с сильно загнутым клювом и округлым глазом. Крылья грифона показаны рядом полусфер, ограниченных гравированной линией, хвост изображен в виде направленного вниз небольшого выступа с подтреугольным углублением в центре.

Рядом с бляхой находился предмет, сделанный из трубчатой кости животного. В профиль он имеет трапециевидную форму. Сечение предмета сегментовидной формы. Поверхность предмета покрыта гравированным геометрическим орнаментом. В центре композиции располагается вертикально S-видная скобка со стреловидными отростками на концах. Вокруг скобки располагается система подтреугольных разнонаправленных углублений. Однотипные предметы (3 шт.), были найдены у правого предплечья и у правого запястья погребенной. Один из них был орнаментирован почти также, как вышеописанный, но имел меньшие размеры: Два остальных предмета не были орнаментированы (рис. 26). Комплексом инвентаря захоронение может датироваться IV в. до н. э.

Таким образом, центральное погребение № 2 может датироваться в пределах конца V–IV вв. до н. э. и синхронно захоронениям в могильнике Филипповка 1.

Впускные погребения, совершенные в полах насыпи кургана, не были обнаружены грабителями и сохранились в виде закрытых археологических комплексов. Одно из них (катакомбное) оказалось кенотафом. Два других представлены могильными ямами с подбоями.

В подбойной могиле погребения 4 был расчищен скелет, принадлежавший молодой женщине. Погребенная лежала на спине, в вытянутом положении, головой на юг, лицом вверх. В районе шейных позвонков находилось ожерелье, которое состояло из сердоликовых, агатовых, пастовых и стеклянных бусин. Комплекс предметов сопровождающего инвентаря был найден под восточной стенкой подбоя. Его можно рассматривать в качестве жреческого. В составе комплекса:

– Бронзовое зеркало дисковидное с ручкой. Диск плоский округлой формы, слегка вогнутый, диаметром 200 мм. Ручка плоская, прямоугольная с закругленным концом, который был преднамеренно загнут. Длина ручки 8 см, ширина – 3 см. По верхнему краю фрагмент диска был отломлен, а затем зеркало отремонтировано с помощью сквозных отверстий по краю отлома и бронзовых скобочек, одна из которых сохранилась и прикрепляет отлом к диску. Рядом с зеркалом – предмет, слепленный из смеси перламутра, кремнезема, мела и глины. Он не сохранился, но после расчистки можно было видеть, что он подпрямоугольной формы, плоский, с отверстием диаметром 8 x 7 мм.

– Здесь же находился предмет из мела. Он подпрямоугольной формы, уплощенный с размерами 44 x 15 мм, толщиной 12 мм и центральным сквозным отверстием диаметром 8 мм, раковина-грифья, сильно корродированный обломок железного шила или иглы, три бараньих астрагала, два плохо сохранившихся предмета из мела, возможно, однотипные с описанным выше, нож железный черешковый односторонней заточки, общей длиной 84 мм.

По совокупности признаков погребального обряда и инвентаря погребение может быть датировано в пределах IV–III вв. до н. э.

В подбойной нише погребения 6 на органической подстилке был расчищен скелет женщины, которая умерла в возрасте 50–55 лет. Погребенная лежала на спине, в вытянутом положении, головой на юг, лицом вверх. В головах погребенной был установлен красноглиняный круговой ангобированный сосуд-хумча хорезмийского производства. Неподалеку был расчищен тлен от деревянного сосуда и золотая зигзагообразная скрепка, имеющая к нему отношение. К северу от деревянного сосуда лежали три железных предмета очень плохой сохранности, вероятно, шило и два ножа. На шейных позвонках погребенной находилось ожерелье из золотых бус. Бусы (19 шт.) из золотой фольги, однотипные, сферически-граненой формы диаметром 8–9 мм с органическим наполнителем, который не сохранился, с центральным отверстием.

К востоку от черепа лежало зеркало. Зеркало бронзовое с плоским диском и длинной плоской боковой ручкой. Диск овальной формы, вытянут в направлении, поперечном ручке. Вместе с зеркалом был найден комплекс предметов (№ 1):

– гадальные камни (?) – 16 шт. из писчего мела. В более крупных экземплярах (обработанных) просверлены отверстия, мелкие – бесформенные, предмет из окаменелого дерева; Другой комплекс предметов (№ 2) находился

в ногах погребенной. В него входили: - камень (красный железняк) без следов обработки, расколот в древности, в настоящее время имеет форму уплощенного полуовала с тотальными размерами 39 x 22 x 12 мм, пряслице из обожженной глины, конической формы с центральным отверстием, раковина грифеля, две костяные ложечки однотипные с овальными черпачками и гладкими штыревидными ручками, без орнамента. Концы ручек слегка расширяются. На оба запястья были надеты железные браслеты с заходящими концами (плохой сохранности).

Типологическим составом инвентаря и признаками погребального обряда погребение датируется IV–III вв. до н. э.

Итак, до сооружения насыпи кургана 1 на данном участке равнины уже существовал курганный могильник эпохи поздней бронзы, который был оставлен носителями срубной культуры Южного Приуралья. При раскопках кургана 4, который располагался поблизости от наружного края рва кургана 1, на краю рва были найдены два лепных сосуда, относящиеся к срубной культуре. Это позволило датировать сооружение рва эпохой бронзы и предположить, что и курган 1 должен датироваться этим временем соответственно. Однако в ходе раскопок насыпи кургана оказалось, что насыпь кургана эпохи раннего железа была сооружена точно на месте существовавшей к тому времени насыпи кургана эпохи бронзы. Более того, первичная насыпь была переиспользована для строительства новой, а погребение эпохи бронзы полностью разрушено (уничтожено) так, что о нем напоминает только фрагмент лепного сосуда, найденный в заполнении центрального погребения 2. Остатки насыпи первичного кургана фиксировались в профилях вторичной насыпи. Возможно, что для ее сооружения использовалось и заполнение рва кургана эпохи бронзы, т. е. при раскопках этого рва в толще заполнения были найдены фрагменты круговой керамики античной эпохи.

Для сооружения центрального захоронения (погребение 2) при перепланировке насыпи эпохи бронзы была выровнена площадка, на которую насыпали вал, имеющий разрыв с южной стороны. Внутри вала была выкопана погребальная камера овальной в плане формы вместе с отходящим от нее на юг коридорообразным дромосом. При этом в дромос были заложены жертвенные комплексы, а сам дромос перекрыт деревом. За пределами вала были также заложены жертвенные комплексы.

Поверхность погребальной площадки была выстлана тонким слоем дерева или корой.

Захоронения в камеру погребения 2 производили последовательно, минуя дромос и, по мере производства захоронений, могильную яму не засыпали. Она долго стояла открытой и заполнялась естественным образом, в основном за счет смыва с выкидов из могильной ямы. Наиболее ранние захоронения в погребальную камеру могут датироваться концом V – рубежом V–IV вв. до н. э., а наиболее поздние – концом IV – началом III в. до н. э. После чего над погребальной камерой была возведена насыпь путем полного перекрытия и площади погребальной камеры, и окружавшего ее вала.

В IV – начале III вв. до н. э. в насыпь уже стоявшей к тому времени насыпи были впущены новые захоронения, окружавшие центральное, в соответствии с погребальным обрядом, принятым в Южном Приуралье в эпоху,

переходную от савроматской к раннесарматской и в классической раннесарматской культуре.

Наконец, в эпоху раннего средневековья в вершину насыпи было введено женское захоронение.

По словам очевидцев, в 1989 году курган грабили с помощью прорытой вручную шахты. Грабители пробили древнюю грабительскую воронку и попали этой шахтой в южную часть погребальной камеры погребения 2 и, возможно, устье дромоса.

При этом нельзя исключить и случаев ограбления в древности: так, например скелет 12, располагавшийся в устье дромоса, был разрушен, когда погребенный находился еще в полуразложившемся состоянии. Яма средневекового погребения № 1 прорезала грабительскую яму 2 и, таким образом, была выкопана относительно позже, а яма № 2 была сооружена, во всяком случае, в предшествующий период, вероятно, раннесарматский, но уже после сооружения насыпи кургана. Таким образом, раскопки могильника Филипповка 2 были полностью завершены.

Важной частью погребального обряда можно считать наличие в могилах костей животных. Их совокупность можно разделить на две большие группы – кости домашних животных и кости диких животных. Кости домашних животных, в свою очередь, подразделяются на принадлежавшие крупному и мелкому скоту. К первому виду относятся кости лошади, верблюда и крупного рогатого скота. Кости лошади относятся к тонконогим и полутонконогим особям.

На некоторых костях верблюдов остались следы грубого расчленения. В погребениях ранних кочевников Южного Приуралья кости верблюда являются датирующим признаком. Кости лошади (черепа, лопатки, кости ног) еще встречаются в погребениях Южного Приуралья классической прохоровской культуры (конец IV–III вв. до н. э.), хотя они уступают там в количественном отношении остаткам мелкого рогатого скота [Косинцев, 1995. С. 93]. Вместе с тем, кости верблюда там уже не встречаются и присутствуют только в комплексах «савроматского» или переходного, как в случае с могильником Филипповка 2, типа.

В Филипповке 2 кости МРС (астрагалы) встречены только в наборе погребального инвентаря вместе с берцовыми костями зайца, лисицы и птицы. При этом эпифизы костей диких животных были подшлифованы, а сами кости в погребении присутствовали в виде комплекса. У всех берцовых костей зайца обломаны малые берцовые кости. Диафизы всех костей заполированы. Все это позволяет рассматривать эти кости именно как предметы, а не остатки напутственной пищи.

Любопытно, что аналогичная ситуация была зафиксирована и в могильнике у с. Прохоровка [Яблонский, 2010], где берцовые кости лисицы и зайца вместе с другими трубчатыми костями этих видов были найдены в раннесарматском погребении 2 в кургане 6 могильника Прохоровка I (IV–III в. до н. э.). Лисице принадлежало: два правых бедра; одно правое и три левых плеча; одна правая и одна левая берцовые. Кости происходят минимум от трех особей. От корсака найдено: одно правое бедро; одно левое плечо; одна правая берцовая. Зайцу принадлежало: два правых и левое бедро; правое и левое плечо; две правые и две левые берцовые. Кости происходят ми-

нимум от четырех особей. Все кости залощены. У одной бедренной и двух берцовых костей зайца обрезаны боковые стороны верхних концов. У всех берцовых обломаны малые берцовые кости.

Одна кость принадлежит большой птице. У нее обрезаны боковые стороны верхнего и нижнего концов [Рослякова, 2010. С. 255–256].

В могильнике Покровка 2, курган 23, погребение 15, IV–III вв. до н. э. [Яблонский и др., 1995] были найдены большеберцовые кости лисицы, причем у одной из них в верхнем конце было пробито округлое отверстие, а другие имели заполированную верхних и нижних концов и диафизов, а также кости гуся и дневного хищника-птицы средних размеров [Косинцев, 1995. С. 90]. Кости лисицы и птиц находились между плечом погребенного и сосудом.

Вряд ли эти совпадения в разных памятниках являются случайными. Можно предположить, что во всех этих случаях речь идет об охотничьих трофеях, которые были использованы в ритуальных целях, возможно, чтобы подчеркнуть роль охоты в жизни хозяина могилы.

Литература:

Косинцев П.А. Костные остатки животных из могильников Покровка 1, 2 и 8 // Курганы левобережного Илека / под ред. Л.Т. Яблонского. М., 1995. Вып. 3.

Рослякова Н.В. Кости животных из могильника Прохоровка // Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. Материалы и исследования по археологии России. № 12. М., 2010.

Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. Материалы и исследования по археологии России. № 12. М., 2010.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. Курганы левобережного Илека / под ред. Л.Т. Яблонского. М., 1995. Вып. 3.

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Афоньков Н.Н., Кубанкина О.А.

ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ С УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ САРАТОВСКОГО ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ КРАЕВЕДЕНИЯ

Массовое изготовление литых изделий из цветного металла характерно для средневековых городов с развитым внутренним рынком. Поэтому всестороннее изучение литейного производства способно предоставить качественно новую информацию о развитии торговли и ремесла – как на уровне отдельного города, так и в масштабах округа.

Изделиям из цветного металла с Увекского городища была посвящена публикация Л.Ф. Недашковского, которая позднее вошла в его англоязычную монографию [Недашковский, 2001; Nedashkovsky, 2004]. Казанский исследователь среди прочего материала ввел в научный оборот и перепубликовал 11 литейных форм из коллекции СОМК, Эрмитажа, ГИМ и ГОМРГ. В нашей работе рассматриваются литейные формы из коллекции Саратовского областного музея краеведения, публикуются новые находки, дается детальное описание изготовлявшихся изделий для дальнейшего определения произведенной в них продукции. С отдельных экземпляров сделаны отливки.

С целью минимизировать риск повреждения каменной формы в процессе изготовления копий был использован скульптурный воск КС 278-0 компании «Лассо» (Москва). С внутренней поверхности форм были сделаны оттиски. В связи с отсутствием второй половины литейной формы восковая модель изделия дополнялась на основании известных аналогичных образцов. Предметы были отлиты мастером Алексеем Тарасовым по выплавляемой модели с использованием современного оборудования и доработаны вручную, без искажения оттиска.

С Увекского городища происходят более двадцати каменных литейных форм, которые хранятся в музейных собраниях России. Все они предназначались для литья небольших предметов, в основном украшений: бус, медаль-

онов, перстней, подвесок, накладок, грузиков. Известны несколько формочек для отливки зеркал, они находятся в коллекции ГОМРТ и ГИМ [Недашковский, 2001. С. 354–355]. В собрании СОМК находится 15 форм:

1. СМК 57932
2. СМК 57934
3. СМК 57935
4. СМК 72120
5. СМК 72121
6. СМК 72122
7. СМК 72123
8. СМК 72124
9. СМК 72125
10. СМК 75784/14
11. НВСП 18044
12. НВСП 29784
13. НВСП 30939/1
14. НВСП 43771
15. НВСП 47245*

Три литейные формы (№№ 5, 7, 10) были исследованы в Отделении геологии НИИ ЕН СГУ старшим научным сотрудником, кандидатом геолого-минералогических наук Е.Ф. Ахлестиной.

Каменные литейные формы из коллекции СОМК условно разделены на две группы по материалу, из которого они изготовлены.

1) Из светлого камня осадочных пород (№№ 5, 8, 10), возможно, из известняка, песчаника, мела. Подобные породы распространены в Поволжье и встречаются на территории городища. В ходе визуального исследования можно заключить, что поверхность светлого камня достаточно «рыхлая», что заведомо снижает качество отливаемого изделия. Проведение лабораторного исследования пробы камня (№ 10) показало, что форма выполнена из мела. Порода может происходить из близлежащей к памятнику округи либо с территории соседних регионов (Волгоградская, Ульяновская области). Другой предмет, отнесенный к этой группе (№ 5), изготовлен из доломита, возможно, местного происхождения. Три предмета из светлого камня хранятся в фондах СОМК, один находится в собрании ГЭ [Недашковский, 2001. С. 354].

Предварительно можно сделать вывод, что формы, вырезанные из светлого камня, были изготовлены местными мастерами из местного сырья и предназначались для производства дешевой продукции среднего и низкого качества.

2) Из плотного серого камня метаморфической породы (№ 1–4, 6–7, 11–15). В ряде описаний он характеризуется как шифер (сланец) [Недашковский, 2001. С. 355–356]. Подобная порода на территории памятника и в его окрестностях не известна, она могла поступить на городище в виде сырья либо готового изделия. Она плотнее светлого камня. Изделия, изготовленные из этого материала, выглядят тщательно проработанными. В коллекции

* Номера указаны по книгам поступлений СОМК.

СОМК 12 форм изготовлены из темного камня, еще несколько находятся в фондах других музеев. Анализ состава одной из форм (№ 7) показал, что она выполнена из хлоритита (хлоритового филлита), неместной породы.

Итак, преобладающая часть исследуемых нами формочек изготовлена из темного, более качественного камня, который мог завозиться в город в качестве сырья. Относительно невысокий уровень мастерства резчика, работавшего по камню, делает наиболее вероятным предположение о производстве их уже в Укеке.

Среди изученных нами предметов по качеству изготовления резко выделяется фрагмент формочки из темного камня для отливки шестилучевого колта (№ 1). Створка выполнена из плитки, прямоугольной в сечении. В одном из углов отверстие для штифта, литниковый канал подходит лучу. Он разделен на две грани нитью ложной зерни, каждый луч заканчивается шариком. Ложная зернь образует в середине четыре концентрических круга, по центру колта имеется округлое углубление, разделенное на заштрихованные сегменты (рис. 2, 1). Колт, отливаемый в этой форме, вероятно, был полым внутри и выполнялся в технике литья «навыплеск» [Крымина, 1977. С. 263–265; Рыбаков, 1948. С. 530, рис. 128]. Такой технологический процесс был достаточно сложен и требовал специальных навыков.

Сохранившийся фрагмент позволяет говорить о высоком качестве исполнения формы, поверхность хорошо отполирована, рисунок детально проработан. Вероятнее всего, форма бытовала в XIV в. Близкой аналогией может служить шестилучевая звездчатый колт из Новгорода, датируемый началом XIV в., изготовленный, вероятнее всего, в технике «навыплеск» из свинцово-оловянистого сплава [Седова, 1981. С. 20].

Практически половина створки утрачена, скол зашлифован. Возможно, сломанное изделие пытались использовать для изготовления новой формочки. Это означает, что колты могли отливать в Укеке, где существовала русская православная община [Кубанкин, 2012. С. 185–186], либо уже сломанная форма поступила в город в качестве сырья.

Для изготовления мелких украшений и предметов декора одежды использовались формочки как из светлого, так и из темного камня. Формочка для литья шестилучевого колта выделяется из ряда других сложностью исполнения и высокой технологией производства самого изделия. Визуально формы из светлого камня отличаются низким уровнем детализации, а из темного камня – наоборот, проработаны более тщательно.

В коллекции СОМК представлены две разновидности литейных форм: открытые (односторонние) и составные. У односторонних отсутствует канал для заливки металла (литник). В процессе литья металл наливается прямо в горизонтально лежащую форму. Составные состоят из двух и более частей [Рыбаков, 1948. С. 148]. Створки должны плотно прилегать друг к другу для обеспечения точного совпадения гнезд. На них, как правило, по углам просверлены отверстия для штифтов, фиксирующих детали при отливке. Производство такой формы представляется более сложным по сравнению с изготовлением односторонней. При этом составные формочки позволяют производить более сложные и качественные предметы.

В коллекции музея имеется одна открытая литейная форма (№ 10) с Увекского городища. Она представляет собой светлый камень подквадратной формы с закруглением по одной из сторон. На широкой плоскости в центре вырезано гнездо для отливки свинцового грузика-пломбы, орнаментированного прямыми линиями (рис. 2, 6). Датируется по материалам раскопок второй половиной XIII в. На противоположенной стороне видно частично сколотое литейное гнездо. Возможно, изначально пользовались одной стороной формы, а после того как она была испорчена, прорезали новое гнездо.

Оставшиеся 14 предметов коллекции – заготовки и створки составных литейных форм.

Заготовка(?) створки каменной литейной формы (№ 15) из светлого камня трапециевидная, с четырьмя округлыми несквозными отверстиями разной глубины по углам и одним в центре. Центральное отверстие обрамляет слабо прочерченный квадрат (рис. 2, 4). Другая заготовка (№ 4) более проработана. Представляет собой плитку из темного камня с намеченной формой для отливки ушка креста энколпиона [Недашковский, 2000. С. 107, 109; рис. 30, 25]. Имеет литник. Контуры предмета врезаны неглубоко и представляют собой четырехугольник с вписанным внутрь ромбом и спускающимся вниз креплением подовальной формы.

Для производства одной из заготовок(?) формы (№ 11) использовалась, вероятно, стенка талькохлоритового сосуда (рис. 2, 5). Она представляет собой прямоугольный хорошо отполированный брусок, часть утрачена. На одной из плоскостей намечены очертания квадрата.

В коллекции имеется фрагмент створки литейной формы из темного камня (№ 14), в одном из углов просверленное отверстие для соединительного штифта, ниже – гнездо. Значительная часть предмета утрачена, в связи с этим трудно установить, что именно можно было в ней отливать. Возможно, форма предназначалась для изготовления подвесок, так как выше гнезда вырезан канал для формирования ушка или поясных накладок [Недашковский, 2001. С. 354, 363, рис. 4, 2).

Небольшой фрагмент формочки для изготовления мелких шаровидных бус (№ 13) из отполированного темного камня. Сохранились несколько сколотых гнезд, заметен желоб для штифта, формирующего отверстие. Значительная часть формы утрачена.

Еще один небольшой фрагмент створки (№ 12) предназначался для отливки шаровидных бусин(?). Представляет собой брусок из темного камня подпрямоугольной формы, в одном из углов отверстие для соединительного штифта. Виден канал для штыря, формирующего отверстие у пронизей. На имеющейся части нет литников. Камень гладкий, тщательно обработанный. Гнезда для отливки схожих предметов располагаются не вплотную друг к другу, расстояние между ними различное (рис. 2, 2). Нередко, чтобы максимально использовать рабочую поверхность формы, ложка под бусины разделяла тончайшая перегородка [№ 7; Недашковский, 2001. С. 364, рис. 5, 6].

Одна створка для отливки двух круглых подвесок (№ 2). Центр подвески шаровидный, по краю бордюр с насечками, к каждому гнезду подведен литниковый рукав, сходящийся в одно устье на торцовую грань (рис. 2, 3). Плитка трапециевидная, в сечении подпрямоугольная. Литейные формы для по-

добных изделий известны по материалам Болгара [Руденко, 2007. С. 145, рис. 34, 34]. Отличительной чертой литейного гнезда является углубление в центральной части полусфер. Возможно, оно появилось в результате сверления. Углубление не зашлифовано. Соответственно, при отливке в форму на изделиях будет выступ или следы шлифовки. При массовом производстве мастер, видимо, считал такой недостаток изделия незначительным. Возможно, эта форма предназначалась для изготовления пуговиц, на которые впоследствии напаивалось ушко. В Болгаре встречаются литые пуговицы подобной формы [Семыкин, 1996. С. 196–197].

Створка формы из темного камня для изготовления трех перстней (№ 5): двух овальнощитковых и бесщиткового [Недашковский, 2001. С. 354–355; 363, рис. 4, 5]. У одного перстня щиток орнаментирован горизонтальными линиями, у другого – растительным побегом. Имеется литник и два отверстия для крепления. Растительный побег плохо проработан и, вероятно, изделие, отливаемое в этой форме, получалось достаточно грубым, что подтверждает произведенная отливка (рис. 1, 7–8).

Створка литейной формы (№ 6) для изготовления трех выпуклых листовидных подвесок [Недашковский, 2001. С. 355; 363, рис. 4, 6]. Имеется литник и в одном углу – сквозное округлое отверстие для крепления. Представляет собой прямоугольную плитку из темного камня, хорошо отшлифована, резьба выполнена аккуратно.

Форма литейная для изготовления мелких зонных металлических бус (№ 7). Имеется литник и три углубленных округлых отверстия для крепления. Форма выполнена на плитке темного камня, качественно отшлифована, резьба аккуратная. Позволяет одновременно отливать 14 бусин [Недашковский, 2001. С. 364, рис. 5, 5].

В коллекции музея имеется створка (№ 9) для изготовления с одной стороны круглой подвески, с другой – круглой подвески(?) и перстня [Недашковский Л.Ф., 2001. С. 355; 364 рис. 5, 4]. С каждой стороны имеется литник и два сквозных и одно углубленное отверстие для крепления. Форма для отливки перстней вырезана грубо – по краям хорошо заметные насечки, что снижает качество изделия либо предполагает значительную доработку. После того как перестали пользоваться плоскостью с гнездом для перстня, на оборотной стороне было вырезано ложе для медальона. Отсутствие внутреннего заполнения поля декоративным орнаментом может свидетельствовать о том, что это створка для отливки оборотной стороны изделия или форма не была доделана. По краям овалов медальона и особенно ушка значительное количество мелких сколов, возможно, появившихся при обработке камня. Использование обеих сторон каменной плитки может свидетельствовать о ценности сырья для производства форм.

В фондах СОМК имеются три створки различных имитационных форм (№ 1, 3, 8). Форма № 1 описана выше. В них сделана попытка имитации тончайшей ювелирной техники – зерни. В целом процесс изготовления имитационных форм был достаточно трудоемким, длительным и требовал наличия специальных инструментов для выполнения тонких линий, сверления небольших углублений (зернь). Для изготовления имитационных форм нужен был достаточно плотный камень, например, сланец или доломит. Литая

вещь получается значительно грубее и тяжелее оригинальных вещей, выполненных в технике зерни и скани, но создает иллюзию внешнего сходства с ними [Рыбаков, 1948. С. 270–271].

Первая створка имитационной формы для изготовления трех перстней (№ 3). Она представляет собой брусок, вырезанный из темного камня, прямоугольный, плоский, с двумя углублениями для штифтов, по центру желоб полукруглой формы, на дне его вырезаны два овальных щитка и между ними дужка от перстня. На щитках вырезан геометрический орнамент, в центре парные линии, между ними имитация зерни, по бокам многослойные зигзаги, при переходе от щитка к треугольному в сечении кольцу вырезаны завитки и растительный орнамент. К каждому гнезду подходит литниковый канал, они сходятся в одно устье на торцовую грань. Рисунки на щитках вырезаны неаккуратно, геометрический орнамент не симметричен, линии не ровные (рис. 1, 4). Таким образом, сама форма достаточно низкого качества изготовления. Отливки изделий по оттиску с данной формы получились грубые, требующие значительной доработки и отражающие вышеописанные недостатки литейной формы (рис. 1, 5–6). Соответственно, изделия, которые должны были изготавливаться в этой литейной форме, заведомо были невысокого качества.

Вторая имитационная литейная форма (№ 8) выполнена из светлого камня, на ней использованы две плоскости. Она предназначалась для изготовления с одной стороны четырех бусин(?), с другой – трех накладок [рис. 1, 1; Недашковский, 2001. С. 354, 363, рис. 4, 3]. С обеих сторон имеется литник. Изделие не закончено. Из четырех бусин(?) углубления для зерни прорезаны только на двух, только на одной из трех накладок выполнен внутренний орнамент, к одной из накладок не проведен литник (рис. 1, 1). Либо каменная плитка использовалась для пробной резки форм изделий, либо ее не стали дорабатывать в связи с тем, что при резке камень был испорчен – одно из гнезд сколото. Внутренняя поверхность литейных гнезд очень рыхлая, неотшлифованная. Если данную форму планировали использовать в производстве, отлитый предмет был бы невысокого качества, что подтверждают отливки (рис. 1, 2–3).

При изучении литейных гнезд для бусин(?) привлекает внимание тот факт, что нет канала для штифта, благодаря которому формируется отверстие для пронизывания. Таким образом, если это изделие – бусина, то оно требует существенной доработки – припаивания ушка или сверления отверстия. После выполнения отливки половины изделия по восковому оттиску становится очевидным, что «бусина» достаточно плоская (рис. 1, 2), напоминающая накладку.

Заметим, что у формы ни на одной из рабочих плоскостей не намечено отверстий для соединительного штифта. Это может подтверждать предположение о незаконченности изделия. При этом известно, что формы для отливки плоских изделий (накладок) могли быть односторонними. Для того чтобы обратная сторона предмета, отлитого в такой форме, была гладкой и ровной, применялись плоские крышки. Изделие имело литник. Для проведения отливки форма с крышкой скреплялись вместе, и металл заливался через литник. Использование такой технологии упрощало процесс изготовления

формы. При этом у отливки обратная сторона получалась плоской, а изделие тонким [Рыбаков, 1948. С. 147].

Имеющиеся в коллекции фрагменты относятся к категории форм с врезными линиями. Изготовление подобных изделий с технической стороны проще, чем изготовление форм с выпуклыми линиями, отливки из которых дополнительно могли декорироваться чернением [Рыбаков, 1948. С. 262–264]. Предметы, отлитые в описанных выше формах, вероятно, являлись конечным продуктом. Они поступали на рынок без значительных доработок, не считая спиливания металла на стыках (литейных швов) и шлифования.

Изготовление формы требовало хорошего материала и инструментов, а также опытного мастера резчика. Значительные затраты труда на изготовление формы могли быть оправданы при условии массового производства и сбыта, т. к. наличие формы ускоряло процесс производства [Рыбаков, 1948. С. 264].

Преобладающая часть форм из коллекции СОМК изготовлена из темного камня, который, вероятно, был привозным, а изделия из него более качественными, чем из светлых осадочных пород. Таким образом, камень для производства литейных форм или каменные заготовки могли быть товаром. Предметом купли-продажи могли быть и створки поврежденных литейных форм. Ценность каменной заготовки подчеркивает использование нескольких плоскостей плитки в качестве рабочей поверхности.

Ряд форм с Увекского городища предназначен для отливки сразу нескольких предметов, например, перстней (№ 3, 5), подвесок (№ 6) и др. Это свидетельствует о массовости производства и расчете на удовлетворение больших запросов рынка [Федоров-Давыдов, 1994. С. 184]. Находки имитационных литейных форм дополнительно указывают на существовавшую необходимость наводнить рынок массовым и дешевым товаром.

Основная часть форм изначально невысокого качества: плохо проработаны линии, не отшлифована поверхность. Это говорит о невысокой степени профессионализма мастера и широком спросе на низкокачественные изделия. О посредственном качестве литейной продукции свидетельствуют выполненные по восковым оттискам отливки. Возможно, ситуация на рынке была такова, что необходимо было быстро производить пользующийся спросом товар для невзыскательного покупателя.

С большой долей вероятности можно говорить, что товар, изготовленный в литейных формах с Увекского городища, был ориентирован на местный рынок, т. е. на обеспечение потребностей горожан и жителей округа Укека.

Литература:

Крымина М.М. Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья // СА, 1977, № 3.

Кубанкин Д.А. Русская община золотоордынского города Укека // Поволжская археология. Казань, 2012. № 1.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.

Недашковский Л.Ф. Металлические изделия и литейные формы с Увекского городища // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всероссийской научной конференции, 22–23 ноября 2000 г. Ижевск, 2001.

Недашковский Л.Ф. Торговля золотоордынского Поволжья // Музей в региональном пространстве: презентация исторического наследия, культурная и общественная миссия: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию Саратовского областного музея краеведения. Труды СОМК. Вып. 22 (13). Саратов, 2011.

Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery. Oxford, 2004.

Руденко К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань, 2007.

Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М., 1948.

Седова М.В. Ювелирные украшения древнего Новгорода X–XV вв. М., 1981.

Семькин Ю.А. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

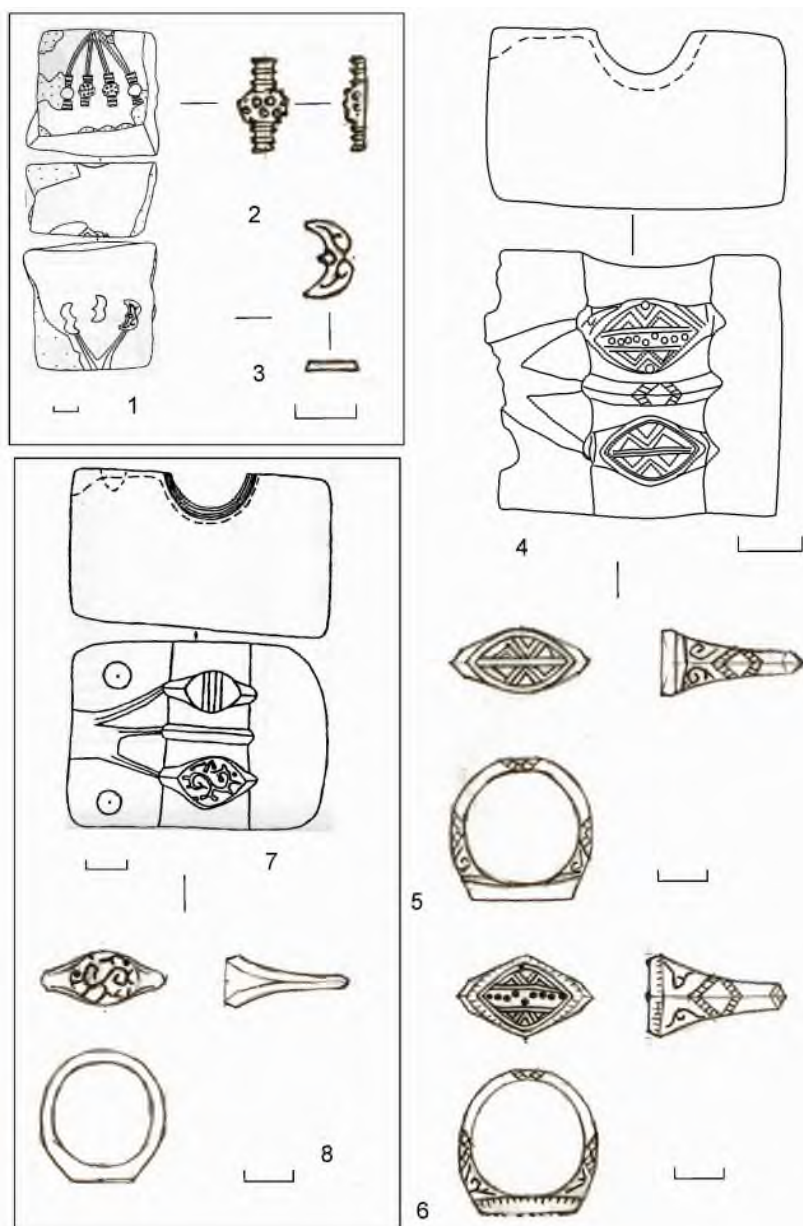

Рис. 1. Каменные литейные формы и отливки по восковым оттискам:
 1-3 - форма № 8 [Недашковский, 2001. Рис. 4, 3]; 4-6 - форма № 3;
 7-8 - форма № 5 [Недашковский, 2001. Рис. 4, 5]

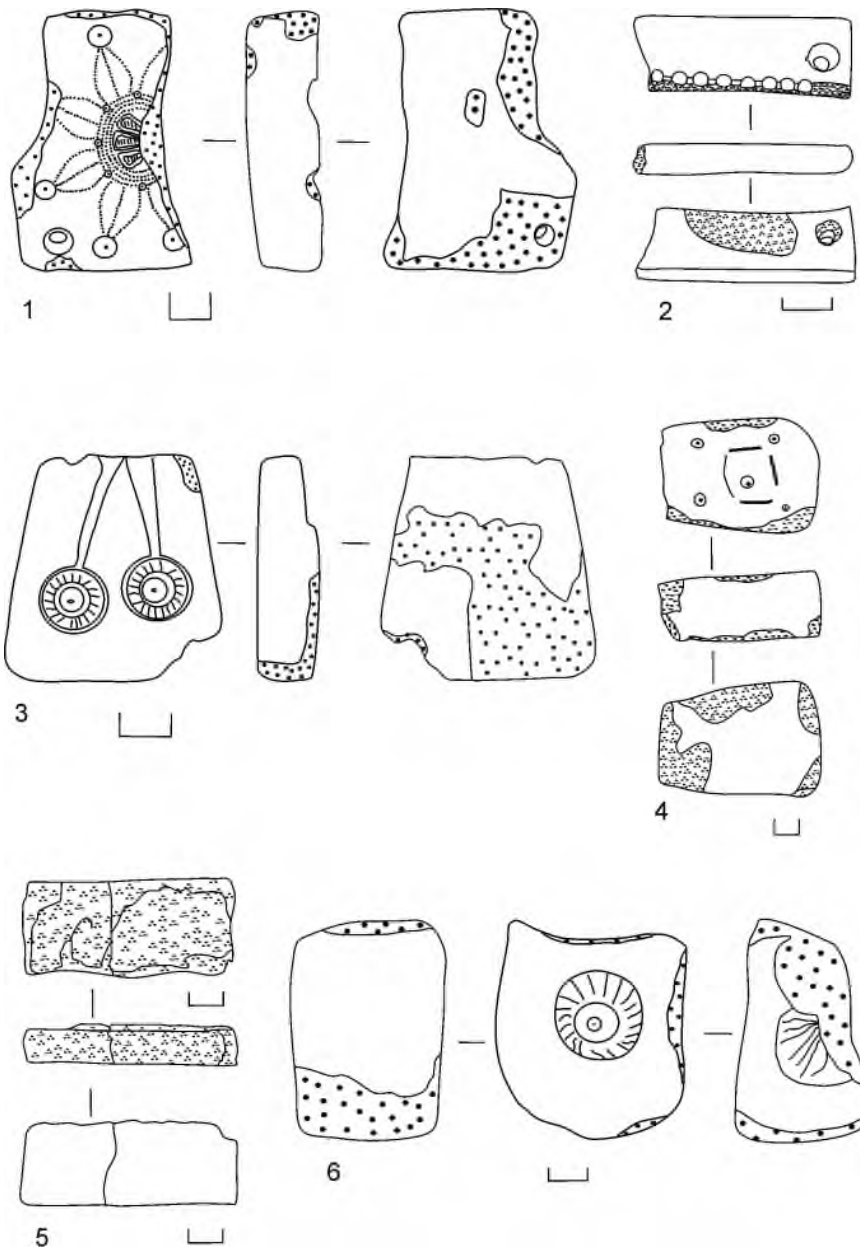

Рис. 2. Каменные литейные формы: 1 - форма № 1; 2 - форма № 12;
3 - форма № 2; 4 - форма № 15; 5 - форма № 11; 6 - форма № 10

Бабенко В.А.

КАТОЛИЧЕСКАЯ КАФЕДРА В МАДЖАРЕ ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Локализуемый на месте городища Маджары золотоордынский город Маджар остается недостаточно изученным в археологическом плане. Несмотря на нерешенность проблемы организации археологического изучения памятника, в последнее время наметилась тенденция по вводу в оборот новых находок, публикации письменных источников и картографических материалов. Впервые изданы на русском языке работы И.А. Гильденштедта [Гильденштедт, 2002], Ю. Клапрота [Клапрот, 2008], Я. Потоцкого и А. Оммер де Гелль [Соснина, 2003], оставивших ценные описания памятника. К сожалению, еще не все письменные источники переведены на русский язык или доступны для широкого круга исследователей.

В последнее время весьма плодотворно разрабатывается проблема проживания в городе христиан, относящихся к различным конфессиям [Волков, 1995; Обухов, Полубояринова, 2009]. Ряд письменных источников свидетельствует о пребывании в городе католической миссии. К сожалению, эта проблема, поставленная еще Ф.К. Бруном, до сих пор не получила своего разрешения. Очевидно, что Маджар, в силу своего статуса, представлял интерес для представителей всех христианских конфессий, между которыми шла острая борьба за прихожан.

В 1861 г. была образована Сарайская епархия. Сарайский епископ выступает как лицо, близкое ко двору, доверенное лицо хана, следовавшее за ним даже во время перекочевок Орды и одновременно как посредник между возрожденной в 1260 г. Византией и русской митрополией [Насонов, 2002. С. 250]. Этническая структура епархии была сложной. Русское население не являлось доминирующим, а среди прихожан преобладали половцы-христиане и аланы. Границы соседней Аланской митрополии имели не политический, а этнический характер. Миграции алан в степные районы Предкавказья подталкивали аланских митрополитов к попыткам распространения контроля над соседними епархиями, включая Сарайскую [Малахов, 1997. С. 137–141].

Францисканский орден основал на Востоке два викариата: Восточной Татарии и Аквилонский (Северный). По предположению Я.М. Света, они

существовали уже в 1289 г. Центром Аквилонского викариата стала Кафа. В его границы входили две кустодии – Газария и Сарай. К кустодии Газария относились крымские, придунайские и приднепровские земли, сарайская кустодия охватывала восточную часть Золотой Орды с Северным Кавказом включительно [Свет, 1968. С. 58].

На наличие в Маджаре прихода одного из католических орденов указывают имеющиеся средневековые документы. В кавказоведении давно ведется анализ сведений о пяти католических епископиях на Кавказе. Ф.К. Брун в ряде своих работ цитирует буллу папы Бонифация IX от 1401 г., в которой упоминаются пункты *Comech, Thuma, Tarshu, Dawech, Michaha*. В.А. Кузнецов аргументировано рассмотрел в своей работе все предложенные локализации указанных в булле пунктов Комех, Тума, Тарху, Давех и Михаха. Согласившись с Ф.К. Бруном в отношении локализации Тума и Тарху (Тюмень и Тарки), он первоначально не согласился с предложенным им отождествлением Комеха с городом Маджаром, где до 1422 г. находился католический епископ города Джулад [Кузнецов, 2002. С. 134]. Однако, по ходу анализа сведений о епископской кафедре на Верхнем Джулате, он пришел к выводу, что «аналогичные католические кафедры были созданы и в других населенных пунктах Центрального и Северо-Восточного Кавказа, перечисленных в булле папы Бонифация IX, в первую очередь в Маджарах» [Кузнецов, 2002. С. 138].

Недавно А.Б. Малышев опубликовал текст анонимного автора, датирующийся не позднее 1329 г. Он является кратким отчетом о деятельности францисканского ордена на Востоке в 1320-е гг. с точным описанием мест пребывания миссий. Нас интересует следующий его фрагмент:

«*De locis Fratrum Minorum et Predicatorum in Tartaria*. – [e. an. 1320–30].

In Tartaria Aquilonari fratres Minores habent monasteria immobilia 18, in civitatibus et villis infra scriptis, videlicet: in vicina iuxtra danubiu. In Mauro castro. In Cersona, ubi beatus Clemens fuit exulatus, et ibi fundavit lxx ecclesias... (...). In Cimbalo. In Barason. In Soldaia. In Capha duo loca. In Thana. In Cummageria duo loca. In Saray. In Sancto Johanne, ubi est sepulcrum Coktogani filii Imperatoris. In Ugek. In Delena (o Selena?). In Yveria duo loca, ubi rex illius gentis, et multi de populo istis annis sunt conversi...» [цит. по: Малышев, 2007. С. 187].

После Таны в данном списке упомянуты два «места» в Куммагерии. По мнению А.Б. Малышева, Куммагерия – средневековое итальянское название местности на Таманском полуострове, которая точно не локализуется, но, возможно, располагалась на территории средневековой Тмутаракани (Матреги) [Малышев, 2007. С. 185]. На наш взгляд, под Куммагерией в документе упоминается большая область, округа Маджара. В труде Абу-л-Фиды город упоминается как Куммаджар [Коновалова, 2009. С. 115]. Следует согласиться с предложенной Ю. Клапротом интерпретацией названия города из сочинения Абу-л-Фиды – Маджар на Куме [Клапрот, 2008. С. 99].

Маджар упоминается в средневековых источниках не только как *Comech*. В работе А.Б. Малышева приводится таблица, составленная Дж. Голубовичем. В ней сведены наименования различных пунктов на территории Северного викариата по состоянию на 1286, 1320, 1334 и 1390 гг. Все географические названия даны в различных транскрипциях. В 1320 г. на тер-

ритории Сарайской кустодии упомянуты миссии в *Cummageria* (2 loca), в 1334 г. – *Maieria* (2 loca), в 1390 г. – *Mager* [Мальшев, 2007. С. 188]. Как видно, из текста, в конце XIV в. вместо 2 «мест» в *Cummageria* и в *Maieria* в первой половине XIV в. остается одно «место» в *Mager*. Расположение указанных пунктов *Maieria* и *Mager* на территории Сарайской кустодии позволяет отождествлять их с Маджаром.

Подобное изменение географических названий коррелирует с приведенными Ф.К. Бруном вариантами названия города в 2 ватиканских грамотах со ссылкой на «*Annales Minorum*» Л. Ваддингга (1588–1657). Эта работа была недоступна Ф.К. Бруну, и он цитировал ее, ссылаясь на доступные ему отрывки из этой работы. Первоначально Ф.К. Брун допускал, что в ватиканских грамотах 1314 и 1340 г. среди 17 монастырей на территории Аквилонского викариата был упомянут монастырь в Киеве, который, по его мнению, мог называться *Majeria*. Считаю необходимым привести текст грамоты из работы Ф.К. Бруна «*Vicariatus Tartariae Aquilonaris Habet loca 17: Cafa, ubi sunt duo loca; Majeria, ubi alia duo, Sardaya* (1340: *Sodaya*) *similiter Cata (Solcata); Baraton (Barason, вероятно Karasou), Marumcastrum (Аккерман), Vicena* (по итальянским картам между Силистриею и Килиею), *Cimbalum, Tana, Saray, Ugalet, (Ugelz, Укек?), Beler, S. Johannes. Item in regno Vieriae (Грузия) duo loca*» [Брун, 1880. С. 297].

Но далее он изменил свою точку зрения и привел отрывок из своей переписки с известным комментатором сочинений Марко Поло Г. Юлом, который, ссылаясь на работу Л. Ваддингга, привел в своем письме перечень францисканских монастырей на территории Аквилонского викариата «*Some years ago I had to make out the list of Franciscan monasteries given by Wadding. He gives the list twice; under 1314, again under 1400, with differences: under 1400 he has Thana, Agitarchan, Saray, Comuch (Kumuk country south of the Caspian?), Tarchis (Terki at the mouth of the Terek: see De la Primaudaie, 269), Mamuni or Mauniti (?), Mager (Majar on the Kuma), Ugueth or Uguech (Ukek on the Volga), Ac-Sarai(?), Organae or Orgune*». Ф.К. Брун был вынужден согласиться, что в этом отрывке был упомянут город Маджар(?) [Брун, 1880. С. 298].

Таким образом, одно «место» в Куммагерии – это непосредственно сам Маджар. Второе «место» может быть локализовано в округе города, с учетом предложенной В.А. Кузнецовым локализация пункта *Michaha* на месте «разоренного города Хаха, к югу от Маджара, как это показано на карте Кавказа Георга Трайтеля 1774 г. [Кузнецов, 2002. С. 136]. Из известных в XVIII в. памятников к югу от Маджара можно назвать т. н. Верхние Маджары, открытые С.Г. Гmeliным в 1772 г. и мавзолее у с. Маслов Кут (совр. г. Зеленокумск – В. Б.), открытый П.С. Палласом в 1780 г. К сожалению, эти памятники еще не локализованы.

В документах, опубликованных Ф.К. Бруном и А.Б. Мальшевым, Маджар упомянут одним из первых, что может указывать как на степень удаленности города от Кафы или Таны, так и на значение маджарской епископии. Появление монастырей в Танае и Маджаре вполне закономерно. Эти два города обладали эмирским статусом и располагались на большой торговой магистрали. Они представляли интерес, прежде всего, для итальянских купцов. Об этом свидетельствуют топография находок аспров Кафы, составленная

А.Г. Емановым [Еманов, 1995. С. 141, 143, 152] и предположительная реконструкция торгового пути из Таны в Маджар по долине р. Большой Егорлык и территории Ставропольской возвышенности [Бабенко, 2001. С. 106–107].

С торговой активностью итальянских кушцов и влиянием францисканского монастыря в Маджаре можно связать и христианизацию населения предгорий Кабардино-Балкарии, о чем свидетельствуют христианские кресты из Жанхотеко и Каменномостского, датируемые И.М. Чеченовым приблизительно XIV–XV вв. Их появление справедливо связывается им с новой волной христианизации населения предгорий, вызванной активизацией миссионерской деятельности католической церкви. [Чеченов, 1987. С. 96–98]. Эти районы были тесно связаны с Маджаром. Здесь и на территории Дигории позднее сложились этногенетические предания балкарцев и дигорцев, в которых фигурируют мифические «маджарцы», явившиеся основателями местных феодальных династий [Батчаев, 1992. С. 86].

Очевидно, что Маджарская (Кум-Маджарская) епископия обладала более высоким рангом, чем соседняя Верхне-Джулатская епископия, упоминаемая в начале XV в. И. Шильтбергером. В.А. Кузнецов отмечает характерное для нее сочетание «варварского» облика местной церковной архитектуры и «варварское» происхождение местного клира [Кузнецов, 2002. С. 146]. Судя по опубликованным Ф.К. Бруном данным, францисканский монастырь в Маджаре продолжал функционировать и в 1400 г, несмотря на разгром города войсками Тимура в 1395 г.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении письменные и археологические источники свидетельствуют о необходимости обобщения всех известных материалов, а также поиска ранее неизвестных и неопубликованных западноевропейских источников.

Литература:

Бабенко В.А. Памятники золотоордынского времени на территории Ставропольской возвышенности // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск II: Археология, антропология, палеоклиматология. М., 2001.

Батчаев В.М. Маджарцы (к проблеме золотоордынского этапа этнической истории Северного Кавказа) // Проблемы этнографии осетин. Вып. 2. Владикавказ, 1992.

Брун Ф.К. О разных названиях Киева в прежние времена // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877 г.). Часть II. Одесса, 1880.

Волков И.В. Армянский хачкар с городища Маджары // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Армавир, М., 1995. Вып. 1.

Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002.

Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995.

Кларот Ю. Описание поездки по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. Текст, перевод, комментарий. М., 2009.

Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002.

Малахов С.Н. Алано-византийские заметки (II) // Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея. Армавир, М., 1997. Вып. 3.

Мальшиев А.Б. Сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде в XIV в. // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 4.

Насонов А.Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). СПб., 2002.

Обухов Ю.Д., Полубояринова М.Д. Иконка с изображением Богоматери с Маджарского городища // Великий Новгород и Средневековая Русь. Сборник статей: К 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009.

Соснина Е.Л. Два путешествия в золотой век. Пятигорск, 2003.

Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар // СА. 1972. № 3.

Свет Я.М. Путешествия западных чужеземцев в страны Трех Индий. М., 1968.

Чеченов И.М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на ново-строяках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 3. Нальчик, 1987.

*Волков В.А., Малышев А.Б.,
Тугушев П.Е.*

**ХАРАКТЕРИСТИКА ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗАНЯТИЙ
ЖИТЕЛЕЙ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ «ШУМЕЙКА»**

Поселение Шумейка («Подстепное») было открыто в начале XX в. археологами СУАК. Сборы на памятнике проводили Ф.Д. Охлябинин, С.А. Щеглов, Б.В. Зайковский и Ф.В. Баллод. Находки отражали быт и хозяйство людей, живших здесь с эпохи бронзы до средневековья. Ф.В. Баллод, по находкам монет, датировал золотоордынское поселение 1322–1365 гг. [Баллод, 1923. С. 97]. В 1984 г. памятник был вновь обнаружен Д.Г. Бариновым и получил название «поселение у села Шумейка» [Баринов, 1987. С. 7–9]. В 1988–2006 гг. на отдельных участках проводились раскопки В.Г. Мироновым, Д.Г. Бариновым, О.В. Сергеевой и И.И. Дремовым [Миронов, 1990. С. 1–20; Баринов, 1991. С. 2–40; Баринов, 1997. С. 241–243; Сергеева, 2002. С. 1–26; Дремов, 2007. С. 1–77]. Памятник определялся как крупное сельское поселение, включавшее аристократические усадьбы. Возможно, это поселение фигурирует на средневековых картах под названием «yalaski» («яйлаг» – летнее кочевье) [Чекалин, 1897. С. 57–64; Малов, 2003. С. 28].

В 2008 г. археологические исследования проводились на обширной площади. Поселение являлось периферией более крупного, возможно, городского центра, расположенного на прилегающей территории, не вошедшей в раскоп, застроенной в советский период или разрушенной водохранилищем. Археологические материалы свидетельствуют о сельскохозяйственном характере поселения. Раскопками был выявлен также доордынский пласт памятника: грунтовый могильник раннего бронзового века и погребения салтовомаяцкой культуры.

В эпоху Золотой Орды здесь можно выделить несколько этнических групп: кочевое тюркоязычное население, болгары, русские и мордва. Главным этническим маркером служат традиции изготовления посуды. Ее производство подтверждается исследованными остатками круглого гончарного горна с покрытыми обожженной глиной стенками и поддувом. Большинство посуды представлено золотоордынской красноглиняной гончарной керамикой. Также встречается значительное количество древнерусской лепной и круговой посуды. В меньшей степени представлена керамика мордовского

облика – лепные слабопрофилированные баночные сосуды с дресвой или шамотом в тесте. Булгарский этнический компонент выделяется по наличию соответствующих сельскохозяйственных орудий. Значительная часть поселения была занята кочевьем. Одну из построек, эллипсовидную в плане и с очагом в центре, можно считать юртообразным жилищем. На поселении были зафиксированы еще несколько жилищ земляночного типа и фрагмент кирпичной кладки от наземной постройки. Возможно, это остатки усадьбы золотоордынского аристократа, зафиксированной в период разведок Д.Г. Барина [Барин, 1997. С. 242].

Основным занятием оседлого населения было земледелие. Здесь было найдено компактное скопление («клад») сельскохозяйственных орудий: ножи и лемех от плуга, подобные болгарским аналогам. Название золотоордынского плуга («сабан») приводится в словаре «Codex Cumanicus» [Codex Cumanicus, 1981. Р. 8, 90, 180]. Это детали плуга, предназначенного для распашки залежных степных участков. Лемех с овальной несомкнутой втулкой-трубицей, имел правостороннюю асимметрию (рис. 1, 6). Он состоял из трех частей: двух, сваренных между собой, железных пластин треугольной формы (шов между которыми проходил по оси орудия), окованных с края рабочих граней более тонкой – третьей железной пластиной, для лучшего проникновения в землю. Размеры орудия: длина – 31,2 см, наибольшая ширина лопасти – 25,5 см, ширина втулки – 19 см. По типологии Ю.А. Краснова он относится к типу IVB5 [Краснов, 1978. С. 113]. Плуг с таким лемехом бытовал в Волжской Булгарии и в Золотой Орде [Культура Биляра, 1983. Табл. 1; Краснов, 1987. С. 213–217; Савченкова, 1996. С. 122–124, рис. 47, 160, 161; Древние кочевники..., 2007. С. 158].

Плужные ножи – «резаки» или «чресла» (4 шт), выкованные из цельного куска железа, также входили в комплекс плуга (рис. 1, 1). Орудия имели следующие размеры: средняя длина – 40–45 см, толщина – 0,9–1,2 см, длина рабочей части (лезвия) – 8,5–9 см. В целом размеры соответствуют болгарским и русским аналогам. Данные плужные ножи относились к прямым (без изгиба) разновидностям данного орудия [Краснов, 1987. С. 208, 215, рис. 34, 16], в отличие от также распространенных типов, вогнутых со стороны лезвия.

В кладе были зафиксированы также две массивные мотыги для ручной обработки земли (рис. 1, 5). Это проушные орудия с плоским обушком, округлыми щековищами и расширенной рабочей частью (лезвием). Размеры орудий: длина – 17–18 см, ширина лезвий – 9,5–10,5 см, толщина рабочей части – 0,5 см, диаметр отверстия для рукояти – 3,6–3,8 см. По типологии Л.Л. Савченковой мотыги относятся к типу II [Савченкова, 1996. С. 123–125, рис. 47, 37, 38], а по классификации С.М. Йовкова – к типу II варианту 2 [Йовков, 1978. С. 220–222, рис. 1, 6].

В слое был найден обломок серпа для уборки урожая зерновых культур (рис. 2, 2). Сохранность орудия фрагментарна, но позволяет отнести его к серпам, распространенным в Золотой Орде, Волжской Булгарии и русских землях. По типологии Л.Л. Савченковой данные серпы отнесены к типу I [Савченкова, 1996. С. 123, 125, рис. 47, 166, 167].

Описанные выше земледельческие орудия были найдены на многих памятниках округ золотоордынских городищ: Увекского, Царевского, Селитренного и Шареного Бугра [Недашковский, 2010. С. 159].

О некоторых особенностях земледелия на поселении говорят находки дигирных сосудов (рис. 1, 2) от чигирных поливальных колесных установок для подъема воды с нижних уровней орошения на верхние – в арыки. Подобные сосуды, или их фрагменты, встречаются также в других регионах Золотой Орды, в округах городищ Царевского, Селитренного и Шареного Бугра [Пигарев, 1998. С. 192–195; Пигарев, 2009. С. 64–65; Недашковский, 2010. С. 159; Недашковский, 2012. С. 227; Пигарев, 2013. С. 179–181], на Нижнем Дону и в Приазовье [Перевозчиков, 2001. С. 97; Масловский, 2012. С. 11–12]. Вероятно, это одна из первых зафиксированных находок дигирных сосудов и чигирного орошения в северных районах Золотой Орды.

Земледельческие занятия подтверждаются находкой двух экземпляров каменных ручных жерновов для размола зерна. Первый, сохранившийся полностью, жернов состоит из двух дисков одинакового размера (рис. 1, 3). Диски имели центральные отверстия для оси, а верхний диск (бегун), около края еще и отверстие для ручки, приводящей жернов в движение. Подобные жернова встречались в Волжской Булгарии и русских землях [Иовков, 1976. С. 248–252].

От второго жернова сохранился только нижний диск (рис. 1, 4). Его рабочая часть, предназначенная для размола зерна, была плоской и шершавой. Обратная отшлифованная сторона закруглялась ближе к краям. В центре жернова находилось осевое отверстие. Следует отметить, что данный диск, в виду его большой массы и отполированной внешней поверхности, может также рассматриваться как маховик для гончарного круга. Значительная масса необходима для инерционного вращения маховика, а его поверхность, возможно, была отполирована ногами гончара. Подобные маховики иногда встречаются в Золотой Орде. В монографии о раскопках поселения Бокаташ II приводится реконструкция такого гончарного круга с тяжелым каменным маховиком [Крамаровский, Гукин, 2004. С. 116–118, 296, табл. 34/2001, 4; 35/2001; 36/2001, 1–3; 113/2003, 1, 2].

Среди находок имеется каменная ступка для измельчения зерна, растительных продуктов, трав и других ингредиентов для приготовления пищи, приправ или лекарств (рис. 2, 1). Это отшлифованный сосуд из твердой породы камня белого цвета, усиленный четырьмя вертикальными ребрами, идущими от венчика к днищу на 2/3 длины сосуда. На одном из ребер по венчику был прорезан наклонный слив. Однако, возможно и иное определение сосуда, как тигля для выплавки и литья металла, или стекла.

Таким образом, значительная часть населения занималась пашенным земледелием – культивированием зерновых культур, а также выращиванием огородных растений. Это подтверждается находками семян огурца в одной из хозяйственных ям. К террасе, на которой расположено поселение, прилежала обширная пойма (ныне затопленная водохранилищем), где размещались пашни и огороды, в том числе с оросительными чигирными системами, а также осуществлялся выпас скота.

Описанные материалы, связанные с развитием земледелия, согласуются с археологическими данными из других регионов Нижнего Поволжья в золотоордынский период [Пигарев, 2009. С. 62–65; Недашковский, 2010. С. 156–160]. О земледелии в Золотой Орде сообщали западные и восточные авторы [Золотая Орда в источниках..., 2003. С. 102, 109; Барбаро, 1971. С. 142, 146, 149–150, 221, 224]. В словаре «Codex Cumanicus» содержатся названия различных культурных растений, многие из которых культивировались в разных районах Золотой Орды: апельсин, лимон, персик, гранат, абрикос, слива, инжир, виноград, черешня, финик, огурец, дыня, репа, капуста, свекла, тыква, лук, чеснок, шпинат, петрушка, салат, укроп, груша, яблоня, просо, овес, пшеница, полба, ячмень, рис, горох, чечевица [Codex Cumanicus, 1981. P. 107, 125–127, 130–131].

Значительная часть населения занималась также скотоводством – кочевым или пастушеским. Здесь были встречены находки, связанные с бытом скотоводов и использованием лошади: стремя, подкова, удила и детали упряжи (рис. 2, 3, 5–8). В культурном слое, котлованах построек и хозяйственных ямах содержалось большое количество костей крупного и мелкого рогатого скота, а также лошадей (специальный анализ остеологического материала еще не проводился).

Возможно с разведением домашней птицы (кур) связаны находки трех каменных «яйцевидных» предметов (рис. 2, 4). Такие предметы встречаются и на других золотоордынских поселениях [Лопатин, Мальшев, 2010. С. 293–294, 313, рис. 7, 18, 19]. Они изготовлены из мелового щебня, ошлифованы, а по форме и размерам напоминают куриные яйца. Эти предметы можно интерпретировать как «подклад» в куриное «гнездо», чтобы куры неслись в этом месте. Подобное использование яйцевидных предметов прослеживается этнографически, а в русской деревне сохранялось вплоть до современности.

Впрочем, возможна и иная правдоподобная версия. Данные предметы могли быть пращевыми пулями. Праща была универсальным, простым и доступным охотничьим и боевым оружием. Эти предметы могли использоваться также как пули для небольших охотничьих арбалетов на мелкую дичь [Пейн-Голлуэй, 2006. С. 391–392]. Подобное оружие («луки для метания [небольших] ядер») было известно в Золотой Орде [Золотая Орда..., 2003. С. 43, 53, 74]. Существуют и другие трактовки данных предметов. У многих народов Евразии существовали игры, в которых использовались каменные шары или шаровидные предметы. Наконец, не стоит исключать и ритуальное назначение яйцевидных предметов.

Значительную роль в хозяйстве жителей поселения играло рыболовство. В период раскопок была найдена серия железных рыболовных крючков (8 шт), глиняных (6 шт) и каменных грузил (2 шт), железная лодочная скоба, а также костные остатки и чешуя рыб. Большая часть (6 шт) крючков по типологии Л.Ф. Недашковского относятся к типу 2 (округлые в сечении, без ярко выраженного жала) [Недашковский, 2002. С. 122–124, рис. 1, 4–13] (рис. 3, 1, 2). Их особенностью является также отсутствие бороздки. Подобные крючки довольно часто встречаются на золотоордынских [Недашковский, 2002. С. 122–124, рис. 1, 4–13; Мальшев, 2008. С. 305, 338, рис. 28, 2; Лопатин, Мальшев, 2010. С. 293, 312, рис. 6, 12] и русских поселениях [Тропин, 2004. С. 148–150,

рис. 80, 3–6, 8, 9, 11]. Один, меньших размеров, крючок предназначался для лова удилищем. Единственный крючок, относился по типологии Л.Ф. Недашковского к типу 1 (прямоугольный в сечении, с четко выраженным жалом) [Недашковский, 2002. С. 122–124, рис. 1, 1–3] с бородком (рис. 3, 3). Подобные крючки также имеют аналоги в русских землях [Макаров, 2001. С. 117, рис. 28; 73, 3–4; Тропин, 2004. С. 148–150, рис. 80, 7, 10].

На поселении были найдены различные грузила. Несколько керамических грузил (4 шт), относятся Л.Ф. Недашковским к типу 3 (подцилиндрические грузила) [Недашковский, 2002. С. 123, 125, рис. 2, 5] (рис. 3, 10–12). Одно глиняное грузило, по той же типологии, относится к типу 4 (усеченно-биконические или подовальные в продольном сечении грузила) [Недашковский, 2002. С. 123, 125, рис. 2, 6–8] (рис. 3, 9). Такие грузила встречались и в русских землях [Тропин, 2004. С. 115–151, рис. 81, 1–3, 7, 11, 13–17]. Было найдено также одно каменное грузило, относимое Л.Ф. Недашковским к типу 6 (крупные дисковидные уплощенные грузила с отверстием в центре) [Недашковский, 2002. С. 123, 125, рис. 2, 11–15] (рис. 3, 8). Подобные грузила встречались и на других золотоордынских поселениях [Лопатин, Мальшев, 2010. С. 292, 314, рис. 8, 1–6]. Встречались и иные разновидности грузил (2 шт): без отверстия, с перехватом для лески или веревки. Одно из них, каменное, имело овально-кашлевидную форму (рис. 3, 6), а другое, овальное, было сделано из ошлифованного куска кирпича (рис. 3, 7).

По мнению Л.Ф. Недашковского наличие таких грузил и крючков свидетельствует об использовании в основном волоковых и реже – ставных неводов и многостенных сетей и снастей-переметов [Недашковский, 2002. С. 122–128; Недашковский, 2010. С. 167–172]. Однако вопрос о способах использования крючков без бородка является открытым. К их достоинствам относятся: меньшая порча наживки, легкое проникновение и меньшее соскальзывание при подсечке рыбы, возможность легко и быстро снимать рыбу или высвободить крючок от постороннего предмета. Недостатками же являются: риск соскальзывания приманки и срыва рыбы при вытаскивании. В данной связи способ лова рыбы волоковыми снастями является преимущественным. В то же время, такой крючок мог использоваться как крюк-вешало для подвешивания крупной рыбы при ее обработке [Мальшев, 2008. С. 305; Лопатин, Мальшев, 2010. С. 293]. Подобные крючки могли быть также частью рыболовного багра (темляка) для вытаскивания (багрения) рыбы, в том числе, при подледном лове.

Подтверждением развитого рыболовства является находка лодочной скрепы (рис. 3, 4), имеющей аналогии на русских и золотоордынских памятниках [Макаров, 2001. С. 117, рис. 28; 73, 5–7; Недашковский, 2002. С. 123, 125, рис. 1, 14; Недашковский, 2010. С. 169, рис. 7, 14]. Судя по обилию в отдельных хозяйственных ямах костей и чешуи крупной рыбы (сом, щука, осетровые), рыболовство было распространенным промыслом, а рыба занимала важное место в рационе питания.

Наверное, некоторое значение в питании населения играла охота. Так, здесь был найден костяной наконечник стрелы (рис. 3, 5), имеющий многочисленные аналогии в монгольском и золотоордынском вооружении [Гонча-

ров, 1950. С. 145, табл. XIV, 21–23, 25, 27, 28; Недашковский, 2000. С. 74, рис. 17, 1; Артемьев, 2004. С. 146–147, рис. 2, 1, 3–5, 8].

К основным ремеслам и промыслам следует также отнести ткачество, что подтверждается находками нескольких каменных и керамических пряслиц (рис. 3, 14–16). Традиционным занятием населения также являлась деревообработка. Один из обнаруженных железных предметов является обломком плотницкого скобеля (рис. 3, 13). О развитии металлургии и кузнечного дела свидетельствуют находки железных шлаков, криц и железных изделий (ножей, дверных замков, ключей, гвоздей и т. п.). На поселении были найдены многочисленные фрагменты кирпичей (вероятно, изготовленных на месте) из которых возводили отдельные строения.

Таким образом, основными занятиями жителей Шумейского поселения были пашенное и ручное земледелие, с использованием оросительных чигирных систем, а также скотоводство. Значительную роль в хозяйстве играло также рыболовство, и, возможно, охота. Традиционные промыслы и ремесла представлены гончарством, ткачеством, металлургией и деревообработкой. Отдельным ремеслом, ориентированным на обеспечение элитных жилищ, являлось изготовление кирпичей.

Литература:

Codex Cumanicus / Edited by G. Kuun; with the Prolegomena to the Codex Cumanicus by L. Ligeti. Budapest, 1981.

Артемьев А.Р. Проблемы выделения монголо-татарского комплекса вооружения среди древнерусских материалов XIII в. // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004.

Баллод Ф.В. Приволжские Помпеи. М.; Пг., 1923.

Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.

Баринов Д. Г. Золотоордынское поселение около поселка Шумейка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

Баринов Д.Г. Отчет об археологических работах в бассейне р. Волги с притоками в пределах Энгельского района в 1986 г. Саратов, 1987 // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 11798.

Баринов Д.Г. Отчет об археологических работах в Энгельском и Вольском районах Саратовской области в 1990 г. Саратов, 1991 // Архив ИА РАН. Р-1. № 16643.

Гончаров В.К. Райковецкое городище. Киев, 1950.

Древние кочевники степей Евразии и Северной Америки. Самара, 2007.

Дремов И.И. Отчет об охранных исследованиях у с. Шумейка в Энгельском районе Саратовской области. Саратов, 2007 // Архив ИА РАН. Р-1. № 26793.

Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. М., 2003.

Йовков С.М. Жернова Волжской Булгарии // СА. 1976. № 2.

- Йовков С.М. Ручные почвообрабатывающие орудия Волжской Булгарии // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II. СПб., 2004.
- Краснов Ю.А. Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округа // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987.
- Краснов Ю.А. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий // СА. 1978. № 4.
- Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М., 1983.
- Лопатин В.А., Малышев А.Б. Культурно-хронологические комплексы поселения Мартышкино (материалы эпохи средневековья) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2010. Вып. 8.
- Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001.
- Малов Н.М. Археологические объекты и историческая топография золотоордынского города Укек // Золотоордынскому городу Укеку семь с половиной столетий. Саратов, 2003.
- Малышев А.Б. Исследования Алексеевского городища в 2006 году // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.
- Масловский А.Н. Керамический комплекс низовьев Дона в XI–XV вв.: типология и хронология. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2012.
- Миронов В.Г. Отчет Воскресенской археологической экспедиции Саратовского госуниверситета 1989 года. Ч. 2. Работы в Энгельсском районе Саратовской области. Саратов, 1990 // Архив ИА РАН. Р-1. № 14758.
- Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.
- Недашковский Л.Ф. Рыболовный инвентарь из Укека и его округа // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды Государственного исторического музея. М., 2002. Вып. 135.
- Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., 2010.
- Недашковский Л.Ф. Местонахождения периферии городища Шареный Бугор // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань, 2012.
- Пейн-Голлуэй Р. Книга арбалетов. История средневекового метательного оружия. М., 2006.
- Перевозчиков В.И. История археологического изучения гончарного ремесла Азака-Таня // Донская археология. Ростов на Дону, 2001. № 1–2 (10–11).
- Пигарев Е.М. Дигири из фондов Астраханского музея-заповедника // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1998. Вып. 6.
- Пигарев Е.М. К вопросу о земледелии на Нижней Волге в золотоордынский период // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань, 2009. Вып. I.
- Пигарев Е.М. Находки скорлупы птичьих яиц на средневековом могильнике «Маячный бугор» // РА. 2013. № 1.
- Савченкова Л.Л. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, ремесленников. Казань, 1996.

Сергеева О.В. Отчет об охранных исследованиях Шумейского городища и могильника в Энгельском районе Саратовской области в 2002 году. Саратов, 2002 // Архив ИАКН СГУ.

Тропин Н.А. Сельские поселения XII–XV вв. южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004.

Чекалин Ф.Ф. Саратов на левом берегу Волги и время перенесения его на правый ее берег // Труды восьмого Археологического съезда в Москве. 1890. Т. III. М., 1897.

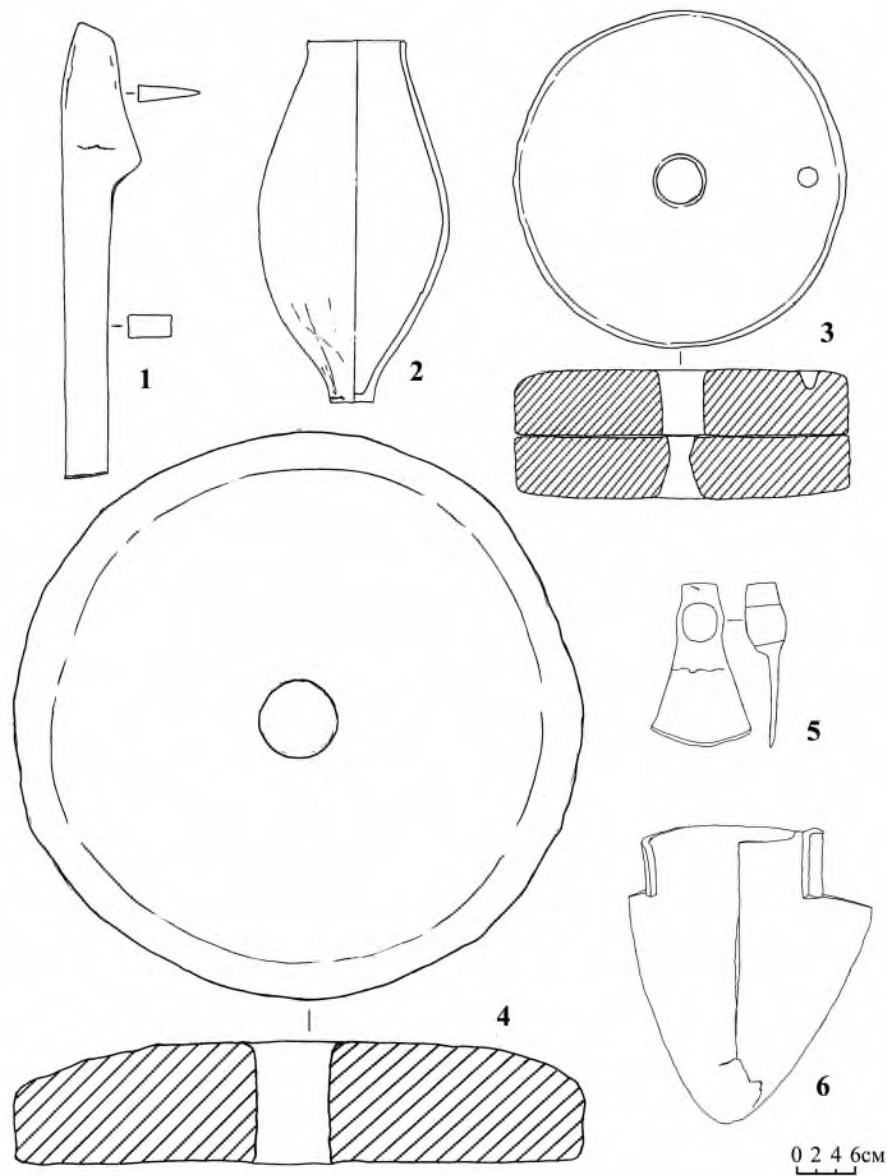

Рис. 1. Поселение Шумейка:
1 - Плужный нож; 2 - Дигирный сосуд; 3 - Ручные жернова;
4 - Жернов; 5 - Мотыга; 6 - Плужный лемех.
1, 5, 6 - железо; 2 - керамика; 3, 4 - камень

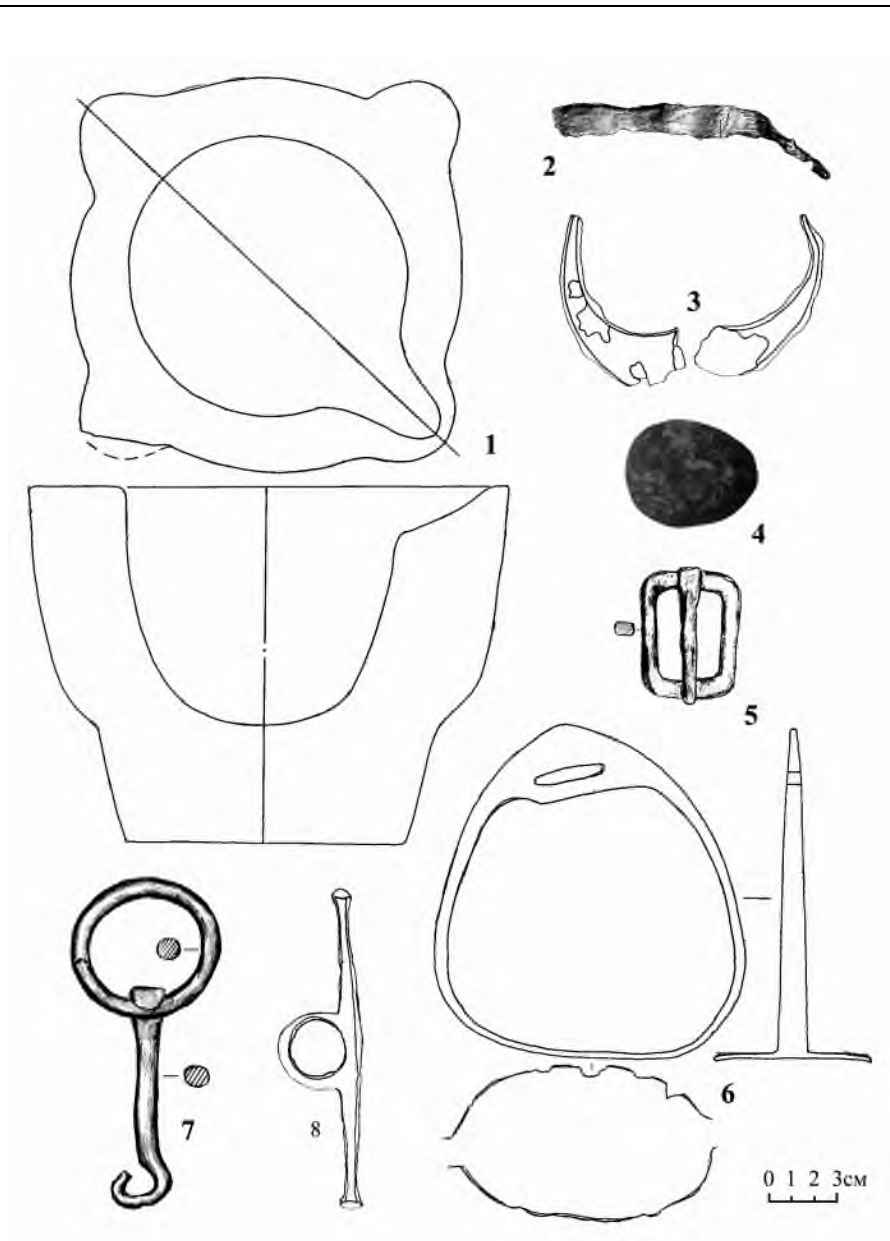

Рис. 2. Поселение Шумейка:
 1 - Ступка; 2 - Серп; 3 - Подкова; 4 - Яйцевидный предмет; 5 - Пряжка;
 6 - Стремя; 7 - Удила; 8 - Псалий.
 1, 4 - камень, остальное - железо

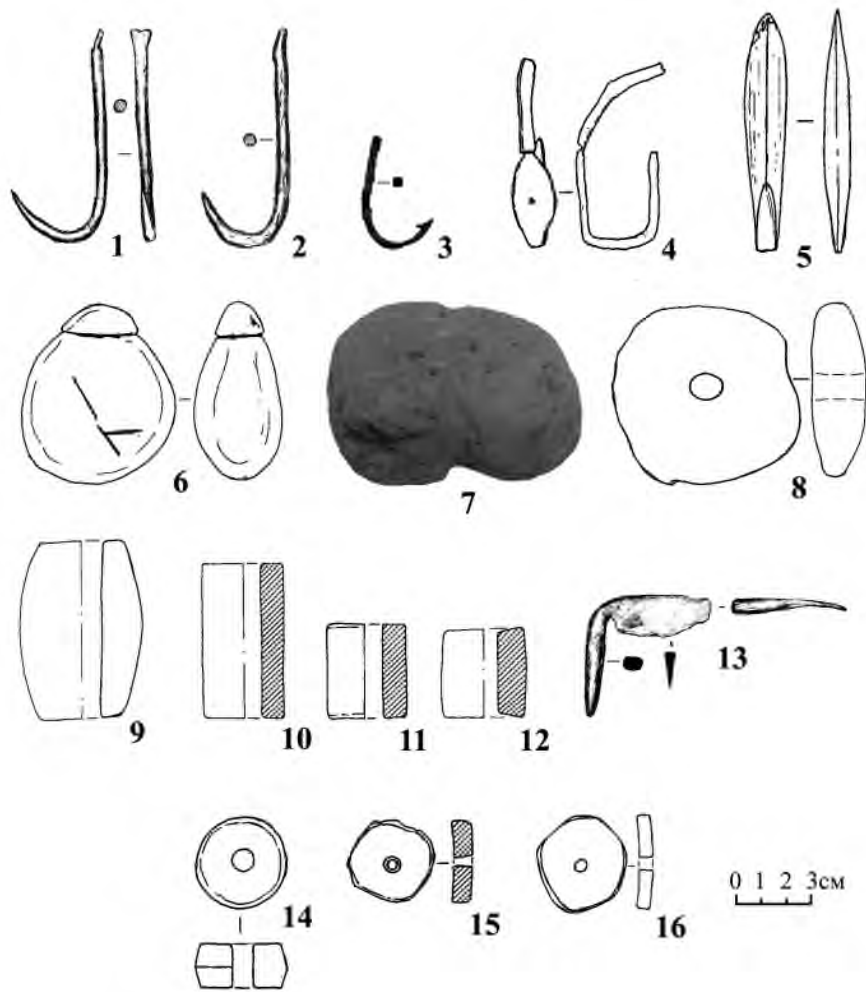

Рис. 3. Поселение Шумейка:
 1-3 - Рыболовные крючки; 4 - Лодочная скрепа; 5 - Наконечник стрелы;
 6-12 - Грузила; 13 - Скобель; 14-16 - Пряслица
 1-4, 13 - железо; 5 - кость; 6, 8, 14 - камень; 7, 9-12, 15, 16 - керамика

Глухов А.А.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ КОМПЛЕКСЫ,
ИССЛЕДОВАННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ С. ЦАРЕВ В 2011 ГОДУ
(к вопросу о границах Царевского городища)

В одной из работ мною уже затрагивался вопрос о юго-восточной границе Царевского городища – второго по величине золотоордынского памятника в Нижнем Поволжье, расположенного в Ленинском районе Волгоградской области близ с. Царев. В статье рассматривались мнения исследователей о размерах и границах городища, топографические планы XIX–XX вв. и данные разведок, проведенных археологическим отрядом «Гюлистан» к 2010 г. [Глухов, 2010. С. 249, 254].

В последние годы получены новые археологические материалы, позволяющие уточнить юго-восточную границу Царевского городища, именно на том участке, где развалины древнего города находятся под современной застройкой с. Царев.

В 2011 г. автором осуществлялся археологический надзор за строительством внутрипоселкового газопровода в с. Царев. Укладка газовых труб производилась в траншее, общая протяженность которых составляла 26 км. Таким образом, «разрезанной» оказалась вся территория современного села, что дало возможность получить достаточно информативные стратиграфические данные по данной территории.

В северной, центральной и восточной частях села культурный слой, а также отдельные объекты золотоордынского времени не зафиксированы. Вообще, о наличии сплошных культурных напластований золотоордынского времени под современной застройкой, говорить не приходится, так как здесь находилась уже окраина древнего города.

Золотоордынские объекты были обнаружены в ЮЗ и СЗ частях с. Царев, то есть, на юго-восточной окраине Царевского городища. Эти объекты были частично нарушены при прокладке газопровода.

В западной части ул. Набережная на раскопе П-11 была исследована печь для получения строительной извести (рис. 3). Координаты объекта: N 48°39'42,1"; E 45°21'44,6".

Сооружение имело округлую в плане форму, было заглублено в материк на глубину 2,2 м и представляло собой колодец, выложенный из квадратных

кирпичей в один ряд на глинистом растворе (рис. 1). Диаметр сооружения по верхнему краю 4,7 м, глубина около 2,6 м от верхнего уровня сохранившейся кладки (-290 от нулевого репера). К внутренней стороне основной кладки в нижней ее части была пристроена ступенька, поддерживающая основную кладку. Она была сложена из битого обожженного кирпича на глинистом растворе и представляла собой своеобразный «кирпично-глинистый монолит». Высота ступеньки от дна печи 1 м, ширина 0,4-0,45 м. При функционировании печи глиняная обмазка и, вероятно, угол ступеньки частично оплавившись и «стекли» в нижнюю часть ямы, образовав козырек (рис. 1). Вся поверхность ступеньки покрыта оплавленной ошлакованной глиной.

Заполнение печи многослойное. Нижний слой состоял из извести, которая слежалась в очень твердую массу. Мощность слоя извести около 1,2 м. На дне печи под слоем извести зафиксирован слой древесного угля толщиной 3-4 см. Он находился на всей площади дна печи. Дно печи материковое, сильно прокаленное.

Печь в своей конструкции имела вытянутый с ЗСЗ на ВЮВ канал «подувало» для подачи воздуха при обжиге в нижнюю (топочную) часть сооружения. К ЗСЗ стенке печи ниже уровня ступеньки была пристроена конструкция из 2-х рядов вертикально стоящих кладок кирпича, между которыми был оставлен зазор шириной 5-10 см. На высоте 8-го кирпича зазор (дымоход) был перекрыт двумя слоями обожженного кирпича. Снаружи дымоход был обмазан глиняной обмазкой, которая так же, как и обмазка ступеньки оплавилась. Высота конструкции 0,65 м, ширина в основании 0,55 м.

Дымоход постепенно понижался в ВЮВ направлении и переходил в узкий канал с поперечными продухами, который продолжался почти до противоположной стенки. Над дымоходом к ЗСЗ стенке печи выше уровня ступеньки были пристроены 2 вертикально стоящих «пилона» из квадратного кирпича (сохранились на высоту 7-8 слоев кирпича), ограничивавшие с двух сторон вход в печь, предназначенный для загрузки топлива. Он представлял собой вертикально вытянутое отверстие с арочным перекрытием (рис. 1). Высота входа 0,55 м, ширина в нижней части 0,45 м. Вход в печь располагался непосредственно над основной конструкцией дымохода, дно входа являлось одновременно перекрытием дымохода. Снаружи вход был засыпан мешаным грунтом с большим количеством строительного мусора, выше были установлены крупные камни.

Наличие мощного слоя извести в нижней части печи, а также то, что печь осталась закрытой снаружи, свидетельствуют о том, что данная печь была брошена невыгруженной.

Археологические материалы с раскопа П-11 не многочисленны. Из верхних пластов происходят фрагменты поздней русской керамики XIX - начала XX вв., белоглиняная свистулька, украшенная коричневыми полосками, и из такой же глины крестик, покрытый зеленой поливой. Материалы из заполнения печи золотоордынского времени: фрагменты красноглиняных неполных сосудов, фрагменты кашинных плиток с голубой поливой, несколько фрагментов глиняных труб, 2 медные монеты.

1. Л.с.: «Барс идущий влево, за спиной Солнце».

О.с.: чекан Гюлистана/764 г.х.

2. Л.с.: не читается.

О.с.: в круглой рамке изображение солнца в клешнях рака (чекан Хорезма, 737 г.х.).

Таким образом, нумизматические материалы, найденные на раскопе П-11, свидетельствуют, что время функционирования печи для производства известки укладывается во временной промежуток с конца 30-х по начало 60-х гг. XIV в.

Обнаруженная печь относится к типу шахтных печей для производства комовой негашеной известки, используемой в строительстве.

Известково-обжигательные печи шахтного типа широко применялись на Руси еще в домонгольский период. Известны печи в Киеве и Суздале, датирующиеся XI–XII вв. [Рапопорт, 1994. С. 39–43]. Как и царевская печь, они сложены из кирпича, но имеют меньшие размеры (2,7–3 м). Аналогичная по конструкции и размерам печь изучена в Старом Орхее золотоордынского периода, но она не обложена кирпичом, а вырыта в материковом грунте [Абызова, Бырня, Нудельман, 1981. С. 37, 38].

Обнаруженная на юго-восточной окраине Царевского городища печь отличается большими размерами и сложной конструкцией. Обращает на себя внимание наличие арочного входа и канала с поперечными продухами, устроенного на дне этого производственного сооружения. Канал предназначался для подачи холодного воздуха в нижнюю часть печи, в зону охлаждения. Если в зоне обжига (средней части печи) температура изменяется от 850 до 1200°C а затем до 900°C, то в зоне охлаждения известка охлаждается от 900 до 50–100°C поступающим снизу воздухом. При этом известка, отдавая тепло, подогревает воздух, который далее поднимается в зону обжига [Минеральные..., 1979. С. 88]. В современных печах шахтного типа движение воздуха обеспечивается работой вентиляторов, в древности их могли заменять меха, с помощью которых нагнетался холодный воздух в нижнюю часть печи.

Арочный вход, вероятно, соединял печь с предтопочной ямой. Она не раскапывалась в связи с ограниченным финансированием. Но, скорее всего, предтопочная яма имела овальную форму и размеры, близкие орхейской печи [Абызова, Бырня, Нудельман, 1981. С. 37].

Царевская печь, судя по размерам, производила большие объемы известки. Известно, что подобные производственные комплексы сооружались недалеко от строящихся крупных зданий. Такими зданиями могли быть крупные постройки, находящиеся поблизости. Их развалины, вероятно, скрываются под значительными по размерам холмами (холмы 1, 2, 3, 4) на ЮЗ окраине современного с. Царев, нанесенными на планы Н.К. Тетеревникова и А.В. Терещенко [Глухов, 2010. Рис. 1]. Вполне вероятно, что известка, полученная на рассматриваемом производственном комплексе, использовалась для строительства так называемого «Каменного кургана», исследованного А.В. Терещенко в 1843–1844 гг. Автор, описывая в своих дневниках раскопанное сооружение, часто упоминает, что стены и пол из дикого камня и кирпича были залиты известью [Терещенко, 1843. С. 289; Терещенко, 1844. С. 295]. Н.И. Савельев локализует «Каменный курган» на месте холма 4 и атрибутирует его как остатки крупной общественной бани [См. статью Н.И. Савельева в настоящем сборнике].

Кроме «Каменного кургана» (холм 4), исследованная на юго-западной окраине с. Царев известково-обжигательная печь могла обслуживать строительство и других объектов, расположенных неподалеку (холмы 1, 2, 3) [Глухов, 2010. С. 250, рис. 1].

На расстоянии 143 м к ВЮВ от печи на ул. Набережная было частично нарушено траншеей и впоследствии доисследовано погребение 1 (рис. 2, 1). Координаты объекта: N 48°39'39,9''; E 45°21'51,1''.

Захоронение было совершено в песчаном грунте на глубине 1,6 м от современной поверхности, могильная яма не фиксировалась. Скелет мужчины европеоида 45-50 лет* лежал вытянуто на спине с небольшим поворотом вправо (лицом на Ю), головой на З (рис. 2, 1). Ноги слегка согнуты в коленях, правая рука вытянута вдоль тела (кисть под правым крылом таза), левая рука не сохранилась (разрушена траншеей). Погребальный инвентарь отсутствует.

Обнаруженное погребение относится к числу мусульманских захоронений золотоордынского времени.

Раскоп III-11 располагался в СЗ части с. Царев в северной части ул. Буденного и имел общую площадь 18 м² (рис. 3). Координаты СЗ угла раскопа: N 48°40'00,9''; E 45°22'00,1''. Культурный слой на этом участке был сильно поврежден траншеями газопровода, а также траншеями водопровода и кабелей интернета.

Под слоем XIX в. на раскопе зафиксированы остатки золотоордынских строений, относящиеся к трем строительным периодам. Поздний строительный период представлен остатками тандыра, сырцовыми канами и участком кирпичного пола (рис. 2, 2). Основания этих сооружений находились на уровне -53 – -58 от ЦР раскопа. Тандыр круглой формы, имел диаметр 0,48 м. Сохранился на высоту до 7 см, изнутри прослежена глиняная обмазка с многорядным волнистым орнаментом. К тандыру был пристроен кан из сырцового кирпича, сохранившийся на высоту 3-4 кирпичей. Кан Г-образной формы, поворачивал под прямым углом к СВ (средняя часть кана в месте поворота разрушена траншеей). Кан двухканальный, каналы сверху были перекрыты обожженными кирпичами квадратной формы. Кан был пристроен к небольшой стенке, сложенной из обожженного кирпича, зафиксированной в СВ углу раскопа.

Сооружения этого периода стояли на земляной подсыпке с содержанием большого количества строительного мусора. Под этой подсыпкой были обнаружены остатки стен 2-го и 1-го строительных периодов.

К 1-му строительному периоду относился участок Г-образной стены (кв. А1, А2), сложенной на глинистом растворе из кусков обожженного кирпича и стоящей в заглубленном в материк котловане. Основание кладки находилось на глубине -150 – -160. Высота сохранившейся кладки – 8-10 слоев кирпича. Позже (2-й строительный период) к ЮЗ концу этой кладки была пристроена Г-образная кладка из целых и битых обожженных кирпичей (кв. Б1, Б2). Она стояла на материке, но ее основание было значительно выше основания кладки 1-го периода (рис. 2, 2). Сохранилось 3-4 слоя кирпичей.

* Антропологические определения выполнены М.А. Балабановой.

В СВ части поздняя кладка стояла на 8-м слое ранней кладки, перекрывая ее. Ширина стен 1-го и 2-го периодов достигала 0,7 м.

В раскопе III-11 обнаружено большое количество фрагментов золотоордынской красноглиняной керамики и костей домашних животных. Кроме того, найдены фрагменты красноглиняных и кашинных поливных сосудов (выделяется профильная часть кашинной чаши с голубой поливой), а также фрагменты штампованного сероглиняного сосуда. Металлические вещи представлены железными гвоздями и бронзовой полусферической пуговицей.

В раскопе III-11 обнаружен следующий нумизматический материал. В верхнем слое найдена монета «2 копейки серебром / 1843 г.». Золотоордынских монет найдено 5 шт., все они медные.

1. Л.с.: «Барс идущий влево, за спиной Солнце».
О.с.: чекан Гюлистана/764 г.х. (пласт 2).
2. Л.с.: «Цветочная розетка».
О.с.: «Чекан Сарая ал-Джедид» (1350-е гг.) (пласт 3).
3. Л.с.: «Двуглавый орел».
О.с.: «Чекан Сарая ал-Джедид (1340-е гг.) (пласт 3).
4. Л.с.: «Двуглавый орел».
О.с.: «Чекан Сарая ал-Джедид (1340-е гг.) (пласт 4).
5. Л.с.: «Джанибек-хан».

О.с.: «В треугольнике монограмма, составленная из цифр 749». Чекан Хорезма/749 г.х. (пласт 7).

Судя по монетам, обнаруженное сооружение функционировало в 40–50 гг. XIV в. Окончание жизни на месте исследованных в раскопе сооружений, скорее всего, относится к первой половине 60 гг. указанного столетия. Это хорошо вписывается в общую историческую ситуацию того времени. Именно в середине 60 гг. XIV в., в период «Великой замятни» гибнет основная часть древнего города, на месте которого сейчас располагается Царевское городище [Глухов, 2011. С. 308, 309].

Обнаруженные в раскопе III-11 достаточно мощные кладки 1-го и 2-го строительных периодов являются остатками цоколей какого-то строения усадебного типа или общественного здания.

Сопоставление космоснимков с привязкой раскопа III-11 и карты Н.К. Тетеревникова, составленной в 1842 г., позволили соотнести обнаруженные остатки здания с конкретным объектом на карте. К северо-западу от существовавшей в XIX в. застройки г. Царев, у изгиба искусственного канала, впадающего в оз. Сахарное, на карте обозначена группа древних зданий (рис. 4). Среди них выделяется крупное, сильно вытянутое по линии ЮВ–СЗ строение, имевшее длину более 30 саженей. Такое же направление имеют стены здания, обнаруженного в раскопе III-11 в с. Царев на ул. Буденного (рис. 2, 2). Таким образом, можно заключить, что именно остатки этого сооружения (возможно, общественного) были найдены в 2011 г.

Исследованная на раскопе II-11 известково-обжигательная печь на карте Н.К. Тетеревникова не обозначена, так как к этому времени, очевидно, она была засыпана и не выделялась над поверхностью. Сопоставление космоснимков и карты 1842 г. позволяет поместить ее между «Каменным курганом»

и каким-то очень вытянутым объектом, изображенным севернее места впадения р. Царевки в оз. Сахарное (рис. 3; 4).

Таким образом, открытие 3-х новых археологических объектов на территории с. Царев, позволяют расширить установленную границу Царевского городища** на ЮВ его окраине и провести ее в настоящий момент через обнаруженные объекты (рис. 3). Эту границу можно считать археологически доказанной. Но существуют еще план Н.К. Тетеревникова, очень точный и педантично выполненный, на котором указаны объекты, находящиеся за установленной границей (рис. 4). К таким объектам можно отнести уже упомянутый «Каменный курган», локализуемый Н.И. Савельевым на месте холма 4. Еще один объект, располагавшийся к югу от «Каменного кургана» на возвышенном участке, на «острове» между р. Царевкой и р. Ахтубой. Следующий объект – холм 5, который сейчас можно локализовать на месте небольшого парка у современной базарной площади с. Царев [Глухов, 2010. Рис. 1]. И еще небольшая группа объектов, изображенная на плане Тетеревникова на северной окраине г. Царев (рис. 40).

Исследования 2011 г. еще раз подтвердили, что территория Царевского городища на юго-восточной его окраине распространяется достаточно далеко вглубь современной застройки с. Царев. Это фактически вся западная часть современного села вплоть до ул. Буденного. Согласно плану Н.К. Тетеревникова эту границу можно отодвинуть еще далее на восток. Отдельные археологические объекты золотоордынского времени могут присутствовать и в центральной части села между улицами Буденного, Бегичева, Пионерская. По плану Тетеревникова здесь располагались достаточно редко стоящие небольшие объекты. К настоящему времени они полностью застроены, и обнаружить их можно только случайно, при производстве земляных работ. Сплошной культурный слой золотоордынского времени на территории с. Царев не фиксируется.

Литература:

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхья. Золотоордынский период. Кишинев, 1981.

Глухов А.А. О юго-восточной границе Царевского городища // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (г. Астрахань, 18–21 октября 2010 г.) / сост. и отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань, 2010.

Глухов А.А. Царевское городище: археологические свидетельства военного погрома во второй половине 60-х гг. XIV в. // Золотоордынское наследие. Казань, 2011. Вып. 2.

Минеральные вяжущие вещества: (технология и свойства). Учебник для вузов / А.В. Волженский, Ю.С. Буров, В.С. Колокольников. М., 1979.

** Границы территории объекта культурного наследия федерального значения «Развалины Сарай-Берке (Новый Сарай)» установлены приказом № 01-20/167 Министерством культуры Волгоградской области от 04.07.2012 г.

Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб., 1994.

Терещенко А.В. Дневник разрытия курганов в окрестностях города Царева в Саратовской губернии, в течение августа и сентября месяцев // ЖМВД. Ч. 4, 1843.

Терещенко А.В. Дневник разрытия Царевских курганов в течение июня, июля, августа и сентября месяцев настоящего года // ЖМВД. Ч. 8, 1844.

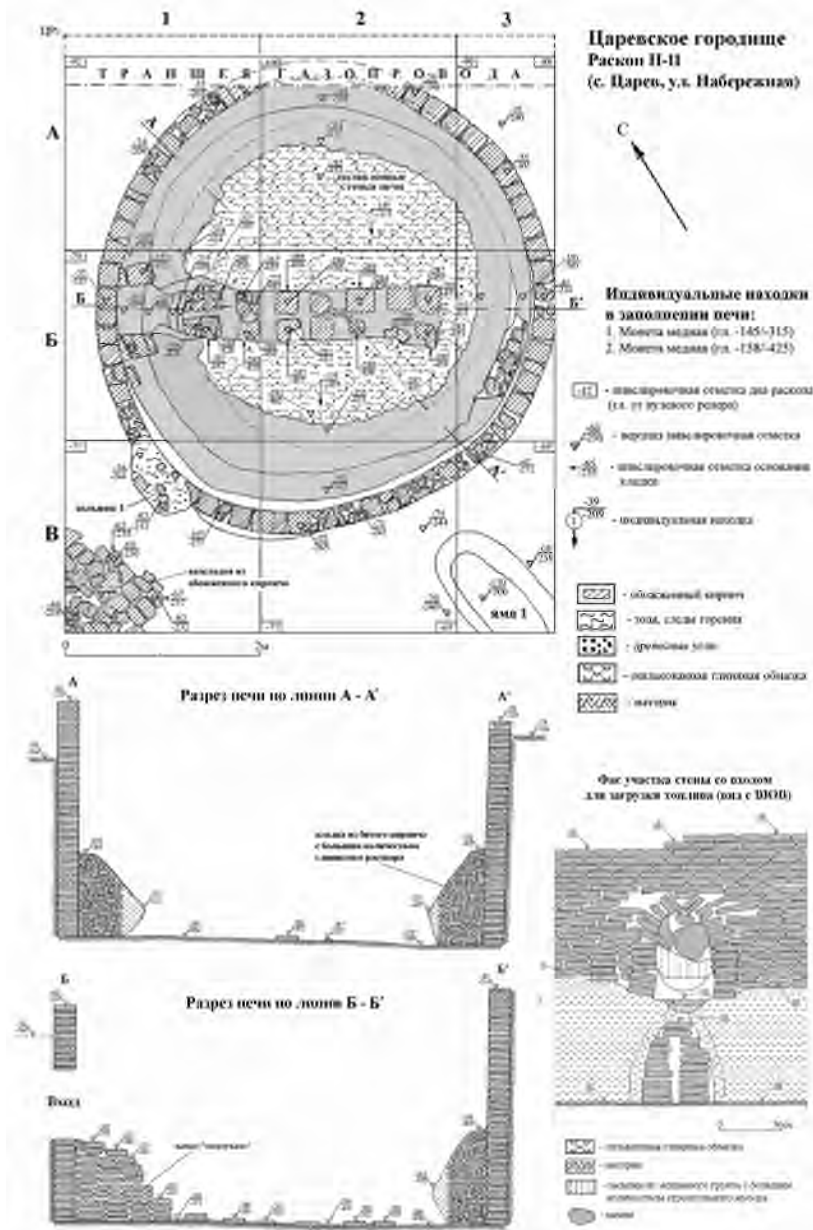

Рис. 1. Царевское городище (с. Царев, ул. Набережная).
 План и разрезы печи для производства строительной извести

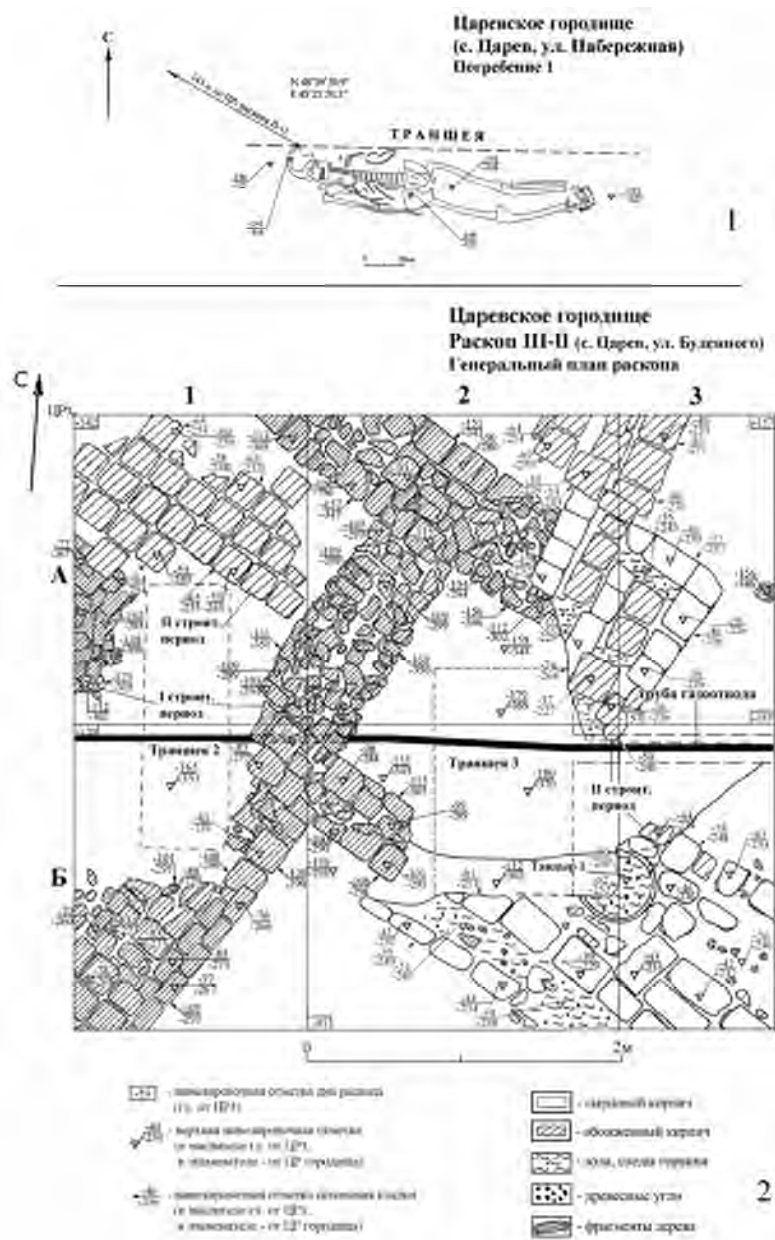

Рис. 2. Царское городище. 1 - план погребения 1 (с. Царев, ул. Набережная); 2 - генеральный план раскопа III-II (с. Царев, ул. Буденного)

Рис. 3. Царевское городище. Месторасположение раскопов 2011 г., основные визуально фиксируемые объекты на территории с. Царев, варианты границы территории

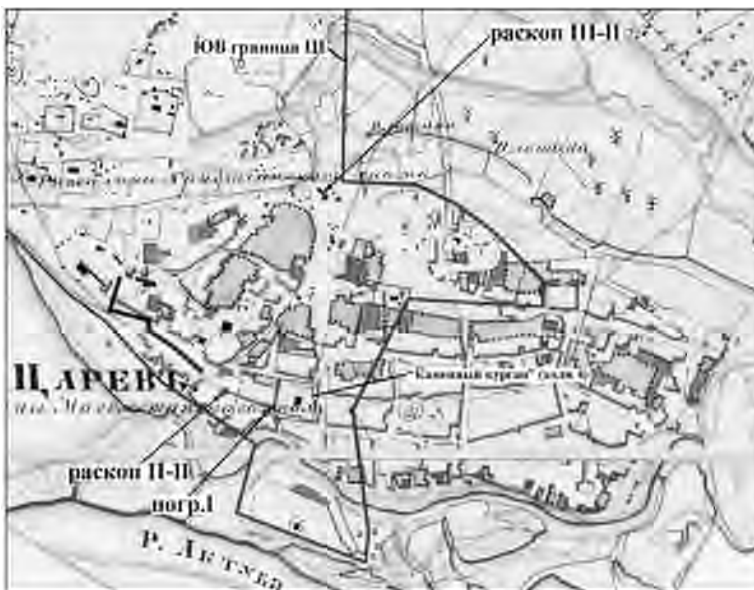

Рис. 4. Фрагмент (большого) плана Н.К. Тетеревникова с нанесенной предполагаемой ЮВ границей Царевского городища и местами расположения раскопов 2011 г.

Доде З.В.

КИТАЙСКИЙ ЦИЛИНЬ В СИСТЕМЕ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРСКОЙ СИМВОЛИКИ

В 1980 г. у поселка Шенгельды Алма-Атинской области в результате земляных работ было разрушено погребение средневекового воина. Археологам удалось собрать только часть погребального инвентаря [Акишев, 1983. С. 31–32]. Среди спасенных вещей находились фрагменты нескольких одежд, сшитых из шелковых тканей с вышитым декором. Отдельные фрагменты тканей из этой коллекции опубликованы в качестве иллюстраций в «Большом атласе истории и культуры Казахстана» [2008. С. 279, 280].

На одном из кусков шелковой ткани сохранились фрагментарные вышитые изображения дракона, копытного животного, зайца, гриба линчжи и цветочных мотивов, объединенные в одном сюжете (рис. 1). Основные персонажи этой вышивки – животные китайского бестиария. Ткань, послужившая основой для вышитой композиции (шелковый дамаск с изображением пионов) была изготовлена в одной из китайских ткацких мастерских. По всей вероятности вышивку также выполнил китайский мастер, наполнивший композицию благожелательными образами и символами долголетия, такими как цилинь и волшебный гриб линчжи.

Китайские образы дракона и феникса были переняты монголами, которые использовали их изображения в качестве имперских символов в костюме кочевой элиты [Доде, 2012. С. 251–278]. В связи с этим обстоятельством изображение цилиня на одежде чагатайского воина вызывает вопрос о месте этого существа китайской мифологии в системе монгольской имперской символики¹.

Цилинь считался главным среди четырех мифологических существ – дракона, феникса (фэн-хуана) и черепахи в китайской космогонии, и являлся благополучительным символом, связанным с процветанием природы и рождением сыновей.

Для изображения цилиня в шенгельдинской вышивке были использованы металлические нити и техника «в прикреп». Рог цилиня и его пышный

¹ Вопрос о месте цилиня в имперской мифологии монголов был также поставлен А.Г. Юрченко [Юрченко, 2013. С. 352–354].

хвост вышиты зеленым шелком. В китайском искусстве цилиня (также как и дракона) представляли состоящим из частей реальных животных. Его изображали с телом оленя, шеей волка, хвостом быка, копытами коня и одним рогом, который в Китае толковался как символ единовластия государя или объединения страны в единое государство [Мифы народов мира, 1988. С. 622]. Цвет шерсти цилиня в разных источниках определяется как разноцветный, белый, зеленый или бурый [Мифы народов мира, 1988. С. 622] Бурая шерсть, цвета киновари, ассоциировалась с идеей бессмертия [Традиционное искусство Востока, 1997. С. 323]. По мнению древних китайцев киноварь (как и божественный гриб линчжи <гриб долголетия>) относилась к высшим лекарствам, просветлявшим тело и продлевавшим жизнь [Шефер, 1981. С. 239].

Цилиня, также как дракона и феникса, изображали на «монгольских» тканях. Но при сравнении шелков, изготовленных в ткацких центрах династии Юань и Хулагуидов, на которых присутствует цилинь, видны существенные отличия в стиле исполнения этого существа.

На юаньском шелке, в настоящий момент находящемся в частной коллекции [Zhao, 2005. P. 148, fig. 8], фигура этого животного показана с тщательным соблюдением необходимых деталей, передающих его собирательный образ (рис. 3а). На шелках, вытканых в конце XIII–XIV вв. в мастерских Ильханата², цилинь напоминает реальное копытное животное (рис. 2), что привело к ошибочной трактовке его изображения как оленя [Byzantinische, 2001. S. 57] или джейрана [Watt, Wardvell, 1997. P. 110, fig. 44].

Художественные паралели текстильным образам цилиня на иранских шелках прослеживаются в эскизах иранского художника XIV в. из альбома Дица [İrşiroğlu, 1964. XL, 54–55; XXXL, 47], на которых это фантастическое существо выглядит как реальное животное (рис. 4а, в). Реалистичный стиль исполнения, очевидно, связан с внешним восприятием образа художником, незнакомым с китайской мифологией.

Стилистические различия образа цилиня на китайских и иранских тканях указывают на необходимость рассмотреть другие предметы декоративно-прикладного искусства с изображениями этого существа, выполненные в мастерских Китая и Ильханата.

Цилиня воспроизводили в архитектурном декоре столичных дворцов династии Юань. Его изображения сохранились на каменных рельефах из Даду (Пекин) [Rawson, 1984. P. 10, fig. 82, P. 140, fig. 126] (рис. 3б). Наиболее часто фигура цилиня украшала изделия из высоко ценившегося белоглазого фарфора – достижения китайского керамического искусства эпохи династии Юань [Shang, 2005. P. 73, fig. 12–13; Rawson, 1984. P. 110] (рис. 3в). Фарфоровые блюда большого размера, такие как экземпляр из коллекции музея Топкапы (Стамбул), предназначались для экспорта в страны западной Азии и Ближнего Востока [Genghis Khan, 2009. P. 228; 30.8]. Вероятно, некоторые из них получали первые лица иностранных государств в качестве дипломатических даров от ханов империи. После падения монгольской дина-

² Кливлендский музей искусств [Fund 50. 507; Wardwell, 1989, fig. 1, 1 A] и Германский национальный музей в Нюрнберге [Watt, Wardvell, 1997, P. 110, fig. 44].

ствии новые китайские правители продолжали преподносить юаньские блюда с изображением цилиня монаршим особам соседних государств. Выбор подарка, надо полагать, зависел от эстетических качеств фарфора и благожелательной символики образа. На великолепном бело-голубом юаньском блюде из коллекции Азиатского Общества в Нью Йорке сохранилось имя его владельца, императора Великих Моголов Шах-Джахана, и дата – 1064 г. X. (1653–54) [Gifts of the Sultan, 2011. P. 48, fig. 40].

По-видимому, в выборе образов для декора дипломатических даров от правителей династии Юань не обходилось без заинтересованной группы китайских советников, занимавшейся упорядочиванием имперской символики. Во время правления Хубилая в 1270 году было запрещено ткать изображения драконов и тигров на шелковых тканях и украшать изображениями драконов и единорогов конские седла, предназначенные для простолюдинов; эти образы и их магические свойства стали рассматриваться как исключительная принадлежность императорского двора, что отмечено в «Юань-ши», в главе об официальной одежде, где описаны золотые драконы на платье императора и золотые фениксы на его головных уборах [Allsen, 2002. P. 107–108]. Вероятно, под единорогами, упомянутыми в тексте, следует понимать изображения цилиня.

Китайцы же приписали Чингисхану и чудесную встречу с фантастическим животным цзюе-дуанем, в котором, по его признакам, можно увидеть цилиня, предостерегшего монгольского хана от грозящей ему опасности. Этот мифологический сюжет встроен в текст биографии Елюй Чу-цая – главного советника Угэдэя по китайским делам, о чем записано в «Юань Ши»: «В [году] цзя-шэнь (22 января 1224 г. – 8 февраля 1225 г.) император, достигнув Восточной Индии, остановился у горного прохода Железные ворота. Какой-то однорогий дикий зверь, по виду похожий на оленя, но с лошадиным хвостом и зеленой масти, произносящий слова как человек, сказал телохранителю: “Пусть твой правитель побыстрее возвращается обратно!”. Когда император спросил о нем у [Елюй] Чу-цая, [он] ответил: “Это благовещий зверь. Имя его *цзюе-дуань*. [Он] умеет говорить на всех языках, любит жизнь и ненавидит убийства. Небо ниспосылает этот знак, чтобы предостеречь Ваше величество. Ваше величество – старший сын неба, а все люди Поднебесной – сыновья Вашего величества. Внемлите воле Неба и сохраните жизнь народам!” Император в тот же день повернул войска обратно» [Мункуев, 1965. С. 187].

Если образы дракона и феникса, воспринятые монголами в китайской художественной версии, изображались на статусных вещах и наполняли пространство шатров и дворцов, а также использовались в декоре тканей, офицерских поясов и наградных чаш на всей территории империи (что подтверждается изобразительными и археологическими источниками)³, то изображение цилиня зафиксировано главным образом на предметах декоративно-прикладного искусства, созданных мастерами династии Юань. В редких изделиях повседневного обихода с изображением цилиня из мастерских

³ В известных археологических материалах изображение цилиня сохранилось на резной костяной пластине, возможно поясной бляшке, обнаруженной при раскопках восточного павильона дворца Угедэя в Карокуруме [Древнемонгольские города, 1965. С. 309, рис. 162].

династии Хулагуидов видно копирование образа, без осознания его смысла. Так, на латунном иранском подсвечнике начала XIV в. из Национального музея Шотландии в Эдинбурге [The Legacy of Genghis Khan, 2002. P. 190–191, fig. 227, 228] (рис. 4а) цилинь изображен на фризе с охотничьими сценами, что противоречит китайским представлениям о цилине как существе благовещем, миролюбивом и ненавидящем убийства.

Отсутствие унификации изображения цилиния в искусстве Хулагуидов в соответствии с традициями Юань, а также ограниченный круг иранских вещей, украшенных образом этого существа, по-видимому, означает, что образ цилиния в искусстве монгольского времени отражал китайскую, а не монгольскую мифологию.

Применим ли этот вывод к вышивке с изображениями драконов и цилиния, фрагменты которой обнаружены в шенгельдинском погребении? Уже невозможно определить, кому предназначалась и как использовалась эта вышивка первоначально. Дело в том, что в одежде погребенного человека вышитое изделие с изображением драконов и цилиния представляло собой «второй край». При изготовлении нового платья ткань с вышивкой соединили с другим шелком с изображением фениксов. Величина и форма сохранившихся фрагментов не позволяют определить их принадлежность к деталям края, а следовательно установить местоположение вышитой ткани в этой одежде. Однако очевидно, что шелк с вышивкой использовался без намерения сохранить целостность композиции, от которой были отрезаны части изображения дракона и цилиния, что отчетливо видно в дуге сохранившемся куске, сшитом из разных тканей. По линии отреза к вышитой ткани был пришит монохромный дамаск с изображением фениксов. По-видимому, для обладателя этого платья, вышитые образы дракона и цилиния не были сопряжены с имперскими маркерами. Равным образом, он был так же далек от понимания значения вышитых китайским мастером символов бессмертия, обретением которого были озабочены ханы империи⁴.

Литература:

- Казакстаннын Коне Алтыны / Составитель К. Акишев. Алмааты, 1983.
 Большой атлас истории и культуры Казахстана / Идея проекта, руководитель и издатель А.Ш. Бимендиев. Главный научный редактор К.З. Ускенбай. Алматы, 2008.
 Доде З.В. Эмблемы с изображениями луны, солнца и драконов в костюме монгольской кочевой элиты XIII–XIV веков // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время. Сб. науч. работ / Гл. ред. А.В. Евглевский; Донецкий нац. ун-т. Донецк, 2012.
 Древнемонгольские города. М., 1965.
 Каролюк Е.А. Красильные растения Алтая и сопредельных территорий // Химия растительного сырья. 2003. № 1.
 Мунукуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цзя. Перевод и исследование. М., 1965.

⁴ О поисках элексира долголетия монгольскими ханами см. Юрченко, 2007. С. 245–304.

- Традиционное искусство Востока. М., 1997.
- Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан / Э. Шефер. М., 1981.
- Юрченко А.Г.* Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография / А.Г. Юрченко. СПб., 2007.
- Юрченко А.Г.* Элита монгольской империи: время праздников, время казней / А.Г. Юрченко. СПб., 2013.
- Allsen, Thomas T.* Commodity and exchange in the Mongol empire. A cultural history of Islamic textiles / Thomas T. Allsen. – Cambridge University Press, 2002.
- Byzantinische und orientalische Seidenstoffe: Grabfunde aus der Sepultur der bamberger Domherren; [dieser Katalog erscheint zu der gleichnamigen Ausstellung, die vom 2. März bis zum 6. Mai im Diözesanmuseum Bamberg gezeigt wird] / Diözesanmuseum Bamberg von Gisela Helmecke. [Hrsg. Von Renate Baumgartel-Fleischmann]. – Bamberg, 2001.
- Genghis Khan and the Mongol Empire / Ed. By William W. Fitzhugh, Morris Rossabi, William Honeychurch. – Dino Don: Mongolian Preservation Foundation; [Washington, D.C.]: Arctic Studies Center, Smithsonian Institution. Seattle, 2009.
- Gifts of the Sultan. The Arts of Giving at the Islamic Courts / Ed. by Linda Komaroff. Los Angeles, 2011.
- İpşiroğlu M.Ş.* Saray-Alben. Diez'sche Klebebände aus den Berliner Sammlungen Beschreibung und stilkritische / Anmerkungen von M.Ş. İpşiroğlu. Wiesbaden, 1964.
- Rawson Jessica.* Chinese Ornament: The Lotus and the Dragon / Jessica Rawson. London, 1984.
- Shang Gang.* Impact of the Mongolian Civilization upon the Blue and White (Qinghua) Ceramics of the Yuan Dynasty / Shang Gang // Silk Road and Mongol-Yuan Art. Hangzhou, 2005.
- The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256–1353. Metropolitan Museum of Art. 2002.
- Wardwell A.E.* Panni Tartarici: eastern Islamic Silks Woven with Gold and Silver (13th and 14th centuries) / Anne E. Wardwell // Islamic Art. III. 1988–1989. N.Y., 1989.
- Watt James C.Y.* When Silk Was Gold. Central Asian and Chinese Textiles / James C.Y. Watt, Ann E. Wardwell. N.Y., 1997.
- Zhao Feng* A Study on Xiongbei Badge During the Mongol and Yuan Period // Silk Road and Mongol-Yuan Art. Hangzhou, 2005.

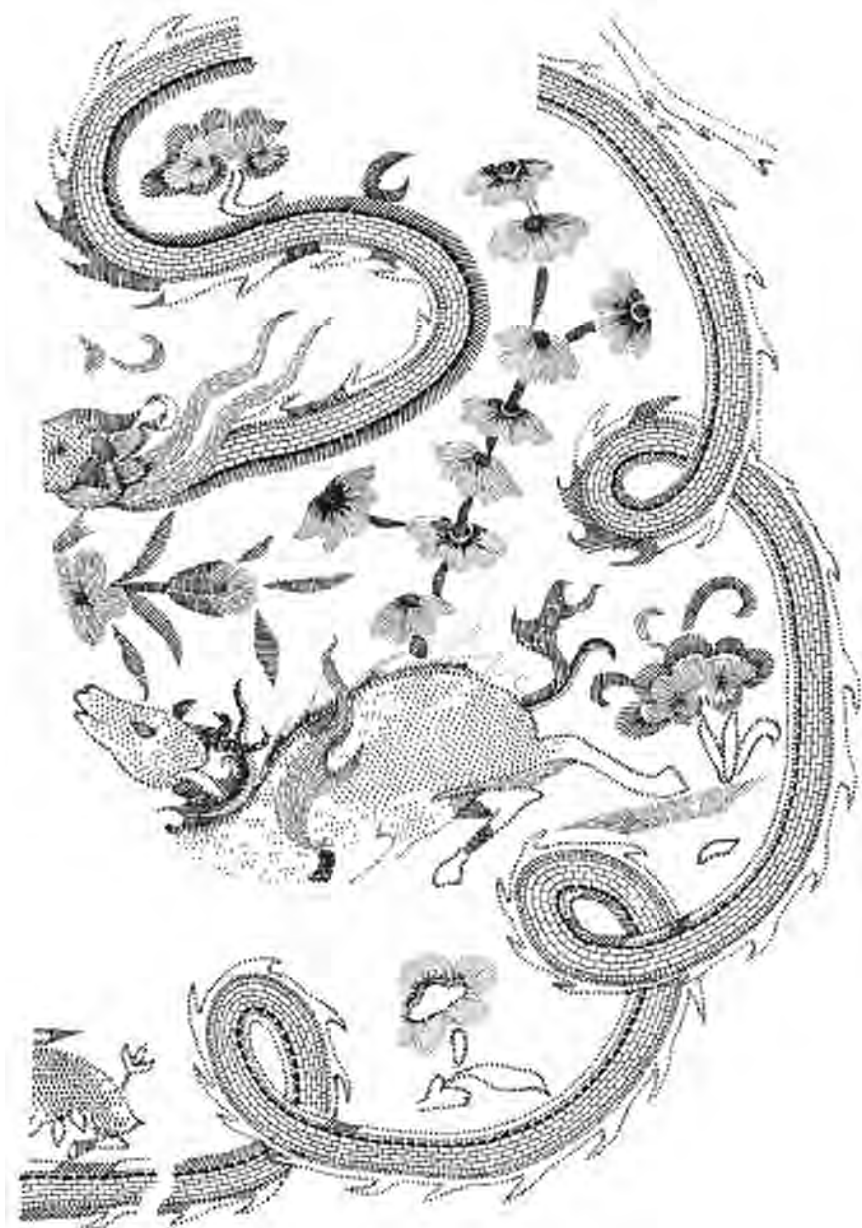

Рис. 1. Прорисовка орнамента вышитой композиции на ткани, обнаруженной в средневековом погребении у поселка Шенгельды (Казахстан)

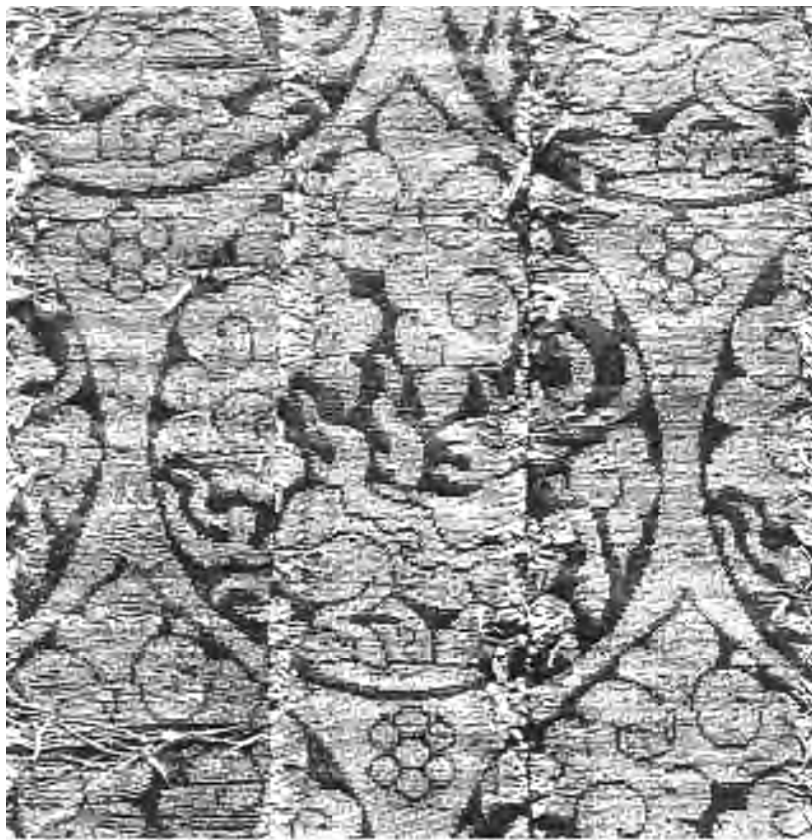

Рис. 2. Шелковая ткань с изображением ципиня
из Германского национального музея в Нюрнберге.
Восточный Иран, конец XIII-XIV вв. (по Watt, Wardvell, 1997, P. 110, fig. 44)

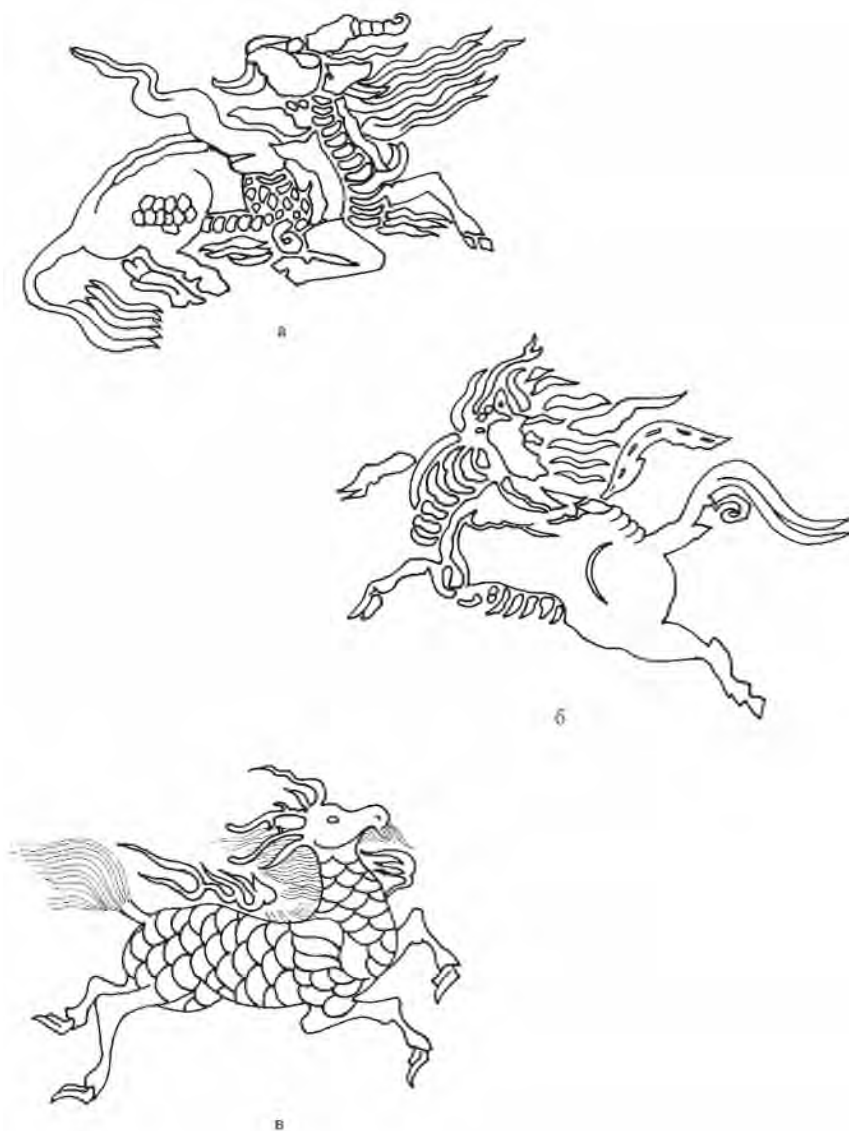

Рис. 3. Прорисовка изображений цилиня на предметах декоративно-прикладного искусства династии Юань: а) на шелковой ткани из частной коллекции (по Zhao, 2005. P. 148, fig. 8); б) на каменном рельефе из Даду (Пекин) (по Rawson, 1984. P. 10, fig. 82, P. 140, fig. 126); в) на блюде из бело-голубого фарфора (по Shang, 2005. P. 73, fig. 12)

а

б

в

Рис. 4. Изображение цилиня в декоративно-прикладном искусстве династии Хулагуидов:
 а) фрагмент эскиза «облачного воротника» из альбома Дица (по İpşiroğlu, 1964. XXXL, 47)
 б) прорисовка изображения цилиня на латунном подсвечнике начала XIV в.
 из Национального музея Шотландии в Эдинбурге
 (по The Legacy of Genghis Khan, 2002. P. 190-191, fig. 227);
 в) эскиз из альбома Дица (по İpşiroğlu, 1964. XL, 55)

Калменов М.Д.

ПЕЧЬ ДЛЯ ОБЖИГА ИЗВЕСТИ НА ГОРОДИЩЕ ЖАЙЫК

Средневековое городище Жайык располагается на территории г. Уральска (Зачаганский территориальный округ) Западно-Казахстанской области в 12 км трассы Уральск – Атырау. Привязка городища по GPS: N 51 06'16,88" E 51 19'17,59".

Местность приурочена к морской аккумулятивной равнине нижнехвалынского возраста, на поверхности коренного берега, образованного крупным пойменным протоком реки Чаган, который формирует притеррасную пойму. Террасы здесь полностью размыты и прослеживаются на склоне долины далеко в стороне как выше, так и ниже по течению Урала. Далее, к руслу Урала, последовательно располагаются центральная, а затем прирусловая поймы [Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2002; Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005; Сдыков 2009; Сдыков 2011].

С юга и юго-востока территорию городища ограничивает склон террасы р. Урал, а с других сторон – естественные овраги. Следов каких-либо искусственных ограждений по периметру не обнаружено. Площадь, на которой прослеживаются явные следы застройки, составляет около 7–8 га. Сейчас это отдельно стоящие бугры высотой от 0,3 до 0,6 м различной планировки и размеров. В 2 км западнее городища, на вершине Свистун-Горы, располагается городской некрополь, где выделяются остатки погребений, превратившихся в округлые в плане бугры высотой до 0,2–0,3 м, поверхность которых задернована и усыпана обломками жженого кирпича, поливными изразцами, некогда украшавшими стены и купола мемориальных построек.

Анализ письменных источников о планировке средневековых поселений позволил сделать предположение о том, что площадь городища Жайык может оказаться значительно большей и не ограничиваться пределами фиксации остатков фундаментов жилых и хозяйственных построек.

В полевом сезоне 2012 года были продолжены археологические изыскания на городище. Для выявления стратиграфии надпойменной зоны были заложены несколько шурфов. В одном из шурфов, в 50 м западнее исследованной печи для обжига кирпича, на глубине 60–65 см были обнаружены контуры круглой в плане кладки из красного кирпича (впоследствии раскоп № 4, где исследована печь для обжига извести).

Как известно, основным связующим материалом, употреблявшимся в средневековом строительстве, была известь, которая использовалась и здесь, при возведении почти всех построек городища Жайык. Строительную известь получали путем обжига природного известняка в специальных печах [Раппопорт, С. 39].

Печь имела форму цилиндрической шахты с внутренним диаметром 2,2–2,3 м (рис. 1). В ходе раскопок внутри шахты каждый слой (10–15 см) тщательно фиксировался. В период запустения объекта он был постепенно заполнен бытовым мусором. Почти на каждой слое фиксировались фрагменты керамики, обломки костей мелкого и крупного рогатого скота, а также куски мела и известняка. Стены печи сложены из кирпичей на глине. Размер кирпичей 30 x 30 x 6 см. Толщина стеновой кладки около 32 см, то есть, – в один кирпич. Стены сохранились на высоту в 13 рядов кирпичей. Изнутри поверхности стен ошлакованы под действием высоких температур.

С южной стороны, в нижней части печи размещался устьевый проем стрельчатой формы, шириной 90 см, немного расширившийся наружу. Ниже находится проем-продух размером 20 x 15 см (рис. 2). Дно печи глиняное, прокаленное на глубину 5 см. На высоте 70–80 см от дна внутренние стенки имеют уступ, стенки которого были белыми от прикипевшей извести. Здесь же отмечено скопление древесной золы, осколки белого камня – известняка, куски обожженной глины, различные культурные остатки. На глубине 20–25 см от уступа обнаружен толстый слой золы с мелкими фрагментами мела. В заполнении печи найдены также фрагменты ее стенок – битые плинфы на глине, обломки костей животных и красноглиняной керамики. Ниже лежал слой извести и куски известняка. Скопления извести отмечены и вне печи, перед ее проемом. С южной стороны, около печи, был расчищен котлован глубиной 1,30 м, внутренняя часть которого была заполнена крупными кусками извести (рис. 3). По-видимому, котлован был предназначен для хранения производственного сырья.

Аналогичные, предназначенные для обжига извести печи, относящиеся к концу XIII – началу XIV в., известны по раскопкам в средневековых русских и западноевропейских городах, а также в Уэльсе [Раппопорт, 1994. С. 44]. Это сооружения круглых планировок, сложенные из камней насухо. Их внутренний диаметр около 2 м, книзу они несколько сужаются. В отдельно стоящих печах толщина стенок почти 2 м, а в печах, врытых в холм, всего 30 см. В нижней части печей имеются по два отверстия, расположенные одно против другого. Известь здесь выжигали из местного известняка или мела, а горючим служил древесный уголь. К сожалению, принцип функционирования таких печей остается не вполне ясным.

Печи такого типа могли иметь два варианта. В первом случае печь действовала периодически (так называемая непроходная печь), во втором – была непрерывно действующей (проходной) [Чеботаренко, Бырня, 1956. С. 47–49]. В непроходной печи над топочной камерой делали свод из крупных известняковых камней. Этот свод служил как бы решеткой, на которую загружали более мелкие куски известняка. Обжиг в такой печи продолжался около 3–5 дней (вместе с загрузкой и охлаждением после обжига), затем печь выгружали. В «проходной» печи над топочной камерой размещалась решетка, поверх

которой укладывали чередующиеся слои угля и известняка. При обжиге известь сквозь решетку попадала вниз и выгребалась через устье, а сверху загружался новый слой. Для прохождения известняка от загрузки сверху до выгребания извести требовалось около недели. При такой системе работы в извести оказывалось большее количество углей, чем при обжиге в непроходной печи. По какой системе работала обнаруженная нами печь, судить трудно. Уступ на внутренних стенках, мог служить для укладки решетки (если печь работала как проходная), но он также мог предназначаться и для опоры пят каменного свода в непроходной конструкции.

Литература:

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Исследование средневекового города в окрестностях г. Уральска // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2002. Вып. 1.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы, 2005.

Сдыков М.Н. Жайык қалашығы / Городище Жайык. Уральск, 2009.

Сдыков М.Н. Средневековые города Западного Казахстана // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды». Казань, 2011.

Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб., 1994.

Чеботаренко Г.Ф., Бырня П.П. Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 г. // Изв. Молд. фил. АН СССР. № 4 (70).

Рис. 1. Печь для сжигания извести после зачистки. Городище Жайык

Рис. 2. Входной проем и продух печи для сжигания извести. Городище Жайык

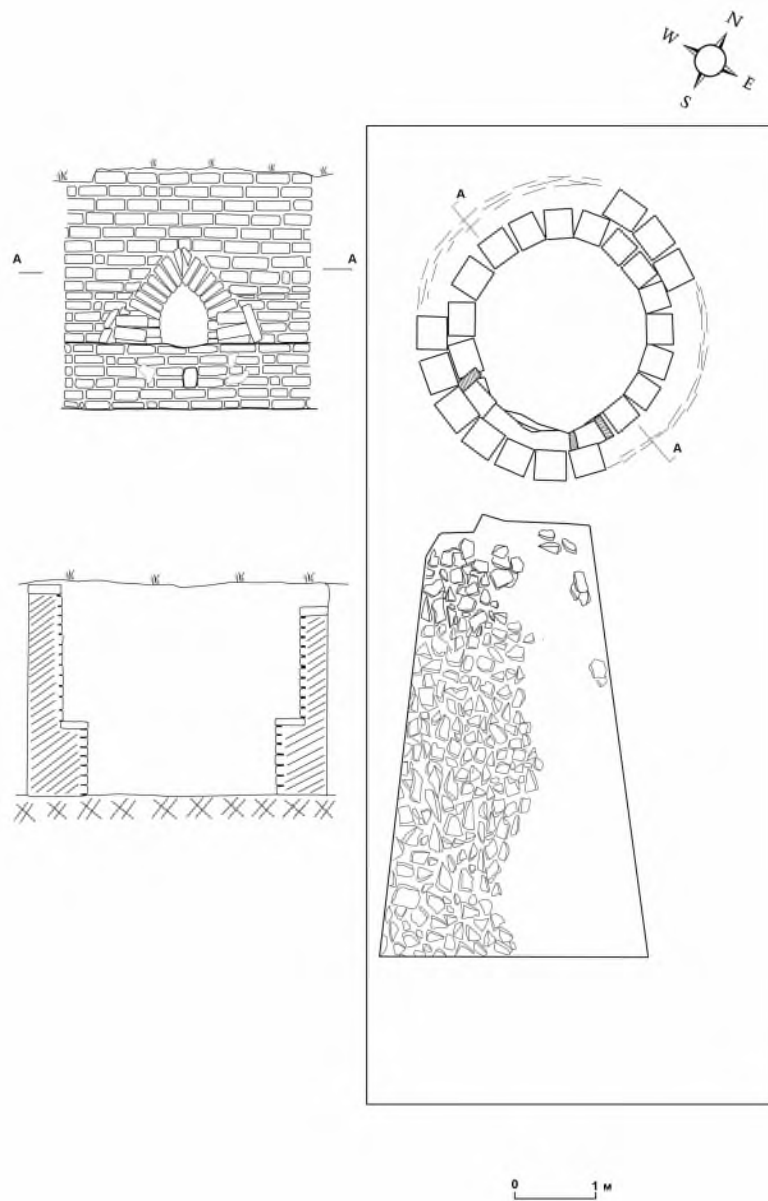

Рис. 3. План и разрез печи для сжигания извести. Городище Жайык

Кияшко Я.А.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ПОСЕЛЕНИЯ СУВОРОВСКОЕ I

В июле 2012 года возобновились археологические исследования на раннесредневековом поселении вблизи станицы Суворовской в Сузовикинском районе Волгоградской области. Данное поселение было открыто разведывательным отрядом Волго-Донской археологической экспедиции во главе с И.И. Ляпушкиным в 1951 году, занимавшимся исследованиями археологических памятников в зоне заполнения Цимлянского водохранилища [Ляпушкин, 1958. С. 323–336].

Памятник примыкает к юго-восточной окраине современной станицы Суворовской. На данный момент большая часть надпойменной террасы, на которой располагалась основная часть поселения, оказалась обрушенной из-за действий вод Цимлянского водохранилища во время весенних паводков. Территория поселения изрезана многочисленными оврагами, в обнажениях которых хорошо видны выходы культурного слоя.

Поселение тянется по краю береговой линии, с запада на восток не более чем на 200 м, его ширина по линии север-юг составляет 140 м.

В юго-западной части памятника, где в обресе берега наиболее четко читались выходы до красна обожженной глиняной обмазки, заложен раскоп площадью 64 м². Здесь внешняя поверхность участка довольно круто понижается с севера на юг, поскольку это склон надпойменной террасы; на расстоянии 8 м падение склона составляет почти 1,20 м. Исследование данного участка поселения привело к обнаружению двух гончарно-обжигательных печей.

Печь № 1 была вырыта в материковом суглинке и состояла из двух частей: топки, устье которой выходило в береговой обрест, и обжигательной камеры, расположенной над топкой. Юго-восточная часть печи оказалась разрушена обрушениями берега по причине весенних паводков.

Объект ориентирован по линии ЮЗ-СВ. Топка в плане овальная, несколько вытянутая по направлению к устью. Размер пода топки по линии СЮ – 1,75 м, по линии ЗВ – 1,4 м. Стенки топки почти отвесные, высота их от 0,4 м при устье до 0,7 м в средней части топки. Свод плоский с небольшим уклоном от задней стенки к устью. Устье представляет собой небольшое четырехугольное в плане отверстие размером 0,4 x 0,4 м. Над подом топки оно расположено примерно на высоте 0,3 м. Стенки и свод топки были обмазаны глиной. Обмаз-

ка хорошо обожжена, серо-оранжевого либо серо-зеленоватого цвета. Грунт вокруг топки прокален до ярко-красного цвета. Под топку покрыт 0,05 м прослойкой пепла, золы и имеет светло-серый местами черный цвет.

Обжигательная камера, размещена над сводом топки. В плане она округлая, диаметром 1,10 м. Высота стенок примерно 0,95 м. Дно камеры находится на своде топки и представляет с ней одно целое. Стены и дно обжигательной камеры хорошо обмазаны. Толщина обмазки доходит до 2 см. Обмазка темно-серого цвета. Под обмазкой фиксировался ярко-оранжевый прокаленный грунт. Общая мощность перекрытия между топкой и обжигательной камерой достигает 0,4 м.

Обжигательная камера соединена с топкой посредством каналов, которые имеют цилиндрическую форму, диаметром 0,10 м. Так как дно обжигательной камеры было повреждено, удалось зафиксировать только два таких канала. Стенки каналов обмазаны глиной. В заполнении обжигательной камеры, было найдено большое количество обмазки (обвалившийся свод), а также встречены фрагменты костей и керамики. В заполнении топки также встречены фрагменты керамики и кости животного.

Печь № 2 была обнаружена в южной части раскопа западнее печи № 1. Данный объект был также вырыт в материковом суглинке и состоял из топки и обжигательной камеры. Обжигательная камера не сохранилась. По всей видимости, она просела в топку печи. Удалось проследить только общие очертания стенок и пода. Объект ориентирован по линии ЮЗ–СВ. Топка в плане овальная, несколько вытянутая по направлению к устью. Грунт вокруг топки прокален до ярко-красного цвета. Размер пода топки по линии СЮ невозможно проследить, по линии ЗВ – 1,4 м. Устье топки не сохранилось, но, по всей видимости, оно выходило к берегу. Следует отметить, что обе печи находились на одном уровне и, вероятно, имели общую рабочую площадку.

Помимо гончарно-обжигательных печей, на раскопе были прослежены скопления большого количества керамического материала (ситуация № 1). Керамика сильно фрагментирована, а наличие большого количества профилей разных типов сосудов, не всегда имеющих правильную форму (в некоторых случаях прослежены явные следы брака), позволяет говорить о производственном процессе, в результате которого не всегда получался кондиционный продукт. Дисперсия керамических остатков расширяется по мере разборки верхних слоев, что можно трактовать как сброс бракованной продукции.

Материалы, собранные при внешнем осмотре поселения и непосредственно на раскопе, позволяют отнести поселение Суворовское I к салтовомаяцкой культуре (далее СМК) и датировать памятник VIII–X вв.

Керамический материал разнообразен. Здесь выделяется кружально-столовая керамика, представленная одноручными лощеными кувшинами со сливом и без, или двуручными лощеными сосудами (рис. 1). Орнаментация варьируется от параллельных горизонтальных, либо вертикальных, линий до более сложных элементов (волна, сетка). Отдельную группу составляет кружально-кухонная посуда, которая представлена большим количеством горшкособразных сосудов различных размеров (рис. 2). Их поверхность сплошь покрыта прочерченным линейным орнаментом по всему тулову, либо ком-

бинированным линейным-волнистым декором. Края венчиков зачастую покрыты оттисками зубчатого штампа, или пальцевыми защипами, создающими ложноперевитый бордюр.

Весьма значимым на данном памятнике является обнаружение большого количества фрагментов так называемых котлов с внутренними ушками (рис. 3). Форма ушек В-образная. Края венчиков украшены оттисками зубчатого штампа. Орнамент на тулове представлен в виде прочерченных горизонтальных линий в комбинации с прочерченной волной, либо без нее. Интересно, что среди находок отсутствуют фрагменты амфор, которые характерны для СМК, а также практически нет лепной керамики.

Анализируя данные наблюдения, можно предположить, что такое количество гончарно-обжигательных печей, а также мест для сброса бракованной керамической продукции, указывает на производственный характер нашего памятника. Не исключено, что поселение Суворовское I было неким гончарно-ремесленным центром. Но эти выводы имеют исключительно предварительный характер, поскольку обследован только небольшой разрушающийся участок памятника. Получить полное представление о Суворовском поселении позволят дальнейшие планомерные раскопки, но если они подтвердят предположения о гончарно-производственном характере памятника, то это внесет существенные корректировки в известную типологию поселений салтово-маяцкой культуры на Нижнем Дону.

Литература:

Ляпушкин И.И. Средневековое поселение близ ст. Суворовской // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. МИА. № 62. М., 1958.

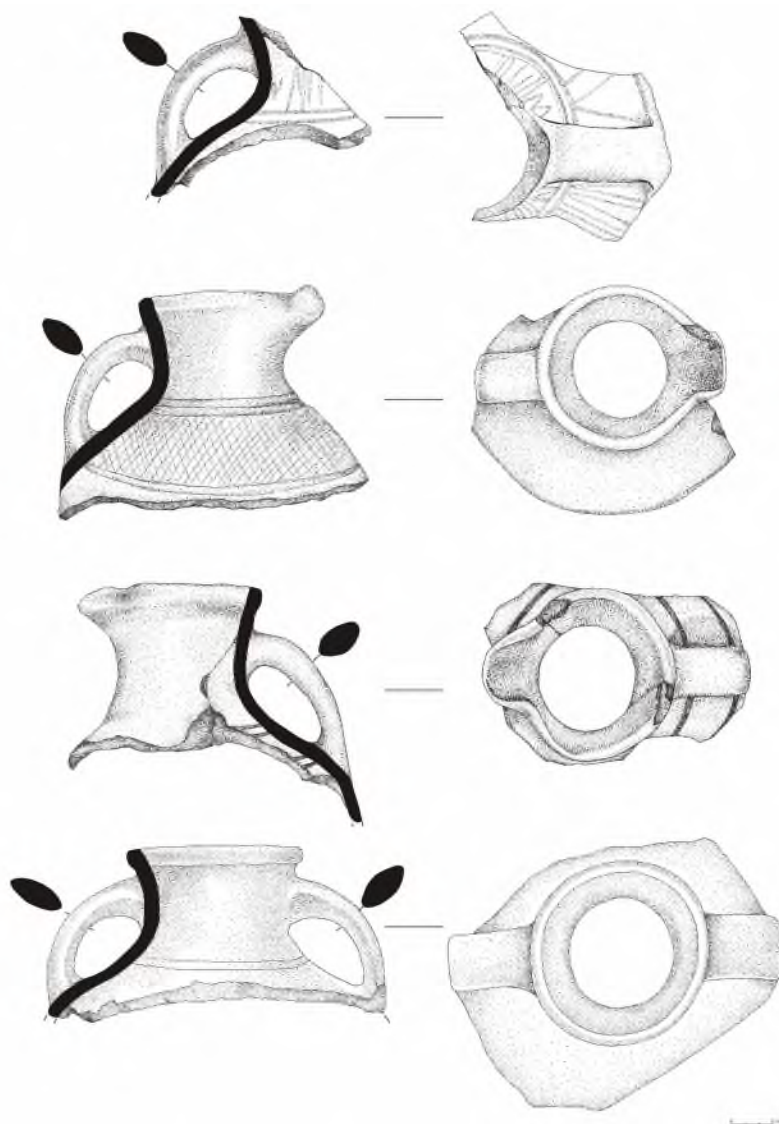

Рис. 1. Поселение Суворовское I. Фрагменты столовой кружальной керамики

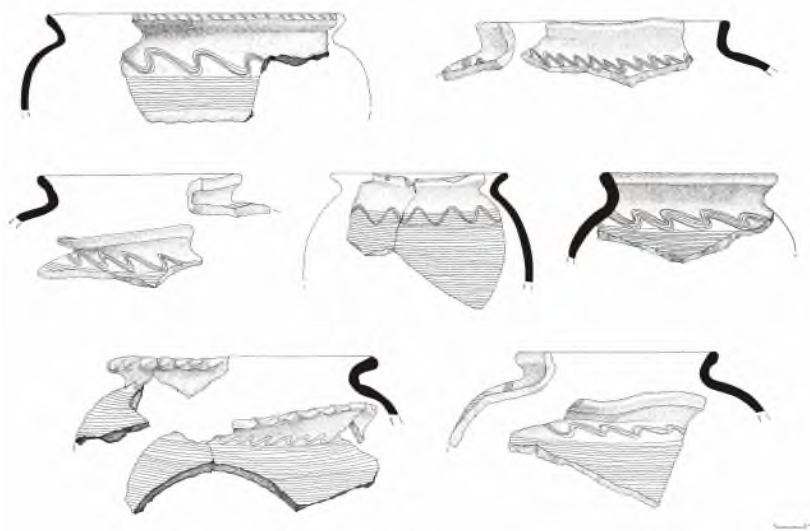

Рис. 2. Поселение Суворовское I. Фрагменты кухонной кружальной керамики

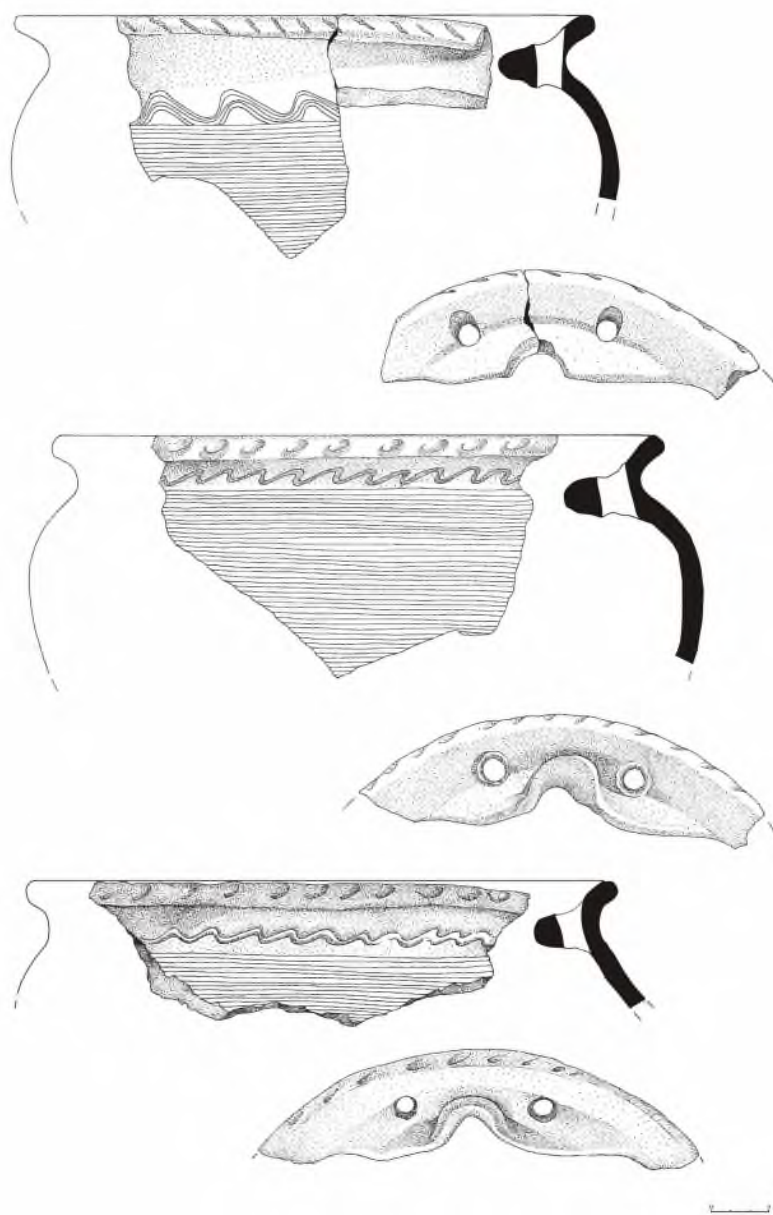

Рис. 3. Поселение Суворовское I. Фрагменты котлов с внутренними ушками

Кубанкин Д.А.

МОРДОВСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ
НА ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ПАМЯТНИКАХ
ПРАВОБЕРЕЖЬЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Правобережье Саратовской области – регион, в котором встречаются степь и лесостепь. Поэтому, в отличие от других нижневолжских центров Золотой Орды, Укек и окрестные земли испытывали существенное влияние взаимодействия этих контактных природных зон. Присутствие мордовского населения на золотоордынских памятниках Саратовской области – отличительная черта этих мест.

В данной работе автор ставит своей целью в общих чертах обозначить присутствие рассматриваемой финно-угорской группы в местной среде средневекового населения. Критерием для вычленения мордовского компонента являются, прежде всего, грубая лепная керамика, находки лопастных сьюльгам и скорченные на боку женские погребения. Набор признаков далеко не полный, но в условиях современной степени изученности золотоордынских памятников именно эти критерии наиболее часто фиксируются исследователями. Даже первичное изучение имеющихся сведений указывает здесь на значительную долю мордовского компонента, по сравнению с другими нижневолжскими регионами.

1) Находки мордовских вещей на *Увекском городище* (рис. 1, 1) относительно редки, по сравнению с русскими. Следует выделить крупный фрагмент лепного горшка «мордовского облика» [Недашковский, 2000. С. 98, 102, рис. 27, 7], венчик и придонную часть лепных мордовских сосудов из фондов Энгельсского краеведческого музея (рис. 2, 1-2). В материалах наших раскопок 2010–2012 гг. встречаются единичные находки фрагментов лепных сосудов, которые составляют менее 1% от общего числа керамики.

Известны три находки бронзовых лопастных сьюльгам, из которых две обнаружены в конце XIX – начале XX вв. Это фрагмент дужки [Недашковский, 2000. С. 46, 47, рис. 8, 1] и целая узколопастная застежка (рис. 2, 3) с крестообразными насечками [СОМК. Инв. №: СМК 75401]. Еще одна подобная сьюльгама была найдена в шурфе Р.А. Сингатулина в 2005 г. [Сингатулин, 2005. С. 154, рис. 13]. Изделия этого типа А.Е. Алихова датировала XIV в.

и считала их племенным украшением мокши [Алихова, 1958. С. 70, 76–77, рис. 1, 57).

Исламские захоронения городского плебса на северо-западном некрополе Увекского городища в антропологическом отношении, возможно, близки к финно-угорским сериям [Евтеев, Кубанкин, Куфтерин, Рассказова, 2013. С. 96]. Видимо, часть мордвы влилась в состав городского плебса и приняла ислам.

2) Поселение у пос. Болдыревка (бывший свх. «Тепличный») в г. Саратове (рис. 1, 2). Среди керамики из подъемного материала, собранного С.И. Четвериковым*, зафиксированы фрагменты не менее чем от двух лепных мордовских горшков и более 30 фрагментов древнерусской посуды, с преобладанием красноглиняной гончарной керамики.

3) Поселение у с. Багаевка Саратовского р-на (рис. 1, 3). В материалах раскопок Л.Ф. Недашковского, помимо красноглиняной гончарной керамики, практически ежегодно встречается средневековая русская и мордовская лепная посуда. В 2007 г. здесь обнаружено 605 фрагментов русской керамики и 19 мордовской лепной [Недашковский, 2008. Л. 10].

4) Поселение у с. Хмелевка Саратовского р-на (рис. 1, 4). Л.Ф. Недашковским здесь обнаружен венчик со стенкой лепного мордовского сосуда и фрагменты древнерусской керамики [Недашковский, 1999. С. 105, 106, рис. 3, 26, 28–29].

5) Поселение у с. Колотов Буерак Саратовского р-на (рис. 1, 5). Шурфовкой Л.Ф. Недашковского в 2002 г. здесь обнаружено 279 фрагментов неполивной гончарной керамики, 22 фрагмента древнерусских сосудов, 1 фрагмент лепного мордовского горшка [Недашковский, 2012. С. 103].

6) Поселение у с. Широкий Буерак Саратовского р-на (рис. 1, 6). Раскопками Л.Ф. Недашковского в 2002 г. здесь найдено 452 фрагмента неполивной золотоордынской гончарной керамики, 68 фрагментов древнерусской и 31 фрагмент мордовской лепной керамики [Недашковский, 2012. С. 105].

7) Поселение «Турчий взвоз» у с. Кошели Воскресенского р-на (рис. 1, 7). В результате сборов и шурфовки К.Ю. Моржерина в 1999 г. обнаружены фрагменты средневековой русской и лепной мордовской керамики, серебряная лопастная скульгама [Моржерин, 2001. С. 112, 116, 117, рис. 3, 12; 4, 1–22].

8) Могильник на окраине Вольска у завода «Красный Октябрь» (рис. 1, 8). С.Ю. Монаховым в 1981 г. обнаружены разрушающиеся безынвентарные погребения в деревянных гробовинах, вытянутые головой к западу. Здесь же найдены фрагменты лепных средневековых сосудов, возможно мордовских [Монахов, 1981. Л. 32].

9) Могильник у с. Покровка Вольского р-на (рис. 1, 9). Обнаружен в 1981 г. М.Г. Кимом, тогда же раскопано 3 погребения, атрибутированные им как мордовские и датированные XIII–XIV вв. [Ким, 1982. Л. 1–3].

10) Грунтовый могильник у с. Новая Яблонка Хвалынского р-на (рис. 1, 10) датирован по находкам XIV–XVII вв. [Непочатых, 1989. Л. 91].

* Выражаю признательность С.И. Четверикову за предоставленную возможность ознакомиться с коллекцией керамики с Болдыревского поселения, хранящейся в НИИАЛ СГУ.

11) Могильник у с. Старая Яблонка Вольского р-на (рис. 1, 11). Здесь встречались находки красноглиняной золотоордынской керамики и скелетов в скорченном положении [Непочатых, 1989. Л. 101–103]. Возможно, что это мордовский могильник.

12) 9-е Хвалынское селище, г. Хвалы́нск (рис. 1, 12). В 1929 г. В.Ф. Ореховым в Хвалынске, в устье ручья Камышинка близ Волги обследована размытая землянка с глинобитными полами и истлевшим срубом. В заполнении найдена мордовская средневековая керамика. [Непочатых, 1989. Л. 52].

13) 2-е Черемшанское (Южноовражное) селище, г. Хвалы́нск (рис. 1, 13). В начале XX в. обнаружено скопление западин от жилищ, в некоторых из них выявлена мордовская керамика. В 1977 г. уничтожено водохранилищем. [Непочатых, 1989. Л. 50–52].

14) Черемшанский могильник, г. Хвалы́нск (рис. 1, 14). В результате раскопок В.Ф. Орехова в 1925 г. обнаружены захоронения с лопастными сюльгамами, которые экспонируются в Хвалынском краеведческом музее.

15) Возможно, к мордовским погребениям относятся 2 безымятных захоронения, исследованные в 1913 и 1927 гг. В.Ф. Ореховым и М.А. Радищевым на северной окраине с. Ивановка Хвалынского р-на (рис. 1, 15). Один костяк лежал в вытянутом положении, головой на З, второй в скорченном, на левом боку, головой на СВВ [Непочатых, 1989. Л. 68, 69].

16) Грунтовый могильник у с. Малая Федоровка Хвалынского р-на (рис. 1, 16). Обнаружен в 1993 г. Н.М. Маловым. В одном из погребений костяк лежал на боку, головой на Ю, лицом на В. Встречены фрагменты железных изделий и гончарной керамики [Малов, 1993. Л. 50]. Возможно, что это мордовский могильник.

17) Аткарский грунтовый могильник (рис. 1, 17). Южная окраина г. Аткарска. За период с 1927 по 1997 гг. было раскопано не менее 100 погребений средневековой мордвы. Раскопки проводились в разные годы под руководством Н.К. Арзютова, С.Ю. Монахова, Ю.А. Африканова, С.В. Ляхова [Арзютов, 1929; Монахов, 1991; Ляхов, 1997, 1999].

18) Грунтовый могильник у с. Комаровка Екатерининского р-на (рис. 1, 18). За период с 1991 по 2009 гг. было раскопано не менее 50 погребений средневековой мордвы, исследования проводились С.А. Бузлановым, Д.Г. Бариновым, К.Ю. Моржериным, А.И. Юдиным [Моржерин, 1997; он же, 2000; он же, 2013**].

19) По сообщению П.Д. Степанова у с. Большой Мелик Балашовского района (рис. 1, 19) располагается мордовский могильник [Хреков, 1993. Л. 6].

Нанесенные на карту памятники средневековой мордвы, казалось бы, демонстрируют некоторые закономерности их расположения вдоль Волги и ее притоков (рис. 1). На наш взгляд эта картина более отражает степень археологической изученности отдельных регионов области, чем историческую закономерность. Наиболее исследованы окрестности Саратова и Хвалынска, где концентрируется основное количество памятников, обозначенных на

** Выражаю признательность К.Ю. Моржерину за возможность использовать в статье материалы, находящиеся в печати.

карте. С учетом этой специфики можно проследить закономерность в расположении поселений и могильников широким поясом, вытянутым по линии ВЗ, проходящим по северной половине Правобережья и клином вдающемся вдоль Волги на юг, несколько ниже уровня Укека. Подобная картина соответствует распределению плодородных почв. От северной границы области до Саратова, включая территорию современного города, преобладают лесные почвы. «От Саратова до Камышина приволжская полоса изрезана крупными и короткими буераками... Южные черноземы и здесь чередуются с деградированными черноземами и лесными почвами». Ниже Камышина начинается сухая степь [Справочник по водным ресурсам... С. 42]. Видимо, в районе Терновского селища, на территории современного Камышинского района Волгоградской области, следует пока провести южную черту региона массового расселения мордовского этноса в XIII–XIV вв. На Терновском селище, датированном монетами последней трети XIII в. – 1360-ми гг., встречаются частые находки мордовской керамики [Блохин, Яворская, 2006. С. 129; Ильина, 2006. С. 226–331]. Здесь же Б.В. Зайковским в 1909 г. были найдены целые экземпляры и фрагменты медных лопатных скульгам не менее чем от 16 изделий [СОМК. Инв. №: НВСП 28304–28305].

Среди установленных нами поселений, где обнаружена мордовская керамика, она, как правило, встречается вместе с русской, за исключением могильников. Это свидетельствует о преимущественно совместном проживании русского и мордовского населения.

О занятии мордвы земледелием на территории Золотой Орды косвенно свидетельствуют некоторые находки из захоронений. В погребении 148 Мурманского могильника был обнаружен плужный резак [Алихова, 1954. С. 265, 267, рис. 9]. Серпы в мордовских погребениях играли сакральную роль, однако их включение в погребальный инвентарь указывает на использование этих орудий труда в быту. В Аткарском могильнике серп встречен в парном захоронении, около скелета женщины [Ляхов, 1999. С. 94–96], но он отмечен также в индивидуальном погребении мужчины [Арзютов, 1929. С. 24]. В Комаровском могильнике серп найден в женском погребении № 32 [Моржерин, 2013]. Находки из погребений подтверждаются результатами флотации, проведенной на поселениях Широкий Буерак, Багаевское и Хмелевское I, где проживало, в том числе мордовское население. В пробах грунта были обнаружены следы обмолотки злаков, т. е. зафиксировано занятие земледелием на этих объектах [Недашковский, 2010. С. 156].

Проживавшее в Правобережье смешанное население, в том числе мордва, снабжало зерном Укек и другие нижеволжские города Золотой Орды, а также насыщало этим продуктом местные рынки. На Увекском городище скопления горелого зерна постоянно встречаются на протяжении всего времени изучения этого памятника. В частности, в наших раскопках подвального помещения храма в 2010–2011 гг. обнаружены просо, пшеница, рожь, овес^{***}, которые хранились в деревянных коробах, ларях и ведрах, в трапециевидных амфорах и глиняных корчагах типа хумча [Кубанкин, 2012. С. 141].

^{***} Определение снс лаборатории естественно-научных методов ИА РАН, канд. ист. наук Е.Ю. Лебедевой.

Лесные промыслы, судя по данным письменных источников и материалам раскопок Аткарского и Комаровского некрополей, играли большую роль в жизни мордвы, особенно на территории к северу от Укека, где площадь лесных массивов увеличивалась. М.Г. Сафаргалиев отмечает, что от мордвы в татарский язык перешли термины, связанные с лесным промыслом [Сафаргалиев, 1965. С. 226].

Добыча меда и воска диких пчел являлась значимой частью этих промыслов. В погребении 44 Аткарского могильника обнаружен деревянный сосуд, который автор раскопок, атрибутирует, как ведро для сбора меда [Ляхов, 1997. С. 96]. В парном погребении 22, среди мужских вещей найдены топор, долото, пешня и резец [Африканов, 1990. С. 5–7]. Эти вещи могли служить как для деревообработки, так и для бортничества. В Комаровском могильнике не зафиксированы следы занятия местного населения бортничеством. Однако расположение памятника на территории с давними традициями этого промысла свидетельствуют в пользу последнего. В XVI–XVII вв. письменные источники отмечают бортные угодья на реках Хопер и Сердоба в пределах современной Саратовской области [Кузнецова, 1928. С. 63–64]. В одном из погребений Муранского могильника был найден круг воска [Алихова, 1954. С. 265]. Венецианцы вывозили воск из Таны, предусматривая для этого отдельный фрахт [Карпов, 1990. С. 131]. «В документах XV–XVI вв. имеется перечень товаров, которые поставляла мордва на соседние рынки. Среди них видное место занимают куньи и бобровые меха, «кади меда», «круги воска» [Очерки..., 1955. С. 47]. Г де Рубрук писал в XIII в. о мордве: «В избытии имеются у них свиньи, мед и воск, драгоценные меха и соколы» [Путешествия..., С. 109].

В лесах Саратовской области до сих пор обитают лоси, лисы, зайцы, белки, волки, бобры, горностаи, ласки, барсуки [Аникин, Завьялов, Шляхтин, 2002. С. 154–155]. В XIX в. здесь встречались чернобурая лисица, рысь, медведь [Зайковский, 1925. С. 54–55]. На золотоордынских поселениях процент находок костей диких животных чрезвычайно низок. Однако обнаруженные на селище Широкий Буерак кости волка, лисицы, зайца, хомяка, медведя(?) и куницы [Недашковский, 2010. С. 163, табл. 1] свидетельствуют об охоте на пушного зверя даже в окрестностях Укека. Примечательно, что для территории Саратовского Поволжья «звериная ловля» была значима еще в XVIII в. В донесении саратовского магистрата от 1765 г. среди саратовского купечества значится четверо купцов, которые «имели пропитание» от «звериной ловли» [Кушева, 1928. С. 19]. В мордовских погребениях подростков встречаются украшения из костей животных. В частности, в одном погребении Комаровского могильника в качестве амулета использовались клыки и астрагалы волка (погребения 29, 36), а в Аткарском могильнике – клык волка (погребение 23)****.

Учитывая географическое положение, этнографические материалы и данные письменных источников, можно утверждать, что представители мордовского этноса на золотоордынских поселениях занимались звероловством.

**** Определение по фотографии научного сотрудника лаборатории естественно-научных методов ИА РАН, канд. ист. наук Л.В. Яворской, за что выражаю ей глубокую признательность.

Наличие относительно обширных участков леса к северу от Укека позволяло сделать этот промысел весьма значимым. Меха чернобурой лисы, горноста, куницы, белки, бобра, рыси и прочих животных поступали не только на внутренний, но и на внешний рынок, о чем свидетельствует «Codex Cumanicus» [Рассовский, 1929. С. 203]. Помимо меха, добывали рога лося, бобровую струю, ловчих птиц, перья птиц и пр. Бобровая струя ценилась дороже, чем шкура этого животного и применялась в качестве лечебного и парфюмерного средства. Ее лечебные свойства были известны древнегреческим авторам и активно использовались в арабской медицине [Нунан, 2004. С. 277].

Наличие леса подразумевает навыки деревообработки у проживающего здесь населения. Захоронения в Комаровском могильнике часто содержат погребальные конструкции из досок и плах. Береста в Золотой Орде широко использовалась при изготовлении различных изделий, в том числе колчанов и головных уборов «боктаг». Среди находок в погоревшем подвале золотоордынского храма в Укеке нами обнаружен фрагмент берестяной подстилки. В погребении 9 северо-западного исламского некрополя Увекского городища зафиксированы фрагменты берестяного савана [Евтеев, Кубанкин, 2009. С. 134]. Береста являлась одним из самых дешевых материалов для письма и была дешевле, чем бумага или пергамент. Возможно, уже в X в. ее из Волжской Булгарии поставляли в Среднюю Азию [Нунан, 2004. С. 281]. Золотоордынская рукопись, найденная в погребении у с. Подгорное, была написана именно на бересте и хранилась в берестяной коробке [Поппе, 1941. С. 82]. В мордовских некрополях нередки находки берестяных женских наконечников.

Исконно лесные жители, представители мордовского этноса могли получать деготь из березовой и осиновой коры, смолу из хвойной древесины. Этот продукт был востребован в судостроении и строительстве для водостойкости, в быту для смазки колес телег, в ветеринарии для смазки копыт, в кожаном деле при изготовлении юфти и выделки кож, в медицине для борьбы с паразитами.

Как и у большинства других народов средневековья, мордовские женщины занимались изготовлением одежды. Об этом свидетельствуют пряслица, находимые исключительно в женских погребениях и являющиеся наиболее распространенной в них находкой. В Аткарском могильнике из 31 женского погребения пряслица встречены в девяти, в Комаровском могильнике из 15 женских погребений пряслица найдены в семи. В Аткарском могильнике, в погребениях 1 и 13 встречены фрагменты тканей [Арзютов, 1929. С. 20, 22]. В женском погребении 32 обнаружены фрагменты «шерстяной узорчатой ткани» и шерстяных чулок на ногах [Арзютов, 1929. С. 26]. В Комаровском могильнике, в погребении 13 найдены остатки верхней теплой одежды из ткани и войлока с кожаными лентами.

Имеются некоторые данные о воинственности мордвы. В Комаровском могильнике, правда, из 14-ти мужских погребений лишь два содержат предметы вооружения. В погребении 11 выявлен берестяной колчан с пятью наконечниками стрел и статусный пояс с пряжкой. В мужском погребении 12 под лучевой костью левой руки найден один наконечник стрелы.

Чрезвычайно военизированными на этом фоне выглядят мужские захоронения Аткарского могильника. Из 23 мужских погребений, которые нам

удалось проанализировать, оружие содержится в двенадцати могилах. Наиболее часто встречаются наконечники стрел (в десяти погребениях). Наконечники копий обнаружены в двух захоронениях. В погребении 36 мужчина был погребен с боевым ножом длиной 31 см [Арзютов, 1929. С. 27]. Наибольшее количество стрел обнаружено в погребении 58. В берестяном колчане находилось 4 наконечника стрел, еще 1 лежал отдельно [Ляхов, 1999. С. 94–96]. Возможно, некоторые из воинов были всадниками. В двух могилах Аткарского могильника мужчины лежали поверх коней, в одном случае череп коня находился под головой покойного.

Особо интересны три захоронения с парадными поясами, характерными для монгольской военной элиты, но изготовленными не из драгоценного металла, а из медистого сплава или меди. В мужском погребении 11 обнаружены португепейные элементы – сабельная обойма и разделитель прямоугольной формы с рельефным изображением двух ланей среди растительных побегов [Монахов, 1991. С. 132, рис. 6, 7]. С обратной стороны гарнитура гладкая. Известно, что изображения оленей и ланей входили в монгольскую имперскую символику [Крамаровский, 2001. С. 47–48, рис. 20–21].

Особое место в символике имперской культуры монголов занимали изображения драконов, в том числе на поясах. В этом отношении интересно парное погребение 26 Аткарского могильника, в котором мужское захоронение сопровождалось ремнем с сабельными обоймами и разделителем подквадратной формы, орнаментированными свернувшимися в кольца драконами. Концевик ремня плохо сохранился, но на нем тоже прослеживается стилизованное изображение дракона. Многочисленные мелкие лунницы сохранились плохо, в основном, остались следы от их крепления. Обратные стороны гарнитуры без орнамента [Африканов, 1990. Л. 10–13, 43, рис. 29]. Наиболее близкие аналогии по орнаментике прослеживаются с поясом из погребения близ станицы Березанской Краснодарского края [Крамаровский, 2001. С. 38, 41, рис. 14, 17–19].

Еще один статусный поясной набор обнаружен в парном погребении 36 Аткарского могильника. Мужчину сопровождал пояс с мелкими бляшками в виде шестилепестковых розеток (11 шт.), концевиком с изображением дракона и крупными сабельными обоймами с разделителем в виде четырехлепестковой розетки [Ляхов, 1997. С. 85, рис. 4]. По форме и размеру сабельные обоймы близки поясу из Мариентала [Крамаровский, 2001. С. 46, рис. 19, 5], однако, аткарские детали не столь пышно орнаментированы и выполнены из меди или медистого сплава, а не из золота.

Все три аткарских пояса близки по технике изготовления, форме и орнаментике поясам монгольской элиты XIII в, но значительно ниже рангом, чем их прототипы. Мужчины, погребенные в Аткарском некрополе, находились на службе Монгольской империи и, видимо, командовали небольшими мордовскими подразделениями в джучидском войске. Из письменных источников известно об участии мордвы в качестве вспомогательного войска в завоевательных походах монголов [Путешествия..., 1997. С. 108–109]. Вероятно, служба продолжалась и после завершения этих походов. Из русских летописей известно, что в войске золотоордынского темника Кавгадыя, отправившегося на Тверь, были мордовские отряды [ПСРЛ. С. 190].

Доля импортных изделий в погребениях Аткарского и Комаровского могильников велика. Это бусы из стекла, кашина, фаянса, сердолика, янтаря, хрусталя, раковины каури, шиферное пряслице, подвеска из коралла и пр. В некоторых случаях центры добычи или производства этих изделий удалены на тысячи километров от места находки. Это означает, что мордовское население данных памятников было вовлечено в международную торговлю, видимо, через посредников-купцов из окрестных городов Золотой Орды. Н.К. Арзютов, основываясь на этнографических данных, пишет, что главным поставщиком бус для мордвы были «мелкие торговцы, вся лавка которых умещалась на одном возу и которые, разъезжая по деревням, за тряпье, кудель, яйца» выменивали свои украшения [Арзютов, 1932. С. 39]. Примечательно, что в изученных нами 133-х погребениях не встречено монет. При этом в погребениях мордвы XVII-XVIII вв. на территории Саратовского края, монеты в виде оболов и украшений отмечены в каждом втором случае. Бусы и раковины каури продолжают встречаться, как и в средневековых погребениях, только число раковин возрастает, а вместо грубой лепной посуды появляется покупная гончарная [Арзютов, 1932. С. 35-37, 40, 47]. Это свидетельствует о возрастании роли торговли и, в частности, товарно-денежных отношений, по сравнению со средневековьем. Можно предположить, что в золотоордынское время торговля с мордвой носила преимущественно меновой характер. Купцы, привозившие свои товары из города, обменивали их на пушнину, мед, воск, зерно и прочие натуральные продукты.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о значительной доле мордовского компонента на золотоордынских памятниках Правобережья Саратовской области при неоднородности этнического состава населения. Вместе с мордвой земледелием на плодородных почвах в окрестностях Укека занимались русские и, возможно, волжские болгары, переселенные с ближайших завоеванных территорий. Не исключено включение других этносов, но их процент, вероятно, гораздо ниже. К северу от Укека площади лесных массивов возрастали, и вместе с ними увеличивалась доля лесных промыслов в жизни мордвы. Можно предположить, что в качестве налога-ясака финно-угры поставляли не только зерно, но и пушнину, мед, воск, бересту, древесину, деготь, смолу, холст и прочую продукцию. Часть мужского населения участвовала в военных походах золотоордынского войска и была включена в структуру служилого населения Монгольской империи. Часть продукции, производимой мордвой на поселениях, скупалась мелкими купцами, которые выступали посредниками в торговле между городом и округой.

Расположение Укека на границе между степью и лесостепью увеличивало, по сравнению с другими нижеволжскими городами, процент мордовского населения. В городе, вероятно, концентрировались запасы зерна, древесины, меда, воска, пушнины, которые дополнялись продукцией степных территорий улуса.

Литература:

Алихова А.Е. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э. // СА. 1958. № 2.

- Алихова А.Е.* Муранский могильник и селище // МИА. № 42. М., 1954.
- Аникин В.В., Завьялов Е.В., Шляхтин Г.В.* Фауна лесов // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002.
- Арзютов Н.К.* Финский могильник XIII–XV вв. близ гор. Аткарска. Отд. Оттиск из Трудов НВКМ. Саратов, 1929. Вып. 1.
- Арзютов Н.К.* Мордва XVII–XVIII вв. (по археологическим данным НВКМ) // Сборник Нижневолжского краевого музея. Саратов, 1932.
- Блохин В.Г., Яворская Л.В.* Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград, 2006.
- Зайковский Б.В.* О вымерших и вымирающих представителях природы Нижне-Волжской Области // ТНВОНОК. Ч. III. (Труды географического отдела. Вып. 1). Саратов, 1925. Вып. 34.
- Евтеев А.А., Кубанкин Д.А.* Археологические раскопки северо-западного некрополя Увекского городища в 2005–2007 гг. // Археологическое наследие Саратовской области. Саратов, 2009. Вып. 9.
- Евтеев А.А., Кубанкин Д.А., Куфтерин В.В., Рассказова А.В.* Антропологические исследования северо-западного некрополя Увекского городища // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXIII. Антропология, 2013. № 1.
- Ильина О.А.* Терновское городище и селище // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2006. Вып. 8.
- Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.
- Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
- Кубанкин Д.А.* Некоторые находки из раскопок на Увекском городище в 2010–2011 гг. (предварительное сообщение) // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2012. Вып. 10.
- Кузнецова Ю.А.* К истории колонизации Сердобского уезда (материалы для историко-географического словаря) // ТНВОНОК. Ч. 2. Саратов, 1928. Вып. 35.
- Кушева Е.Н.* Саратов в третьей четверти XVIII века // ТНВОНОК. Ч. 2. Саратов, 1928. Вып. 35.
- Ляхов С.В.* Исследования Аткарского грунтового мордовского могильника XII–XIV вв. в 1996 году // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.
- Ляхов С.В.* Охранные раскопки в Саратовском Правобережье // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратова, 1999. Вып. 3.
- Монахов С.Ю.* Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.
- Моржерин К.Ю.* Комаровский грунтовый могильник XIII–XIV вв. На р. Сердобе // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.
- Моржерин К.Ю.* Обряд обезвреживания погребенных в Комаровском грунтовом могильнике мордвы XIII–XIV вв. // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Саранск, 2000.

Моржерин К.Ю. Исследования в окрестностях с. Кошели // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах. Саратов, 2001. Вып. 4.

Моржерин К.Ю. Комаровский грунтовый могильник // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2013 (в печати). Вып. 11.

Недашковский Л.Ф. Разведочные исследования золотоордынских памятников Саратовского района в 1993–1997 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., 2010.

Недашковский Л.Ф. Исследование селищ Константиновское, Колотов Буерак и Широкий Буерак // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного кружка Казанского университета. Казань, 2012.

Нунан Т.С. Торговля волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сборник статей памяти проф. И.В. Дубова. СПб., 2004.

Очерки истории Мордовской АССР. Т. 1. Саранск, 1955.

Поппе Н.Н. Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. 1941. Вып. II.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.

Путешествия в Восточные страны. М., 1997.

Расовский Д.А. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus // Seminarium kondakovianum. Т. III. Прага, 1929.

Сафаргалиев М.Г. Мордовско-татарские отношения // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965.

Сингатулин Р.А. Охранно-спасательные работы на территории Увекского городища в 2005 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Справочник по водным ресурсам СССР. Т. V. Нижнее Поволжье / Под ред. Н.В. Симонова. Л., 1934.

Архивные материалы:

Африканов Ю.А. Отчет охранные раскопки Аткарского грунтового могильника в 1989 г. Саратов, 1990 // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 12861.

Ким М.Г. Отчет об археологических разведках, произведенных в ЮЗ части Вольского района Саратовской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8446.

Малов Н.М. Археологическая карта Хвалынского района Саратовской области. Саратов, 1993 // Архив ГУК НПЦ.

Монахов С.Ю. Отчет об археологических исследованиях в Вольском районе Саратовской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 8625.

Недашковский Л.Ф. Отчет о раскопках Багаевского селища в 2007 г. Казань, 2008. // НА СОМК. Электронный вариант.

Непечатых В.А. Материалы к археологической карте Хвалынского уезда и района (черновик дипломной работы). Саратов, 1989 // НА СОМК. Оп. 34 д. Ед. хр. 48.

Хреков А.А. Отчет археологической экспедиции Станции юных туристов за 1993 год по выявлению и картографированию памятников археологии в Балашовском и Романовском районах Саратовской области. Балашов, 1993 // Архив ГУК НПЦ.

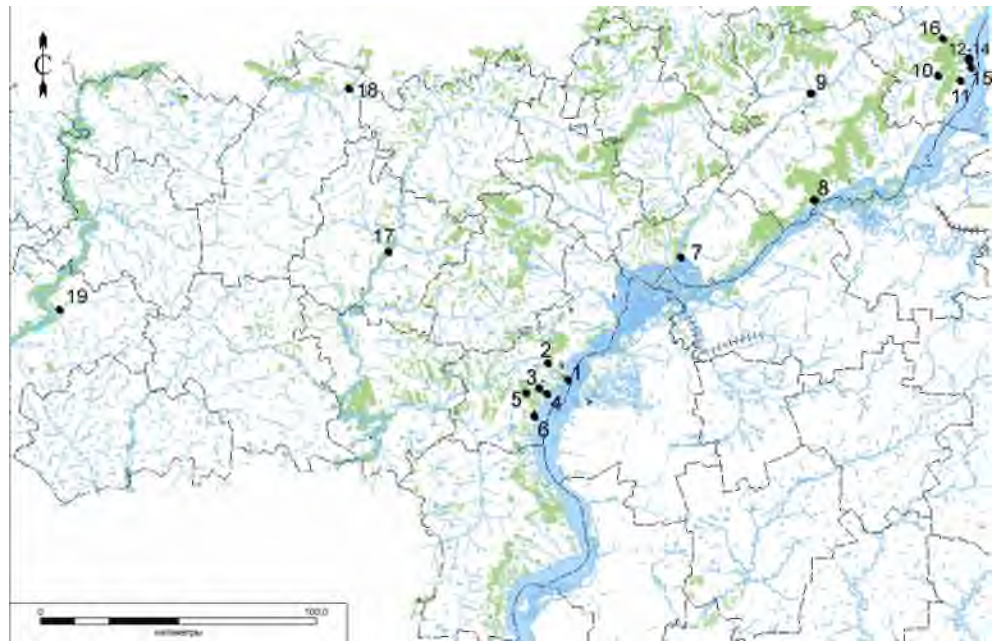

Рис. 1. Схематическая карта обнаруженных памятников средневековой мордвы в Правобережье Саратовской области. Номера памятников на карте соответствуют номерам в тексте статьи

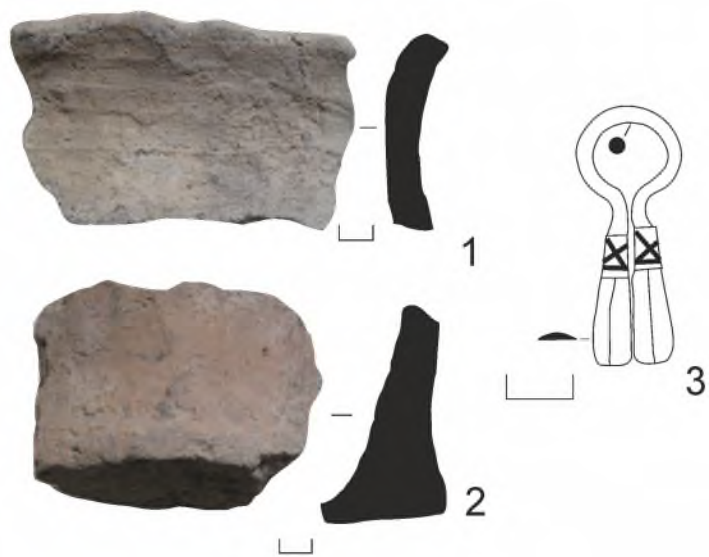

Рис. 2. Находки мордовских предметов на Увекском городище.
1-2 - лепная керамика (ЭКМ б/н); 3 - медная лопастная сьюльгама (СОМК. Инв. №: СМК 75401)

*Малов Н.М., Пилипенко С.А.,
Сергеева О.В.*

ПОГРЕБЕНИЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПИСЦА С БЕРЕСТЯНОЙ КНИЖЕЧКОЙ ОКОЛО СЕЛ ПОДГОРНОЕ – ТЕРНОВКА

В самом начале 1930-х годов землекопы случайно обнаружили на левом берегу Волги, в округе бывшего золотоордынского города Укек (Увек), близ деревень Подгорное – Терновка погребение, из которого происходили: берестяная книжечка, бронзовая чашечка, костяное писало и другие вещи. Таким образом, здесь нашли уникальную рукопись на бересте – ранний памятник золотоордынской письменности начала XIV века Нижнего Поволжья. Это погребение с берестяной книжечкой – «уникумом» до сих пор привлекает внимание исследователей [Поппе, 1941. С. 82–134, табл. I–XXIV; Греков, Якубовский, 1950. Рис. 26; Гарустович, Ракушин, 1998. С. 189–190, 306. табл. III–18; Недашковский, 2000. С. 150 № 116; Абзалов, 2009. С. 42; Мальшев, 2011. С. 188–197].

Тем, не менее, далеко не все архивные и музейные материалы об этом археологическом памятнике введены в научный оборот и известны широкому кругу исследователей. В нашей работе частично восполняется этот пробел. Мы публикуем рукописный отчет (1938 г.) А.А. Кроткова (1866–1945) об обследовании этого погребения, чашечку – «чернильницу» и писало, анализируем берестяную рукопись в технологическом, книговедческом и конструктивном плане.

Н.Н. Поппе (1897–1991) получил сведения о данном погребении от научного сотрудника СОМК А.А. Кроткова [Поппе, 1941. С. 81]. А.А. Кротков – известный саратовский археолог, специалист по истории и нумизматике Золотой Орды [Кротков, 2011]. В папке «Документы музейно-краеведческого отдела» личного архива исследователя есть оригинал рукописного документа: «Из отчета А.А. Кроткова по обследованию в с. Терновке – Подгорном АССРНП могилы с берестяной книжкой» (Архив А.А. Кроткова. СОМК. Д. 17).

При публикации данного документа сохранена орфография, стилистика и пунктуация автора (Приложение). Отчет публикуется полностью без купюр, с сохранением правок и особенностей авторского правописания, зачеркнутые слова и предложения взяты в угловые скобки. Авторское сокращение «Dsn» в начале названия документа реконструировано предположительно, неразборчиво написана средняя буква. Весь текст занимает три

тетрадных страницы. Он написан самим А.А. Кротковым фиолетовыми чернилами, которые выцвели. В конце отчета есть авторский автограф.

Документ датируется 23 марта 1938 г. Вероятно, он представляет собой рабочий – черновой вариант официального письма А.А. Кроткова. Скорее всего, именно из этого Отчета Н.Н. Поппе почерпнул сведения, использованные им при прочтении своего доклада в Государственном Эрмитаже в начале 1938 г., а позже и в статье, опубликованной в 1941 г. В конце отчета А.А. Кротков перечислил приложения к своему отчету: «Схематичный глазомерный план местности у с. Терновки»; «Вид на могилу при начале осмотра»; «3 фото с бронзовой чернильницы»; «2 фото с костяного пера». Этими приложениями мы не располагаем.

Александр Августинovich обследовал разрушенное погребение 9 сентября 1931 г. Поэтому можно полагать что, в этом же году землекопы и обнаружили захоронение. Найденные предметы: берестяную книжечку карманного формата, бронзовую чашечку и костяное острие (писало), землекопы передали в Энгельсский краеведческий музей (ЭКМ), откуда их затем предоставили для осмотра в Саратовский областной музей краеведения (СОМК).

Директор областного музея профессор П.С. Рыков (1884–1942) был хорошо осведомлен о находке. К тому же СОМК командировал своего сотрудника А.А. Кроткова для вскрытия и обследования могилы, найденной в с. Терновке. Спустя несколько лет П.С. Рыков отметил: «<в Республике немцев Поволжья было раскопано погребение, в котором найден костяк человека вместе с бронзовой чернильницей, костяной палочкой для письма и небольшой книжечкой, листы которой сделаны из бересты и записаны, по первоначальным сведениям, монгольскими письменами. Эта находка в настоящее время изучается в Академии Наук СССР» [Рыков, 1936. С. 124–125].

А.А. Кротков совершенно определенно сообщает, что могила эта располагалась метрах в 400–500 к востоку от с. Подгорное. Кроме того в обресе силосной ямы № 2 обследовалась перерезанная землянка, а в районе плантаций обнаружили остатки от саманных сооружений с костями крупного и мелкого рогатого скота, золы, черепками красноглиняной посуды золотоордынского времени. Здесь бригадир землекопов Коробко ранее находил три медных джучидских монеты. А.А. Кротков заключил, что погребение связано с этим золотоордынским кишлаком («яйлаком»). Вероятно, карандашный рисунок в нижней части последнего листа рукописи представляет собой схематичный разрез остатков одного из саманных сооружений этого поселения (рис. 4).

Скорее всего, остатки данного золотоордынского селища (рис. 5) были зафиксированы экспедицией Саратовского государственного университета (СГУ) около южной окраины с. Подгорное в 1983 г. [Кочерженко, Малов, 1985. С. 156]. Сейчас восточная окраина самого ближнего к погребению писца поселения практически разрушена Волгоградским водохранилищем. В 700 м южнее с. Подгорное О.В. Кочерженко обследовала другое золотоордынское селище – Терновское [Недашковский, 200. С. 124 №43]. В 500 м к СВ от с. Терновки, по направлению к с. Подгорное, расположена курганная группа из пяти сильно распаханных насыпей, четыре из которых раскопаны Н.М. Маловым [Памятники., 1993. С. 89, № 23, с. 134, табл. 4–30]. Поэтому нельзя исключать, что подгорненское захоронение с берестяной книжечкой

могло происходить из, распаханного и разрушенного во время рытья силосной ямы, едва заметного кургана.

В отчете А.А. Кроткова содержатся сведения о том, что обрез силосной ямы № 2 проходил не только через землянку, но и через грудную часть погребения. Кроме книжечки в могиле нашли берестяную коробку, в которой лежала книжечка и пустой кожаный кошелек. Глубина могилы до 2 метров и оканчивалась чуть глубже погребения, ширина – 1 метр.

Погребение совершено в гробу, который был установлен в подбой могилы. Зафиксированы следы от боковых стенок гроба. В 20 см выше дна, в подбое, найдена часть деревянной гробовой крышки. Крышка, вероятно, сделанная из осины или осокоря, заходила за поперечную головную стенку. Поперечная, головная или торцевая стенка толщиной 5 см – дубовая (?). Она, видимо, была вдолблена в пазы продольных – боковых, не сохранившихся стенок. Длина гроба приблизительно 1,75 м. Длина подбойной могилы 1,95 м.

При зачистке дна могилы найден обломок сильно проржавевшей железной пряжки, часть железного ножа с остатками деревянной рукояти и железная плоская стрелка ромбовидной формы с кусочками ржавого железа, вероятно, от других стрелок. Кротков передал в ЭКМ все найденные при обследовании вещи и отчет о поездке (в музее не сохранился).

В подгорненском погребении писца, которых в Монгольской империи обозначали древнетюркским термином «битикчи», кроме рукописи нашли костяное писало и бронзовую чашечку с «остатками туши» [Поппе, 1941. С. 81]. Эти предметы хранятся в ЭКМ. Костяное перо – писало (ЭКМ №101) в виде округлого стержня длиной 9 см, заполировано, сечение в большей части желобчатое (рис. 1, 1). Округлый в сечении рабочий конец писала – заострен, противоположный – «фигурный». Верхний, широкий конец оформлен в виде плоского резного уступа прямоугольного сечения с острием на конце. Этот фигурный уступчатый конец, вероятно, предназначался для соскабливания, стирания и подправки того, что было написано неправильно. Костяное перо (калам) представляет собой орудие для письма, которое могло использоваться для нанесения текста и других знаков, рисунков, не только на бересту, но и на другие поверхности.

Костяные стержневидные писала использовались в Восточной Европе задолго до монгольского нашествия. Например, такие костяные орудия – наиболее ранние формы «писал» встречены в слое середины X–XI в. древнего Новгорода [Овчинникова, 2010. С. 118]. Бронзовые, железные, деревянные, тростниковые писала, а также чернильницы из металла, керамики и полуфаянса встречаются на золотоордынских памятниках Нижнего Поволжья [Принадлежности..., 2005. С. 202–203, № 147–155].

Чашечка – «чернильница» (ЭКМ, № 100) «выдавлена?» из тонкого бронзового диска или выкована (рис. 1, 2). Ее дно овальной формы 3 x 2,6 см, слегка смещено относительно центра. Высота чашечки 2 см, диаметр по верху 7,8 см, объем 44–45 миллилитров. Стенки «чернильницы» неровные, с рельефными и параллельными следами от «выдавливания» изделия из металлического диска иликовки. На внутренних стенках визуально не заметны свидетельства, указывающие на присутствие остатков туши.

Рукопись из 25 фрагментов листов может относиться к первой четверти XIV столетия [Поппе, 1941. С. 125]. Ее страницы пронумерованы после реставрации и не являются оригинальными [Поппе, 1941. С. 82]. Это подтверждается и текстологической реконструкцией одной из частей книги. Сейчас реставрированные фрагменты берестяной книги хранятся в фондах четырех учреждений.

Большая их часть находится в Эрмитаже [Крамаровский, 2005. С. 76, кат. 157, с. 203, кат. 156–159]. В государственных организациях Саратова – Энгельса хранится 10 листов – страниц берестяной рукописи, заделанных при реставрации в целлулоид. Один лист, поступивший 23 июня 1952 г. в СОМК (инв. № 57939), представлен в разделе экспозиции, посвященном Золотой Орде [Тучкина, Смирнова, 1982. С. 15; Малов, 1998. С. 14, фото]. Другой лист профессор И.В. Сеницын (1900–1972) подарил зональной научной библиотеке СГУ. Здесь он и хранится в отделе редких книг и рукописей [Смирнов, 1966. С. 4]. Несколько черно-белых фотокопий листов берестяной рукописи есть в личном архиве И.В. Сеницына (ГАСО: Ф. 3712, Оп. № 1, Д. № 90, Л. № 54, 55, 58, 61). В ЭКМ представлено 8 листов рукописи. Вероятно, они были возвращены из Государственного Эрмитажа тогда же, когда и в СОМК. Из них один лист с надписью на одной стороне (рис. 2, 1), остальные двусторонние.

Инвентарные номера: ЭКМ 99/1–2, ЭКМ 2736. Размеры листов:

1. 12 x 5,9 см (первое число высота, второе ширина)

2. 12 x 9,1 см

3. 11,8 x 6,7 см

4. 4,9 x 6 см

5. 7,5 x 5,6 см

6. 10 x 5,6 см

7. 9,2 x 8,7 см

8. 8,7 x 9,8 см (в данном случае это реальная ширина листа, т. к. его края хорошо сохранились (рис. 2, 2)).

На листах хорошо заметна ширина переплета. Она колеблется на разных листах от 1 до 2 см. (1 см, 1,3 см, 2 см). На 5 листах зафиксирована система сшивания. Она насчитывает три варианта швов.

1. Зигзаг (рис. 2, 2) – один лист с двусторонней надписью. При ширине корешка в 2 см зигзагообразный шов идет по его середине. Ширина шва 0,3 см, расстояние между углами зигзага 0,7–0,8 см. Диаметр отверстий около 0,5 мм. С правой стороны листа также шов, но уже в строчку. Возможно, это след ремонта, а, возможно, след от сшивания двух листов для двустороннего нанесения надписи. Ширина правого переплета(?) – 0,5 см.

2. Строчка (рис. 2, 3) – три листа с двусторонней надписью. Ширина корешка при таком шве 1,0–1,3 см. На листах заметны следы от стягивания нитью. Длина строчки 0,2–0,4 см. Диаметр отверстий около 0,5 мм.

3. Третий шов – один лист с односторонней надписью, возможно, тоже представляет собой разновидность зигзага (рис. 2, 1), но имеющего разную длину сторон. Диаметр отверстий 1 мм.

На опубликованных фотографиях и хранящихся в Саратове – Энгельсе экземплярах четко видны следы от сшивания листов рукописи в книжку. Они явно указывают на две системы прошивки: строчкой и зигзагом. При этом естественно возникают вопросы о внешнем виде рукописи, переплете и струк-

туре сшиваемых листов? Это позволит получить данные о берестяных книгах центральных районов Золотой Орды. Н.Н. Поппе привел общие размеры листов рукописи и «расставил» часть листов по порядку чтения текста, исходя из внутренней логики его содержания. Чтобы получить представление о структуре книги следует определить размеры и типы листов.

При технологическом и книговедческом анализе книги фиксируются два различных параметра формата листов. По Н.Н. Поппе это преимущественно 8,5 x 10 см. Согласно данным каталога выставки «Золотая Орда. История и культура», их размеры колебались в пределах 12–13 x 12,5–17,5 см. Видимо, во втором случае засчитывали размер неполных двойных листов. Хотя размеры 8 листов рукописи, хранящихся ныне в ЭКМ (инв. № ЭКМ 99/1–2, ЭКМ 2736), колеблются в пределах 12 x 9,8 см. Важно отметить, что ширина листа № 8 из ЭКМ составляет 9,8 см. Это реальная ширина листа, т.к. четко фиксируются его продольные края, а ширина переплета составляла 1–2 см.

Придерживаясь размеров, приведенных Н.Н. Поппе, мы получаем книгу «карманного» формата или «с ладонь». «Берестяная коробочка», уничтоженная при нахождении, выполняла функцию своеобразного походного несессера для хранения письменных принадлежностей и писчего материала. Если не учитывать ее параметры и форму, то размер книги вполне вписывается в известные образцы, сохранившихся кожаных поясных сумочек кочевников Приволжских степей. В подобную сумочку она могла помещаться профессиональным писцом, погребенным в данной могиле.

Очевидно, берестяная книжечка написана на месте, поскольку найдена с писалом: «Этим, вероятно, и объясняется двуязычность рукописи, а знание двух языков – монгольского и уйгурского – и трех письменностей – монгольской, квадратной и уйгурской – трудно предполагать у простого воина, и, наоборот, владение ими со стороны писца вполне естественно» [Поппе, 1941. С. 126]. Использование бересты в качестве писчего материала для грамот широко практиковалось монгольскими кочевниками, как минимум, в течение семи веков [Кара, 1972].

В книге используются два типа листов: одинарные и двойные (рис. 3, А, Б). Причем одинарных листов большинство. Отсюда вопросы о роли, особенностях и функциях двойных листов в конструкции переплета книги? Для понимания места листов в условном переплете, была составлена графическая схема порядка размещения листов в рукописи, с учетом корректуры утраченного текста (рис. 3, Е). Это позволило выяснить, что в рукописи соблюдался четкий порядок их чередования и группировки.

В основе лежат три двойных листа, между которыми группируются одинарные листы бересты, количеством в среднем 5–7 страниц. Поскольку рукопись сильно пострадала, мы вполне можем допускать факт большего количества листов в рукописи. Очевидно, это соответствует действительности. В ряде случаев считается что, двойные листы сшиты из двух более узких. Однако анализ фотографий, опубликованных Н.Н. Поппе, и музейных экземпляров показывает нам, что это цельные листы свернутые пополам. Об этом говорит порядок расположения рисунка почек на коре. В случае же, если эти листы действительно сшиты, это не меняет их конструктивной функции, выявленной при построении графической схемы структуры кни-

ги. Их функция – это, прежде всего, стяжка одинарных листов для прочности переплета.

Изготовление листов книги было выполнено пластовым методом, в весенне-летний период. Это видно и по цветной иллюстрации [Крамаровский, 2005. С. 76, 203, № 156–159]. Возможно, что часть книги изготовлена и осенью, если судить по черно-белым фотографиям и не учитывать темный цвет от реставрационных работ. При снятии коры с березы использовали нож. Им более крупный фрагмент берестяной коры надрезали по горизонтали выше и ниже выбранной части ствола, а затем, после вертикального надреза, соединявшего два предыдущих, снимали кору, отжимая ее от луба ножом. После чего из более крупных кусков нарезали страницы рукописи нужного размера. Кора снята с разных деревьев, как молодых, так и старых. Это следует из ширины рисунка коры.

Все листы располагались вертикально с поперечным рисунком почек коры. После чего листы были сшиты между собой. Учитывая, что средний размер снимаемого мастером фрагмента коры достигает не менее 20–25 см в высоту, а средний диаметр ствола искомой березы 35–45 см, то с одного снятого пластом куска бересты можно в среднем получить от 3 до 6 страниц для изготовления рассматриваемой книги, при учете того, что от нее сохранилось 25 страниц-фрагментов. Очевидно, их было больше, чему не противоречит и степень сохранности книги.

Перед раскройкой куски бересты подвергались первичной обработке. Внешний, белый слой коры снимался для того, чтобы чернила ложились аккуратнее и ровнее. Учитывая природную деформацию коры в противоположную от внешней, белой, стороны, перед сшиванием листы выравнивались. Как правило, листы бересты, которые должны были использовать для изготовления ровных вертикальных поверхностей, например, доньшек для сосудов или крышек для берестяных коробок, аналогичных хантыйским, кору клали пластами и придавливали камнем. После чего завершали процедуру края, подрезая под нужный размер.

Для проверки наших предположений С.А. Пилипенко была изготовлена часть книжки в натуральную величину путем заготовки шести берестяных страничек размером 8,5 x 10 см, с фактурой коры аналогичной оригиналу. Разница в высоте страниц в 1–2 см для проверки системы крепления книги не принципиальна. После этого была произведена разливка с одной из сторон под переплет. До сшивания предполагалось, что стягивание листов происходило за счет толстой иглы. Но на практике, учитывая плотность и вязкость бересты, потребовалось шило. Для эксперимента использовались один двойной и четыре одинарных листа. По два одинарных листа было пришито с двух сторон двойного листа и замерена толщина блока. Она составляла 1 см.

В результате установлено два интересных факта конструкции берестяной книги. 1) При сшивании большого количества листов приходилось нанизывать их при помощи шила и иглы с нитью, сжимая при сборке листы книги. 2) Скорее всего, толщина переплета книги составляла не менее 1–2 см, с учетом толщины блока из 6 страниц и естественной деформации листов. Нить была 0,3 см в диаметре. Судя по отверстиям, игла была железной.

Особое внимание заслуживает вопрос о том, как именно сшивались берестяные страницы. Дело в том, что на фотографиях отчетливо видно на ряде страниц по две различные системы шва – в строчку и зигзагом (рис. 3, В, Г, Д). По мнению С.А. Пилипенко книга подвергалась ремонту. Парность швов на одном листе, можно объяснить двумя вариантами:

А) книга сшивалась как кодекс, т. е. гармошкой.

Б) книга перешивалась или ремонтировалась со сменой переплета.

Против первого варианта существуют следующие факты. Например, у монголов и китайцев кодексы не применялись, а только книги и свитки. Системы сшивания разные, что делает нелогичным вариантом сшивания книги разными способами. При сшивании в кодекс было бы невозможно читать произведение, части которого написаны на двух сторонах страницы.

Присутствуют разные швы. Первый – строчка, он может только собрать на время листы. Второй – зигзагообразная строчка, более практичная. Она не только стягивает листы между собой, но и выполняет некоторую декоративную функцию. Мы полагаем, что разницу в швах можно объяснить ремонтом книги и ее переформатированием в более крупный сборник произведений. В первый раз книгу сшили швом в строчку, а спустя какое-то время ее уже дополнили новыми листами и прошили зигзагообразным швом с другого торца.

Проведенный эксперимент с фрагментом книги подтверждает версию с ремонтом книги. Этому не противоречат наблюдения над швами со страниц рукописи из ЭКМ. Так на одном из листов зигзагообразный шов шире, а на другом – плотнее. То же мы видим и со строчкой. Местами она смещается от намеченной «оси» шва. Пространство заполнения страницы было следующим: при размере листа 8,5 x 10 см с продольных сторон оставлялось пространство в 1–1,5 см для сшивания с другим листом. На оставшемся свободном пространстве вертикально размещался текст в 5–8 строк.

Литература:

Абзалов Л.Ф. Материалы письма в канцеляриях Джучидов // Уч. зап. Казанского гос. ун-га. Сер. Гум. Науки. Т. 151. 2009. кн. 2, ч. 1.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа, 1998.

Греков, Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М., 1972.

Кочерженко О.В., Малов Н.М. Раскопки в Саратовском Заволжье // АО-1983. М., 1985.

Крамаровский М.Г. Фрагменты рукописи на бересте // Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005.

Кротков А.А. Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении. (Посвящается Наровчатскому кружку краеведения). Пенза, 2011.

Малов Н.М. Заповедник древностей // Иллюстрированный альманах ВООПИиК. Памятники Отечества: Вся Россия. Вольная губерния. М., 1998. № 40 (3–4).

Мальшев А.Б. Для чего была написана золотоордынская «поэма» на бересте, найденная у села Подгорное? (к постановке проблемы) // Народы Саратовского Поволжья. Труды СОМК. Саратов, 2011. Вып. 12.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.

Овчинникова Б.Б. Из истории письменных принадлежностей средневекового Новгорода: писала // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 2. М., 2010.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // Археология России. САИ. Саратов, 1993. Вып. В 1-10.

Поппе Н.Н. Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. М.; Л., 1941. Т. II.

Принадлежности для письма, печати, памятники письменности // Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005.

Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья. По археологическим материалам. Саратов, 1936.

Смирнов А.Г. Собрание рукописей древних и редких книг научной библиотеки СГУ (краткий обзор фондов и библиография) // Редкие книги научной библиотеки СГУ. Саратов, 1966. Вып. 1.

Тучкина Т.А., Смирнова Т.И., Мещерякова Т.И. Саратовский музей краеведения: Путеводитель. Саратов, 1982.

Приложение:

«Дзн Москвы. 23/III 1938 г. Из отчета А.А. Кроткова по обследованию [могилы] в с. Терновке – Подгорном АССРНП могилы с берестяной книжкой.

8 сентября 1931 года я, по просьбе директора Энгельского музея, т. Хютц, был командирован Саратовским областным музеем для вскрытия и обследования могилы, найденной в с. Терновке, в которой землекопы, готовившие силосную яму, обнаружили погребение с сопровождавшими его предметами: берестяной книжечкой карманного формата, бронзовой чашечкой и костяным желобчатым острием, каковые предметы т. Хютц и были предоставлены для осмотра в Саратовский музей. Вещи эти в Энгельский музей доставил десятник работ в с. Терновке т. Коробко. Книжечка, обломанная по углам и весьма плохой сохранности действительно оказалась сшитой из бересты и на ней мною были обнаружены письмена, схожие с арабскими и частью сирийскими или уйгурскими буквами, бронзовое блюдечко сильно окислено, вне сомнения, было ни что иное, как чернильница для туши, а костяная пластинка с заостренным концом и желобком на нижней стороне – пером для письма. Придавая огромное значение данному погребению, я немедленно выехал в Энгельс. 9 сентября, мы вместе с командированным от Энгельского Музея, т. Шмидтом выехали в с. Подгорное, расположенное в 25 км к югу от Энгельса, на возвышенной террасе левого берега Волги.

По прибытии на место, мы сейчас же нашли десятника Коробко и в сопровождении его отправились к могиле. Могила эта расположена к востоку от села, метрах в 400–500 (см. прил. схемат. план с. я. № 1). Дорогой Коробко

рассказал, что могила найдена случайно при рытье силосной ямы. Так как она мешала работам, то ее сейчас уже [убрали] очистили и убрали.

И действительно, [придя] по приходе к силосной яме, мы с т. Шмидт нашли пустое место, и только подбой в северо-восточной стенке ямы указал нам, где была могила. Так как обрез силосной ямы проходил через грудную часть погребения, то рабочие, не желая портить обрез ямы, сделали подбой и вытащили оттуда головную часть костяка и варварски все уничтожили. Ни в яме, ни в выкидах мы не нашли ни одной кости, попались [лишь мелкие] крошечные обломки черепных костей и обрывки бересты от книжечки и еще от какого то предмета, сделанного тоже из бересты. Коробко сообщил нам, что кроме книжечки в могиле были найдены берестяная коробка, в которой лежала книжечка и пустой кожаный кошелек, которые рабочими были разорваны и уничтожены. На вопрос: где же кости от покойника, особенно череп?, с трудом добились объяснения, что они захоронены в нарочно вырытой ямке около могилы. По указании места захоронения, мы с т. Шмидт вскрыли [его] ямку, в надежде найти череп, но к сожалению нашли [в ямке] вместо костей одну костяную труху: все кости, и трубчатые и плоскостные, в том числе и кости черепа – были переколоты в мельчайшие кусочки. От черепа сохранился лишь один небольшой кусок нижней челюсти [в 4-5 снт. длины] с 3-мя зубами. [Разобрав все кости, обратились вновь к выкидам из ямы, и удалось собрать еще несколько берестяных обрывков от коробки].

В могиле от гроба остались лишь следы от боковых стенок, [да темное пятно с кусками грунта, ясно выступавшими в с.-вост. обрезе силосной ямы, в которой и был рабочими создан подбой. Темное пятно могилы шло на глубину до]. Глубина могилы была 2 метров и оканчивалась чуть глубже погребения [как раз у дна могилы]. Ширина [пятна] могильного обреза 1 метр. Не доходя до дна могилы снт. на 20, обнаружилась в подбое часть деревянной крышки гроба, заходящая за его поперечную головную стенку. По видимому крышка была сделана из осины или из осокоря, а поперечная, головная часть гроба, стоявшая торцом кверху и имевшая в толщину до 5 снт, была, как будто, дубовая, прочно – сравнительно сохранившаяся. Она была – вдолблена в продольные пазы (боковые) стенок гроба, от которых остались лишь следы, вследствие разрушения их рабочими. При зачистке дна могилы, размеры ее оказались 1,95 м длиной, а длина гроба 1,75 м (приблизительно). Здесь на дне при зачистке найден обломок железной пряжки, сильно передеженный ржавчиной, часть железного ножа – с остатками железной рукояти и железная плоская стрелка неправильноромбовидной формы с приставшими кусочками ржавого железа, по всей вероятности, от других стрелок. От десятника Коробко мы получили еще небольшую кучку обрывков от берестяной книжечки, хранившиеся у него дома. Все вещи были упакованы для передачи в Энгельский музей.

После краткого обследования, перерезанной землянки в обрезе силосной ямы № 2, Коробко свел нас к плантациям, где в канаве, окружающей плантацию мы обнаружили целый ряд остатков от саманных сооружений с массой коровьих и овечьих костей и много золы. Здесь же нашли довольно много черепков красноглиняной, хорошо обожженной посуды, несомненно относящейся к з.ордынскому времени. При этом Коробко заявил, что здесь он

нашел три медных небольших монетки, которые к сожалению он затерял. Судя по его описанию, эти монетки принадлежали к джучидским. Это еще более убедило нас, что мы имеем здесь дело с каким-то золотоордынским [яйлаком] кишлаком и погребение в могиле имеет связь с этим поселком и может быть приурочено также к XIII–XIV веку. Несколько смущала берестяная книжечка и берестяной футляр для нее. Такой бересты в нашем Н.Волжском крае не найдешь. Она тянула мысль к северу, в Булгар. Не [было ли это] относилось ли данное погребение к какому нибудь болгарину? Тогда оно могло быть древним, чем XIV в. Не знакомый с ритуалом и обстановкой болгарских погребений разрешить этого вопроса я не мог. Из сопоставления остатков от гробовища с другими таковыми же из определенно з.ордынских могильников, плюс к этому близость от погребения з.ордынского поселка все это склоняло меня к тому, чтобы признать данное погребение з.ордынским, о чем я и поместил в своем отчете Энгельскому музею. Вместе с этим словесно было дано руководство, как возможно бережнее отнести к столь редкому памятнику и я настойчиво просил директора Энгельского музея, не отлагая в долгий ящик, отослать [эту] берестяную книжечку со всеми собранными кусочками в Ленинград, в Академию наук или ГАИМК. Все собранные при обследовании погребения вещи – кусочки бересты от книжечки и коробки, железная пряжка, наконечник стрелки и др. вещи подобранные в с. Терновке были переданы на хранение в Энгельский музей.

Приложение: Схематический глазомерный план местности у с. Терновки
 Вид на могилу при начале осмотра
 3 фото с бронзовой чернильницы
 2 фото с костяного пера.

А. Кротков [Автограф]»

Рис. 1. Вещи из погребения около с. Подгорное:
1 - костяное писало; 2 - бронзовая чашечка

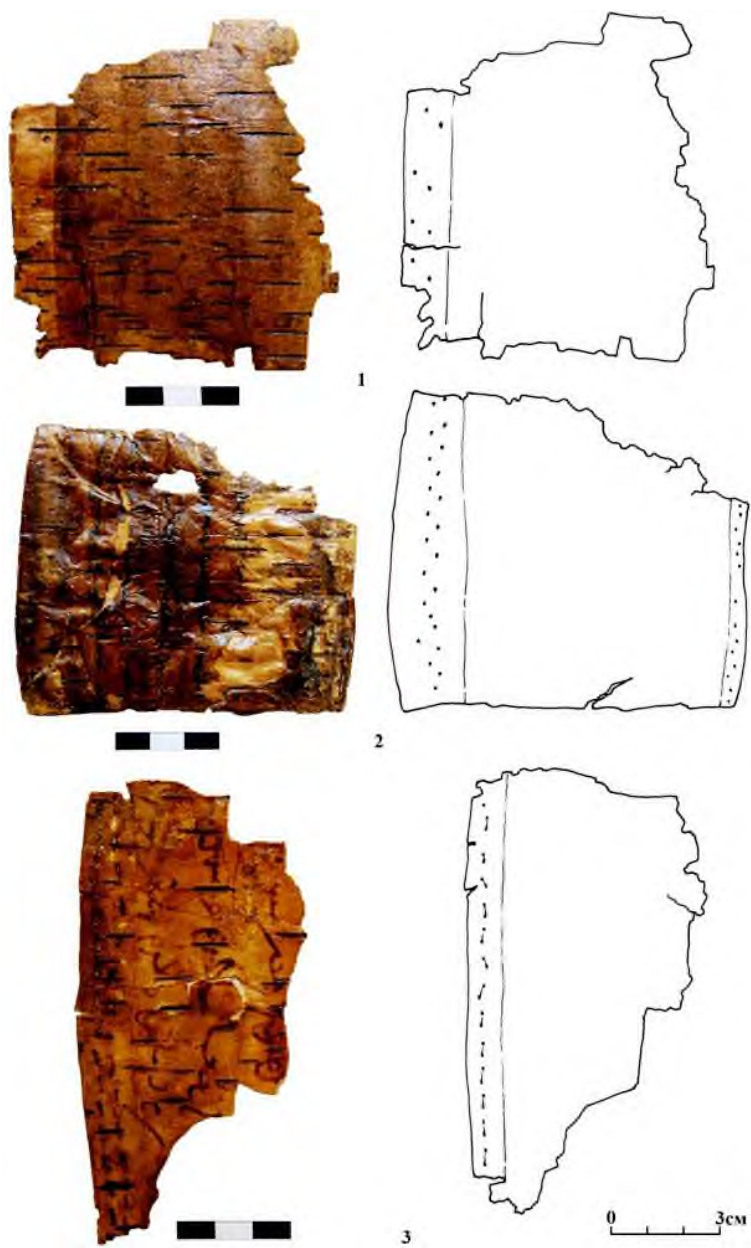

Рис. 2. Листы берестяной книги с различной системой шивания из погребения около с. Подгорное

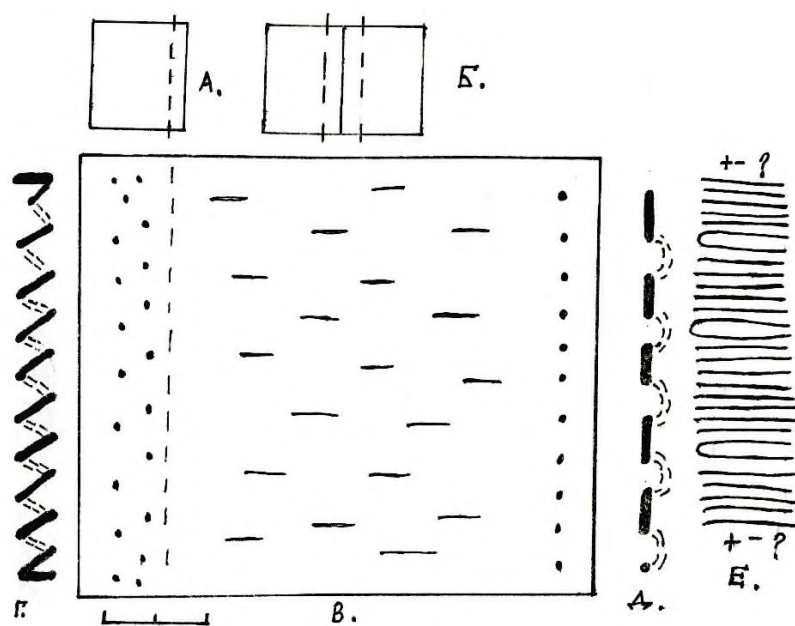

Рис. 3. Реконструкция системы шивания и переплета подгорненской берестяной книги:
 А - одинарный лист; Б - двойной лист; В - типовой раскрой страницы с отверстиями из швов;
 Г - «Z» - образный стягивающий шов вторичной сборки книги;
 Д - шов в строчку, первичный шов книги; Е - структура переплета берестяной книги

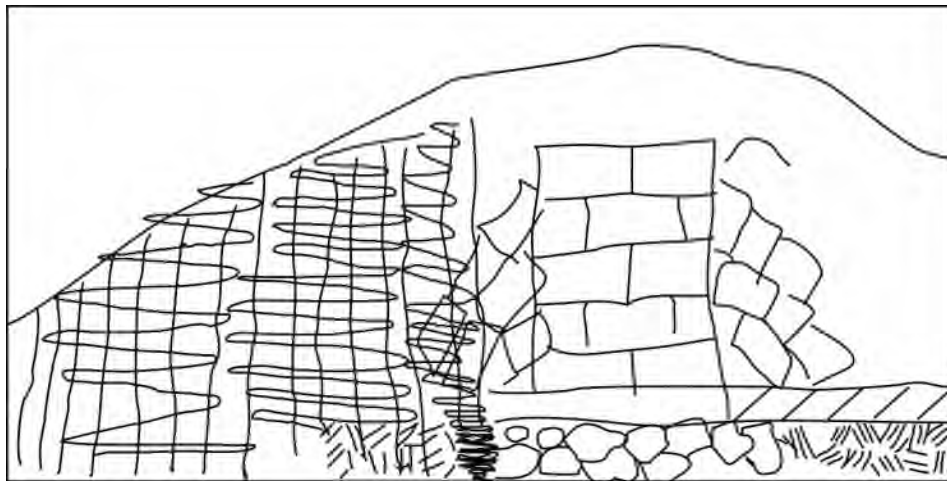

Рис. 4. Рисунок из Отчета А.А. Кроткова

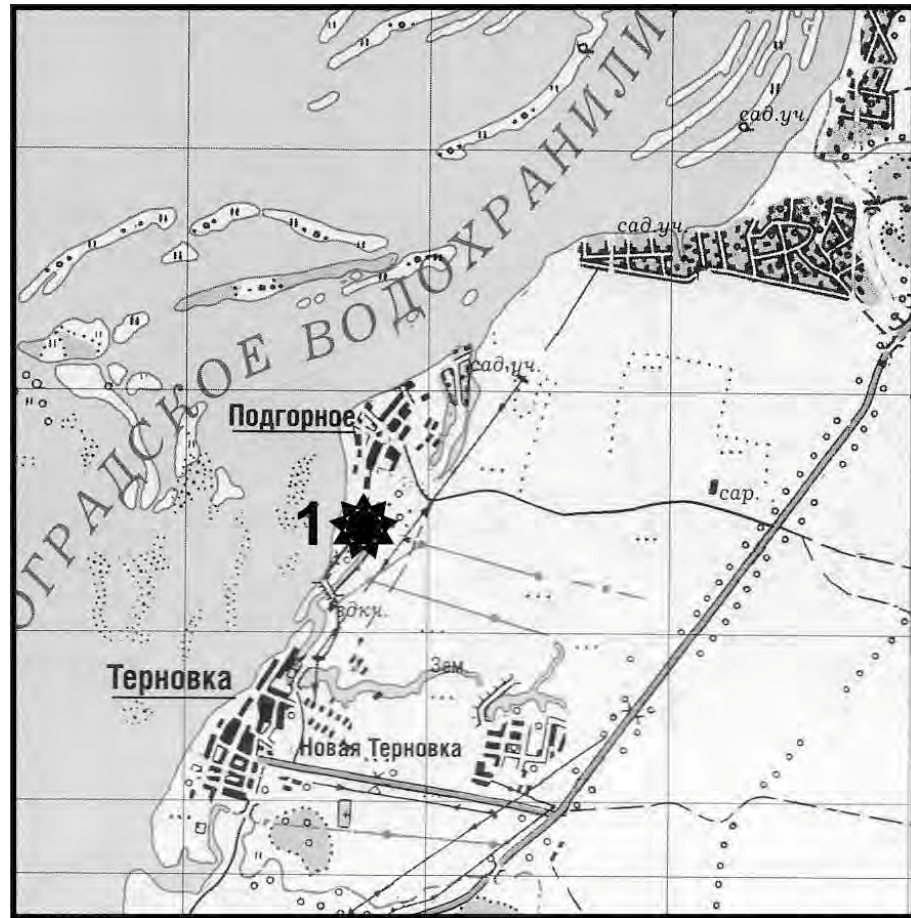

Рис. 5. Карта местности в окрестностях сел Подгорное и Терновка:
1 - поселение эпохи Золотой Орды на окраине с. Подгорное

Масловский А.Н.

**ЖИЛИЩА С КАНАМИ В ЗОЛотоОРДЫНСКОМ АЗАКЕ
КАК СЛЕДСТВИЕ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ
ИЗ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

Жилища с лежанками, отапливаемые при помощи горизонтальных дымоходов, – канов, одна из самых характерных черт домостроительства в золотоордынских городах Нижнего Поволжья [Федоров-Давыдов, 1994. С. 45–59]. Встречаются они в крупных городах и других районах. При этом, заметны региональные особенности. Например, в Болгаре печи, отапливающие каналы, расположены в отдельных помещениях [Аксенова, 1973; Полубояринова, 1987].

Не является исключением Азак. За несколько десятилетий раскопок здесь исследовано более полутора сот жилищ различных типов. К сожалению, до настоящего времени опубликована лишь небольшая часть жилых комплексов из раскопок Азака [Кузьмин, Масловский, 1993. С. 87–90, рис. 28–29; Белинский, Масловский, 1998. С. 182–183, рис. 2, 1; Гудименко, 1998. С. 286, рис. 1; Масловский, 2008. С. 92–95, рис. 1–3, 18–19; Грязных, 2012; Кравченко, Широченко, Гончарова, 2012. С. 183–213]. В данной работе рассмотрены некоторые из вопросов, связанные с жилищами, в которых были зафиксированы каналы. Не затрагивается вопрос о генезисе самих канов в золотоордынском домостроительстве.

Жилища с такими обогревательными сооружениями составляют не более 10% всех исследованных в Азаке жилых комплексов. Учитывая плохую сохранность наземных жилищ в Азаке, связанную, в том числе, с их конструктивными особенностями (земляные полы, тонкие турлучные стены и др.) и то обстоятельство, что такие значимые конструктивные элементы, как каналы сохраняются лучше, процент жилищ с каналами в реальности был еще меньше. Для раскопа с наибольшим числом исследованных жилищ (ул. Толстого, 41 (2000–2003 гг.) доля жилищ с каналами составила 4%. Малая распространенность канов, вероятно, характерна для всех западных регионов Золотой Орды [Кравченко, 1998. С. 37].

Большинство жилищ с каналами из раскопок Азака относится к числу наземных (рис. 1). Ни одно из наземных жилищ с каналами не сохранилось целиком. Более того, совершенно недостаточно информации о характере возведения стен этих жилищ. Как правило, кроме самих канов и связанного с ними

отопительного сооружения, никакие другие конструктивные элементы не сохраняются. Поэтому классификацию таких жилищ приходится строить, опираясь на конструктивные особенности самих канов, которые в наземных жилищах достаточно однообразны. Все каны прямоугольной формы, с двумя дымоходными каналами (рис. 1) [Кузьмин, Масловский, 1994. С. 90, рис. 29]. Их размеры колеблются в среднем в пределах 2–3 м в длину и 1,2–1,5 м в ширину. Дымоходные каналы или вырезаны в материке или конструкция сложена из сырцового кирпича на грязевом растворе. Формат сырцового кирпича не стандартизирован. Ширина дымоходных каналов составляет 0,1–0,2 м. В высоту каны, за единичными исключениями, сохраняются до 0,1 м (на размер одного кирпича). Лишь в единичных случаях удавалось проследить, что сверху дымоходные каналы перекрывались жженым кирпичом. Основания вертикальных дымоходов прослеживаются очень плохо. Для отопления кана использовались как тандыры, так и простые земляные очаги. При этом в жилищах, помимо тандыра, отопляющего кан, могли находиться и другие теплотехнические устройства.

Земляночные жилища с канами редки и более разнообразны. По сути, каждое из них представляет собой отдельный тип. В 2009 г. на ул. К. Либкнехта, 13 было исследовано жилище № 2, где расчищены два разновременных кана (рис. 2) [Грязных, 2012. С. 365–372, рис. 3–6]. Если более ранний кан 1 с дымоходами, вырезанными в полу, достаточно типичен для Азака, то прочие каны уникальны. Каны устроены в суфе (3,2 × 1,6 м) высотой более 0,6 м. Отапливающий тандыр был встроен в саму суфу.

Жилище, исследованное на ул. Ленинградской, 100 в 2010 г. (рис. 3, 1), интересно, прежде всего, тем, что здесь прослежен редкий для Азака случай перепланировки жилища [Кравченко, Широченко, Гончарова, 2010. С. 197–203, рис. 15–16], что, возможно, указывает на смену владельцев дома. Первоначально, как и большинство жилищ Азака, оно не имело канов. Затем пространство землянки было разделено на две комнаты. В хозяйственном помещении находился тандыр. В жилой комнате к дощатой обшивке стены была пристроена суфа высотой до 0,5 м, со встроенным тандыром. После этого имели место еще два ремонта. Во время последнего из них дымоходы кана были забиты глиной, а поверх суфы из сырцового кирпича сложена прямоугольная печь. Подобная перепланировка с превращением канов в обычную суфу в материалах Азака больше не отмечена. Прямоугольная печь является большой редкостью для Азака.

Пожалуй, наибольший интерес представляет жилище № 1 на раскопе по ул. Ленина, 72 (рис. 3, 2), практически по всем своим характеристикам не имеющее аналогий в пределах Азака. Такими особенностями являются: 1. Наличие более двух обособленных помещений в пределах землянки; 2. Наличие отдельного помещения для тошны с полом, выстеленным кирпичом и каменной крышкой над тошной; 3. Пол жилой комнаты выстелен кирпичом; 4. Кан необычно длинный (более 5 м) и проходит через обе комнаты.

Анализируя жилища с канами из раскопок Азака, следует, прежде всего, остановиться на их датировке. Для большинства наземных жилищ надежные данные отсутствуют. Наличие в землянках большого числа монет [Грязных, 2012. С. 365, 372] не говорит о времени начала распространения данного типа

жилищ, поскольку указывает только на время их гибели. Отчасти могут помочь данные стратиграфии. В нескольких случаях каналы перекрывали комплексы первой половины XIV в. (жилище № 1 – Станция Юных Натуралистов, 1987 г., раскопки В.И. Перевозчикова; жилище № 1 – ул. Ленина, 75 Б, 2009 г., раскопки Э.Б. Широченко; жилище № 1 – ул. Дзержинского, 33, 2012 г., раскопки С.М. Гончаровой и др.). Еще более существенным представляется тот факт, что ни одно жилище, заброшенное в первой половине XIV в., канав не имело. Все данные указывают на распространение данного типа жилищ не ранее конца первой половины – середины XIV в. На это уже обращалось внимание в научной литературе [Грязных, 2012. С. 373]. Но даже и во второй половине XIV в. жилища с каналами не составляют большинства.

В чем причина того, что подобный тип жилищ распространяется спустя несколько десятилетий после возникновения города? Ответ на этот вопрос следует искать в тех изменениях, которые претерпевает городская культура. В 1343 г., в результате конфликта властей Золотой Орды и итальянских купцов, на несколько лет почти полностью прерываются морские торговые связи Азака. В 1346 г. город опустошает чума.

Одно из них, или оба эти события, приводят к определенным изменениям в материальной культуре и прежде всего в составе керамического комплекса. В 1340-х гг. было заброшено огромное количество жилых и хозяйственных построек. Состав находок из них резко отличен от более поздних комплексов.

1. В 1350-х гг. резко сокращается количество трапезундских амфор, а также византийской поливной керамики.

2. Увеличивается количество местной поливы, которая своими корнями, вероятно, восходит к столичному ремеслу. Получают распространение новые техники и стилистика орнаментации.

3. Распространение получает кашинная керамика нижеволжского производства, а также ряд групп импортной керамики, которые, по всей видимости, поступали в Азак через Нижнее Поволжье (ширванская и среднеазиатская полива, хумы). Обратим внимание на то, что само появление жилищ с каналами выглядит одномоментным событием.

К этому следует добавить, что появление жилищ с каналами совпадает с перепланировкой города. В частности жилища на раскопах по ул. Ленина, 75 Б и Дзержинского, 33 перекрывают заброшенные в это время городские улицы.

Все это, на мой взгляд, указывает на появление среди горожан новой группы населения. Было ли это результатом политики центральных властей Золотой Орды, как например, в случае с Судаком в 1327 г., или это результат частной инициативы каких-то этнокультурных общин, сказать сейчас затруднительно. Относительно жилища 1 с раскопа по ул. Ленинградская, 100 было высказано предположение о среднеазиатском происхождении хозяев дома [Кравченко, Широченко, Гончарова, 2012. С. 203]. Не отрицая, в принципе, вероятность наличия среднеазиатских корней у данной семьи, маловероятно, что переселение в Азак происходило напрямую из Средней Азии.

В качестве региона, откуда происходило переселение, наиболее вероятным представляется столичный регион Нижнего Поволжья. Такое предположение, относительно Азака, уже высказывалось [Грязных, 2012. С. 373]. Имен-

но здесь каналы являются почти непременным атрибутом жилых построек [Федоров-Давыдов, 1994. С. 45–59; Зиливинская, 2008. С. 17–92]. Здесь отмечено наибольшее количество их конструктивных вариантов и типов жилищ, в которых они сооружались. На это же указывает появление некоторых редких керамических импортов, которые наиболее вероятно попали в Азак вместе с домашним скарбом переселенцев.

Наиболее показательным примером является жилище, исследованное на ул. Ленина, 72. Целый ряд особенностей (кирпичный пол жилой комнаты, каменная крышка тошнау и др.) имеют четкие аналогии в городах Нижнего Поволжья. Таким же специфическим элементом является сочетание низкой подквадратной суфы и канала в жилище 1 на раскопе по ул. К. Либкнехта, 13 [Грязных, 2012. С. 362–364, рис. 1–2] отмеченное на Царевском городище [Глухов, 2010. С. 23].

Сказать, насколько широко распространился новый тип отопительных сооружений среди местного населения, в настоящее время еще затруднительно.

Литература:

Аксенова Н.Д. Жилые дома в Болгарах в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета (по материалам раскопок 1967–1971 гг. // СА. № 4. 1973.

Белинский И.В., Масловский А.Н. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская, 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Азов, 1998. Вып. 15.

Глухов А.А. Отчет об археологических раскопках на Царевском городище в Ленинском районе и проведение археологических разведок в Котельниковском, Октябрьском, Светлоярском и Городищенском районах Волгоградской области, произведенных археологическим отрядом «Гюлистан» Волжского гуманитарного института (филиала) ГОУ ВПО «Волгоградский государственный университет» на территории Волгоградской области в 2009 году. Т. 1. Волжский, 2010.

Грязных С.А. Конструктивные особенности двух жилищ XIV в. на раскопе в г. Азове по ул. К. Либкнехта, 13 // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2010 г. Азов, 2012. Вып. 26.

Гудименко И.В. Археологические свидетельства погрома Азака Тамерланом в 1395 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Азов, 1998. Вып. 15.

Зиливинская Э.Д. Раскопки усадьбы на Красном бугре Селитренного городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 6. Донецк, 2008.

Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев, 1986.

Кравченко С.А., Широченко Э.Б., Гончарова С.М. Раскопки в г. Азове в 2010 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2010 г. Азов, 2012. Вып. 26.

Кузьмин А.Ю., Масловский А.Н. Некоторые итоги исследования жилого квартала на углу пр. 3. Космодемьянской и ул. Крымской в 1991–1993 гг.

// Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. Азов, 1993. Вып. 13.

Масловский А.Н. Подвал купеческого дома конца первой половины XIV века из Азака // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 6. Донецк, 2008.

Полубояринова М.Д. Раскопки богатого дома золотоордынской эпохи в Болгаре // КСИА. № 190. 1987. С. 57-63.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

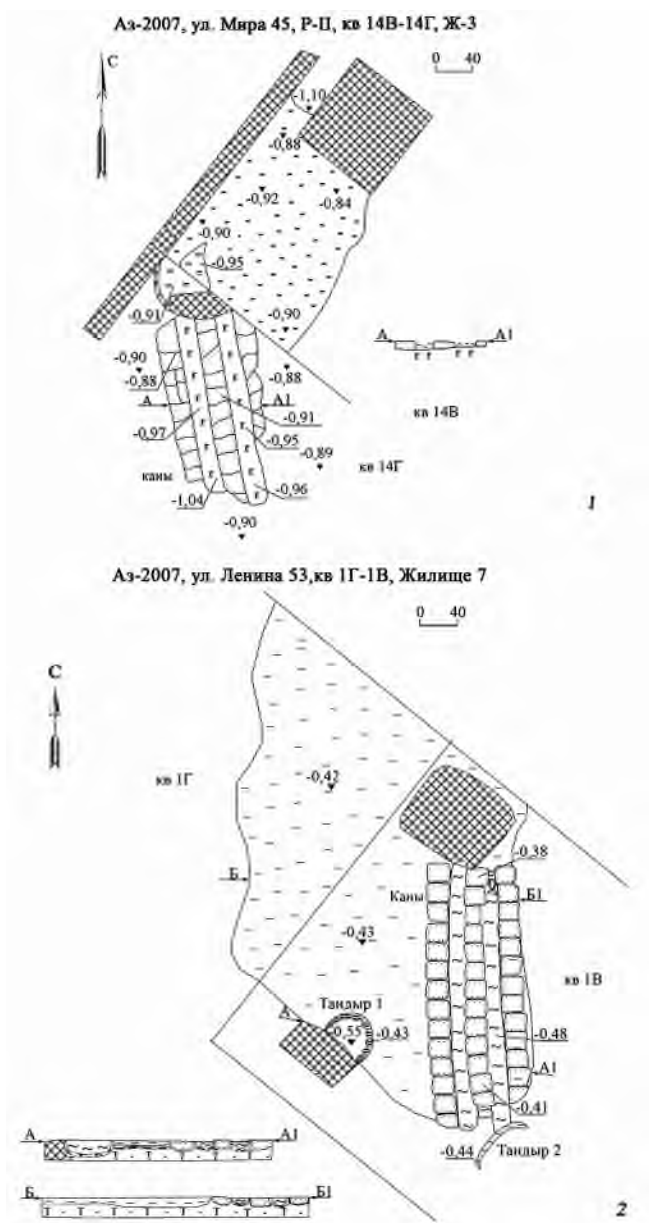

Рис. 1. Азак. Жилища с канями.
 1 - ул. Мира, 45, 2007 г. (Жилище 3);
 2 - ул. Ленина, 53, 2007 г. (Жилище 7)

Аз-2009, ул. К.Либкнехта 13, кв-3А,3Б,3В, Жилище-2

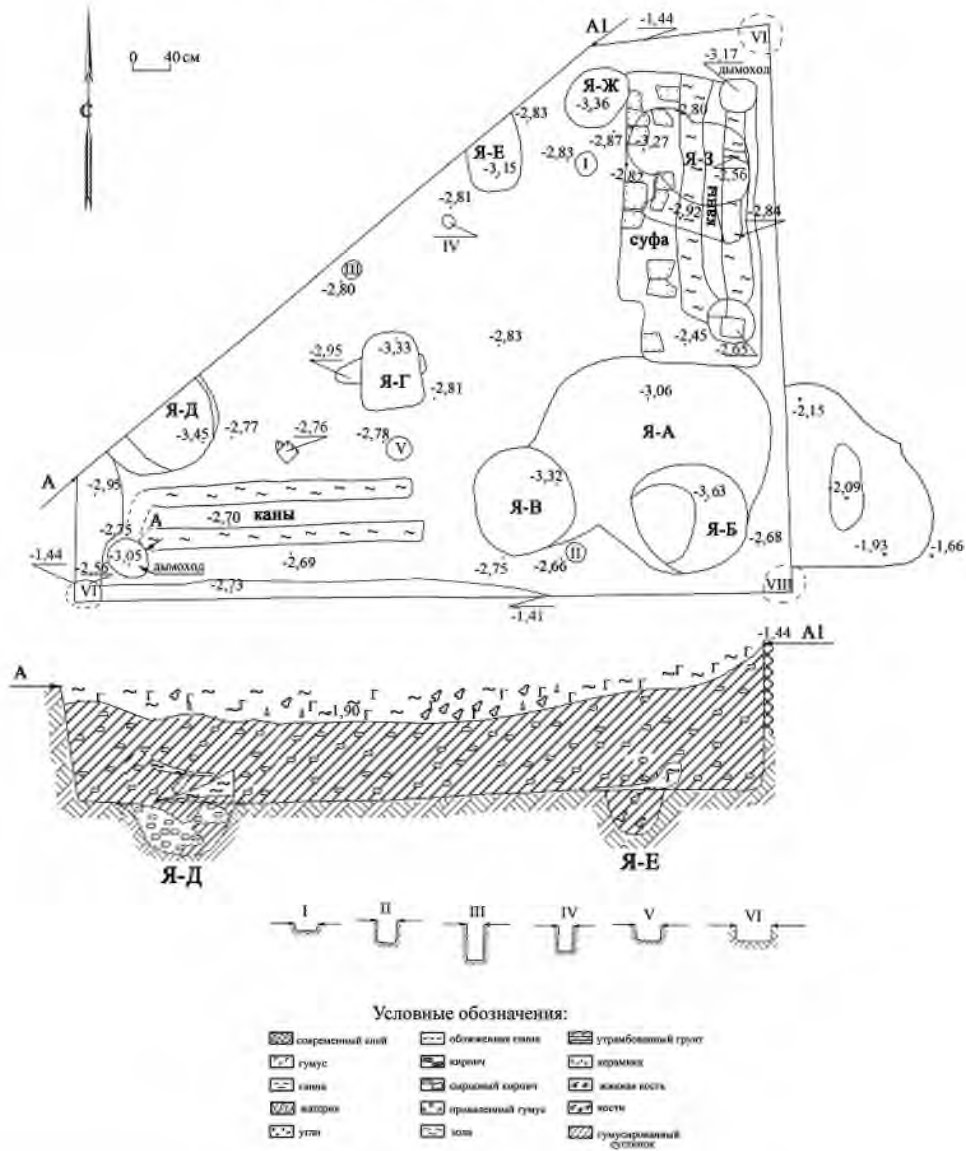

Рис. 2. Азак. Жилище с каналами.
ул. К. Либкнехта, 13, 2009 г. (Жилище 2)

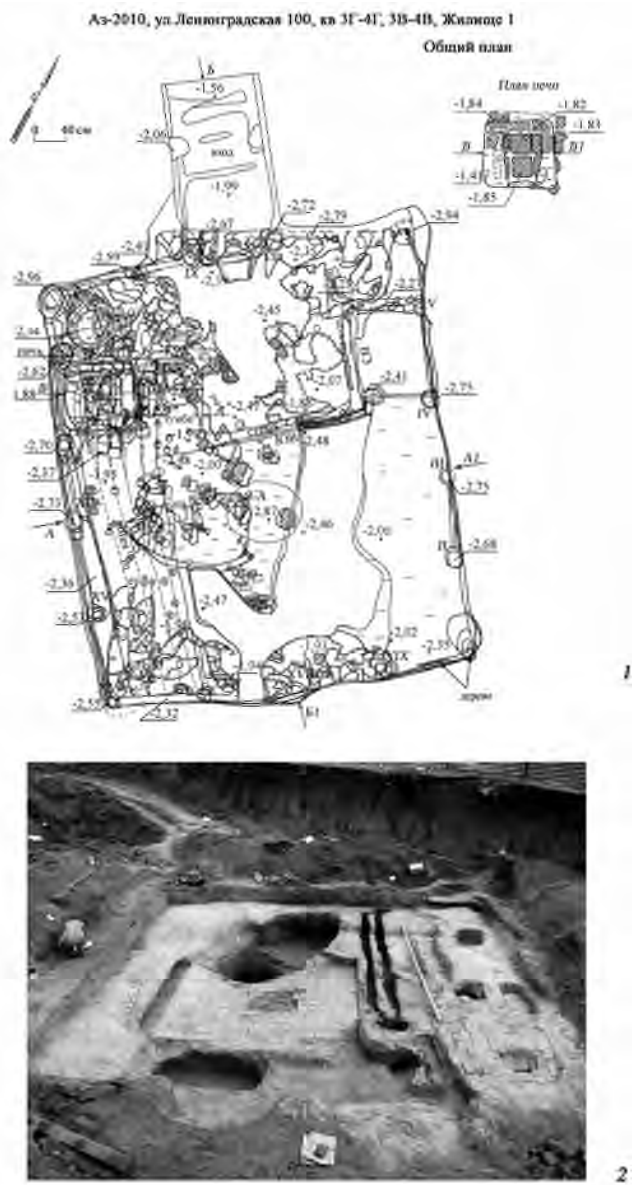

Рис. 3. Азак. Жилища с канами.
1 - ул. Ленинградская, 100, 2010 г. (Жилище 1)
2 - ул. Ленина, 72, 2011 г. (Жилище 1)

Мыськов Е.П.

СИСТЕМА ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – НАЧАЛЕ XIV В.

В середине XIII в. завоеванные монголами земли рассматривались как родовая собственность всех Чингисидов, именно поэтому в это время существовал своеобразный порядок престолонаследия, при котором потенциальными наследниками трона считались не сыновья умершего хана, а другие его близкие родственники. Обсуждение прав на престол того или иного претендента обычно происходило на курултаях – съездах членов правящего рода, в работе которых принимали участие и жены наиболее влиятельных представителей кочевой аристократии. Поскольку верховным правителем империи являлся каган, его мнение в утверждении определенной кандидатуры иногда было решающим. Как правило, ханами становились братья или племянники предыдущего монарха, лишь на первом этапе власть передавалась по прямой линии от отца к сыну. Обычно при избрании нового хана учитывалось традиционное монгольское правило старшинства. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, такой порядок избрания нового хана не давал возможности одной из ветвей рода закрепиться у власти и создавал подобие единства всего правящего дома [Федоров-Давыдов, 1973. С. 68–69]. Подобные нормы наследования верховной власти сформировались в кочевом обществе задолго до образования Монгольской империи и в XIII в. имели уже вековые традиции, при этом завещание трона конкретному лицу по воле предшествующего правителя практиковалось крайне редко [Трепавлов, 1993. С. 102, 108].

Таким образом, к настоящему времени удалось сформулировать общие принципы престолонаследия, существовавшие в Золотой Орде во второй половине XIII – начале XIV в., и очертить круг законных наследников, которые имели права на трон после смерти того или иного хана. Однако этих данных явно недостаточно для того, чтобы точно определить реальные преимущества каждого претендента. Кроме того, при таких исходных данных число кандидатов на трон неизбежно получается слишком большим и всего через несколько поколений может исчисляться уже многими десятками. Вряд ли такое положение действительно существовало, т. к. переизбыток законных наследников является серьезным дестабилизирующим фактором политической жизни любого монархического государства. Не совсем верные представ-

ления о традиционных правилах престолонаследия в Золотой Орде сформировали мнение, согласно которому практически вся политическая история этого государства представляла собой непрерывную череду смут, заговоров и кровавых переворотов.

Для реконструкции системы престолонаследия в Золотой Орде большое значение имеет так называемое «правило ндугу», хорошо известное по этнографическим материалам. Суть этого правила сводится к тому, что в династическом роду умершему правителю наследует не его сын, а родной брат, следующий за ним по возрасту. Это положение распространяется не на всех представителей одного поколения, а лишь на трех старших, которые поочередно по возрасту отправляют должность верховного политического главы. Затем титул правителя последовательно переходит к трем их старшим потомкам, а в случае их преждевременной кончины – к трем старшим представителям следующего поколения [Мисюгин, 1980. С. 38]. Если приложить это правило к имеющимся в нашем распоряжении данным по генеалогии золотоордынских ханов, то выяснится, что почти все его основные положения здесь выдержаны достаточно точно, хотя и в несколько трансформированном виде. В Золотой Орде верховная власть в рамках одного поколения последовательно передавалась не трем, а двум братьям, затем права на трон переходили к следующему поколению наследников через одного из племянников умершего хана, обычно старшего.

Совершенно ясно, что при такой системе престолонаследия верховная власть должна перейти от первого хана – основателя династического рода, к его сыну или внуку, т. к. в любом другом случае этот хан уже не может в полной мере считаться основателем династического рода. Следовательно, после кончины Бату на трон законным образом могли претендовать только два человека – Сартак и Берке, причем преимущества одного из них перед другим определялись не правилом возрастного старшинства. Если основателем династического рода считать Джучи, то ханом должен был быть провозглашен Берке, т. к. именно он являлся младшим братом Бату, следующим за ним по возрасту. Если же основателем династического рода считать Бату, то престол после него должен был занять сначала его старший сын Сартак, а затем – средний сын Тукал (рис. 1).

Как известно, после смерти Бату в 1256 г. по распоряжению кагана Менгу ханом был провозглашен Сартак, причем, это явно произошло без учета интересов большинства Джучидов, поскольку в это время он находился в Каракорме при дворе кагана. Очевидно, в лице Сартака Менгу нашел наиболее последовательного сторонника имперской политики, и именно это обстоятельство оказалось решающим. Сартак санкционировал завоевание земель за Амударьей и за это был возведен в ранг второго человека империи. В связи с этим становится понятно, почему Менгу назначил на место Бату Сартака, а не Берке – одного из самых ярких противников широкомасштабных завоеваний, возглавляемых царевичем Хулагу [Мыськов, 2003. С. 54]. Стремительное продвижение армии Хулагу на запад не устраивало многих Джучидов, поэтому сообщения о скоростижной кончине Сартака и версии о его отравлении представляются вполне вероятными [Тизенгаузен, 1941. С. 19].

После смерти Сартака в 1256 г. его мать Боракчин по повелению кагана Менгу была назначена регентшей при несовершеннолетнем царевиче Улагчи. Менгу постановил, чтобы она «отдавала приказы и воспитывала сына Сартака Улагчи, до тех пор, пока он не вырастет и заступит место отца» [Тизенгаузен, 1941. С. 22]. Такая позиция кагана представляется очень странной. При наличии нескольких совершеннолетних законных наследников (Берке, младшие братья Сартака Тукан и Абукан) на трон возводится малолетний ребенок, а реальная власть на весьма длительное время («пока он не вырастет») отдается вдовствующей царице (рис. 1). Возведение на трон малолетнего претендента почти всегда является следствием крупномасштабных политических интриг. Поэтому можно утверждать, что в данном случае дело было не в строгом соблюдении определенных правил престолонаследия, а в политической ориентации того или иного претендента. Судя по последующим событиям, Боракчин явно ориентировалась на Каракорум, никаких проблем с Менгу у нее никогда не возникало, а отношения с Хулагу можно охарактеризовать как союзнические и даже дружественные. Хулагу продолжал завоевательный поход, начатый в январе 1256 г., и это вызывало крайнее недовольство многих Джучидов. По этой причине кагану Менгу найти убежденных сторонников в среде золотоордынской аристократии было не так-то просто [Мыськов, 2003. С. 63–65].

После смерти Улагчи обстановка в Золотой Орде серьезно осложнилась. Боракчин стремилась, во что бы то ни стало, сохранить власть в своих руках, но для этого было необходимо посадить на трон малолетнего царевича и утвердиться при нем в качестве регентши. Никакого другого пути для достижения этой цели у нее не было. Наиболее подходящим кандидатом на трон Боракчин считала своего сына Туда-Менгу, т. к. в это время ему было не более 2 лет. Однако на этот раз деятельность Боракчин натолкнулась на серьезное противодействие золотоордынских аристократов, которые почти единодушно выступили против кандидатуры Туда-Менгу: «С нею не согласились на это ни ханы, сыновья Батухана, дяди сына ее, ни темники. Увидев их сопротивление, она вошла в сношения с Хулаку... народ, узнав, что она замышляет, послал вслед за нею, вернул ее... и убил ее» [Тизенгаузен, 1884. С. 150–151]. Судя по контексту этого сообщения, выборы нового хана проходили на курултае в присутствии многих Джучидов, причем, кандидатуру малолетнего Туда-Менгу почти никто не поддержал, Боракчин и ее немногочисленные сторонники потерпели сокрушительное поражение. Все эти события свидетельствуют о том, что центральному правительству в Каракоруме уже не удавалось контролировать положение дел, т. к. после смерти кагана Менгу в 1259 г. и начала вооруженной борьбы за императорский трон между Хубилаем и Ариг-Бугой вмешательство во внутренние дела Джучидов стало практически невозможным [Мыськов, 2003. С. 76].

В 1259 г. ханом Золотой Орды стал Берке. В течение нескольких лет он был отстранен от власти в результате происков кагана Менгу и его марионеток, хотя являлся одним из главных претендентов на трон, т. к. был младшим братом Бату, следующим за ним по возрасту. Наиболее вероятно, что его законным образом избрали ханом на курултае, отвергнувшем кандидатуру

Туда-Менгу. После кончины бездетного Берке верховная власть в Золотой Орде надолго закрепилась за прямыми потомками Бату.

В 1266 г. на золотоордынском троне утвердился внучатый племянник Берке Менгу-Тимур. По данным средневековых авторов, он был назначен преемником Берке еще при жизни последнего [Тизенгаузен, 1884. С. 193]. Необходимо отметить, что у нас нет никаких оснований для предположений о том, что Менгу-Тимур овладел золотоордынским тронном в результате заговора, дворцового переворота или ожесточенной борьбы с другими претендентами. После кончины Берке именно Менгу-Тимур являлся одним из наиболее вероятных претендентов на ханский трон (рис. 1). С одной стороны он был племянником Сартака, а с другой – внучатым племянником Берке и вторым сыном Тукана (скорее всего, к моменту воцарения Менгу-Тимура старшего сына Тукана Тарбу уже не было в живых).

После смерти Менгу-Тимура в 1282 г. золотоордынский престол занял его младший брат Туда-Менгу. Он был внуком Бату, сыном Тукана и вдовы Бату Боракчин. О воцарении Туда-Менгу почти ничего не известно, ясно лишь то, что его активно поддерживала старшая жена Менгу-Тимура – Джиджек. Очевидно, эта кандидатура устраивала и Ногая, «который (в то время) уже начальствовал у них» и поэтому обладал большим авторитетом в решении вопроса престолонаследия [Тизенгаузен, 1884. С. 155]. Вряд ли можно сомневаться в том, что поддержка Ногая и Джиджек сыграла определенную роль в решении вопроса престолонаследия в пользу Туда-Менгу. Однако это отнюдь не означает, что он был ставленником Ногая или Джиджек. Дело в том, что именно Туда-Менгу после смерти Менгу-Тимура являлся самым главным (если не единственным) законным претендентом на трон, т. к. был младшим братом умершего хана, следующим за ним по возрасту (рис. 1). В сочинениях многих египетских авторов имеются сведения о том, что Туда-Менгу окружил себя религиозными фанатиками и совершенно не интересовался государственными делами, поэтому в средневековой литературе широко распространилась версия о его помешательстве. Такой хан вполне устраивал политических авантюристов вроде Ногая и Джиджек, которые стремились сосредоточить всю власть в своих руках и только прикрываться именем безвольного правителя. Можно полностью согласиться с мыслью А.Ю. Якубовского о том, что правление Туда-Менгу было ничем иным, как политической фикцией [Греков, Якубовский, 1950. С. 84].

Все это, безусловно, не устраивало многих Джучидов, племянники Туда-Менгу стремились к изменению сложившейся ситуации. По-видимому, партия царевичей, возглавляемая Тула-Бугой, имела большой политический вес, кроме Тула-Буги в нее входили сыновья Менгу-Тимура Алгуй, Кадан, Кутуган, Малаган и Тогрулджа. Повод для смещения Туда-Менгу найти было не очень трудно: «Ему сказали, что коли есть царство, то необходимо, чтобы им правил царь. Он указал на то, что он уже отрекся от него (царства) в пользу братнина сына своего Тулабуги, да что его душа обрадовалась этому. И согласились с ним жены, братья, дяди, родственники и приближенные» [Тизенгаузен, 1884. С. 105–106]. Судя по этому сообщению, в 1287 г. Туда-Менгу добровольно отрекся от престола, а утверждение кандидатуры нового хана происходило на курултае. Однако в сочинении Рашид ад-Дина отмечено, что

сыновья и племянники Менгу-Тимура под предлогом того, что Туда-Менгу помещан, свергли его и «сообща 5 лет управляли государством» [Тизенгаузен, 1941. С. 69, 86].

Сейчас довольно трудно отдать предпочтение одной из этих двух версий и установить, какую роль в рассматриваемых событиях играли Ногай и Джиджек. Но в любом случае ясно, что Туда-Менгу был смещен по инициативе партии Тула-Буги, а Ногай либо вообще не принимал участия в этой борьбе, либо он и его сторонники на курултае по выборам нового хана оказались в меньшинстве. Ни в одном из известных источников нет сведений о том, что Тула-Буга был ставленником Ногая. Последнего вполне устраивала политическая безынициативность Туда-Менгу, а вот приход к власти большой группы новых политических лидеров не сулил ему ничего хорошего. При этом Тула-Бугу вряд ли можно считать узурпатором, т. к. он имел законные права на престол после смерти или отречения Туда-Менгу. Почти такими же правами обладал и его двоюродный брат Алгуй. Оба они были не только племянниками Туда-Менгу, но и старшими сыновьями его старших братьев – Тарбу и Менгу-Тимура (рис. 1). В сочинениях многих средневековых авторов имена Тула-Буги и Алгуя поставлены рядом, при этом везде они представлены не как противники или соперники, а только как союзники. В некоторых русских летописях и Алгуй, и Тула-Буга названы «царями» [ПСРЛ, 1841. С. 65], поэтому версия об их соправительстве, изложенная в сочинении Рашид ад-Дина, выглядит вполне правдоподобно. Все эти факты представляет безусловный интерес, поскольку очень ярко иллюстрирует основные правила престолонаследия в Золотой Орде.

Очевидно, Тула-Буга с самого начала не устраивал Ногая, и он мирился со сложившимся положением только потому, что новый хан какое-то время не вмешивался в его дела. Еще до резкого обострения ситуации Ногай много сделал для того, чтобы посеять раздор в лагере сторонников Тула-Буги. Решение этой задачи облегчалось тем, что между сыновьями Менгу-Тимура возникли серьезные разногласия. Одному из них – Токте даже пришлось бежать и искать защиты у старших родственников [Тизенгаузен, 1941. С. 69]. Повидимому, Ногай не скупился на обещания и поэтому добился желаемого – сыновья Менгу-Тимура Бурлюк, Токта и Сарай-Буга стали его союзниками. В 1291 г. Ногай двинулся навстречу Тула-Буге и сумел заманить его самого и всех его соратников в ловушку. Когда они были окружены, Ногай предложил Токте умертвить их всех. «Им покрыли головы и переломили спины. Это были Тулабуга, Алгуй, Тогрулджа, Малаган, Кадан и Кутуган» [Тизенгаузен, 1884. С. 108].

Таким образом, Токта овладел тронem при самом активном участии Ногая и стал управлять государством после переворота, в результате которого был убит законный хан Золотой Орды. Токта имел определенные права на золотоордынский престол, однако его реальные шансы были весьма призрачны и могли воплотиться в жизнь только при стечении целого ряда счастливых обстоятельств. Прежде всего, он был не родным, а двоюродным братом Тула-Буги и, к тому же, не старшим, а только пятым сыном Менгу-Тимура. После казни Тула-Буги гораздо больше прав на сарайский трон имел его

младший брат Кунчек, а также старший брат Токты Абачи и старший сын Туктунуки Бабудж (рис. 1).

В начале XIV в. одну из высших административных должностей в Золотой Орде занимал Кутлуг-Тимур. После смерти Токты он не только сумел сохранить большое политическое влияние и смог провести на престол своего двоюродного брата Узбека (мать Кутлуг-Тимура была дочерью Менгу-Тимура, т. е. сестрой отца Узбека Тогрулджи) [Ибрагимов, 1988. С. 75]. В возведении Узбека на трон самую активную роль играла и старшая жена его отца Баялунь. Для того чтобы посадить Узбека на трон она потратила огромное количество денег и опутала всех сетями интриг, подкупа и шантажа. Она давала деньги «для того, кто требовал денег, коней, для того, кто требовал коней, одежды, для того, кто требовал одежд, улаживала... дела того, кто требовал... услуг», позднее Баялунь заявляла Узбеку, что сама добыла ему царство [Тизенгаузен, 1884. С. 516].

Во всех египетских хрониках представлена мирная версия воцарения Узбека, в которой главные роли отведены Кутлуг-Тимуру и Баялуни. В «Истории Шейх-Увейса» это событие описано иначе, здесь отмечено, что Узбек стал ханом после того, как «вонзил нож в Ильбасмыша» – старшего сына Токты, а Кутлуг-Тимур «ударил ножом» эмира Кадака [Тизенгаузен, 1941. С. 100]. По данным Рашид ад-Дина после смерти Токты «эмиры и нойоны стали спорить относительно царской власти. Кутлуг-Тимур, эмир Сарая, сказал: «Царство принадлежит сыну Токтая, но сперва нужно схватить Узбека, потому что он враг (наш), а после того уже можно сделать царем сына Токтая». Они (эмиры) согласились с этим... В числе их (находился) один эмир, по имени также Кутлуг-Тимур; он известил Узбека о замысле их. Причиною вражды эмиров к Узбеку было то, что Узбек постоянно требовал от них обращения в правоверие и ислам... Они устроили пирушку, чтобы (на ней) покончить с ним. Когда Узбек прибыл на пир, то Кутлук-Тимур сообщил ему секретно о замысле эмиров... Узбек немедленно сел на коня, ускакал и, собрав войско, одержал верх. Сына Токтая со 120 царевичами... он убил» [Тизенгаузен, 1941. С. 141].

Рассказ Рашид ад-Дина очень похож на сказку, – трудно понять почему «законного» претендента на золотоордынский трон можно было возвести на престол только после устранения царевича Узбека. Такое решение вопроса предполагает, что полноправным преемником Токты был не его старший сын, а именно Узбек. Не совсем ясно, каким образом один царевич, пусть даже и достаточно влиятельный, мог оказывать такое давление на эмиров, что они решили его уничтожить. Общеизвестно, что в годы правления Токты многие высшие государственные служащие (визирь Кутлуг-Тимур, его заместитель Мухаммед-ходжа, правовед Имад ад-Дин, посол Токты в Египте Ала ад-Дин Али и др.) открыто исповедовали ислам, и никто их за это убивать не собирався. Но самое главное заключается в том, что Узбек стал мусульманином только после своего воцарения, причем, этот факт подтверждается независимыми источниками – египетскими хрониками и русскими летописями. В книге Ибндукмака недвусмысленно отмечено, что до решения вопроса престолонаследия Кутлуг-Тимур даже не пытался обратить Узбека в ислам, а только «взял с него слово, что когда он вступит на престол, то сделается мусульманином и будет придерживаться ислама» [Тизенгаузен, 1884. С. 323].

В русских летописях есть прямые указания на то, что «новый царь Азояк сяде на царьстве» и только после этого «обесерменился» [ПСРЛ, 1913. С. 87; ПСРЛ, 1885. С. 178]. Хотя воцарение Узбека достаточно подробно описано во многих русских летописях, в них нет ни слова о заговоре или убийстве сына Токты [ПСРЛ, 1856. С. 186; ПСРЛ, 1913, С. 87–88; ПСРЛ, 1928. Стб. 529; ПСРЛ, 1949. С. 160], и это вполне понятно, поскольку старший сын Токты никак не мог претендовать на золотоордынский трон. Он умер за три года до рассматриваемых событий в 1309–1310 гг. [Гизенгаузен, 1884. С. 123]. По достоверным данным Ибндукмака, Токта не оставил после себя детей «ни мужского, ни женского пола» [Гизенгаузен, 1884. С. 323].

По сравнению с другими потенциальными наследниками сарайского престола Узбек обладал серьезными преимуществами, он был не только племянником умершего хана, но и старшим сыном его брата Тогрулджи. Узбек являлся одним из основных претендентов на золотоордынский трон, хотя и не единственным, кроме него на престол могли претендовать Юз-Буга – старший сын Кунчека, Улус-Буга – старший сын Малагана и Кункас – сын Кутугана (рис. 1). Именно поэтому сторонники Узбека были заинтересованы в созыве курултая, а не в подготовке государственного переворота.

Таким образом, в XIII – начале XIV в. в Золотой Орде действовали четкие правила наследования верховной власти, которые выдерживались довольно строго и существенно отличались от известной лестничной системы. Среди ханов, управлявших Золотой Ордой в этот период, не было ни одного самозванца, только один из них (Токта) был узурпатором и только двое (Сартак и Улагчи) являлись марионетками кагана Менгу. Если не принимать во внимание этих марионеточных ханов, то картина получится почти идеальной: перед нами три пары братьев, старшие из которых были племянниками предыдущего монарха (рис. 1). Ни один из золотоордынских ханов от Берке до Узбека, не был сыном предшествующего правителя, а это значит, что вплоть до начала XIV в. в Золотой Орде продолжала сохраняться традиция, которая предусматривала избрание нового правителя из среды близких родственников умершего хана, но не из числа его прямых потомков. Сыновья умершего хана (не основателя династийного рода) автоматически исключались из числа претендентов на трон [Федоров-Давыдов, 1973. С. 68], хотя и сохраняли за собой право голоса на выборах нового правителя. Именно поэтому старший сын Токты «специально воспитывался для командования войсками», а не для наследования трона [Гизенгаузен, 1884. С. 123]. Очевидно, в случае сохранения традиционной системы престолонаследия после смерти Узбека ханом Золотой Орды был бы избран Газан-Оглан, а в случае его преждевременной кончины – Кончак, т. к. именно они являлись младшими братьями Узбека, следующими за ним по возрасту (рис. 1).

Литература:

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.

Мисюгин В.М. «Правило Ндугу» и следы социально-возрастного деления у некоторых европейских народов раннего средневековья // AFRICANA. Африканский этнографический сборник. Том XII. Л., 1980.

Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.) Волгоград, 2003.

Приселков М.Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950.

ПСРЛ. Новгородская первая летопись. Т. III. СПб., 1841.

ПСРЛ. Воскресенская летопись. Т. VII. СПб., 1856.

ПСРЛ. Патриаршая или Никоновская летопись. Т. X. СПб., 1885.

ПСРЛ. Симеоновская летопись. Т. XVIII. СПб., 1913.

ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. Т. I. Вып. 3. Л., 1928.

ПСРЛ. Московский летописный свод конца XV в. Т. XXV. Л., 1949.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л., 1941.

Трепавлов В.В. Государственный строй монгольской империи XIII в. М., 1993.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Обухов Ю.Д., Савенко С.Н.

ПОСУДА И ИНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ОБИХОДА ИЗ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА
С БЫТОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СТАВРОПОЛЬЯ
ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ

Находки металлических предметов домашнего обихода, в частности посуды, связаны, в основном, с захоронениями и не так часты на поселениях. Но мы располагаем сведениями о находках интересующих нас предметов на позднесредневековых поселениях и городищах Ставропольского края, в первую очередь, на территории Маджар.

Так, еще В.А. Городцов, проводивший археологические исследования на месте развалин города в начале XX в., указывал на свидетельства очевидцев, утверждавших, что при разборке развалин крестьяне находили медную посуду. Из отчета ученого, озвученного на XIV археологическом съезде в Чернигове в 1909 г., мы узнаем, что и он раскопал «несколько саманных домов в нижней части города, в так называемых Кирках, а также часть древней улицы на высоком берегу Кумы, вблизи городской больницы...» [Минаева, 1953. С. 155]. На холме № 2 были обнаружены остатки жилого дома, состоявшего из трех комнат. В первой комнате «..найлены шесть медных татарских монет, несколько железных гвоздей, железный пробой, обломки большого чугунного котла, обломок *медного сосудика* и другое». При раскопке соседних строений была найдена еще одна *медная чаша* без дна [Городцов, 1911].

В 1959–1961 гг., во время проведения работ по строительству шоссе дорог в восточных районах Ставропольского края, городище Маджар неоднократно посещал старший инженер центральной лаборатории УС № 7 Н.П. Ивлев. Собранный им материал был передан частично в Пятигорский краеведческий музей, а основная масса находок вместе с отчетом поступила в Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе (тогда краеведческий музей). В отчете Н.П. Ивлева содержатся указания о находках монет и других средневековых предметов при земляных работах в дедовском доме одного местного жителя, где нашли и *медную чашу*, которой долго пользовались [Фонд № 70, ед. хр. 1]. Подобный факт отмечался и в отчете В.А. Городцова: «...коваль Григорий Старосюков сообщил, что в 1902 году, когда он строил свой дом, то, при рытье подвала, попал на склеп, сделанный

из обожженного плитчатого кирпича, расположенного над ямой таким образом, что внизу лежали четыре кирпича, затем на них положено два и еще выше один кирпич; ниже кирпичей, в небольшой яме, засыпанной черной землей, оказались детские кости и *медный котел*, треснувший и при вынимании распавшийся на две части. Вес котла равнялся 26 фунтам: форма его была почти полушарною с небольшою, немного выдающимся дном. Снаружи котел украшался ломаною линией в виде городков и какими-то знаками, напоминающими надписи. Почти весь котел Старосюков употребил на кузнечное дело. Мне удалось видеть только один оставшийся кусок края котла, с сохранившимся на нем орнаментом» [Городцов, 1911]. И хотя речь идет о погребении, можно полагать, что предмет связан с поселенческим бытом.

В дальнейшем Т.М. Минаева опубликовала хранящийся в Ставропольском музее под № 3045 *сосудик из оловянно-свинцовистой латуни*, признанный аптекарской ступкой XIV–XVI вв. западноевропейского происхождения [Минаева, 1968. С. 284].

В 2009 году И.В. Волков публикует осмотренный у жителя города Буденновска в 1995 г. фрагмент стенки бронзового сосуда, инкрустированный серебряной и золотой проволоками, причем серебряной проволокой выполнена стилизованная виноградная лоза, а золотой – арабская надпись. Из-за того, что обнаружен был небольшой фрагмент, не удалось определить ни форму сосуда, ни его назначение [Волков, 2009. С. 387].

На основании изложенного можно заключить, что предметы металлической посуды на бытовых и погребальных памятниках ордынского времени, при обнаружении, нередко использовались по назначению, либо перекладывались, и лишь единицы попадали в музейные собрания. В связи с этим становится актуальным представление ряда предметов, найденных в последние годы на Маджарах, в окрестностях города Ставрополя и некоторых других местах, а также выявленных в собраниях музеев Ставропольского края. Значительная часть из них приобретена у частных лиц или на антикварном рынке для формирующегося фонда Маджарского археологического музея.

В начале 2000-х годов жителем г. Буденновска А.И. Сергиенко в пахотном слое были найдены медная чаша и светильник, в последствии безвозмездно переданные в фонд Маджарского музея. Данные предметы были отреставрированы и законсервированы.

Чаша (рис. 1, 1) представляет собой уплощенную полусферу с валиком у края венчика и является распространенным типом поясных чаш, без орнамента. Диаметр венчика 138 мм, диаметр дна 44 мм, высота 49 мм. К особенностям формы сосуда можно отнести полушаровидное донце, прогнутое во внутрь и наличие радиальных кругов, следов токарной обработки, как с внешней, так с внутренней стороны.

Так называемый *светильник* (рис. 1, 2) представляет собой чашечку, диаметром 68 мм с шестью симметрично расположенными подтреугольными вдавлено-выпуклыми выступами – сливами по верхнему краю, скрепленную с полый конусовидной ножкой, диаметром 26 x 45 мм, на окончании которой находится небольшой валик. На поверхности чашечки и ножки видны следы обработки напильником. Очевидно, что детали предмета изготавливались

отдельно, возможно посредством литья и затем соединялись. Поверхность предмета не орнаментирована. Общая высота 83 мм.

Благодаря находке целого предмета, стала возможной атрибуция двух фрагментов (рис. 1, 3) от подобных светильников меньшего размера, один из которых снабжен с внешней стороны двумя параллельными горизонтальными линиями, нанесенными чуть ниже окончания выступов. Внутренняя поверхность покрыта нагаром. Аналогии подобным изделиям авторам пока не известны.

Другая категория сосудов представлена фрагментарно, *носиками и крышками от кувшинов «водолев»*. Всего выявлено 4 экземпляра носиков и две крышки. Носики (рис. 1, 4) свернуты из цельного листа и представляют собой конические трубочки, на кончики которых надеты втулки шириной от 7 до 12 мм.

Сохранившаяся крышка состоит из двух частей, изготовленных из листовой меди, и имеет грибовидную форму. На верхней части диаметром 50 мм, в форме полусферы, есть восемь выпуклых ложков треугольной формы, сходящихся к отверстию диаметром 4–5 мм, на вершине крышки. Стенка прямая (высота 6–7 мм) с отогнутым наружу краем в месте соединения с ножкой. Цилиндрическая ножка высотой 17 мм и диаметром 38 мм отогнута наружу под прямым углом для соединения с верхней частью. Высота крышки 42 мм. Вторая крышка сохранилась фрагментарно (утрачена ножка). Верхняя часть диаметром 48 мм, и высотой 26 мм также имеет форму полусферы с отверстием в верхней части диаметром 4,5 мм. Поверхности обеих крышек без орнамента (рис. 1, 5).

В 2011 году в городе Ставрополе были приобретены два сосуда, относящиеся, по всей вероятности, к поясным чашам. Мотивом для приобретения послужила легенда об их обнаружении на территории Буденновского района, то есть, в округе города Маджары.

Медная чаша (рис. 1, 6) с уплощенным дном и слегка отогнутыми наружу стенками. Диаметр венчика 104 мм, дна 57 мм, высота 36 мм, толщина стенки 2–2,5 мм. Поверхность чаши снаружи и внутри полностью покрыта гравированным (врезным) и чеканным орнаментом. На внутренней поверхности бортика между верхней и нижней кольцевыми комбинациями из горизонтальных линий (по 3 с каждой стороны, средняя из которых имитирует веревочку) и узкой волнистой лозы с листьями, располагается зона, покрытая 18-ю смежными, чередующимися овальными медальонами одинакового размера и одним «полумедальоном». В последний вписано изображение тушканчика, приготовившегося к прыжку.

Из 18-ти медальонов 9 имеют изображения на фоне обильной растительности сидящего, обращенного вправо зайца с повернутой влево головой, за спиной которого находится птица. Девять других медальонов с поясным изображением обращенного вправо человека, также на фоне густой растительности. Фигуры людей не совсем идентичны, но, вероятно, здесь изображен один персонаж с крупным носом, глазами, без бороды и усов, облаченный в халат, запахнутый слева под правую полу. На голове у него высокая цилиндрический или усечено-конический головной убор.

На дне чаши, внутри кольцевой орнаментальной композиции, изображена сцена звериной охоты. На фоне растительного орнамента в виде цветов и листьев показан кошачий хищник (барс, лев), терзающий лань.

Внешняя поверхность чаши также содержит две орнаментальные зоны в виде кольцевых фризов у кромки чаши и на переходе от стенки ко дну. На стенке между орнаментальными зонами располагается изобразительная композиция, насыщенная образами и дополнительными элементами. В полосе шириной 17 мм показан в направлении по часовой стрелке так называемый «гон зверей» на фоне цветов и растительных побегов с сидящими на них птицами. Композиция включает: скачущего всадника, припавшего к шее коня, впереди которого бежит собака, хватаящая за хвост идущего впереди слона, накрытого попоной, на которой сидит обезьяна. Далее: впереди слона изображены лиса; лев или собака с повернутой назад головой и открытой пастью; заяц; собака, хватаящая за хвост скачущего перед ней оседланного коня без всадника; перед ним сидящий лев, бегущие лиса, два зайца, косуля (олень) и пара животных, напоминающих кошачьих хищников (львов), один из которых в прыжке догоняет слона (второго в сюжете) с сидящей на нем обезьяной. Пространство между вторым слоном и всадником заполнено фигурами льва, лисы, собаки, тушканчика и зайца. В общей сложности композиция содержит изображения одного человека (всадника), двух коней (лошадей), двух слонов с обезьянами, 18-ти различных животных и 13-ти птиц.

На дне чаши в центре помещен круглый медальон диаметром 31 мм с изображением животного (барс, лев) с повернутой назад головой и поднятым хвостом, на фоне цветов и растительных побегов. Шерсть на животных показана короткими стилизованными штрихами, но сами звери достаточно реалистичны.

Вторая чаша (рис. 1, 7) изготовлена из светло-желтого металла (бронза, латунь) и представляет собой по форме шаровой слой с плоским дном (деформировано). Диаметр венчика 117 мм, диаметр дна 47 мм, высота 58 мм, толщина стенки 3–3,5 мм. В отличие от медной чаши, описанной выше, эта орнаментирована только снаружи. Гравированный орнамент представляет собой расположенный под кромкой чаши кольцевой бордюр с изображением растительной плетенки из трех побегов, ограниченной парами врезных линий. Аналогичная орнаментальная композиция помещена на переходе от стенки ко дну чаши. По краю дна идет еще одна врезанная кольцевая зона с извивающейся лозой и четырех – пяти лепестковыми цветами на ней.

Между бордюрами следуют друг за другом семь фигурных медальонов с близкими сюжетами. На фоне цветов, а в некоторых случаях и ваз, располагаются три человеческие (женские и мужские) фигуры с длинными волосами и сходными по виду сложными головными уборами, напоминающими чалмы. Одна стоит в полный рост, а две по бокам – на коленях. Все трое одеты в длинные с запахом, подпоясанные халаты. Сюжеты различаются поворотом центральной фигуры вправо или влево, а также расположением рук у всех персонажей. Между медальонами, в углах, показаны цветы сложной формы.

В процессе подготовки и проведения в сентябре 2012 года Первого межрегионального, с международным участием, Маджарского археологического форума, в государственных музеях Ставропольского края, в городах Пяти-

горске и Кисловодске были выявлены два, точно не атрибутированных, экспоната, представляющие, как нам кажется, части одного составного предмета, а именно лампы – *курильницы* для благовоний (рис. 1, 8). Предмет, вероятно, состоял из цилиндрического тулова [Фонды ГБУК СК КИКМ о.ф. 4703/2] и навершия овально-конической формы [Фонды временного хранения ГБУК СК]. Предполагается наличие третьей, нижней часть лампы – жаровни на ножках, которая на данный момент утрачена.

Размеры (тулово): высота 231 мм, диаметр 159–160 мм, толщина металла 1,5–2 мм; (навершие): высота 251 мм, наибольший диаметр 211–212 мм, расстояние от острия до максимального диаметра также 211–212 мм.

Обе части покрыты аналогичным сложным прорезным растительным орнаментом, в который вплетены пять медальонов-личин, напоминающие головы кошачьих хищников (символизирующие солнце), и пять сюжетных медальонов.

На цилиндрической части предмета внутри пяти фигурных медальонов представлены сидящие или стоящие на коленях человеческие фигуры в длинных орнаментированных халатах с запахом: трех мужчин в «чалмах» и двух танцующих женщин с распущенными волосами. Один мужчина, повернутый влево, играет на струнном инструменте, а слева от него изображен большой кубок на высоком поддоне. Такой же кубок показан справа, перед расположенной в следующем медальоне, одной из танцующих женщин, повернутой вправо, в отличие от большинства персонажей, обращенных влево. Правая рука этой женщины высоко поднята и заведена за голову. Перед другой женщиной, после которого в медальоне изображена вторая женщина, показан стоящий музыкальный инструмент или кувшин с высоким узким горлом.

Аналогичная орнаментация и сюжетные изображения имеются и на овально-конической части предмета – навершии. Завершение конуса покрыто сложной восьмилепестковой цветочной композицией. Пять личин полностью аналогичны изображенным на цилиндрической части. Перед повернутыми влево двумя мужчинами – предметы, похожие на кувшины. Такой же предмет перед повернутой вправо одной из женщин с высоко поднятой и заведенной за голову правой рукой. По сторонам второй танцующей женщины – такие же два предмета с узким высоким завершением (кувшины) как на цилиндрической части.

Материал, элементы орнамента, форма медальонов, головных уборов, другие детали, манера и техника исполнения стилистически близки описанной выше чаше (рис. 1, 6).

Учитывая, что ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей» и ГБУК СК «Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость», где были обнаружены части лампы, обладают коллекциями подъемного материала из Маджар, можно предположить их маджарское происхождение. Однако в легенде находки она увязывается со средневековым городищем Рим-Гора в окрестностях Кисловодска, где предмет якобы обнаружили в 1920-х годах. Предмет действительно может быть поздним. Академиком из Узбекистана М.Е. Массоном высказано мнение о том, что изделие является поздним подражанием [Переписка..., // Фонды ГБУК СК]. Не исключено, что это подделка под «древние вещи» второй половины XIX – начала XX века. Основанием

для последнего предположения является общий вид, состояние металла, некоторые технические приемы изготовления и известные в литературе сведения о сложившемся в странах Востока особом промысле подделки древностей, порожденном научным и обывательским интересом к высокохудожественным археологическим находкам [Лалаянц, 1991. С. 17]. Имеются опубликованные сведения и предостережения о продаже таких вещей в начале XX века на Кавказских минеральных водах. Так, в популярном в то время путеводителе по Кавказу Григория Москвича 1907 года сообщается буквально следующее: «Новый вид мошенничества: сбыт поддельных древностей – предметов древних украшений, оружия, посуды и проч. Предметы эти подделываются настолько искусно, что легко вводят в заблуждение не только любителей-коллекционеров, но и ученых специалистов» [Путеводитель..., 1907. С. 155.]. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что в конце XIX века в Эрмитаж поступило значительное количество поясных чаш из драгоценного металла, в том числе и закупленных, с Северного Кавказа, что также могло способствовать стремлению изготавливать подделки.

Еще одна группа предметов происходит из одного места вблизи г. Ставрополя, еще одного средневекового поселения XIII–XIV вв., выявленного, к сожалению, грабителями, а не органами им противостоящими. Неизвестно, сколько памятников материальной культуры расхищено на этом поселении, не состоящем на государственном учете. Мы надеемся, что публикация предметов с утрачиваемого памятника привлечет внимание ученых и государственных структур.

Первый предмет – фрагмент чаши, либо ковша (рис. 1, 9), имевшего вид уплощенной полусферы из медного сплава с ровной, глянцевой темно-коричневой патиной, покрывшей всю поверхность, включая изломы. Приблизительный диаметр венчика 230 мм. С внешней стороны у самой кромки резцом выбран желобок ограниченный снизу прочерченной линией, ниже которой расположен кольцевой орнамент в виде слегка волнистой линии, также ограниченный прочерченной линией. Диаметр кружков циркульного орнамента 3 мм. Ниже следует геометрический орнамент, состоящий из условно равнобедренных треугольников, внутреннее пространство которых заполнено циркульным орнаментом. Размер сохранившегося треугольника 36 x 34 x 33 мм, диаметр кружков 3 мм. Над вершинами треугольников размещены круги диаметром 5 мм, выполненные циркульным резцом. С внутренней стороны стенки имеется гравированный (прочерченный) горизонтальный, по отношению к венчику орнамент. На расстоянии 13–15 мм от края венчика расположена полоска без орнамента шириной 5–7 мм. Ниже, в кольцевой зоне шириной 22–23 мм, прочерчены стилизованные изображения рыб, плывущих против часовой стрелки. Ниже композиции идет полоска циркульного орнамента, ограниченная линиями. Еще ниже, по направлению ко дну чаши, следует полоса шириной 7 мм без орнамента, также ограниченная линиями, после которой сохранился циркульный орнамент в два ряда. Диаметр кружков циркульного орнамента 3 мм. Фрагментарность сосуда не позволяет восстановить сюжет полностью. Как особенностью отделки данного сосуда необходимо отметить горизонтальные штрихи – следы лощения с обеих сторон.

Следующим эффектным предметом является медный, клепанный, с железным окованным венчиком котел (рис. 1, 10). Сосуд высотой 450–460 мм и диаметром края 500–515 мм, со слегка сужающимися кверху стенками, с отогнутым прямым венчиком, окованным железной полосой шириной 55 мм и расширенным, слегка выпуклым дном диаметром около 600 мм. Изготовлен из 13-ти листов меди, соединенных между собой заклепками. Стенки сосуда составлены из 8-ми пластин, образующих тулово сосуда, высотой 420 мм и шириной от 210 мм до 310 мм. Пластины соединены между собой идущими в один ряд с равным интервалом медными заклепками. К основанию тулова приклепаны четыре пластины, также соединенные между собой заклепками, и согнутые под тупым углом вовнутрь, образующие таким образом часть дна, к которому приклепан двумя рядами заклепок круглый лист диаметром 390 мм. Ручки в виде подвижных массивных, плоских, прямоугольных в сечении железных колец диаметром 147–150 мм, вставлены в железные петли, приклепанные к стенкам и венчику котла четырьмя заклепками. Предполагаемый объем сосуда около ста литров. Подобные по конструкции котлы (казаны) известны из погребений кочевников XII–XIV веков, но они гораздо меньше по размерам. Полные аналогии представляемому предмету авторам не известны.

Находки медных шлаков, крицы, обломков листовой меди, слитков, обрезков, стружки, литейных форм, а также фрагментов медных и бронзовых изделий и их заготовок, свидетельствуют об активной работе медников в Маджаре. Однако из-за слабой изученности ценного памятника федерального значения в археологическом плане, невозможно пока, с достаточной степенью достоверности, определять принадлежность той или иной продукции к мастерским Маджара. Это обстоятельство оставляет открытым вопрос о точной идентификации представленных предметов средневековья из Ставропольского края, которые вполне могли иметь маджарское происхождение. Надеемся на интерес и помощь специалистов в историко-культурной атрибуции представленных уникальных предметов.

Литература и источники:

Минаева Т.М. Золотоордынский город Маджар // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1953. № 5.

Городицов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин города Маджар в 1907 году // Труды Четырнадцатого археологического съезда в Чернигове, 1909 год / под редакцией Графини П.С. Уваровой. Том III. М., 1911.

Фонды Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. № 70, ед. хр. 1.

Минаева Т.М. Новые находки на городище Маджары // СА. 1968. № 1.

Волков И.В. Фрагмент бронзового сосуда с городища Маджары // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология и краеведение. Ставрополь, 2009. Вып. IX.

Фонды ГБУК СК «Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость». КИКМ о.ф. 4703/2.

Фонды временного хранения ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей».

Переписка Н.Н. Михайлова с Государственным Эрмитажем и академиком М.Е. Массоном в 1958–60 гг. Фонды ГБУК СК «Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость».

Лалаянц А. Десятая муза // Литературная Россия. 1991. 19.07. № 29 (1485).

Путеводитель по Кавказу Г. Москвича. 12-е издание. Ростов-на-Дону, 1907.

Рис. 1. 1, 6, 7 – чаши; 2 – светильник; 3 – фрагменты светильников;
4 – носики кувшинов; 5 – крышки кувшинов; 8 – «лампа-курильница»;
9 – фрагмент чаши; 10 – казан

Пачкалов А.В.

О ЛОКАЛИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ МЕЖДУ НИЖНИМ ПОВОЛЖЬЕМ И СЕВЕРНЫМ КАВКАЗОМ

Крупнейшими городами на Северном Кавказе в золотоордынский период были Дербент (на узком проходе между Каспийским морем и предгорьями Кавказа) и Маджар на р. Куме (на восточной окраине г. Буденновска в Ставропольском крае). По сообщению средневековых источников, Дербент (Дербент Бакинский, Дербент Кипчакский, Дербент Хазарский, Дербент Ширванский, Железные ворота, Темир-Капи) отделял Татарию от Персии.

Торговые пути тесно связывали территорию Кавказа с Поволжьем, где располагались столичные и другие города Золотой Орды. В письменных источниках, однако, почти не сохранилось сведений об этих торговых путях. По данным персидских источников, «из Сарая-Берке до Махмудабада Арранского и Гуштасфи ездили на арбах» [Тизенгаузен, 1941. С. 99]. По более поздним данным персидских авторов, расстояние от Дербента до Сарая составляло примерно четыре дня пути [Григорьев, 1845. С. 480]. Очевидно, что этот торговый путь функционировал еще задолго до прихода монголов. По сведениям ал-Истахри, уже в X в. существовал путь из Дербента через Самандар до Итиля. При этом указывалось, что от Самандара до Итиля в течение семи дней дорога проходила по пустыне [Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939. С. 169]. Из русских летописей известно, что тело князя Михаила Тверского, убитого на Северном Кавказе, везли из города Маджара к Бездежу на Волге. По данным Хамдаллаха Казвини, в XIV в. на территории государства ильханов существовали четыре «великие дороги», одна из которых (северная) вела из Махмудабада в район Дербента [Джидди, 1981. С. 92–93].

В нижневолжских городах Золотой Орды по археологическим данным известно большое количество иранских вещей (в т. ч. с надписями на персидском языке), встречаются подражания иранской керамике. Интересно, что монеты Ирана в XIII в. почти не проникали в Золотую Орду. Подавляющее большинство закавказских и иранских монет, найденных на территории Улуса Джучи, датируются XIV в.

Дербент был связан с дельтой Волги также и морским путем. Путешественники (в т. ч. и Контарини в XV в.) отмечают этот путь. О путешествии по морю из Дербента пишет и неизвестный испанский автор «Книги познания»

XIV в. [Markham, 1912. P. 58]. На Каталонском атласе 1375 г., на Лесинском портолане (XV в.?), а также и на других картах отмечено большое число топонимов вдоль северо-западного побережья Каспийского моря (особенно, между Волгой и Тереком). Идентификация этих топонимов сложна [Goldschmidt, 1944. P. 275]. Очевидно, что некоторые имена переданы с ошибками. Иногда в топонимах прослеживается элемент «tube» (тюркск. «тепе» - «холм»). Для одного из топонимов можно предложить достаточно уверенную локализацию: Iarlach на Лесинском портолане, вероятно, соответствует большому озеру к югу от устья Кумы, упомянутому у П.С. Палласа (созвучным именем называлась западная часть озера, по данным путешественника) [Goldschmidt, 1944. P. 276]. Наличие большого числа топонимов в регионе на средневековых европейских картах также говорит о посещениях этих мест торговцами из Западной Европы. Археологическим подтверждением таких контактов может являться находка в Дагестане монеты Бургундии, чеканенной до конца XV в. [Пахомов, 1949. С. 70. № 1198].

Некоторая информация о локализации дорог, которые связывали города Северного Кавказа с Нижним Поволжьем, содержится в трудах путешественников XVIII–XIX вв. Так, например, их описание оставил геолог Н.И. Барбот де Марни (1829–1877 гг.), в 1860–1862 гг. руководивший экспедицией в Калмыцкой степи. По сведениям Н.И. Барбот де Марни, «от этого-то татарского времени ... сохранились и степные дороги. Одна из них вела из прежнего города Джигита (Селитренное городище, развалины столицы Золотой Орды) ... Старинные дороги несомненно принадлежат татарам, а не приходившим впоследствии калмыкам» [Барбот де Марни, 1862. С. 8]. По сведениям Н.И. Барбота де Марни, «к кавказским горам вели в то время две дороги: одна от Астрахани через Алабугу, вверх по Куме, на Маджары, цветущий город кипчакских татар, и другая из Астрахани на Басы, Бузгуй, Санзыр, Улан-зуху, потом на Ергени через урочище Канцга-булук, Табан-хамур, Шарра-булук на Калаус и далее вверх по этой реке. С этой последней дорогой соединена известная в степи легенда о путешествии великанши Кубы-Хатынь, отправившейся из урочища Кук-Айгур для отыскания своего мужа Олон-Гассара. Великанша ехала на синих быках, оставляя глубокие следы своей колесницей. Быки на стоянках рыли рогами землю и доставали воду (урочище Бузгуй значит «рытие ямы»). Великанша близ Каспийского моря нашла своего мужа, но обезглавленного, отчего и урочище это получило название Башсцыз, что значит - без головы» [Барбот де Марни, 1862. С. 6–7]. Интересно отметить, что уже в русских летописях при сообщении о завоевании Астраханского ханства в середине XVI в. упоминается топоним Бастыш или Базцыз [ПСРЛ. Т. XIII]. Н.И. Барбот де Марни сообщал также о том, что в районе Маныча, «на шпилях (вершинах) впадающих в Маныч балок Малой Куберлы, Тушканной и Сухого Гашуна уцелели по настоящее время городища, еще никем не описанные». Н. Нефедьев в XIX в. также указывал на существование древних дорог в калмыцкой степи. Одна из них вела «от Алабужинской станции почтового Кизлярского тракта, на реку Куму к Маджарам и далее в область Кавказскую». Другая, «известная под именем Старого Крымского Шляха, а калмыками называемая воровской дорогой, потому что крымские татары некогда приходили по оной для набегов», «поворачивала с того же тракта от

станции Джуруковской». Еще одна дорога пролетала от Сарепты прямо на Терек (вела «от Сарепты по возвышенностям Ергеней до бывшего Александровского у. Кавказской области») [Нефедьев, 1834. С. 10]. Эти дороги обозначены и на картах XIX в. Например, на «карте Астраханской губернии с показанием на ней Калмыцких кочевых земель и других разнотельческих дач» 1844 г. отмечена дорога, идущая от Астрахани к Маджару [РГАДА. Ф. 192. Картографический отдел МГАМИД. Оп. 1. Астраханская губ. Д. № 16].

Топография торговых путей Улуса Джучи слабо изучена археологически. В письменных источниках содержится информация о торговых путях, которые связывали все крупнейшие золотоордынские города. Среднестатистические нормы дневных переходов эпохи средневековья составляли около 30 км. На отрезке между Сарайчуком и Хорезмом, в районе Устюрта выявлены остатки серии караван-сараев золотоордынского времени. Наличие подобных сооружений можно предполагать и на других участках подобных торговых путей. Вероятно, к торговому пути, связывавшему Нижнее Поволжье и Кавказ, может относиться городище у с. Басов, по дороге от станции Линейной, в пяти верстах от лежащего вблизи села Ильмена. Сведения об этом памятнике имеются в публикациях XIX в. По данным того времени, «городище это частью уже обвалилось: в нем случаются находки очень ценных вещей, вроде, например, серебряных браслетов (сведения от урядника указанного села)» [Экспедиция на Черную гряду..., 1894. С. 32]. По сведениям этнографа П. Небольсина, в 50 верстах к западу от Косихинской станицы располагались колодцы, именуемые Чулун («мусор», «кирпичный щебень»), где, вероятно, располагались развалины периода средневековья [Небольсин, 1852]. Следы золотоордынского поселения в 0,6 км от с. Николаевки, у железнодорож. Астрахань – Минеральные Воды были обследованы в 1979 г. Е.В. Шнайдштейн (керамика была собрана на площади 250 x 1000 м). Золотоордынская керамика на площади 300 x 500 м была встречена при разведочных работах ленинградской экспедиции в 1967 г. в 5 км северо-западнее ст. Зензели, расположенной по дороге из Астрахани на Северный Кавказ. Интересно отметить, что и в XVIII в. английский путешественник Ханвэй, следовавший этим путем, отмечал наличие в этом месте (Sizellee) караван-сарая [Hanway, 1753. P. 361]. Информация об археологических находках в этом регионе в публикациях XIX в. не очень определенная. К.Н. Малиновский отмечал, что «остатки прежде бывших поселений обнаружены ... по побережью Каспия, не далее, впрочем, линии, отделяющей теперь Мочаги от степи». Например: «похоронные памятники близ с. Басов, уроч. Башта (башня) на семь верст севернее с. Яндыковского, уроч. Белое Озеро, вблизи Эркетеневской ставки и пр... Встречаются следы поселений около соленого Можарского озера и южнее...» [Малиновский, 1892. С. 12]. Локализация этих памятников сегодня неясна. В 1920-е гг. у Б.В. Зайковского была информация о четырех средневековых городищах на территории Калмыкии, но их местоположения и описания исследователь не оставил [Зайковский, 1927]. Ряд поздних поселений был выявлен при археологических разведках 1979 г. вдоль береговой полосы сарпинских озер (западный, северо-западный берега оз. Ханата, около пос. Цаган-Нур, на западном берегу оз. Цаган-Усун). Точная датировка их еще неизвестна, но некоторые могут

относиться и к золотоордынскому времени. Наиболее значительный памятник – поселение у пос. Цаган-Нур с остатками кирпичных построек (на западном берегу одноименного озера). В ходе археологических разведок 1976–1980 гг. на территории Калмыкии были зафиксированы поселения позднего средневековья у пос. Ханата на оз. Ханата (восточный берег озера, в 3 км к югу от пос. Ханата), а также местонахождения средневековой (в т. ч. золотоордынской) керамики на берегу р. Яшкуль и др. Вероятно, эти находки связаны с торговым путем, который проходил из Маджара на север, в район Волго-Донской Переволоки. Находки золотоордынского времени были сделаны у пос. Нарын-Худук, располагающегося, вероятно, в районе древней дороги между Хаджи-Тарханом и Маджаром [Кольцов, 1982. С. 105, 106; Шнайдштейн, 1977. С. 182–183]. Вероятно, расположение торгового пути могут маркировать и другие находки керамики, а также монет, сделанные в Калмыкии и в Дагестане (в т. ч. в районе Ачикулака, Кочубея, в округе округа «Ахмедов Артезиан», у полустанка 13 разъезд и др.) [Пахомов, 1957. С. 67. № 1820; Виноградов, Петренко, Мялковский, 1979. С. 48, рис. 4, 35; Гусев, 1995. С. 86]. В погребении из песков Ачикулака в 1957 г., возможно, была найдена средневековая китайская монета [Нарожный, 2005. С. 23]. В южной части Астраханской области у с. Промысловка был найден клад серебряных монет Золотой Орды, сокрытый, судя по составу комплекса, в начале 1360-х гг., во время гражданской войны в Поволжье [Пачкалов, 2004, С. 159, № 1]. Вероятно, эта находка также имеет отношение к торговому пути, который связывал Северный Кавказ и Поволжье. В 2005 г. на левом берегу р. Джурак около с. Матросово в Яшалтинском районе были выявлены «руинированные постройки», возле которых, вероятно, существовали золотоордынские сооружения, разобранные на строительный материал [Кольцов, 2007]. На территории Калмыкии известны немногочисленные находки джучидских монет, а также средневековые погребения, которые косвенно могут указывать на близость поселений.

Очевидно, что следы поселений связаны в основном с несколькими торговыми путями, пересекавшими в средние века территорию современной Калмыкии: 1) из района Волго-Донской Переволоки в Маджар; 2) из Селитренного (Сарая) через Цаган-Нур, вершины Сала и Маныча к Азову (Азаку); 3) из Астрахани (Хаджи-Тархан) через Маныч в Приазовье, к Азову («старый Крымский» или «воровской» шлях), 4) из Астрахани (Хаджи-Тархана) в Маджар.

Литература:

Барбот де Марни Н. Геолого-орографический очерк Калмыцкой степи и прилежащих к ней земель (с геологической картой) // Записки Императорского Русского Географического Общества. Кн. 3. Отд. 2. СПб., 1862.

Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мялковский В.А. К этнической истории Северо-Западного Прикаспия в I тыс. до н. э. – XVIII в. н. э. (предварительное сообщение) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.

Григорьев В.В. О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды // Журнал Министерства Внутренних дел. №№ 2–4. СПб., 1845.

- Гусев С.В.* Северо-Восточный Кавказ в эпоху средневековья: монеты рассказывают. М., 1995.
- Джидди Г.А.* Средневековый город Шемаха (9–17 вв.). Историко-археологическое исследование. Баку, 1981.
- Зайковский Б.В.* Южное Заволжье в прошлом. Саратов, 1927.
- Кольцов П.М.* Результаты археологических разведок 1976–1980 гг. на территории Калмыцкой АССР // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982.
- Кольцов П.М.* Старокалмыцкое поселение Матросово 1 // Археология и история средневековых кочевников и Золотой Орды. Волгоград, 2007.
- Малиновский К.Н.* О задачах исследования Петровского Общества исследователей Астраханского края // Сборник трудов членов Петровского Общества исследователей Астраханского края. Астрахань, 1892.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л., 1939.
- Нарожный Е.И.* О некоторых находках XIII–XIV вв. с территории «Грозненской области» (по материалам личного архива грозненского краеведа М.П. Севостьянова) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2005. Вып. 5.
- Небольсин П.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852.
- Нефедьев Н.* Подробные сведения о волжских калмыках. СПб., 1834.
- Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1949. Вып. 4.
- Пахомов Е.А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1957. Вып. 7.
- Пачкалов А.В.* Новые находки кладов золотоордынских монет // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. Нижний Новгород, 2004.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л., 1941.
- Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию, в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб., 1809.
- Шнайдиттейн Е.В.* Исследования в Калмыкии // АО 1976 г. М., 1977.
- Экспедиция на Черную гряду и Золотой бугор // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1893 г. Астрахань, 1894.
- Goldschmidt E.P.* The Lesina portolan chart of the Caspian Sea with a commentary by G.R. Crone // Geographical Journal. Vol. 103. L., 1944.
- Hanway J.* An historical account of the British trade over the Caspian Sea. Т. I. L., 1753.

Пигарев Е.М.

**КРАСНОЯРСКОЕ ГОРОДИЩЕ
(или снова о двух золотоордынских столицах)**

Красноярское (Монгольское) городище расположено в с. Красный Яр, на слиянии рек Бузан и Маячная. Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. История Красноярского городища в исторической литературе, практически не освещена, хотя памятник был известен уже во второй половине XVIII в. [Катанов, 1907. С. 241; Полное собрание..., 1824. С. 143]. В Трудах Астраханского губернского Статистического комитета в разделе «Описание населенных местностей Красноярского уезда за 1875 г.» сообщается о многочисленных «могильных холмах» в окрестностях Красного Яра [Труды..., 1875].

В 1989–1991 гг. были проведены первые археологические исследования городища, которые выявили здесь остатки жилых домов, гончарной мастерской по изготовлению поливной посуды, городского кладбища [Казаков, Пигарев, 1998. С. 72–83; Артемьев, 1992]. Часть монет, полученных в ходе раскопок, была отчеканена на монетном дворе Сарая, и приходится на 20–30 гг. XIV в.

В 1990-х годах активизировалось изучение многочисленных средневековых могильников, находящихся в окрестностях Красного Яра [Васильев, 2009. С. 110]. Особенный интерес у ученых вызвали материалы грунтового могильника Маячный I, II. Этот интерес был обусловлен нахождением на могильнике достаточно большого количества доисламских погребений, содержащих в погребальном инвентаре золотоордынские монеты второй половины XIII – начала XIV вв. [Пигарев, 2000. С. 287–290; Котеньков, 2005. С. 41–44]. Это обстоятельство дало возможность некоторым исследователям сделать предположение о существовании на Красноярском городище первой столицы Золотой Орды города Сарай [Пачкалов, 2002. С. 177; Пачкалов, 2009. С. 73; Пачкалов, 2010. С. 339].

Научная дискуссия о существовании и местонахождении двух золотоордынских столиц – Старого и Нового Сараев ведется уже на протяжении многих десятилетий. С первым (старым) Сараем отождествлялось Селитренное городище, находящееся на территории Астраханской области, со вторым (новым) Сараем – Царевское городище, находящееся на территории Волгоградской области. Существование двух Сараев является точкой зрения, принятой большинством археологов и историков [Федоров-Давыдов, 1994. С. 20–

24; Егоров, 1985. С. 112–113; Волков, 2005. С. 329–330]. Часть исследователей, привлекая картографический и нумизматический материал, предполагали существование на всем протяжении жизнедеятельности государства единой столицы, объясняя различие названий в том, что в разное время город получал различные эпитеты и приставки [Евстратов, 1997. С. 93, 103; Гончаров, 2000. С. 346; Рудаков, 1999]. Исследователи, поддерживающие устоявшуюся точку зрения, аргументировано доказывают существование двух столиц [Пачкалов, 2001. С. 60; Волков, 2005. С. 329–330]. Царевское городище в настоящее время (и это не вызывает споров у исследователей) отождествляется с городом Гюлистан [Евстратов, 1997. С. 103], а Селитренное городище с городом Сарай ал Джебид [Пачкалов, 2010. С. 335]. Местонахождение первого, «старого» Сарая еще не известно.

В решении проблемы двух столиц ключевым является вопрос о культурных слоях Сарая XIII века. Для его решения, касательно Селитренного городища, предлагались следующие варианты:

- подъем уровня Каспийского моря в конце XIII века [Гумилев, 1966. С. 64, график] и ежегодные паводки смыли и похоронили под слоем песка весь город, существовавший в XIII веке, поэтому понятна и причина наречения Сарая Новым, т. к. город, отступая от реки, отстраивался заново [Евстратов, 1997. С. 103];

- принимая во внимание закономерность естественного роста городов и сел, стоящих на реках, развитие которых идет вверх по течению, получается, что самая старая часть остается ниже и превращается в заброшенный пустырь с руинами. Этот район расположен ниже по течению, к югу и находится под современными сельскими усадьбами [Гончаров, 2000. С. 345–346; Рудаков, 2000. С. 314]. Эти два пункта достаточно традиционны и периодически обсуждаются исследователями [Лебедев, 2005. С. 18–19].

На вопрос по поводу трансгрессии Каспия в XIII веке было совершенно определенно указано Г.А. Федоровым-Давыдовым: «Расположенный на высоком берегу город оказывался в зоне, недоступной даже большому подъему волжской воды. Самые низменные части городища расположены выше современного уровня Каспия на 13–14 м» [Федоров-Давыдов, 1994. С. 26]. Кроме того, существует специальная литература, подробно освещающая трансгрессии Каспия, где специалистами также утверждается, что в начале XIV века уровень Каспийского моря не мог стоять выше современного на 11 м, и был в среднем на уровне 26 м, что близко к современной ситуации [Берг, 1960. С. 290–291; Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге, 1987. С. 65–76. Табл. № 7].

Исследования последних лет в различных частях городища, в том числе и под современным селом, показали ситуацию, аналогичную участкам, исследованным ранее ПАЭ ИА РАН – жилая или производственная застройка, датируемая 1330–1400 гг. [Пигарев, 2004; Пигарев, 2005; Пигарев, 2006; Пигарев, 2008]. И, как справедливо было замечено В.П. Лебедевым, «И, если под селом лежат слои города XIII века, то в сборах населения должны встречаться монеты первой полувековой жизни столицы, но их нет» [Лебедев, 2005. С. 18].

В последнее время повышенный интерес ученых вызывает Красноярское городище и окружающие его средневековые могильники (об этом уже упоминалось выше). Ряд исследователей, принимая во внимание нахождение в

части погребений серебряных золотоордынских монет второй половины XIII – начала XIV вв, отождествляет его с первой золотоордынской столицей – городом Сарай [Пачкалов, 2002. С. 177].

В качестве основной причины переноса столицы с Красного Яра вверх по течению Ахтубы в сторону Селитренного городища вновь указывается трансгрессия Каспия [Пачкалов, 2010. С. 340], катастрофичность которой не подтверждается современными исследованиями [Иванов, Васильев, 1995. С. 10].

Более того, опираясь на нумизматический материал XIII века, ученые, предлагающие версию «Красный Яр (Старый Сарай)», не учитывают, что все ранние монетные находки были сделаны в погребениях могильника «Маячный I, II», находящегося на левом берегу реки Маячная. А городские остатки, исследовавшиеся в 1989–91 гг., находятся на правом берегу этой реки под современным поселком Красный Яр, и в них ранние монетные комплексы не зафиксированы [Казаков, Пигарев, 1998. С. 82; Пигарев и др., 2005. С. 148–149]. Здесь снова уместно повторить высказывание В.П. Лебедева: «И, если под селом лежат слои города XIII века, то в сборах населения должны встречаться монеты первой полувековой жизни столицы, но их нет» [Лебедев, 2005. С. 18].

То, что связь между городской (правой) частью Красноярского комплекса памятников с могильниками «Маячный», находящимися на другом берегу реки, есть, – бесспорно. Но, и то, что они развивались в различные хронологические периоды – также очевидно. По этому вопросу нами был сделан доклад на Маджарском межрегиональном археологическом форуме (Пятигорск – Прасковья – Буденновск, 24–25 сентября 2012 г).

В своей работе «К вопросу об имени золотоордынского города, находящегося на месте Красноярского городища в дельте Волги», А.В. Пачкалов, рассматривает различные варианты названий этого населенного пункта, предлагаемые другими исследователями, в числе которых, упоминает одно достаточно интересное – «Кызыльяр» [Пачкалов, 2010. С. 333–334]. На нем хочется остановиться подробнее.

В 1579 г. приказчик английской торговой компании Христофор Бэрроу, сопровождая торговые баржи из устья Северной Двины водным путем по Волге, описывая участок реки от Переволоки до Астрахани, упоминает о пяти караулах для охраны дорог. Один из караулов (пятый), находящийся в 30 верстах от Астрахани, назван им «Ичкебри» [Английские..., 1937. С. 265]. Если предположить, что река Ахтуба в XVI веке, как и в XIV–XV вв. являлась основным судоходным руслом, то название «Ичкебри» приходится на место современного Красного Яра. Косвенно это может подтвердить и перевод названия караула с татарского языка: «иске» – старый, «каберлек» – кладбище, т. е. «старое кладбище» – огромный могильник, располагавшийся у золотоордынского (Красноярского) городища.

Еще одно упоминание о населенном пункте у современного Красного Яра дает нам Ключаревская летопись, составленная ключарем Астраханского Кафедрального Собора Кириллом Васильевым. Описывая события, связанные с пребыванием в Астрахани атамана Ивана Заруцкого и Марины Мнишек (1614 г), он сообщает следующее: «Во время зимы в январе месяце, под предводительством того же Мамбеева и прочих, татары тронулись к северу, к Кизилю – красному бугру, (что ныне город Красный Яр. Кизиль – по-

татарски красный) где приуготовлена была у них для защиты земляная крепость. Воевода Голицын, не теряя времени, поспешил вслед за ними со своим войском и, нагнав их на самом красном бугре, приказал сделать нападение на означенную крепость» [Ключаревская летопись, 1887. С. 13].

Следующее упоминание о Красном Яре мы также находим в Ключаревской летописи при описании времени 4-го архиепископа Астраханского и Терского Рафаила и воеводы князя Семена Прозоровского (1620–1622 гг.): «При сем архиерее было нашествие на Астрахань киргиз-кайсаков. Город обложен был ими со всех сторон... Город находился в обложении три дня... неприятель... без страха приступил к городским и кремлевским стенам и начал ставить лестницы, деланные ими около красного бугра, что ныне Красный Яр. Сия орда была приготавлиема татарами около 5 лет и предводительствуема ими же» [Ключаревская летопись, 1887. С. 18–19]. Из этого мы можем сделать вывод, что и в 20-х гг. XVII столетия на месте бывшего золотоордынского города находился населенный пункт неподконтрольный русской администрации Астрахани.

По страницам 339–340 указанной выше работы А.В. Пачкалов делает предположение: «...Кандак / Хандак – первоначальное, домонгольское название местности, связанное с именем огузского племени. В середине XIII в. правителем Золотой Орды Бату здесь была основана столица – город Сарай (*учитывая, что название Кандак / Хандак сохранилось до сих пор в топонимике, надо заметить, что и в период существования Сарая оно не могло быть забыто*)» (курсив наш).

Мы совершенно согласны с коллегой в том, что историческая память народа существует долго, и топонимы могут переходить из поколения в поколение на протяжении десятилетий и даже столетий. В качестве примера: многие астраханские татары до начала XX столетия называли город Астрахань – Хаджитарханом (известны надписи на надмогильных камнях). Также не было забыто название города, находящегося на месте современного села Селитренное. Упоминания о Сарае, находившемся здесь, неоднократно встречаются в различных письменных источниках: 1554 г. – поход московских войск на Астрахань [ПСРЛ, 1904. С. 241]; 1640–41 гг. – путешествие Эвлия Челеби [Эвлия Челеби, 1979. С. 140–142]. Поэтому не совсем понятно, почему татары, имея свою крепость, и ведя оппозиционную политику в отношении русской администрации Астрахани, называют ее «Кизиль», а не «Сарай», что могло бы еще раз подчеркнуть гордое прошлое народа. Все-таки, принадлежность к первой столице чингизидов, на наш взгляд, много весомей, чем принадлежность к огузскому племени.

Таким образом, отождествление Красноярского городища с первой столицей золотоордынского государства городом Сараем без проведения более масштабных археологических исследований на обоих берегах реки Маячная, и без нахождения подтвержденных монетным материалом культурных слоев XIII века, несколько преждевременно.

Литература:

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке (пер. Ю.В. Готье). Л., 1937.

Артемьев С.Б. Отчет об археологических разведках в Красноярском районе Астраханской области в 1991 г. Астрахань, 1992 // Архив ИА РАН. Т. 1. № 16111.

Берг Л.С. Уровень Каспийского моря за историческое время // Избранные труды. Т. III. М., АН СССР. 1960.

Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М., 1987.

Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань, 2009.

Волков И.В. Окончательное решение вопроса о Старом и Новом Сараях и блеск новаторов // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2005. Вып. 7.

Гончаров Е.Ю. Старый и Новый Сарай – столица Золотой Орды (новый взгляд на известные источники) // Труды по археологии. Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии (историко-географический этюд). М., 1966.

Евстратов И.В. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). Часть 2. Саратов, 1997.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.

Ильина О.А. Историческая топография и локализация золотоордынских городов Нижнего Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006.

Казаков П.В., Пигарев Е.М. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989–1990 гг) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998. Вып. 1.

Катанов Н.Ф. О древностях Волги и Кавказа // ИОАИЭ. 1907. Т. XXIII. Вып. 3.

Ключаревская летопись. История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней бунтах, о архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. Астрахань, 1887.

Котеньков С.А. Нумизматический материал золотоордынского времени из погребений грунтовых могильников «Маячный I II» // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV веков. Саратов, 2001, Муром, 2003. М., 2005.

Лебедев В.П. Судьба города Сарая XIII в // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». М., 2005.

Пачкалов А.В. К вопросу об интерпретации эпитета ал-Джедид (по материалам городов улуса Джучи) // Поволжье в средние века. Нижний Новгород, 2001.

Пачкалов А.В. О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды) // Археология та етнологія східної Європи: матеріали I дослідження. Т. 3. Одесса, 2002.

Пачкалов А.В. О местоположении Старого Сарая – столицы Золотой Орды // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2009.

Пачкалов А.В. К вопросу об имени золотоордынского города, находившегося на месте Красноярского городища в дельте Волги // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия / Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18-21 октября 2010 г.). Астрахань, 2010.

Пигарев Е.М. Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Евразии в эпоху средневековья. Донецк, 2000. Т. 1.

Пигарев Е.М. Отчет об археологических раскопках на территории села Селитренное Харабалинского района Астраханской области в 2003 году. Астрахань, 2004 // Архив АГОИАМЗ.

Пигарев Е.М. Отчет об археологических раскопках на территории села Селитренное Харабалинского района Астраханской области в 2004 году по договору с ОАО ЮТК «Астраханьсвязинформ» (исследование трассы для реконструкции СТС). Астрахань, 2005 // Архив АГОИАМЗ.

Пигарев Е.М., Скисов С.Ю., Лосев Г.А., Минаев А.П. Монетные находки с городищ «Красный Яр», «Лапас», «Чертово городище» // Труды международных нумизматических конференций / Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков (I МНК – Саратов, 2001; II МНК – Муром, 2003). М., 2005.

Пигарев Е.М. Отчет об археологических раскопках на Селитренном городище в Харабалинском районе Астраханской области в 2005 году. Астрахань, 2006 // Архив АГОИАМЗ.

Пигарев Е.М. Отчет об археологических раскопках на Селитренном городище в Харабалинском районе Астраханской области в 2007 году (черепяное поле). Астрахань, 2008 // Архив АГОИАМЗ.

Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. III.
ПСРЛ. Т. XIII. СПб., 1904.

Рудаков В.Г. Вопрос о существовании двух Сараев и проблема локализации Гюлистана // Ученые записки (Гыйльми язмалар) Татарского государственного гуманитарного университета. Казань, 1999. Вып. 7.

Рудаков В.Г. К вопросу о двух столицах Золотой Орды и местоположении города Гюлистана // Труды ГИМ. 2000. Вып. 122.

Труды Астраханского статистического комитета. Астрахань, 1875. Вып. 5.
Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979.

Попов П.В.

**К ВОПРОСУ ОБ ОБОСНОВАННОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ
БУДДИЙСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В ЗАХОРОНЕНИЯХ
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ**

В последние годы своей жизни известный челябинский археолог В.П. Костюков занимался разработкой проблемы распространения буддизма на территории Улуса Джучи. Результаты его исследований по данной теме были оформлены им в большую программную статью «Буддизм в культуре Золотой Орды» [Костюков, 2006. С. 177–207].

Обзор нарративов, проведенный В.П. Костюковым, свидетельствует о принадлежности значительной части монгольской и золотоордынской аристократии к последователям буддийской религии. Анализируя особенности погребального обряда буддийских общностей Сибири и Дальнего Востока, автор отмечает ряд аналогичных характеристик, встречающихся в захоронениях, расположенных на территории Золотой Орды, что, по его мнению, свидетельствует о принадлежности погребенных к буддийской общине. В качестве идентифицирующих черт он выделяет: южную ориентировку погребенных, наличие монет или драгоценностей в районе головы, во рту, в руках покойного, неестественное положение рук, когда одна их них как бы прикрывает рот умершего, обертывание или покрытие тела и, в особенности, головы тканью, а также мумифицирование умерших.

Археологические материалы показывают, что буддизм был довольно широко распространен среди населения Улуса Джучи. При этом анализ черт погребального ритуала не позволяет выделить какой-либо унифицированный буддийский обряд. В качестве причины подобной ситуации В.П. Костюков отмечал отсутствие жестких требований в буддизме к погребальному ритуалу и, как следствие, его высокую степень вариативности [Костюков, 2006. С. 177–207]. Кочевники совершали захоронения по привычному обряду, дополняя его некоторыми особенностями. Это ярко иллюстрируется погребениями с типично кочевническим сопроводительным инвентарем (Высокая гора, Барановка, Купцын Толга, Алебастрово и др.).

Обилие погребального инвентаря в захоронениях с чертами буддийского ритуала позволяет говорить, что большинство умерших обладали высоким социальным статусом. Это подтверждают сообщения письменных источни-

ков о распространении буддизма в среде золотоордынской аристократии [Рашид ад Дин, 1960. С. 84]. Наибольшее распространение буддизм получает, по всей видимости, в раннезолотоордынский период, до принятия ислама Узбеком. Об этом ярко свидетельствуют захоронения этого периода в мавзолеях, а также ряд погребений кочевой знати. Несмотря на политику исламизации, проводимой золотоордынской администрацией, буддизм сохранил свое значение в качестве одной из основных конфессий на территории Улуса Джучи вплоть до второй половины XV века [Попов, 2011. С. 130].

При обсуждении проблемы выделения характеристик, связанных с буддизмом в погребальной практике населения Улуса Джучи, на V конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова, состоявшейся в с. Селитренное Харабалинского района Астраханской области, некоторыми коллегами было высказано сомнение в обоснованности их выделения. Так, прозвучало мнение о том, что указанные выше особенности могут не являться признаками буддийской погребальной практики и связаны с иными традициями.

Одним из выделенных признаков буддийского погребального обряда является обертывание тела покойника и его головы тканью. Данная черта зафиксирована на ряде могильников золотоордынского времени: Барановка, к. 25, п. 1. [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989. С. 52–54]; Маляевка V, к. 8 [Сергацков, Дворниченко, Демкин, 2001. С. 13–63]; Молчановка, 3-ая юго-восточная впадина, к. 3. [Синицын, 1960. С. 129–130]; Элистинский курганный могильник, к. 24 [Синицын, Эрдниев, 1971. С. 89–90]; Купцын Толга, к. 51, п. 1 [Шнайдштейн, 1981. С. 100].

Ранее находки ткани в захоронениях часто трактовались как остатки одежды. Однако, характер расположения этих остатков в вышеуказанных погребениях, и позволяет утверждать, что здесь фиксируются признаки именно обертывания покойников. Так в к. 6 могильника Новая Молчановка [Синицын, 1960. С. 135–136], к. 3 юго-восточной впадины могильника Молчановка [Синицын, 1960. С. 129–130] зафиксированы большие нераскroенные куски шелка, что не позволяет говорить о том, что они являются остатками одежды. Более того, выявлены захоронения, содержащие признаки обертывания тканью, а также фрагменты одежды. В п. 2, к. 3 могильника Высокая Гора прослеживались остатки кусков шелковой ткани на костях покойной, а также отдельные элементы одежды (обшлаги рукавов). Эти данные позволяют утверждать, что в указанных захоронениях фиксируется именно обряд оборачивания покойных тканью, а не создано ложное восприятие остатков одежды покойного.

В ходе дискуссии на указанной конференции высказывалось мнение о том, что оборачивание покойного тканью является чертой, характерной для мусульманского погребального обряда. Действительно, в исламе практикуется применение савана, в который заворачивается покойник, однако здесь наблюдается совершенно иная семантика этого ритуала. Согласно норм шариата запрещается хоронить умерших в какой-либо одежде, что и вызвало необходимость применения савана. Он представлял собой нарочито простое одеяние, призванное снивелировать имущественное неравенство между членами мусульманской общины – уммы. Особо осуждалось использование дорогих тканей: шелка, парчи и т. д. [Керимов, 1978. С. 50]. Саван был призван

также обеспечить и сохранить доворот тела покойного в связи с соблюдением кыблы и обращения лица в сторону Мекки.

В погребениях, трактуемых как совершенных согласно буддийской обрядности, для обертывания тела и головы покойного использовались дорогие сорта ткани: шелк, парча и т. д. Так в к. 8 в Маляевке V верхняя часть скелета (голова и грудная клетка) были покрыты парчой, расшитой растительным орнаментом, выполненным золотыми нитями [Сергацков, Дворниченко, Демкин, 2001. С. 13–63], в п. 1, к. 25 могильника Барановка на черепахе и грудной клетке зафиксированы остатки ткани малинового цвета с золотым шитьем, на тазовых костях и ногах – серо-зеленого цвета с золотыми нитями [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989. С. 52–54], а в к. 24 Элистинского курганного могильника кости скелета погребенного были покрыты большими кусками шелковой ткани, зеленовато-бурого цвета [Синицын, Эрдниев, 1971. С. 89–90]. Описанные покровы никак не могут интерпретироваться как саван. Во всех случаях характер обертывания не мог, каким-либо образом, повлиять на положение тела покойных. Об этом говорит положение умерших: все они лежат вытянуто на спине, с вытянутыми или слегка согнутыми руками, т. е. при погребении им не пытались придать какое-либо положение, в том числе и с помощью обертывания тканью.

Таким образом, обычай обертывания умершего тканью и применение савана в исламской среде, являются двумя совершенно разными ритуалами. Эти обычаи имеют различное происхождение, а также смысловую нагрузку, что не позволяет интерпретировать остатки в погребениях дорогих тканей, применяемых для обертывания как остатки савана.

Одной из черт буддийского погребального ритуала является покрытие лица или обертывание головы дорогими сортами ткани. Эта черта фиксируется в п. 1, к. 51 могильника Купцын Толга [Шнайдштейн, 1981. С. 100], к. 5 в Алебастрово, [Кригер, Железчиков, 1980. С. 302–303], в п. 3 мавзолея у с. Бахтияровка [Ким, 1993. С. 172–183]. В тоже время, остатки ткани на лице покойных встречаются в захоронениях христианских средневековых некрополей, расположенных в Крыму, в Запорожье и Подонье. Изучение данного вопроса показывает, что в последних практиковалось не покрытие лица умерших тканью, а положение покойниц с очельями и иными головными уборами. Данную гипотезу подтверждают материалы могильника Мамай-Сурка, где зафиксировано несколько сотен погребений совершенных по христианскому обряду. Здесь выявленные берестяные основы-подложки, которые четко позволяют идентифицировать остатки ткани на лбу и лице покойных как очелья, тогда как в приведенных выше захоронениях лицо было покрыто большими кусками ткани, часто захватывавшими и грудную клетку [Ельников, 2001. С. 142]. Этот факт наглядно демонстрирует, что традиции покрытия лица тканью среди христианского населения Восточной Европы не существовало, что позволяет с достаточной степенью уверенности связывать эту ритуальную особенность с буддийской погребальной обрядностью.

Еще одним значимым признаком, идентифицирующим погребения, совершенные по буддийскому обряду, является неестественное положение рук покойного, при котором одной из них прикрывается рот. Эта черта зафиксирована на следующих памятниках: Новоникольский II, дна 1, п. 5 [Шилков,

1975. С. 32–33], Купцын Толга, к. 39, п. 1 [Шнайдштейн, 1981. С. 100], Водянское городище, мавзолей № 3, п. 3 [Егоров, 1980. С. 81–84].

В тоже время, в средневековых христианских захоронениях фиксируются расположение обеих рук на груди покойного, на животе, в районе левого плеча. Формально такое положение конечностей умершего дает основание относить эти комплексы к числу совершенных по буддийскому погребальному обряду. Однако, детальный анализ данного вопроса показывает, что такое положение рук связано с бытовавшей среди средневековых христиан традицией положения рук покойного на груди или животе в виде креста. Об этом убедительно свидетельствуют материалы христианского некрополя к Мамай-Сурка [Ельников, 2001. С. 142]. Здесь наблюдается большая выборка погребенных, у которых руки сложены на груди, а кисти располагаются на ключицах. При этом ни в одном случае не зафиксировано положение одной из рук в районе рта, а второй вытянутой вдоль тела, что характерно для буддийской обрядности. И это при выборке, включающей сотни захоронений. Очевидно, что здесь прослеживаются две устойчивые традиции, имеющие различное смысловое значение и происхождение.

Одним из ярких признаков буддийского погребального обряда являлось положение монет, предметов из драгоценных металлов в рот или руку покойника. Подобный обряд прослежен в к. 6 могильника Новая Молчановка [Синицын, 1960. С. 135–136], п. 2, к. 46, Купцын Толга [Шнайдштейн, 1981. С. 100], п. 2, к. 3, Высокая гора [Кравец, 2005. С. 111–112]. Нахождение монеты в погребениях эпохи Золотой Орды специально рассматривалось Е.М. Пигаревым [Пигарев, 2000. С. 283–301].

В своей работе исследователь делает вывод о распространении среди населения восточных районов Золотой Орды традиции положения в могилу «обола мертвых». В дальнейшем, с принятием ислама этот обычай трансформируется в обряд «садака» – раздачу милостыни после похорон [Пигарев, 2000. С. 286]. В тоже время Д.В. Васильев в своем фундаментальном исследовании мусульманского погребального обряда указывает, что положение монеты является отклонением от норм ислама и является признаком языческого ритуала [Васильев, 2007. С. 143].

Им справедливо указывается также, что обычай «садака» не может иметь связи с традицией положения монет при погребении и является прямым исполнением требования ислама раздавать закят [Васильев, 2007. С. 145]. Сомнения в обоснованности трактовки обряда положения монет в захоронения золотоордынского времени как «обола мертвых» высказывались также В.П. Костюковым [Костюков, 2009. С. 217–218].

Анализ данного вопроса показывает, что проблему положения монет в рот и руку покойного следует расширить, так как довольно часто встречаются случаи аналогичного расположения предметов из драгоценных металлов: положение серебряной пластины на рот в к. 6 могильника Новая Молчановка [Синицын, 1960. С. 135–136], положение золотой подвески в рот умершего в п. 2, к. 3, Высокая гора [Кравец, 2005. С. 111–112], золотые подвески во рту покойницы, погребенной в мавзолее Укека [Кубанкин, 2007. С. 190–201]. Данные факты невозможно объяснить обычаем «обола мертвых». В тоже время, идео-

логическое обоснование этой традиции находится в буддийских ритуалах Китая, на что ранее указывал В.П. Костюков [Костюков, 2009. С. 218].

Таким образом, даже приведенный выше краткий анализ показывает, что выделение признаков буддийского посмертного обряда основывается на реально существовавших характеристиках ритуала, практиковавшегося определенными группами населения Золотой Орды, а не является результатом субъективного восприятия черт уже известных погребальных традиций.

Литература:

Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.

Егорев В.Л. Мавзолей Водянского городища // СА. 1980. № 1.

Ельников М. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы // Татарская археология. № 1–2 (8–9). Казань, 2001.

Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. М., 1978.

Костюков В.П. Следы буддизма в погребениях золотоордынского времени // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана, 2006. № 1–2.

Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник. М., 2009.

Кравец В.В. Кочевники среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж, 2005.

Ким И.А. Золотоордынский мавзолей у с. Бахтияровка // Древности Волго-Донских степей. 1993. № 3.

Кригер В.А., Железников Б.Ф. Позднекочевнические погребения у пос. Рубежка и Алебастрово в Уральской области // СА. 1980. № 1.

Пигарев Е.М. Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000.

Попов П.В. К вопросу о распространении буддизма в Золотой Орде (по данным археологических источников) // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Оды. Астрахань, 2011.

Сергацков И.В., Дворниченко В.В., Демкин В.А. Курганный могильник Маляевка V // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2001.

Синицын И.В., Эрднеев У.Э. Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года). Элиста, 1971.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М., 1975.

Шнайдиштейн Е.В. Раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981.

Прокофьев Р.В.

**К ОЦЕНКЕ ПРИМЕРНОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ
СЛАВЯНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ «ПОЛНОЕ» НА НИЖНЕМ ДОНУ**

На сегодняшний день наиболее исследованным славянским памятником Нижнего Дона является поселение Полное. Оно расположено в 20 км к западу от г. Миллерово Ростовской области, у подножия высоких меловых холмов коренного правого берега р. Полная (рис. 1). За четыре полевых сезона (2001–2004 гг.) на поселении было исследовано более 1100 м² площади, содержащей остатки 5 углубленных жилищ и 20 хозяйственных ям (рис. 2). Находки представлены славянской лепной кухонной керамикой боршевского облика, а также местной и импортной гончарной посудой, характерной для салтовомаяцкой культуры. Поселение датируется первой половиной IX в. [Прокофьев, 2007а, 2007б].

Основную массу находок составляют керамика (6794 фрагмента) и кости животных (4666 фрагмента). Компактность исследованного участка и наличие на нем жилых построек позволяет предположить, что все содержащиеся в культурном слое находки были оставлены обитателями именно этих жилищ. Прежде всего, это касается фаунистических остатков. Конечно, в раскоп могли попасть материалы, относящиеся к предполагаемым жилищам из близлежащей нераскопанной части памятника. Но точно так же часть находок, связанных с исследованными жилищами могла осесть на прилегающей нераскопанной территории. Поэтому считаем, что основные количественные показатели объективно отражают интенсивность жизнедеятельности обитателей исследованных нами жилищ. Иными словами, все найденные на поселении кости животных, употребляемых в пищу, мы считаем остатками особей, составлявших пищевой рацион жителей раскопанных жилищ за все время их функционирования. А значит представляется возможность определения продолжительности жизни (t) на данном участке памятника. С этой целью необходимо весь объем потребленной мясной пищи (v) разделить на количество едоков (n), а полученный результат разделить на средний уровень ежегодного потребления мяса (p), что можно выразить формулой:

$$t = \left(\frac{v}{n} \right) / p$$

Думаем, что все необходимые для этих вычислений показатели поддаются примерному определению на имеющихся в нашем распоряжении материалах.

Общий объем потребленной на поселении мясной пищи (v) вычисляется исходя из количества особей каждого вида животных и их убойного веса. Определения остеологического материала из раскопок 2001–2003 гг. опубликованы [Мягкова, 2003]. Последний год раскопок внес в них некоторые коррективы, как по видовому составу животных, так и по их количественному соотношению. Окончательные результаты по числу особей приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Вид	Количество особей	
	абс.	%
Бык домашний	32	26
Овца	22	18
Свинья домашняя	22	18
Лошадь домашняя	9	7
Коза	3	3
Собака	3	3
Кошка	1	1
Свинья дикая	9	7
Бобр	9	7
Байбак	5	4
Лиса	2	2
Волк	1	1
Зяец	1	1
Косуля	1	1
Барсук	1	1
ИТОГО	121	100

Вклад различных видов домашних животных в обеспечение мясной пищей правильнее выражать в соответствии со средним убойным весом одной особи (50% живого веса для КРС, МРС и лошади и 70% для свиньи) [Мягкова, 2003. С. 31], то есть с весом того мяса, которое в конечном счете шло в потребление населением.

В археологической литературе, по отношению к средневековым домашним животным, можно найти различные показатели среднего веса одной особи различных видов, причем зачастую без всякого обоснования использования именно приведенных чисел. Ю.Я. Мягкова по отношению к поселению Полное считает, что средний вес коровы составлял 250 кг, лошади – 350 кг, свиньи – 80 кг и одной особи мелкого рогатого скота – 50 кг [Мягкова, 2003. С. 32, таб. 3]. Рязанские исследователи оперируют следующими цифрами: корова – 250–300 кг, свинья – 30–130 кг [Лавренов, Розанова, Жулева, 2003. С. 200, 202]. Для близких к поселению Полное, в культурном и хронологическом плане, славянских поселений Днепровского Левобережья используются такие значения: живой вес взрослой коровы 200–250 кг, одной головы молодняка – 100–150 кг, свиньи – 50–60 кг, мелкого рогатого скота – 30–40 кг, но в пересчете этих значений на мясо совершенно не учитывается процент потерь от живого веса [Сухобоков, 1975. С. 106]. Источником этих сведений послужили необъясненные данные более ранней публикации, касающейся животноводства населения лесной полосы Восточной Европы эпохи бронзы – раннего

железного века [Краснов, 1971]. В недавней работе, специально посвященной скотоводству славянского населения Левобережья Днестра, применяются данные, почерпнутые как из справочной литературы 70–80-х гг. XX в., так и из археологических публикаций: КРС – от 215 до 450 кг, МРС – до 60 кг, лошадь – 320 кг, свинья – 100–250 кг [Горбаненко, 2003. С. 119]. На подмосковном древнерусском поселении Настасьино средний вес коровы определялся в 250 кг, лошади – 200 кг, свиньи, овцы и козы – по 25 кг [Антипина, Алексеева, 2004. С. 145, таб. 8]. Для древнерусского поселения у с. Григоровка в Среднем Поднепровье в различные периоды его истории вес одной особи коровы колебался от 372 до 450 кг, лошади – от 280 до 320 кг, свиньи – от 173 до 320 кг и одной особи мелкого рогатого скота – 47–60 кг [Журавлев, 2005. С. 224]. Расчет общей массы потребленной мясной пищи на Кормовом дворе в Коломенском основывался исключительно на современных весовых данных (корова – 500–550 кг, свинья – 100 кг), что не вполне корректно; или вовсе прямо не указывался, но становился ясным путем пересчета итоговых результатов (овца – 25 кг.) [Богаткина, 2005].

Использование сведений синхронных письменных источников оказывается также невозможным. Так, согласно документу IX в. в Египте при забое 224 овец было получено 4005 ратлей чистого мяса [Большаков, 2001. С. 200], или 17,88 ратлей мяса с одной особи, из чего с учетом потерь (50%) получаем вес одной овцы в 35,76 ратлей. Значение египетского ратля в метрических единицах для указанного времени определяется в 300 г, несколько большим весом обладал т. н. «канонический» багдадский ратл – 406,25 г. [Справочная таблица..., 1968]. В итоге согласно использованному документу живая овца в среднем должна была весить от 10,7 до 14,5 кг. Между тем, английский путешественник XVI в. А. Дженкинсон вес баранов Приаралья определял в 60–80 фунтов, а российский чиновник XIX в. А.И. Левшин – от 4 до 5 пудов [Кляшторный, Султанов, 2004. С. 257]. Очевидно, либо в источник закралась числовая ошибка, либо по каким-то причинам в нем были приведены заведомо ложные сведения.

Учитывая такой разброс данных, попробуем провести корректировку среднего веса одной особи различных видов домашних животных поселения Полное, что с учетом результатов раскопок всех лет даст несколько иную картину, по сравнению с ранее опубликованной [Мягкова, 2003. С. 32, таб. 3].

В современном свиноводстве вес хряка составляет 240–350 кг, матки – 150–250 кг, период набора молодняком 100 кг веса не превышает 6 месяцев (данные сайта meatinfo.ru). Столь высокие показатели, конечно, являются следствием длительного развития отрасли и применения современных методов откорма, а потому не могут быть применены к эпохе средневековья. Однако значительное место свиньи в поголовье домашних животных поселения Полное свидетельствует о ее целенаправленном разведении. Исходя из этого, а также, безусловно, учитывая мелкие размеры и молодой возраст свиней поселения Полное, в расчетах следует ориентироваться на 100 кг в качестве среднего веса одной особи, что согласуется с другими памятникам. Данный показатель занимает промежуточное значение между размерами свиней поселения Дураковское III, где их разведение не имело широких масштабов, и размерами более крупных свиней из раскопок Старой Рязани, выращивае-

мых более целенаправленно [Лавренов, Розанова, Жулева, 2003. С. 202]. Вес одной современной особи самки овцы домашней составляет от 45 до 100 кг, самца – от 70 до 160 кг (данные сайта ru.wikipedia.org), их размеры практически не отличаются от размеров животных эпохи средневековья [Лавренов, Розанова, Жулева, 2003. С. 201–202]. Поскольку количество особей мелкого рогатого скота учитывалось суммарно, т. е. овцы и немного уступающие им в размерах козы были объединены, то средний вес одной особи этой категории животных примем за 75 кг. Крупный рогатый скот поселения Полное существенно отличается по размерам от нынешних коров, поэтому использовать современные данные для определения их веса нельзя. Близкие Полному размеры имели коровы из раскопок Старой Рязани, живая масса которых определялась в 250–350 кг [Лавренов, Розанова, Жулева, 2003. С. 200], т. е. в среднем – 300 кг. Мало- и среднерослые лошади поселения Полное по своим размерам занимают промежуточное положение между современными домашними лошадьми и пони, что определяет средний их вес в интервале 200–400 кг (данные сайта ru.wikipedia.org), но они по размерам превосходят коров этого же поселения, поэтому средний вес одной особи примем в 350 кг, что соответствует данным Ю.Я. Мягковой [Мягкова, 2003. С. 32, таб. 3].

Таблица 2.

Вид	Количество особей		Вес одной особи, кг	Убойный вес, %	Общий вес	
	%	абс.			абс., кг	%
КРС	36	32	300	50	4800	54
МРС	29	25	75	50	938	11
Свинья	25	22	100	70	1540	17
Лошадь	10	9	350	50	1575	18
ИТОГО	100	88			8853	100

Как видно из таблицы 2, общий объем потребленного на поселении мяса домашних животных составил 8853 кг. Сюда же следует добавить данные по диким животным, объектам охотничьего промысла жителей поселения, также употребляемым в пищу – 9 особям дикой свиньи, 1 особи косули и 1 особи зайца. В современных справочниках (сайт ru.wikipedia.org) прижизненный вес дикого кабана исчисляется в пределах 150–200 кг, европейской косули – 20–37 кг, зайца – 4–6 кг. Эти параметры вполне применимы и к диким животным средневековой поры, поэтому средний вес кабана будем считать 175 кг, косули – 30 кг и зайца – 5 кг. Сходные данные по этим видам диких животных можно встретить и в археологической литературе [Журавлев, 2005. С. 224]. Убойный вес их также составляет 50% от живого. Таким образом, суммарный объем мясной пищи, полученной обитателями поселения путем охоты составил: $(9 \times 175 \text{ кг} + 1 \times 30 \text{ кг} + 1 \times 5 \text{ кг}) \times 50\% = 805 \text{ кг}$. Общий же объем мяса, полученного обоими способами жителями поселения Полное составил $8853 + 805 = 9658 \text{ кг}$.

Поскольку в данном случае мы оперируем количеством особей, а не костей, то в расчетах поправку на долю неопределенных до вида костей млекопитающих (40%) делать не стоит. Ведь невозможно, чтобы не поддались оп-

ределению все кости какой-либо определенной особи. Скорее всего, неопределенными остались сильно разрушенные фрагменты костей тех особей, которые были отражены в определениях. Какая-то часть костей, бесспорно, до нас не дошла. Они могли быть растащены собаками, сброшены с площадки поселения в балку или реку, бесследно утилизированы иным способом, например – сожжены или просто разрушиться от времени. Но доля этих костей по нашему мнению не могла существенно отразиться на количественном составе употребленных в пищу животных, исчисляемых поголовно. Значительное число костных остатков в культурном слое поселения, сопоставимое с количеством всех прочих находок, свидетельствует о том, что основной способ удаления бытового мусора и пищевых отходов заключался все-таки в обычном их выбросе на прилегающую территорию или в хозяйственные ямы. Отсутствие на поселении следов косторезного промысла, выражающихся в многочисленности находок костяных изделий, их заготовок, полуфабрикатов и отходов производства, также не допускает значительного сокращения объемов исходного остеологического материала. Исходя из вышеизложенного, учитывая незначительные невоскресшие участки культурного слоя между раскопом 2 и склонами балки и реки, а также то, что проведенные остеологические определения демонстрируют минимально возможное число особей, потери фаунистических остатков, исчисляемых поголовно, условно примем в 20%. Значит, реальный вероятный объем потребленного на поселении мяса составит $9658 \text{ кг} \times 120\% = 11589,6 \text{ кг}$. Округленно $v = 11590 \text{ кг}$.

Количество едоков (n), то есть жителей раскопанной территории поселения, определяется площадью исследованных жилищ, средним размером семьи и некоторыми другими демографическими показателями. Оценивая размеры славянских жилищ, И.И. Ляпушкин пришел к выводу, что они могли вмещать не более 4–6 человек [Ляпушкин, 1958. С. 224–226; 1968. С. 166]. Путем всесторонних и скрупулезных вычислений на основании не только археологических, но и письменных источников, В.К. Козюбой была определена среднестатистическая численность одной древнерусской семьи – 6,3 человека, что близко к мнению других исследователей (В.И. Довженок, В.А. Петрашенко, О.В. Сухобоков, П.П. Толочко, А.П. Томашевский – 5–7 человек). При этом отмечается, что реальное число жителей одного дома было несколько меньшим [Козюба, 2001]. Исходя из приведенных данных и условий конкретного памятника, среднее число жителей одного жилища поселения Полное может быть определено в количестве 5 человек. Всего, напомним, на раскопанном участке было исследовано 5 жилищ, в которых, таким образом, проживало 25 человек. Но данное число требует корректировки с учетом уровня бездетности семей для сельского населения Древней Руси, который составлял 20% [Козюба, 2001]. Поэтому каждое пятое жилище поселения Полное должна была населять бездетная семья, состоящая из 2 человек. Таким образом, искомое количество едоков (n) по нашим подсчетам было: $5 \text{ чел.} \times 4 \text{ жил.} + 2 \text{ чел.} \times 1 \text{ жил.} = 22 \text{ человека}$.

Средний уровень ежегодного потребления мяса (p) проистекает из биологических потребностей организма, природных условий и социальной сферы.

Определяя годовой мясной рацион крестьянской семьи, О.В. Сухобоков исходит из того, что одно крестьянское хозяйство в год на убой выделяло 1

особь крупного рогатого скота и от 2 до 5 особей мелкого [Сухобоков, 1975. С. 106], что в пересчете на одного человека в среднем дает от 48 до 60 кг. При внимательном изучении в таком расчете обнаруживается одна существенная ошибка, лежащая в самой его основе и перечеркивающая все полученные результаты. Дело в том, что приведенные вычисления опираются на данные новгородских писцовых книг 1495–1505 гг., в которых сообщается о размере т. н. «мелкого дохода», выплачиваемого крестьянами землевладельцу, в том числе и в виде продуктов животноводства [Кочин, 1965. С. 277–283]. Указанные в документах размеры подати определяли количество ежегодно забиваемых особей в одном крестьянском хозяйстве – не менее одной головы крупного рогатого скота и от двух до пяти голов мелкого скота [Кочин, 1965. С. 300]. Но суть заключается в том, что это поголовье животных шло вовсе не на прокорм самой семьи, как некритически применял эти сведения О.В. Сухобоков, а являлось той феодальной повинностью, которую в натуральном виде уплачивал крестьянин за пользование землей. Ничем не обособившая минимально необходимое ежедневное потребление человеком мяса, Ю.А. Краснов определяет в 0,5–0,7 кг [Краснов, 1971. С. 145], что, как нетрудно подсчитать, приводит к совершенно фантастическому уровню годового потребления в 182–255 кг на человека.

Такие цифры в 2–3 раза превосходят рекомендуемые медицинские нормы. Однако и в медицинских, биологически необходимых человеческому организму нормах не обнаруживается единства. По различным источникам существуют значительные колебания значений от 61 до 95 кг мяса в год [Покровский, 1982; Шкурихин, 1987]. Использовать современные статистические данные (сайты meatinfo.ru, rian.ru, rbk.ru, promved.ru, sdo.uni-dubna.ru и др.) для наших целей также не представляется возможным, поскольку в них речь идет об уровне потребления, который понимается, прежде всего, как определенный социально-экономический показатель. Этот показатель широко используется в политической полемике соперничающих партий, применяется при оценке современного состояния общества, для разработки планов развития различных сфер экономики, а потому на его формирование оказывают воздействие разного рода побочные факторы и общественные механизмы. Имеющиеся в нашем распоряжении цифры, как представляется, отражают состояние мясной промышленности, уровень ее развития, а не действительный реальный объем потребления мяса человеком. Такие расчеты строятся по простой схеме: объем произведенного товара на душу населения. Но произведенный товар не всегда значит купленный, а купленный не всегда используется по своему прямому назначению. Единственный вывод, который можно вынести из современных статистических данных, состоит в том, что объем потребления мяса есть динамический показатель, подверженные изменениям в соответствии с изменением уровня развития общества. Существует значительная разница по этому показателю между бедными развивающимися странами Востока и индустриально развитыми странами Запада. По отношению к Советскому Союзу и России присутствует тенденция повышения уровня потребления мяса с повышением уровня благосостояния населения. Исходя из этого, по отношению к эпохе средневековья следует ориентироваться на минимальные современные показатели. Так, в СССР в 1950 г. в

год на душу населения приходилось 26 кг мяса (slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00053/57500.htm).

Расчеты, проведенные по материалам древнерусского поселения второй половины XII–XIII вв. Григоровка, показывают, что на одного его жителя в год в среднем приходилось не более 10 кг мяса [Петрашенко, 2005. С. 118]. Примерно в то же время, во второй половине XIII в. в рационе питания матроса галер Неаполитанского королевства месячная норма солонины составляла 1,485 кг, что в год дает 17–18 кг [The Age of the Galley..., 2000. С. 111]. Столько же выделялось в начале XIV в. венецианцами на содержание одного наемника, которому, помимо прочих продуктов, полагалось в месяц соленой свинины «3 фунта и 3 унции, что в год составляет 39 фунтов и шесть унций с четырьмя скрупулами» [Марин Санудо, 2001. С. 551]. Сравнивая эти два значительно отличающихся друг от друга показателя, следует признать, что минимально необходимое количество мясной пищи отражено в рационе итальянского матроса и венецианского наемника, а не древнерусского селянина. Крестьянин недостаток организма в животном белке мог восполнить за счет иных источников питания, тогда как для галерного матроса, с одной стороны, вряд ли бы выделялись продукты с избытком, а, с другой, их объем не должен быть излишне малым, дабы избежать истощения и потери работоспособности в плавании. Кроме того, 10 кг мяса в год на человека есть вычисленный археологом по результатам раскопок показатель, который поэтому является приблизительным, тогда как 17–18 кг в год являются документальным свидетельством того времени. Кроме того, это свидетельство довольно точно совпадает с примерными данными ежемесячного мясного рациона взрослого мужчины Ближнего Востока эпохи средневековья (1 ратл баранины и 1 курица), вычисляемого по уровню расходов на различные группы продуктов питания [Большаков, 2001. С. 210]. Применяя в расчетах «канонический» ратл в 406,25 г (как усредненную величину) и вес курицы в 0,9–1,1 кг (исходя из документально зафиксированного уровня цен) [Большаков, 2001. С. 171, 201] в итоге получим все те же 1,3–1,5 кг мяса в месяц. Поэтому средний душевой уровень ежегодного потребления мяса (р) в нашей формуле с уверенностью примем за 18 кг.

Теперь, имея все необходимые показатели, определим продолжительность жизни (t) на исследованном участке памятника:

$$t = \left(\frac{11590}{22} \right) / 18 = 29,26 \text{ лет.}$$

Конечно, не следует абсолютизировать полученный результат, поскольку при его расчете делалась масса допущений. На основании этого с уверенностью можно говорить о том, что реальное время функционирования поселения Полное не могло быть менее 30 лет, но и вряд ли превышало 50. Следов перестройки жилищ раскопками выявлено не было. Между тем, на других раннеславянских памятниках и с учетом этнографических материалов было установлено, что длительное время полуземляночное жилище функционировать без какой-либо перестройки или же капитального ремонта не могло. Продолжительность такого использования жилища исследователями определялась в 15–20 лет [Березовец, 1963. С. 187], 25–30 лет [Персов, 1991. С. 81] или

40 лет [Південноруське село..., 1997. С. 12], то есть 1–2 поколения [Козюба, 2001], что прекрасно согласуется с полученными нами примерными данными о продолжительности жизни на поселении Полное.

Литература:

- Антипина Е.Е., Алексеева Л.И.* Остеологические материалы // Средневековое поселение Настасьино. Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 2. М., 2004.
- Березовец Д.Т.* Поселения улочей на р. Тясмине // МИА. № 108. Славяне накануне образования Киевской Руси. М., 1963.
- Богаткина О.Г.* Остеологические находки животных в Коломенском // www.museum.murom.ru – 2005 г.
- Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в. Социально-экономические отношения. М., 2001.
- Горбаненко С.А.* До історії тваринництва у слов'ян Лівобережжя Дніпра останньої чверті I тис. н. е. // Археологія. № 2. Київ, 2003.
- Журавлев О.П.* Результаты исследования остатков фауны // Петрашенко В.А. Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). Киев, 2005.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.
- Козюба В.К.* Историко-демографічна характеристика давньоруської сім'ї (за матеріалами історичних джерел) // Археологія. № 1. Київ, 2001.
- Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII – начало XVI в. М.; Л., 1965.
- Краснов Ю.А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э. М., 1971.
- Лавренов С.М., Розанова В.И., Жулева Н.М.* Домашние и дикие животные Рязанской земли (IX–XII вв.) // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань, 2003.
- Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое // МИА. № 74. М., 1958.
- Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА. № 152. Л., 1968.
- Марин Санудо.* Извлечение из «Секретной книги крестоносцев о новом завоевании и сохранении Святой земли» // История Средних веков. Крестовые походы (1096–1291 гг.). Сост. М.М. Стасюлевич. М.; СПб., 2001.
- Мягкова Ю.Я.* Роль охоты и животноводства на примере поселения Полное // VI Донские археологические чтения. Сборник научных докладов. Ростов-на-Дону, 2003.
- Персов Н.Е.* Относительная хронология жилищ городища Новотроицкого // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 4. 1991.
- Петрашенко В.А.* Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). Киев, 2005.
- Південноруське село IX–XIII ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури). Київ, 1997.
- Покровский А.А.* Диетология. М., 1982.

Прокофьев Р.В. Поселение IX в. на левобережье Северского Донца и вопрос о проникновении славян в Нижнее Подонье // *Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. Средневековые древности Дона.* М., 2007а.

Прокофьев Р.В. Славянское поселение «Полное» на Нижнем Дону. Вопросы планировки // *Археологические записки. Вып. 5.* Ростов-на-Дону, 2007б.

Справочная таблица денежных единиц и мер Халифата в переводе на метрическую систему // *Хрестоматия по истории Халифата.* М., 1968.

Сухобок О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975.

Шкурихин И.М. Химический состав пищевых продуктов. Справочник. М., 1987.

The Age of the Galley: Mediterranean Oared Vessels since pre-classical Times. Editors: R. Gardiner, J. Morrison. Chartwell Books Inc., Edison, NJ., 2000.

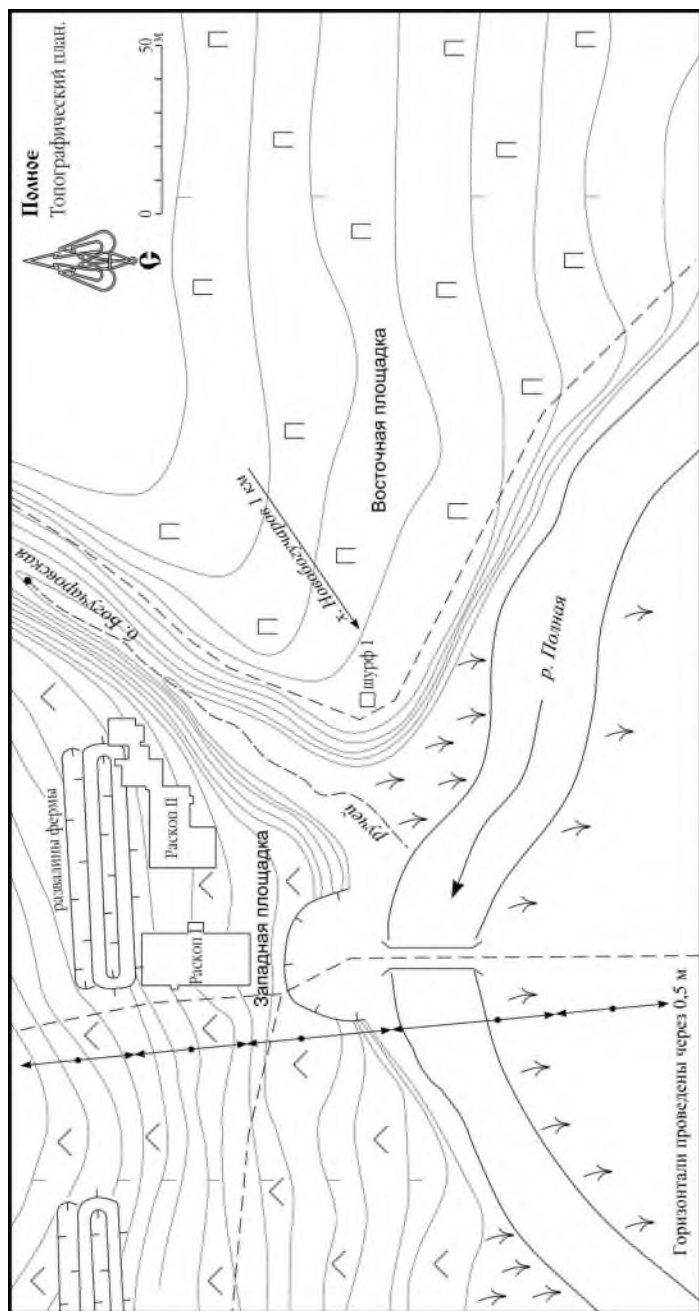

Рис. 1. Поселение Полное. Топографический план

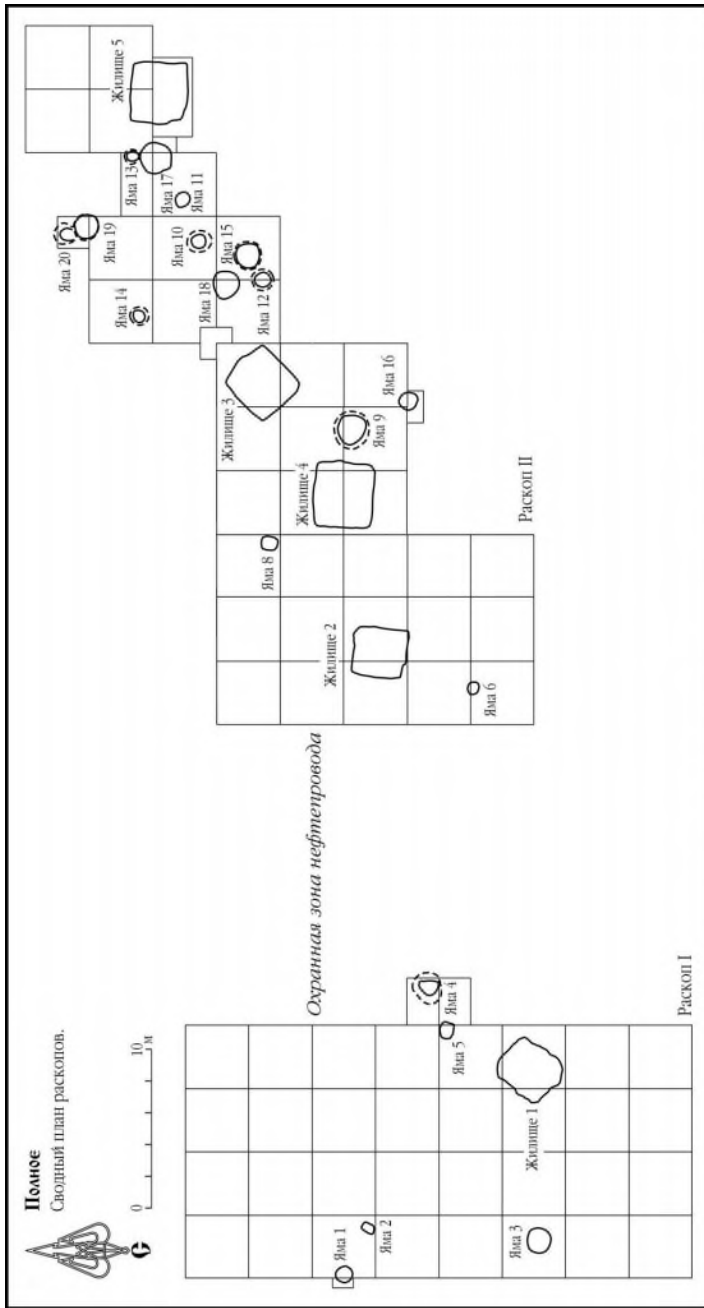

Рис. 2. Поселение Полное. Сводный план раскопов

Савельев Н.И.

**«КАМЕННЫЙ КУРГАН» В ЦЕНТРЕ ЦАРЕВА.
ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1843–1844 ГОДОВ
НА ЦАРЕВСКОМ ГОРОДИЩЕ**

Царевское городище – это остатки крупного золотоордынского города XIV века, расположенного в Ленинском районе Волгоградской области. Город был расположен в низине, образованной руслом реки Ахтубы и ее первой надпойменной террасой. Размеры городища на данный момент уточняются. Первые описания развалин у г. Царева были сделаны академиком П.С. Палласом. Он описывает «следы разрушенной городской стены», «основания зданий» и «углубления, наподобие улиц» [Паллас, 1788. С. 304]. В 1837 году саратовский краевед А.Ф. Леопольдов публикует подробное описание городища. В своей статье «Ахтубинские развалины» он дает довольно подробные и точные характеристики памятника [Леопольдов, 1837. С. 123–132]. Описания памятника оставили также и авторы первых инструментальных планов городища Н.К. Тетеревников и А.В. Терещенко.

В 1842 году саратовский губернатор А.М. Фадеев докладывает министру внутренних дел А.В. Перовскому о том, что «...в Царевском уезде Саратовской губернии...окрестные жители постоянно выкапывают разные древние вещи, как то: чаши, кольца, конскую сбрую и т. д.» [Древние памятники..., 1843. С. 427]. По итогам этого донесения было получено разрешение Николая I на производство раскопок на памятнике под надзором особого чиновника. Этим чиновником стал титулярный советник А.В. Терещенко, специально приписанный для этих целей к Министерству внутренних дел. В марте 1843 года А.В. Терещенко прибыл в Царев и приступил к работе. Результаты его деятельности уже не раз подвергались исследованию, но некоторые вопросы еще предстоит уточнить. В частности, важной проблемой представляется локализация мест раскопок А.В. Терещенко, соотношение данных его дневниковых записей с объектами на местности и интерпретация раскопанных им сооружений. Эту работу затрудняет отсутствие чертежей А.В. Терещенко, которые пока не найдены, но некоторые результаты могут быть получены путем анализа известных планов городища и соотношения их с дневниковыми записями, которые были опубликованы.

Частично такую работу проделала в своей кандидатской диссертации Т.В. Гусева. Ею были соотнесены планы городища и следующие раскопанные А.В. Терещенко объекты*: «Большой курган», «Монетный двор», «Рабочее поле», «Курган при Сахарном озере», «курган, отмеченный Н.К. Тетереvниковым как христианская церковь» [Гусева, 1975. С. 196].

Однако не хватило информации локализовать так называемый «Каменный курган» в центре г. Царева, который А.В. Терещенко копал в течение двух сезонов. Находка неизвестного ранее плана Царевского городища авторства Н.К. Тетереvникова позволяет восполнить этот пробел.

Определить место нахождения «Каменного кургана» помогут записки А.В. Терещенко и планы городища, снятые под руководством Н.К. Тетереvникова и землемером Васильевым. В заметке «О древних развалинах, находящихся на берегу Актубы в Саратовской губернии», авторство которой приписывают Н.К. Тетереvникову, говорится, что к югу от «каменной плотины» сохранились развалины мечети – «здание с оградой занимает 3600 кв. саж. обращено на юг» [Тетереvников, 1843. С. 110].

В свою очередь, А.В. Терещенко в записке епископу Саратовскому и Царицынскому Иакову, полемизируя с Н.К. Тетереvниковым, пишет: «Каменная плотина устроена не поперек Царевки, а искусственного канала, называемого ериком; но чтобы тут была мечеть, и еще огражденная каменной стеной – ничего этого нет. Действительно, этот курган, *находящийся внутри Царева и названный мною каменным курганом* (курсив мой – Н. С.), с коего рисунок поднесен Вашему Высокопревосходительству, отличается от всех прочих основанием дикого камня, каменным полом, подвалом, вроде пещеры, которая вся обложена дикарем, водопроводными трубами под полом и медной трубкой, которая без сомнения служила фонтаном» [Терещенко, 1909. С. 51].

Опираясь на планы городища и на эти описания, можно четко локализовать место раскопок. На плане Н.К. Тетереvникова, который выполнен в масштабе «1 дюйм: 200 сажен» – в Цареве отмечен крупный «древний» объект, обнесенный каменной стеной (судя по условным обозначениям), и подписанный «Развалины Магометанского храма» (рис. 1). На следующем плане, который выполнен в масштабе «1 дюйм: 50 сажен», это здание нарисовано более подробно – читаются контуры стен, также заметны контуры внутреннего вала, отмечена линия водопроводных труб, ведущих от здания на юг (рис. 2). План совпадает с описаниями А.В. Терещенко – этот объект действительно находится к северу от плотины, обозначенной на плане Н.К. Тетереvникова как «Древняя каменная плотина», перекрывающей ерик, и от ерика до «кургана» расстояние составляет около 110–120 метров (в дневниках А.В. Терещенко отмечает расстояние от кургана до ерика в 52 сажени, что почти точно соответствует реальной цифре) [Терещенко, 1843. С. 298]. На плане же самого А.В. Терещенко данный объект тоже обнесен стеной, но путаница в условных обозначениях не делает это утверждение однозначным (рис. 3).

* Названия объектов условны, взяты из дневников А.В. Терещенко.

В 2010 году исследователь Царевского городища А.А. Глухов сравнением космоснимков городища и планов XIX века локализовал данный объект с плана А.В. Терещенко и дал ему условное название «холм 4» (рис. 4). Обследовав данный объект в натуре, А.А. Глухов пришел к выводу, что в настоящий момент место, где находился объект, полностью застроено, и выяснить его характер не представляется возможным [Глухов, 2010. С. 253].

Интерпретировать этот объект поможет обращение к опубликованным дневниковым записям А.В. Терещенко. Эти записи, касающиеся «Каменного кургана», настолько важны, что есть смысл опубликовать их целиком.

***Раскопки «Каменного кургана в центре Царева»
под руководством А.В. Терещенко, в 1843–1844 гг.¹***

1843 год. 27 августа. Перешли в город для разрытия кургана, который имеет в окружности 48, в длину и ширину по 12 саж (здесь и далее выделение конструктивных особенностей объекта мое – Н. С.). Этот курган примечателен по особому устройству и необыкновенной крепости: *основание его из дикого камня, и весь он окружен залитым известью кирпичом*. Образовавшаяся от времени насыпь обратилась в каменистую землю. Курган находится на заднем дворе крестьянского жилья, и завален навозом и мусором. Раскапывая его верх, отрыли пол, составленный из дикого камня и кирпича, залитого известью. Под полом нашли пять водопроводных труб, которые идут в разные стороны на протяжении 8 саж. Можно предполагать, что они проведены в соединяющийся с Ахтубой ерик, который течет мимо этого кургана в 52 саж. Разбирать все трубы чрезвычайно трудно, потому что они лежат под каменным полом, в толщину 21 верш.; пещни и ломы, от крепости пола, ломаются, и чтобы вынуть трубы, надо было раскапывать не только пол, но и само основание, что могло бы попортить само здание. *Около этих труб откопали проломанную дыру, ведущую в подвал со сводами, под каменным полом, и потом, противоположно первой дыры, откопали вторую, равно пробитую*. Внутренность подвала вся завалена кирпичом, песком и мусором. Дыры проделаны в то время, когда ломали здесь кирпич и камень на фундамент для церкви в селение Капустин Яр, лежащее в 35 верстах от Царева, тому около десяти лет. Затем рабочие разделились на три партии: одна из них занялась очисткой внутренности подвала; другая перешла во двор одного крестьянина, где начали раскапывать водопроводные трубы, проведенные на 15 саж; третья отправилась разрывать могильный курган в пригородной слободе Солодовке. Внизу подвала оказался другой пол из дико-синеватого камня, называемого дикарем. В кургане открыта проведенная перпендикулярно в глиняную трубу медная трубка, длиной 21 вершок, которая вероятно была устроена для фонтана. Потом открыли в нем же два из соснового дерева гроба: один совсем развалился, а другой внизу сгнил; в последнем лежали кости и истлевшее платье с блестками. При раскапывании труб на дворе, на-

¹ Печатается по: Терещенко А.В. Дневник разрытия курганов в окрестностях города Царева в Саратовской губернии, в течение мая, июня и июля месяца // ЖМВД, ч. 4, 1843. С. 112–131, 279–298; Терещенко А.В. Дневник разрытия Царевских курганов в течение июня, июля, августа и сентября месяцев настоящего года // ЖМВД, ч. 8, 1844. С. 294–319.

шли одну сапожную подкову, черенки от складного ножичка и железный рвант из колесного обода. Из труб вынули одно целое колено и четыре изломанных; все же остальные раздроблены на мелкие части.

1–2 сентября. Продолжалось очищение каменного кургана и раскапывание труб на крестьянском дворе, которые еще тянулись на 10 сажень. Направление этих труб было устремлено к каменному кургану, и потому рыли к нему; но когда совершенно пресекались следы труб, то рабочие стали раскапывать по берегу ерика, который протекает мимо каменного кургана, с тем предположением, что трубы должны быть проведены сюда. И действительно, в некоторых местах показались изломанные трубы, а в других одни их обломки; но так как на этих местах были выстроены крестьянские дома, то нельзя было следовать далее. По всему видно, что *эти трубы непосредственно шли от каменного кургана и соединялись с ериком*. По очищении внутренности каменного кургана и исследовании труб в городе, рабочие отправились снова для разрытия насыпей и мелких курганов, разделившись на пять партий.

1844 год. 1–6 июня. Стены каменного кургана оказались сложенными из дикаря, а верх из залитого известью кирпича: толщина стен $2\frac{1}{4}$ ари.; пол вымощен внизу дикарем; свод толщиной в 1 ари. 2 вер., также весь из дикаря. От середины свода проведены трубы, по всему зданию к ерику и водоемам; между сводом и полом проделаны круглые подвалы наподобие пещер, в окружности от 8 до $13\frac{1}{2}$ саж. В этих пещерах хранилась, по-видимому, вода, что доказывается направленными сюда трубами и медными фонтанами. Здания построенного с таким искусством и крепостью, не было еще найдено на всем пространстве развалин. Свод держится силой сцепления одной смазки, без всякого постороннего материала, бревен или железа, и утверждён на горах дикого камня, залитого известью. Окружность обрытого кургана 48 саж, в длину, в ширину же имеет он по 12 саж. На верхнем полу заметны остатки комнат, из кирпича, но все переломанные; отчего невозможно обозначить их с точностью. В расстоянии 9 сажён от этого здания были прорыты вокруг него рвы, шириной в $1\frac{1}{2}$ саж.: эти рвы наполнялись водой, и пространство от здания до рва было вымощено дикарем; за рвом подымался вал, выложенный камнем, и простирившийся в окружности на 668 саж. Тут стоят теперь избы, но во дворе их доселе открывается местами вымощенный пол, и более из дикаря, чем из кирпича. Живущие на этих местах рассказывают, что лет за восемь, вырывали они здесь большие каменные плиты; ныне все это занесено землей и завалено мусором. Вал соединен с канавами и большими водоемами, которые окружали это каменное здание, с северной же и южной сторон, широкие каналы, которые соединены с Сахарным Озером, и все пространство между ними вымощено кирпичом. По всем этим признакам можно заключить, что здание это было укрепленный дворец: предположение, подкрепляемое и самим его расположением, ибо здание расположено на возвышении, которое с юга обтекается Ахтубой, соединяющеюся с ериком и Сахарным озером, с востока защищено было самим городом Сараем, а с севера и запада земляными валами, каналами и искусственными озерами, прилегающими ныне к слободе Солодовке. При расчистке этого здания и окрестностей его, не найдено ничего, даже ни одного изразца; попалась только русская денежка 1730 года.

Интерпретация объекта, раскопанного А.В. Терещенко. Достаточно подробные дневниковые записи позволяют интерпретировать и отчасти реконструировать объект под названием «Каменный курган». Итак, перед нами здание, квадратной в плане формы, стены которого сложены из камня – «дикаря», толщиной 1,6 м. Стены здания в длину 25,6 м, периметр здания равен 102 м. Пол сооружения сложен из кирпича и каменных плит, залитых известковым раствором. Толщина этого «первого пола» 0,9 м. Под полом была сооружена система подпольного водоснабжения, выполненная с помощью водопроводных керамических труб – сохранилось до 17 метров трубопровода. Рядом с этими трубами были устроены заглубленные в землю каменные цистерны, сложенные из камня, для хранения воды. Толщина нижнего пола, «свода», сложенного из «дико-синеватого камня» составляла 0,8 м. От середины пола по зданию расходились керамические трубы, к ерику и водоемам вне здания. В подпольном пространстве были расчищены «круглые подвалы», окружностью от 17 до 28,8 м(?). Также при работах были обнаружены остатки перегородок из кирпича, но их положение зафиксировано не было.

Само здание располагалось на площади, вымощенной кирпичом и камнем, ограниченной по периметру рвом и валом, выложенным камнем. Внешний периметр комплекса А.В. Терещенко определяет в длину 668 сажен (1425 м, по 356 м каждая сторона). Однако цифра явно завышена. Н.К. Тетеревикив называет общую площадь сооружения в 3600 кв. саж. (60 сажен (128 м) – длина каждой стороны) – что согласуется с размером сооружения на планах. Вероятно, в записях А.В. Терещенко была ошибка. Между зданием и валом, на расстоянии 19 метров от него, был вырыт ров, шириной 3 метра. Все пространство между рвом и зданием было вымощено каменными плитами и кирпичом, причем каменные плиты преобладали. С севера и с юга от сооружения были проложены каналы, соединявшие комплекс с водоемами. Также были прослежены керамические трубы, соединявшие ерик на юге со всем комплексом (длина сохранившейся части трубопровода составляла до 21 метра).

Комплекс признаков позволяет предположить, что А.В. Терещенко раскопал на Царевском городище крупную общественную баню. В монографии, посвященной культовому и гражданскому зодчеству Золотой Орды, Э.Д. Зиливинская приводит описание известных в Золотой Орде бань, часть признаков которых совпадает с описаниями нашего объекта. Рассмотрим их подробнее.

В первую очередь, основным признаком бани – это устройство системы подпольного отопления и водоснабжения. При такой системе действительно получается два пола, между которыми проложены системы, проводящие теплый воздух и воду [Зиливинская, 2011. С. 78]. Керамические трубы в подпольном пространстве исполняли роль системы канализации и водоотведения. В некоторых случаях трубы могли использоваться в качестве вертикальных дымоходов. Совершенно очевидно, что А.В. Терещенко наблюдал именно систему подпольного трубопровода.

В «Каменном кургане» А.В. Терещенко раскопал также «каменные цистерны». Это могли быть цистерны для хранения воды, которые были обна-

ружены почти во всех крупных банях Болгара, например в Бане № 1, № 2, Красная палата [Зиливинская, 2011. С. 64–67].

Расположение их на «Каменном кургане» не уточняется, но ясно, что их минимум две – они, например, могли использоваться для хранения горячей и холодной воды. Но скорее всего раскопанные цистерны вовсе не являлись цистернами для хранения воды, а являлись большими печами, аналогичными печам № 1 и № 2 в Белой палате Болгара [Шарифуллин, 2001. С. 239]. Описания их как сводчатых подвалов похожи именно на архитектуру вышеозначенных печей, а трубы, отходящие от этих «цистерн» могли быть каналами-проводниками теплого воздуха. Над печами же и должны были располагаться цистерны для хранения и нагрева воды.

Немаловажным признаком бани также является материал и толщина стен. Толщина стен некоторых сооружений, иногда достигала 1,8 м. Такие стены были необходимы для уменьшения общих теплопотерь здания [Шарифуллин, 2001. С. 61, 78]. По А.В. Терещенко толщина стен сооружения равнялась 1,6 м. Причем материал стен – камень, с известью в качестве связующего раствора. Такие же толстые каменные стены были у бань Болгара (Баня № 1, Баня № 2, Красная палата, Белая палата), Водянского городища, Старого Орхея [Зиливинская, 2011. С. 64–77]. Интересно, что камень на Царевском городище – материал привозной, в окрестностях памятника выходы камня не встречаются.

Стоит отметить, что А.В. Терещенко нашел медную трубку, перпендикулярно вставленную в трубу. Он предположил, что это деталь фонтана. Такие трубки были найдены при раскопках бани № 2 в Болгаре, которые использовались как краны [Зиливинская, 2011. С. 65].

Интересно, что баня в Цареве представляла собой комплекс из здания, окруженного вымощенной площадью, со рвом, наполненным водой, и обнесенный каменным валом (стеной?). Вода удалялась из бани с помощью керамического водопровода, проложенного на юг, в ерик, соединяющий реку Ахутбу и Сахарное озеро. Расположение бани также заслуживает внимания. До недавнего времени в литературе не было однозначного мнения, входило ли современное село Царев в территорию золотоордынского города. Исследования А.А. Глухова доказывают, что застройка Царева велась прямо среди остатков золотоордынских построек [Глухов, 2010. С. 253]. Расположение в этой местности крупной каменной бани подтверждает этот тезис и говорит о том, что эта часть территории города была достаточно густо заселена, причем не самыми бедными слоями населения. Расположение ее также довольно удачное. Баня стояла между двумя ериками, причем вода поступала из более высоко расположенных северных солодовских ериков, а стекала в южный, соединявший озеро Сахарное и реку Ахутбу.

Таким образом, по описаниям А.В. Терещенко выстраивается следующая совокупность признаков, присущая данному архитектурному сооружению: система подпольного отопления, печи (цистерны по А.В. Терещенко), соединенные с подпольным пространством, система подпольного трубопровода (водоотведения и канализации), система гидроизоляции полов известковым раствором. Все они указывают на то, что в 1843–1844 году А.В. Терещенко раскопал остатки одной из самых крупных бань в Золотой Орде, которая не ус-

тупала в своих размерах баням Болгара, Старого Орхя (длина каждой из стен составляла около 26 м). К сожалению, пока нет данных о планировке и внутреннем устройстве бани, возможно, уточнить этот вопрос поможет находка чертежа, который сделал А.В. Терещенко во время своих работ. В заключение хочется отметить, что до сих пор на Царевском городище не было известно ни одной бани (хотя естественно, что они там были), и обращение к раскопкам XIX века в какой то мере заполняет этот пробел, и ставит «Каменный курган» в один ряд с крупнейшими архитектурными памятниками на всей территории Золотой Орды.

Литература:

Глухов А.А. О юго-восточной границе Царевского городища // Нижнее Поволжье в эпоху Средневековья. Астрахань, 2010.

Гусева Т.В. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид. дисс... канд. ист. наук. М., 1975.

Древние памятники, открываемые в Царевском уезде Саратовской губернии // ЖМВД. № 2, 1843.

Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань, 2011.

Леопольдов А.Ф. Актубинские развалины // ЖМВД. № 4, 1837.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч 3. СПб., 1788.

Тетеревников Н.К. О древних развалинах, находящихся на берегу Актубы в Саратовской губернии // ЖМГИ. № 2, СПб., 1843.

Терещенко А.В. Замечания о плане развалин Золотой Орды, находящихся по левому берегу Ахтубы, на пространстве 20 верст, в Царевском уезде, Саратовской губернии // Материалы по истории Саратовской Епархии, вып. 3, Саратов, 1909.

Терещенко А.В. Дневник разрытия курганов в окрестностях города Царева в Саратовской губернии, в течение мая, июня и июля месяца // ЖМВД. Ч. 4, 1843.

Терещенко А.В. Дневник разрытия Царевских курганов в течение июня, июля, августа и сентября месяцев настоящего года // ЖМВД. Ч. 8, 1844.

Шарифуллин Р.Ф. Бани Болгара и их изучение // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.

Рис. 1. Фрагмент плана Н.К. Тетеревникова с обозначением «Развалин Магометанского храма»

Рис. 2. Фрагмент плана Н.К. Тетеревникова в масштабе «1дюйм: 50 сажен». В центре схематично обозначен «Каменный курган»

Рис. 3. «Каменный курган» на плане землемера Васильева

Рис. 4. «Каменный курган» на современном космоснимке

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В АРХЕОЛОГИИ

Аникеева О.В., Яблонский Л.Т.

НАХОДКИ ИЗ КАМНЯ МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА 2 (ПО ДАННЫМ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ)

В работе проведено изучение каменного материала из курганов могильника Филипповка 2 Оренбургской области*. На основании минералогическо-петрографического анализа установлены типы минералов и пород, использовавшиеся кочевниками в быту. Применение рентгенофазового анализа дает возможность разделить визуально похожие материалы по составу, предположить возможное происхождение определенных типов минералов и пород и расшифровать широко используемые термины «красные и желтые охры», «алебастр», кремль, песчаник. Комплексное применение трасологии и анализа комплекса находок, вместе с которыми встречаются каменные предметы, во многих случаях помогает уточнить применение конкретных предметов и классифицировать их по назначению. В результате исследований коллекции находок из курганов могильника Филипповка 2 выделены следующие группы (табл. 1).

1. *Оселки* – удлиненные, вытянутые каменные предметы с отверстием или без, имеющие подпрямоугольное, овальное или пластинчатое сечение.

По форме, минералогическим характеристикам и предполагаемому использованию в группе сначала было включено девять экземпляров (табл. 1, 1–3, 5–9, 39), из которых три находки представлены небольшими фрагментами. Трасология их поверхности показала, что в целом виде, вероятно, они были удлиненными оселками, имеющими сечение плоского овала (табл. 1, 5–7).

Из двух оселков – брусков окремнелого дерева (табл. 1, 1, 39) на поверхности второго экземпляра (табл. 1, 39) отсутствовали следы интенсивного использования. Его плоские грани покрыты белесым налетом извести. Поскольку он был найден в комплексе с набором кусочков мела (табл. 1, 23–38),

* Материалы 2009–2012 гг. были получены в ходе полевых работ Приуральской экспедиции ИА РАН под руководством Л.Т. Яблонского. Автор выражает искреннюю благодарность С.Ю. Гуцалову, и И.А. Рукавишниковой за предоставленные для исследования неопубликованные находки.

поверхность которых несет следы интенсивного стачивания (прямоугольные грани) о твердый плоский предмет, очевидно, этот предмет использовался как терочник для истирания мела.

Два оселка (табл. 1, 8, 9) из белемнитов использовались для заточки мелких и узких предметов, вероятно, игл, шильев, мелких наконечников, так как они имеют небольшие по размеру «рабочие» площадки. Минерал, из которого они изготовлены, – кальцит – довольно мягкий (4 по шкале Мооса), для заточки крупных предметов обычно не использовался.

Преобладающим материалом для изготовления оселков (табл. 1, 2, 3, 5, 6) были т. н. «флишевые» породы – плотные, твердые (из-за высокого содержания кремния) алевролиты и песчаники зеленовато-серого цвета.

2. *Точильные камни* – плитчатые, грубо обработанные, с выраженными следами использования плоских поверхностей для затачивания различных инструментов (табл. 1, 13, 14, 16). В эту же группу были отнесены гальки, на поверхности которых есть следы заточки (табл. 1, 10, 12, 15).

В качестве точильных камней использовались флишевые породы, яшмоиды, кварц и кварцит.

В двух мужских погребениях были найдены природные конкреции бурого железняка (табл. 1, 4, 11). Первая из них зафиксирована в колчане со стрелами и лежала вместе с точильным камнем (табл. 1, 12) и железными предметами. Вторая находилась под оселком в непосредственной близости от колчана.

Изучение каменного материала курганов Филипповки 1 показало, что находки как обработанного, так и необработанного бурого железняка довольно часто встречаются в них среди изделий из камня (20 из 158 находок). Этот материал использовался не только в ритуальных целях, как краска или материал для женской косметики, но и для мягкой шлифовки, чистки и полировки изделий из металла [Аникеева, 2011. С. 80].

3. *Каменные жертвенники*. Фрагменты каменных жертвенников (табл. 1, 18–20) сделаны из двух типов пород – т. н. «красных» песчаников и более светлых, но визуально похожих на них аркозовых и олигомиктовых песчаников. Подобные породы в поверхностных отложениях Среднего и Южного Урала встречаются крайне редко, зато они широко распространены в обнажениях Устюрта и Северного Казахстана [Вознесенский, 1981, С. 7–8].

Практически целый жертвенник был собран из фрагментов, найденных в насыпи кургана 1 и в заполнении погребения 4 из этого кургана (табл. 1, 17). Он сделан из флишевого алевролита, в составе которого кроме терригенной составляющей присутствует значительная доля вулканического материала. Изделия из таких пород распространены практически во всех группах массового каменного материала: оселки (табл. 1, 2, 3, 5, 6), точильные камни (табл. 1, 12, 13, 14). Этот факт, а также широкое распространение таких типов пород на Южном Урале, разрешает предположить их местное происхождение. Нами был проведен сравнительный микроскопический минералого-петрографический анализ таких пород с аналогичными породами Южного Урала и Северного Кавказа [Аникеева, 1998; Павленко, Аникеева, 2001. С. 96–108], так как состав вулканитов и характер древней вулканической деятельности Южного Урала наиболее близок Северному Кавказу. Особенности выделения и взаимоотношения вулканического и терригенного материала,

состав и структуры вулканической составляющей образцов предметов №№ 3, 5, 6, 12–14, 17 позволяют с уверенностью отнести эти породы к уральскому флишу позднего девона – карбона и говорить о местном происхождении предметов, сделанных из этих пород.

Анализ состава и структуры образца № 2 показал, что этот тип пород не встречается на Южном Урале и более близок кавказским флишевым породам юрского возраста. Однако с уверенностью говорить о его кавказском происхождении на основании полученных данных не представляется возможным.

Надо отметить такой факт, как практически полное отсутствие среди каменных находок Филипповки 2 таких предметов как *терочники* (в курганах Филипповки 1 их содержание достигает 13% от общего объема находок из камня). А форма и материал встреченных в Филипповке 2 терочников: бруска окремнелого дерева (табл. 1, 39) и пластины природного гипса (табл. 1, 39, 41) существенно отличаются от тех, что встречаются в раннесарматских курганах Южного Урала.

4. *Предметы* – самая многочисленная группа, так как включает в себя несколько подгрупп: предметы определенной формы с понятным использованием (табл. 1, 21–41, 43), камни со следами обработки (табл. 1, 44, 45, 48, 49, 51, 55–57), кусочки охры (табл. 1, 42, 50, 52), предметы неясного назначения и состава (табл. 1, 43, 46, 47), фрагменты неопределяемых предметов (табл. 1, 53, 54). Мы не стали выделять группы предметов, так как контекст нахождения каменного предмета *in situ* во многих случаях определяет его возможное назначение.

Среди *предметов определенной формы с понятным использованием* сделана попытка установить происхождение местонахождения камня, из которого изготовлены алабастр (табл. 1, 22) и пряслице (табл. 1, 40), орнаментированное в зверином стиле. Обе эти находки по структурно-текстурным особенностям и физико-механическим свойствам близки египетскому алабастру.

Методика определения каменных изделий из египетского алабастра изложена в статье Аникеевой, Трейстера, Яблонского [2010. С. 32–35]. По данным рентгенофазового анализа мраморный оникс алабастра состоит из магнезиального кальцита. Опытным путем было установлено, что египетский алабастр представляет собой породу, сложенную практически чистым кальцитом. Отличительной чертой этого кальцита является незначительное изоморфное замещение кальция на магний в структуре минерала, то есть, египетский алабастр состоит из магнезиального кальцита с низким содержанием магния.

Минералого-кристаллографические характеристики магнезиального кальцита алабастра из Филипповки 2 четко ложатся в поле магнезиальных кальцитов, добывавшихся в древнем Египте в месторождении на правом берегу Нила – Вади Саннур. По составу камня и технологии изготовления (форма тулова и дна, оформление горла, форма венчика) он идентичен алабастру из [Ново-Кумакского могильника [Аникеева, Трейстер, Яблонский, 2010. С. 34, 36].

Рентгенофазовый анализ материала пряслица показал, что это совершенно другой материал – практически чистый гипс (90–95%). Его отличительной чертой является присутствие изоморфной примеси кальцита и доломита. Древние выработки алабастра близкого состава известны под Анкарой и начало их разработки датируется концом III – началом II тыс.

до н. э. [De Jesus, 1980. P. 20–22]. Данные по турецким алебабрам показывают, что содержание гипса может достигать в них 98–99%. Однако во всех образцах установлено присутствие доломита как самостоятельной минеральной фазы и нет данных о наличии изоморфных замещений в кальците. Содержание доломита варьирует в разных месторождениях от долей процента до 5%, в тех разностях, где его содержание достигает 8–10%, отмечается повышение прочности камня [Tugrul, Zarif, 2000. P. 23–28; Turgut, Yesilnacar, 2008. P. 54–67].

Находок гипсовых пряслиц, орнаментированных в зверином стиле, на Урале не известно. В раннем железном веке по всей территории Урала были широко распространены тальковые пряслица, часто орнаментированные в геометрическом или фигуративном стиле [Викторова, 2003. С. 194–197]. Находки резных фигурок звероподобных птиц из алебабра известны по раскопкам в Гордионе [J. Mellink, 2007. P. 28], где датируются VI–V вв. до н. э.

Вероятно, что это пряслице было изготовлено в древней Анатолии в ахеменидское время.

В группе *предметы неясного назначения и состава* интересны находки двух предметов (табл. 1, 46, 47) белого цвета в составе которых визуальнo прослеживались включения перламутра.

Первый предмет был найден в комплексе с зеркалом, двумя *кусками мела*, раковиной *Grifea*, астрагалами и плоским *предметом из мела* (табл. 1, 43) с отверстием посередине. Он имел отчетливое сечение, показывающее его форму, и отверстие около одной стенки. Рентгенофазовый анализ состава материала показал, что предмет состоит из арагонита (перламутр ракушек) с примесью кварца, альбита, кальцита, соединенных между собой механически.

Второй, идентичный по составу, предмет очень плохой сохранности, найденный в комплексе с зеркалом, двумя маленькими кусочками кварцита и мела, имел округлые очертания. В его составе визуальнo видны крупные обломки перламутра (до 1 см). Рентгенофазовый анализ микрочастиц показал преобладание арагонита, с примесью кальцита и лимонита. Последний, видимо, добавлялся для окрашивания в светло-желтый цвет.

Первоначально такой предмет был найден нами в кургане 4, погребении 4, могильника Филипповка 1. Он имел четкий рельеф и форму, был положен в чехол из бус, бисера и кожи в комплексе с зеркалом, округлым предметом из красной охры, предметами из «железной слюдки» (гематит). На поверхности сохранилась резьба. Позднее такие предметы были установлены еще в трех погребениях Филипповки 1 [Аникеева, 2011. С. 80–81, табл. IX].

Эти предметы не имеют структуры пород и минералов и изготовлены из мелкой минеральной крошки арагонита, брусита, кварца, кальцита, альбита, с преобладанием одного из минералов. Вероятно, преобладание одного из этих минералов в составе определенного изделия определяло цвет изделия (брусит – зеленоватый, салатный, кальцит, альбит, арагонит – желтоватозеленый тон, лимонит – золотисто-желтые цвета). В этих изделиях не установлено присутствия глинистых минералов, определяющих состав цемента в осадочных породах. Вероятно, частицы скреплялись между собой (склеивались) составом органического происхождения. Нестойкость такого состава органического происхождения в окислительно-восстановительных условиях погребальной камеры и объясняет их хрупкость и рассыпчатость.

Анализ состава фрагментов *красной охры* (табл. 1, 42, 50, 52) показал, что на 96–99% они сложены минералом гематитом и относятся к группе красных железняков. Это осадочная гематитовая руда является одной из важнейших разновидностей железных руд и ее месторождения широко распространены на Урале: в зонах окисления золоторудных месторождений Миндяка и Муртыкты Башкортостана (Учалинское месторождение), образуются в верхних горизонтах магнетитовых месторождений (г. Магнитная, г. Высокая) или за счет обезвоживания бурых железняков в процессах регионального метаморфизма (Халиловское месторождение на Южном Урале, Елизаветинское месторождение на Среднем Урале).

Контекст находок гематита (рядом с предметом, на котором присутствовали следы растирания охры, позволяет предположить, что она использовалась в качестве красящего пигмента.

Аналогии каменным предметам из могильника Филипповка 2 не противоречат предложенной датировке погребений эпохи раннего железного века этого памятника в пределах конца V – начала III в. до н. э.

Литература:

Аникеева О.В., Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. Алабастр из мраморного оникса из Прохоровки // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2010. Вып. 11.

Аникеева О.В. Находки из камня в могильнике Филипповка 1 // Естественно-научные методы в изучении Филипповского 1 могильника. М., 2011.

Аникеева О.В. Верхнеюрские–меловые осадочные комплексы Северо-Западного Кавказа: фации и минералогия // Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. геол.-минер. наук. М., 1998.

Викторова В.Д. Пряслица в мифо-ритуальной практике народов Урала в раннем железном веке // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: материалы международной научной конференции. Пермь, 2003.

Вознесенский А.И. Литология, стратиграфия и условия образования миоценовых и олигоценых отложений Устюрта. М., 1981.

Павленко Т.И., Аникеева О.В., Голионко Б.Г., Кузнецов Н.И. Современное структурное положение и палеогеография позднедевонских–турнейских комплексов Южного Урала. М., 2001.

De Jesus P. The Development of Prehistoric Mining and Metallurgy in Anatolia. Oxford: British Archaeological Reports, International Series No. 74. Delougaz, P. and Lloyd, S.

Tugrul A., Zarif I.H. Engineering aspects of marbles weathering in Istanbul, Turkey // Bull. of Engineering Geology and the Environment. 2000. V. 58. No. 3.

Turgut P., Yesilnacar M.I., Bulut H. Physico-thermal and chemical properties of Sanliurfa limestone, Turkey // Bull. of Engineering Geology and the Environment. 2008. V. 67. No. 4.

Machtell J. Mellink. A votive bird from Anatolia // Expedition. 2007. V. 54. No. 4.

Таблица 1. Результаты минералого-петрографического и трасологического анализов находок из курганов Филипповки 2

№ п/п	Название предмета	Нахождение	Минерало-петрографическая хар-ка породы/ минерала	Форма и поверхность камня	Размеры в миллиметрах (мм)	Примечания
1	осеток	к1 п2 заполнение дромоса	осетки и точильные камни окремнившее дерево, халцедон, буро-коричневый	брусок, поперечное сечение - прямоугольник, обусловлено работанностью граней	длина - 61, ширина - 14, высота - 13	
2	фрагмент	к1 п2 заполнение	Флишевый алевролит серо-бурый, на свежем сколе - зеленовато-серый, кремнистый, полтовошпал-кварцевая граувакка	сечение - длинный прямоугольник, 2 отверстия отбиты по верхнему, поперечное сечение посередине - овал, в нижней и верхней части - прямоугольник. Разница форм сечений обусловлена работанностью камня	длина - 157, диаметр отверстия - 6, сечение посередине - 15 x 12, в верхней части - 12 x 10 и 17 x 12	
3	осеток	к1 п2 ск8 у левого предплечья	Флишевый алевролит бурый, на свежем сколе - зеленовато-серый, кремнистый, петрограувакка	брусок, поперечное сечение - прямоугольник, по краям грубо обколот, продольные грани несут следы использования	длина - 75, ширина - 16, высота - 6	
4	сидеритовая конкреция	к1 п2 ск8 у левого предплечья	бурый железняк - тегит, гидротегит, по краям окруженные ородами карбонатов и окислов железа лимонит, сидерит).	округлая, могла использоваться как мягкий точильный камень	видимые размеры - 75 x 65	
5	фрагмент	к1 п2 ск9 у левой колени	Флишевый алевролит зеленовато-серый, петрограувакка	осетки имели форму длинного плоского эллипса	ширина - 30, высота - 15	
6	фрагмент	к1 п5 заполнение	песчаник охристо-серый, на свежем сколе - серый, кварцевый	осетки имели форму длинного плоского эллипса	высота - 12	
7	фрагмент	к4 насыль северовосточный сектор	песчаник охристо-серый, на свежем сколе - серый, кварцевый	фрагмент осетка в форме длинного плоского эллипса	35 x 27	
8	белемнит	к1 п2 заполнение	кальцит, на поперечном сколе - радиально-лучистый	Форма гильзы, с боков две плоские попомяк: одна - гладкая, на второй - следы ожелезнения или окалина железа	длина - 45, диаметр - 15	для заточки шты или шпала
9	белемнит	к1 п2 между ступнями ск9 и ск10	кальцит, на поперечном сколе - радиально-лучистый	Форма гильзы, с боков две плоские попомяк: одна - гладкая, на второй - следы ожелезнения или окалина железа	длина - 62, диаметр - 12	для заточки шты или шпала

10	галька	к1 п2 заполнение промоса	кварц желтоватый, без видимых включений	близка к кубу, со сглаженными углами обусловлена работанностью граней	сечение 30 x 28, высота 18	
11	галька	к1 п2 ск12 в устье промоса, в колчане рядом	яшмовид серовато-зеленого цвета, массивный	эллипсоид. край отбит, образует рабочую площадку для заточки наконечников	сечение 32 x 17	
12	сидеритовая конкреция		бурый железняк – радиально-лучистые агрегаты сидерита в лимоните	округлая, использовалась как мягкое точило	видимые размеры – 55 x 65	
13	галька	к1 п2 ск10 напротив левое предплечья в комплексе с костями животных, 2 ножами, куском мела, фрагментом керамики	флишевый аргиллит темно-серый, на свежем сколе серый, карбонатно-кремнистый	плоская, округлая, край отбит, образует овальную площадку для заточки	диаметр – 60, высота – 18	на поверхности керамики следы заточки
14	каменная плитка	к4 северо-восточный сектор насыпи	флишевый песчаник буро-зеленовато-серый, неогравувакка	близка к прямоугольной, края сглажены	длина – 95, ширина – 60, высота – 15	
15	1/2 гальки	к4 п4	яшмовид красно-желтый, массивный, кремнистый	по форме напоминает трушу, скол старый, видимых следов использования нет	длина – 165, ширина – 85, толщина – 70	
16	камень	к7 заполнение рва	кварцит темно-серый, на свежем сколе – серый с темными пятнами	угловатая, при использовании образовались прямоугольные грани	длина – 130, ширина – 50, высота – 40	интенсивное использование
17	жертвенник	к1 разбит часть фрагментов – в насыпи, 2 фрагмента в заполнении п4	жертвенники (каменные блюда) флишевый алевролит: зеленовато-серый, неогравувакка	продольное сечение к круглому, плоские бортики четко обозначены, плавно спускаются, образуя внутреннюю полусферу дна	внешний диаметр – 255, внутренний диаметр дна – 220, ширина бортика – 17, высота – 22-24, высота дна – 12.	
18	фрагмент	к6 п5	песчаник, крупнозернистый, желтовато-розовый, текстура полосчатая, аркозовый	округлой формы, бортик неотчетливо выражен	внешний диаметр – 200, внутренний диаметр – 140, высота бортика – 25, толщина – 12	

19	фрагмент	к7 насыпь южная бровка	«красный» песчаник бурый, М/зернистый, на снежном слое - розово-лиловый, арксовый	фрагмент бортика имеет форму валика	высота и ширина бортика - 35 и 18, высота дна - 22	
20	фрагмент	к7 западная пога	песчаник серый с рыжими включениями окислов железа, глинистый, траувакса целочешчат-кварцевая	фрагмент бортика	высота бортика - 50, высота дна - 22	из зоны окисления железистых кварцитов
21	курильница	к1 п2 заполнение шромеса	метаморфическая порода на поверхности белесый налет, галька, структура свилеватая, состав: хлорит, актинолит, серицит, гидроксислы железа	предметы полушфера, бортики выражены, стужаются, образуя внутреннею полусферу дна, сбоку ручка, отбита	внешний диаметр - 61, внутренний диаметр - 45, высота - 27, ширина бортика - 7-8 мм, толщина дна - 10-12	ручка имела овальное сечение 22 x 17
22	алабастр	к1 п2 заполнение	красный окис желтого-белый, просвечивает, твердость - 3,0-3,5 по шкале Мосса, рисунок - чередование параллельных полос белого и кремового цвета (1-3 мм), поперечных вертикали и слегка наклоненных к ней	тулово длинное, слегка расширяется вниз, круглое дно горло расширяется вверх, устье - диск (края скошены наружу), по бокам - 2 ручки в форме усеченного эллипса	длина - 210, диаметр внешней части - 65, диаметр у горла - 45, средний диаметр горла - 35, сечение ручки 13 x 8, устье-диск: внутренний диаметр - 40, внешний диаметр - 60	
23-38	набор камешков мела (Полт.)	к1 п6 в изголовье напротив черепа	известняк органогенно-обломочный, неоднородный	плоские, угловатые, на 2 больших камнях в центре устье	размеры от 5-6 до 40, диаметр отверстий 5 и 7	горцевые грани всех камней несут следы истирания терочником
39	терочник		окремленное дерево - кашелон буро-коричневый	брусочки на поверхностях следы истирания	длина - 45, ширина - 18, высота - 12	
40	фрагменты пряслица	к2 п6 в ногах на деревянном бревне в комплексе с лещеным тугалегным сосудиком	«алабастр» - по составу гипс, белый мелкозернистый, состав (по данным РФА): 95% гипс, 3-5% кальцит, 1-2% доломит.	диск с отверстием, на торцевой грани резной рисунок - свернувшийся машиник	диаметр - 38, высота - 13, диаметр отверстия - 5-6	
41	терочник		гипс, бесцветно-серый, излом пластичный, просвечивает, твердость - 1,5 по шкале Мосса	продольные грани ошерганы, на них бурые следы истирания вещества	длина - 45, ширина - 40, высота - 15	
42	красная охра		гематит, магновый, желтый		контур 10 на 20	
			скрягокристаллический			

43	предмет из мела			известняк хемогенный	плоский, угловатый, отверстие посередине, торцевые грани образованы за счет испарения камня	длина – 34, ширина – 18, высота – 12, диаметр отверстия – 5	для чашки зеркала
44, 45	2 куска мела	к1 н1 у правого предельного в комплексе с зеркалом, раковинной Setbea, 3 астрагалом		известняк хемогенный	угловатые за счет шлошадок, испарившиеся на камне	42 x 25 36 x 22	
46	предмет			сланец из крошки рудных минералов, состав (по данным РЭА): флогопит – 60%, кварц, альбит, кальцит – 40%, глинистых минералов нет	сечение четырехугольным, края сплюснуты, отверстие у одной стороны	длина – 80, ширина – 70, диаметр отверстия – 35	
47	предмет			по данным РЭА слеплен из флогопитов мелкого размера, с примесью кальцита и пиритов	нерегулярной формы, мелкими вкраплениями крупнее обломки перламутра до 10-15мм		пламонт добавлены как желтый кристаллы
48, 49	2 камешка	к4 н6 в ногах в комплексе с зеркалом		известняк органический, белый с легкой кремоватой серо-коричневой	нерегулярный, угловатый	длина – 15, ширина – 8	
50	красная охра	к1 н6 справа от охры		гематит, магнозит, микрокристиаллический		кожур 10 на 120	
51	кусок мела	к1 запечатанное погребение 2		известняк органический-обломочный	угловатая плитка, края острой грани скошены, сечение прямоугольное, следы деформированности	длина граней – 28-30	для шифроват или охвата
52	красная охра	к1 н6 в ногах в комплексе с раковинными полами и раковинной Setbea		гематит магнозит, скрученности ступенчатый, зернистый		2,5 x 20 x 8	внутри раковина слепки красной охры
53	фрагмент	к7 запечатанное рва		известняк хемогенный, зернистый-красного цвета	фрагмент дна и скол бортика		
54	фрагмент мела	к1 н2 запечатанное в проеме		известняк хемогенный	толстый, оваловый с верхней поверхностью, разбит по отверстию	длина – 18, высота – 12, диаметр отверстия – 10	
55, 56	два куска мела	к1 н6 в комплексе с муромой		известняк хемогенный, белый, без примесей	угловатая за счет шлошадок, испарившаяся	длина – 70, ширина – 40	для чашки
57	красный камень	к1 н6 в комплексе с муромой		известняк хемогенный, желтый, с примесью кварца, бурый, средний, среднетерпкий, на 60-70% из кристаллов гематита	японская поверхность, белые окислы помет красной охры цвет	сечение 40 на 60	

1 – здесь и далее к1 н2 ск6 – курган 1 погребение 2 скелет 6

*Балабанова М.А., Скрипкин А.С., Клепиков В.М.,
Коробкова Е.А., Кривошеев М.В., Перерва Е.В.*

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ
САРМАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
(половозрастной аспект)*

Важнейшим этапом в методике социальных реконструкций по материалам погребальных комплексов является изучение показателей обряда, вариативность которых связана с определенным полом и возрастом умерших. Известно, что в древних и средневековых обществах, в том числе и в социумах кочевников, роль, положение и функции мужчин, женщин и детей серьезным образом различались. Наиболее очевидной является трудовая специализация: мужчины занимались военным делом, женщины вели хозяйство, воспитывали детей, а дети по мере их взросления и приобретения навыков включались как в хозяйственную деятельность, так и участвовали в военных событиях. Различным могло быть положение людей преклонного возраста, с одной стороны, обладавших значительным жизненным опытом и знаниями, с другой – доля их участия в хозяйственной деятельности была минимальной. Изучение обозначенных показателей для конкретного социума представляет большой интерес. Кроме того, подобная работа является базой для дальнейшего исследования, направленного на выделение показателей обряда, обусловленных уже не половозрастными характеристиками умерших, а их социальным статусом.

Сейчас уже накоплен значительный опыт в проведении подобных исследований, в том числе и по культурам ранних кочевников, перспективность которых не вызывает сомнений [Дашковский, 2003; Серегин, 2010; 2012; Матвеева, 1999; Матвеева, Буслова, 1988; Бунатян, 1985; Ольховский, 1995 и др.]

Несмотря на многочисленные фундаментальные исследования как в целом по сарматским культурам, так в отдельности по локальным группам, проблема соотношения погребального обряда с определенным полом и возрастной когортой проводится впервые. Кроме социальной реконструкции, результаты такого исследования помогут решать вопросы, связанные с хозяй-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 12-06-00212а.

ственной спецификой и образом жизни сарматов, выявить различия, существующие в культурно-хронологических сарматских периодах. Этот путь достаточно длителен и дает весьма приблизительные результаты. Тем не менее, комплексный подход к проблеме с привлечением данных половозрастных и антропологических структур, а также патологического состояния костей скелета могут помочь в решении выше обозначенной проблемы.

Для изучения половозрастного аспекта погребального обряда и выявления половозрастных и антропологических структур привлекался материал из могильников с достаточно репрезентативной выборкой.

Раннесарматская погребальная обрядность. Статистической обработке подверглась серия, насчитывающая 329 погребальных комплексов. Большая часть раннесарматских курганов (82%) впущена в более ранние курганы, эпохи бронзы. Курганы представляют семейно-родовые (клановые) кладбища, в которых размещается более 3-х погребений (82,0%), курганы под индивидуальными насыпями встречаются редко – 5,0%. Несколько чаще встречаются курганы с двумя синхронными погребениями (12,0%). Около 30,0% могил локализованы в центральной части кургана остальные впущены в периферию кургана вокруг центральной могилы. Преобладают подбойные и прямоугольные могилы, в которых погребенные лежат вытянуто на спине с ориентацией головы в южный сектор (78,0%).

Напутственная пища традиционно представлена мясом овцы (94,0%). Обычно выкладывалась передняя нога с лопаткой (56%), либо передняя нога без лопатки (27%), сюда же можно добавить переднюю ногу с лопаткой и ребрами (3%) и переднюю ногу с ребрами, без лопатки (6%). Все выше перечисленные признаки встречаются независимо от пола и возраста.

Анализ погребений по полу и возрасту позволяют выделить «мужскую», «женскую» и «детскую» субкультуры, на основе вещевого материала. Так, мужские погребения характеризуются следующим набором признаков. Из ритуальных веществ преобладает желтый и белый цвет. Жертвенная пища и предметы вооружения встречались в половине мужских захоронений (57,0%). В 20,0% случаях в мужских погребениях были найдены зеркала. Довольно часто рядом с жертвенной пищей встречаются ножи.

Анализ возрастной стратификации у мужчин показал следующее распределение. В центральной части кургана, то есть почетное место отведено могилам мужчин молодого и зрелого возраста, могилы мужчин старческого возраста размещались на периферии, что демонстрирует их низкий статус, так как с возрастом они утратили наиболее ценные качества, характеризующие воинов и работников.

Интересно распределение и жертвенной пищи. В могилах молодых и зрелых мужчин наблюдается предпочтение положения в ногах и/или в головах, а в могилах мужчин старческого возраста чаще остатки мяса лежат слева от погребенного. Оружие сопровождает в первую очередь молодых людей (67%), что вероятно следует связать с их наибольшей боевой активностью. Среди остального вещевого комплекса нет каких-либо возрастных предпочтений.

Характерной особенностью для женских погребений является отсутствие основных погребений вне зависимости от возраста. Все женщины, найденные в основных погребениях, находились в парном или коллективном захоронении

вместе с мужчиной. В женских погребениях цветовое сопровождение следующее: белый цвет (мел) – 23%; красный цвет (реальгар – 16%; румяна – 3%); желтый цвет (сера или ярозит) – 6%; черный цвет (уголь) – 3%. Сочетания нескольких цветов встречается в половине женских погребений (49%).

Как и у мужчин, более половины женских могил содержат напутственную пищу и с такой же частотой встречается передняя нога с лопаткой или без нее.

Оружие в погребениях обычно и не считается женским сопутствующим инвентарем, тем не менее, его типы встречается в 10,0% случаев. Это колчаны со стрелами иногда в сочетании с коротким мечом. Данный набор встречается в погребениях молодых женщин. Участие молодых женщин в боевых операциях подтверждается данными археологии и античных источников [Климент Александрийский. Ковры. IV, 8, 62; Помпонию Мела. I, 3, 114; Стрижак, 2007; Богаченко, Максименко, 2008; Берсенева, 2011].

Зеркала и керамика, хотя и встречаются в женских погребениях довольно часто, но не являются специфически женскими вещами. К категории чисто женских вещей можно отнести: глиняные пряслица, ножи, бусы, причем почти всегда целой россыпью, то есть, ожерельями и богатой обшивкой края одежды, серьги или височные подвески выглядят исключительно деталью женского костюма.

При явном следовании стандарту в выборе части туши овцы можно отметить одну деталь – положение женщинам зрелого возраста задней ноги с тазовой костью, чего не было в мужских погребениях.

Что касается детских захоронений, то они бедны инвентарем, и чуть более половины детей были погребены в коллективных могилах. Более низкий статус детей, скорее всего, маркирует и такой признак как низкая частота встречаемости в могилах жертвенной пищи, оружия, ножей и т. д.

Среднесарматская погребальная обрядность. Всего изучено 126 погребальных комплексов. Для среднесарматской погребальной обрядности характерны как курганы-кладбища с впускными захоронениями, так и индивидуальные насыпи. Причем первое характерно для могильников Заволжья, где сохраняются раннесарматские традиции, а второе для Волго-Донского междуречья, где преобладают индивидуальные насыпи. Почти половина погребений сооружена в прямоугольных могилах. Как и у предшествующего населения преобладает ориентировка головы погребенных в южный сектор. Около 90,0% погребений содержат напутственную пищу в виде ноги барана с лопаткой. В большинстве случаев кости овцы располагались в ногах (50%), в головах (18,3%), справа от костяка (15,9%), слева (8,7%), во входной яме (4,4%).

Из вещевого материала преобладает керамика, изготовленная на гончарном круге. Оружие в погребениях встречается в 30,0% случаев. Расположение его следующее: короткие мечи в большинстве своем находились справа у бедра (34 случая). При совместных находках длинных и коротких мечей, длинные мечи располагались слева от погребенного, короткие – справа. Наконечники стрел часто представляют значительные колчаные наборы. Одной из часто встречаемых категорий находок в сарматских погребениях всех периодов являются бронзовые зеркала. Из украшений обнаружены бусы, являющиеся составной частью ожерелий или браслетов. В группе «орудия труда» с наиболь-

шей частотой встречаются железные ножи, далее пряслища, оселки и т. д. Находки, относимые к группе «предметы ритуального назначения», по их видам не многочисленны. Это костяные ложечки, каменные плиты; камни, гальки; алебастровые сосудики; глиняные курильницы, раковины. Из предметов португейного набора встречались исключительно железные пряжки.

Таким образом, многие ведущие обрядовые нормы, за исключением некоторых вариаций, являются общими для обоих полов и возрастных групп (соотношение впускных и основных погребений, конструкция могильных ям, положение и ориентировка погребенных, наличие жертвенной пищи, типов керамической посуды, бронзовых зеркал, железных ножей).

Различия по полу в основном фиксируются по отдельным категориям вещевого материала. Для мужских погребений типичным является наличие оружия, для женских – украшений (в основном бусы) и пряслищ. Следует отметить и такой момент. Диагональные погребения, известные в трех возрастных группах (18–20; 20–35; 35–45 лет) принадлежали исключительно женщинам, а в заключительной возрастной группе (старше 45 лет) только мужчинам.

Для социально престижных погребений среднесарматской культуры характерно наличие бронзовых котлов, золотых украшений. В качестве напутственной пищи части крупного рогатого скота и лошади.

Позднесарматская погребальная обрядность. Выборка составила 459 погребальных комплексов. Так как детей под позднесарматскими курганами мало, то анализировались погребальные сооружения взрослых людей. В результате было выяснено, что в традиции сооружения погребения много общего как в разных возрастных группах, так и в разнополых. К универсальным признакам можно отнести то, что ведущим типом ям являются подбойные конструкции, что характерно для позднесарматской культуры на всей территории ее распространения. Практически во всех когортах, кроме группы пожилых женщин, преобладает северная ориентировка погребенных. На начальном этапе позднесарматской культуры, во второй половине II в. н. э. в южной части Волго-Донского междуречья преобладает южная ориентировка погребенных. В Заволжье в синхронных погребениях ведущей является северная ориентировка. Искусственная деформация черепа отмечается у погребенных всех половозрастных групп, и ее показатель варьирует от 52 до 83% в различных группах. Наибольший процент отмечен в группе пожилых женщин. В женской выборке деформация вообще встречается чаще, чем в мужской. Не стоит забывать, что позднесарматская культура Нижнего Поволжья включила в себя довольно много черт предшествующей среднесарматской культуры. На раннем этапе в середине – второй половине II в. н. э., особенно в междуречье Волги и Дона фиксируется очень много обрядовых норм, характерных для среднесарматской культуры, при наличии и позднесарматских традиций. Смещение традиций наблюдается в синхронных погребениях одного могильника, и даже в одном и том же погребении. Эта специфика, тем не менее, не сильно влияет на показатели для общей выборки позднесарматских памятников, что может свидетельствовать об отсутствии значимых различий в половозрастных группах погребенных. Однако различия в погребальных традициях все же есть и касаются они в первую очередь сопровождающего инвентаря в различных по половому признаку погребениях.

Так для мужских погребений характерны в подавляющем большинстве случаев находки элементов вооружения – 92% от всех погребений с оружием принадлежат мужчинам. Находки желтого минерала, идентифицированного как ярозит или сера в 90% случаев происходят из мужских погребений. Кремневые отщепы также являются атрибутом мужских погребений.

Для женских захоронений также выделился определенный набор инвентаря. Так в 77% находок ножницы сопровождали женщин, из них у 70% зафиксирована деформация черепа. Ножницы в массовом количестве начинают распространяться у сарматов именно с середины II в. н. э. Другой деталью только женских погребений являются костяные, бронзовые и серебряные трубочки, которые, вероятно, были игольниками. Зеркала также являются массовым материалом – 90% случаев. У 74% женщин, в могилах которых обнаружены зеркала, имели искусственную деформацию черепа. Атрибутом женских погребений являются и раковины. В большинстве случаев – 75%, они найдены в погребениях молодых и зрелых женщин. Такое украшение как фибулы в 62% встречены в женских могилах. Другой массовой вещевой категорией в женских могилах являются бусы (72%). Интересны находки в погребениях металлических колокольчиков или маленьких бубенчиков. Они встречены лишь в трех случаях, но все в женских погребениях.

Сакральным атрибутом в могиле можно считать курительницы. Их находки распределяются примерно поровну между мужскими и женскими погребениями, но с учетом количественного превосходства мужских захоронений, частота встречаемости курительниц в женских могилах выше.

Половозрастная структура сарматского общества и некоторые показатели демографии. Для реконструкции половозрастной структуры и проведения демографического анализа использовались серии:

раннесарматского времени – 323 костяка; среднесарматского времени – 233 костяка; позднесарматского времени – 568 костяков.

Результаты демографического анализа позволяют говорить о резком отличии раннесарматского, среднесарматского и позднесарматского населения.

Половозрастная структура раннесарматских групп в той или иной степени соответствует критериям палеопопуляции и ее можно связать с реально существующими кочевыми группами, оставившими исследуемые могильники. Во-первых, это показатель половой структуры – соотношение по полу – составляет 0,96. То есть доля мужчин и женщин почти одинакова, но в сериях из отдельно взятых раннесарматских могильников различается. Соотношение близкое к норме в двух могильниках: Авиловский-II (0,9) и Первомайский (1,15); небольшое преобладание мужчин над женщинами наблюдается в могильниках Калиновка (1,45), Старица (1,2) и Перегрузное-I (1,4); и в двух могильниках значительное преобладание женщин над мужчинами, это могильники Бережновка (0,3) и Аксай (0,7). Такое распределение мужских и женских захоронений в различных могильниках отражает специфику сооружения кургана-кладбища. Известно, что одни раннесарматские курганы содержат преимущественно женские захоронения, а другие – мужские.

Во-вторых, уровень детской смертности в раннесарматском обществе был высокий – 33,8%. Причем, дети от новорожденности до 5 лет составляют около 46,0% от общего количества детей; дети 5-9 лет – около 34,0% и подро-

стки 10–14 лет – около 20,0%. Процент детских захоронений достаточно высок и во всех выборках из отдельно взятых могильников, более 20,0%. Очень высока доля детей в двух могильниках Калиновка и Перегрузное-I, около половины (47,6%). Большая часть детей во всех могильниках была погребена в коллективных и парных могилах. Как и в суммарной серии, пик детской смертности приходится на первый год жизни.

В-третьих, связи с высоким показателем смертности детей, средний возраст смерти с их учетом составляет 26,4 лет, а возраст взрослого населения – 36,7 лет. Как правило, в могильниках, где доля детей больше, средний возраст смерти ниже. Так, в двух могильниках (Калиновка и Перегрузное), где дети составляют около 50,0%, средний возраст смерти 24,8 и 22,2 лет, в остальных – выше, от 27,2 лет в могильнике Авиловском до 39,5 лет в могильнике Аксай.

Показатель половой структуры среднесарматского общества свидетельствует о преобладании мужской части населения над женской (1,3). Распределение мужских и женских погребений в могильниках сильно различается. Есть могильники, в которых мужская часть значительно преобладает над женской (Авиловский-II – 3,0; Бережновка – 1,7; Перегрузное-I – 1,6; Аксай – 1,25). В Калиновском могильнике наблюдается обратная ситуация, значительное преобладание женщин над мужчинами – 0,56. В двух могильниках соотношение по полу близко к норме, это могильники Старица и Первомайский, 1,0 и 0,9. Видимо, такое распределение женских и мужских захоронений в могильнике, с одной стороны связано с компонентом предшествующего раннесарматского могильника, а с другой – с новыми традициями.

Частота встречаемости детских захоронений в могильниках среднесарматского времени также отличается от показателя по раннесарматскому времени, он в два раза ниже и составляет 16,7%. Самая высокая смертность приходится на первые пять лет жизни – 66,7%; в когорте 5–9 лет умирало 23,2% детей, а в возрасте 10–14 лет только 10,1% детей.

Распределение детских захоронений по могильникам следующее. Высокая доля детских захоронений, как показатель высокой детской смертности, встречается в могильниках, где прослеживается преемственность с раннесарматским населением (Первомайский – 32,4%; и Старица – 52,0%). В других сериях этот показатель ниже (Бережновка – 16,4; Перегрузное-I – 13,3%; Аксай-10,0%; Калиновка – 7,4%). В Авиловском могильнике не было обнаружено детских захоронений этого времени.

Средний возраст смерти взрослого населения в целом по группе ниже, чем по раннесарматской группе и составляет 36 лет, а с учетом детей чуть больше 31 года. Средний возраст смерти мужской части и женской в целом по группе мало, чем отличается от раннесарматской.

В отдельных могильниках показатель среднего возраста смерти с учетом детей зависит от их доли, возраст ниже там, где доля детей высокая и выше где она низкая. Самый низкий возраст дожития с учетом детей дают материалы могильника Старица – 22,4 года, где детей более половины. В остальных могильниках средний возраст около 30 и более лет. Средний возраст смерти взрослого населения в трех могильниках около 40 и более лет (Калиновка, Старица, Первомайский) в остальных в пределах 30–35 лет.

Результаты анализа половозрастных особенностей населения позднесарматского времени дают деформацию многих показателей. Так, для этого времени характерно значительное преобладание мужчин над женщинами, соотношение по полу – 2,2. Преобладание мужских захоронений над женскими зафиксировано в сериях при делении по признаку наличие/отсутствие искусственной деформации черепа и в сериях из отдельно взятых могильников. Только в двух могильниках (Бережновка и Кермен Толга) соотношение по полу близко норме – 1,1, в остальных двукратное и более преобладание мужчин над женщинами.

Трудно определить и другой демографический показатель – детскую смертность. Под позднесарматскими курганами очень мало детей, и, конечно, количество их не отражает истинную картину детской смертности. Частота встречаемости детских захоронений в целом по серии составляет около 3,0%. В сериях из отдельно взятых могильников доля детских захоронений от 6,0% до полного их отсутствия. В связи с выше приведенными нарушениями невозможно определить детскую смертность у позднесарматского населения [Балабанова, 2009; Батиева, 2011; Яблонский, 2008].

Средний возраст смерти в целом по позднесарматской выборке – высокий более 40 лет [Балабанова, 2000а, 2009а,б; Яблонский, 2008 и др.] Высокие показатели среднего возраста смерти дают и хронологические группы, и группы, сформированные по наличию или отсутствию деформации, около 40 лет.

Таким образом, только половозрастная структура раннесарматских групп в той или иной степени соответствует критериям палеопопуляции и ее можно связать с реально существующими. Среднесарматская и позднесарматская группы, по-видимому, представлены в подкурганых выборках не полностью. Отсутствует значительное количество детей и женщин в среднесарматской и особенно в позднесарматской группах, в которых, возможно, использовали иные погребальные традиции.

Антропологическая структура сарматских групп. В данной части работы определяется антропологический облик мужской и женской частей раннесарматского, среднесарматского и позднесарматского населения на основе краниологического анализа. Статистическому анализу подвергались краниологические выборки насчитывающие:

- раннесарматское время – 371 черепов (мужских – 200, женских – 171);
- среднесарматское время – 296 черепов (мужских – 180, женских – 116);
- позднесарматское время – 456 черепов: мужских – 319 (214 со следами деформации и 105 без деформации); женских – 137 (107 со следами деформации и 30 без деформации).

В результате исследования выяснилось, что разнополые раннесарматские выборки характеризуются сходным морфологическим типом и являются носителями типа широкоголовых европеоидов с небольшим уплощением на верхнем уровне. Внутригрупповая структура складывается тоже из одних и тех же компонентов. Межгрупповые сопоставления позволяют высказаться в пользу единой генетической базы, на основе которой формировалось население.

Антропологический облик разнополых групп среднесарматского населения уже различается. Если для женской части характерно наследование раннесарматских черт, то для мужской наблюдаются изменения краниологи-

ческого типа в сторону накопления длинноголового типа до мезокранности в сочетании с ослабленной горизонтальной профилировкой лица на обоих уровнях. В южной части Волго-Донского междуречья у мужского населения уплощение лицевого скелета на обоих уровнях гармонирует с умеренным углом выступления носа.

Таким образом, изменение морфологического облика мужской части населения в среднесарматское время позволяет предположить, что он сформировался на основе мужских миграций, в облике которых преобладал длинноголовый тип и субстратных групп раннесарматского облика. Гипотеза мужских миграций подкрепляется тем, что женский тип сохраняет специфику предшествующего населения.

Позднесарматское население как мужское, так и женское, практиковавшее обычай преднамеренной деформации головы, резко отличается от своих предшественников и характеризуется типом длинноголовых европеоидов. Несмотря на это, тип предшествующего субстратного населения сохраняется среди той части женщин, которые не практиковали обычай деформации.

Сравнительный анализ краниологических сарматских серий позволяет предположить, что культурные и антропологические изменения в сарматской среде протекали за счет, в основном, мужских миграций. Субстратный тип широкоголовых европеоидов, характеризующий облик раннесарматского населения в позднесарматское время сохраняется, как отдельный компонент, только в некоторых районах (Заволжье и Калмыкия).

Патология сарматских групп. Источником исследования для написания данной части работы послужили костные останки от 436 индивидов. По культурно-хронологическим группам материал распределялся следующим образом:

- раннесарматское время: 175 костяков (82 – мужских, 64 – женских и 29 – детских);
- среднесарматское время: 113 костяков (62 – мужских, 46 – женских и 5 – детских);
- позднесарматское время: 148 костяков (112 – мужских, 35 – женских и 1 – детский).

Раннесарматское население характеризуется следующим патологическим состоянием. И для мужчин и для женщин были зафиксированы высокие частоты встречаемости одних и тех же аномалий на черепе и зубной системы, что указывает на высокую вероятность близкородственных связей. Полученные данные относительно гормональных нарушений в организме у ранних сарматов могут свидетельствовать о том, что часть мужчин отличалась тучностью. Распространение эндокринных нарушений у сарматского населения Нижнего Поволжья могут носить наследственный и пищевой характер, а также являться следствием воздействия негативных факторов окружающей среды, способствующих запуску генетически запрограммированных признаков. Основой диеты сарматов, как и большинства кочевников, являлись мясные и молочные продукты, богатые белком. Дополнительным доказательством данного факта являются полученные сведения по распространению признаков анемий и инфекционных заболеваний. В раннесарматской среде они могли быть результатом несбалансированного пи-

тания и употребления в пищу плохо обработанных продуктов, сырого мяса и крови животных.

Распределение комплекса заболеваний в разнополых группах следующее. Мужская часть населения в первую очередь была подвержена травмам боевого и бытового характера. Длительное времяпровождение на открытом воздухе, сидя в седле при выполнении производственных функций приводило к результатам механического и холодового стрессов, поражающие кости свода черепа, позвоночный столб, суставы верхних и нижних конечностей. Кроме этого у мужчин наблюдается некоторое увеличение показателей встречаемости воспалительных процессов.

Патологическое состояние у женской части раннесарматского населения носит иной характер. Это, прежде всего, поражения, связанные маркерами физиологического стресса, признаки железодефицитной анемии и инфекций. Тяжелый физический труд также оставил отпечаток на костях скелета женщин и проявляется в признаках дегенеративных изменений суставов и позвоночника.

Патологический анализ детского населения показал, что у него наблюдаются самые высокие частоты встречаемости поротического гиперостоза глазниц и свода черепа, признаки воспалительных процессов и пороза на черепе и костях посткраниального скелета. Такое состояние указывает на то, что для детских сарматских групп характерны заболевания, связанные с недостатком микроэлементов в организме, например, такие как цинга и железодефицитная анемия. Причины появления данных заболеваний в кочевых культурах могут быть следствием распространения паразитарных инвазий и регулярных сезонных голодовок (зимы-бескормицы).

Патология среднесарматского населения. Анализ генетических признаков позволяет сказать о значительной неоднородности среднесарматского населения, за редким исключением. Высокие частоты встречаемости зубочелюстных заболеваний указывают, что диета средних сарматов мало чем отличалась от сарматов раннего периода. Тем не менее, стоит отметить значительное снижение встречаемости кариеса и эмалевой гипоплазии, низкий процент воспалительных процессов и встречаемости поротического гиперостоза, что связано с установлением благоприятной адаптивной ситуации в группе. По сравнению с их предшественниками происходит снижение показателей встречаемости специфических заболеваний, основным бичом, как в принципе, и для большинства кочевников, являлись паразитарные заболевания.

Мужская часть характеризуется, как и в предшествующее время, высоким уровнем механического стресса, проявление которого с возрастом усиливается. Распространение артрозов, болезней позвоночника, поражения локтевого, лучезапястного, крестцово-подвздошного и тазобедренного суставов указывает на присутствие механического стресса, связанного с верховой ездой.

На женских костях, как и у ранних сарматов, фиксируются маркеры физиологического стресса, признаки железодефицитной анемии, а также индикаторы эндокринных заболеваний. На женских костях, хотя и реже, чем у мужчин, фиксируются показатели признаков воздействия на организм низких температур.

В небольшой детской серии из патологий следует отметить минерализованные отложения на зубах, зафиксированы признаки, указывающие на существование систематических периодов голодания – эмалевая гипоплазия (40%), следы воспалительных процессов, пороз, поротический гиперостоз подтверждают предположение о воздействии на выборку детей среднесарматского времени негативных факторов среды.

У позднесарматского населения также распространены различного рода зубные патологии, маркеры пищевого и эпизодического стресса, свидетельства частых и длительных периодов острого голодания. Диета кочевников II–IV вв. н. э. мало чем отличалась от особенности питания других сарматских групп. Термически плохо обработанная пища, постоянное недоедание и другие причины приводили к различным заболеваниям зубочелюстной системы, а также могли являться катализатором распространения различного рода инвазийных инфекций.

Наблюдаются перекосы по полу в распределении маркеров физиологического стресса. У мужчин частота встречаемости гораздо выше, что, возможно, свидетельствует о формировании культуры и населения за счет мужских миграций. Высокий процент травматических повреждений и травматических артритов у поздних сарматов является одной из ярких особенностей представителей данной культуры. Зафиксированная половая направленность в распределении травм свидетельствует о четкой профессиональной дифференциации в обществе. Большая часть мужчин, вероятно, являлись потомственными, хорошо обученными воинами-всадниками. Изучение костей посткраниального скелета мужской части населения также позволяет выявить ряд особенностей – сильно развитый мышечный рельеф, дегенеративно-дистрофические изменения в виде артрозов на основных суставах, в особенности верхних конечностей, болезни позвоночника – спондилоартроз и остеохондроз, деформирующий артроз суставов позвоночника шейного и поясничного отдела. Все эти признаки вполне могут считаться яркими индикаторами механического стресса, связанного с верховой ездой.

Женская часть позднесарматского населения по распространенности и характеру заболеваний мало, чем отличается от предшествующих групп.

Общее и особенное в погребальной обрядности сарматских культур. Результаты всех выше приведенных анализов позволяют реконструировать ритуал и обряд сарматских племен. При этом выделяются общие черты, характеризующие погребальную обрядность всех периодов и особенные, свойственные конкретным культурно-хронологическим группам.

Погребальный ритуал, обуславливающий определенный тип захоронения, вещевой комплекс и его расположение в могиле, способы сохранения тела, виды тризны и многое другое, связаны не только с общемифологическими представлениями и племенными обрядами, но и с родовыми обычаями, половозрастным и социальным положением и даже с местом и способом смерти человека.

Формирование погребальной обрядности всех трех сарматских археологических культур в целом близко. Объединяемая общим уровнем ментальности, сформированной в условиях классического кочевоего хозяйства, она не могла не отразиться на общих принципах мифотворчества, определяющих, в

том числе, и все виды обрядности. Что сказало, в том числе, и на выделении половозрастных групп в сарматских культурах, имеющих специфические права и обязанности, отраженные, в том числе и в погребальном ритуале.

В тоже время погребальная обрядность трех сарматских культур имеет серьезные различия, как в общекультурной обрядности, так и в погребальных ритуалах различных половозрастных групп. При этом стоит отметить, что каждая культура не только имеет свои специфические черты погребальных ритуалов, собственно и определяющих ее в рамках одной из трех сарматских культур, но они различны и по принципам основания погребального обряда. Это отражается не только на основополагающих принципах погребальной ритуальности, например, определения пространства кургана как «общесемейного склепа» или индивидуального «дома», или места и роли поминальной тризны, но и в специфике погребальных обрядов различных половозрастных групп. В первую очередь это было связано с прижизненным статусом погребенного, определяемого его принадлежностью к той или иной половой или возрастной когорте. Существенные различия по погребальному обряду наблюдаются в половозрастном составе погребенных каждой из культур.

Так, например, в группе раннесарматского времени соотношение мужчин, женщин и детей в целом сопоставимо, в то время, как уже в среднесарматское время наблюдается демографический переко, усилившийся в позднесарматский период, когда подавляющее большинство погребений были мужскими, при практически полном отсутствии детских погребений. Другим интересным фактом является высокий возраст дожития, что вряд ли отражает реальную демографическую картину, а может свидетельствовать лишь об особенностях погребального обряда позднесарматского населения, при котором под курганами хоронили не всех членов общества. Вполне возможно, что для отдельных групп, в том числе и половозрастных, существовали другие места погребения.

Различно положение и отдельных возрастных групп в каждой культуре, и если в раннесарматской погребальной обрядности «почетное место» отводится молодым, то уже в позднесарматский период можно, вероятно, говорить о более высоком статусе стариков.

Есть своя специфика и в наборе погребального инвентаря, маркирующая не только трудовую деятельность, присущую каждой из половозрастных групп, но и формируемая определенными ритуально-магическими действиями.

Таким образом, рассмотренные данные позволяют сделать вывод об определенном социальном приоритете мужчин возмужалого и зрелого возраста в социуме кочевников. Достаточно высокую роль в обществе занимали женщины 20–35-летнего возраста. Существенно ограниченной социальной значимостью обладали дети младшего и старшего возраста, а также подростки до того момента пока успешно не проходили обряд инициаций и не становились полноправными членами коллектива. Реальное место номада в половозрастной структуре обусловлено его личными физико-генетическими данными, а также особенностями социокультурного развития общества в целом.

Литература:

Балабанова М.А. Хронологические особенности половозрастной структуры сарматских групп Нижнего Поволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград, 2009. № 1 (15).

Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону, 2011.

Берсенева Н.А. Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности? (по материалам саргатской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14).

Богаченко Т.В., Максименко В.Е. Погребения «женщин с оружием» эпохи раннего железного века на Дону (методологические аспекты проблемы изучения) // НАВ. Волгоград, 2008. Вып. 9.

Бунытия Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии: На материале скифских могильников IV–III вв. до н. э. Киев, 1985.

Дашковский П.К. Половозрастная структура кочевников Горного Алтая пазырьковского времени // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. № 3.

Матвеева Н.П. Половозрастная структура населения лесостепного Приобья эпохи раннего железа (по археологическим данным) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2.

Матвеева Н.П., Буслова М.А. О половозрастной дифференциации общества саргатской культуры (по материалам Среднего Притоболья) // Социально-экономические проблемы древней истории Сибири. Тобольск, 1988.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. № 2.

Серегин Н.Н. Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии (к реконструкции некоторых аспектов гендерной истории) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17).

Серегин Н.Н. Половозрастная дифференциация в погребальном обряде населения тюркской культуры Саяно-Алтая // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2010. № 3.

Стрижак М.С. О женских погребениях с оружием кочевников Приуралья и Поволжья в VI – начале IV вв. до н. э. // Вооружение сарматов: Региональная типология и хронология. Челябинск, 2007.

Яблонский Л.Т. Палеоантропологические материалы из погребений позднесарматского времени // Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10. М., 2008.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Ельцов М.В.,
Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Кузнецова Т.В.,
Удальцов С.Н., Хомутова Т.Э.

ПОЧВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ: ИСТОРИЯ, ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ,
ПЕРСПЕКТИВЫ*

История почвенно-археологических исследований. Принципиально новые представления об истории развития природной среды степей Евразии в древности и средневековье, полученные в последние десятилетия, в первую очередь обязаны широкомасштабным естественнонаучным исследованиям грунтовых поселенческих и погребальных археологических памятников. Комплексные работы специалистов в области естественных наук и археологии привели к формированию новых междисциплинарных направлений, в частности, геоархеологии, петроархеологии, зооархеологии, археофитоиндикации, археоастрономии и др. К числу наиболее информативных объектов в решении вопросов эволюции почв и динамики климата за историческое время, в оценке роли окружающей среды в жизни древнего населения относятся палеопочвы, погребенные под разновозрастными курганными насыпями эпох энеолита, бронзы, раннего железа и средневековья (V тыс. до н. э. – XIV в. н. э.). Поэтому далеко не случаен давний взаимный интерес почвоведения и археологии, имеющий в России более чем вековую историю, истоки которой связаны с выдающимися отечественными учеными В.В. Докучаевым и В.А. Городцовым. Но лишь в 60 гг. прошлого века начались обстоятельные палеопочвенные исследования археологических памятников в Среднем Поволжье (П.В. Маданов и др.), в Средней Азии (И.Н. Степанов), на юге Украины (В.П. Золотун). В 70–80 гг. междисциплинарные работы, названные «почвенно-археологическими» [Иванов, 1978], стали носить систематический характер, причем особенно широкое распространение они получили в степной зоне страны. Следует особо отметить, что одним из первых центров ста-

* Исследования проводились при поддержке РФФИ и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

новления почвенно-археологических исследований оказался Институт агрохимии и почвоведения АН СССР в г. Пущино (ныне Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН). Они начались в лаборатории географии и картографии почв по инициативе и под руководством к.г.н. И.В. Иванова (ныне д.г.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ). Им совместно с археологом Л.Л. Галкиным (Институт археологии АН СССР) в 1975 г. впервые в Северном Прикаспии были изучены подкурганные палеопочвы. Уже с 1976 г. на территории Нижнего Поволжья регулярно стали проводиться комплексные экспедиции с участием почвоведов ИАП АН СССР (И.В. Иванов, С.В. Губин, В.А. Демкин, А.Н. Галибин) и археологов Москвы и Волгограда (В.П. Шилов, В.И. Мельник, А.С. Скрипкин, А.В. Лукашов, В.И. Мамонтов, В.П. Колесник). Первые результаты палеопочвенных исследований археологических памятников нижеволжских степей показали перспективность этого междисциплинарного направления [Губин, Демкин, 1977, Иванов, Демкин, 1977, Иванов, Демкин, Губин, 1978]. Организация в 1980 г. Волгоградского государственного университета с приглашением известных и молодых археологов (А.С. Скрипкин, Б.Ф. Железчиков, В.А. Кригер, А.В. Лукашов, И.В. Сергацков, В.М. Клепиков, А.Н. Дьяченко и др.) заметно активизировала и расширила почвенно-археологические исследования в Нижнем Поволжье. За прошедшие десятилетия в ходе комплексных работ специалистов в области почвоведения, микробиологии, геохимии, минералогии, аналитической химии ИФХиБПП РАН (А.О. Алексеев, А.В. Борисов, С.В. Губин, В.А. Демкин, Т.С. Демкина, М.В. Ельцов, П.И. Калинин, Н.Н. Каширская, С.А. Олейник, Я.Г. Рысков, С.Н. Удальцов, Т.Э. Хомутова, А.С. Якимов и др.) и археологов ВолГУ исследовано около 400 археологических памятников (главным образом курганов), расположенных в Жирновском, Михайловском, Котовском, Камышинском, Старополтавском, Фроловском, Ольховском, Николаевском, Клетском, Иловлинском, Дубовском, Быковском, Палласовском, Калачевском, Городищенском, Ленинском, Октябрьском районах Волгоградской области. В числе изученных объектов многочисленны курганные могильники: Эльтон, Венгеловка, Белокаменка, Бахтияровка, Абганерово, Аксай, Перегрузное, Бережновка, Маляевка, Колобовка, Петрунино, Ольховка, Гусевка, Неткачево, Племхоз, Авиловский, Зензеватка, Саломатино, Перекопка, Вепютнев и др.

В итоге почвенно-археологические исследования позволили наполнить новым содержанием существовавшие представления об эволюции почв степей Восточной Европы за историческое время, впервые на основе палеопочвенных данных удалось реконструировать вековую динамику климата в регионе, оценить роль природной среды в жизни древних и средневековых племен, предложить новые методические подходы в изучении стратиграфии и технологии сооружения курганов, атрибутов погребального обряда и др. В итоге уже в конце 80 гг. появились основания говорить о возможности выделения самостоятельного междисциплинарного научного направления – археологического почвоведения [Демкин и др., 1989]. Спустя несколько лет были разработаны его методические и теоретические основы, определены основные объекты и задачи [Демкин, 1993; 1997]. Поэтому именно нижеволжские степи послужили своего рода полигоном становления и развития

археологического почвоведения. Во-первых, этому способствовала чрезвычайно высокая насыщенность территории погребальными археологическими памятниками, причем время их сооружения охватывало весьма длительный период развития общества с древности (эпохи энеолита, бронзы, раннего железа) до начала позднего средневековья, то есть с V тыс. до н. э. до XIV в. н. э. Во-вторых, засушливый климат региона и приуроченность подавляющего большинства курганов к автоморфным ландшафтам обусловили необходимую степень сохранности исходных морфологических, химических, микробиологических свойств погребенных почв. Поэтому исследованные подкурганые педохроноряды характеризовались весьма высокой репрезентативностью и достоверностью фактического материала как в хронологическом, так и в географическом аспектах. В настоящее время в круг основных проблем археологического почвоведения входят следующие: пространственно-временная изменчивость почвенных свойств и процессов и эволюция почв в связи с динамикой климата и хозяйственной деятельностью человека; современное состояние, пространственно-временная изменчивость и палеоэкологическое значение микробных сообществ палеопочв археологических памятников; развитие природной среды за историческое время и ее роль в жизни древнего и средневекового населения; реконструкция хозяйственного уклада и ритуально-погребальной обрядности древних племен с использованием методов и данных почвоведения и смежных наук.

В последнее время почвенно-археологические проблемы вызывают все больший интерес исследователей. Так, уже в нескольких институтах РАН и вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Белгорода, Ставрополя, Екатеринбурга, Челябинска, Новосибирска, Тюмени, Иркутска сложились научные коллективы, ведущие активные исследования в рамках археологического почвоведения. В ИФХиБПП РАН в последнее десятилетие почвенно-археологические исследования получили новый творческий импульс. В 2003 г. в Институте была организована группа археологического почвоведения, преобразованная в 2004 г. в одноименную лабораторию (зав. проф. В.А. Демкин). За прошедшие годы ее сотрудники принимали участие в комплексных почвенно-археологических экспедициях в Московской, Волгоградской, Астраханской, Воронежской, Ростовской, Челябинской, Оренбургской областях, Ставропольском крае, Калмыкии, Башкирии, Северной Осетии, Западном Казахстане. К настоящему времени нынешним научным коллективом подразделения изучено около 500 археологических памятников (курганы, поселения, городища) каменного, бронзового, раннежелезного веков и средневековья в различных природных регионах Нечерноземья, ЦЧО, Северного Кавказа, Поволжья, Южного Урала.

В заключение отметим, что в системе мировых и отечественных геоархеологических исследований археологическое почвоведение заняло заметное место. Актуальность и важность интеграции почвоведения и археологии подтверждается и тем, что в последние годы эти вопросы ставятся на различных научных форумах. В их числе стоит упомянуть лишь такие крупные, как Международные конгрессы почвоведов (Мексика, 1994, Франция, 1998, США, 2002, Таиланд, 2006, Австралия, 2010), съезды Российского общества почвоведов им. В.В. Докучаева (Санкт-Петербург, 1996, Суздаль, 2000, Ново-

сибирск, 2004, Ростов-на-Дону, 2008, Петрозаводск, 2012), Всероссийские археологические съезды (Суздаль, 2008, Старая Русса, 2011).

Эволюция почв и динамика климата. Проблема истории развития природной среды и ее отдельных компонентов всегда занимала и занимает одно из ведущих мест в сфере интересов отечественных и зарубежных специалистов в области естественнонаучных дисциплин. В ее решении используется весьма широкий спектр методов и объектов изучения. Тем не менее, полученные на сегодняшний день данные о закономерностях вековой динамики климата, почвенно-растительного покрова в засушливых областях Евразии за последние 6000 лет зачастую носят неоднозначный и даже противоречивый характер. Прогресс в этой области видится в максимальной интеграции исследований, выбора наиболее репрезентативных объектов, содержащих информацию для различных отраслей знания. На сегодняшний день изучение разновозрастных палеопочв, погребенных под курганными насыпями, дало возможность получить новые данные о закономерностях почвообразования для различных природных районов евразийских степей, выявить особенности вековой динамики климата, определить роль почвенного покрова и природной среды в жизни древнего оседлого и кочевого населения.

Исследованная нами территория нижневолжских степей включает юго-восточную часть Среднерусской (Донская гряда), юг Приволжской и Ергенинскую возвышенности, северную и западную части Прикаспийской низменности в пределах Волгоградской, Ростовской областей и Республики Калмыкия. Климат региона умеренно континентальный. С северо-запада на юго-восток количество атмосферных осадков уменьшается с 400 до 280–300 мм/год, а среднегодовая температура возрастает с 5.4° до 8.1°C. В почвенно-географическом отношении регион входит в зоны сухих и пустынных степей с темно-каштановыми и каштановыми, светло-каштановыми и бурыми полупустынными почвами соответственно. Наличие микрорельефа обусловило неоднородный комплексный характер почвенного покрова, где наряду с зональными типами почв (каштановые и бурые) широко развиты интразональные почвы (солонцы, лугово-каштановые, лугово-бурые).

Объектами изучения послужили палеопочвы археологических памятников (курганов) эпох энеолита (IV тыс. до н. э.), бронзы (конец IV–II тыс. до н. э.), раннего железа (VI в. до н. э. – IV в. н. э.) и средневековья (VIII–XIV вв. н. э.). Раскопки курганов проводились археологическими экспедициями Волгоградского государственного университета, Волгоградского государственного педагогического университета, Института археологии РАН и Государственного Исторического музея под руководством А.С. Скрипкина, И.В. Сергацкова, В.М. Клепикова, А.Н. Дьяченко, М.В. Кривошеева, В.А. Кригера, А.В. Лукашова, В.И. Мамонтова, А.В. Кияшко, Е.П. Мыськова, В.В. Дворниченко, В.П. Шилова, Н.И. Шишлиной, Е.В. Цуцкина. На ключевых участках, расположенных в различных природных районах сухо- и пустынно-степной почвенно-географических зон, изучено несколько десятков подкурганных педохронорядов длительностью от 400–600 до 4000–5000 лет.

Палеопочвенные исследования разновозрастных курганов свидетельствуют, что эволюция почв дренированных (возвышенных) ландшафтов степей

Нижнего Поволжья с эпохи энеолита (конец V тыс. до н. э.) до развитого средневековья (XIV в. н. э.) была однонаправленной и метакронной, то есть с циклом одних и тех же этапов, но имевших в разных природных районах различную продолжительность и хронологическую позицию. В масштабе исторического времени климат являлся ведущим фактором почвообразования. Его вековая динамика находила отражение в морфолого-химических, магнитных и микробиологических свойствах палеопочв, в состоянии ландшафтов и почвенного покрова, в особенностях их пространственно-временной организации и функционирования в течение той или иной археологической эпохи. На фоне существовавшей климатической ситуации складывалась своя почвенно-ландшафтная обстановка, адаптированная к изменившимся условиям природной среды. Ее качественные и количественные характеристики определяли степень комфортности окружающей среды для проживания населения. В степной зоне к числу главных лимитирующих факторов развития как древнего, так и современного земледелия и скотоводства (животноводства) относятся дефицит атмосферной влаги и высокая засоленность почво-грунтов, причем они являются взаимосвязанными. Увеличение количества осадков приводит к рассолению почв. Напротив, аридизация климата обуславливает накопление солей в почвенной толще. Пространственно-временная динамика их содержания регулирует интенсивность протекания солонцового процесса и гумусообразования, биологическую активность и специфику водно-физических свойств почв, состав почвенного покрова и др. В итоге степень засоленности почв определяет их качество или естественное плодородие.

Результаты почвенно-археологических исследований дают основания считать, что разновозрастные подкуранные палеопочвы являются надежными индикаторами вековой изменчивости природных условий. Использование комплекса различных почвенных характеристик (морфолого-стратиграфические, химические, микробиологические, молекулярно-генетические, магнитные) заметно повышает детальность и достоверность природно-климатических реконструкций. Именно такой подход использован нами для реконструкции динамики атмосферной увлажненности в нижневолжских степях за последние 60 веков [Демкин, Скрипкин и др., 2012]. Его суть состоит в том, что с учетом классификационной принадлежности палеопочв, степени их засоленности, гумусированности, солонцеватости, особенностей состояния микробных сообществ и др. возможна оценка нормы атмосферных осадков в прошлые исторические эпохи по сравнению с современной. При реконструкции увлажненности климата принимался в расчет и тот факт, что в настоящее время разница в среднегодовом количестве осадков в сухих степях Волго-Донского междуречья и в пустынно-степной зоне Заволжья составляет 50–70 мм.

Установлено [Демкин и др., 2010], что 6000–5000 лет назад палеопочвы региона развивались в условиях повышенной атмосферной увлажненности с нормой осадков более 400 мм/год (в настоящее время 350 мм/год). Природная обстановка, наиболее близкая современной, имела место 5100–4800 лет назад. Затем началась постепенная аридизация климата, продолжавшаяся на протяжении нескольких столетий и достигшая максимума в конце III тыс.

до н. э. За это время среднегодовая норма атмосферных осадков снизилась не менее чем на 100–150 мм и достигла уровня 200–250 мм/год. В конечном счете около 4000 лет назад в нижневолжских степях возник самый масштабный палеоэкологический кризис за последние 6000 лет. Мы считаем, что резкая аридизация климата в это время имела глобальный характер. Она зафиксирована в ряде регионов степей и пустынь Евразии, в частности, на Среднем и Ближнем Востоке, на Балканах, в Северном Причерноморье, в Средней Азии. В XVIII–XVII вв. до н. э. в исследуемом регионе началось смягчение климатических условий с увеличением количества атмосферных осадков до 300–400 мм/год. Пик этого увлажнения пришелся на середину II тыс. до н. э. и повлек за собой значительные эволюционные преобразования почв со сдвигом ландшафтных рубежей к югу. Очередной засушливый этап приходился на конец II – первую треть I тыс. до н. э.

Сравнительный анализ морфологических, физико-химических и микробиологических свойств палеопочв подкурганых хронорядов впервые позволил установить, что структура почвенного покрова сухих степей Нижнего Поволжья в первые века н. э. характеризовалась большей контрастностью и разнообразием почв по сравнению с современностью [Демкин, Скрипкин и др., 2012]. Она включала основные виды палеосолонцов (корковые, мелкие, средние, глубокие), каштановые палеопочвы различной степени солонцеватости и засоленности и луговато-каштановые палеопочвы-эфемеры. Впервые установлено, что смена кратковременных (от 100–150 до 300 лет) гумидных и аридных климатических эпох была главной причиной динамичного и обратимого состояния структуры почвенного покрова с адаптацией почвенных свойств и процессов к изменяющимся условиям природной среды всего лишь за несколько десятков лет, что приводило к эволюционным преобразованиям палеопочв солонцовых комплексов за это время на уровне типа, рода или вида. В развитии почвенного покрова нижневолжских степей на протяжении исторического времени наблюдалась периодическая смена процессов дивергенции и конвергенции, обусловленных гумидизацией и аридизацией климата соответственно. Во всех исследованных природных районах сухо- и пустынно-степной зон Нижнего Поволжья в конце VI–V вв. до н. э. климатические условия были сравнительно влажными. В конце V – 1-й пол. IV вв. до н. э. началась аридизация климата, достигшая апогея во 2-й пол. IV–III вв. до н. э. Вторая пол. II–I вв. до н. э. характеризовались сменой засушливых климатических условий влажными, причем имеются основания считать 2-ю пол. I в. до н. э. как достаточно гумидную эпоху, имевшую продолжение и в I в. н. э. На финальный период среднесарматского времени (конец I – 1-я пол. II вв. н. э.) приходилась смена сравнительно гумидных условий почвообразования засушливыми.

Теперь остановимся на развитии климатической ситуации в позднесарматское время. Многочисленный фактический материал однозначно свидетельствует об аридизации климата во 2-й пол. II – 1-й пол. III вв. н. э. Последующий этап развития позднесарматской культуры (2-я пол. III–IV вв. н. э.) представлен сравнительно небольшим числом объектов. Однако морфолого-химические и микробиологические характеристики подкурганых палеопочв дают основания говорить о начале очередной гумидизации климата во

2-й пол. III в. н. э., которая весьма ярко проявилась в IV в. н. э. Таким образом, полученные данные дают основания считать, что вековая динамика увлажненности климата в савромато-сарматское время в нижневолжских степях характеризовалась закономерным чередованием гумидных (оптимальных) и аридных (кризисных) периодов. Их продолжительность составляла: савроматский гумидный – не менее 150 лет; раннесарматский аридный – 300 лет; ранне-среднесарматский гумидный – 200 лет; позднесарматский аридный – 150 лет; позднесарматский гумидный – более 100 лет.

Судя по свойствам палеопочв золотоордынского времени можно полагать, что среднегодовая норма атмосферных осадков в XIII–XIV вв. превышала современную на 70–100 мм. Увеличение атмосферной увлажненности повлекло за собой региональную миграцию природных рубежей к югу, в частности, экспансию сухостепных ландшафтов в пределы пустынно-степных.

Биологическая активность подкурганых почв. В последние годы одно из приоритетных мест в почвенно-археологических исследованиях занимает проблема изучения микробных сообществ подкурганых палеопочв [Демкина и др., 2004; Хомутова и др., 2004; Каширская и др., 2009; Демкина и др., 2010; Хомутова и др., 2011]. Установлено, что в подкурганых палеопочвах до настоящего времени сохраняются микробные сообщества, существовавшие во время сооружения археологических памятников. Это подтверждено выявленными закономерностями распределения численности микроорганизмов в профиле курганная насыпь – погребенная почва, данными определения по ^{14}C возраста микробной фракции палеопочв.

В этих исследованиях нами используется широкий круг современных методов почвенной микробиологии, биохимии, молекулярной биологии. Определен комплекс различных параметров, характеризующих состояние микробных сообществ палеопочв. В частности, к ним относятся биомасса активных микроорганизмов; суммарная микробная биомасса, включающая клетки микроорганизмов на разных стадиях их жизненного цикла (живые, покоящиеся, «мертвые»); численность микроорганизмов различных экологотрофических групп, использующих элементы питания из рассеянного состояния, гумуса или свежих растительных остатков. Их количество определяется путем посева почвенной суспензии на специальные питательные среды – почвенный агар, нитритный агар и богатую органическую среду соответственно. Соотношение численности микроорганизмов отдельных экологотрофических групп в подкурганых палеопочвах позволяет судить о степени увлажненности климата во время сооружения археологического памятника. С целью сравнительного изучения биомассы живых микробных клеток определено содержание фосфолипидов в палеопочвах. Фосфолипиды (ФЛ) являются обязательными компонентами мембран всех живых клеток микроорганизмов, растений, животных. При гибели клеток они быстро разрушаются. Поэтому содержание ФЛ является индикатором сохранившейся биомассы живых микробных клеток в палеопочвах. Для прямого учета мицелия микроскопических грибов использовался метод мембранных фильтров. Впервые изучено биоразнообразие микробных сообществ палеопочв на основе молекулярно-генетического подхода с выделением ДНК микробного сообщества и

оценкой генетического разнообразия микроорганизмов. В исследованиях морфологии и структуры микробных клеток подкурганых и современных почв использовались методы электронной микроскопии.

Впервые показано [Демкина и др., 2010], что суммарная биомасса микробных сообществ подкурганых палеопочв составляет 20–40% от микробной биомассы фоновых аналогов. Во всех палеопочвах присутствует определенный пул жизнеспособных микроорганизмов. В микробном сообществе палеопочв биомасса активных микроорганизмов составляет 0.3–41% от таковой в современной почве, а содержание мицелия микроскопических грибов – 43–50%. В структуре мицелия палеопочв доля темноокрашенного увеличивается до 98–100%. Выявлены микробиологические параметры, дающие контрастную характеристику состояния почвенных микробных сообществ в аридные и гумидные климатические периоды. Показано, что смена аридных и гумидных климатических эпох фиксировалась в структуре микробных сообществ палеопочв на эколого-трофическом, метаболическом и генетическом уровнях.

Исследования содержания и состава гумуса показали [Золотарева, Демкин, 2013], что за последние 3500 лет в результате диагенеза потери углерода из гумусового слоя (0–30 см) подкурганых каштановых палеопочв составили 3.3 кг С/м² или 60–75% от исходных запасов и линейно увеличивались во времени (коэффициент детерминации 0.989). Величина этих потерь детерминировалась (94%) гранулометрическим составом палеопочв и соотношением групп микроорганизмов, разлагающих свежие органические остатки и минерализующих гумус. Скорость минерализации гумуса экспоненциально снижалась с увеличением возраста погребения палеопочв ($R^2=0.87$). Изменения типа гумуса палеопочв, определяемого отношением $S_{тк}/S_{фк}$, отражали смену аридных (<1, фульватный) и гумидных (>1, гуматный) климатических эпох. Динамика состава гумуса коррелировала с динамикой суммарной микробной биомассы и биомассой грибного мицелия палеопочв.

Впервые установлено [Демкин, Скрипкин и др., 2012], что в палеопочвах (гор. А1) на протяжении 2000 лет сохраняется высокое содержание нитратной формы азота (4–11 мг N-NO₃⁻/100 г.), которое существенно превышает таковое в современных аналогах (преимущественно менее 1 мг N-NO₃⁻/100 г.). Эти данные, с одной стороны, свидетельствуют о достаточно надежной консервации подкурганых палеопочв, с другой – являются важным критерием определения сезона (весна, лето, осень) сооружения археологических памятников.

Этноархеологические проблемы. Как известно, почвенно-археологические работы в России в большей степени ориентированы на изучение курганов, тогда как за рубежом – стоянок, поселений, городищ. Вероятно, именно это определяет отечественную специфику археологических и этнографических аспектов интегративных исследований, в которых значительное место занимают вопросы, связанные с познанием духовной и материальной культуры древних народов [Демкин, 1997; Демкин, Клепиков и др., 2012]. Методическая оснащенность археологического почвоведения позволила нам выявить новые стратиграфические особенности погребальных археологических памятников степей Нижнего Поволжья, реконструировать технологические приемы их сооружения, исходную архитектуру, сезон строительства. Достаточно эффективно решаются вопросы относительной и абсолютной хронологии конкретных объектов. Основными параметрами при этом служат различные почвенные свойства и признаки (засоленность, со-

лонцеватость, величина магнитной восприимчивости, гумусовый профиль и многие другие), по степени развития, наличия или отсутствия которых устанавливается относительный возраст памятников в рамках одной культурно-исторической общности, а также время их сооружения в случаях антропогенного нарушения и отсутствия датирующих артефактов. Использование ряда минералогических и химико-аналитических методов, применяемых в почвоведении, дало возможность получить новую информацию или внести коррективы в существующие представления об отдельных атрибутах погребального обряда. Например, это касается идентификации заупокойной пищи в глиняных сосудах и встречающихся в захоронениях обломков минералов и горных пород, а также так называемых «меловых» посыпок и побелок, за которые ошибочно принимались аккумуляции легкорастворимых солей, сформировавшиеся естественным путем на дне и стенках могильных ям, на погребальном инвентаре.

Перспективы и новые задачи почвенно-археологических исследований.

Таким образом, почти 40-летние почвенно-археологические исследования разновозрастных курганов нижневолжских степей впервые позволили получить столь детальную и новую информацию о закономерностях пространственно-временной изменчивости морфологических, химических, микробиологических, магнитных свойствах и биологической активности палеопочв, о направленности и скорости преобразования параметров гумусового, карбонатного, солевого профилей, о развитии процессов гумусо- и солонцеобразования, засоления/рассоления, об изменчивости структуры почвенного покрова и эволюции почв, о вековой динамике увлажненности климата за историческое время, об особенностях погребального обряда и роли природной среды в жизни древнего и средневекового населения региона. Эти работы внесли заметный вклад в разработку теоретических и методических основ в познании истории развития природы и общества степей Евразии.

К числу наиболее важных научно-методических задач почвенно-археологических исследований, требующих решения в ближайшей перспективе, на наш взгляд, относятся следующие: (1) расширение географии почвенно-археологических исследований в Нижнем Поволжье, в частности, на территории Эльтонской равнины (островной ареал сухостепных ландшафтов в полупустыне), в Западном Прикаспии, в черноземной зоне; (2) совершенствование имеющейся методической базы полевого и лабораторного изучения памятников археологии как памятников природы; (3) пространственно-временная детализация и уточнение современных представлений об истории почвообразования, картографическое обобщение состояния почвенного покрова в различные археологические эпохи; (4) исследования микробного биоразнообразия и ферментативной активности палеопочв; (5) оценка этноархеологической роли палеопочв и степени влияния человека на почвенный покров в древности и средневековье; (6) более широкое использование естественнонаучных методов и подходов, направленных на решение историко-социологических вопросов, касающихся ритуально-мифологической практики, хозяйственной занятости, миграций древнего населения; (7) разработка новых почвенных критериев для определения сезона сооружения памятников, что имеет первостепенное значение в решении ряда важных проблем палеопочвоведения, археологии, этнографии.

Литература:

- Губин С.В., Демкин В.А. Возможности и перспективы совместных почвенно-археологических исследований // Почвоведение и агрохимия. Пушино, 1977.
- Демкин В.А. Почвы сухих и пустынных степей Восточной Европы в древности и средневековье // Автореф. дисс. ... д-ра биол.наук. М., 1993.
- Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. Пушино, 1997.
- Демкин В.А., Рысков Я.Г., Алексеев А.О., Олейник С.А., Губин С.В., Лукашов А.В., Кригер В.А. Палеопедологическое изучение археологических памятников степной зоны // Изв. АН СССР. Сер.географ., 1989. № 6.
- Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Ельцов М.В. Волго-Донские степи в древности и средневековье (по материалам почвенно-археологических исследований). Пушино, 2010.
- Демкин В.А., Клепиков В.М., Удальцов С.Н., Демкина Т.С., Ельцов М.В. Новые аспекты естественнонаучных исследований курганов сухих степей Нижнего Поволжья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1(16).
- Демкин В.А., Скрипкин А.С., Ельцов М.В., Золотарев Б.Н., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Кузнецова Т.В., Удальцов С.Н., Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н. Природная среда волго-уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Пушино, 2012.
- Демкина Т.С., Борисов А.В., Демкин В.А. Микробиологические исследования подкурганых палеопочв пустынно-степной зоны Волго-Донского междуречья // Почвоведение. 2004. № 7.
- Демкин Т.С., Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Стретови И.В., Демкин В.А. Микробиологические исследования палеопочв археологических памятников степной зоны // Почвоведение. 2010. № 2.
- Золотарева Б.Н., Демкин В.А. Гумус палеопочв археологических памятников сухих степей Волго-Донского междуречья // Почвоведение. 2013. № 3.
- Иванов И.В. Почвоведение и археология // Почвоведение. 1978. № 10.
- Иванов И.В., Демкин В.А. Изучение истории формирования почв и прогнозирование их естественных и антропогенных изменений // Почвоведение и агрохимия. Пушино, 1977.
- Иванов И.В., Демкин В.А., Губин С.В. Вопросы истории развития степных почв в голоцене. Препринт. Пушино, 1978.
- Каширская Н.Н., Хомутова Т.Э., Демкина Т.С., Демкин В.А. Микробная биомасса подкурганых и современных почв степной зоны Нижнего Поволжья // Почвоведение. 2009. № 5.
- Хомутова Т.Э., Демкина Т.С., Демкин В.А. Оценка суммарной и активной микробной биомассы разновозрастных подкурганых палеопочв // Микробиология. 2004. Т. 73. № 2.
- Хомутова Т.Э., Демкин В.А. Оценка биомассы микробных сообществ почв сухих степей по содержанию в них фосфолипидов // Почвоведение. 2011. № 6.

Демкин В.А., Демкина Е.В., Демкина Т.С.,
Каширская Н.Н., Хомутова Т.Э.

ПОЧВЕННО-МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ*

В последнее время одно из ведущих мест в наших исследованиях заняли работы по изучению состояния микробных сообществ палеопочв археологических памятников (курганов) средне- и позднеголоценового возраста (IV тыс. до н. э. – XIV в. н. э.) в сухих и пустынных степях юго-востока Русской равнины. Их актуальность и перспективность, прежде всего, обусловлена тем, что проблема развития и функционирования микроорганизмов в процессе эволюции почв и природной среды за историческое время относится к числу практически не разработанных в современной почвенной микробиологии. Ранее проведенные нами исследования показали [Демкина и др., 2000], что в погребенных почвах археологических памятников сохраняются живые микроорганизмы, которые несут информацию об экологических условиях прошедших столетий и даже тысячелетий. При высеве из водной суспензии, приготовленной из почвенных образцов, они хорошо развиваются на агаризованных питательных средах. Используя различные по составу питательные среды, удается выявить пищевые (или трофические) предпочтения микроорганизмов, обитавших в палеопочвах в различные исторические эпохи, их численность и биомассу и, соответственно, судить о природной обстановке в древности.

Исследованная нами территория включает юго-восточную часть Среднерусской (Донская гряда), юг Приволжской и Ергенинскую возвышенности, северную и западную части Прикаспийской низменности в пределах Волгоградской, Ростовской областей и Республики Калмыкия. Климат региона умеренно континентальный. С северо-запада на юго-восток количество атмосферных осадков уменьшается с 400 до 280–300 мм в год, а среднегодовая температура возрастает с 5,4° до 8,1°С. В почвенно-географическом отношении регион входит в зоны сухих и пустынных степей с темно-каштановыми и каштановыми, светло-каштановыми и бурыми полупустынными почвами

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

соответственно. Наличие микрорельефа обусловило неоднородный комплексный характер почвенного покрова, где наряду с зональными типами почв (каштановые и бурые) широко развиты интразональные почвы (солонцы, лугово-каштановые, лугово-бурые).

Объектами изучения послужили палеопочвы археологических памятников (курганов) эпох энеолита (начало IV тыс. до н. э.), бронзы (конец IV–II тыс. до н. э.), раннего железа (VI в. до н. э. – IV в. н. э.) и средневековья (VIII–XIV вв. н. э.). На ключевых участках, расположенных в различных природных районах сухо- и пустынно-степной почвенно-географических зон, изучено несколько десятков подкурганых педохронорядов длительностью от 400–600 до 4000–5000 лет.

В исследованиях подкурганых палеопочв нами используется широкий круг современных методов почвенной микробиологии, биохимии, молекулярной биологии. Определен комплекс различных параметров, характеризующих состояние микробных сообществ палеопочв. В частности, к ним относятся биомасса активных микроорганизмов; суммарная микробная биомасса, включающая клетки микроорганизмов на разных стадиях их жизненного цикла (живые, покоящиеся, «мертвые»); численность микроорганизмов различных эколого-трофических групп, использующих элементы питания из рассеянного состояния, гумуса или свежих растительных остатков. Их количество определяется путем высева почвенной суспензии на специальные питательные среды – почвенный агар, нитритный агар и богатую органическую среду соответственно. Соотношение численности микроорганизмов отдельных эколого-трофических групп в подкурганых палеопочвах позволяет судить о степени увлажненности климата во время сооружения археологического памятника. С целью сравнительного изучения биомассы живых микробных клеток определено содержание фосфолипидов в палеопочвах. Фосфолипиды (ФЛ) являются обязательными компонентами мембран всех живых клеток микроорганизмов, растений, животных. При гибели клеток они быстро разрушаются. Поэтому содержание ФЛ является индикатором сохранившейся биомассы живых микробных клеток в палеопочвах. Для прямого учета мицелия микроскопических грибов использовался метод мембранных фильтров. Впервые изучено биоразнообразие микробных сообществ палеопочв на основе молекулярно-генетического подхода с выделением ДНК микробного сообщества и оценкой генетического разнообразия микроорганизмов. В исследованиях морфологии и структуры микробных клеток подкурганых и современных почв использовались методы электронной микроскопии.

В качестве одного из примеров рассмотрим микробиологические данные, полученные при изучении археологических памятников в полупустынной зоне Северных Ергеней (Волгоградская область). Объектами исследований послужили светло-каштановая палеопочва и палеосолонец, погребенные под позднесарматским курганом начала IV в. н. э. (могильник «Абганерово»). Микробные сообщества изученных палеопочв характеризовались сходным уровнем биомассы и, как правило, одинаковой дыхательной активностью с их современными аналогами. Однако эколого-трофическая структура сообществ существенно различалась. В погребенных почвах доля микроорганиз-

мов, использующих легкодоступное органическое вещество, была существенно выше по сравнению с современностью. В основном это увеличение сопровождалось снижением доли микроорганизмов, растущих на почвенном агаре и удовлетворяющих свои потребности за счет низких концентраций источников энергии и питания, находящихся в почве. Относительное содержание микроорганизмов, потребляющих гумус, в палеопочвах было несколько меньше. Соотношение численности микроорганизмов, выросших на богатой органической среде и нитритном агаре, в подкуранных почвах оказалось в 2–2,5 раза выше, чем в современных. Индекс олиготрофности, указывающий на способность микробного сообщества ассимилировать из рассеянного состояния питательные элементы (фосфор, калий, азот и др.) в палеопочвах в 2–5 раз меньше. Сказанное дает основание считать, что в IV в. н. э. в почву поступало больше легкодоступного органического материала растительного происхождения. А так как уровень минерализационной (разложение органического материала) активности в то время был сходен с современным, в почве оставалось большее количество легкодоступного органического вещества. Меньшая доля микроорганизмов, использующих гумус, и большее содержание последнего в палеопочвах также свидетельствует о лучшем обеспечении их микробных комплексов легкодоступным органическим веществом и отсутствием необходимости использовать труднодоступные гумусовые вещества. Увеличение же продуктивности растительных сообществ и, как следствие, увеличение массы опада в полупустынной зоне прежде всего связаны с возрастанием степени атмосферной увлажненности. Следовательно, можно полагать, что в IV в. н. э. в исследованном регионе климат был более влажным, чем в настоящее время. Этот вывод согласуется с палеоклиматическими реконструкциями, основанными на морфологических и химических почвенных параметрах [Демкин и др., 2010].

Принципиально новыми являются данные о пространственно-временной изменчивости эколого-трофической структуры микробных сообществ в связи с вековой динамикой почвенно-ландшафтных и климатических условий. Для каждого из исследованных природных районов юго-востока Русской равнины установлены свои закономерности в соотношении эколого-трофических групп микроорганизмов и характере их трансформации за историческое время. Сравнительный анализ состояния микробных сообществ исследованных разновозрастных палеопочв различных районов каштановой зоны позволил выявить определенные географические закономерности. Так, в сильно засоленных каштановых почвах низкой надпойменной террасы р. Есауловский Аксай (Северные Ергени, могильник «Аксай-1») на протяжении всего исследованного хроноинтервала (последние 3600 лет) абсолютно доминировали (75–95%) микроорганизмы, потребляющие элементы питания из рассеянного состояния. Они же были, как правило, преобладающими (65–70%) и в светло-каштановых почвах Заволжья (могильник «Малаяевка-5»), развитых на древнеморских засоленных суглинках в условиях более засушливого климата (количество атмосферных осадков около 280 мм в год). На водораздельных пространствах Северных Ергеней (могильник «Абганерово»), сложенных сравнительно менее засоленными лессовидными породами и со среднегодовой нормой осадков более 300 мм, значительное место в составе

микробного сообщества разновозрастных светло-каштановых почв занимали микроорганизмы, растущие на богатой органической среде.

Исследования разновозрастных курганов средне- и позднесарматской культур (Волгоградская область, могильники «Авиловский», «Акса́й», «Перегрузное», «Колобовка» и др.) позволили выявить закономерности динамики состояния микробных сообществ палеопочв степей Нижнего Поволжья в первые века новой эры. Проведенные на основе этих данных палеоэкологические реконструкции подтверждают и детализируют концепцию изменчивости увлажненности климата в регионе, базирующуюся на материалах анализа морфологических и химических свойств подкурганых палеопочв. В хроноинтервале I–IV вв. н. э. закономерности развития почвенных микробных сообществ были обусловлены динамикой степени атмосферной увлажненности, сменой сравнительно влажных условий (I – 1-я половина II вв.) засушливыми (2-я половина II – 1-я половина III вв.), а затем вновь влажными (конец III–IV вв.). Изменение количества атмосферных осадков в рассматриваемые хроноинтервалы, реконструированное по результатам исследований магнитных и минералогических свойств подкурганых палеопочв сарматского времени, составляло 30–50 мм в год. Важно отметить, что особенности изменчивости микробиологических параметров в исследованных палеопочвах оказались синхронными и однонаправленными, хотя они были приурочены к различным почвенно-географическим зонам (сухо- и пустынно-степная), природным районам (Приволжская, Ергенинская возвышенности, Прикаспийская низменность), элементам рельефа (водоразделы, речные террасы, морская равнина).

С использованием метода ^{14}C атомной масс-спектрометрии впервые определен возраст микробной биомассы, выделенной по разработанной нами методике [Хомутова и др., 2004] из различных горизонтов подкурганной (I в. н. э., могильник «Акса́й-3», Волгоградская область) и современной каштановых почв Северных Ергеней. В современной каштановой почве возраст микробных сообществ увеличивается в глубь профиля от ~100 (гор. А1) до ~3300 лет (гор. В2), что обусловлено снижением поступления свежего органического вещества и уменьшением доли активных микроорганизмов от их общей массы. Возраст микробной фракции в гор. А1 палеопочвы составляет около 2000 лет, то есть совпадает со временем создания кургана по археологической датировке. В гор. В2 погребенная и фоновая почвы имеют незначительные различия по возрасту, который определяется периодом значительных палеоклиматических изменений 4000–3500 лет назад, повлекших существенные эволюционные преобразования почв и перестройку их микробного сообщества.

Поскольку в почвах засушливых регионов значительная часть микробных сообществ находится в покоящемся (неактивном) состоянии, их разнообразие было оценено с помощью молекулярно-генетических методов (Tiedje et al., 1999). Эксперименты были проведены в Центре микробной экологии Мичиганского университета. Исследованы микробные сообщества трех палеопочв (гор. А1, В1, В2), погребенных под разновозрастными курганными насыпями в конце IV–III тыс. до н. э., и современной светло-каштановой почвы (Республика Калмыкия, Южные Ергени, могильники «Манджикины»,

«Му-Шарет»). Разнообразие микробного сообщества оценивалось в условных единицах, называемых «риботипом» микроорганизма. Вследствие высокого разнообразия сообществ, анализировали число и характер риботипов бактерий – общие и специфические. Общее число риботипов в современной почве достигало 118, в палеопочвах их число варьировало от 70 до 108. Из каждой палеопочвы до современности дошло от 36 до 68 риботипов, что составляет от 46 до 63% разнообразия палеомикробных сообществ. В микробном сообществе современной почвы доля таких, условно говоря «древних» бактериальных риботипов, относящихся к соответствующему времени погребения, колеблется от 33 до 57%. Можно полагать, что усиление аридизации климата на протяжении III тыс. до н. э. вызывало перестройку структуры почвенных микробных сообществ, но при этом сохранялась некоторая часть исходного разнообразия, которая впоследствии дополнялась новыми группами микроорганизмов, обусловленная изменением климатических условий.

Впервые установлены закономерности профильной и временной изменчивости суммарной, живой и активной биомассы микробных сообществ разновозрастных подкурганых и современных каштановых почв и солонцов нижневолжских степей. Суммарная микробная биомасса (СМБ) включает максимальное число микробных клеток на разных стадиях их жизненного цикла, в том числе некультивируемые формы, «мертвые» клетки и др. Практически во всех исследованных почвах СМБ в гор. В1 по сравнению с гор. А1 была больше на 25–110%. В каштановой палеопочве Северных Ергеней, погребенной в I в. н. э. (могильник «Аксай-3»), СМБ была в 2.5 раза больше, чем в современной фоновой почве. Скорее всего, это обусловлено увеличением атмосферной увлажненности в начале нашей эры.

Живую микробную биомассу в почвах оценивали по содержанию фосфолипидов (ФЛ), так как они являются обязательным компонентом мембран живых клеток независимо от физиологического состояния последних. Как правило, максимальные значения содержания ФЛ отмечены в гор. А1. В глубь профиля палеопочв наблюдается уменьшение количества ФЛ в два-пять раз. В каштановых палеопочвах, погребенных под курганами (середина III тыс. до н. э. и I в. н. э., могильник «Аксай-3»), среднепрофильное содержание ФЛ составляло 80–90%, а в палеосолонцах 65–140% от их фоновых аналогов.

Разнообразие живой части микробных сообществ оценивали по составу жирных кислот (ЖК), входящих в молекулы фосфолипидов (ФЛ). Для регистрации отдельных групп микроорганизмов использовали стандартные ЖК-ФЛ, характерные для грамположительных и грамотрицательных бактерий, актиномицетов и грибов. Исследовали профили (гор. А1, В1 и В2) подкурганых (I в. н. э., могильник «Аксай-3») и современных каштановых почв и солонцов. В современных почвах разнообразие микробных сообществ было высоким. В каштановой почве и солонце, погребенных ~2000 лет назад, разнообразие микробных сообществ было в целом ниже, чем в современных аналогах. Эти погребенные почвы мало различались между собой. В них выявлено близкое разнообразие актиномицетов и микроскопических грибов, а бактериальное разнообразие было меньше.

В современной и подкурганной светло-каштановых почвах Южных Ергеней (Республика Калмыкия, могильник «Манджикины») методами элек-

тронной микроскопии исследована морфология (строение) микробных клеток. Установлено, что клетки микроорганизмов имеют мощный внешний слой, состоящий из органических и минеральных веществ. Он увеличивает объем клеток почти в пять раз и защищает клетки от гибели при возникновении неблагоприятных экологических условий. В современной каштановой почве доля клеток, не имеющих этого слоя, составила почти 50%. В отличие от современных почв, в палеопочвах практически все клетки были окружены этим слоем, что явилось результатом их адаптации (приспособления) к дефициту влаги и питательных веществ в условиях длительного нахождения под курганной насыпью.

Определены объемы (размеры) микробных клеток в подкурганной и современной каштановых почвах (Волгоградская область, Приволжская возвышенность, могильник «Авиловский»). Средний объем клеток в палеопочвах составлял 0,28, а в современных почвах – 0,37 мкм³ (кубических микрометров). По сравнению с современными в погребенных почвах преобладали мелкие клетки (наноформы) размером менее 0,09 мкм³. Это также является результатом приспособления микробного сообщества к недостатку почвенной влаги и питательных веществ.

В результате погребения почв под курганными насыпями, культурными слоями, оборонительными валами микробное сообщество оказывается в нехарактерных для него условиях. При этом значительная его часть, преодолевая стрессовые условия окружающей среды (неблагоприятный гидрологический режим с дефицитом влаги, прекращение поступления растительного опада и др.), переходит в покоящееся состояние. Остается открытым вопрос о сохранении мицелия микроскопических грибов в этих условиях и его структуре. Известно, что темноокрашенный мицелий способен обитать в экстремальных условиях. Пигменты типа меланинов определяют устойчивость грибного мицелия против лизиса, высыхания, смягчают воздействие неблагоприятных температурных условий, а также обеспечивают сохранность клеточных структур в процессе длительного углеродного голодания. Установлено, что биомасса грибных гиф в современной каштановой почве Северных Ергеней превышала 70 мкг на 1 г почвы (средневзвешенная величина в гор. A1+V1+V2), доля темноокрашенного мицелия составляла почти 90%. В подкурганных палеопочвах большая биомасса грибного мицелия установлена для палеопочвы эпохи бронзы (~4500 лет назад, могильник «Аксай-3»), где она составила 36 мкг. на 1 г почвы. При этом на долю темноокрашенного мицелия приходилось 98%. В палеопочве, погребенной ~2000 лет назад, биомасса грибных гиф была несколько меньше, в его структуре выявлены только пигментированные (темноокрашенные) гифы (100%). Следовательно, в подкурганных палеопочвах степной зоны сохраняется грибной мицелий на уровне 40–50% от содержания в современных аналогах. При этом в его структуре увеличивается доля темноокрашенного мицелия до 98–100% как более устойчивого к неблагоприятным условиям обитания.

Бактериальные сообщества, выжившие в условиях природной консервации, привлекают особое внимание в связи с наличием у них эффективных механизмов, обеспечивающих длительное сохранение их жизнеспособности. Длительно переживающие сообщества отличаются высокой степенью гетеро-

генности, что проявляется в несоответствии потенциальной биологической активности, определяемой прямым методом дифференцированного подсчета «живых» и «мертвых» бактериальных клеток (краситель DAPI) и реально выявляемой при их культивировании в стандартных условиях на питательных средах. Ранее было высказано предположение, что это несоответствие может объясняться тем, что большинство микроорганизмов в подкурганых степных палеопочвах находятся в покоящемся, некультивируемом состоянии [Хомутова и др., 2004] и для их реактивации требуется подбор специальных условий. Согласно современным представлениям, микробные популяции представляют собой сложную, дифференцированную систему, которая характеризуется функциональной специализацией клеток. Координация деятельности таких клеток требует наличия регуляторных (коммуникативных) связей [Олескин и др., 2000], осуществляемых с помощью сигнальных молекул.

Объектами исследований послужили каштановая и «каштановидная» (бурая полупустынная) палеопочвы (Волгоградская область, Приволжская возвышенность, могильник «Авиловский»), погребенные под курганными насыпями соответственно в первой четверти III тыс. до н. э. (~4800 лет назад) и в конце III тыс. до н. э. (~4000 лет назад), а также современная фоновая каштановая почва. Для стимуляции прорастания бактерий при их выделении из образцов гор. А1 почв использовали β -индолил-3-уксусную кислоту (ИУК), которая относится к растительным аминам и, возможно, является сигнальной молекулой, регулирующей рост не только растений, но и микроорганизмов. Показано, что преинкубация образцов палеопочв в течение 40 минут с добавлением 10^{-4} М ИУК повышает число КОЕ/г. почвы на два-три порядка. Вероятно, увеличение численности бактерий происходит за счет реактивации покоящихся клеток, которые без предварительного воздействия были не способны ревертировать к росту. Наибольшее увеличение численности жизнеспособных бактерий отмечается в палеопочве, погребенной ~4800 лет назад. Это может объясняться существованием наиболее благоприятных палеоэкологических условий в это время, которые обусловили наибольшее количество и разнообразие бактериального сообщества. Таким образом, полученные данные позволяют интерпретировать статус ИУК как сигнального вещества, способного стимулировать прорастание законсервированного длительно покоящегося микробного пула при выделении из образцов подкурганых палеопочв.

Итак, нами впервые показано, что в палеопочвах разновозрастных археологических памятников (курганов) степной зоны до настоящего времени сохранились микробные сообщества, отражающие состояние и динамику условий почвообразования в прошлые исторические эпохи. Этому способствовали адаптационные механизмы выживания почвенных микробных сообществ (анабиоз, переход бактерий в наноформы и др.) в неблагоприятных экологических условиях, причем с сохранением ряда микробиологических параметров, отражающих палеоклиматические условия на момент создания курганной насыпи. Смена аридных и гумидных климатических периодов фиксировалась в структуре микробных сообществ палеопочв на эколого-трофическом, метаболическом и генетическом уровнях. В относительно влажные эпохи в эколого-трофической структуре возрастала доля микроор-

ганизмов, использующих легкодоступные органические вещества и снижался коэффициент олиготрофности. В связи с аридизацией климата на протяжении III тыс. до н. э. прослеживается снижение активной биомассы микроорганизмов, уменьшение доли микробного углерода в общем его содержании и нарастание олиготрофности. На рубеже III-II тыс. до н. э. вследствие палеоэкологического кризиса произошла перестройка генетического разнообразия (риботипов) микробных сообществ палеопочв.

Литература:

Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С. и др. Волго-Донские степи в древности и средневековье (по материалам почвенно-археологических исследований). Пушино, 2010.

Демкина Т.С., Борисов А.В., Демкин В.А. Микробные сообщества палеопочв археологических памятников пустынно-степной зоны // Почвоведение. 2000. № 9.

Олескин А.В., Ботвинко И.В., Цавкелова Е.А. Колониальная организация и межклеточная коммуникация у микроорганизмов // Микробиология. Т. 69. 2000. № 3.

Холмута Т.Э., Демкина Т.С., Демкин В.А. Оценка суммарной и активной микробной биомассы разновозрастных подкурганых палеопочв // Микробиология. Т. 73. 2004. № 2.

Tiedje J.M., Asuming-Brempong S., Nuesslein K., et al. Opening the black box of microbial diversity // Applied Soil Ecology. 1999. Vol. 13.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Ельцов М.В.,
Кузнецова Т.В., Удальцов С.Н.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЧВЕННОГО ПОКРОВА И ДИНАМИКА КЛИМАТА
СУХИХ СТЕПЕЙ ЕРГЕНИНСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ
В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ*

Известно, что сравнительный анализ свойств палеопочв разновозрастных археологических памятников позволяет изучать историю развития почв, дает возможность реконструировать направленность и масштабы вековой изменчивости атмосферной увлажненности, определить хронологическую последовательность гумидных и аридных периодов в развитии климата.

Подробная хронологическая детализация при реконструкции истории развития почв и природной среды может быть обеспечена при изучении подкурганых педохронорядов длительностью несколько сотен лет с непрерывным временным шагом в 100–200 лет. Данным условиям, в частности, отвечают палеопочвы близ расположенных курганных могильников с однотипными литолого-геоморфологическими условиями, относящихся к сарматской культуре. Хронология и периодизация развития этой культуры разработаны достаточно детально [Скрипкин, 2008] со следующей культурно-хронологической дифференциацией: ранний этап – 2-я пол. IV–III и II–I вв. до н. э.; средний этап – I–1-я пол. II вв. н. э.; поздний этап – 2-я пол. II–1-я пол. III и 2-я пол. III–IV вв. н. э.

В данной работе на основании изучения подкурганых педохронорядов сделана попытка установить закономерности и выявить особенности развития почв сухостепной зоны Ергенинской возвышенности в сарматскую эпоху. С использованием комплекса полевых и лабораторных методов получена репрезентативная хроногеографическая информация о состоянии почвенного покрова и свойствах палеопочв, о закономерностях их пространственно-временной изменчивости в связи со сменой условий почвообразования.

Объектами изучения послужили подкурганые палеопочвы ранне-, средне- и позднесарматского времени курганных могильников «Аксай 3» и

* Исследования проводились при финансовой поддержке РФФИ и Программы фундаментальных исследований РАН.

«Перегрузное», а также их современные фоновые аналоги. Раскопки курганов проводились археологическими экспедициями Волгоградского государственного университета.

Курганный могильник «Аксай 3» расположен в северной части Ергенинской возвышенности в подзоне каштановых почв в 2,5 км юго-восточнее с. Аксай Октябрьского р-на Волгоградской обл. Он приурочен к плоской вершине водораздела рек Аксай и Россошь с абсолютными отметками 100–110 м.

Исследованные курганы датируются I в. н. э. (среднесарматская культура). Под насыпью наиболее крупного из них (курган № 3, высота около 1,5 м, диаметр 30 м) был исследован солонцовый комплекс, представленный палеосолонцом средним глубоко солончаковатым и каштановыми глубоко солончаковатыми палеопочвами различной степени солонцеватости. Подкурганные почвы изучались в траншее длиной 6 м.

Нивелировка древней поверхности говорит о ее выровненности, перепады высот на протяжении 6 м составляют всего лишь ± 2 см. Однако, несмотря на это, обнаруживаются заметные различия в свойствах палеопочв, приуроченных к исследованному участку. В частности, для каштановых солонцеватых и несолонцеватых палеопочв характерно наличие выщелоченного гор. С. В палеосолонце и сильносолонцеватой каштановой палеопочве в гор. С отмечается накопление легкорастворимых солей в виде прожилок. Средневзвешенное содержание легкорастворимых солей и гипса в слое 0–200 см не превышает 0,7 и 1,5% соответственно. В иллювиальном гор. В1 фиксируются новообразования оксидов марганца в виде примазок по граням структурных отдельностей, причем их количество заметно уменьшается по мере ослабления солонцеватости, а в каштановой несолонцеватой палеопочве они вовсе отсутствуют. Средневзвешенное содержание карбонатов в верхней полуметровой толще палеопочв заметно варьирует от 1,4 до 3,7%. Верхняя часть профиля палеопочв текстурно-дифференцирована, отношение содержания ила в гор. А1/гор. В1 колеблется от 2,1 до 2,8. Сохранившееся содержание гумуса составляет 0,4–0,7%. Величина магнитной восприимчивости в гумусовом слое достигает $(60–63) \times 10^{-5}$ единиц СИ.

Исследованный современный солонцовый комплекс представлен солонцом средним солончаковатым и каштановой солонцеватой глубоко солончаковатой почвой. Содержание гумуса в верхних горизонтах этих почв составляет 1,2–2,0%. Новообразования оксидов марганца в гор. В1 отсутствуют. Для почв характерно сравнительно высокое залегание аккумуляций легкорастворимых солей и гипса (с 75–100 см). Их средневзвешенное содержание в двухметровой толще достигает 1% и более и 2–3% и более соответственно. Средневзвешенное содержание карбонатов в слое 0–50 см около 5%. Максимальная величина магнитной восприимчивости в верхних горизонтах не превышает 55×10^{-5} единиц СИ.

Полученные данные дают основания считать, что в I в. н. э. в исследованном регионе климатические условия были более влажными по сравнению с современностью. Это подтверждается такими особенностями свойств подкурганных палеопочв, как наличие новообразований оксидов марганца в гор. В1, выщелоченность верхних горизонтов от карбонатов, сравнительно высокими значениями магнитной восприимчивости, меньшими запасами и

более глубоким залеганием аккумуляций легкорастворимых солей и гипса, чем в фоновых почвах. Однако состояние микробного сообщества в палеопочвах [Демкин и др., 2012] свидетельствует о тенденции к усилению засушливости климата, из чего следует, что сооружение исследуемого кургана скорее всего приходилось на 2-ю пол. I в. н. э.

Курганный могильник «Перегрузное» находится у с. Перегрузное Октябрьского р-на Волгоградской обл. на плоском межбалочном водоразделе, примерно в 5 км к юго-западу от могильника «Аксай 3».

Время сооружения изученных курганов этого могильника охватывает хронологический интервал со II в. до н. э. до III в. н. э. Морфолого-стратиграфические особенности и химические характеристики погребенных почв дают основания считать, что в ту эпоху в исследуемом районе существовали сухостепные ландшафты, а следовательно, условия почвообразования были близки к современным [Борисов и др., 2002]. Вместе с тем, сравнительный анализ отдельных свойств разновозрастных каштановых палеопочв и палеосолонцов свидетельствует об их заметной временной динамике.

Сравнительный анализ свойств почв изученного хроноряда дает основания считать, что в исследуемом регионе климатические условия в конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э. в целом были более влажными по сравнению с современностью. Это подтверждается следующими данными. Палеосолонцы, в отличие от их фоновых современных аналогов, характеризуются большей выщелоченностью профиля от легкорастворимых солей и гипса, большей глубиной залегания их аккумуляций и линии вскипания, более высокими значениями магнитной восприимчивости в гор. A1 и B1, наличием в солонцовом гор. B1 обильных новообразований оксидов марганца и его красновато-бурым цветом, большей мощностью гумусового слоя A1+B1. Полученные результаты свидетельствуют, что гумидизация климата имела место не только в I в. н. э. («среднесарматский микропшювиал»), но и в I в. до н. э., а возможно и несколько ранее (2-я пол. II в. до н. э.). Этот вывод подтверждается результатами исследований раннесарматского палеосолонца. В этот период среднегодовая норма атмосферных осадков превышала современные показатели не менее чем на 40–50 мм. Следовательно, продолжительность сравнительно влажной климатической эпохи составляла около 200 лет. Во-вторых, сравнительный анализ морфолого-химических и магнитных свойств изученных палеосолонцов ранне- и среднесарматского времени показывает ряд их заметных различий. В частности, среднесарматские палеопочвы характеризуются большей засоленностью профиля, более близким залеганием к поверхности аккумуляций легкорастворимых солей и гипса, а также линии вскипания, меньшими величинами магнитной восприимчивости в гор. A1 и B1. Следовательно, палеосолонцы, погребенные под курганами, датированными I–I-й пол. II вв. н. э., развивались в климатических условиях, более засушливых по сравнению с I в. до н. э. Следует заметить, что наши предыдущие исследования палеопочв позднесарматского времени на территории Ергенинской и Приволжской возвышенностей [Борисов и др., 2002; Демкин и др., 2008, 2009; Демкина и др., 2009] уже показали, что во 2-й пол. II – 1-й пол. III вв. н. э. климатические условия в регионе были более засушливыми по сравнению с предшествующей эпохой, а каштановые палеопочвы этого периода весьма существенно отличались от среднесарматских палеопочв.

В составе могильника «Перегрузное» особый интерес представляют наиболее крупные курганы – №№ 45, 51 и 52 [Демкин и др., 2012]. По археологическим материалам их сооружение относится к I в. н. э.

Насыпью кургана № 45 на значительной площади (около 1000 м²) перекрыт древний комплексный почвенный покров среднесарматского времени, представленный мелкими и средними палеосолонцами, каштановыми солонцеватыми и несолонцеватыми и луговато-каштановыми палеопочвами. Подобного рода объект впервые исследован в степях Нижнего Поволжья.

При сооружении курганной насыпи применялась «монолитно-блочная» технология [Демкин и др., 2010a] с использованием в качестве строительного материала монолитов, вырезанных из верхнего слоя палеопочвы. Их вырезка возможна лишь при определенной влажности в верхнем слое почвы, обычно достигаемой в исследуемом регионе в поздневесенний период (вторая половина апреля – май), позднее же почва теряет пластичность и вязкость, становится рассыпчатой. К тому же подкурганные палеопочвы имели существенно более высокое содержание нитратного азота (5.1–11.1 мг N-NO₃/100 г почвы), чем современные почвы (0.05–1.3 N-NO₃/100 г почвы). Нитратный азот мог накапливаться в погребенном гор. А1 только при оптимальных для жизнедеятельности микроорганизмов климатических условиях (температура, влажность) и наличии легкоразлагаемого органического субстрата (активно вегетирующая травяная растительность с узким отношением C:N), который мог быстро (в течение нескольких недель) минерализоваться с накоплением большого количества нитратного азота [Кузнецова и др., 2003]. Поэтому можно заключить, что сооружение кургана, скорее всего, происходило не позже конца апреля – первой половины мая.

По профилю пяти курганных бровок была проведена нивелировка (через 0.5 м) древней поверхности с фиксацией границ различных палеопочвенных контуров. Это дало возможность впервые для достаточно крупного участка (площадью более 300 м²) составить гипсометрическую и палеопочвенную карты (рис. 1). Перепад высот в пределах исследуемого участка составил 40–45 см, могильная яма была приурочена к микроповышению.

Для структуры палеопочвенного покрова оказалась характерна резкая контрастность с формированием трехчленного солонцового комплекса. Не наблюдалось строгой приуроченности различных почвенных типов к элементам микрорельефа, когда на микроповышениях развиты солонцы, на микросклонах – зональные каштановые почвы, а в микрозападинах – луговато-каштановые почвы. Как видно на карте, доминирующее положение в составе палеопочвенного покрова занимали солонцы и каштановые почвы различной степени солонцеватости, приуроченные к наиболее повышенному участку поверхности. Ареалы луговато-каштановых палеопочв не всегда совпадают с микропонижениями рельефа. Подобное несоответствие приуроченности почв к элементам микрорельефа было зафиксировано и при изучении курганного могильника «Аксай 3», где к выровненному участку древней поверхности с перепадом высот всего лишь ±2 см были приурочены палеосолонцы и каштановые палеопочвы различной степени солонцеватости. Таким образом, мы полагаем, что в I в. до н. э. – I в. н. э. в результате повышения увлажненности климата [Демкин и др., 2010б], скорее всего за счет увеличения

количества атмосферных осадков в зимний период, в сухих степях Северных Ергеней происходила естественная планировка поверхности плакорных (водораздельных) участков рельефа с преобразованием бугорково-западинного типа микрорельефа в элементы нанорельефа с последующим возникновением инверсий в составе палеопочвенного покрова.

Современные фоновые каштановые почвы и солонцы изучены в нескольких разрезах на целинном участке в 200 м от кургана № 45.

Оказалось, что по некоторым морфолого-химическим параметрам погребенные и современные солонцы и каштановые почвы достаточно близки. Это касается гранулометрического состава (средне-тяжелосуглинистый), мощности гумусового слоя (гор. А1+В1), глубины вскипания, средневзвешенного содержания карбонатов и легкорастворимых солей (слой 0-150 см), а также гипса (слой 0-100 см), за исключением современного мелкого солонца, где оно на порядок выше. Палеосолонцы отличались более резкой дифференциацией верхней части профиля по содержанию ила, где отношение его количества в гор. В1/А1 составляло около 7. Подкуранные палеопочвы характеризовались большей гумусированностью, содержание гумуса в гор. А1 и В1 как минимум в 1,5-2 раза превышало современные показатели. Реакция среды погребенных почв менее щелочная, чем современных, величина рН по генетическим горизонтам колебалась в пределах 7.6-8.4 и 7.9-9.1 соответственно. В иллювиальном гор. В1 подкуранных солонцов и солонцеватых каштановых почв присутствуют новообразования оксидов марганца биогенного происхождения, причем их количество снижается в ряду солонец мелкий - солонец средний - каштановая солонцеватая почва. В каштановых несолонцеватых палеопочвах эти новообразования встречаются единично, а в подкуранных луговато-каштановых и современных почвах вовсе отсутствуют. При этом максимальные величины магнитной восприимчивости (более 70×10^{-5} ед. СИ) зафиксированы в гор. В1 палеосолонцов. Учитывая существенные различия между гор. А1 и В1 по гранулометрическому составу и водно-физическим свойствам, одной из возможных причин формирования новообразований оксидов марганца могло быть большее по сравнению с современностью количество атмосферных осадков в зимний период. При весеннем снеготаянии возникала избыточная увлажненность верхней части профиля палеопочв, причем иллювиальный солонцеватый гор. В1 являлся водоупорным слоем вследствие его существенных отличий от гор. А1 по плотности сложения, гранулометрическому составу, физико-химическим и физическим свойствам. В результате в гор. В1 имели место резкие изменения окислительно-восстановительных условий, которые способствовали активизации бактерий-марганцередукторов и формированию обильных новообразований оксидов марганца.

Максимальное содержание легкорастворимых солей и гипса отмечается в зоне основной аккумуляции в гор. Сs,г (как правило, 1% и более). В луговато-каштановой палеопочве содержание гипса превышает 9%, но при этом его аккумуляция залегает на 0-50 см глубже по сравнению с другими почвами. Заслуживают внимания следующие особенности профильного распределения содержания легкорастворимых солей и гипса в подкуранных палеопочвах. Во-первых, их основные аккумуляции совмещены по глубине залегания

и имеют ровную и резкую верхнюю границу. Во-вторых, верхняя метровая толща всех палеопочв характеризуется сравнительно высокой концентрацией легкорастворимых солей (до 0.5–0.6%) и выщелоченностью от гипса (0.0–0.2%). В-третьих, в составе солей в слое 0–100 см доминирует хлорид натрия, концентрация которого, например, в гор. А1 на порядок превосходит концентрацию сульфатов. Луговато-каштановая палеопочва сравнительно высоко засолена, что, как правило, не характерно для почв микрозападин. Подобное сочетание солевых характеристик в почвенном профиле однозначно свидетельствует о смене климатических условий почвообразования в эпоху сооружения кургана от сравнительно влажных к более засушливым.

Перейдем к результатам исследования палеопочв кургана № 51. Курганный насыпью перекрыт древний комплексный почвенный покров, представленный мелкими и средними палеосолонцами, каштановыми солонцеватыми и несолонцеватыми и луговато-каштановыми палеопочвами. Данный памятник раскапывался вручную по квадратам размером 4 x 4 м, что дало возможность впервые столь детально провести исследования рельефа древней поверхности и структуры палеопочвенного покрова. По профилю всех курганных бровок проведена нивелировка (через 0.5 м) поверхности рельефа с фиксацией границ различных палеопочвенных контуров и для участка площадью около 700 м² составлена палеопочвенная карта (рис. 2).

Курган был сооружен на естественном микроповышении высотой около 20 см. Максимальный перепад высот в пределах исследуемого участка не превышал 25 см. Для поверхности характерно наличие форм нанорельефа в виде мелких (3–5 см) западин и бугорков. В структуре палеопочвенного покрова также имела место резкая контрастность с формированием трехчленного солонцового комплекса. Как и под курганом № 45, не наблюдалось обычной строгой приуроченности различных почвенных типов к элементам микроили нанорельефа. Доминирующее положение в составе палеопочвенного покрова занимают солонцы (около 70% площади) и каштановые почвы различной степени солонцеватости. Обнаружено лишь два небольших ареала луговато-каштановых палеопочв, на характеристике которых следует остановиться особо. Наряду с полноразвитыми выщелоченными луговато-каштановыми палеопочвами в одном из нанопонижений (глубина 5 см, диаметр 4 м) были обнаружены палеопочвы переходного облика, формирующиеся по палеосолонцу. В одном случае выявлена эволюция солонца в луговато-каштановую почву, в другом – в каштановую несолонцеватую. Для них характерны изменение цвета гумусового гор. А1 с белесого (палеосолонец) на серый с увеличением содержания гумуса в 1.5 раза, выщелоченность верхнего метрового слоя от легкорастворимых солей и гипса, трансформация мелкопризматической структуры в верхней половине гор. В1 в комковатую, изменение его цвета с красновато-бурого на серо-бурый. Процесс эволюции палеосолонца в палеопочвы лугового и зонального ряда не завершился, что, вероятно, связано со сменой условий почвообразования от гумидных к более засушливым в конце I в. н. э. Уже во II в. н. э. в результате аридизации климата луговато-каштановые палеопочвы нанопонижений эволюционировали в палеосолонцы и каштановые солонцеватые палеопочвы в результате боковой и восходящей миграции легкорастворимых солей. Это подтверждается дан-

ными анализа солевого состава луговато-каштановой палеопочвы кургана 45. В частности, в этой палеопочве средневзвешенное содержание солей в слое 0–150 см и концентрация хлоридов в верхнем метре стали сравнимы с таковыми для прилегающего к ней ареала палеосолонца – 0.5 и 0.7% и 5–7 и 6–7 мг-экв/100 г соответственно.

В связи с изложенным мы предлагаем отнести лугово-каштановые палеопочвы сарматского времени к категории палеопочв-эфемеров.

Исследования кургана № 52, еще одного крупного кургана в этой же группе, показали, что структура палеопочвенного покрова аналогична изученным ранее объектам (рис. 3). Она представлена всеми видами палеосолонцов (корковые, мелкие, средние, глубокие), каштановыми палеопочвами различной степени солонцеватости и ареалом луговато-каштановых палеопочв-эфемеров.

Палеопочвенные данные нашли подтверждение и в современном почвенном покрове. Согласно метеорологическим данным, в степях юго-востока Русской равнины за последние 20–25 лет среднегодовая норма атмосферных осадков увеличилась на 25–30 мм, причем преимущественно за счет зимнего периода. Возникает вопрос: отразилось ли это на свойствах современных почв? В пределах исследованных целинного и пахотного фоновых участков общей площадью около 150 тыс. кв. м доминируют корковые, мелкие и средние солонцы (более 50% площади), а также каштановые почвы различной степени солонцеватости. Луговато-каштановые почвы не обнаружены. Однако при исследовании траншеи на целинном участке в нанопонижении выявлено начало формирования луговато-каштановой почвы по солонцу, что прежде всего выразилось в активизации процесса гумусообразования в гор. А1. За прошедшие годы в верхней половине белесая окраска этого горизонта сменилась на серую, плитчатая структура трансформировалась в комковатую, содержание гумуса возросло с 2 (исходный солонец) до 5%. С учетом данных изучения подкурганых палеопочв можно полагать, что закономерности развития почв и природных условий сухих степей Северных Ергеней в ближайшие десятилетия будут сходны со среднесарматским временем.

Литература:

Борисов А.В., Ельцов М.В., Демкина Т.С. Палеопочвы и природные условия Северных Ергеней в сарматскую эпоху // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2002. Вып. 5.

Демкин В.А., Борисов А.В., Удальцов С.Н. Палеопочвы и климат юго-востока Среднерусской возвышенности в эпохи средней и поздней бронзы (XXV–XV вв. до н. э.) // Почвоведение. 2010а. № 1.

Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С. Волго-Донские степи в древности и средневековье (по материалам почвенно-археологических исследований). Пушкино, 2010б.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Алексеев А.О. Палеопочвы и климат степей Нижнего Поволжья в I–IV вв. н. э. Пушкино, 2009.

Демкин В.А., Каширская Н.Н., Демкина Т.С. Палеопочвенные исследования курганов в долине р. Иловля (Приволжская возвышенность) // Почвоведение. 2008. № 2.

Демкин В.А., Клепиков В.М., Удальцов С.Н. Новые аспекты естественнонаучных исследований курганов сухих степей Нижнего Поволжья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16).

Демкина Т.С., Холмцова Т.Э., Каширская Н.Н. Характеристика микробных сообществ степных подкурганых палеопочв сарматского времени (I–IV вв. н. э.) // Почвоведение. 2009. № 7.

Кузнецова Т.В., Семенов А.В., Ходжаева А.К. Накопление азота в микробной биомассе серой лесной почвы при разложении растительных остатков // Агрохимия. 2003. № 10.

Скрипкин А.С. История Волгоградского края от каменного века до Золотой Орды. Волгоград, 2008.

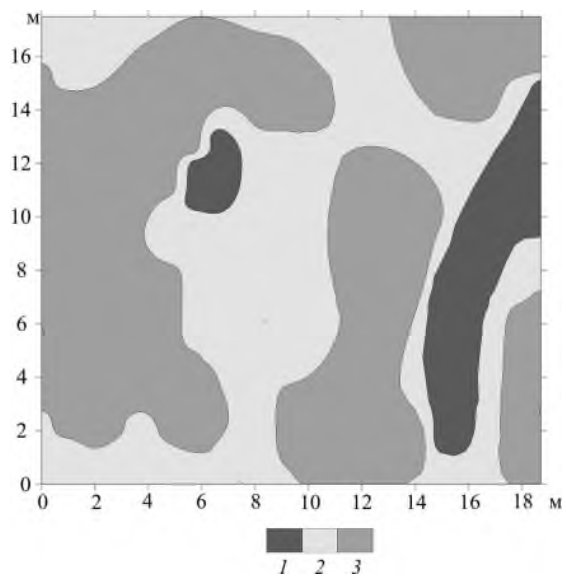

Рис. 1. Палеопочвенная карта, курган № 45, I в. н. э.
Палеопочвы: 1 - луговато-каштановые; 2 - каштановые; 3 - солонцы

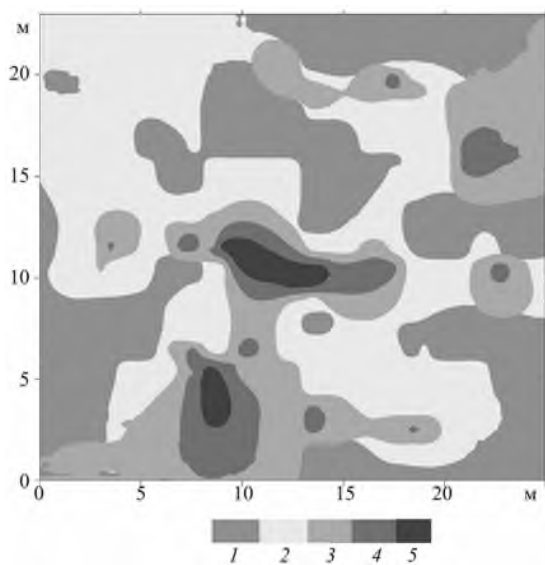

Рис. 2. Палеопочвенная карта, курган № 51, I в. н. э.
Палеопочвы: 1-2 - солонцы мелкий и средний, 3 - каштановые солонцеватые;
4 - каштановые несолонцеватые; 5 - луговато-каштановые эфемерные

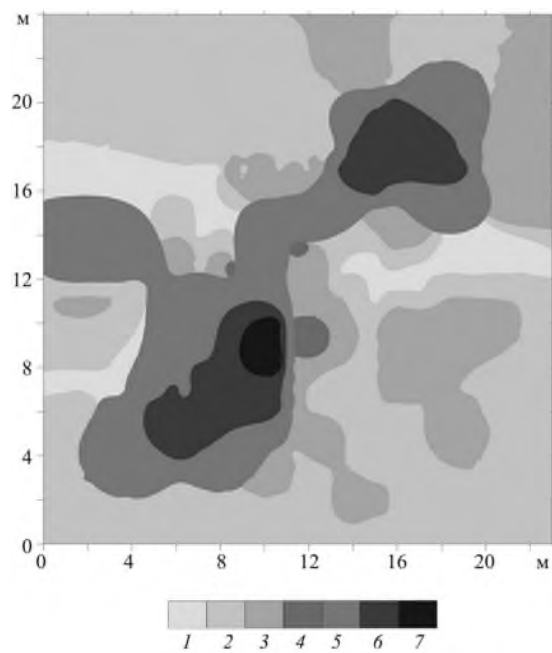

Рис. 3. Палеопочвенная карта, курган № 52, I в. н. э.
Палеопочвы: 1-4 - солонцы корковый, мелкий, средний, глубокий;
5 - каштановые солонцеватые; 6 - каштановые несолонцеватые;
7 - луговато-каштановые эфемерные

Демкин В.А., *Каширская Н.Н.,
Хомутова Т.Э.*

**МИКРОБНАЯ БИОМАССА ПОДКУРГАННЫХ ПАЛЕОПОЧВ
СЕВЕРНЫХ ЕРГЕНЕЙ СРЕДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ (I В. Н. Э.)***

Микробные сообщества, с одной стороны являются лабильной частью органического вещества почв, с другой, – благодаря их адаптационным механизмам перехода в покоящееся состояние, могут сохраняться в почвах на протяжении неопределенно долгого времени. Исследования палеопочв сухих и пустынных степей Нижнего Поволжья, погребенных под курганами разного возраста, показали наличие микробных сообществ, которые характеризуются определенной биомассой, эколого-трофической структурой и разнообразием [Демкина и др., 2004; Демкина и др., 2000; Khomutova et al., 2007 и др.]. Ряд параметров микробных сообществ сохраняется с момента погребения почв, подтверждением чего был возраст микробной фракции, который совпадал с археологической датировкой сооружения кургана [Demkina et al., 2008]. Таким образом, микробные сообщества погребенных подкурганых палеопочв могут служить индикаторами состояния палеопочв и быть использованы для реконструкции экологических условий той или иной исторической эпохи, в частности, динамики увлажненности климата.

Для характеристики микробных сообществ погребенных палеопочв нами были использованы методы оценки суммарной и живой микробной биомассы. Суммарная микробная биомасса включает как живые клетки на разных стадиях жизненного цикла, так и мертвые и мумифицированные клетки, а также клеточные метаболиты, не отделяемые от самих клеток. Она определяется методом экстракции и осаждения микробной фракции с оценкой полноты выделения и измерением содержания выделенного микробного углерода [Khomutova et al., 2007]. Живую микробную биомассу, характерную исключительно для живых клеток, метаболизирующих и покоящихся, в том числе и некультивируемых форм, оценивали по содержанию почвенных

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

фосфолипидов, которые затем пересчитывали в единицы микробного углерода [Хомутова и др. 2011].

Определение величины углерода, связанного с суммарной микробной биомассой (С-СМБ). Почвенные навески 6 г размешивали в 0.5% растворе пирофосфата натрия, обрабатывали ультразвуком, почвенную суспензию доводили до 250 мл. Экстракт, содержащий микробные клетки, отделяли от почвенного осадка центрифугированием при 2000 g при охлаждении. К почвенному осадку прибавляли 60 мл раствора пирофосфата натрия и повторяли вышеописанные процедуры. Экстракцию проводили троекратно. Объединенные экстракты от трех обработок центрифугировали при 7000 g в течение 2 часов. Надосадочную жидкость отбрасывали, а осажденную фракцию промывали раствором пирофосфата натрия и переносили количественно в малые центрифужные стаканы с известным весом. Осаждали микробную фракцию центрифугированием при 7000 g в течение 30 минут. Осажденную фракцию высушивали при 105°C и определяли их массу. Содержание органического углерода в высушенных фракциях определяли методом бихроматного окисления со спектрофотометрическим окончанием. Полноту экстракции микробной фракции оценивали по численности микроорганизмов в экстракте и почвенном осадке, используя краситель DAPI.

Определение почвенных фосфолипидов. Почвенные навески 2 г помещали во флаконы и суспензировали в 18,3 мл однофазной смеси, состоящей из хлороформа, метанола и фосфатного буферного раствора (50 mM, pH 7.4) в соотношении 1:2:0.8 (объемные доли). Липидный материал экстрагировали в течение 2 часов. Почвенный осадок осаждали центрифугированием при 2000 об/мин. в течение 15 мин. Супернатанты отбирали, к почвенному осадку прибавляли 5 мл однофазной смеси, перемешивали и центрифугировали снова. Супернатанты от обоих центрифугирований объединяли, к ним добавляли по 6,2 мл хлороформа и фосфатного буферного раствора и оставляли для расслоения органической и водной фаз. Верхний водный слой удаляли, а нижний органический слой, содержащий липиды, в том числе и фосфолипиды, анализировали. Измеряли объем слоя и отбирали из него аликвоты 0,5 мл в двух повторностях и 1 мл для количественного анализа фосфолипидов. Аликвоты упаривали под азотом, прибавляли 0,9 мл насыщенного раствора персульфата аммония и ставили на окисление при 95°C в течение 4 суток. Затем к ним прибавляли 0,2 мл 2,5% раствора кислого молибдата аммония и окрашивали малахитовым зеленым. Спустя 30 мин спектрофотометрировали при длине волны 610 нм. В качестве калибровочного раствора использовали 0,1 mM глицерофосфат натрия. Каждый почвенный образец анализировали в трех повторностях. Статистическую обработку данных проводили стандартными методами, с применением выборок и выравнивания аналитических данных. Используя соотношение: 1 г углерода микробных клеток соответствует 521 мкмоль фосфатов фосфолипидов [Findlay et al, 1989], была рассчитана живая биомасса микробных сообществ в единицах углерода, а также доля живой микробной биомассы в суммарной биомассе.

В настоящей работе представлены результаты исследования микробных сообществ палеопочв, погребенных под насыпями двух курганов, входящих в состав курганных могильников «Аксай» и «Перегрузное». Время сооружения

курганов относится к I в. н. э. (среднесарматская культура). Археологические раскопки проводились под руководством к.и.н. В.М. Клепикова и А.Н. Дьяченко. Могильник «Аксай» расположен в северной части Ергенинской возвышенности в 2,5 км юго-восточнее с. Аксай Октябрьского района Волгоградской области. Он приурочен к плоской вершине водораздела рр. Аксай и Россошь с абсолютными отметками 100–110 м. Почвообразующими породами являются карбонатные засоленные суглинки. Грунтовые воды залегают на глубине 30 м. Растительный покров представлен полынно-злаковой ассоциацией. Проективное покрытие 50–70%. В современном почвенном покрове преобладают каштановые почвы различной степени солонцеватости и засоленности и солонцы. Под насыпью кургана № 3, имевшего высоту около 1,5 м и диаметр 30 м, был исследован погребенный солонцовый комплекс, представленный палеосолонцом средним глубокосолончаковатым и каштановыми глубокосолончаковатыми палеопочвами различной степени солонцеватости. Изучение подкурганных палеопочв проводилось в траншее длиной 6 м.

Второй объект исследования – курган № 45 входит в состав могильника «Перегрузное». Курганный могильник находится на западном склоне Северных Ергеней в пределах сухостепной зоны (подзона каштановых почв) на плоском межбалочном водоразделе у с. Перегрузное Октябрьского района Волгоградской области. Характерными особенностями района являются: лесовидные суглинистые почвообразующие породы, засоленная и карбонатная почвенно-грунтовая толща, расчлененность рельефа, сравнительно хорошие условия дренированности, комплексный почвенно-растительный покров. В составе комплексов доминируют каштановые почвы различной степени солонцеватости и засоленности и солонцы. Естественный растительный покров представлен типчаково-пыльничной ассоциацией. В настоящее время высота кургана превышает 1 м, диаметр около 40 м. Исходные размеры кургана претерпели существенные изменения вследствие современного антропогенного воздействия. Насыпью перекрыт древний комплексный покров, представленный мелкими и средними палеосолонцами, каштановыми солонцеватыми и несолонцеватыми и луговато-каштановыми палеопочвами.

Подробное описание морфологических и химических свойств подкурганных палеопочв и их современных фоновых аналогов было опубликовано ранее [Демкин и др., 2012].

В палеопочвах объекта «Аксай» было исследовано содержание суммарной и живой микробной биомассы, средневзвешенные величины (гор. A1+B1+B2) этих параметров приведены в таблице 1. В палеопочвах объекта «Перегрузное» исследовано содержание только живой микробной биомассы (табл. 2).

Средневзвешенные величины углерода суммарной микробной биомассы (С-СМБ) в современной каштановой фоновой почве (р. Д-678) объекта «Аксай» составляли 940 мкг С/г, а в современном фоновом солонце (р. Д-677) – 1981 мкг С/г. В палеосолонце I в. н. э. (р. Д-679) уровень СМБ составлял 86% от современного. В сильно солонцеватой (р. Д-680) и несолонцеватой (р. Д-682) каштановых палеопочвах этого времени уровень СМБ был в 2 раза выше, а в среднесолонцеватой каштановой палеопочве (р. Д-681) составлял 94% от

современного уровня. На долю органического углерода, связанного с микробными сообществами (С-СМБ / Сорг, табл. 1), приходилось до 60% сохранившегося органического углерода палеопочв, что значительно превышало показатели фоновых аналогов (20–30%).

Средневзвешенные величины углерода живой микробной биомассы (С-ФЛ) в фоновых каштановой почве (р. Д-678) и солонце (р. Д-677) составляли 131 и 110 мкг С/г соответственно.

Таблица 1. Средневзвешенные величины (гор. А1+В1+В2) содержания органического углерода (Сорг), суммарной микробной биомассы (С-СМБ) и живой микробной биомассы (С-ФЛ) в палеопочвах, погребенных под курганом № 3 могильника «Аксай», и в современных фоновых аналогах

Сорг, мкг/г	С-СМБ, мкг/г	С-СМБ / Сорг, %	С-ФЛ, мкг/г	С-ФЛ / С-СМБ, %	С-ФЛ / Сорг, %
Современная каштановая среднесолонцеватая глубоко солончаковатая почва (р. Д-678)					
4760	940	19,8	131	14,0	2,8
Современный солонец средний солончаковатый (р. Д-677)					
7598	1981	29,1	110	5,6	1,5
Каштановая сильносолонцеватая палеопочва (р. Д-680)					
3198	1883	58,9	45	2,4	1,4
Каштановая среднесолонцеватая глубоко солончаковатая палеопочва (р. Д-681)					
2205	881	40,0	90	10,2	4,1
Каштановая несолонцеватая глубокосолончаковатая палеопочва (р. Д-682)					
3319	1927	58,1	53	2,7	1,6
Солонец средний глубоко солончаковатый (р. Д-679)					
3585	1701	47,4	71	4,2	2,0

В погребенных почвах I в. н. э. средневзвешенные величины С-ФЛ были следующими: в палеосолонце (р. Д-679) – 65%, а в каштановых палеопочвах – 34, 69 и 40% от современного уровня (соответственно в сильно солонцеватой – р. Д-680, средне солонцеватой – р. Д-681 и несолонцеватой – р. Д-682 палеопочвах). Доля живой микробной биомассы в суммарной (С-ФЛ / С-СМБ, таблица) в современных фоновых почвах составляла 6–14%. Это свидетельствует о том, что значительная часть микробного углерода приходится на погибшие и мумифицированные клетки микроорганизмов. В погребенных палеопочвах она была сравнима с современными показателями и варьировала от 2,4 до 10,2%. В целом живая микробная биомасса в современных почвах составляла 1,5–3% от общего органического углерода, а в погребенных палеопочвах – 1,4–4,1%.

Углерод живой микробной биомассы в палеопочвах кургана № 45 могильника «Перегрузное» (табл. 2) варьировал от 49 до 68 мкг/г, что составляло 56–68% от величин в фоновых современных аналогах. Доля живой мик-

робной биомассы в сохранившемся общем органическом углероде погребенных палеопочв не превышала 1.8%. Полученные данные согласуются с результатами, полученными для палеопочв могильника «Аксай».

Таблица 2. Средневзвешенные величины (гор. А1+В1+В2) содержания органического углерода (Сорг) и живой микробной биомассы (С-ФЛ) в палеопочвах, погребенных под курганом № 45 могильника «Перегрузное», и в современных фоновых аналогах

Сорг, мкг/г	С-ФЛ, мкг/г	С-ФЛ,% от фона	С-ФЛ/Сорг,%
Современный солонец мелкий солончаковатый, р.Д-757			
2733	77	-	2,8
Современный солонец средний солончаковатый, р. Д-761			
7177	97	-	1,4
Современная каштановая солонцеватая солончаковатая почва, р. Д-756			
8257	93	-	1,1
Палеосолонец мелкий солончаковатый, р. Д-760			
2764	49	64	1,8
Палеосолонец средний солончаковатый, р. Д-753			
5655	58	60	1,0
Каштановая солонцеватая глубоко солончаковатая палеопочва, р. Д-754			
5342	63	68	1,2
Каштановая несолонцеватая глубоко солончаковатая палеопочва, р. Д-755			
3266	58	62	1,8
Луговато-каштановая глубоко засоленная палеопочва, р. Д-759			
7215	53	56	0,7

Таким образом, в подкурганных палеопочвах среднесарматского времени (I в. н. э.) объектов «Аксай» и «Перегрузное» сохранялись микробные сообщества. Согласно ранее полученным данным [Демкин и др., 2012], время сооружения исследованных курганов характеризовалось повышенной увлажненностью климата. Это подтверждается и полученными результатами. Так, суммарная биомасса микробных сообществ исследованных подкурганных палеопочв была сопоставима или превышала таковую современных фоновых почв. Она составляла значительную часть сохранившегося до современности общего органического углерода. Живая часть микробной биомассы в подкурганных почвах была меньше, чем в фоновых аналогах, однако в сохранившемся органическом углероде погребенных палеопочв она составляла практически такую же долю, как и в современных почвах. Содержание живой микробной биомассы в палеопочвах обоих исследованных объектов относительно их современных аналогов было практически одинаковым (56–68% в палеопочвах кургана № 45 могильника «Перегрузное» и 34–69% – кургана № 3

могильника «Аксай»). Это дает основания полагать, что оба кургана сооружались синхронно, с вероятными декадными различиями во времени в рамках I в. н. э.

Литература:

Демкин В.А., Скрипкин А.С., Ельцов М.В., Золотарева Б.Н., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Кузнецова Т.В., Удальцов С.Н., Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н. Природная среда Волго-Уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н. э. – IV в. н. э.) // Пущино, 2012.

Демкина Т.С., Борисов А.В., Демкин В.А. Микробные сообщества палеопочв археологических памятников пустынно-степной зоны // Почвоведение. 2000. № 9.

Демкина Т.С., Борисов А.В., Демкин В.А. Микробиологические исследования подкурганых палеопочв пустынно-степной зоны Волго-Донского междуречья // Почвоведение. 2004. № 7.

Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Демкин В.А. Оценка живой и суммарной биомассы микробных сообществ современной каштановой почвы и подкурганых палеопочв // Почвоведение. 2011. № 12.

Demkina T.S., Khomutova T.E., Kashirskaya N.N., Demkina E.V., Stretovich I.V., El-Registan G.I., Demkin V.A. Age and activation of microbial communities in soils under burial mounds and in recent surface soils of steppe zone // Eurasian Soil Science. 2008. V. 41. № 13.

Findlay R.H., King G.M., Watling L. Efficacy of phospholipid analysis in determining microbial biomass in sediments // Applied and Environmental Microbiology. 1989. V. 55. № 11.

Khomutova T.E., Demkina T.S., Borisov A.V., Kashirskaya N.N., Yeltsov M.V., Demkin V.A. An assessment of changes in properties of steppe kurgan paleosoils in relation to prevailing climates over recent millennia // Quaternary Research. V. 67. № 3. 2007.

Евтеев А.А.

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК У РАЗЪЕЗДА «ИВАНОВСКИЙ»*

Раскопки грунтового могильника у разъезда «Ивановский» Приволжской железной дороги, в Саратовском районе Саратовской области, проводились в конце лета – начале осени 2006 г. экспедицией Учебно-научной археологической лаборатории исторического факультета Саратовского государственного университета [Лопатин, 2007]. В ходе раскопок было вскрыто 39 погребений, относящихся к эпохе позднего средневековья. В коллекции керамики прослеживаются три различные гончарные традиции: городская золотоордынская, русская сероглиняная и «варварская» лепная толстостенная. Фрагменты лепной керамики были рассеяны на ограниченной части раскопа, преимущественно в квадратах 43, 45 и 46 (рис. 1).

Все захоронения устроены в грунтовых могилах с западной ориентировкой и слабым склонением в северо-западную сторону. Особенности погребальных сооружений проявляются в оформлении стен могил, наличии или отсутствии специального подголовного возвышения в западной части дна, использовании деревянного гроба (зафиксировано в 7 погребениях). Использование гроба может отражать как социальный статус, так и христианское вероисповедание покойного, которое также возможно маркируется скрещиванием рук в запястьях или предплечьях в некоторых погребениях. Интересен обычай помещения в могилы, на их края, или в непосредственной близости различной величины необработанных камней (отмечено 12 случаев), который, возможно, связан с суеверием «положения камня на могилы» умерших лиц, подозреваемых в ведовстве. Но необходимо также отметить, что подобный «валунный» обряд бытовал у древнерусского населения и сохранялся в некоторых населенных пунктах вплоть до XX в. [Двуреченская, 2008].

Уверенно говорить о наличии инвентаря в погребениях можно лишь в 4 случаях, что может указывать на угасание языческих традиций в погребальном обряде данного населения [Лопатин, 2007. С. 50]. На территории некрополя выявляются скопления могил, которые должны рассматриваться как родовые участки кладбища. Вполне определенно выделяется скопление могил №№ 9–

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-31-01246.

11, 14, 24, 30 (рис. 1), с которым связано обширное скопление керамики, включающее как лепные сосуды, изготовленные, скорее всего, по древнемордовской технологии, но также и русский сероглиняный сосуд в п. 30. Наиболее обширен родовой участок в центре могильника, расположенный севернее предыдущего, где отмечены погребения №№ 5, 12, 13, 15, 19–23, 35, 36 (рис. 1). Тризны здесь выражены гораздо слабее, в них нет лепной керамики. Компактные родовые группы выделяются и на других участках раскопа и сопровождаются находками фрагментов керамики. Погребения №№ 2, 3 и 4 вместе составляют единый западный ряд могил, его погребальные комплексы близки по обрядовым показателям. Особенно насыщен северный участок (рис. 1), где отмечена только русская сероглиняная и красная станковая керамика.

По мнению автора раскопок, «...грунтовый могильник у Ивановского разъезда возник, скорее всего, в XIII веке и продолжал расширяться в следующем столетии. Он был оставлен местным, очень пестрым в этот период по своей этно-конфессиональной принадлежности, населением Золотой Орды. В материалах нашего некрополя наиболее значителен славяно-русский компонент, а финно-угорский и тюркский выражены слабее» [Лопатин, 2007, С. 50–51].

Исследование палеоантропологических материалов некрополя может дать дополнительные сведения об истоках населения, использовавшего это кладбище, условиях жизни этого населения, а также позволит сопоставить физический облик и другие особенности погребенных на разных родовых участках.

Материал и методы. Был исследован костный материал из 33 погребений (табл. 1). Сохранность материала в целом плохая: как правило, разрушены губчатые кости и, полностью или частично – эпифизы длинных костей, наружный слой компактного вещества. Эти обстоятельства сильно затрудняли определение пола и возраста, палеопатологическое обследование, особенно при описании состояния суставных поверхностей, и оценку развития элементов рельефа, что следует учитывать при использовании данных этой части исследования. Характерной особенностью серии является гораздо лучшая сохранность костей нижней конечности по сравнению с костями верхней, которые удавалось измерить в редких случаях и по ограниченному набору признаков. Комплектность костяков варьировала – от практически полного скелета до отдельных немногочисленных фрагментов, зачастую был представлен только череп или его часть (табл. 1). Это также учитывалось при подсчете процента встречаемости патологий (табл. 3).

Таблица 1. Половозрастные характеристики погребенных и сохранность материала

№ погребения	Пол	Возраст (лет)	Сохранность
2	М	35–45 (?)	Фрагменты черепа
3	Ж	25–35	Череп и скелет
4	?	взрослый	Фрагменты черепа и скелета
5	М	25–35	Череп и скелет
6	Ж	35–45 (?)	Череп и скелет (плохой сохранности)
9	М	Старше 55	Череп и скелет

10	М	25-35	Череп и скелет
11	Ж	25-35	Фрагменты черепа и скелет
12	Ж	45-55 (?)	Фрагменты черепа
13	Ж (?)	25-35 (??)	Фрагменты черепа
16	Ж	35-45 (?)	Фрагменты черепа
17		6-8	Череп и скелет
18		взрослый	Фрагменты черепа и скелета
19		около 4	Фрагменты черепа
20	М	35-45	Череп, шейные позвонки
21	Ж	30-40	Фрагменты черепа, шейные позвонки
22		около 4	Фрагменты черепа
23		3-4	Фрагменты черепа, шейные позвонки
24(?)	М	25-35	Череп
25	М	25-35	Череп и скелет
26	М	25-35	Череп, шейные позвонки
27		3-5	Фрагменты черепа и скелета
28		6-7	Череп и скелет
29		взрослый	Часть костей ноги
30	Ж	15-17	Фрагменты черепа и скелет
32	Ж	25-35	Череп, шейные позвонки
33		12-15	Фрагменты черепа и скелета
34		около 1,5	Фрагменты черепа
35	Ж(?)	35-55 (45-55?)	Фрагменты черепа и скелета
36	Ж	45-55	Череп и скелет (плохой сохранности)
37	Ж(?)	35-45	Череп и скелет (плохой сохранности)
38	М	25-35	Череп и скелет
39	М	25-35	Череп и скелет

Определение пола проводилось с учетом формы тазовых костей и особенностей черепа [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Phenice, 1969; White, Folkens, 1999]. Возраст определялся, для индивидов младше 25 лет – по состоянию зубной системы [Ubelaker, 1978] и степени скелетной зрелости [Пашкова, 1963], старше 25 лет – по состоянию ушковидной поверхности тазовой кости, степени облитерации швов черепа, трансформации лобкового симфиза [по White, Folkens, 1999]. Измерения черепа и посткраниального скелета проводились согласно программе Мартина [1928] в редакции Алексеева и Дебеца [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966]. Характер развития рельефа длинных костей в местах прикрепления мускулатуры оценивался по системе Федосовой [1986] в переработке Медниковой [1998]. Помимо основных (1, 2 и 3), использовались промежуточные значения баллов (1,5 и 2,5).

Результаты и обсуждение.

Краниологические особенности выборки. Были измерены 9 мужских и 4 женских черепа, средние данные по которым приведены в табл. 2.

Мужская часть серии характеризуется некрупной мезокранной (на грани долихокрании) черепной коробкой, узким лептопрозопным лицом, невысоким относительно широким носом. Характерной чертой являются небольшие размеры орбит, высота которых попадает в категорию очень малых значений. Горизонтальная профилировка резкая, носовые кости крупные и выступают очень сильно, как и переносье в целом. Интересно, что нижняя челюсть, при

общей грацильности, обладает значительным угловым размером [Алексеев, Дебец, 1964].

О морфологическом облике *женщин* серии судить сложно из-за крайней малочисленности материала. Нужно, однако, отметить резкие отличия по форме черепной коробки: у женщин она брахикранная, ширина ее в абсолютных значениях даже больше, чем у мужчин. Также резко отличается форма глазниц, которые у женщин значительно выше.

В связи с малочисленностью выборки, стандартные отклонения признаков не подсчитывались.

Таблица 2. Средние значения краниометрических признаков в серии из Ивановского грунтового могильника

Признак	Мужчины		Женщины		КЦД*
	N	X	N	X	
1. Продольный диаметр**	9	182,2	4	171,8	1,061
8. Поперечный диаметр**	9	137,9	4	138,3	0,997
8/1	9	75,7	4	80,6	0,939
17. Высотный диаметр**	9	133,7	2	131,5	-
5. Длина основания черепа	9	101,2	2	96,5	-
9. Наименьшая ширина лба	9	93,9	3	97,2	0,966
11. Ширина основания черепа	8	119,3	2	117,0	-
45. Скуловая ширина**	9	128,8	2	120,0	-
40. Длина основания лица	8	99,1	2	92,0	-
48. Верхняя высота лица**	9	68,9	2	64,3	-
43. Верхняя ширина лица	9	101,7	3	99,8	1,019
46. Средняя ширина лица	8	93,8	1	91,0	-
60. Длина альвеолярной дуги	8	54,4	1	51,0	-
61. Ширина альвеолярной дуги	8	63,1	1	62,5	-
55. Высота носа**	9	49,6	2	48,0	-
54. Ширина носа**	9	24,8	2	22,2	-
51. Ширина глазницы**	9	39,8	2	38,9	-
52. Высота глазницы**	8	30,8	2	33,6	0,917
77. Назомаллярный угол**	9	139,0	3	135,4	1,027
ZM. Зигомаксиллярный угол**	6	130,0	1	126,1	-
SC. Симотическая ширина**	9	10,1	3	9,6	1,052
SS. Симотическая высота**	9	5,1	3	4,7	1,085
MC. Максиллофронтальная ширина	9	22,2	3	21,6	1,028
MS. Максиллофронтальная высота	9	9,1	3	8,3	1,096
DC. Дакриальная ширина	7	22,5	2	18,5	-
DS. Дакриальная высота	7	12,2	2	11,2	-
Нижняя челюсть					
71a. Наименьшая ширина ветви	8	30,9	2	31,0	-
65. Мыщелковая ширина	5	115,0	1	105,0	-
66. Угловая ширина	5	103,6	0	-	-
67. Передняя ширина	9	46,4	2	45,0	-
69. Высота симфиза	9	32,8	2	32,0	-
69(1). Высота тела	8	31,9	2	31,5	-
69(3). Толщина тела	9	11,2	2	10,6	-

* - коэффициент полового диморфизма

** - размеры, использованные в межгрупповом анализе

Было проведено межгрупповое сопоставление мужской части выборки (рис. 2) с использованием набора серий, представляющих хронологически и территориально близкие группы, с использованием метода главных компонент [полное описание набора серий – Евтеев, 2007; Евтеев и др., 2013]. Были использованы 13 признаков (табл. 2).

Можно видеть, что серия из Ивановского могильника (№ 52 на графике) попадает в кластер в правой части графика, где сосредоточены преимущественно серии средневековых восточных славян. Наиболее близки серии дреговичей (№ 49), Барбашина поляна (№ 15), а также радимичи (№ 48), поляне черниговской группы [по Алексеевой, 1973, № 44], и Бабий бугор (братская могила) в Болгаре (№ 8). Интересно, что сходство наблюдается преимущественно с группами из юго-западной части ареала восточных славян, а не с группами сопредельных территорий – вятичами и поволжскими кривичами. Очень близка исследуемая выборка другой серии сельского населения с территории Саратовского Поволжья, Нижней Студенке (№ 50). Этот могильник находится всего на несколько десятков километров южнее Ивановского и датируется тем же временем [Четвериков, Евтеев, 2007].

Одонтологические материалы из обоих могильников были исследованы Н.В. Харламовой [2010а, б]. По ее данным, серия из Нижней Студенки оказывается «...наиболее «западной» в одонтологическом аспекте» [2010б. С. 11] и сближается больше всего с серией XIII в. из Ярославля, в другом анализе – словенскими новгородскими IX–XIV вв. [Халамова, 2010б. С. 17] а также другими древнерусскими сериями. Серия из Ивановского могильника демонстрирует своеобразие, которое проявляется в низкой частоте признаков как «восточного», так и «западного» стволов, что связано, вероятнее всего, с малочисленностью выборки (в том числе из-за плохой сохранности зубной эмали). Но совершенно точно эта группа по данным одонтологии резко отличается от населения Волжской Булгарии [Халамова, 2010б. С. 13].

Сочетание данных краниологии и одонтологии позволяет достаточно уверенно связывать происхождение этих двух групп золотоордынского сельского населения Саратовского Правобережья с восточнославянским компонентом. Этому соответствуют также археологические особенности захоронений – западная ориентировка покойных, угли и посуда в погребениях [Алексеева, 1973; Седов, 1994] а в случае Ивановского могильника – использование валунов [Четвериков, 2010; Лопатин, 2007].

Интересно, что исследуемая выборка существенно отличается от чрезвычайно близкой территориально и хронологически серии из северо-западного некрополя Увекского городища (№ 51). Последняя также имеет мало общего с золотоордынским городским населением Нижнего Поволжья или Волжской Булгарии, но тяготеет скорее к финно-угорскому населению региона [Евтеев и др., 2013].

Внутригрупповая изменчивость краниологической выборки и планиграфия могильника. Был проведен внутригрупповой анализ мужской части выборки с использованием метода главных компонент, в который были включены все 9 черепов, использованные для подсчета средних значений краниометрических признаков (рис. 3). В наборе признаков, по сравнению с межгрупповым анализом, отсутствовали размеры глазницы (51 и 51) и углы горизонтальной

профилировки (77 и ZM), но были включены максиллофронтальная ширина и высота.

Следует отметить своеобразие мужчины из п. 39 (рис. 3, левая часть графика), у которого крупные размеры лица сочетаются с ослаблением выступания переносья и носовых костей. По форме черепа, однако, он не выделяется на общем фоне выборки. Этому индивиду свойственны и другие интересные особенности (см. далее).

В остальном в серии не выделяются особенно резко выраженные «кластеры», но черепа все же разделяются на ряд групп, несколько отличающихся друг от друга по своему морфологическому облику. В первую очередь, это индивиды из погребений 25, 26 и 38, которых объединяет сочетание небольших размеров лица с особенно резким выступанием переносья и носовых костей. Погребения 25 и 26 находятся на северном участке некрополя (в слоях которого обнаружено значительное количество сероглинянной и красной станковой керамики, и отсутствует лепная) в непосредственной близости друг от друга, п. 38 также расположено относительно недалеко от них, во всяком случае, оно не включается в два основных предполагаемых родовых участка центральной части некрополя (рис. 1).

Погребения 9, 20 и 24 расположены рядом, в центральной части некрополя (рис. 1), поблизости от места концентрации лепной керамики [Лопатин, 2007], а погребенным в них индивидам свойственны общие морфологические особенности. Это, в первую очередь, увеличение ширины переносья и грушевидного отверстия, а также некоторое ослабление их выступания, увеличение размеров лица по сравнению с мужчинами из пп. 25, 26 и 38 (рис. 3). Индивиды из пп. 5 и 10 в целом ближе ко второй группе. Они захоронены на значительном расстоянии друг от друга, однако в пределах центральной части некрополя.

Данные краниологии подтверждают правомерность выделения родовых участков на данном некрополе. Индивиды, захороненные на различных его участках, отличающихся концентрацией разных типов керамики (рис. 3) [Лопатин, 2007], отличаются и своим антропологическим обликом (рис. 3).

Половозрастная структура выборки. Из 27 индивидов, у которых удалось определить пол и возраст, 8 (29,6%) – детского возраста, что, скорее всего, достаточно хорошо отражает реальное количество детей в данной популяции [Бужилова, 1995]. Среди взрослых 10 мужчин и 9 женщин, т. е. соотношение полов приблизительно равное. Продолжительность жизни без учета детской смертности составляет 34,3 года, это средний показатель для средневекового населения Восточной Европы [Бужилова, 1995]. Однако, здесь наблюдается существенное отличие двух полов: 32,9 лет у мужчин, 35,8 – у женщин. Эта ситуация нетипична – как правило, продолжительность жизни мужчин в средневековых группах больше, в данном же случае она абсолютно и относительно мала.

Остеометрические и остеоскопические особенности выборки. Из-за неравномерной сохранности материала численность измерений для большинства остеометрических признаков очень мала, поэтому таблица средних не приводится. По этой же причине затруднена характеристика развития элементов

рельефа длинных костей. Далее приводятся лишь некоторые данные по этим системам признаков.

У мужчин наибольшая длина бедренной кости (1) составляет 457,3 мм (6 индивидов), общая длина большеберцовой кости (1) - 361,5 (6 индивидов). Первый размер попадает в категорию больших, второй - средних значений признака [Пежемский, 2011]. Длина тела, реконструированная по формуле Троттер и Глезер 1958 г. для европеоидов по длине обеих костей ноги [Алексеев, 1966], составляет 170,3 см, а по формуле Верчеллотти [Vercellotti et al., 2009], также по длине обеих костей - 168,4 см. Такую длину тела можно считать значительной для средневекового населения, она попадает в категорию «выше средних» по рубрикации Р. Мартина [Пежемский, 2011]. Интересно отметить резкие отличия по длине тела с серией из северо-западного некрополя Увекского городища, где она, по аналогичной формуле Троттер и Глезер, составляет 158,8 см!

В женской части выборки наибольшая длина бедренной кости (1) составляет 403,8 мм (5 индивидов), общая длина большеберцовой кости (1) - 319,0 мм (4 индивида). Длина тела по формуле Троттер и Глезер 1953 г. для европеоидов по длине обеих костей ноги [Алексеев, 1966], составляет - 153,7 см, по формуле Верчеллотти для бедренной кости - 152 см. Это означает существенные отличия по длине тела между мужчинами и женщинами выборки, превышающие обычные показатели полового диморфизма. Впрочем, необходимо помнить про малую численность серии.

Мышечный рельеф длинных костей, насколько можно судить, развит в серии в целом средне или слабо: средний балл признаков как верхней, так и нижней конечностей у мужчин колеблется между 1,5 и 2 баллами. Примечательно, что у женщин рельеф костей нижней конечности выражен значительно лучше, чем верхней, и развит сильнее, чем рельеф костей ноги у мужчин. Возможно, это отражает отличия типа физических нагрузок двух полов.

Частота встречаемости некоторых *патологий и маркеров стресса* приведена в табл. 3. У мужчин группы были отмечены 2 случая травм черепа и 2 - патологий височно-нижнечелюстного сустава. Нужно заметить, что многие травмы и патологии «сконцентрированы» на скелете мужчины из погребения 39, который описывается далее отдельно. Высок процент встречаемости маркеров эпизодического стресса: *cribra orbitalia* и особенно - эмалевой гипоплазии [Бужилова, 1995]. Состояние зубной системы типично для средневековых групп Восточной Европы, можно отметить высокий процент встречаемости одонтогенного остеомиелита (абсцесса). Характерной чертой выборки является чрезвычайно плохое состояние суставов и позвоночника - хорошо выраженные следы заболеваний суставов отмечены в 40% случаев, а те или иные патологии позвоночника - у всех 12 индивидов, у которых можно было оценить состояние этой части скелета.

Таблица 3. Процент встречаемости некоторых патологий и маркеров стресса в серии из Ивановского грунтового могильника

Признак	Встречаемость	N	n
Травмы черепа	11,1%*	18	2

Патологии височно-нижнечелюстного сустава	10,5%*	19	2
Травмы скелета	16,7%	12	2**
Cribra orbitalia	16%	25	4
Эмалевая гипоплазия	87,5%	24	21
Прижизненная утрата зубов	36,8%	19	7
Одонтогенный остеомиелит	42,1%	19	8
Кариес	50%	16	8
Сколы эмали зубов	28,6%	14	4
Зубной камень ***	47,1%	17	8
Патологии суставов (1 балл и выше)	40%	10	4
Патологии позвоночника	100%	12	12

* - эти патологии были отмечены только в мужской части группы, где их встречаемость возрастает, соответственно, до 22,2 и 20%

** - у мужчины из п. 39, были отмечены две травмы скелета (см. далее)

*** - как правило, был выражен слабо, в виде равномерного налета

Индивиды из некоторых погребений заслуживают краткого отдельного описания.

Молодой мужчина из п. 39, как уже отмечалось, внешне заметно отличался от других мужчин группы (см. выше). Кроме этого, скелет его несет следы целого ряда травматических повреждений: компрессионный перелом или сильный вывих левого голеностопного сустава, вероятно, полученный задолго до смерти и сильно затруднявший передвижение; перелом или трещина левой локтевой кости, также полученная задолго до смерти; деформация и следы артрита суставной ямки правой височной кости. Наконец, у него была отмечена своеобразная патология свода черепа: прямоугольник на небных и части затылочных костей, границы которого обозначены следами зажившего воспалительного процесса; внутри прямоугольника – неровности костной ткани и полное зарастание швов черепа, несвойственное такому молодому возрасту. Вполне возможно, речь идет о следах скальпирования, также произошедшего задолго до смерти этого мужчины. У него наблюдаются сочетания многих особенностей скелета, рассматриваемых как черты «комплекса всадника» [Бужилова, 1998]: сильный артрит тазобедренного сустава (непропорционально состоянию других суставов), сильный износ поясничных и нижних грудных позвонков (следы остеохондроза, платиспондиллии, многочисленные грыжи), усиление мышечного рельефа тазовых костей, травма голеностопного сустава, своеобразная форма диафизов костей ноги, возможно, связанная с усиленным развитием определенных мышц, энтезопатии (депрессии) ключиц и плечевых костей.

Рядом с п. 39 расположено п. 28, в котором захоронен ребенок 6–7 лет с подозрением на травму свода черепа, полученную незадолго до смерти: на правой теменной кости продолговатое отверстие длиной 27 и шириной 7 мм, возможно, со следами заживления по краям.

Мужчины из расположенных рядом погребений 9 и 20 заметно старше других мужчин группы (старше 55 и 35–45 лет, соответственно), а индивид из п. 9 – единственный, доживший до старческого возраста. Этим же отличаются жен-

щины из погребений 35 и 36, расположенных также рядом друг с другом на северной оконечности центрального участка некрополя, их возраст – 45–55 лет.

У женщины(?) из п. 37, возможно, наблюдаются последствия цинги, состояние зубной системы очень плохое даже по меркам данной группы: утрачены более дюжины зубов, отмечено как минимум 3 случая абсцесса.

У мужчины из п. 38 и женщины (?) из п. 37 был отмечен один и тот же редкий дискретно-варьирующий признак, дополнительные премоляры (также он был зафиксирован у женщины из п. 3). Это может рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу кровного (а не брачного) родства этих людей.

Выводы.

1. Краниологические особенности мужской части выборки из Ивановского могильника сближают ее с юго-западными группами восточных славян домонгольского времени, и некоторыми выборками сельского населения с территории Волжской Булгарии, наиболее близки серии дреговичей [Алексеева, 1973] и Барбашинной поляны [Газимзянов, 2001]. Морфологический облик женщин, насколько можно судить, резко отличается – по форме как мозгового, так и лицевого отделов черепа. Исследуемая выборка очень близка серии из могильника Нижняя Студенка-I и заметно отличается от серии из северо-западного некрополя Увекского городища.

2. Мужчины, погребенные на различных участках некрополя, несколько отличаются друг от друга своим морфологическим обликом. Это подтверждает предположение о наличии родовых участков. Кроме этого, данные внутригруппового краниологического анализа соотносятся с распределением археологических артефактов по площади памятника, что может дополнительно свидетельствовать в пользу определенных культурных отличий групп, представители которых захоронены на разных участках.

3. Половозрастная структура выборки соответствует самовоспроизводящейся популяции, о чем свидетельствует значительный процент погребений детей разного возраста и равное соотношение полов. Продолжительность жизни без учета детской смертности составляет 34,3 года, однако у мужчин она значительно меньше, чем у женщин: 32,9 против 35,8 лет.

4. Длина тела мужчин была несколько выше средней, что резко противопоставляет эту группу территориально и хронологически близкому населению, оставившему северо-западный некрополь Увекского городища. Длина тела женщин при этом небольшая, наблюдаются существенные межполовые отличия. Мускульный рельеф длинных костей развит в серии в целом средне или слабо.

5. Данные палеопатологического обследования позволяют предположить тяжелые условия жизни исследуемого населения: в серии чрезвычайно высок процент встречаемости эмалевой гипоплазии, часты случаи *cribra orbitalia* (два маркера эпизодического стресса в детском возрасте). Состояние зубной системы скорее плохое, особенно высока частота случаев хронического абсцесса. Обилие патологий суставов и позвоночника отражает чрезмерно высокий уровень физических нагрузок.

Литература:

- Алексеев В.П.* Остеометрия (методика антропологических исследований). М., 1966.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия (методика антропологических исследований). М., 1964.
- Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян. М., 1973.
- Бужилова А.П.* Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М., 1995.
- Газимзянов И.Р.* Население средневекового Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Двуреченская Н.Д.* Отчет об охранных раскопках археологического комплекса у с. Козино Одинцовского р-на Московской обл. в 2008 г. М., 2009.
- Евтеев А.А.* Антропологические материалы из могильника Нижняя Студенка-I // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.
- Евтеев А.А., Кубанкин Д.А., Куфтерин В.В., Рассказова А.В.* Антропологические исследования северо-западного некрополя Увекского городища // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXIII. Антропология, 2013. № 1.
- Лопатин В.А.* Отчет об археологических раскопках кургана и грунтового могильника у разъезда «Ивановский» в Саратовской области в 2006 году (по открытому листу № 875). Том 1 (текст отчета). Саратов, 2007.
- Медникова М.Б.* Описательная программа балловой оценки степени развития рельефа длинных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.
- Пашкова В.И.* Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963.
- Пежемский Д.В.* Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения. Автореф. дисс. ... к.б.н. М., 2011.
- Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994.
- Федосова В.Н.* Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным (остеологическая методика) // Вопросы антропологии. 1986. Вып. 76.
- Харламова Н.В.* Новые материалы по одонтологии средневекового населения Поволжья // Этнографическое обозрение № 5. М., 2010а.
- Харламова Н.В.* Антропологический состав средневекового населения Среднего Поволжья по данным одонтологии. Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2010б.
- Яблонский Л.Т.* Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии (монголы в средневековых городах Поволжья) // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.
- Martin R.* Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer darstellung. 2-e Bd. Kraniaologie. Osteologie. Jena, 1928.
- Phenice T.W.* A newly developed method of sexing the Os Pubis // Am. J. Phys. Anth. 30(2). 1969.
- Ubelaker D.H.* Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. Chicago, 1978.

Vercellotti G., Agnew A.M., Justus H.M., Sciulli P.W. Stature estimation in an early medieval (XI–XII c.) Polish population: Testing the accuracy of regression equations in a bioarcheological sample. *Am. J. Phys. Anthropol.*, 140. 2009.

White T.D., Folkens P.A. *Human Osteology*. Academic Press, 1999.

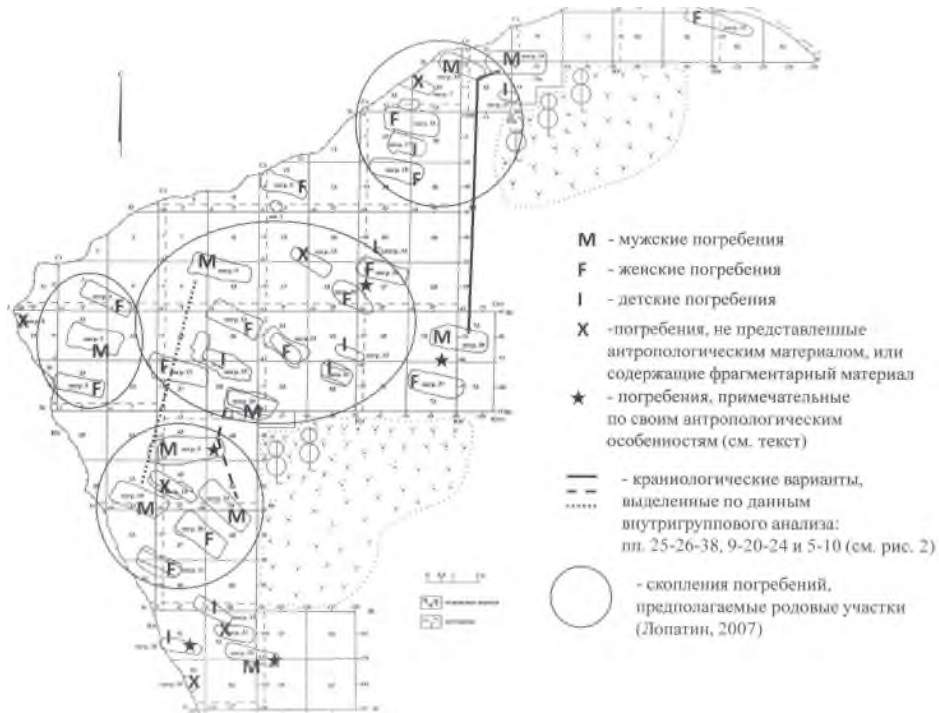

Рис. 1. Планиграфия грунтового могильника у развезда «Ивановский» и антропологические особенности погребенных

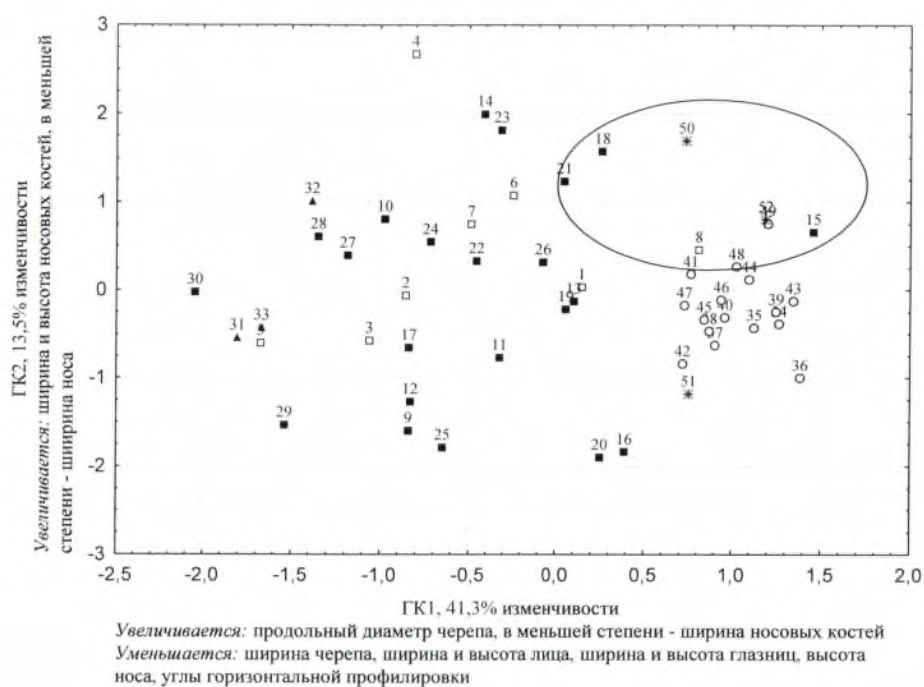

Рис. 2. Межгрупповой анализ серии из грунтового могильника у разезда «Ивановский» методом главных компонент.
Символы: полые квадраты – городские серии из Болгара (№№ 1–8); сплошные квадраты – сельские выборки с территории Волжской Булгарии предмонгольского (№№ 21–30) и золотоордынского (№№ 9–20) периодов; треугольники – население нижневолжских золотоордынских городов (№№ 31–33); полые круги – средневековые восточнославянские серии (№№ 34–49); звездочки – серии из Нижней Студенки (№ 50), Увекского северо-западного некрополя (№ 51) и Ивановского могильника (№ 52). *Источник материала:* серии 1–30 – Газимзянов, 2001; серии 31–33 – Яблонский, 1987; серии 34–49 – Алексеева, 1973; серия 50 – Евтеев, 2007; серия 51 – Евтеев и др., 2013, серия 52 – настоящее исследование

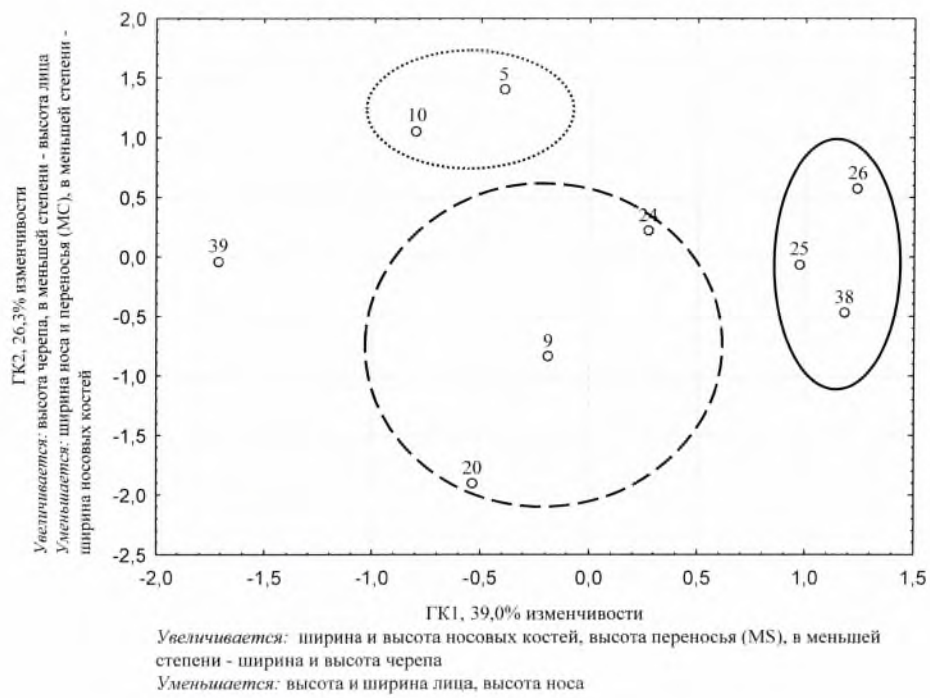

Рис. 3. Результаты внутригруппового анализа мужской части выборки из грунтового могильника у разъезда «Ивановский», метод главных компонент

*Зайков В.В., Зайкова Е.В.,
Яблонский Л.Т.*

ИЗУЧЕНИЕ СОСТАВА ДРЕВНИХ ЗОЛОТЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ БАСЕЙНА РЕКИ УРАЛ*

Цель работы – характеристика способов и результатов исследования состава золотых изделий из археологических памятников бассейна реки Урал в связи с определением источников золота. Материал для изучения был предоставлен Л.Т. Яблонским, М.С. Шемаханской, С.В. Сиротиним, А.Д. Таировым, В.В. Ткачевым, А.М. Юминовым.

Характеристика методов. В работе применялись следующие методы:

1. Рентгенофлуоресцентный анализ (РФА) – экспрессный, неразрушающий и безопасный для окружающих метод, обладающий высокой точностью и воспроизводимостью [Вотяков, 2007]. Метод позволяет качественно и количественно определять в исследуемых образцах поперечником более 5 мм. В РФА возбуждение характеристического рентгеновского излучения получается облучением образца рентгеновским излучением. Компактные РФА анализаторы с высоким пространственным разрешением используют маломощную рентгеновскую трубку с фокусирующим устройством. В распоряжении специалистов ИМин УрО РАН находится портативный прибор INNOV-X α 4000 производства США (аналитик П.В. Хворов, операторы А.М. Юминов, А.Д. Таиров).

2. Рентгеноспектральный электронно-зондовый микроанализ (РСМА) является методом химического анализа небольшого участка образца, в котором при помощи сфокусированного пучка электронов (микронзонда) возбуждается рентгеновское излучение [Лосев, Смагунова, 1982]. Полученный рентгеновский спектр содержит характеристические линии элементов и качественный анализ проводится идентификацией по всплескам соответствующих длин волн на графиках. Сравнение интенсивности линий образца с интенсивностями тех же линий в стандарте позволяет количественно опреде-

* Исследования поддержаны грантами РФФИ 13-06-12006 и РГНФ 12-01-00293. Авторы благодарят за помощь А.Д. Таирова, А.М. Юминова, С.В. Сиротина, В.В. Ткачева, Л.Т. Яблонского, М.С. Шемаханскую, О.В. Анিকেеву, В.А. Котлярова, Е.И. Чурина, О.Л. Бусловскую, А.Н. Султанову и Ф.А. Сунгатову.

лить содержание элементов. Измерение интенсивности линий на стандартных и анализируемых образцах, измерение интенсивности фона для каждого элемента, расчет содержаний элементов проводится автоматически по компьютерной программе. Исследования проводились на микроанализаторе JEOL-733 (аналитик Е.И. Чурин).

3. Растровая электронная микроскопия (РЭМ) проводится аппаратом, близким по конструкции к электронному микрондду [Рид, 2008]. Он оснащен энергодисперсионным спектрометром (РЭММА) и на нем можно проводить качественный и количественный анализ. В нашем распоряжении находится прибор РЭММА 202М (аналитик В.А. Котляров).

Для определения состава металлов методами РСМА и РЭМ достаточно частиц размером 0,5–1 мм. Они помещаются в однотипные препараты, имеющие название шашки. Наиболее употребительный диаметр шашек 2 см, высота 5–7 мм. Исследуемые частицы обычно наклеиваются в зафиксированном порядке (1–15 частиц) на покровное стекло, на гладкую поверхность фторопласта или оргстекла внутри стандартного контейнера и затем заливаются эпоксидной смолой.

Изготовление шашек – специальная процедура, которая проводится специалистами в шлифовальных лабораториях. Заливку эпоксидной смолы лучше проводить под вакуумом, чтобы не было пузырьков воздуха. После затвердевания эпоксидной смолы шашки извлекаются из контейнеров и полируются.

Предварительный выбор места для исследования пробы проводится с помощью оптических микроскопов с фотокамерой. Шашки детально просматривают в оптическом микроскопе в отраженном свете с целью выбора для анализа определенных участков. При описании фиксируются сведения о текстурно-структурных особенностях материала, на наличие включений, неоднородностей. На фотографиях фиксируются места предполагаемых анализов методами РСМА и РЭМ.

Затем на анализируемую поверхность напыляют в вакуумных установках углерод или другое вещество с хорошей проводимостью (золото, медь, платина). Толщина напыляемой пленки составляет 20–40 нм. Шашки помещаются в объектодержатели и затем на столик электронного микроскопа.

Определение состава древних золотых изделий проводились методами РФА и РСМА для предметов из могильников Переволочанского, Магнитного, а также одиночного кургана Яковлевка II. Сравнение итогов определения состава золота методами РФА и РСМА показало хорошую сходимость результатов (табл. 1, 2). Для золота из могильников Филипповского и Ушкаттинского определения выполнены методом РЭМ. Типы составов осмия выделены по соотношению Os, Ru, Ir в кристаллохимических формулах [Булах, 1967].

Размещение исследованных археологических памятников. Золотоносные курганы бассейна р. Урал описаны в многочисленных публикациях, обзор которых дан в работе [Гаиров, 2000]. Позиция курганов с исследованными предметами из золота показана на рис. 1.

Курганный могильник Переволочан I насчитывает 12 округлых курганов диаметром от 14 до 50 м, высота сооружений варьирует в пределах 0,4–5,0 м. На основании погребального инвентаря, курган отнесен к среднесарматскому времени и датирован II в. до н. э. – I в. н. э. [Сиротин, 2008; Юминов и др., 2010].

В кургане № 11 было обнаружено ожерелье, состоящее из сердоликовых бусин и девяти пронизок, свернутых из золотой фольги. Согласно данным рентгенофлуоресцентного анализа, содержание основных компонентов в сплавах всех пронизок варьирует в пределах (мас.%): Au 64–65; Ag 33–34, Cu 1–2, Ni 0.1–0.2 и Sn 0–0.5 (табл. 1). Колебания состава незначительны, что позволяет предположить одновременность изготовления данного набора пронизок и единый источник металла. Здесь же найдена золотая литая декоративная накладка с рядом из шести крепежных отверстий по верхнему краю. Оно выполнено из среднепробного золота (мас.%): Au 87–89; Ag 3–4 и отличается высокими содержаниями меди (около 8.5), что свидетельствует об искусственном добавлении данного элемента в сплав.

Наибольшее количество золотых изделий было обнаружено при раскопках кургана № 12. Как показали исследования, химический состав благородных сплавов, из которых были изготовлены браслет, ободки перстней, золотая декоративная оковка деревянного сосуда изготовлены из среднепробного сплава золота (мас.%): Au 82–85; Ag 11–14; Cu 2–5.

В литой декоративной накладке из кургана № 11 могильника Переволочан I (обр. 11.5.8) было выявлено включение осмия. Форма включения близка к треугольной, размеры 8×10 мкм. Данные о составе включения осмия получены методом РЭМ. Помимо осмия, в состав минерала входят иридий и рутений. Состав минерала (мас.%): Os 70–74; Ir 20–22; Ru 5–8. По соотношению атомов оба образца относятся к осмио иридистому с рутением.

Одиночный курган Яковлевка II исследовался в 2009 г. и по характеру погребального обряда и инвентаря, курган датируется IV в до н. э. В погребении № 3 обнаружена золотая гривна размером 15,3 x 12,5 см из витой проволоки, (обр. Я-1). Предмет был изготовлен из среднепробного золота (мас.%): Au 88–89; Ag 9–10; Cu 2, практически не содержащего примеси других элементов. Кроме того, найдены две золотые серьги, представляющие собой проволочную спираль с припаянным к ней снизу кольцом. Составы проволочных спиралей двух предметов почти не отличаются друг от друга (мас.%): Au 79; Ag 20; Cu 1.

При исследовании под микроскопом полированных препаратов из фрагментов золотых изделий было выявлено включение осмия. Оно обнаружено в височной подвеске-серьге (обр. Я-3). Размер включения 16 x 22 мкм, форма линзовидная. Помимо осмия, в состав минерала входят иридий и рутений. Состав минерала (мас.%): Os 70–73; Ir 24–25; Ru 2–4. По соотношению атомов оба образца относятся к осмио иридистому с рутением.

Могильник Магнитный включает около 30 грунтовых сооружений [Таиров и др., 2011]. В могильной яме с подбоем вдоль продольной западной стенки выявлено захоронение пожилой женщины. Набор бронзовой и стеклянной посуды, имеющий аналогии в позднеримских древностях Восточной Европы, позволяет отнести погребение к гунно-сарматскому времени и датировать его III в. н. э.

Исследованные золотые изделия представлены подвесками, бусинами и нашивными бляшками. Состав золота варьирует в пределах: (мас.%): Au 80–99; Ag 0–16; Cu 0–6 (табл. 2). Для каждого типа изделий состав близок, за ис-

ключением треугольных бляшек. В них состав золота представлен двумя группами анализов (мас. %): Au 93–94; Ag 5; Cu 1 и Au 83–85; Ag 12–13; Cu 3.

Включения осмия (7 зерен) были выявлены в бляшках полусферических и треугольных. В 9 изделиях первого типа диаметром 4–6 мм установлено 4 зерна осмия размером от 6 x 15 до 100 x 120 микрон. Морфология их разнообразна: овальная, треугольная и четырехугольная с закругленными вершинами. Состав вмещающего золота исключительно однороден (мас. %): Au 99. В 8 волнообразных бляшках треугольной формы размером 5–6 мм выявлено 3 зерна осмия. Включения имеют овальную форму и заключены в золоте состава (мас. %): Au 94; Ag 4; Cu 1.

По соотношению Os, Ru, Ir в исследованных зернах выделяются три типа составов:

1 – с преобладанием Os: зерно 3 – осмий рутенисто-иридий, зерно 4 – осмий иридий-рутенистый, зерно 5 – осмий иридий.

2 – с преобладанием Ru: зерна 2 и 6 – рутений иридий-осмистый, родий и платину-содержащий.

3 – с преобладанием Ir: зерна 1 и 7 осмистый иридий, содержащий рутений.

Филипповские могильники I и II. Данные сооружения относятся к царским курганам, возведенным на рубеже V–IV вв. до н. э. [Яблонский, 2008; 2011]. Результаты анализов представлены в табл. 2.

Первый расположен в Урало-Илекском междуречье и насчитывал 29 курганов. Исследованные золотые изделия из кургана № 4 (могильник I) представлены золотыми аппликациями колчаных крюков, ножа и крестификацией клинка меча.

Преобладающий состав аппликаций (мас. %): Au 87–96, Ag 2–9, Cu 1–2. Второй случай (Au 97–98, Ag 1–2, Cu 1) характерен для инкрустации клинка железного меча (мас. %): Au 97–98%; Ag 1–2%; Cu 1%. В инкрустации меча установлено и проанализировано 18 зерен осмия округлой, удлинённой и треугольной формы размером по длинной оси 40–200 микрон. Часть округлых зерен раздроблена, а часть расщеплена по спайности. Выделяются следующие геохимические типы минерала (табл. 3):

А) с преобладанием осмия при низком содержании иридия и среднем рутения, зерна 4, 5, 6, 11;

Б) с примерно равными содержаниями осмия, иридия, рутения и присутствием платины в количестве 5–8% (зерна 2, 3, 9);

В) с соотношением осмия, иридия и рутения 4:3:2 (зерно 1);

Г) с высоким содержанием иридия и присутствием платины (3–5%).

Существенные вариации Os, Ir, Ru, Pt и округлая морфология большинства зерен свидетельствуют об их россыпной природе. Такие формы характерны для месторождений, приуроченных к аллювиальным отложениям речных долин, которые дренируют ультраосновные породы. Для этих вестников глубин характерны золотые месторождения с примесью платины и осмия. По соотношению Os, Ir, Ru, Pt минерал из инкрустации меча сходен с подобными зёрнами россыпей Кочкарского и Миасского рудных районов, расположенных в 500–600 км к северо-западу от Филипповки.

Могильник Филипповка II расположен в 11 км к западу от могильника Филипповка I и насчитывал 7 курганов. В кургане № 1, который датируется

концом V – началом III вв. до н. э., исследовано золото из предметов, найденных в центральной погребальной камере № 2. По составу золота выделяется три группы металла (масс.%): Au 94–87, 86–79, 75–62 при содержании меди 2–5%. В золотой фольге состава 75–62% Au обнаружены включения осмия. В пробе Ф13–103 выявлено два зрна: одно размером 50 x 110 микрон с несколько различным составом двойников, соответствующих иридию осмистому; второе длиной 5 микрон состава осмий иридий. Проба Ф13–73 содержит зерно размером 10 микрон иридия осмистого.

По составу золота и включений осмия исследованные предметы из могильников Филипповка I и II близки, что свидетельствует об одинаковом источнике металла и, соответственно, возрасту сооружений.

Могильник Ушкаттинский расположен в 9 км юго-восточнее пос. Домбаровский Оренбургской области, на левом берегу реки Ушкатты. По особенностям конструкции и найденному инвентарю погребения в исследованных курганах датируются XV–XIII вв. до н. э. и относятся к алакульской археологической культуре.

Археологические раскопки выявили в захоронениях около двадцати золотых изделий различного рода, отличающихся техникой исполнения. В одном из захоронений (курган № 12, погребение № 3) была обнаружена височная подвеска в полтора оборота желобчатой формы, орнаментированная в технике чеканки. Анализ металла показал, что украшение было изготовлено из среднепробного сплава с относительно большим содержанием меди (см. табл. 2). При изучении металла были выявлены пластинчатые включения иридийного осмия [Юминов и др., 2008]. Форма включений близка к треугольной, размеры 8 x 10 мкм. Данный минерал характеризуется высокими содержаниями Os (65 мас.%), довольно большим содержанием Ir (до 34 мас.%) и крайне низкими концентрациями рутения (менее 0,5 мас.%).

Предполагаемые источники металла. Главным поставщиком золота в древности и средневековье на Урале были россыпи. Об этом свидетельствует присутствие включений зерен платиноидов в древних золотых изделиях. Ближайшие россыпные месторождения к исследованным могильникам располагаются в долинах рек Миасс, Урал и их притоков. Большинство из них приурочено к зоне Главного Уральского разлома, где выделяются Миасская, Миндякская и Восточно-Ирендыкская россыпные зоны [Петров, 1999ф; Иваннищев, 2005ф; Казаков, Салихов, 2006; Благородные..., 2012]. Первая включает 18 россыпей, из которых в XIX–XX вв. н. э. было добыто около 65 т золота. В шести из них содержались промышленные концентрации платиноидов. К Миндякской россыпной зоне приурочено 9 месторождений, в четырех из которых были установлены платиноиды. Из этих россыпей могло быть добыто примерно 6 т металла. На древние времена из этого количества металла (71 т) следует отнести около семи тонн золота. Это предположение сделано исходя из типового отношения металла, добытого в древности к современным разработкам, равного примерно 1:10 [Беневольский, 1995].

Определение источника золота для производства ювелирных изделий возможно путем сравнения состава металла и включений платиноидов из артефактов и россыпей. Выполненное сопоставление (рис. 2) сделано с учетом пробы золота и присутствия в россыпях платиноидов. По этой про-

цедуре золота из Филипповских и Магнитного могильников сходно с золотом из Миасской и Миндяжской россыпных зон, имеющих примесь платиноидов. Золото из могильника Переволочан I и одиночного кургана Яковлевка II имеет сходство с золотом Восточно-Ирендыжской зоны, недалеко от которой они и находятся.

Среди платиноидов (минералов платиновой группы – МПГ) основные примеси в россыпях дает осмий. Он относится к твердым растворам осмия, рутения и иридия и по сравнению с платиной характеризуется высокой хрупкостью и отличной спайностью (тонкими параллельными трещинками). Из-за этих свойств осмий сильно измельчается и присутствует в россыпях обычно в виде частиц размером менее 10 микрон, что не позволяло древним мастерам очистить добытый металл от примесей. Этим же объясняется наличие в древнем золоте именно включений осмия, который к тому же имеет высокую плотность (в два раза тяжелее золота) и чрезвычайно высокую температуру плавления, в два-три раза превышающую этот показатель для золота [Минералогия..., 1990].

На треугольной диаграмме (рис. 3) точки составов осмия распределяются следующим образом. Около половины фигуративных точек состава осмия из могильников Филипповка I и Магнитный соответствуют полю осмия россыпей Южного Урала, в частности россыпей Миасского россыпного района [Зайков и др., 2012]. Кроме этого, часть анализов из этих же могильников, а также Переволочанского и Яковлевского курганов, образуют отдельные позиции в поле осмия и иридия. Пока мы не имеем данных о составе осмия из Миндяжской, Кочкарской и Восточно-Ирендыжской россыпных зон, чтобы провести соответствующее сравнение. Дальнейшие исследования состава платиноидов из россыпей и могильников должны уточнить сведения о возможном источнике металла.

Литература:

- Беневольский Б.И.* Золото России. М., 1995.
 Благородные металлы в рудах и древних золотых изделиях Южного Урала. Екатеринбург, 2012.
Булах А.Г. Расчет формул минералов. М., 1967.
Вотьяков С.Л. Методы элементного анализа и спектроскопии твердого тела в исследованиях минерального вещества. Екатеринбург, 2006.
Зайков В.В., Султанова А.Н., Сунгатов Ф.А., Зайкова Е.В. Состав золота с включениями осмия из ювелирной мастерской городища Уфа-II // Минералы и минералообразование в природных и техногенных процессах. Уфа, 2009.
Зайков В.В., Юминов А.М., Зайкова Е.В., Таиров А.Д. Основы геoarхеологии. Челябинск, 2011.
Иванищев А.В. Отчет по теме «Систематизация и разбраковка золоторудных месторождений Свердловской и Челябинской областей». Екатеринбург; Челябинск, 2005.
Казаков П.В., Салихов Д.Н. Полезные ископаемые Республики Башкортостан (россыпное золото). Уфа, 2006.

Лосев Н.В., Смагунова А.Н. Основы рентгеноспектрального анализа. М., 1982.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. Средневековой город Башкорт (Уфа). Вестник АН РБ. 2007. Том 12, № 3.

Петров Ю.М. Отчет «Составление карты россыпной золотоносности республики Башкортостан». Уфа, 1999.

Рид С.Дж.Б. Электронно-зондовый микроанализ и растровая электронная микроскопия в геологии. М.

Сиротин С.В. Исследования на курганном могильнике Переволочан в Зауральской Башкирии в 2007 г. (предварительное сообщение) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 2008.

Таиров А.Д., Зайков В.В., Юминов А.М., Зайкова Е.В., Самойлова О.В. Включения осмия в золотых изделиях из курганов Южного Зауралья как индикаторы источника металла // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Социально-гуманитарные науки». 2011. Вып. 6.

Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Челябинск, 2000.

Юминов А.М., Зайков В.В., Сиротин С.В., Хворов П.В., Котляров В.А. Состав золотых изделий из материалов погребений курганных могильников Переволочан I, Переволочан II и одиночного кургана Яковлевка II // Уральский минералогический сборник № 17. Миасс-Екатеринбург, 2010.

Яблонский Л.Т. Сокровища сарматских вождей (материалы раскопок Филипповских курганов). Оренбург, 2008.

Яблонский Л.Т. Вместо предисловия. Новые раскопки могильника Филипповка 1 // Естественно-научные методы в изучении Филипповского 1 могильника (Яблонский Л.Т. – ред). М., 2011.

Harris D., Cabri L. Nomenclature of platinum-group-element alloys: review and revision // Can. Min. 1991. V. 29.

Таблица 1. Состав древних золотых изделий из курганов Переволочан-I, Переволочан-II и Яковлевка-II (Юминов и др., 2011)

№ п/п	№ образца	Изделие	Место находки	Число анал.	Содержание, мас. %		
					Ап	Аг	Сп
1	11.5.8	Накладка (подвеска) литая декоративная с рогаминым завитком и	Переволочан-I, курган 11, погребение 5	6	88,36	3,83	8,81
2	12.1.14.1	Проволока, плоская в сечении	Переволочан-I, курган 12, погребение 1	5	67,97	29,30	2,49
3	12.5.6.	Браслет из округлого в сечении прута	Переволочан-I, курган 12, погребение 5	5	84,90	11,73	3,16
4	12.5.7.1	Перстень-печатка № 1 со стилизованным изображением оленя	Переволочан-I, курган 12, погребение 5	5	85,56	12,60	2,17
5	12.5.7.2	Перстень-печатка № 2 со стилизованным изображением оленя	Переволочан-I, курган 12, погребение 5	5	83,02	15,85	0,96
6	12.5.7.3	Перстень-печатка № 3 со стилизованным изображением оленя	Переволочан-I, курган 12, погребение 5	5	82,87	10,95	4,84
7	12.5.12	Серьга (золотая проволоочная спираль с заходящими концами)	Переволочан-I, курган 12, погребение 5	5	84,38	10,96	3,62
8	12.5.8	Оковка деревянной чаши декоративная	Переволочан-I, курган 12, погребение 5	5	81,30	13,75	4,91
9	12.5.9	Оковка деревянной чаши декоративная с рогамиными завитками	Переволочан-I, курган 12, погребение 5	5	96,09	3,30	0,56
10	3.0.1	Бляшка нашивная № 1 в виде хищника	Переволочан-II, курган 3, грабительский раскоп	5	95,71	3,98	0,25
11	3.2.10	Бляшка нашивная № 2 в виде хищника	Переволочан-II, курган 3, погребение 2	5	83,63	13,58	1,91
12	3.2.14.1	Ободок для скрепления нитей № 1	Переволочан-II, курган 3, погребение 2	5	83,09	14,99	1,80
			Переволочан-II, курган 3, погребение 5	5	66,46	30,29	2,53
			Переволочан-II, курган 3, погребение 5	5	63,15	34,65	2,15
			Переволочан-II, курган 3, погребение 5	5	66,76	30,99	1,60
			Переволочан-II, курган 3, погребение 5	5	66,97	31,39	1,51
			Переволочан-II, курган 3, погребение 5	5	60,94	36,23	2,08
			Переволочан-II, курган 3, погребение 5	5	58,23	39,06	2,56
			Переволочан-II, курган 3, погребение 5	5	72,13	22,10	5,94
			Переволочан-II, курган 3, погребение 5	5	72,82	24,06	3,09

13	3.2.14.2.	Ободок для скрепления нитей № 2		Перелопочан-И, курган 3, погребение 2	6 5	62,12 61,67	34,66 36,64	1,83 1,54
14	Я-1	Гривна в полтора оборота из витого четырехугольного в сечении дрота		Яковлева-И, погребение 3	6 5	88,08 87,10	9,60 10,04	2,20 2,76
15	Я-2	Серьга № 1		Яковлева-И, погребение 3, слева от основания черепя	6 5	78,96 77,59	20,08 21,29	0,96 0,96
16	Я-3	Серьга № 2		Яковлева-И, погребение 3, справа от основания черепя	6 5	80,88 79,88	16,78 18,44	1,83 2,64
17	Я-4	Бляшки пришивные диаметром 5-7 мм полусферической формы		Яковлева-И, погребение 5, костяк 1	6 5	88,69 86,50	9,55 10,40	1,78 3,06
18	Я-9	Серьга № 1, обернутая золотой фольгой		Яковлева-И, погребение 6, справа от основания черепя	3 3	82,27 81,57	13,52 14,75	3,97 3,68
19	Я-10	Серьга № 2, обернутая золотой фольгой		Яковлева-И, погребение 6, слева от основания черепя	3 5	77,65 80,99	12,35 14,91	0,43 4,08
20	Я-12	Золотая фольга		Яковлева-И, погребение 6	2 5	24,65 25,08	70,75 71,82	2,69 3,08
27	Я-6	Ворворка №1		Яковлева-И, погребение 9	2 5	69,35 65,83	25,52 28,05	4,48 6,04
28	Я-7	Ворворка № 2		Яковлева-И, погребение 9	2 5	67,77 65,55	25,84 27,90	5,69 6,50
29	Я-8	Ворворка № 3		Яковлева-И, погребение 9	2 5	67,88 67,97	25,99 26,82	5,52 4,97

Примечание. В числителе приведены средние значения рентенофлуоресцентного анализа (INNON-X α 400) в знаменателе – энерго-дисперсионного микроанализа (РЭММА 202М, аналитик В.А. Котляров).

Таблица 2. Сопоставление результатов анализа золотых изделий из кургана 21 могильника Магнитный методами РФА и микронзондовым

№	Кол-во анализов	Изделие	Au	Ag	Cu
M1	10	Бляшки с одежды из заполнения нор	82.20	14.44	3.15
	6		81.52	14.49	3.87
M3-28	16	Бляшки треугольные	93.06	5.47	1.12
	6		93.44	5.60	1.03
M3-29	3	Бляшки треугольные	84.67	12.53	2.65
	6		83.89	12.87	3.38
M4	9	Бляшки с одежды (левый рукав)	81.57	14.91	3.43
	6		80.96	14.00	4.50
M5	9	Бляшки с одежды (правый рукав)	82.21	14.32	3.28
	6		78.69	14.58	4.52
M6	9	Бляшки с одежды (ворот)	81.99	14.47	3.39
	7		80.59	14.58	4.52
M8	6	Бусы ожерелья	81.53	13.54	4.67
	7		81.76	12.74	5.28

Примечание: в числителе - результаты анализа методом РФА на приборе INNOV (операторы П.В. Хворов, А.Д. Таиров), в знаменателе - результаты микронзондового анализа на приборе JEOL-733 (оператор Е.И. Чурин).

Таблица 3. Состав минералов группы осмия из археологических памятников Южного Урала

№ пп	Место отбора	№ пробы	К-во анализов	Предметы	Содержания, мас. %			Кристаллохимическая формула минералов
					Os	Ir	Ru	
1.		№ 7-1	6		45,76	36,10	17,45	Os ₄₀ Ir ₁₁ Ru ₂₉
2.		№ 7-2	10		34,54	29,30	27,66	Ru ₄₄ Os ₃₈ Ir ₂₃ Ru ₀₂
3.		№ 7-3	7		35,28	29,20	27,63	Ru ₄₅ Os ₃₂ Ir ₂₃ Ru ₀₆
4.		№ 7-4	1		57,58	14,82	27,02	Os ₄₇ Ru ₄₁ Ir ₁₁
5.		№ 7-5	8		56,88	17,04	25,57	Os ₄₇ Ru ₂₃ Ir ₁₁
6.		№ 7-6	7		55,07	8,97	35,42	Ru ₅₁ Os ₄₂ Ir ₀₇
7.		№ 7-7	5		32,67	53,85	3,43	Ir ₂₂ Os ₃₂ Ru ₀₂ Ru ₀₆
8.		№ 7-8	6		45,03	20,56	33,93	Ru ₂₅ Os ₂₇ Ir ₁₆
9.	Филипповка I, курган № 4	№ 7-9	7	Золотая инкрустация железного меча	37,23	29,91	26,88	Ru ₄₁ Os ₃₂ Ir ₂₄ Ru ₀₅
10.		№ 7-10	5		35,42	58,52	2,26	Ir ₂₇ Os ₃₃ Ru ₀₄ Ru ₀₄
11.		№ 7-11	5		56,53	10,16	32,78	Ru ₄₆ Os ₄₄ Ir ₀₈
12.		№ 7-12	5		37,74	56,05	5,87	Ir ₄₅ Os ₃₇ Ru ₀₈
13.		№ 7-13	3		79,45	12,64	7,58	Os ₇₅ Ru ₀₂ Ir ₁₁
14.		№ 7-14	2		73,36	16,17	10,09	Os ₆₈ Ru ₀₇ Ir ₁₅
15.		№ 7-15	3		72,60	16,83	10,29	Os ₆₇ Ru ₁₆ Ir ₁₅
16.		№ 7-16	6		40,32	38,13	17,38	Os ₂₅ Ir ₂₈ Ru ₀₂ Ru ₀₂
17.		№ 7-17	5		35,83	53,34	2,85	Ir ₂₂ Os ₃₅ Ru ₀₅ Ru ₀₇
18.		№ 7-18	8		38,99	42,80	17,71	Ir ₂₇ Os ₃₄ Ru ₂₉
19.	Филипповка II курган	103ab	2		13,56	81,25	4,12	Ir ₂₈ Os ₁₃ Ru ₀₇ Ru ₀₂
20.		103de	2		22,93	72,68	2,90	Ir ₂₀ Os ₂₃ Ru ₀₅ Ru ₀₂
21.	№ 1	103k	2	Накладки	58,65	35,02	5,45	Os ₅₆ Ir ₃₃ Ru ₁₀
22.		73	4		38,92	50,23	2,39	Ir ₂₆ Os ₂₇ Ru ₀₃ Ru ₀₂ Ru ₀₂
23.	Переловчан-I	11.5.8	4	Накладка	71,86	21,15	6,81	Os ₆₃ Ir ₀₁ Ru ₁₄
24.	Яковлевка II	Я-3	6	Подвеска	71,85	24,21	3,71	Os ₇₀ Ir ₂₃ Ru ₀₇
25.	Матвигиний, курган № 21	M2-1	2	Бляшки	40,06	50,27	7,34	Ir ₄₂ Os ₃₆ Ru ₁₂ Fe ₀₆ Rh ₀₁
26.		M2-1-1	4	полусферические	32,89	30,06	29,87	Ru ₄₃ Os ₂₆ Ir ₂₃ Ru ₀₆ Ru ₀₂ Fe ₀₁

27.		М2-А	5		46.55	39.29	12.26	$O_{5.41}Ir_{2.4}Ru_{1.2}Fe_{0.8}Rh_{0.03}$
28.		М-П	5		73.62	14.47	10.41	$O_{6.7}Ru_{1.8}Ir_{3.3}Rh_{0.2}$
29.		М3-1	5	Бляшки треугольные	59.86	37.05	2.39	$O_{6.9}Ir_{3.6}Ru_{0.9}Fe_{0.1}$
30.		М3-1-1	5		42.74	13.01	37.80	$Ru_{1.5}Os_{5.2}Ir_{10}Rh_{0.4}Pt_{0.2}$
31.		М-П	6		28.82	60.97	5.68	$Ir_{3.3}Os_{2.5}Fe_{3.3}Ru_{0.9}$
32.	Улкатин- ский, курган № 12	Ук7	3	Подвеска	64.82	34.11	0.47	$O_{8.5}Ir_{2.4}Ru_{0.1}$

Примечания:

- 1 – небольшие содержания Ru, Pt, Fe в таблице не показаны, они отображены в формулах минералов;
- 2 – анализы выполнены в Южно-Уральском центре коллективного пользования на электронном микроскопе РЭММА 202 М (аналитик В.А. Котляров);
- 3 – рабочие коллекции: 1-22 – Л.Л. Яблонского (Оренбург, ОРФМ, врем. Хр. 419, находится на реставрации в ГосНИИР); 23-24 – С.В. Сиротина; 25-31 – А.Д. Таирова; 32 – В.В. Ткачева.

Рис. 1. Схема размещения археологических памятников и месторождений золота в бассейне р. Урал:

- 1 - могильники с исследованными золотыми изделиями, в которых установлены включения осмия; 2 - то же, в которых не установлены;
- 3 - зона Главного Уральского разлома; 4 - россыпные зоны, по которым опубликованы данные о составе золота и в которых известно присутствие осмия (Ми - Миасская, Кч - Кочкарская, Мн - Миндякская, В-Ир - Ирендыкская);
- 5 - то же, в которых не установлено присутствие осмия (Н - Непряхинская, Гм - Гумбейская, АВ - Авзянская, Ам - Амамбайская)

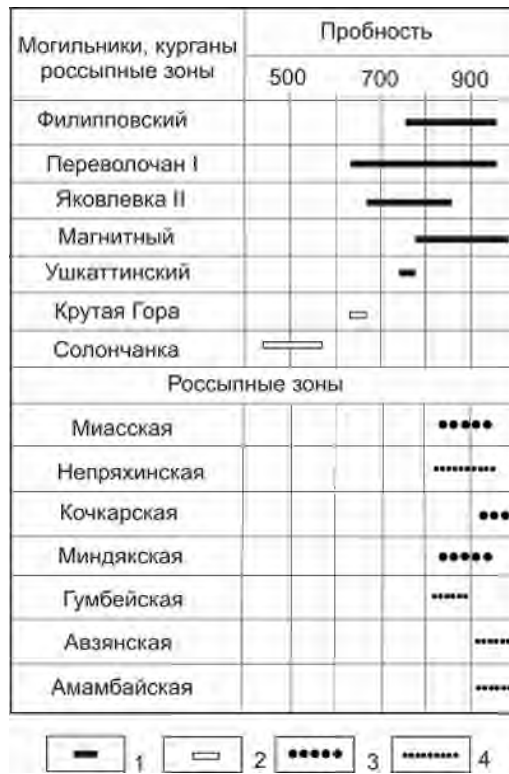

Рис. 2. Соотношение пробности золота в золотых изделиях и золоте россыпей:
 1 – золотые изделия, в которых установлены включения осмия;
 2 – то же, в которых не установлены включения осмия;
 3 – россыпные зоны, в которых установлены включения осмия;
 4 – то же, в которых включения осмия не установлены

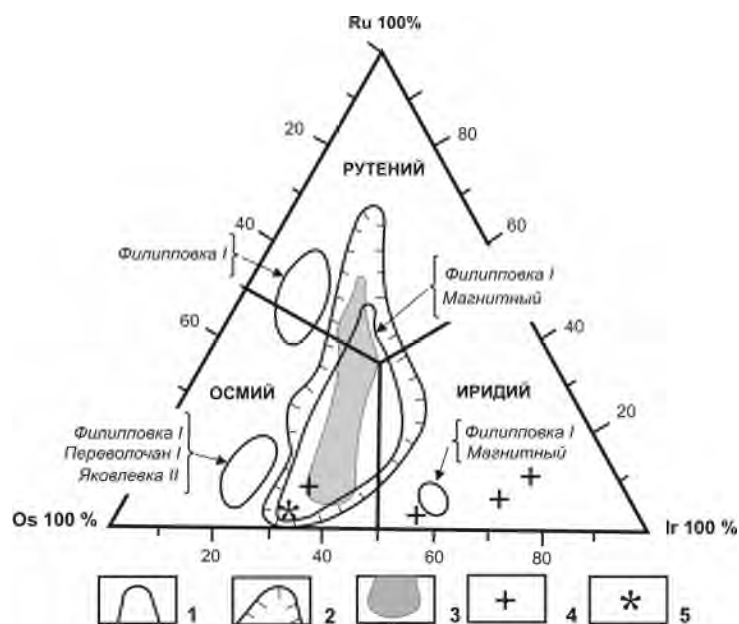

Рис. 3. Тройная диаграмма состава минералов осмия из археологических памятников и месторождений Урала:
 1 – поля составов осмия из включений в золотых изделиях;
 2 – поле составов осмия из месторождений Урала;
 3 – поле составов осмия из россыпей Миасского россыпного района;
 4 – позиция осмия из могильника Филипповка II;
 5 – позиция состава осмия из могильника Ушкаттинского

Ильина О.А.

КОСТИ ЖИВОТНЫХ В ЗОЛТООРДЫНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА

Речь пойдет только о костях жертвенных животных, которые представляют собой остатки напутственной пищи и которые размещались непосредственно в могилах или на перекрытиях могильных ям. Кости животных, обнаруженные в насыпях кочевнических курганов или внутри погребальных кирпичных оград, а также комплексы с целыми костяками или чучелами коней, скелетами собак и т. п. не рассматривались.

Всего на территории Волго-Донского региона удалось выявить 187 захоронений с костями животных, представляющих собой остатки напутственной пищи. Они были обнаружены в 86 мужских, 75 женских, 5 детских, 4 подростковых погребениях, а в 17 захоронениях пол и возраст погребенных установить не удалось. Среди них преобладают одиночные подкурганные захоронения в прямоугольных или заплечиковых ямах под небольшими земляными насыпями диаметром 7–12 м. Лишь в 3 курганах отмечено наличие камней (Пугачев, 1/1; Перегрузное, 32/1; Высокая Гора, 2/1). 16 погребений с костями животных исследовано в сырцовых кирпичных оградах прямоугольной (Маляевка, 17/6, 7, 9, 10, 12; Царев, 39/2) или округлой формы (Ахтубинский, 13/1, 20/2; Бахтияровка, 48/1; Красная Деревня, 11/1; Зубовка, 12/1; Маляевка VI, 2/1, 4/1; Царев, 53/1, 2, 3). Подбойных могил 30 (16%), ям со ступенями 9 (5%). В группе погребений с инвентарем и ориентировками северного направления комплексы с костями животных составляют 44%, в погребениях с инвентарем и западной ориентировкой таких захоронений только 25%, в группе погребений с инвентарем и ориентировками восточного направления захоронения с костями животных также составляют 25%.

В целом кости животных почти одинаково часто встречаются как в мужских, так и в женских захоронениях, причем, никаких особых различий ни в видовом составе животных, ни в составе частей мясных туш между мужскими и женскими погребениями не наблюдается. В большинстве кочевнических могильников находки костей животных – обычное явление, хотя на некоторых средневековых кладбищах их почему-то довольно мало или почти совсем нет (Быково III – 14%; Салюк I – 11%).

Как правило, части туш жертвенных животных помещались на дно могилы, но за пределами гроба, колоды, или склепа, известно всего 4 погребения, в которых кости мелкого рогатого скота (далее МРС) были положены в гроб рядом с умершим (Бахтияровка, 47/1; Нижняя Добринка, 1/2; Солодовка II, 1/1; Царев, 64/1). Чаще всего кости животных в погребениях располагались в головах погребенного (40%), вдоль правой руки (22%), вдоль левой (6%). Известны единичные случаи, когда кости животных находились на крышке гроба (Бахтияровка, 58/1; Три Брата II, 8/1; Песковка II, 1/1) или даже размещались в специальных нишах вырубленных в стенках могильной ямы (Олень-Колодезь, 9/1).

В большинстве случаев (91%) в могилах находят отдельные кости ног или части хребтов МРС, хотя известны редкие случаи находок в погребениях черепов или нижних челюстей МРС (Ахтубинский, 13/1; Остроухов, 1/1, 3/1; Харинка, 12/1). Гораздо реже (8%) в качестве напутственной пищи в могилы помещали части туш лошадей – ребра, части хребтов, путовые кости, копыта (Абганерово II, 2/1; Бахтияровка, 67/1, 69/1; Блюменфельд А, 4/1; Курнаевка, 1/1; Маляевка, 17/7, 9; Могута, 6/1; Солодовка II, 8/1; Царев, 39/1, 53/1, 3), которые нередко сочетались с костями мелкого рогатого скота. В одном погребении (Царев, 48/1) найдена трубчатая кость ноги крупной птицы (дрофы?), а в другом (Маляевка, 17/5) – позвонок крупной рыбы. Таким образом, в качестве напутственной пищи кочевники почти всегда использовали мясо МРС, хотя в состав стада кроме овец и коз всегда входили верблюды, лошади, а также крупный рогатый скот [Путешествия..., 1957. С. 28, 95–96; Золотая Орда..., 2003. С. 127].

Для выяснения частоты встречаемости различных костей МРС с различными ориентировками погребенных была рассмотрена группа захоронений, в которых обнаружены части хребтов, а также захоронения, в которых найдены кости передней ноги с лопаткой (Абганерово II, 2/1, 10/1, 14/1; Аксай III, 2/1; Бахтияровка, 25/1, 46/2, 49/1, 50/1, 52/1, 58/1, 59/1, 60/1, 63/1, 67/1, 73/1; Вербовый Лог VIII, 1/1; Веселый II, 1/1; Веселый IV, 6/1; Власовский, 15/3; Высокая Гора, 2/1; Джангар, 33/1; Заяры, 2/1; Кривая Лука III, 3/1; Линнево, 2/1; Маляевка, 1; Нагавский I, 1/1, 2/1; Нагавский IV, 1/1; Нижняя Добринка, 1/2; Никольское I, 4/1; Олень-Колодезь, 9/1; Покровск, 6/1; Салюк, 15; Свинуха, 6/1, 12/1, 17/1; Семенкин, 16/1, 18/1, 25/1, 27/1, 28/1, 29/1, 30/1, 31/1; Сенной, 4/1; Солодовка, 8/2; Три Брата I, 2/1; Харинка, 12/1, 13/1; Царев, 16/1, 42/1, 43/1).

Удалось установить, что совместные находки костей передней ноги с лопаткой и частей хребтов очень редки. Кроме того, в результате проделанной работы выявились почти идеальные сочетания различных ориентировок с различными частями туш МРС. Из 24 проанализированных погребений с ориентировками северного направления в 20 зафиксированы кости передней ноги с лопаткой и только в 4 были найдены и лопатки, и части хребтов (Веселый IV, 6/1; Кривая Лука V, 1/1; Маляевка, 1; Солодовка II, 8/2). Из 28 погребений с ориентировками западного направления в 27 найдены части хребтов и только в 1 – и часть хребта, и лопатка МРС (Свинуха, 6/1).

Убедительным показателем достоверности полученных результатов являются материалы некоторых крупных кочевнических могильников. Так в могильнике Бахтияровка абсолютно преобладают ориентировки западного направления. Здесь исследовано 11 погребений с частями хребтов мелкого рогатого скота, но не выявлено ни одного захоронения с костями передней ноги барана и лопаткой. В могильнике Семенкин ситуация прямо противоположная. На этом кочевническом кладбище доминируют ориентировки северного сектора, здесь исследовано 10 погребений, в которых найдены кости передних ног баранов с лопатками, но не встречено ни одного захоронения, в котором в качестве напутственной пищи были использованы части хребтов мелкого рогатого скота.

Таким образом, удалось установить, что традиция помещения в могилу различных частей туш жертвенных животных, в частности костей передней ноги с лопаткой и части хребтов МРС, безусловно, связаны с различными этническими группами кочевого населения Волго-Донского региона.

Литература:

Золотая Орда в источниках. Т. I. М., 2003.

Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. М., 1957.

Куфтерин В.В., Нечвалода А.И.

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИЗ СМЕЛОВСКОГО ГРУНТОВОГО НЕКРОПОЛЯ
(Саратовское Поволжье)

Настоящее сообщение посвящено публикации и анализу краниологического материала эпохи поздней бронзы (срубная культура) с территории степного Заволжья, происходящего из раскопок Смеловского грунтового некрополя. Памятник занимал обширную площадку на краю первой заволжской надпойменной террасы у с. Смеловка (Энгельский район Саратовской области). В результате археологических работ, проведенных под руководством В.А. Лопатина, была получена палеоантропологическая коллекция, включающая материал из 131 погребения [Лопатин, 2010]. Однако в связи с фрагментарностью большинства скелетных останков, значительным количеством неполовозрелых индивидов (процент детской смертности в смеловской палеопопуляции составил величину 45,3 [Нечвалода, 2005] и рядом других факторов, доступными для краниологического исследования оказались лишь шесть черепов (табл. 1).

Публикуемый материал представляет определенный интерес как в плане приращения данных к антропологии носителей срубной культуры и населения Волго-Уральского региона эпохи бронзы в целом, так и для рассмотрения некоторых методических вопросов краниологического анализа небольших выборок в частности.

Череп измерялся по традиционной для отечественных специалистов краниометрической программе [Алексеев, Дебец, 1964], в рамках стандартного краниологического бланка. В связи с малочисленностью материала, для первоначального описания серии было решено воспользоваться индивидуальными характеристиками (табл. 2).

Погребение 9. Череп хорошей сохранности, принадлежал мужчине зрелого возраста. Мозговая коробка характеризуется большим продольным, очень малым поперечным и большим высотным диаметрами. Она гипердолохокранна по черепному, скорее ортокранна (74,2) по высотно-продольному и акрокранна (108,7) по высотно-поперечному указателям. Лоб широкий, угол его профиля от назиона малый или средний, лобно-поперечный указатель относится к категории очень больших величин (79,5 – гипермегазем).

Лицевой отдел, в целом, довольно широкий и средневысокий (по указателю – мезен), в горизонтальной плоскости резко профилирован на верхнем уровне. Общий лицевой угол большой (верхняя граница мезогнатных вариантов), угол альвеолярной части очень большой (ортогнатный – 87°). Нос малой или средней высоты при малой ширине, по указателю лепторринный. Угол выступания носа большой, величина симотического указателя – за верхней границей размаха вариаций. Орбиты очень широкие, относительно и абсолютно низкие.

Погребение 11. Череп хорошей сохранности, принадлежал женщине зрелого возраста. Мозговая коробка характеризуется очень большим продольным, малым или средним поперечным и очень большим высотным диаметрами. Она долихокранна по черепному, гипсикранна (76,2) по высотно-продольному и акрокранна (106,0) по высотно-поперечному указателям. Затылок средней ширины (105 мм). Лоб также среднеширокий, угол его профиля от назиона средний, лобно-поперечный указатель относится к категории больших величин (71,4 – мезазем).

Скуловой диаметр, при большой верхней (106 мм) и средней (95 мм) ширине лица, малый. Высота верхнего отдела лица большая абсолютно и относительно (лептен). В горизонтальной плоскости лицевой скелет резко профилирован на обоих уровнях. Череп скорее мезогнатный по общему лицевому углу при прогнатной (75°) альвеолярной части. Клыковая ямка неглубокая (2,8). Нос невысокий, скорее среднеширокий абсолютно и широкий относительно (хамеррин). Угол выступания носа большой, симотический указатель средний, дакриальный (41,7) – малый. Область переносья, таким образом, можно охарактеризовать как несколько уплощенную. Орбиты широкие и высокие, по указателю скорее гипсиконхные.

Погребение 12. Черепная коробка средней сохранности, принадлежала мужчине зрелого возраста. Продольный диаметр большой, поперечный – средний. Поперечно-продольный указатель относится к категории мезокранных вариантов. Затылок широкий (114 мм), наружный затылочный выступ развит хорошо (балл 4). То же касается степени развития сосцевидного отростка (балл 2,5). Лоб среднеширокий, по указателю относится к градации мезозем (69,0). Надпереносье выражено очень хорошо (балл 5), надбровные дуги – средние (балл 2).

Лицевой отдел фрагментирован. Можно отметить лишь довольно большую верхнюю ширину лица (107? мм), небольшую ширину носа, среднюю симотическую высоту и ширину, при средней же величине соответствующего указателя. Нижний край грушевидного отверстия притуплен (*infantilis*), выступание передней носовой ости оценивается в 2 балла.

Из индивидуальных особенностей фиксируется наличие надглазничных отверстий, шовных косточек в лямбдовидном шве и межтеменной кости в сагиттальном шве (*os interparietale*).

Погребение 47. Черепная коробка средней сохранности (фрагментировано основание и правая височная кость), принадлежала мужчине возмужалого возраста. Величина продольного диаметра находится на нижней границе среднего класса этого признака. Поперечный диаметр, при этом, очень малый, по указателю череп долихокранный. Затылок неширокий (106 мм),

наружный затылочный выступ развит слабо (балл 1,5). Сосцевидный отросток среднеразвитый (балл 2). Лоб средней ширины, по указателю относится к градации мегазем (72,5). Надпереносье и надбровные дуги выражены незначительно (балл 1).

Лицевой отдел представлен фрагментами правой верхнечелюстной и скуловой костей, а также фрагментированной нижней челюстью. Область переносья уплощена. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Нижняя челюсть короткая (длина от мышцелков – 99 мм), с невысокой (57 мм) и скорее среднеширокой (35 мм) ветвью, средневысоким (31 мм) и небольшой толщины (8 мм) телом.

Из патологических изменений можно отметить полное выпадение верхнечелюстных зубов с облитерацией альвеол и атрофией альвеолярного края. На нижней челюсти полностью утрачены резцы. Стертость имеющихся зубов (n – 5) значительная (балл 5 – 6 по шкале М.М. Герасимова). Дентальный возраст, таким образом, существенно опережает шовный. На всех зубах фиксируются сильные отложения легко откалывающегося зубного камня, альвеолярные лунки, по-видимому, вследствие пародонтических изменений, разрушены.

Погребение 49. Черепная коробка средней сохранности (фрагментирована левая половина свода, отсутствует основание), принадлежала, вероятно, мужчине зрелого возраста. Продольный диаметр средний, поперечный – очень малый. Поперечно-продольный указатель относится к категории долихокраничных вариантов. Затылок малой ширины (105 мм), наружный затылочный выступ развит хорошо (балл 4). Надпереносье (балл 2), надбровные дуги (балл 1) и сосцевидный отросток (балл 1) выражены незначительно.

Лицевой скелет, за исключением правой скуловой и фрагментов носовых костей, практически полностью отсутствует. Симотический указатель средний.

Среди индивидуальных особенностей отмечается наличие надглазничных отверстий и остеомы (14 x 7 мм) на правой теменной кости.

Погребение 79. Череп довольно хорошей сохранности (фрагментирована нижняя челюсть), принадлежал женщине зрелого возраста. Мозговая коробка характеризуется довольно большим продольным, малым поперечным и малым высотным (от порионов) диаметрами. Она долихокранична по черепному и ортокранична (60,3) по высотно-продольному (от ро) указателям. Величина высотно-поперечного (от ро) указателя находится на нижней границе больших величин (82,2). Затылок средней ширины (106 мм), наружный затылочный выступ выражен довольно слабо (балл 1,5). Сосцевидный отросток также развит слабо (балл 1). Лоб средней или большой ширины, по указателю мегазем (74,8), угол его профиля от назиона очень малый. Надпереносье развито слабо или средне (балл 2,5), надбровные дуги – слабо (балл 1).

Скуловой диаметр малый, верхняя ширина лица (104 мм) большая, средняя (91 мм) – относится к среднему классу. Высота верхнего отдела лицевого скелета довольно значительная абсолютно и относительно (лептен). Горизонтальная профилировка на обоих уровнях резкая. Череп мезогнатный по общему лицевому углу и прогнатный (72°) по углу альвеолярной части. Клыковая ямка среднеглубокая (4,6). Нос невысокий, средней ширины, по

указателю хамерринный. Угол выступания носа большой, симотический указатель очень большой, дакриальный (67,7) – также очень большой. Нижний край грушевидного отверстия антропной формы. Орбиты скорее среднеширокие, малой или средней высоты, по указателю мезоконные.

Из индивидуальных особенностей фиксируется наличие надглазничных отверстий и двух вормиевых косточек в стреловидном шве. На сохранившихся зубах наблюдаются слабые отложения зубного камня.

Суммарная характеристика серии по средним арифметическим с поправкой на размах изменчивости (табл. 3) позволяет рассматривать мужские черепа как имеющие выраженный европеоидный облик. По черепному указателю они, в целом, долихокранны (при наличии гипердолихокранного и мезокранного вариантов), со средним продольным и очень малым поперечным диаметрами. Лоб средней или большой ширины, область переносья довольно рельефная.

Два женских черепа также характеризуются европеоидным обликом, долихокранией при большом продольном и малом поперечном диаметрах. Лоб средней или большой ширины, довольно наклонный. Лицевой отдел узкий и высокий, резко профилирован в горизонтальной плоскости. Нос невысокий, среднеширокий, по указателю хамерринный. Угол его выступания большой, область переносья, в целом, довольно рельефная. Орбиты средней или большой ширины, средневысокие, по указателю суммарно мезоконные.

Приведенные параметры свидетельствуют о долихокранности, высокоголовости, тенденции к общей лептоморфии, мезоконности, суммарной мезорринии, резко выступающем носе на фоне клиногнатии и мезогнатии лица черепов, представляющих смеловский краниокомплекс. Полученные характеристики дают возможность судить и о достаточной однородности рассматриваемой серии. Графическая реконструкция по черепу мужчины из погребения 9, демонстрирующая внешний облик «смеловцев», представлена на рис. 1 и 2.

На этапе проведения межгруппового анализа было решено прибегнуть к довольно распространенному в практике краниологических исследований методическому допущению – преобразованию женских черепов через средние коэффициенты полового диморфизма в мужские [Дебец, 1961; Алексеев, Дебец, 1964]. В качестве основного аргумента использования такого методического приема обычно приводится увеличение численности серии для более весомого статистического анализа [напр., Хохлов, 2002; Колпина, 2006 и др.]. Стоит также отметить, что эта процедура должна рассматриваться именно как допущение, поскольку способна привести к возникновению артефактов [Евтеев, 2008]. В нашем случае необходимость такого пересчета диктуется отсутствием или единичностью данных по некоторым таксономически важным признакам в реальной мужской группе.

Полученная обобщенная или «условно мужская» серия демонстрирует нормальную или пониженную изменчивость большинства признаков. Повышенная вариабельность отмечена лишь для поперечного и скулового диаметров, а также симотической высоты и указателя.

Обобщенная серия из Смеловки была сопоставлена с 28 синхронными и хронологически предшествующими сериями эпохи бронзы с территории

Нижнего и Среднего Поволжья, Башкирии, Украины, Юго-Восточной Сибири, Западного Казахстана, а также некоторыми среднеазиатскими группами. В расчеты, произведенные с использованием стандартного пакета Statistica 6.0, были включены 16 краниометрических признаков, отражающих линейные и угловые размеры: 1, 8, 17, 9, 45, 48, 51, 52, 54, 55, SS, SC, 77, Zm, 32, 75(1). Перечень привлеченного для сравнения материала представлен в табл. 4.

На первом этапе сопоставления использовался факторный анализ по методу главных компонент. Применялось вращение факторов по способу варимакс нормализованных, который предназначен для максимизации дисперсий квадратов исходных факторных нагрузок по переменным для каждого фактора [Халафян, 2008]. Величины факторных нагрузок и собственные числа факторов представлены в табл. 5. Около 55% межгрупповой изменчивости описывается тремя факторами. Первый дифференцирует группы по поперечному и скуловому диаметрам, высоте орбиты и назомаллярному углу; второй – по ширине орбиты и симотическим размерам; третий – по верхней высоте лица и углу наклона лба.

На втором этапе сопоставления, с целью наглядного представления взаимного соотношения сравниваемых групп, был использован канонический дискриминантный анализ. Полученные в общем итоге результаты графически отображены на рис. 3. В графическом пространстве канонических переменных смеловская серия оказалась наиболее близка к серии из Бариновки.

Представленные данные можно интерпретировать двояким образом. С одной стороны они выступают как свидетельство взаимного морфологического предпочтения двух групп срубного населения с территории Саратовского (Смеловка) и Самарского (Бариновка I) Поволжья, с другой – как возможный статистический артефакт, обусловленный особенностями представления исходных данных. Первая интерпретация как будто подтверждается наличием ощутимых параллелей в краниокомплексе населения, оставившего два обсуждаемых памятника (долихокrania, высокоголовость, тенденция к общей лептоморфии и клиногнатия лицевого скелета). Однако немногочисленность обеих серий и их в значительной степени «искусственный» характер (преобразование через коэффициенты полового диморфизма женских черепов в мужские) оставляют этот вопрос открытым.

В заключение нельзя не отметить обособленное графическое положение (рис. 3) немногочисленной серии предсрубного времени из Лопатинского могильника, своеобразии которой отмечалось ее исследователями [Яблонский, Хохлов, 1994]; южнобашкирских срубников из Качкиново и Санзяпово, выделяющихся гипердолихокraniaстью, узким и высоким лицом и представляющих один из вариантов древней средиземноморской расы [Юсупов, 1989]; ямников и катакомбников с территории юга Волгоградской и севера Астраханской областей, на отличие которых от нижеволжских срубников указывал в свое время А.В. Шевченко [1974]. Проведенное исследование в очередной раз подтверждает тривиальный вывод о значительной сложности и, как следствие, неоднозначности трактовок расогенетических процессов эпохи бронзы Волго-Уральского региона.

Литература:

- Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. М., 1984.
 Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
 Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
 Дебец Г.Ф. О путях заселения северной полосы Русской равнины и восточной Прибалтики // СЭ. 1961. № 6.
 Евтеев А.А. Проблема полового диморфизма в краниологии. Автореф. ...дис. канд. биол. наук. М., 2008.
 Колина А.В. Погребения из некрополя городища Бузок (краниология) // ВкА. 2006. Вып. 13.
 Круц С.И. Палеоантропологические исследования Степного Приднепровья (эпоха бронзы). Киев, 1984.
 Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.). Саратов, 2010.
 Нечвалода А.И. Палеодемография населения срубной культуры Среднего Поволжья эпохи поздней бронзы (по материалам Смеловского грунтового некрополя) // VI КЭАР: тез. докл. СПб., 2005.
 Халафян А.А. Statistica 6. Статистический анализ данных. М., 2008.
 Ходжайов Т.К. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепа. Ташкент, 1977.
 Хохлов А.А. Палеоантропология могильника срубной культуры Баринновка I // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2002. Вып. 2.
 Шевченко А.В. Новые материалы по палеоантропологии Нижнего Поволжья (эпоха бронзы) // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л., 1974.
 Шевченко А.В., Юсупов Р.М. Краниологические материалы из Старо-Ябалаклинского могильника // Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991.
 Юсупов Р.М. Антропология населения срубной культуры Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989.
 Яблонский Л.Т., Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.

Таблица 1. Поло-возрастные определения краниологических материалов Смеловского грунтового некрополя

№ погребения	Пол	Возраст
9	♂	maturus
11	♀	maturus
12	♂	maturus
47	♂	adultus
49	♂	maturus
79	♀	maturus

Таблица 2. Некоторые индивидуальные данные черепов из Смеловского грунтового некрополя

Признак	№ погребения	Мужские			Женские		
		9	12	47	49	11	79
1. Продольный диаметр		186	186	178	181	185	176
8. Поперечный диаметр		127	142	131	130	133	129
17. Высотный диаметр		138	-	-	-	141	-
20. Ушная высота		116	-	-	-	117	106
9. Наименьшая ширина лба		101	98	95	-	95	96,5
11. Ширина основания черепа		124	-	112?	119?	117	111
45. Скуловой диаметр		137	-	-	-	120	117?
48. Верхняя высота лица		71	-	-	-	71	69
51. Ширина орбиты от mf		46,5	-	-	-	42	41
52. Высота орбиты		33	-	-	-	36	33
54. Ширина носа		23	24?	-	-	25	24
55. Высота носа		51	-	-	-	47	46
SS. Симотическая высота		5,0	3,6?	2,5	3,1	3,5	4,7
SC. Симотическая ширина		5,6	8,2?	9,2	6,9	8,9	9,1
77. Назомалярный угол		136,6	-	-	-	133,7	132,7
Zm. Зигомаксиллярный угол		-	-	-	-	126,1	124,0
32. Угол наклона лба		79	-	-	-	85	77
72. Общий лицевой угол		84	-	-	-	80	82?
75(1). Угол выступания носа		31	-	-	-	29	29?
8:1. Черепной указатель		68,3	76,3	73,6	71,8	71,9	73,3
48:45. Верхнелицевой указатель		51,8	-	-	-	59,2	58,9?
52:51. Орбитный указатель		71,0	-	-	-	85,7	80,5
54:55. Носовой указатель		45,1	-	-	-	53,2	52,2
SS:SC. Симотический указатель		89,3!	43,9	27,2	44,9	39,3	51,6

Таблица 3. Средние значения и квадратические отклонения краниометрических признаков серии из Смеловского грунтового некрополя

Признак	Мужчины			Женщины		Обобщенные данные		
	N	X	S	N	X	N	X	S
1. Продольный диаметр	4	182,8	3,94	2	180,5	6	184,9	5,47
8. Поперечный диаметр	4	132,5	6,55*	2	131	6	133,6	5,52
17. Высотный диаметр	1	138	-	1	141	2	142,8	-
20. Ушная высота	1	116	-	2	111,5	3	116,4	5,76
9. Наименьшая ширина лба	3	98	3,00	2	95,8	5	98,3	2,23
11. Ширина основания черепа	3	118,3	6,02	2	114	5	118,8	4,84
45. Скуловой диаметр	1	137	-	2	118,5	3	130,3	5,99
48. Верхняя высота лица	1	71	-	2	70	3	73,9	2,71
51. Ширина орбиты от mf	1	46,5	-	2	41,5	3	44,3	2,01
52. Высота орбиты	1	33	-	2	34,5	3	34,1	1,79
54. Ширина носа	2	23,5	-	2	24,5	4	24,5	1,27
55. Высота носа	1	51	-	2	46,5	3	49,9	1,05
SS. Симотическая высота	4	3,6	1,06	2	4,1	6	4,0	1,19
SC. Симотическая ширина	4	7,5	1,56	2	9,0	6	7,9	1,44
77. Назомалярный угол	1	136,6	-	2	133,2	3	134,3	2,02
Zm. Зигомаксиллярный угол		-	-	2	125,1	2	125,1	-
32. Угол наклона лба	1	79	-	2	81	3	78,6	4,01

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

72. Общий лицевой угол	1	84	-	2	81	3	82	2,00
75(1). Угол выступания носа	1	31	-	2	29	3	32,3	1,15
8:1. Черепной указатель	4	72,5	3,35	2	72,6	6	72,3	2,67
48:45. Верхнелицевой указатель	1	51,8	-	2	59,1	3	56,8	4,33
52:51. Орбитный указатель	1	71,0	-	2	83,1	3	77,2	5,92
54:55. Носовой указатель	1	45,1	-	2	52,7	3	49,4	3,74
SS:SC. Симотический указатель	4	51,3	26,58	2	45,5	6	52,5	21,24

* - Случаи превышения стандартных квадратических отклонений для абсолютных значений признаков выделены полужирным шрифтом.

Таблица 4. Перечень сравнительных данных

№ п/п	Серия	Источник
1	Смеловка	Данные авторов
2	Бариновка I	Хохлов, 2002
3	Потаповка I	Яблонский, Хохлов, 1994
4	Лопатино II	»
5	Старые Ябалаклы	Шевченко, Юсупов, 1991
6	Петряево	Юсупов, 1989
7	Качкиново	»
8	Санзяпово	»
9	Ново-Баскаково	»
10	Древнеямная культура (юг Волгоградской и север Астраханской областей)	Шевченко, 1974
11	Катакомбная культура (юг Волгоградской и север Астраханской областей)	»
12	Ямная культура Степного Приднепровья	Круц, 1984
13	Катакомбная культура Степного Приднепровья	»
14	Культура многоваликовой керамики Степного Приднепровья	»
15	Срубная культура Степного Приднепровья	»
16	Кара-депе	Гинзбург, Трофимова, 1972
17	Геоксюр	»
18	Сапаллитепа	Ходжайов, 1977
19	Кокча 3	Гинзбург, Трофимова, 1972
20	Андроновская культура Западного Казахстана	Алексеев, Гохман, 1984
21	Афанасьевская культура Алтая	»
22	Андроновская культура Минусинской котловины	»
23	Древнеямная культура Украины	»
24	Катакомбная культура Украины	»
25	Срубная культура Украины	»
26	Древнеямная культура Нижнего Поволжья	»
27	Катакомбная культура Нижнего Поволжья	»
28	Срубная культура Нижнего Поволжья	»
29	Срубники Башкирии (суммарно)	Юсупов, 1989

Таблица 5. Величины факторных нагрузок (метод главных компонент)

Признак	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
1. Продольный диаметр	-0,099	-0,009	-0,623
8. Поперечный диаметр	0,896*	-0,012	0,103
17. Высотный диаметр	-0,573	-0,299	0,102
9. Наименьшая ширина лба	0,670	0,029	0,264
45. Скуловой диаметр	0,908	0,242	0,067
48. Верхняя высота лица	-0,079	0,111	-0,757
51. Ширина орбиты от mf	-0,025	0,795	0,274
52. Высота орбиты	-0,709	0,402	-0,229
54. Ширина носа	0,132	0,026	0,221
55. Высота носа	0,134	0,530	-0,399
SS. Симотическая высота	-0,043	-0,718	0,045
SC. Симотическая ширина	-0,111	-0,839	0,146
77. Назомалярный угол	0,881	0,042	-0,086
Zm. Зигомаксиллярный угол	0,286	0,231	-0,098
32. Угол наклона лба	-0,181	-0,012	0,710
75(1). Угол выступания носа	0,068	0,623	0,041
Собственное число	3,874	2,904	1,941
Процент описываемой вариации	24,21	18,15	12,13

* – Наибольшие нагрузки выделены полужирным шрифтом.

Рис. 1. Этап графической реконструкции по черепу мужчины из погребения 9
(совмещение с профильным изображением черепа)

Рис. 2. Графическая реконструкция лица по черепу мужчины из погребения 9

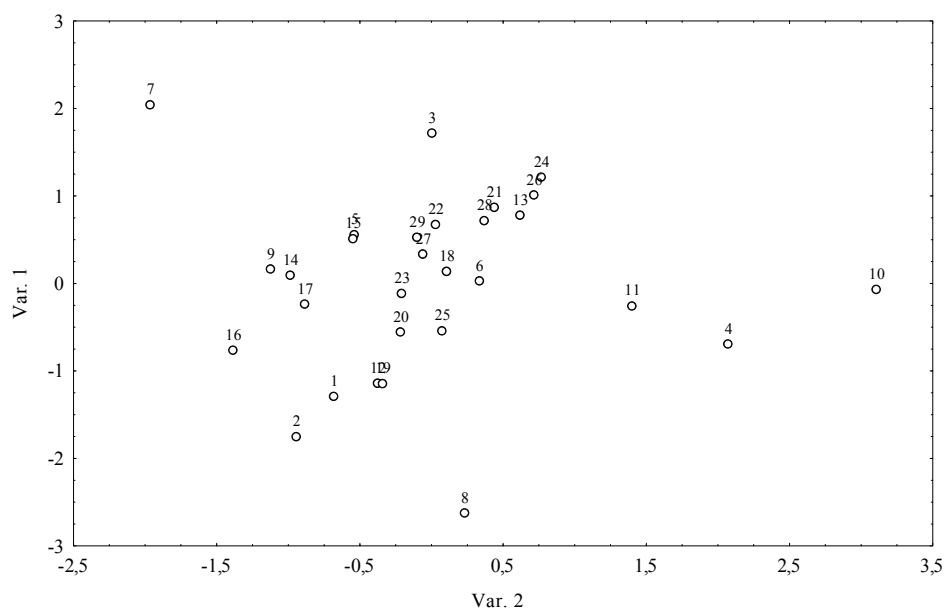

Рис. 3. Диаграмма рассеяния значений канонических переменных.
 Цифровые обозначения групп соответствуют порядковым номерам в табл. 4

Перерва Е.В.

ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ НА КОСТНЫХ ОСТАНКАХ ДЕТЕЙ
ИЗ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ*

Данное исследование посвящено изучению патологических состояний, выявленных на костных останках детей, извлеченных из погребений грунтового могильника Царевского городища золотоордынского времени.

Костные материалы были получены в 2006 году в результате проведения археологических исследований отряда «Гюлистан» Волжского гуманитарного института Волгоградского государственного университета на Царевском городище, начатых в 2005 году под руководством А.А. Глухова. Царевское городище располагается близ с. Царев Ленинского района Волгоградской области. Царевское городище, которое традиционно считается остатками золотоордынского города Сарай-ал-Джедид, является вторым по величине памятником золотоордынского времени в Нижнем Поволжье и крупнейшим памятником в Волгоградской области.

Материал и методика исследования. Всего изучено 26 индивидов, возраст которых не превышал 6 лет. Костный материал находился в различной степени сохранности: в 22 комплексах была возможность исследовать фрагменты черепной коробки; в 20 – наряду с костями черепа были исследованы останки посткраниального скелета.

В процессе анализа костных материалов использовался бланк фиксации патологических состояний на костях детей «*Scorbutic skeletons*», разработанный А.П. Бужиловой в 1997 г**. На костях черепа и посткраниального скелета фиксировался пороз и пористость костной ткани. Учитывались частоты встречаемости поротического гиперостоза глазниц (*cribra orbitalia*) и костей свода черепа, отмечались признаки воспалительных процессов на костях посткраниального скелета в виде воспаления надкостницы. Анализировались

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-97030 р_поволжье_а.

** Хотелось бы поблагодарить за возможность использовать в данном исследовании бланк, разработанный директором НИИ и Музея антропологии МГУ, члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук А.П. Бужилову.

патологические процессы, выявленные на внутренней поверхности костей свода черепа.

Оценивались также возрастные особенности исследуемой группы. Возраст детей определялся по состоянию зубной системы, в данном случае использовалась таблица степени развития и прорастания зубов, разработанная Убелакером [Ubelaker, 1978. F. 62], а также по размерам диафизов длинных костей скелета и ключицы по схеме Убелакера [Ubelaker, 1978. Table 5].

Возрастные особенности группы. Наибольшее количество детей в исследуемой серии представлено когортой раннего детства (1–3 года) – 15 индивидов, что составляет 57% от суммарной выборки (табл. 1). На втором месте дети, умершие в грудном возрасте (от 10 дней до 1 года) – 34,6%. Детей в возрасте от 4 до 7 лет – 2 индивида, что составило 7,8%. Дети в возрасте «второе детство» (8–12 лет) и подростковый возраст (12–16 лет) в исследуемой серии не представлены (табл. 1).

Патологические отклонения, зафиксированные на костях свода черепа и лицевого отдела черепа. Первоначально рассмотрим отклонения, маркирующие развитие железодефицитной анемии. Так, у детского населения Царевского городища, чаще всего встречается поротический гиперостоз глазниц (далее *cribra orbitalia*). Показатели этой патологии достигают 68,2% (табл. 2). При анализе распространения данного патологического состояния в различных возрастных группах оказалось, что чаще всего *cribra orbitalia* фиксируется у детей в возрасте от 1 года до 3,5 лет. Несколько реже поротический гиперостоз глазниц наблюдается в серии детей грудного возраста.

Реже у детей встречается поротический гиперостоз костей свода черепа 13 наблюдений, что составляет 59,1% от общей численности исследованных черепов (рис. 1) (табл. 2). Возрастные зависимости в распространении данного патологического отклонения имеет сходную динамику, что и в случае с *cribra orbitalia*. Вышеуказанные дефекты на черепе и в глазницах, очень часто сопутствуют друг другу, а появление их, вероятно, имеет сходные причины. Данные патологические состояния обычно ассоциируются с генетической или хронической анемией перенесенной в детстве [Faccini, Rastelli, Brasili, 2004. P. 126]. В настоящий момент некоторые исследователи связывают развитие гиперостоза глазниц и костей свода черепа с таким заболеванием, как железодефицитная анемия [Fairgrieve, Molto, 2000. P. 319; Бужилова, 1995, 1998; Ortner, Putschar, 1981. P. 257–258]. В то же самое время отмечается, что этиология возникновения *cribra orbitalia* и поротического гиперостоза костей свода черепа множественна. Так, некоторые исследователи предполагают, что причиной возникновения *cribra orbitalia* могут быть наследственные гемолитические болезни – талассемия или серповидно-клеточная анемия, физиологический статус, половые и возрастные особенности также являются важным фактором в возникновении железодефицитных нарушений [Moseley, 1963, цит. по Goodman, et al., 1984, p. 29; Hershkovitz, et al., 1997. P. 223–224]. Однако, практически все исследователи сходятся во мнении, что маркеры железодефицитной анемии чаще проявляются в детских сериях [Faccini, Rastelli, Brasili, 2004. P. 129; Fairgrieve, Molto, 2000. P. 323; Piontek, Kozlowski, 2002. P. 206; Pietruszewsky, Douglas, 2002. P. 168; Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998. P. 347].

Пороз костей лицевого отдела черепа и нижней челюсти также достаточно часто фиксировались на останках детей из могильника Царевского городища. Оказалось, что с различной частотой пороз выявляется во всех местах характерных при развитии такого заболевания, как цинга. Самые высокие показатели разреженности костной ткани наблюдаются: на верхней челюсти в области задней подглазничной части – 59,1%; в области подорбитальных отверстий на верхнечелюстных костях – 50,0%; на клиновидных костях 54,5%; в альвеолах зубов верхней челюсти 50,0%; на короноидных отростках нижней челюсти с внутренней стороны – 63,6%; на альвеолярных отростках нижней челюсти – 54,5%; в альвеолах нижней челюсти – 63,6% (табл. 2).

Как и в случае с поротическим гиперостозом, пороз костей лицевого отдела черепа чаще встречается у детей в возрасте от 1 года до 3,5 лет. Следует отметить, что признаки кровоизлияний на костях черепа всегда встречается у детского населения Царевского городища в комплексе с поротическим гиперостозом или с порозом костей посткраниального скелета. Разреженность костной ткани выявляется не только в выше указанных местах. Также он наблюдается на внутренней латеральной области глазниц, на скуловых костях, на альвеолярных отростках верхней челюсти, на твердом небе, а также вокруг слухового прохода на височной кости.

Пороз костей черепа, в виде хорошо просматриваемых отверстий менее 1 мм в диаметре, локализующихся в тонкой костной поверхности, ассоциируют с таким состоянием как цинга [Ortner, Ericksen, 1997. P. 212]. Первоначальный и главный симптом цинги – это кровотечение [Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998. P. 310-311]. Д. Ортнер с соавторами установил, что наиболее важным таксономическим признаком цинги, который можно макроскопически определить на костях, это пористость больших крыльев сфеноида (клиновидная кость), свода глазниц, альвеолярных краев верхней и нижней челюсти [Ortner, Ericksen, 1997. P. 215; Ortner, et. al., 1999. P. 330; Melikan, Waldron, 2003. P. 208-209]. Этим патологиям могут сопутствовать пористость надорбитальной области глазниц, задней подглазничной части верхней челюсти, внутренней поверхности скуловых костей, внутренней поверхности альвеол, височной кости вокруг слухового отверстия, внутренней части коронарных отростков нижней челюсти, а также периостит на диафизах костей и пороз ребер, метафизарной и эпифизарной части длинных костей скелета [Maat, 2004. P. 79; Brickley, Ives, 2006. P. 163-172; Stuart-Macadam, 1989].

Кроме выше описанных патологических состояний на костях свода черепа со стороны эндокрана были зафиксированы признаки воспалительных процессов и субэпидуральных гематом (табл. 2). Так у 12 индивидов, трех в возрасте до одного года, у семи от 1 до 3,5 года, и у одного 5 лет выявлены следы разреженности костной ткани, локализующиеся в области пальцевидных вдавлений и сопровождающиеся развитием белого налета на внутренней поверхности черепа со стороны эндокрана (рис. 2). В целом ряде случаев пороз костной ткани на внутренней поверхности черепа переходит в воспаление надкостницы, что указывает на хронический характер заболевания и длительный период его развития.

У двух индивидов – ребенка 5,5 лет из погребения 1 и грудного ребенка 9–12 месяцев из погребения 12 зафиксированы следы гематом в виде воспаления *durra matter* (субэпидуральные гематомы).

Патологии на черепе детей со стороны эндокрана, являющиеся результатом воспаления или кровоизлияния мозговых оболочек черепа, описаны во многих сериях различных исторических периодов и различной географической локализации [Lewis, Roberts, 1997. P. 581–586; Lewis, 2004. P. 82–97; Шульц, Козак, 2008. С. 276–299; Brickley, Ives, 2006. P. 163–172]. Этиология этих состояний множественна, и в настоящий момент уточняется в научной литературе. Так указывается, что основными причинами менингеальных реакций могут быть травмы, первичная или вторичная инфекция мозговой оболочки, опухоли, туберкулез, сифилис, недостаток витаминов А, С и D также может быть фактором воспаления менингеальной оболочки мозга [Lewis, 2004. P. 9]. Менингеальные болезни и геморрагии в литературе делят на воспалительные процессы, которые приводят к менингитам (бактериальным, вирусным, грибковым, менингитам, вызванные простейшими), на неинфекционные причины воспалительных процессов т. н. «менингиозы» и геморрагические процессы, вызванные обычно травмой черепа или родовой травмой [Шульц, Козак, 2008. С. 278–280].

Маловероятно, что дефекты, выявленные на костях черепа со стороны эндокрана у детей изучаемой группы, являются следствием травматических повреждений, которые проявляются в виде геморрагических процессов. Ни одного случая травмы костей свода черепа в серии из Царевского городища не зафиксировано. Часть выявленных дефектов, таких как воспаление «*durra matter*» и пороз, скорее всего, имеют геморрагическое свойство. Кровоизлияния данного характера локализуются в области пальцевидных вдавлений. Причинами их, кроме травмы, может быть цинга, нехватка каких-либо других микроэлементов или инфекции. Скорее всего, у детей Царевского городища воспалительные процессы на костях черепа в виде периостита и белого налета могут быть вызваны бактериальными или вирусными менингитами, которые вполне характерны для средневекового городского населения. Тем более что кроме следов воспаления оболочек головного мозга признаки инфекций специфического и неспецифического характера выявлены и на костях посткраниального скелета в детской выборке.

Патологические отклонения, зафиксированные на костях посткраниального скелета. Для 16 индивидов из 20, у которых сохранились костные останки скелета кроме черепа, зафиксированы разнообразные патологические состояния. Чаще всего это разреженность костной ткани в виде пороза иногда переходящая в воспаление надкостницы. В основном дефекты отмечаются на диафизах и метафизарных областях длинных костей конечностей, на ребрах и грудных концах ребер, а также на лопатках в области надостной и подостной ямок, в нескольких случаях пораженными оказываются кости таза и позвонки.

У четырех индивидов из погребений 9, 13, 14 и 16 выявлены признаки воспаления надкостницы. В трех случаях следы периостита, наблюдались на костях верхних и нижних конечностей – плечевые, бедренные, большие и малые берцовые кости. У ребенка из погребения 14 воспаление надкостницы выявлено на ключицах, которые полностью покрыты периоститом. У него же

на внешней поверхности и на основании нижней челюсти обнаружен периостит бахромчатого типа (рис. 3).

У двух индивидов из погребения 3 возрастом около 2-х лет и погребения 4 возрастом 1–1,5 года выявлено искривление диафизов малых берцовых костей. У них же обнаружены следы пороза метафизарной зоны и диафизов на костях верхних и нижних конечностей, а также на лопатках. Данные патологические отклонения могут указывать на развитие такого заболевания как рахит.

Следует указать, что у всех детей имеющих патологические отклонения на костях посткраниального скелета, наблюдаются дефекты в виде поротического гиперостоза глазниц, на костях свода черепа с внутренней поверхности, а также пороз в области лицевого скелета. Вероятнее всего, зафиксированные состояния имеют системный и взаимосвязанный характер.

Если оценивать возрастные зависимости в распространении патологий на костях посткраниального скелета, то в отличие от дефектов, зафиксированных на костях черепа, патологии посткраниального скелета чаще встречаются в группе детей грудного возраста от 28,6% до 85,7%. Тем не менее, следует указать, что частота встречаемости следов воспалительных процессов и пороза на костях детей в возрасте от 1 до 3 лет также достаточно высока от 16,7% до 75%.

Вероятно, зафиксированные патологии костей посткраниального скелета могут быть вызваны неспецифическими инфекциями. Кроме этого причиной периостита берцовых костей и других костей скелета может быть травма, сифилис, рахит (костные останки детей из погребения 3 и 4), переизбыток витамина А, а также, наоборот, недостаток витамина С. Так, ряд палеопатологов в своих работах указывают, что симметричные поражения костей посткраниального скелета, а иногда и ребер является еще одним надежным маркером для фиксации эпидемий цинги у детей в древних популяциях. Тем не менее, все-таки нельзя исключать и возможную причину присутствия в группе специфических инфекций. Воспалительные процессы могут быть вызваны такими агентами, как «трепонема» (тропическая гранулема, фрамбезия, сифилис), туберкулез, лепра, подвергающиеся дифференциальной диагностике [Goodman, et al., 1984. P. 32–33]. Тем более этому есть косвенное подтверждение. Так при раскопках 2006 года в погребении 10 были обнаружены костные останки женщины 25–30 лет, длинные кости верхних и нижних конечностей которой были покрыты мощным периоститом гребенчатого типа, что, скорее всего, является признаком развития инфекционного заболевания, возможно, сифилиса.

Выводы. При исследовании костных останков 26 детей из грунтового могильника Царевского городища у всех индивидов выявлены разнообразного рода патологические отклонения. В подавляющем большинстве случаев (16 наблюдений) они имеют комплексный характер, фиксируясь на костях свода черепа, в глазницах, на тонких костях лицевого отдела черепа, на длинных трубчатых костях посткраниального скелета и на плоских костях туловища, а также пояса верхних и нижних конечностей. Не выявлено ни одного костяка без следов дефектов на костной ткани. Проявление патологических состояний в различных областях скелета у детей указывает на системный и хронический характер заболеваний, которые привели к смерти неполовозрелых индивидов.

Массовое скопление погребений людей достаточно близких по возрасту от полугода до 5,5 лет говорит о том, что их захоронение происходило практически в одно время. Вероятнее всего, перед нами картина тяжелого и трудного периода истории Царевского городища, возможно голодомора или распространение кокой-то хронической инфекции, которая свирепствовала несколько месяцев [сифилис, дизентерия].

В изученной выборке детей выявлены высокие частоты встречаемости поротического гиперостоза глазниц и свода черепа. Ряд исследователей, в своих работах указывает, что чаще всего эти патологические состояния наблюдаются в детских сериях. Так, Т.И. Алексеевой и др. [2003] выявлено практически 100% присутствие «*cribra orbitalia*» в детской группе из средневекового могильника Мистихали (территория современной Терцеговины). Р. Янкаускас [1993], описал повышение показателей *cribra orbitalia* в детских выборках из литовских средневековых городских серий. А.П. Бужилова [2005] отметила, что поротический гиперостоз глазниц чаще встречается у детей из средневекового золотоордынского могильника Новохарьковский. Вероятно, причинами появления поротического гиперостоза глазниц и свода черепа является целый комплекс факторов: инфекционные заболевания, неблагоприятные социальные условия (скупенность, антисанитария).

Выявление у детей исследуемой выборки пороза костей свода черепа и лицевого отдела, а также геморагий со стороны эндокрана, и пороза костей посткраниального скелета, свидетельствует о подверженности данной группы заболеваниям, связанным с нехваткой или плохим усвоением микроэлементов организмом. Это может быть рахит, цинга или инфекции. Возможно, самым массовым заболеванием была цинга. Несмотря на то, что большинство авторов указывают на широтную зависимость в распространении данного заболевания, тем не менее, любые климатические, географические, социальные изменения, связанные со сменой образа жизни или трудовой активности, могли приводить к развитию нехватки витамина С [Aufderheide&Rodriguez-Martin, 1998. P. 310]. На материалах русского севера в эпоху средневековья по данным А.П. Бужиловой до 30% детей умирало от нехватки витамина С [Бужилова, 2002. С. 250; Бужилова, 2005. С. 221–223]. Признаки цинги были зафиксированы и южнее, правда, на более ранних памятниках. Полный набор маркеров дефицита витамина С выявляется у населения кочевых сарматских культур IV в. до н. э. – II в. н. э. [Перерва, 2005]. Признаки цинги зафиксированы у немолодого городского золотоордынского населения Красноярского городища [Перерва и др., 2010, 2011].

Еще одно обстоятельство, которое могло привести к смерти детей в Царевском городище, это распространение инфекций специфического и неспецифического характера. Выявленные признаки воспалительных процессов на костях черепа со стороны эндокрана и на костях посткраниального скелета, характерны для всех трех выделенных возрастных групп, что свидетельствует об одинаковой степени подверженности данным заболеваниям детей. Плохая санитарная обстановка, высокая скупенность и контактность населения, особенности питания городских жителей Золотой Орды могли приводить к возникновению инфекций и эпидемий.

В заключении следует отметить, что изучение индикаторов стресса на костных останках детей перспективно, так как дети относятся к той группе населения, которая быстрее всего реагирует на любые негативные изменения образа жизни и окружающей среды. Это могут быть миграции, смена традиционного уклада жизни, пищевой стратегии популяции и климата, увеличение плотности населения и многие другие факторы. Поэтому большинство маркеров эпизодического и генерализованного стресса, которые фиксируются на детском антропологическом материале, имеют комбинированный характер.

Литература:

Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Власти. Антрополого-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М., 2003.

Балабанова М.А., Перерва Е.В., Зубарева Е.Г. Антропология Красноярского городища золотоордынского времени. Волгоград, 2011.

Бужилова А.П. Оценка палеопатологических характеристик у древнерусского городского и сельского населения (в сравнительном аспекте) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993.

Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические исследования]. М., 1995.

Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.

Бужилова А.П., Медникова М.Б., Козловская М.В. Демографическая и социальная структура средневековой популяции // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж, 2002.

Бужилова А.П. Homo sapiens: История болезни / Ин-т археологии РАН. М., 2005.

Глухов А.А. Отчет о работе археологического отряда «Гюлистан» Волжского гуманитарного института Волгоградского государственного университета на территории Фроловского, Ольховского, Ленинского и Клетского районов Волгоградской области в 2006 году [т. 1]. 2007.

Перерва Е.В. Население сарматской эпохи по антропологическим материалам из могильников Нижнего Поволжья и Нижнего Дона // Автореферат диссертации на соискании ученой степени кандидата исторических наук. 2005.

Перерва Е.В. Маркеры стресса как индикаторы адаптации (по материалам золотоордынского могильника Маячный Бугор) // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях. Спб., 2009.

Перерва Е.В., Балабанова М.А. Палеодемография населения, погребенного в могильнике Вакуровский бугор // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы / Серия «политология и социология» № 1/3/2010.

Перерва Е.В., Кутуков Д.В., Балабанова М.А., Зубарева Е.Г. Вакуровский могильник Красноярского городища эпохи Золотой Орды (археология и антропология): монография. Волгоград, 2010.

Шульц М., Козак А.Д. Морфология и классификация следов менингеальных реакций на древних черепах (проблемы диагностики на примере средневековых популяций Киева) // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. М., 2008. Вып. 6.

Янкаускас Р.К. К антропологии средневекового города (на литовских палеоантропологических материалах) // *Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы*. 1993.

Brickley M., Ives R. Skeletal Manifestations of Infantile Scurvy // *American Journal of Physical Anthropology*. 2006. Vol. 129.

Brothwell D.R. *Digging up Bones* - London: Trustees of British Museum, 1995.

Facchini F., Rastelli E. Brasili P. Cribra orbitalia and cribra crani in Roman Skeletal Remains from the Ravenna Area and Rimini (I-IV Century AD) // *International Journal of Osteoarchaeology*. 1997. Vol. 7.

Fairgrieve S.I., Molto J.E. Cribra Orbitalia in Two Temporally Disjunct Population Samples From the Dakhleh Oasis, Egypt // *American Journal of Physical Anthropology*. 2000. № 111.

Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.L., Clark G. Indications of Stress from Bone and Teeth // *Paleopathology at the origins of agriculture*. Eds. Cohen M.N. and Armelagos G.L. Orlando, 1984.

Herskovitz I., Rothschild B.M., Latier B., Dutour O., Leonetti G., Greenwald Ch., Christine Rothschild, Jellema M.L. Recognition of Sickle Cell Anemia in Skeletal Remains of Children // *American Journal of Physical Anthropology*. 1997. № 104.

Lewis M.E. Endocranial Lesions in Non-adult Skeletons: Understanding their Aetiology // *International Journal of Osteoarchaeology*, 2004. Vol. 14.

Lewis M.E., Roberts Ch. Crowing Pains: the Interpretation of Stress Indicator // *International Journal of Osteoarchaeology*, 1997. Vol. 7.

Maat G.J.R. Scurvy in Adults and Youngsters: the Dutch Experience. A Review of the History and Pathology of a Disregarded Disease // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2004. № 14.

Melikian M., Waldron T. An Examination of Skulls from Two British Sites for Possible Evidence of Scurvy // *International Journal of Osteoarchaeology*, 2003. Vol. 7.

Ortner D.J., Putschar W.G.J. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. Washington, 1981.

Ortner D.J., Erickson M.F. Bone Changes in the Human Skull Probably Resulting from Scurvy in Infancy and Childhood // *International Journal of Osteoarchaeology*. 1997. Vol. 7.

Pietrusewsky M., Douglu M.T. Intensification of Agriculture at Ban Chiang: Is There Evidence from the Skeletons? // *Asian Perspectives*, 2002. Vol. 40. No.2.

Piontek J., Kozlowski T. Frequency of Cribra Orbitalia in the Subadult Medieval Population from Gruczno, Poland // *International Journal of Osteoarchaeology*, 2002. Vol. 12.

Stuart-Macadam P. Porotic hyperostosis: Changing interpretations // *Human Paleopathology. Current Syntheses and Future Options*. Edited by Donald J. Ortner and Arthur C. Aufderheide / A Symposium held at the International congress Anthropological and Ethnological Sciences Zagreb, Yugoslavia, 24-31 July 1988. W.; L., 1988.

The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology by Arthur C. Aufderheide & Conrado Rodriguez-Martin. United Kingdom, 1998.

Ubelaker D.H. Human skeleton; Anthropometry; Archaeology; Paleopathology; Methodology. Chicago, 1978.

Таблица 1. Возрастные особенности золотоордынских детских серий Красноярского городища

Возрастные когорты	Суммарная серия	
	n	%
Новорожденные от рождения до 10 дней	0	0%
Грудной возраст от 10 дней до 1 года	9	34,6%
Раннее детство 1-3 года	15	57,7%
Первое детство 4-7 лет	2	7,7%
Второе детство 8-12 лет	0	0%
Подростковый возраст 12-16 лет	0	0%

Таблица 2. Признаки воспалительных процессов на черепе и костях посткраниального скелета

Количество индивидов	Суммарная серия 26		Грудной возраст всего 9		Раннее детство всего 15		Первое детство всего 2	
	n	%	n	%	n	%	n	%
Признаки								
Свод черепа / гиперостоз	13	59,1	5	62,5	8	66,7	0	0
Глазница: внутренняя латеральная область	9	40,9	4	50	5	41,7	0	0
Scriba orbitalia	15	68,2	5	62,5	11	91,7	1	50
В.ч. Задняя подглазничная часть	13	59,1	4	50	7	58,3	2	100
Скуловые кости: внутренняя поверхность	8	36,34	3	37,5	4	33,3	1	50
Подорбитальные отверстия	11	50	3	37,5	7	58,3	1	50
Альвеолярные отростки верхняя челюсть	10	45,4	3	37,5	5	41,7	2	100
Альвеолы изнутри	11	50	3	37,5	6	50	2	100
Клиновидные кости	12	54,5	4	50	6	50	2	100
Височная кость вокруг слух прохода.	6	27,3	4	50	2	16,7	0	0

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В АРХЕОЛОГИИ

Твердое небо	9	40,9	3	37,5	5	41,7	1	50
Воспаление Dura matter	2	9,1	1	12,5	0	0	1	50
Локальные гематомы череп [внутренняя поверхность]	12	54,5	3	37,5	7	58,3	1	50
Коронаидные отростки внутренняя часть Н/ч	14	63,6	4	50	8	66,7	2	100
Альвеолярные отростки Н/ч	12	54,5	4	50	7	58,3	1	50
Альвеолы изнутри Н/ч	14	63,6	4	50	8	66,7	1	50
Пороз на диафизах	16	80	6	85,7	9	75	1	100
Лопатка область Supra spinous fossa	6	30	3	42,9	3	25	0	0
Лопатка область Infra spinous fossa	4	20	2	28,6	2	16,7	0	0
Ребра	8	40	4	57,1	3	25	1	100
Метафизы дл./к. [пороз]	16	80	6	85,7	9	75	1	100
Эпифизы дл./к. [пороз]	2	10	2	28,6	0	0	0	0

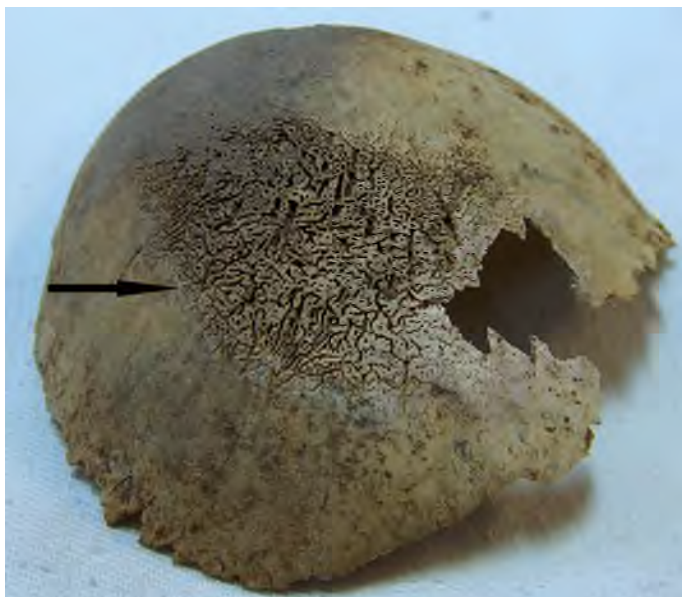

Рис. 1. Поротический гиперостоз костей свода черепа

Рис. 2. Следы разреженности костной ткани, локализирующиеся в области пальцевидных вдавлений

Рис. 3. Следы воспаления надкостницы на нижней челюсти ребенка из погребения № 14

Яворская Л.В.

ОСОБЕННОСТИ ЗАПОЛНЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ НАПЛАСТОВАНИЙ
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА УКЕК ПО АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИМ
МАТЕРИАЛАМ ИЗ РАСКОПОК 2008–2012 ГОДОВ*

Основные археологические исследования на городище Увекское, расположенном на окраине г. Саратова и являющемся остатками золотоордынского города Укек проходили на рубеже XIX и XX веков усилиями сотрудников Саратовской ученой архивной комиссии. После того, как в советский период городище оказалось почти полностью застроено, археологические работы на нем возобновлялись лишь эпизодически. Исследования памятника позволили наполнить музейные фонды прекрасными археологическими материалами. Однако массовый материал, такой, например, как кости животных, никогда специально не исследовался. Экспедицией Саратовского областного музея краеведения археологические раскопки на городище проводятся с 2005 года. Поскольку памятник практически полностью располагается под современными строениями, раскопки ведутся небольшими площадями на возможных для этого местах. Археозоологические коллекции, то есть коллекции костей животных с каждого раскопа невелики – от 80 до 6000 фрагментов. Однако их рассмотрение в археологическом контексте и с хронологическими привязками позволяет делать некоторые заключения о специфике заполнения культурных напластований города в разных его частях по культурно-хронологическим горизонтам.

Имеющиеся коллекции и их культурно-хронологическая атрибуция. Раскоп № 2 (2008–09 гг.) расположен в северо-западной части городища. Культурный слой на этом участке датируется 1320–60 гг., а археозоологические коллекции состоят из 2 комплексов в соответствии с археологическим контекстом: 1. Заполнение жилища № 2 – «жилище ювелира» составляет 80 фрагментов; 2. Коллекция из раскопок гидротехнического сооружения – из 139 фрагментов.

Раскоп № 3, заложенный в центральной части городища, имеет два культурно-хронологических горизонта: нижний горизонт соответствует 1270–1290-м годам (слой нижний), верхний – от начала XIV века до 1330 годов (слой

* Работа выполнена в рамках научного проекта РФФИ (конкурс 2013-ОФИ-м).

верхний). С этими горизонтами связано и заполнение хозяйственных ям, других объектов раскопа. По археологическим данным культурные напластования обоих горизонтов связываются с функционированием русской общины в золотоордынском городе. Общий объем коллекции 6143 фрагмента.

На раскопе № 4, расположенном также в центральной части городища, выделен слой 1270–90-х годов, так же, как и на раскопе № 3, связанный с жизнью русского населения. Выше этого слоя обнаружены остатки монументальной постройки XIV века, уже не связанной с жизнью русского населения. Коллекция составила 3101 фрагмент.

Методика археозоологического исследования. С 2008 г. остеологические коллекции Увекского городища исследовались автором данной работы и фиксировались по современной методике, разработанной в лаборатории естественнонаучных методов в археологии ИА РАН [Антипина, 2004а; 2004б]. На количественном уровне обычно анализируются: естественная сохранность костных фрагментов, их таксономическая принадлежность, иногда анатомическая структура. По современным методикам оценивается возраст животных, выявляются патологии. Фиксируются разнообразные следы искусственного воздействия на кости: следы погрызов хищниками и грызунами, следы огня и воздействия высокой температуры, следы разрубов и надрезов лезвием ножа. Измеряется также объем (в куб. дм), остеологического материала из каждого археологического объекта. Этот параметр используется для оценки степени раздробленности костей, делением общего числа костей в конкретной выборке на занимаемый ими объем. Итоговый показатель – индекс раздробленности (ИР), указывающий на то, сколько обломков данной коллекции могли бы заполнить собой объем в 1 дм³.

Результаты и обсуждение. Небольшие коллекции костей животных с объектов раскопа № 2 дают лишь самое общее представление о заполнении культурных напластований памятника в XIV веке. Обе коллекции определены примерно на 87%. Индекс раздробленности варьирует в пределах 19–24 фрагментов в 1 дм³, что считается невысоким показателем и может быть связано с кухонным дроблением. Естественная сохранность фрагментов невысокая, по большей части 3, реже 2 балла, по пятибалльной шкале. Это означает, что не для всех костных остатков можно достоверно зафиксировать следы искусственного воздействия. На гидротехническом сооружении сохранность костных фрагментов весьма невысокая из-за активного воздействия воды, которое обнаруживается на 70% костных остатков из этой небольшой коллекции. На объекте «жилище ювелира» сохранность фрагментов несколько выше. Возможным оказалось зафиксировать как искусственное дробление костей (34 фр.), так и разрубы острым краем металлического орудия (4 фр.). На 9 фрагментах хорошо фиксируются следы пребывания в огне, цвет фрагментов черный. По-видимому, жилище после прекращения функционирования стояло заброшенным, заполнялось культурным слоем, который в городах обычно наполнен «кухонными» отбросами. В водораспределитель кости из культурного слоя попали еще во время его функционирования, поскольку на более чем половине костей отмечены следы длительного воздействия воды.

Таблица 1. Таксономический состав коллекций костных фрагментов раскопа № 2 Увекского городища

Категории костных остатков / Объекты	ВСЕГО (шт.)	Неопределимые кости млекопитающих (шт.)		Определимые (шт.)							
		Крупных	Средних	КРС	Лошадь	МРС	Собака	Птица	Рыба	Всего	%
«Жилище ювелира» (2008 г.)	80	7	3	25	8	33	-	1	3	70	87,5
Водораспределитель (2009 г.)	139	13	5	55	11	51	4	-	-	121	87,0

Основные классы и виды животных обычны для городских памятников средневековья степной зоны и характерны для всего Нижнего Поволжья. Обсуждать соотношения тех или иных таксонов не представляется возможным из-за малочисленности коллекций.

Коллекции раскопов №№ 3 и 4 более представительны, чем предшествующие. Они позволили получить много новых сведений, связанных с функционированием золотоордынского города и русской общины в нем.

Таблица 2. Общие сведения об остеологической коллекции раскопа № 3 Увекского городища (2010–2011 гг.)

Объекты	Неопределимые		Определимые		Индекс раздробленности	Объем (дм ³)
	Крупных млекопитающих	Средних млекопитающих	Всего определенных	Доля определенных (%)		
Слой верхний	11	10	152	87,9	17,3	10
Слой нижний	31	35	464	87,5	21,2	25
Яма 7 верхние слои	8		55	87,3	12,6	5
Яма 7 средние слои	49	130	834	82,3	27,3	37
Яма 7 – нижние слои	2	1	62	95,4	28,2	2,3
Яма 8	3	2	73	93,6	33,9	2,3
Здание 2	273	595	2558	74,6	55,21	62
Здание 1	35	84	275	69,8	30,3	13
Перемешанные слои	95	36	271	67,4	77,3	5,2
ВСЕГО	507	893	4744	77,2	37,9	162

Наиболее наполненными оказались культурные слои, относимые ко времени функционирования русской общины, то есть к 1270–90-м годам: «слой нижний», слои заполнения ямы 7 «середина» и «низ», а также слой заполнения здания 2. Костный материал из указанных объектов определяется на 74–82%. Сильно раздроблены только фрагменты, заполнявшие здание 2 – 55 фрагментов в 1 дм³, в остальных случаях раздробленность невысокая – 12–33 фрагмента в 1 дм³ и вся в пределах «кухонной» – 10–70 фрагментов в 1 дм³ [Антипина, Моралес, 2008].

Таблица 3. Таксономический состав остеологической коллекции раскопа № 3 городища Увекское (2010–2011 гг.)

	КРС	Лошадь	МРС	Сви-нья	Верблю-д	Собака	Копка	Заяц	Мелк млек.	Птицы	Рыбы	Всего
Слой верх-ний	50		97	1	1	1				1	1	152
Слой ниж-ний	94	7	338			1			1	4	19	464
Яма 7 верх	21		34									55
Яма 7 сере-дина	110	11	624			4	24		1	18	42	834
Яма 7 - низ	21	0	38							2	1	62
Яма 8	13	1	51							4	4	73
Здание 2	349	12	1975	9		1	96	1	4	19	91	2557
Здание 1	80	2	184	3		2				4	0	275
Пере-ме-шанный слой	69		189	8						3	2	271
ВСЕГО	807	33	3530	21	1	9	120	1	6	55	160	4743
%	17,0	0,7	74,4	0,4	0,02	0,2	2,5	0,02	0,1	1,2	3,4	100,0
% домашних копыт-ных	18,4	0,8	80,4	0,5								100,0

Таксономический состав обычен для городов золотоордынского периода Нижнего Поволжья. Среди домашних копытных количественно преобладают кости мелкого рогатого скота (74,4%), вторую позицию занимают остатки

крупного рогатого скота (17%). Доли остальных домашних копытных – лошади, свиньи и верблюда весьма невелики (0,7%; 0,4%; 0,02% соответственно). Кроме копытных, из домашних млекопитающих на исследуемом участке памятника присутствуют еще кости собак и кошек (0,2 и 2,5%), из диких – зайца (0,02%), из комменсалов – грызунов (0,1%). Доля костей птиц и рыб невелика (1,2 и 3,4% соответственно). В остеологическом спектре мясных домашних копытных решительно преобладают кости мелкого рогатого скота (74,4%).

Раскоп № 4, расположен в той же части городища в непосредственной близости от раскопа № 3.

Таблица 4. Общие параметры остеологической коллекции раскопа № 4 2012 года городища Увекское

Параметры Объекты	Всего	% определимых	Неопределимые млекопитающих		Объем (дм ³)	Индекс Раздроблен- ности
			Крупных	Средних		
Слой	1410	73,3	121	256	29	48,6
Яма 10 верхние слои	889	77,1	94	110	19	46,8
Яма 10 нижние слои	600	72,5	50	115	10	60
Перемешанный слой	223	67,7	26	46	6	37,2
Металлург-й горн	20	85		3	0,9	22,2
Всего	3142	73,9	291	530	65	48,41

Общее количество костных фрагментов в данной коллекции составляет 3142, определимых – примерно 74%. Индекс раздробленности в данной коллекции варьирует в пределах от 46 до 60 обломков в 1 дм³, в среднем – 48 фрагментов в 1 дм³ (таблица 4). Такая раздробленность несколько выше, чем на соседнем участке (38 фр. в 1 дм³ – на раскопе № 3), но, тем не менее, укладывается в пределы «кухонной». Единственный объект, в котором раздробленность низкая – 22 фр. в 1 дм³, а определимость высокая – 85% – металлургический горн (таблица 4), внутри которого, действительно, оказались преимущественно целые кости. Важно отметить, что следы металлургического шлака, которые в изобилии отмечены на костях из горна, встречаются и на костных фрагментах из нижних слоев ямы 10. Не исключено синхронное их заполнение или очень близкое по времени.

Таблица 5. Таксономический состав остеологической коллекции раскопа № 4 городища Увекское (2012 г.)

	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	Осел	Собака	Кошка	Зяц	Грызуны	Птицы	Рыбы	Всего
Слой	185	14	781			9	1	2	1	3	37	1033
Яма 10 ерхние слои	151	5	514		1	2	1			2	9	685
Яма 10 нижние слои	60	3	356			1				4	11	435
Переме- шанные слои	61	2	80	5						2	1	151
Метал- лургич-й горн			17									17
ВСЕГО	457	24	1748	5	1	12	2	2	1	11	58	2321
%	19,7	1,03	75,3	0,2	0,04	0,5	0,06	0,09	0,04	0,5	2,5	100,0
% домаш- них ко- пытных	20,5	1,07	78,245	0,2								100,0

На данном раскопе почти тот же таксономический набор и спектр, что на раскопе № 3. Исключение составляет находка одной кости осли домашнего (таблица 5). Костей этого животного не было на раскопе № 3, но там встречена была кость верблюда. Доли всех таксонов в спектре очень похожи. Наиболее ранним объектом, функционировавшим на данном участке города, является металлургический горн. В его заполнении всего 17 костей, из которых 11 – это целые сочленяющиеся кости от нижней части правой передней конечности взрослой особи мелкого рогатого скота: одна пястная кость, две фаланги I, две фаланги II, две фаланги III, четыре сезамовидные кости. По-видимому, в объект попала нижняя, не мясная часть ножки животного в шкуре, поскольку сохранились мелкие сезамовидные косточки. Все кости пропитаны солями шлаков металлургического производства и возможно предположить некий ритуал, связанный с ножкой барана, которым завершили функционирование данного горна. Наиболее наполненными костными фрагментами оказались слои 1270–90-х годов, как и на раскопе № 3.

Таким образом, на настоящий момент для Увекского городища археозоологические коллекции XIV века оказались весьма невелики, а коллекции из слоев конца XIII века, связанные с жизнью русского населения, оказались весьма представительными. Это дает основание обсуждать в дальнейшем специфику заполнения лишь тех культурных напластований, которые связаны с жизнедеятельностью русских поселенцев в золотоордынском городе.

Таблица 6. Таксономический состав сводной остеологической коллекции из культурных напластований 1270–90-х гг. городища Увекское из раскопов № 3 и 4 (2010–2012 гг.)

	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	Верблюд	Осел	Собака	Кошка	Заяц	Грызуны	Птицы	Рыбы	ВСЕГО
Р.3. ² Слой верхний	50		97	1	1		1				1	1	152
Р.3 Слой нижний	94	7	338				1			1	4	19	464
Р.3 Яма 7 верх	21		34										55
Р.3 Яма 7 средн.	110	11	624				4	24		1	18	42	834
Р.3 Яма 7 низ	21		38								2	1	62
Р.3 Яма 8	13	1	51								4	4	73
Р.3 Здание 2	349	12	1975	9			1	96	1	4	19	91	2557
Р.4 Слой 1270–90-х гг.	185	14	781				9	1	2	1	3	37	1033
Р.4 Яма 10 верхние слои	151	5	514			1	2	1			2	9	685
Р.4 Яма 10 нижние слои	60	3	356				1				4	11	435
Р.4.Металлургический горн			17										17
Всего	1054	53	4825	10	1	1	19	122	3	7	57	215	6367
%	16,6	0,8	75,8	0,2	0,02	0,02	0,3	1,9	0,05	0,1	0,9	3,4	100,0
%	95,5								0,05	0,1	0,9	3,4	100,0
% домашних копытных	17,7	0,9	81,2	0,2									100,0

² Р.3 – раскоп 3. Р.4 – раскоп 4.

В совокупной коллекции решительно преобладают кости домашних животных (95,5%). Дикие животные – потенциальные объекты охоты, представлены 3 костными фрагментами лишь одного вида – зайца (0,05%) (таблица 6). От животных-комменсалов – грызунов обнаружено 7 костей (0,1%). Кости птиц в количестве 57 фрагментов пока не определены до вида. Поскольку совокупная доля птиц в остеологическом спектре данного участка города не превышает 1%, ясно, что важной роли в хозяйстве жителей они не играли. Доли всех упомянутых таксонов обычны для золотоордынских городов Нижнего Поволжья [Яворская, 2012а. С. 379].

Весьма удивительной для древнерусского населения, проживающего на большой реке, представляется невысокая доля рыбы в остеологическом спектре – 3,4%. В коллекциях средневековых городищ Нижнего Поволжья доля костей рыбы обычно колеблется в пределах от 8 до 28% [Яворская, 2012а. С. 379]. Исключение составляет лишь Царевское городище, где доля рыбы не достигает даже 1%. Наивысшая доля рыбы в остеологическом спектре среди нижеволжских средневековых городов зафиксирована на Водянском городище – 28%. Коллекция 2005 года с Водянского городища, о которой идет речь, происходит из раскопок по береговой линии, где в средневековье проживало древнерусское население [Яворская, 2012а. С. 379]. То есть, в хозяйстве и питании русских людей, проживавших в Золотой Орде, рыба занимала существенное место. Исходя из этого, довольно сложно подобрать объяснение такой низкой доле рыб в аналогичных слоях Увекского городища. Можно предположить, что эти кости плохо сохранились, но на самом деле сохранность костей на всех памятниках примерно одинаковая – 3–4 балла по пятибалльной шкале. В коллекциях костей рыб с разных памятников преобладают кости семейства осетровых, которые традиционно хорошо сохраняются в культурном слое.

В быту древнерусских жителей Увекского городища некоторую роль играли такие животные как собака (0,3%) и кошка (1,9%) (таблица 6). Кости кошки встречались преимущественно в виде целых скелетов и потому доля костей этого животного выше, чем доля собаки. Находки скелетов кошек связаны с ситуацией пожара 1290-х годов – животные пытались спрятаться от огня, забивались в небольшие пространства, щели, откуда их скелеты, впоследствии и извлекали археологи.

Среди домашних копытных встречены кости животных, которых специально на мясо в Золотой Орде не разводили. Это транспортные животные – верблюд и осел, от каждого из которых в коллекции имеется по 1 фрагменту. Эти находки показывают, что в Увек прибывали караваны транспортных животных, то есть горожане, в числе которых и русские, вели активную торговлю.

Среди домашних мясных млекопитающих доли в остеологическом спектре распределились следующим образом: первое место со значительным преимуществом занимает мелкий рогатый скот – 81,2%, затем – крупный рогатый скот (17,7%), далее – лошадь (0,9%), а последнее место занимает свинья (0,2%) (таблица 6). Следы «кухонного» воздействия на костях этих животных не оставляют сомнений в том, что это остатки мясной пищи, что, в свою очередь, позволяет разобраться в особенностях мясного потребления жителей русской общины Укека.

Остеологические спектры отличаются от спектров мясного потребления, поскольку разные виды домашних мясных животных имеют разные размеры и вес. Для вычисления вклада каждого вида в мясное потребление жителей необходимо сначала выявить средний вес этого животного в данной популяции. За весовую единицу выбирается обычно вес одной овцы, с которым сравнивается вес других видов домашних мясных животных. Это сравнение позволяет установить «коэффициент кратности», то есть во сколько раз больше или меньше весит животное конкретного вида по отношению к весу одной овцы. Для городских остеологических коллекций Поволжья золотоор-

дынского времени средние размеры домашних животных установлены еще В.И. Цалкиным и А.Г. Петренко [Цалкин, 1967; Петренко, 1984], а коэффициенты кратности вычислены мною [Яворская, 2012б]. Для популяции средневекового скота Нижней Волги приняты следующие коэффициенты (кратность веса туш): КРС – 6, лошадь – 5,5, свинья – 1.

Для того, чтобы представить специфику мясного потребления древнерусской общины Укека мы сравним его со сводными спектрами золотоордынских городов Нижнего Поволжья и древнерусского города. Для спектра мясного потребления древнерусского города используются коэффициенты кратности, которые вычислены для популяции древнерусского скота: КРС – 7, лошадь – 6, свинья – 1,2 [Антипина, 2005. С. 186].

Основную роль в мясном потреблении древнерусского населения золотоордынского Укека играла говядина – 55,3%, довольно близка к ней доля баранины – 42,1%. Доля лошади очень невелика – 2,5%, а доля свиньи ничтожна и не достигает даже 1%.

Сходство мясного потребления русской общины Укека и населения других городов Восточной Европы состоит в решающей роли говядины. На этом сходство заканчивается. Если для древнерусских городов второе место в мясном потреблении отведено конине (7,6%), третье – свинине (6,2%), то для городов Золотой Орды как XIII, так и XIV веков (Укек и золотоордынский город XIV века) на втором месте – баранина (42% и 23% соответственно). То есть, в древнерусских городах охотно потребляли конину и свинину, а русские жители Укека очень мало съедали мяса этих животных (2,5% и 0,1%), предпочитая баранину. Следует отметить, что доля баранины в спектре Укека более чем на 20% превышает ее долю в золотоордынских городах XIV века.

С чем можно связать особенности мясного потребления русских поселенцев Укека? Очень высокая, в сравнении с городами Золотой Орды XIV века, доля баранины на Укеке XIII века говорит о том, что к моменту появления русских переселенцев вокруг него еще не окончательно сложилась округа, то есть система поселений, где выращивали сельскохозяйственную продукцию и разводили крупный рогатый скот для поставок его мяса в город. Кочевая степь в этот период могла предложить в большом количестве лишь баранину, поскольку крупный рогатый скот использовался кочевниками для транспортных нужд, и его мясо поступало в пищу крайне редко. Возможно, что к 1270-м годам Укек уже образовал некоторую сельскохозяйственную округу, но, скорее всего, она была невелика, и мясо МРС из кочевой степи было большим подспорьем для прокорма горожан.

Лошадь также была важнейшим транспортным животным в Золотой Орде, и в XIII веке еще не появилось специализированных хозяйств, выращивающих лошадей на продажу, как это отмечается в текстах XIV века, в частности – у Ибн Баттуты. Свиней, по-видимому, содержали где-то в ближней округе города, но в очень небольших количествах. На сельском поселении Багаевское вблизи Укека, основание которого датируется последним десятилетием XIII века, доля свинины в спектре мясного потребления – 0,75%, то есть, выше, чем на всех синхронных городских памятниках Нижнего Поволжья – около 0,1% [Яворская, 2012а]. На подобных поселениях свиней выращивали, но преимущественно на них же и употреблялось их мясо. То есть, ско-

рее всего, русские поселенцы Укека не содержали свиней в своих городских усадьбах, поскольку доля этого животного и в остеологических спектрах и в мясном потреблении крайне мала.

Очень невысокая доля птицы (около 1%), меньшая, чем обычно в городах Золотой Орды (около 2%), свидетельствует о том, что и домашнюю птицу вряд ли разводили в каждой усадьбе. В случае разведения домашней птицы на поселении ее доля в остеологическом спектре была бы существенно выше. На уже упомянутом Багаевском селище ее доля составляет 3,5%, преобладают кости домашней курицы [Яворская, 2012a].

Очень невысокая доля рыбы (3,5%) у русского населения Укека, в сравнении с районами проживания русских переселенцев в других местностях золотоордынского Нижнего Поволжья – русским поселком Водянского городища, где доля рыбы составляет 28%, показывает, что русские поселенцы Увекского городища очень мало промышляли рыбной ловлей, рыба не была важнейшим дополнительным источником белка для данного населения.

Традиционно для горожан средневековой эпохи дополнительным источником белковой пищи могла быть охота. Однако в культурных слоях, оставленных русской общиной Укека встречены весьма немногочисленные кости лишь одного вида промысловых животных – зайца. Доля его в остеологическом спектре не достигает даже 1%.

Все эти данные в совокупности показывают, что имеющихся поставок мяса крупного и мелкого рогатого скота было вполне достаточно для полноценного питания горожан, дополнительных промыслов по добыче белковой пищи не требовалось. Это, в свою очередь, означает, что русские люди поселились хоть и в раннем, но вполне развитом золотоордынском городе, вели полноценный городской образ жизни, что указывает на высокий статус общины внутри городского сообщества, а, возможно, и государства в целом.

Литература:

Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. М., 2004а.

Антипина Е.Е. Археозоологические материалы // Кургалы. Т. III. М., 2004б.

Антипина Е.Е. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. М., 2005.

Антипина Е.Е., Моралес А. Археозоологический подход к изучению устройства общества: кости животных из двух поселений горняков и металлургов восточной и западной окраин Европы // Археология, этнология и антропология Евразии. № 3 (27). Новосибирск, 2006.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.

Цалкин В.И. Домашние животные Золотой Орды // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологии. М., 1967. Т. LXXII (1).

Яворская Л.В. Традиции оседлого населения золотоордынского Нижнего Поволжья в мясной диете (по археозоологическим материалам) // Материалы III международной конференции «Кадырбаевские чтения-2012». Актобе, 2012а.

Яворская Л.В. Костные останки животных из раскопа СLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. № 1. 2012б.

ВИТАЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДЕМКИН
(23.02.1952 – 27.07.2013)

Ушел из жизни Виталий Александрович Демкин.

Трудно передать, какой болью отозвалась эта весть в сердцах его близких, друзей, коллег, просто людей, которые хотя бы немного знали этого человека. Нет, этого не может быть..., это какое-то недо-разумение..., как... Разум отказывался связать воедино эти два слова: Смерть и В.А Демкин. Так много доброты, света, энергии нес он с собой, так много человечности и любви к жизни было в нем. Наверное, поэтому долго еще в нашей душе останется пустота и холод там, где раньше был наш Виталий Александрович.

С чем связаны такая любовь и такое уважение, которыми совершенно заслуженно пользовался Виталий Александрович? Ответ на этот вопрос следует искать в далеком прошлом, когда только складывалась личность этого человека, когда происходило осознание им своего призвания, своего пути. Одним словом, когда совсем еще юный аспирант Демкин приехал в степь, которая стала его научным домом. Хотя нет, наверное, еще раньше, когда студент факультета почвоведения МГУ Виталий Демкин познакомился со студенткой МГУ Таней Песочинной (широко известным сейчас почвенным микробиологом Т.С. Демкиной) которая стала единственной его огромной любовью и судьбой, наполнив его жизнь счастьем, заботой и нежностью, и подарив ему прекрасную дочь. Но это будет потом, а тогда жарким летом 1975 года, Игорь Васильевич Иванов привез в Джаныбекскую степь своего ученика, аспиранта Института агрохимии и почвоведения АН СССР Виталия Демкина. Вот тогда Виталий Александрович впервые увидел степь, увидел курганы. Степь,

курганы и почвы – вот три слова, которые означали для Виталия Александровича больше чем для кого-либо другого – это была его жизнь.

Пожалуй, именно такого исследователя ждали и степные курганы. Исследователя, который подошел бы к ним, вооруженный не только лишь знанием почвоведения, пусть даже очень глубоким, но еще и пониманием археологии с искренней любовью к этой науке. Для него невозможно было прожить год без археологической экспедиции, без курганов и погребений, без этого прикосновения к вечности, к тайне, к загадкам, которые хранили в себе степные пирамиды, и, конечно же, без погребенной почвы, которую Виталий Александрович превратил в неиссякаемый источник информации о природной среде прошлых эпох. Но мы опять немного забегаем вперед.

А тогда, в конце семидесятых, мало кто понимал, чем и зачем занимаются эти трое из Института агрохимии и почвоведения – И.В. Иванов, С.В. Губин и В.А. Демкин. Что они там смотрят под курганами и почему не решают народно-хозяйственные вопросы, обозначенные на очередном пленуме ЦК? И здесь потребовалось немало мужества и целеустремленности, чтобы остаться до конца верным своему призванию. Но изменить курганам, изменить степи, поменять на что-то другое эту неповторимую атмосферу экспедиции, тайны курганов, азарт научного поиска, запах костра и загорелые лица друзей Виталий Александрович уже не мог. И награда за верность не заставила себя ждать: в 1983 году В.А. Демкин защищает кандидатскую диссертацию, а через 10 лет, в 1993 году – докторскую. Однако мы опять спешим.

Наверное, именно тогда, в конце 70-х – 80-х годах окончательно сформировался Виталий Александрович как ученый и человек. Именно тогда стали видны те стороны характера, благодаря которым с ним всегда было легко, интересно и приятно работать и отдыхать. Виталий Александрович обладал неутомимой энергией и целеустремленностью, это проявлялось во всем, начиная от ненасытной жажды знаний, вылившейся в колоссальную эрудицию и мощный интеллектуальный потенциал, и кончая нешуточными футбольными баталиями вечерней порой на полынных просторах Поволжья, о которых до сих пор помнит старшее поколение археологов.

Но самое удивительное, что такая кипучая энергия и целеустремленность всегда оставались абсолютно позитивными и светлыми, что в этой жизни встречается крайне редко. Просто Виталий Александрович был добрым и честным человеком. И люди чувствовали эту доброту и честность, и тянулись к нему. Совершенно разные люди: это и маститые ученые на крупных научных форумах и студенты-практиканты в археологических экспедициях. В наш стремительный и жесткий век, когда мысли человека все больше занимают карьера и материальное благополучие, эти два качества – доброта и честность – кажутся немного старомодными, ненужными, а порою и просто лишними и мешающими. Но это не про него. Никогда и никто не сможет обвинить его в поступках низких и корыстных, в предательстве, подлости, лжи. И это вдвойне удивительно, принимая во внимание, что Виталий Александрович вовсе не был отшельником в пустыне, а занимал пост заместителя директора академического института, в создании которого он принимал самое непосредственное участие и по долгу службы управлял крупным научным коллективом.

И здесь Виталий Александрович проявил себя как талантливый администратор, сумевший создать в коллективе института весьма комфортную научную атмосферу. Каждый день к нему приходили люди со своими проблемами и заботами, и для каждого у Виталия Александровича находилось доброе слово, совет, участие. Наверное, это называется мудрость – когда доброта и знание умножаются на прожитые годы, опыт, терпение и веру в людей. Именно таким Виталий Александрович оставался до конца.

Но это будет потом, а тогда, в 90-е его научный потенциал рос и развивался как снежный ком. Исключительная внутренняя организованность, мощная научная база, уникальные объекты изучения – на работе, и дружная любящая семья – дома, все это предопределило бурный рост В.А. Демкина как исследователя. Сотни публикаций, десятков монографий, имя, равно широко известное как среди почвоведов, так и среди археологов всей страны, все это пришло к нему в свое время и по праву. А с выходом в свет в 1997 году его монографии «Почвоведение и археология» о В.А. Демкине стали говорить как об основателе нового междисциплинарного научного направления – археологического почвоведения.

Настоящий расцвет научного таланта Виталия Александровича Демкина пришелся на начало двухтысячных, когда по его инициативе была создана сначала группа, а в 2004 году – лаборатория археологического почвоведения ИФХиБПП РАН. Единственная в стране и в мире, как он любил повторять, лаборатория археологического почвоведения стала любимым детищем Виталия Александровича. К нему всегда тянулась молодежь, увлекаемая его научным потенциалом, оптимизмом, человеколюбием, искренностью и верой в людей, благодаря этому ему удалось сплотить вокруг себя дружный коллектив молодых исследователей, магистрантов, аспирантов, студентов. Лаборатория начала расти и развиваться, расширялся круг научных интересов, совершенствовалась методическая база, открывались новые области научного поиска. Разрабатывались концептуальные модели эволюции почв для ряда природных регионов, проводились реконструкции динамики климата в степной зоне, раскрывались сложные механизмы взаимодействия природной среды и древних обществ. Последние годы работы ознаменовались чрезвычайно интересными достижениями в изучении микробных сообществ погребенных почв и культурных слоев археологических памятников. Казалось, дорога открыта, перспективы для научного поиска широчайшие, за спиной поддержка дружного коллектива единомышленников, учеников, сильная материальная база, опыт, имя...

И вот эта черная весть... И пустота... И тонкая веточка степного керемека среди горы цветов...

Что тут еще сказать. Смерть всегда нелепа и страшна. В этот раз особенно. Может быть потому, что Ваше сердце билось для всех нас.

Светлая Вам память, Виталий Александрович.

Друзья и коллеги

Список сокращений:

АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи
АМА – Античный мир и археология. Саратов
АН – Академия наук
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭВО – Археологическая энциклопедия Волгоградской области
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВАК – Всероссийская аттестационная комиссия
ВГПИ – Волгоградский государственный педагогический институт
ВГПУ – Волгоградский государственный педагогический университет
ВДИ – Вестник древней истории
ВкА – Вестник антропологии
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАСО – Государственный архив Саратовской области
ГАУК СО – Государственное автономное учреждение культуры Саратовской области
ГБУК – Государственное бюджетное учреждение культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГУК НПЦ – Государственное учреждение культуры «Научно-производственный центр»
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДВДС – Древности Волго-Донских степей
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИИАП – Институт истории и археологии Поволжья
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИНВИК – Известия Нижне-Волжского института краеведения
ИСТАРХЭТ – Общество истории, археологии и этнографии
КСИА – Краткие сообщения института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
КЭАР – Конгресс этнографов и антропологов России

ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛОИИМК – Ленинградское отделение института истории и материальной культуры
МГУ – Московский государственный университет
МИАР – Материалы и исследования по археологии России
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
НВИК – Нижневолжский институт краеведения
НИАЛ – научно-исследовательская археологическая лаборатория
НИИ – научно-исследовательский институт
НИЧ – Научно-исследовательская часть
ОАК – Отчет Археологической комиссии,
ОблЦДЮТ – Областной центр детско-юношеского творчества
ОЛ – Открытый лист
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
СППИ – Саратовский государственный педагогический институт
СГСЭУ – Саратовский государственный социально-экономический университет
СГУ – Саратовский государственный университет
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа,
СОМК – Саратовский областной музей краеведения
СУАК – Саратовская губернская ученая архивная комиссия
СЭ – Советская этнография
ТВОНОК – Труды Нижнее-Волжского областного научного общества краеведения
Труды ОИАИЭ – Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете
ТСУАК – Труды Саратовской ученой архивной комиссии.
УЗ СГУ – Ученые записки СГУ
ФГАОУ ВПО – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ФГБУН – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ЭКМ – Энгельский краеведческий музей
BAR – British Archaeological Reports

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ НАУКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Каргин Ю.Ю.</i> Организация полевых археологических исследований на территории Волгоградской области в постсоветский период (1991–2002 гг.).....	5
<i>Мельник В.И.</i> Владимир Алексеевич Фисенко – исследователь эпохи бронзы Нижнего Поволжья	16
<i>Недашковский Л.Ф.</i> История изучения крупнейших золотоордынских городищ Нижней Волги и памятников их округи.....	23
<i>Сингатулин Р.А.</i> Увекское городище: подходы, разработка и ошибки исследований.....	32
<i>Скрипкин А.С.</i> О некоторых задачах и проблемах нижеволжской археологии.....	39
<i>Сулейманова Н.И.</i> Алексей Иванович Тереножкин – начало археологической деятельности	44

ЭПОХА КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА

<i>Андреев К.М.</i> Проблемы взаимодействия населения Нижней и Средней Волги в неолите (на основе анализа керамических комплексов)	50
<i>Барацков А.В.</i> Планиграфический и стратиграфический анализ распределения керамики стоянки Каиршак III.....	58
<i>Борисов А.В., Бухонов А.В., Гак Е.И., Плеханова Л.Н.</i> Инфраструктура катакомбного поселения Рыкань-3 в свете междисциплинарных исследований.....	66

<i>Бочкарев В.С.</i> Срубно-алакульская зона металлопроизводства эпохи поздней бронзы.....	75
<i>Быков В.Ю.</i> Новые археологические памятники в Аркадакском районе Саратовской области.....	84
<i>Выборнов А.А., Ластовский А.А., Малов Н.М.</i> Стоянки с кремневым инвентарем в окрестностях поселка Тавн-Гашун.....	94
<i>Захариков А.П.</i> Индустрии палеолитических слоев стоянки Непряхино: хронология и интерпретация	110
<i>Кольцов П.М.</i> Неолит Калмыкии.....	122
<i>Лапшин А.С.</i> Стратифицированные погребения покровской и срубной культур из курганов Волго-Донского региона	126
<i>Лопатин В.А.</i> О бесшипных дисковидных псалях покровского типа.....	135
<i>Малов Н.М.</i> Селище срубной культуры «Волжские дали» около села Пристанное	151
<i>Мельников А.Ю.</i> Каменные топоры Нижнего Поволжья эпохи палеометалла.....	157
<i>Мимоход Р.А.</i> Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье: содержание и дефиниции	167
<i>Моргунова Н.Л.</i> К вопросу о позднем этапе ямной культуры (по материалам Оренбургского Приуралья и Самарского Поволжья).....	180
<i>Наумов И.Н.</i> Факторы культурно-хозяйственных взаимодействий Восточно-Европейского степно-лесостепного населения в неолите и переходное к эпохе бронзы время.....	191
<i>Никитин А.П.</i> Псалии как хроноиндикатор в погребениях эпохи бронзы (по памятникам Центрального Черноземья).....	193
<i>Панасюк Н.В.</i> К вопросу о керамических традициях катакомбных памятников Нижнего Волго-Донья.....	198
<i>Ставицкий В.В.</i> Проблема происхождения прикаспийской культуры.....	205
<i>Федосов М.Ю.</i> Металлические ножи в погребениях среднедонской катакомбной культуры	212

Юдин А.И. Нижнее Поволжье в эпохи неолита и энеолита: состояние проблемы	218
---	-----

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Белицкий А.В. О происхождении и распространении мечей с дуговидными навершием и перекрестием.....	230
--	-----

Вагнер Е.В. Сарматские бронзовые зеркала из погребальных комплексов Заволжья.....	235
--	-----

Кривошеев М.В. Наборы клинкового вооружения из позднесарматских погребений	245
---	-----

Моисеев В.И. Раннесарматские курительницы в погребениях IV в. до н. э. (к проблеме раннесарматской миграции)	251
---	-----

Петров П.А. Клинковое оружие среднесарматского времени в Нижнем Поволжье.....	256
--	-----

Политович Ю.Б. «Скифские» олени в Нижнем Поволжье.....	262
--	-----

Скрипкин А.С., Ким М.Г. Новоузенские курганы (к проблеме миграции южноуральских кочевников в Нижнее Поволжье в IV веке до н. э.).....	271
---	-----

Соколов П.М. К проблеме типологии и хронологии сарматского клинкового оружия	281
---	-----

Хреков А.А. Опыт реконструкции этно-исторических процессов первых веков н. э. на территории лесостепного Прихоперья	288
--	-----

Яблонский Л.Т. Курган-святилище могильника Филипповка 2, роль и место животных в погребальном обряде	305
---	-----

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Афоньков Н.Н., Кубанкина О.А. Литейные формы с Увекского городища из коллекции Саратовского областного музея краеведения.....	312
---	-----

Бабенко В.А. Католическая кафедра в Маджаре по данным письменных источников.....	322
---	-----

Волков В.А., Малышев А.Б., Тугушев П.Е. Характеристика хозяйственных занятий жителей золотоордынского поселения «Шумейка»	327
--	-----

<i>Глухов А.А.</i> Золотоордынские комплексы, исследованные на территории с. Царев в 2011 году (к вопросу о границах Царевского городища).....	338
<i>Доде З.В.</i> Китайский цилиндр в системе монгольской имперской символики.....	348
<i>Калменов М.Д.</i> Печь для обжига извести на городище Жайык.....	357
<i>Кияшко Я.А.</i> К вопросу о характере поселения Суворовское I.....	363
<i>Кубанкин Д.А.</i> Мордовское население на золотоордынских памятниках правобережья Саратовской области.....	369
<i>Малов Н.М., Пилипенко С.А., Сергеева О.В.</i> Погребение золотоордынского писца с берестяной книжечкой около сел Подгорное – Терновка.....	382
<i>Масловский А.Н.</i> Жилища с канами в золотоордынском Азаке как следствие миграции населения из городов Нижнего Поволжья.....	397
<i>Мыськов Е.П.</i> Система престолонаследия в Золотой Орде во второй половине XIII – начале XIV в.....	405
<i>Обухов Ю.Д., Савенко С.Н.</i> Посуда и иные предметы обихода из цветного металла с бытовых памятников Ставрополя золотоордынской эпохи.....	414
<i>Пачкалов А.В.</i> О локализации средневековых торговых путей между Нижним Поволжьем и Северным Кавказом.....	423
<i>Пигарев Е.М.</i> Красноярское городище (или снова о двух золотоордынских столицах).....	428
<i>Попов П.В.</i> К вопросу об обоснованности выделения признаков буддийской погребальной практики в захоронениях золотоордынского времени.....	434
<i>Прокофьев Р.В.</i> К оценке примерной продолжительности жизни славянского поселения «Полное» на Нижнем Дону.....	439
<i>Савельев Н.И.</i> «Каменный курган» в центре Царева. По материалам раскопок 1843–1844 годов на Царевском городище.....	450

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В АРХЕОЛОГИИ

<i>Аникеева О.В., Яблонский Л.Т.</i> Находки из камня могильника Филипповка 2 (по данным естественно-научных методов)	459
<i>Балабанова М.А., Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Коробкова Е.А., Кривошеев М.В., Перерва Е.В.</i> Погребальная обрядность сарматского населения Нижнего Поволжья (половозрастной аспект)	468
<u>Демкин В.А.</u> , <i>Демкина Т.С., Ельцов М.В., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Кузнецова Т.В., Удальцов С.Н., Хомутова Т.Э.</i> Почвенно-археологические исследования в Нижнем Поволжье: история, основные результаты, перспективы.....	480
<u>Демкин В.А.</u> , <i>Демкина Е.В., Демкина Т.С., Каширская Н.Н., Хомутова Т.Э.</i> Почвенно-микробиологические исследования курганов Нижнего Поволжья.....	490
<u>Демкин В.А.</u> , <i>Демкина Т.С., Ельцов М.В., Кузнецова Т.В., Удальцов С.Н.</i> Эволюция почвенного покрова и динамика климата сухих степей Ергенинской возвышенности в сарматскую эпоху.....	498
<u>Демкин В.А.</u> , <i>Каширская Н.Н., Хомутова Т.Э.</i> Микробная биомасса подкурганых палеопочв Северных Ергеней среднесарматского времени (I в. н. э.).....	508
<i>Евтеев А.А.</i> Грунтовый могильник у разъезда «Ивановский»	514
<i>Зайков В.В., Зайкова Е.В., Яблонский Л.Т.</i> Изучение состава древних золотых изделий из бассейна реки Урал.....	528
<i>Ильина О.А.</i> Кости животных в золотоордынских погребениях Волго-Донского региона	543
<i>Курфтерин В.В., Нечвалода А.И.</i> Краниологические материалы срубной культуры из Смеловского грунтового некрополя (Саратовское Поволжье).....	546
<i>Перерва Е.В.</i> Патологические отклонения на костных останках детей из грунтового могильника Царевского городища золотоордынского времени.....	557
<i>Яворская Л.В.</i> Особенности заполнения культурных напластований золотоордынского города Укек по археозоологическим материалам из раскопок 2008–2012 годов.....	569

Виталий Александрович Демкин (23.02.1952 – 27.07.2013)	580
Список сокращений	583
Содержание	585
Сведения об авторах.....	591

Сведения об авторах:

Андреев Константин Михайлович – аспирант ПГСГА (Самара).

Аникеева Ольга Викторовна – ведущий научный сотрудник ГосНИИР (Москва).

Афоньков Николай Николаевич – член клуба военно-исторической реконструкции «Вечное небо» (Саратов).

Бабенко Виталий Александрович – специалист ГУП «Наследие» (Ставрополь).

Балабанова Мария Афанасьевна – кандидат исторических наук, доцент ВолГУ (Волгоград).

Барацков Алексей Валерьевич – аспирант ПГСГА (Самара).

Белицкий Александр Викторович – старший преподаватель ВолГУ (Волгоград).

Борисов Александр Владимирович – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ИФХиБПП РАН (Москва).

Бочкарев Вадим Сергеевич – старший научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Бухонов Александр Вячеславович – инженер ИФХиБПП РАН (Москва).

Быков Владимир Юрьевич – учитель истории СОШ с. Семёновка Аркадакского района (Саратов).

Вагнер Евгений Валерьевич – аспирант ВолГУ (Волгоград).

Волков Владимир Александрович – кандидат исторических наук, сотрудник НПЦ при Комитете по охране культурного наследия Саратовской области (Саратов).

Выборнов Александр Алексеевич – доктор исторических наук, профессор ПГСГА (Самара).

Гак Евгений Игоревич – старший научный сотрудник, кандидат исторических наук ГИМ (Москва).

Глухов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Волжский гуманитарный институт (филиал) ВолГУ (Волгоград).

Демкин Виталий Александрович – доктор биологических наук, профессор ИФХиБПП РАН (Москва).

Демкина Елена Витальевна – научный сотрудник ИФХиБПП РАН (Москва).

Демкина Татьяна Сергеевна – старший научный сотрудник, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ИФХиБПП РАН (Москва).

Доде Звездана Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСЭГИ ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону).

Евтеев Андрей Алексеевич – младший научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ (Москва).

Ельцов Максим Витальевич – кандидат биологических наук, сотрудник ИФХиБПП РАН (Москва).

Зайков Виктор Владимирович – доктор геолого-минералогических наук, профессор ЮУГУ, гнс Института минералогии УрО РАН (Екатеринбург).

Зайкова Елизавета Владимировна – кандидат геолого-минералогических наук Института минералогии УрО РАН (Миасс).

Захариков Андрей Петрович – председатель Саратовской региональной общественной организации «Нижеволжское археологическое общество» (Саратов).

Золотарева Берта Николаевна – доктор с/х наук, сотрудник ИФХиБПП РАН (Москва).

Ильина Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент Камышинского технологического института (филиал ВолГУ) (Камышин).

Калменов Мурат Дабылович – центр истории и археологии ЗКО (Уральск).

Каргин Юрий Юрьевич – кандидат исторических наук, консультант Министерства по делам территориальных образований Волгоградской области (Волгоград).

Каширская Наталья Николаевна – кандидат биологических наук, сотрудник ИФХиБПП РАН (Москва).

Ким Михаил Гансович – сотрудник Вольского краеведческого музея (Вольск).

Кияшко Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор Южного Федерального университета (Ростов-на-Дону).

Клепиков Валерий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент ВолГУ (Волгоград).

Кольцов Петр Михайлович – доктор исторических наук, профессор Калмыцкого государственного университета (Элиста).

Коробкова Елена Алексеевна – старший преподаватель ВолГУ (Волгоград).

Кривошеев Михаил Васильевич – старший научный сотрудник, кандидат исторических наук ВолГУ (Волгоград).

Кубанкин Дмитрий Александрович – научный сотрудник СОМК (Саратов).

Кубанкина Олеся Анатольевна – научный сотрудник СОМК (Саратов).

Кузнецова Татьяна Васильевна – кандидат биологических наук, сотрудник ИФХиБПП РАН (Москва).

Куфтерин Владимир Владимирович – кандидат биологических наук, старший преподаватель БГПУ (Уфа).

Лапшин Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент ВГСПУ (Волгоград).

Ластовский Алексей Алексеевич – кандидат исторических наук, ПГСГА (Самара).

Лопатин Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Малов Николай Михайлович – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Мальшев Алексей Борисович – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Масловский Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий отделом археологии Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника (Азов).

Мельник Валерий Иосифович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела бронзового века Института археологии Российской академии наук (Москва).

Мельников Андрей Юрьевич – аспирант, младший научный сотрудник ЮФУ (Ростов-на-Дону).

Мимоход Роман Алексеевич – научный сотрудник ИА РАН (Москва).

Моисеев Владимир Иванович – научный сотрудник ВолГУ (Волгоград).

Моргунова Нина Леонидовна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России ОГПУ (Оренбург).

Мыськов Евгений Павлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник ВООО «Волго-Донское археологическое общество» (Волгоград).

Наумов Игорь Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ВолГТУ (Волгоград).

Недашковский Леонард Федорович – доктор исторических наук (Казань).

Нечвалода Алексей Иванович – младший научный сотрудник Института истории, языка и литературы УНЦ РАН (Уфа).

Никитин Александр Петрович – лаборант исторической информатики ВГУ (Воронеж).

Обухов Юрий Дмитриевич – директор МУК «Краеведческий музей села Прасковья» (Ставрополь).

Панасюк Наталья Викторовна – магистр истории, старший преподаватель РУДН (Москва).

Пачкалов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Фин. университета (Москва).

Перерва Евгений Владимирович – начальник научно-организационного отдела, кандидат исторических наук Волгоградского филиала РАНХиГС (Волгоград).

Петров Павел Алексеевич – научный сотрудник Волгоградского областного краеведческого музея (Волгоград).

Пигарев Евгений Михайлович – кандидат исторических наук, директор Историко-культурного центра «Сарай-Бату» (Астрахань).

Пилипенко Сергей Алексеевич – преподаватель СГГА (Новосибирск).

Плеханова Людмила Николаевна – старший научный сотрудник, кандидат биологических наук ИФХиБПП РАН (Москва).

Полидович Юрий Богданович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник областного краеведческого музея (Донецк).

Попов Павел Владимирович – сотрудник министерства культуры Астраханской области (Астрахань).

Прокофьев Роман Викторович – специалист-археолог ООО «Археологическое общество Кубани» (Ростов-на-Дону).

Савельев Никита Игоревич – старший лаборант Института Археологии РАН (Москва).

Савенко Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, директор ГБУК «Пятигорский Краеведческий музей» (Пятигорск).

Сергеева Оксана Владимировна – кандидат исторических наук, зав.экспозиционным отделом Энгельсского краеведческого музея (Энгельс).

Сингатулин Рустам Адыгамович – кандидат исторических наук, доцент ПИСГУ, зав. Лабораторией информационных технологий (Саратов).

Скрипкин Анатолий Степанович – профессор, доктор исторических наук ВолГУ (Волгоград).

Соколов Павел Михайлович – кандидат исторических наук, доцент Волжского Гуманитарного Института (филиал) ВолГУ (Волжский).

Ставицкий Владимир Вячеславович – кандидат исторических наук, профессор, доцент ПГУ (Пенза).

Сулейманова Нурия Ибрагимовна – директор краеведческого музея (Пугачев).

Тугушев Петр Евгеньевич – сотрудник НПЦ при Комитете по охране культурного наследия Саратовской области (Саратов).

Удальцов Сергей Николаевич – кандидат биологических наук, зав.лабораторией ИФХиБПП РАН (Москва).

Федосов Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук, специалист-археолог ООО «Кубаньохранкультура» (Краснодар).

Хомутова Татьяна Эуардовна – кандидат биологических наук, сотрудник ИФХиБПП РАН (Москва).

Хреков Анатолий Анатольевич – старший преподаватель Балашовского педагогического института СГУ (Балашов).

Юдин Александр Иванович – доктор исторических наук, зам. начальника отдела Комитета по охране культурного наследия Саратовской области (Саратов).

Яблонский Леонид Теодорович – доктор исторических наук, зав. отделом скифо-сарматской археологии Института археологии Российской академии наук (Москва).

Яворская Лилия Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент ВолГУ (Волгоград).

**КАФЕДРА ИСТОРИОГРАФИИ,
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

Уважаемые коллеги!

На кафедре историографии, региональной истории и археологии Саратовского государственного университета продолжается издание сборника «Археология Восточно-Европейской степи». Приглашаем Вас принять участие в этом издании. Редакционная коллегия принимает материалы для публикации по следующим темам:

- Новейшие исследования в археологии региона и проблемы охраны памятников
- Культуры каменного века и палеоэкология
- Культурогенетические процессы в эпоху энеолита – бронзы
- Варварская периферия античного мира
- Археология и история средневековья
- Этноархеологические исследования памятников российской колонизации

Нижнего Поволжья

- Памятники первобытного искусства
- История и историография археологии
- Новейшие методы в полевой археологии и междисциплинарных исследованиях

В сборник также принимаются оригинальные переводы исторических источников, касающиеся древней и средневековой истории Восточно-Европейских степей.

Комплектование выпуска сборника завершается 1 июня 2014 г.

Требования к оформлению статей

- Объем: до 1–1,5 п. л.
- Обязателен печатный и электронный варианты (по электронной почте) – в текстовом редакторе WORD, формат Word или RTF, шрифт – Times New Roman, кегль 14, полуторный интервал.

- Поля: верхнее 2 см, левое 3 см, нижнее 2 см, правое 1,5 см. Абзацный отступ 1,25.
- Инициалы и фамилия автора печатаются в правом верхнем углу.
- Иллюстрации входят в общий объем статьи и выполняются в отдельных файлах любого формата, поддерживаемого редактором Photoshop, (разрешением не менее 300 dpi), размещаются на листе формата А4 (до 7 экземпляров), с соответствующими подписями, номерами рисунков и ссылками на рисунки в тексте.

- Название статьи набирается заглавными буквами, выделяется жирным шрифтом и печатается по центру.

- Оформление ссылок – по правилам журнала «Российская Археология».

- В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация (кафедра, факультет, ВУЗ, учреждение, лаборатория, отдел и т. п.), контактный телефон, e-mail.

- Печатный экземпляр должен быть подписан автором.

Статьи можно направить по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, СГУ, Институт истории и международных отношений (Корп. 11), Кафедра историографии, региональной истории и археологии.

Ответственный редактор сборника: Лопатин Владимир Анатольевич, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии СГУ (моб. тел.: +79172148709). Ответственный секретарь сборника: Малышев Алексей Борисович, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии СГУ (моб. тел.: +79271036920 e-mail: ordynez @yandex.ru).

Телефон кафедры: 8(8452)210656.

Научное издание
АРХЕОЛОГИЯ
ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 10

Под редакцией *В.А. Лопатина*

Технический редактор *А.И. Жемков*
Оригинал-макет подготовил *А.И. Жемков*

Подписано в печать 10.09.2013. Формат 70x100^{1/16}
Бумага офсетная. Гарнитура Book Antiqua. Заказ №
Усл. печ. л. 48,05 (37,25). Уч.-изд. л. 31,38. Тираж 150 экз.

Типография ИП Беглакова Е.С.
г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 46